ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ДАТСКОГО ЯЗЫКА

Д. Б. Никуличева, Э. Б. Крылова, Е. А. Гурова

ANTHROPOCENTRIC GRAMMAR OF THE DANISH LANGUAGE

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Д. Б. Никуличева, Э. Б. Крылова, Е. А. Гурова

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ДАТСКОГО ЯЗЫКА

Монография

МАКС ПРЕСС

МОСКВА – 2024

УДК 811.113.4
ББК 81.2Дат
Н65

https://elibrary.ru/qwslle

Утверждено к печати ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института языкознания Российской академии наук

Рецензенты:
С. Н. Кузнецов – д-р филол. наук, профессор кафедры
общего и сравнительно-исторического языкознания
филологического факультета МГУ;
Т. В. Топорова – д-р филол. наук,
ведущий научный сотрудник сектора германских языков ИЯз РАН;
А. Н. Ливанова – канд. филол. наук, доцент кафедры скандинавской
и нидерландской филологии филологического факультета СПбГУ

Никуличева, Дина Борисовна.

Н65 **Антропоцентрическая грамматика датского языка :** монография / Д. Б. Никуличева, Э. Б. Крылова Е. А. Гурова ; под общ. ред. Д. Б. Никуличевой. – Москва : МАКС Пресс, 2024. – 416 с.
ISBN 978-5-317-07295-7
https://doi.org/10.29003/m4305.978-5-317-07295-7

Книга представляет читателям – когнитологам, типологам, скандинавистам, преподавателям датского языка и студентам, изучающим этот язык – новый опыт современного осмысления грамматического строя датского языка. Исследование выполнено в антропоцентрическом ракурсе, представляющем фигуру наблюдателя-говорящего в качестве системообразующего фактора. Целостный подход к исследованию роли малых слов в выражении коммуникативно-прагматических смыслов позволяет установить ряд закономерностей, организующих языковую ориентацию человека в пространстве, времени, коммуникации и нормах речевого этикета.

УДК 811.113.4
ББК 81.2Дат

Reviewers:
S. N. Kuznetsov – Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Department of General Linguistics, Faculty of Philology, Moscow State University;
T. V. Toporova – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher,
Sector of Germanic Languages, Institute of Foreign Languages, Russian Academy of Sciences;
A. N. Livanova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department
of Scandinavian and Dutch Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University

Dina Nikulicheva, Elvira Krylova, Elena Gurova

Anthropocentric grammar of the Danish language: monograph / Editor-in-Chief D. Nikulicheva. – Moscow: MAKS Press, 2024. – 416 p.
ISBN 978-5-317-07295-7
https://doi.org/10.29003/m4305.978-5-317-07295-7

The book presents to readers – cognitive scientists, typologists, specialists in Scandinavian studies, teachers and students of Danish – a new comprehensive approach to the grammar structure of the Danish language. The study is carried out from an anthropocentric viewpoint and systemically focusses on the observer-speaker perspective. A holistic study of small words in expressing communicative-pragmatic meanings establishes essential new patterns that organize a person's linguistic orientation in space, time, communication and norms of speech etiquette.

ISBN 978-5-317-07295-7

© Д. Б. Никуличева, Э. Б. Крылова Е. А. Гурова, 2024
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9

ВВЕДЕНИЕ 13
1. Антропоцентрический подход к явлениям языка 13
2. Датский язык как объект антропоцентрического анализа 17
2.1. Малое сообщество с плотной сетью социального взаимодействия 17
2.2. Аналитизм датской лингвопрагматики 21
2.3. Позиционность как инструмент датской лингвопрагматики 24
2.3.1. Позиционная структура датского предложения в лингвопрагматическом рассмотрении 27
2.3.2. Лингвопрагматическая обусловленность взаимного расположения разных коммуникативных типов сентенциальных наречий 28
2.3.3. Лингвопрагматическая обусловленность предфинитной позиции датского предложения 31
3. Датский язык и коммуникативная типология языков Пера Дурст-Андерсена 33
4. Антропоцентризм когнитивного конструирования мира и взаимодействие субъектных сфер 40

ЧАСТЬ I. ОРИЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Глава I. ОРИЕНТАЦИЯ В ФИЗИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГРАММАТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ДАТСКОГО ЯЗЫКА 42

I.1. АНТРОПОЦЕНТРИЗМ МЕСТОИМЕННОГО ДЕЙКСИСА 45
I.1.1. Парадигматические ряды датских указательных местоимений 45
I.1.2. Корпусное исследование датских дейктических биномов 50
Корпусное функционирование модели *PROXpron_PROXloc* 50
Корпусное функционирование модели *DISTpron_PROXloc* 53
Корпусное функционирование модели *PROXpron_DISTloc* 55
Корпусное функционирование модели *DISTpron_DISTloc* 56
I.1.3. Специфика дейктической организации пространства в зеркале датской фразеологии 58
Выводы по разделу 61
I.2. ДАТСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ КАК «ПОСТРОИТЕЛИ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ» 63
I.2.1. Антропоцентризм наречно-предложной ориентации 65
I.2.1.1. *Ud / ude* – направленность *из* / локализация *вне* субъектного пространства 70
I.2.1.2. *Ind / inde* – направление движения субъекта / расположение субъекта в замкнутом пространстве 73
Противопоставление ориентационного и функционального пространства как отражение субъективности восприятия пространства 75

I.2.1.3. *Op / oppe* и *ned / nede* – вертикальная ориентация относительно субъекта 77
Телесная ориентация относительно субъекта 77
Картографическая ориентация относительно субъекта 78
Ориентация относительно функционального центра и периферии 80
I.2.1.4. *Hen / henne* и *bort / borte* – принадлежность к / дистанцирование от личного пространства субъекта 83
I.2.2. Корпусное исследование раздельно- и цельнооформленности наречно-предложных биномов 86
Hen ad vs. *henad* 88
Hen imod vs. *henimod* 91
Hen ved vs. *henved* *94*
Hen under vs. *henunder* 96
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I 98

Глава II. ОРИЕНТАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВРЕМЕНИ ГРАММАТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ДАТСКОГО ЯЗЫКА 102

II.1. АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ОРИЕНТАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ 102
II.1.1. Ориентация во времени, опосредованная человеческой сенсорной системой 103
Первичные концептуальные метафоры времени 104
II.2. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ, ОРГАНИЗУЕМОЕ ПРЕДЛОЖНОЙ СИСТЕМОЙ ДАТСКОГО ЯЗЫКА 107
II.2.1. Перцептивные дихотомии, релевантные для семантики темпоральных предлогов 108
II.2.2. Перцептивно-семантический анализ квазисинонимии датских темпоральных предлогов 109
For – фронтальная ориентация темпоральных событий 110
For ...siden и *siden* – латеральная локализация темпоральных событий 111
For vs. *efter* – внутренняя (фронтальная) vs. внешняя (латеральная) перспективизация последовательностей событий 114
Асимметричность ориентации событий прошлого и будущего посредством датских темпоральных предлогов 116
Om vs. *efter* и vs. *i* – внутренняя vs. внешняя темпоральная перспектива 118
Выводы по разделу 121
II.3. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ, ОРГАНИЗУЕМОЕ ТЕМПОРАЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ДАТСКОГО ГЛАГОЛА 122
II.3.1. Пространственная организация темпоральных категорий в рамках структурного подхода 122
II.3.2. Эволюция темпоральной системы германских языков как усложнение ее пространственной организации 125
II.3.3. Эксперимент по выявлению перцептивных основ грамматической категоризации времени в датском языке в сопоставлении с английским 133

1.3.3.1.Эксперимент с американскими информантами 136
Пример *диссоциированного* восприятия 136
Пример *ассоциированного* восприятия 138
1.3.3.2. Эксперимент с датскими информантами 144
Пример *диссоциированного* восприятия 144
Пример *ассоциированного* восприятия 146
II.3.4. Объяснительный потенциал экспериментально выявленной «Модели когнитивных планов датской видо-временной системы» . 149
II.4. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИИ СОБЫТИЯ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ 152
II.4.1. «Категория отдаления» 153
II.4.2. Перфектная перспективизация 155
Семантика двойного перфекта 156
II.4.3. Таксисная перспективизация 160
II.5. НАРУШЕНИЕ «СОГЛАСОВАНИЯ ВРЕМЕН» В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ 162
II.5.1. Согласовательная норма: будущее в прошедшем и плюсквамперфект в нарративных текстах 163
II.5.2. Нарушения проспективной согласовательной нормы Futurum vs. Futurum in Præterito 165
Sagde at ... vil + Inf в новостных сообщениях 165
Особенности «нормативного» согласования *sagde at ...ville + Inf* в новостных сообщениях 165
Har sagt at ... ville + Inf в новостных сообщениях 166
II.5.3. Нарушение ретроспективной согласовательной нормы 167
Perfektum vs. Plusquamperfektum в новостных сообщениях 167
Perfektum vs. Plusquamperfektum и Præsens vs. Præteritum в художественном нарративе 168
Præteritum vs.Plusquamperfektum в художественном нарративе . . . 169
II.5.4. Рассогласование предикатов в синтаксических конструкциях 170
Приближение темпорального фокуса в расщепленных предложениях (*Det er N der Perf; Det har været N der Præt; Det var N der Plqvp*) 170
Отдаление темпорального фокуса в предложениях эмотивной оценки (*Det var Adj at* vs. *Det er Adj at*) 171
II.6. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ 172
II.6.1. Взаимосвязь с метафоризацией времени в художественной литературе 172
II.6.2. Выявление особенностей грамматической ориентации во времени через призму датско-русского перевода 179
II.6.3. Когнитивный сюжет отстраненного повествователя 191
Отстраненно-личная функция местоимения *man* 194
II.6.4. Перспективизация времени в паремиях датского языка 194
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II 197

Глава III. ОРИЕНТАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЫСЛИ: СИСТЕМА ДАТСКИХ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ 199

III.1. Квазисинонимия датских временных союзов в антропоцентрическом рассмотрении 199
Da vs. *Når* 202
Da vs. *Hvor* 207
III.2. Квазисинонимия датских определительных союзов в антропоцентрическом рассмотрении 213
Der vs. *Som* 213
III.3. Квазисинонимия датских причинных союзов в антропоцентрическом рассмотрении 219
III.3.1. Система причинных союзов датского языка 220
For 222
Thi 227
Fordi 229
Eftersom 232
III.3.2. Лингвокультурные импликации: динамика использования причинных союзов *thi*, *for* и *fordi* в датских переводах Библии 234
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III 239

ЧАСТЬ II. ОРИЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИИ

Глава IV. СРЕДСТВА ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ КАК АНТРОПОЦЕНТРИРОВАННАЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА 241

IV.1. Модальные частицы и критерии их выделения 244
IV.1.1. Модальные частицы и эпистемическая модальность 250
IV.1.2. Модальные частицы как индикаторы коммуникативных стратегий говорящего 261
IV.1.2.1. Функциональный принцип следования частиц в высказывании 261
IV.1.2.2. Роль модальных частиц в оформлении императивных речевых актов, их значения и проблемы перевода 272
Императивные конструкции с модальной частицей *da* 274
Императивные конструкции с модальной частицей dog 275
Императивные конструкции с модальной частицей *nu* 276
Императивные конструкции с модальной частицей *bare* 278
Проблема перевода императивных речевых актов с русского языка на датский 279
IV.1.2.3. Коммуникативные функции вопросов 284
IV.1.2.3.1. Вопросы-реакции с модальными частицами 284
Вопросы-реакции с *da* *285*
Вопросы-реакции с *dog* *285*
Вопросы-реакции с *nu* *287*

IV.1.2.3.2. Вопросы-привески: виды и функции 288
ikke? 289
vel? 289
ikke også? 291
okay? 292
hvad? 293
IV.2. Квазисинонимия эпистемических операторов 294
IV.2.1. Сопоставительный анализ модальных частиц и грамматизованных устойчивых конструкций с модальными глаголами 301
Kan/kunne + Infinitiv I/II и частица *vel* 301
Må/måtte + Infinitiv I/II и частица *nok* 301
Skal / skulle + Infinitiv I/II и частица *vist* 301
IV.2.2. Операторы косвенной засвидетельствованности 303
Модальная частица *vist* 305
Связочные конструкции с квазипассивными глаголами 305
Глагольная конструкция *skal / skulle + Infinitiv I/II* 305
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV 306

Глава V. ВЕЖЛИВОСТЬ КАК АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ 308

V.1. Вежливость как антропоцентрическая и национально-специфическая категория 308
V.2. Ценности датской культуры как предпосылки особенностей датского речевого этикета 313
V.2.1. Ценности, официально декларируемые Культурным каноном 313
Датский язык 314
Система объединений и добровольчества 314
Христианское культурное наследие 314
Свобода, толерантность, равенство и равноправие 315
V.2.2. Лингвоспецифические ценностные концепты датской культуры . . . 316
Fællesskab 316
Hygge 317
Janteloven 318
V.3. Языковые маркеры вежливости в различных речевых актах 322
V.3.1. Обращение 322
Общение на «ты» и на «Вы» до середины XX в. 322
Формирование «ты-культуры»: предпосылки и причины 324
Новейшие тенденции в использовании обращений *du* и *De* 326
Выводы по разделу 329
V.3.2. Приветствие и прощание 329
Формы приветствия 330
Формы прощания 332
Выводы по разделу 334
V.3.3. Побудительные речевые акты 334
Императивные высказывания 335
Побудительные высказывания неимперативной структуры 339
Конвенциональные просьбы в форме вопросов 341
Выводы по разделу 349

V.3.4. Благодарность 350
Специфика речевого акта благодарности в датском языке 350
Речевые формулы благодарности 353
Выводы по разделу 357
V.3.5. Извинение 358
Формулы извинения 359
Публичные извинения 367
Выводы по разделу 369
V.3.6. Комплимент, похвала и лесть 370
Комплимент, похвала и лесть в датской культуре 370
Проблема разграничения комплимента, похвалы и лести 371
Социокультурные и лексико-грамматические особенности высказываний похвалы, комплемента и лести 373
Выводы по разделу 376
V.4. Этикет в зеркале перевода 376
V.4.1. Особенности русского и датского стиля коммуникации 376
V.4.2. Переводческие стратегии при переводе формул вежливости с датского языка на русский 377
Выводы по разделу 382
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ V 383

Заключение 385

Литература 391

Предметный указатель. 411

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Общее развитие лингвистической мысли выдвинуло проблему говорящего лица, человека в языке. Именно эта проблема оказалась зоной взаимодействия разных лингвистических направлений: становится все более очевидным, что без антропоцентрической идеи невозможно понять не только закономерности построения отдельных текстов, но и основы языковой системы» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004, 486]. Эта фраза из заключения к книге «Коммуникативная грамматика русского языка» послужила своего рода импульсом для создания «Антропоцентрической грамматики датского языка».

Коллектив отечественных данистов из Москвы и Санкт-Петербурга, работающих в разных направлениях грамматических исследований, поставил задачу реализовать «антропоцентрическую идею» для создания целостного антропоцентрированного описания грамматической системы современного датского языка, опираясь на «взаимодействие разных лингвистических направлений». В 2019–2021 гг. эта проблематика была поддержана грантом РФФИ 19-012-00146. Результатом продолжения исследовательской работы в этом направлении и стала нынешняя коллективная монография.

Помимо функционально-коммуникативной традиции отечественной лингвистики значительное влияние на формирование теоретической базы исследования оказала датская лингвистическая мысль. Еще Отто Есперсен в «Философии грамматики», подчеркивал, что если мы хотим понять природу языка и, в частности, ту его область, которая изучается грамматикой, то ни в коем случае нельзя упускать из виду продуцента и реципиента языка. А исследования Пера Дурст-Андерсена, создавшего коммуникативную теорию языковых супертипов, убедительно показывают, как культура и национальное сознание входят в его носителей через родной язык, по-особому настраивающий не только то, как они организуют свое речевое общение (коммуникацию), но и их мозг (когницию) и их сенсорное восприятие (перцепцию).

Поэтому круг проблем, обсуждающихся в «Антропоцентрической грамматике датского языка», оказался шире, чем если бы речь шла о его «коммуникативной грамматике». Так, помимо системы маркеров межличностной коммуникации, важным предметом исследования стали культурно-специфические особенности восприятия времени и пространства носителями датского языка, организующими их вокруг себя посредством нюансированной системы языковых маркеров, а также особенности ориентации собеседников в речевых этикетных нормах датского социума.

Датский язык стал благодарным объектом антропоцентрированного описания в силу сочетания ряда социально-культурных и внутрисистемных факторов. В книге показано, что, благодаря малочисленности, компактности и моноэтничности языкового коллектива, в этом языке создаются условия для кристаллизации

прагматических контекстов в грамматические конструкты. А благодаря активной тенденции современного датского языка к аналитизации, в нем сложилась особо благоприятная ситуация для дополнительного выражения прагматических смыслов. То есть особенность этого малого германского языка состоит в том, что в нем существует как экстралингвистический запрос в плане содержания на языковое выражение нюансов межличностного общения, так и дополнительный ресурс в плане выражения – постоянно пополняющийся инвентарь «грамматики малых слов» – служебных глаголов, частиц, наречий, предлогов, союзов втягиваемых сферу системного выражения значимых для языкового коллектива коммуникативно-прагматических смыслов.

В книге также показано, как характерная для языков аналитического строя жесткая позиционность – от позиционной структуры синтаксических полей датского предложения до фиксированного порядка следования модальных частиц разной прагматической семантики – обслуживает в датском языке противопоставление объективной информации разным оттенкам субъективных смыслов, привносимых говорящим.

Научная новизна книги состояла в последовательном представлении грамматической системы датского языка с точки зрения наблюдателя-говорящего в качестве системообразующего фактора в формировании языковой категоризации. Новизна постановки проблемы заключается в выявлении взаимосвязей между разноуровневыми языковыми средствами, организующими денотативную и коммуникативную реальность говорящего.

Общая цель коллективной монографии заключалась в том, чтобы представить межкатегориальную соотнесенность антропоцентрированных грамматических смыслов в рамках системы конкретного языка и дать целостное представление о грамматических и прагматических категориях датского языка, отражающих ориентацию человека в реальности и в коммуникативной ситуации. Для реализации этой цели были выполнены следующие задачи: ▪ описать систему грамматических средств датского языка, служащую для ориентации человека: 1) в пространстве, 2) во времени, 3) в коммуникации, в том числе, в рамках норм речевого этикета; а также ▪ проследить влияние языковой системы датского языка на носителей этого языка в плане их предпочтений в выборе: тех или иных коммуникативных моделей предложения, тех или иных художественных сюжетов и художественных метафор.

Считая себя единомышленниками, соавторы сохранили некоторые расхождения в формулировках и стиле изложения. Автором Введения, Главы I «Ориентация в физическом пространстве грамматическими средствами датского языка», Главы II «Ориентация в пространстве времени грамматическими средствами датского языка» и Главы III «Ориентация в пространстве мысли: система датских подчинительных союзов» является Д.Б. Никуличева; Глава IV «Средства эпистемической модальности как антропоцентрированная парадигматическая гиперсистема» принадлежит Э.Б. Крыловой; Глава V «Вежливость как антропоцентриче-

ская категория» написана Е.А.Гуровой. В раздел II.4.2 главы II включен фрагмент о семантике двойного перфекта авторства Э.Б.Крыловой.

Представленный в книге языковой материал исследовался авторами по следующим основным направлениям:

В плане исследования грамматических средств пространственной ориентации были изучены: особенности местоименного дейксиса; особенности наречно-предложной ориентации; роль наречий пространственной семантики как построителей «ментальных пространств».

В плане ориентации во времени исследовались: экспериментально выявляемые перцептивные особенности грамматической категоризации времени носителями датского языка; «пространство времени», организуемое датской предложной системой; «пространство времени», организуемое глагольными категориями; языковые средства перспективизации события; типология нарушений «согласования времен» в антропоцентрическом рассмотрении; лингво-культурные проявления особенностей грамматической категоризации времени в датской художественной литературе и в пословицах.

В связи с ориентацией в «пространстве мысли» исследовалась квазисинонимия датских подчинительных союзов как средство нюансирования грамматических смыслов в зависимости от возложения ответственности за сообщаемое на говорящего, слушающего или объективную реальность.

В плане ориентации в «пространстве коммуникации» были проанализированы особенности функционирования средств, выражающих различные значения эпистемической (достоверно/недостоверно), аксиологической (хорошо/плохо, желательно/нежелательно) и адмиративной (ожидаемо/неожиданно) модальностей. Анализ показал, что в центре датскоязычной коммуникации находится коммуникативная модель, состоящая из говорящего, слушающего и третьего лица, включенного в ситуацию. Также исследовалась роль, которую эпистемические средства датского языка (модальные частицы, конструкции с императивами и модальными глаголами, реактивные и контактоустанавливающие вопросы и пр.) играют в конкретизации коммуникативных намерений и установок говорящего, в распределении долей ответственности каждого из участников коммуникации за достоверность высказывания, в разграничении различных модальных контекстов и речевых ситуаций, при передаче чужой речи и в других аспектах речевой коммуникации. Результаты анализа позволили с уверенностью утверждать, что в основе парадигматических отношений между эпистемическими показателями разных уровней лежат схожие дифференциальные признаки. Это дало возможность представить их в виде антропоцентрированной гиперсистемы.

Также были проанализированы языковые средства, выражающие категорию вежливости в датском языке, связанные с различными речевыми актами, предполагающими экспликацию социального взаимоотношения между коммуникантами.

Книга может представлять интерес как для специалистов по скандинавским языкам и лингвистов-типологов и когнитологов, так и для практиков преподава-

ния датского языка, поскольку служит подготовительным этапом для создания учебника по практической грамматике датского языка, основанного на принципах антропоцентризма, что позволит студентам, изучающим этот язык, встать на позицию носителя датского языка и тем самым интериоризировать систему его грамматических представлений. Разработанная в ходе исследования модель представления грамматического материала может стать основой для создания антропоцентрированных грамматик других языков.

Авторы выражают глубокую благодарность официальным рецензентам книги д.ф.н. Сергею Николаевичу Кузнецову, д.ф.н. Татьяне Владимировне Топоровой, к.ф.н. Александре Николаевне Ливановой, а также д.ф.н. Дмитрию Олеговичу Добровольскому, за внимательное прочтение рукописи, ее высокую оценку и внесенные замечания и предложения.

ВВЕДЕНИЕ

1. Антропоцентрический подход к явлениям языка

"Язык создан по мерке человека,
этот масштаб запечатлен в самой организации языка;
в соответствии с ним язык и должен изучаться".
(Ю.С.Степанов)

Рубеж XX и XXI века знаменовался возрождением интереса к антропоцентрической проблематике, что определялось действием целого ряда факторов. Во всех гуманитарных науках наблюдался существенный эпистемологический сдвиг, связанный с реабилитацией человека как важнейшего объекта изучения и помещением его в фокус научных исследований. Принципы антропоцентризма оказались созвучными научному видению роли и места человека в мире и стали не просто некоторым исходным пунктом исследований, но и повлияли на возникновение новых научных методов.

Актуальность постановки проблемы также обусловлена тем, что в эпоху глобального информационного общества структура научного (в данном случае лингвистического) исследования неизбежно подвергается корректировке. Устоявшиеся модели, применяемые в науке, требуют пересмотра принципов организации и систематизации знания.

В 20-е годы XXI в., когда на наших глазах происходит взрывное развитие искусственного интеллекта, антропоцентрированный взгляд на язык неожиданно приобретает дополнительную значимость. На фоне стремительного развития лингвистики больших данных, компьютерной обработки огромных массивов текстов, новых методов цифровой обработки звучащей речи и т.п., когда описание языков алгоритмизируется и объективируется средствами компьютерной лингвистики, крайне важно эксплицировать такие ускользающие от искусственного интеллекта характеристики языка как его изначальная ориентированность на человека говорящего. Для того, чтобы максимально «очеловечить» искусственный интеллект, специалистам в будущем, наверняка, придется обучать ИИ человеческому видению мира через язык. Это значит, что надо четко представлять себе, на каких участках системы конкретного человеческого языка проявляется ориентация «человека говорящего» в мире – относительно собеседника и языкового коллектива, относительно пространства коммуникации и пространства денотативной реальности.

Нет сомнения в том, что рост исследовательского интереса к проявлению человеческого фактора в языке был связан со стремлением выйти за рамки си-

стемно-структурной парадигмы, господствовавшей в лингвистике на протяжении XX века. Анализируя эволюцию лингвистических идей в конце XX века, Е.С.Кубрякова отмечала, что «на наших глазах происходит становление новой, неофункциональной, или конструктивной (постгенеративной) парадигмы знания (иногда ее называют также «интерпретирующей») <…>, определяющей чертой которой оказывается удачный синтез когнитивного и коммуникативного подходов к явлениям языка» [Кубрякова 1995, 228]. В то же время вызовы, бросаемые интенсивным проникновением AI в нашу жизнь, диктуют дальнейшие задачи, связанные с моделированием искусственным интеллектом человеческого видения мира через язык так, как если бы не машина, а живой носитель конкретного языка, порождал высказывание, ориентированное на конкретную коммуникативную ситуацию, конкретного собеседника в конкретном коммуникативном пространстве.

В качестве принципиальных установок новой исследовательской парадигмы Е. С. Кубрякова выделяла четыре признака: «экспансионизм, – антропоцентризм, – функционализм, или, скорее, неофункционализм, и, наконец, – экспланаторность» [там же, 207] и подчеркивала, что «господство принципов антропоцентризма роднит лингвистику со многими другими областями знания, ибо интерес к человеку, как центру вселенной и человеческим потребностям как определяющим разные типы человеческой деятельности знаменует переориентацию, наблюдаемую во многих фундаментальных науках» [там же, 212].

Нельзя не отметить, что в современных лингвистических исследованиях понятие *антропоцентризм* получает весьма разнообразные толкования. На это прямо указывала Е. С. Кубрякова: «В лингвистике антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в диаде «язык и человек», но из-за возможных различий в подходе он фактически принимает в разных школах современности нетождественные формы» [там же, 213].

Широкий спектр лингвистических исследований, находящихся в русле антропоцентрического подхода, был представлен В. И. Постоваловой, отмечавшей, что «в рамках антропологической лингвистики могут быть объединены и успешно развиты на единой методологической основе такие направления лингвистики, как лингвогносеология, предметом которой является познавательная функция языка как формы представления познаваемого человеком мира, лингвосоциология (социолингвистика), изучающая взаимоотношения языка и общества, лингвопсихология (психолингвистика), изучающая взаимоотношения языка и индивида, лингвобихевиорология (лингво-праксеология), изучающая роль языка в практическом поведении человека, лингвокультурология, изучающая взаимоотношения языка и культуры, лингвоэтнология (этнолингвистика), ориентирующаяся на рассмотрение взаимосвязи языка, духовной культуры народа, народного менталитета и народного творчества, лингвопалеонтология, исследующая связи языковой истории с историей народа, его материальной и духовной культурой, географической локализацией, архаическим сознанием» [Постовалова 1988, 9 и сл.].

И это далеко не полный список возможных интерпретаций. На тему множественности интерпретаций антропоцентризма размышляет Н. В. Бугорская: «Понятие антропоцентризма, несмотря на свою популярность, а, может быть, благодаря ей, толкуется весьма широко и, что более важно, неопределенно» [Бугорская 2004, 18]. «Отсутствие единства в понимании не помешало однако лингвистам – сторонникам нового направления – объединиться на основании общего корня (антропо-) и противопоставить себя традиционным лингвистическим направлениям, получившим по аналогии название системоцентрических» [там же, 19].

Противопоставляя системоцентрический подход антропоцентрическому, В.М. Алпатов представляет антропоцентрический подход как метод исследования, в рамках которого исследователь опирается на “осмысление и описание своих представлений носителя языка, часто именуемых лингвистической интуицией” [Алпатов 1993, 15]. При такой интерпретации антропоцентризма речь, по сути, идет о субъективном факторе исследователя в противоположность объективности языковой системы.

Отстаивая антропоцентризм как важнейший принцип современной лингвистической науки, П. И. Костомаров утверждает, что «антропоцентризм в лингвистике объясняется учеными сменой ракурса исследования, формулированием нового объекта исследования – языковой личности» [Костомаров 2014, 199]. Тем самым в качестве основного объекта антропоцентрического исследования им предлагается феномен индивидуального языка. На примере языковой личности – носителя народно-разговорной формы немецкого языка автор исследует особенности ее языкового портрета.

Примеры наполнения различным содержанием термина *антропоцентризм* можно было бы продолжать, но для нас важно в принципе указать на то, что возможно более широкое и более узкое его толкование. При более широком толковании антропоцентризм понимается как исследование любых проявлений человеческого фактора. В этом случае можно поставить знак равенства между антропоцентрическим подходом и антропологической лингвистикой, что мы наблюдали в приведенной выше цитате из статьи В.И. Постоваловой. Широкое толкование можно также обозначить как «язык в человеке». В этом случае «антропоцентрический принцип связан с исследованием следующих проблем, касающихся связи человека и его языка: язык и духовная активность человека; язык, мышление и сознание человека; язык и физиология человека; язык и культура; язык и коммуникация; язык и ценности человека” [Кубрякова 1991, 214].

При более узком толковании антропоцентрический подход к явлениям языка – это такой подход, когда человек рассматривается как точка отсчета при интерпретации тех или иных языковых явлений. Это толкование можно назвать «человек в языке».

Использованное Е.С. Кубряковой противопоставление «язык в человеке» и «человек в языке», восходит к идее Ю.С. Степанова, высказанной им в 1974 году во вступительной статье к изданию «Общей лингвистики» Э. Бенвениста: «я з ы к

создан по мерке человека, этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной, словом такой, какой мы ее находим в книге Бенвениста» [Бенвенист 1974, 15] <Разрядка наша ДН>.

Это наблюдение Ю.С. Степанова является принципиальным для нашего исследования, и поэтому было выбрано в качестве эпиграфа ко всей книге.

Итак, антропоцентрический подход понимается авторами этой книги, прежде всего, как исследование того, какими средствами «человеческий масштаб» выражается в грамматической организации определенного языка.

Похожую трактовку находим у Н.В. Бугорской, которая в качестве одной из трактовок антропоцентризма приводит *онтологическое* понимание, определяемое ею как «свойство некоторых языковых единиц обнаруживать “человекоразмерные” свойства. Таковыми признаются эгоцентрические элементы (от местоимений до глаголов пропозициональной установки), экспрессивно-эмоциональная, оценочная и образная лексика, фразеология, риторический вопрос, плеоназм и т.д.» [Бугорская 2004, 20].

Правда, предлагая далее собственную трактовку антропоцентризма как тенденции к «гуманитаризации самого языка научного описания» [там же, 23], исследовательница выражает скептическое отношение к онтологическому пониманию антропоцентризма, замечая, что «подобная онтология слишком незамысловато провоцирует на афоризмы вроде того, что *в языке нет ничего человеческого кроме самого языка*» [там же, 20].

И, тем не менее, начиная с Р.О. Якобсона, лингвисты противопоставляют шифтерные и не-шифтерные категории, первые из которых содержат «указания на отношение сообщаемого факта и/или его участников к факту сообщения, либо к его участникам (категория лица, наклонения, засвидетельствованности)», а вторые такого указания не содержат (например, категории рода и числа) [Бондарко 1990, 504]. То есть категории языка противопоставляются как ориентированные на участников коммуникации (антропоцентрированные) и как ориентированные непосредственно на денотативную реальность.

Отмеченный Ю.С. Степановым «человеческий масштаб» в организации языка предполагает наличие языковых средств, обслуживающих ориентацию человека в окружающем его мире. Проявление этих средств в грамматической системе датского языка и станет предметом исследования в предлагаемой коллективной монографии.

2. Датский язык как объект антропоцентрического анализа

«You get increase of complexity in small communities
with dense social networks over long periods of time»
«В малых сообществах с плотной сетью социального взаимодействия,
сохраняющейся на протяжении долгого времени,
происходит возрастание языковой сложности»
(M. Mithun)

Для исследователя, избравшего антропоцентрический ракурс описания, датский язык представляет благодатное поле деятельности в силу во многом уникального сочетания ряда и экстралингвистических и внутриструктурных факторов.

2.1. Малое сообщество с плотной сетью социального взаимодействия

По меткой характеристике сэра Джеймса Мэллона, бывшего посла Великобритании в Дании (1983–1986), «датчане – это не нация, датчане – это племя; и в этом сила их общности и объяснение того, насколько незыблемо они полагаются друг на друга. У племени есть внутренняя сила, есть гомогенность в той степени, какой никогда не достичь нации, и именно это племенное чувство полностью определяет то, как датчане воспринимают окружающий их мир» – «Danskerne er ikke en nation, de er en stamme; det er styrken i deres fællesskab og grunden til, at de stoler urokkeligt på hinanden. En stamme har en indre styrke, er homogen i en grad en nation aldrig kan nå, og netop stammefølelsen er altafgørende for danskernes syn på verden omkring dem». Эту цитату приводит в качестве эпиграфа к своей книге «Den danske stamme – en befolkningshistorie» датский социолог Ханс Корнё-Расмуссен [Kornø-Rasmussen 2008].

Исследователь отмечает, что вплоть до 1950 года Дания оставалась, как в религиозном, так и в культурном отношении, «экстремально гомогенным обществом» – (ekstremt homogent samfund), иностранцами в Дании, по большому счету, были немцы и жители других скандинавских стран. И только с 70-х годов прошлого века Дания «превращается в страну иммиграции». Но, несмотря на это, а возможно, и, в связи с этим, понятие ***dansk fællesskab*** ‘датская общность’, ‘датская социальная сплоченность’, отмеченное Джеймсом Мэллоном, и до наших дней остается одним из ключевых концептов датской культуры.

«Социальная сплочённость подразумевает ощущение, что все одна семья, все в одной лодке, а не все против всех, как в больших странах», – пишет Е.А. Гурова анализируя датские ценности, определяющие особенности коммуникативного поведения датчан. (См. Стр. 316 V.2.2.) Исследователи языковой этнопрагматики вводят термин «трайбализм», характеризуя его как заботу о членах своей группы, одержимость делать все «по-датски» и сложность внедрения в группу для внешних участников [Levisen, Waters 2015, 258].

Именно понятие *historisk-folkeligt-nationalt fællesskab* стало одним из ключевых для философской концепции Н.Ф.С. Гундтвига, который, по признанию датских исследователей, во многом заложил идейные основы современного датского менталитета [Litteraturhåndbogen 1995, 156].

Понятие *fællesskab* является важной составной частью коллективного позитивного имиджа, активно поддерживаемого датскими политиками и датскими СМИ. Наглядным примером явилась реакция датских СМИ на инцидент на Чемпионате Европы по футболу 2021 года, когда игрок датской команды Кристиан Эриксен потерял сознание во время матча. Сплоченные действия датской команды вызвали позитивный отклик во всем мире, но, как пишет Ю.М. Авакова в статье, посвященной политическому разбору данного инцидента, «интерес к данной теме подогревался СМИ и другими субъектами на протяжении нескольких месяцев» [Авакова 2021, 31], поскольку способствовал продвижению позитивного образа Дании в окружающем мире, как общества, для которого характерны *единение, сплоченность и коллективизм*. Именно так, разбирая множество посвященных этой теме датских публикаций, она переводит постоянно фигурирующее в них слово *fællesskab:*

> «…у игроков присутствуют черты, которые, в понимании Юльманна “характерны для датчан” (dansk særkende). Это “*единение*, желание учиться новому и доверие” (*fællesskab*, lærevillighed og tillid)» <...> «Иностранцы отмечают в игре датчан «солидарность и *коллективизм*» (kollektive præsentation og *fællesskab*)» <…> «Бренд-менеджер и консультант в области коммуникаций Ханне Фельдтхус утверждает, что действия сборной “создали привлекательный образ Дании в глазах всего мира” (har givet et fantastisk billede af Danmark til hele verden). В нем присутствуют “человеколюбие, забота, отзывчивость, *единение***,** солидарность и товарищеский дух” (medmenneskelighed, omsorg, betænksomhed, *fællesskab*, solidaritet og godt kammeratskab)» [Авакова 2021, с. 35] (цитаты из статьи [Karkov 2021]).

Позитивные коннотации, сопровождающие слово *fællesskab* являются неотъемлемой частью датской «политики мягкой силы», определяемой как «возможность получить желаемое за счет привлекательности, а не посредством принуждения или финансовых вливаний» [Авакова 2021, 28].

Предпринятый нами анализ контекстов употребления словосочетания *dansk fællesskab* в Корпусе современного датского языка [KorpusDK] свидетельствует о том, что *dansk fællesskab* – это*:*

– «очень датское» понятие:

> DANSK FÆLLESSKAB. Dannebrog vajer over fælleshuset midt i den nye bebyggelse, som er ***meget dansk*** i sin stil, både når det gælder arkitekturen og andels-boligtanken. (Kontekst – ordnet.dk Реклама кондоминиума в «Bo bedre» 1992). ‘ДАТСКАЯ ОБЩНОСТЬ. ‘Даннеброг (датский флаг) развевается над зданием общественного центра посреди новых домов, ***очень датских*** по стилю, как с точки зрения архитектуры, так и с точки зрения концепции кооперативного жилья’;

– игнорирование *dansk fællesskab* порицается в обществе:

Det er, som om Socialdemokratiet er stivnet i ” Internationale ” og røde faner og er havnet på et sidespor: De store visioner og fremsyn er gået fløjten, og ledelsen er blevet en flok vatnisser hvis eneste mål er at vælte den siddende regering, og selv det tarveligste skyts kan anvendes, hvilket tydeligst sås den 1. maj hvor den tidligere statsminister og øvrige trosfæller benyttede lejligheden til at tømme skraldespanden. Respekten for Danmark er dalet betydeligt i udlandet på trods af regeringens bestræbelser. Mon ikke ***partiet på længere sigt har sat sig uden for det danske fællesskab***, ***og straffen venter forude***. (Kontekst – ordnet.dk Berlingske Tidende 1991). ‘Похоже, что социал-демократическая партия закоснела в своем пристрастии к «Интернационалу» и красным знаменам и оказалась на обочине. Великие устремления и предвидение пошли насмарку, и руководство превратилось в кучку кукольных гномов, единственная цель которых – свергнуть действующее правительство, и можно использовать даже самое безвкусное оружие, что наиболее ярко проявилось 1 мая, когда бывший премьер-министр и другие единоверцы воспользовались возможностью, чтобы вынести мусор. Уважение к Дании за рубежом значительно снизилось, несмотря на усилия правительства. Неужто и правда, партия ***поставила себя вне датской общности, и ее ждет наказание***’;

– даже тот, кто ставит *dansk fællesskab* под сомнение, признает, что у этого понятия есть общие для всех датчан составляющие:

Det danske kulturelle fællesskab formuleres gennem en række myter, som vor moderne mediekultur uophørligt producerer, for i virkeligheden er det det eneste, der *holder os sammen som nation*: *Danske triumfer inden for Tour de France, herrefodbold og kvindehåndbold; ved filmfestivals og modemesser, Peter Høegs romaners succes, danske topmodeller o.s.v.* Alt kan bruges til at højne *vores selvværd som danskere*, og tilsyneladende er der ingen grænser for vores konsum af selvbekræftende myter, som medierne kappes om at producere, og som de sælger med store fortjenester. (Kontekst – ordnet.dk Jyllands-Posten 1998). ‘Датская культурная общность сформирована рядом мифов, которые постоянно порождаются нашей современной медиа-культурой, потому что, на самом деле, это единственное, что *объединяет нас как нацию*: *победы Дании на Тур де Франс, мужском футболе и женском гандболе; на кинофестивалях и ярмарках мод, успех романов Питера Хёга, датские топ-модели и т. д.* Все это можно использовать для *повышения нашей самооценки как датчан*, и, по-видимому, нет никаких ограничений для нашего потребления самоутверждающих мифов, за создание которых конкурируют СМИ, и которые они продают с большой прибылью’.

– важнейшей составляющей *dansk fællesskab* является язык:

Sproget rummer vores allervigtigste identitet, og det er ***sproget, der giver os et fællesskab***. Det er en ulykkelig misforståelse at tro, at vi kan erstatte

denne danske identitet og sproglige fællesskab med noget andet, f.eks. blive europæere. (Kontekst – ordnet.dk Jyllands-Posten 2001). ‘В языке заключена важнейшая часть нашей идентичности, и *именно* ***язык дает нам нашу общность***. Досадное недоразумение думать, что мы можем заменить эту датскую идентичность и языковую общность чем-то другим, например, стать европейцами’.

– выходцам из других стран, живущим в Дании, приходится признавать, как нелегко стать частью этой *dansk fællesskab*:

Så dansk – om at høre til stammen. Det siges at danskerne er som en termoflaske: kolde udenpå, men varme indeni. ***Danmark er bygget på og af en lille stamme***, som aldrig helt har accepteret, at stammen ikke kan isolere sig selv fra omverdenen. Derfor er det hårdt at blive en del af det danske fællesskab. Det giver anledning til mange misforståelse, men også morsomme situationer, når man som fremmed forsøger at blive en del af stammen. ***Kulturelle koder*** – især dansk humor og ironi – ***er for viderekomne***, men det kan læres. Og stammen viser sig at være både åben og venlig. (Den flerkulturelle udfordring. Naser Khader 2001) Kontekst – ordnet.dk ‘***Это так по-датски – принадлежать к племени***. Говорят, датчане похожи на термос: снаружи холод, а внутри тепло. ***Дания основана на малом племени***, которое никогда полностью не признавало, что это племя не может изолировать себя от внешнего мира. Вот почему так сложно стать частью датской общности. Это порождает множество недоразумений, но также и забавные ситуации, когда ты как чужой пытаешься стать частью племени. ***Культурные коды*** – особенно датский юмор и ирония – это для продвинутых пользователей, но им можно научиться. И племя оказывается одновременно открытым и дружелюбным.’

Это высказывание принадлежит Насеру Хадеру, датскому политику сирийско-палестинского происхождения, приехавшему в Данию с родителями в 11-летнем возрасте, члену датского парламента с 2015 года. В Фолькетинге он выступает сейчас как спикер по делам иностранцев (udlændingeordfører) https://www.altinget.dk/artikel/portraet-drev-de-store-foelelser-vaerdikrigeren-khader-ud-i-stormvejr. Несмотря на свои неоднозначные политические взгляды и взрывной темперамент, часто становящийся причиной скандалов, Насер Хадер очень точно формулирует важную для нашего исследования мысль о том, что датская общность строится на культурных кодах, усвоить которые весьма сложно даже, «продвинутому пользователю» – выходцу из другой культуры, хорошо знакомому с Данией.

Упоминаемый Н. Хадером датский юмор и ирония – лишь поверхностная часть айсберга. Авторы предлагаемой коллективной монографии покажут, что культурные коды коммуникации глубоко «вшиты» в сам датский язык. Но, как справедливо отмечает Хадер, – им можно научиться. Именно поэтому мета-целью данного исследования служит создание в будущем антропоцентрированного учебника по грамматике датского языка, позволяющего изучающим этот язык

иностранцам примерить на себя грамматическую ориентацию в пространстве, времени и коммуникации, характерную для носителей этого *языка малого сообщества с плотной сетью социального взаимодействия его членов, сохраняющейся на протяжении долгого времени*.

Читатели могут возразить, что в связи с ростом иммиграции ни одно европейское общество не может сейчас быть абсолютно гомогенным. Это действительно так. Но тем насущнее для малого языкового коллектива становится потребность маркировать тот факт, что истинные носители родного языка находятся «на одной волне». Речь без использования этих личностно-ориентированных маркеров воспринимается как чужеродная – «речь с прагматическим акцентом». Неожиданным подтверждением этого факта стало недавнее выступление датской переводчицы русской художественной литературы Трине Сёнергор, которая на русско-датском переводческом семинаре 27 ноября 2023 года объясняла, что актуальная потребность повторных переводов русской литературы, уже переведенной на датский язык 60-70 лет назад связана с тем, что для современного датчанина именно *диалогическая* речь начинает звучать в прежних переводах неестественно**.** Это значит, что за последние 50 лет – а именно с начала массовой иммиграции 70-х годов прошлого века датский язык начал интенсивно развивать систему *дополнительных маркеров межличностной коммуникации***,** служащих показателями прагматического взаимодействия между коммуникантами.

М. Митун, чье высказывание, послужившее эпиграфом данного раздела, прозвучало в ее докладе «Shaping Grammar: The Emergence of Grammatical Distinctions» в Институте языкознания РАН (19 сентября 2019г) отмечала, не только что «*В малых сообществах с плотной системой социального взаимодействия, сохраняющейся на протяжении долгого времени, происходит возрастание языковой сложности*», но и что «*Со временем прагматические контексты кристаллизуются в грамматические конструкты»* – «Pragmatic contexts with time solidify into grammar constructs».

В следующем разделе мы поразмышляем о том, каким образом структурная специфика современного датского языка способствует этой «кристаллизации прагматических контекстов в грамматические конструкты».

2.2. Аналитизм датской лингвопрагматики

Главный тезис предлагаемого ниже раздела состоит в том, что в результате последовательной реализации диахронической константы германских языков к аналитизму [Гухман 1981], датский язык развил дополнительный структурный инструментарий для нюансирования антропоцентрированных прагматических смыслов за счет использования разнообразных аналитических маркеров.

Для нашего исследовании принципиально важна идея о неоднородности аналитических конструкций. Так, определяя аналитические конструкции как «Сочетания слов служебного и знаменательного, в которых служебное слово,

самостоятельно или вместе с аффиксом знаменательного, выражает грамматическое значение знаменательного слова и тем самым всей конструкции в целом» В.М. Жирмунский выделял «случаи несомненные» – видовременные сложные глагольные формы, образованные с помощью вспомогательных глаголов и «случаи спорные», к которым он, в частности, относил сочетания модальных глаголов, предлогов и артиклей со знаменательным словом. [Жирмунский 1965, 7].

Магистральным направлением развития отечественного языкознания в 50-е годы прошлого века стала разработка критериев образования аналитических форм и признаков грамматизации аналитических конструкций, позволяющих выделить аналитические формы и противопоставить им аналитические конструкции, находящиеся на периферии или за пределами парадигмы. В качестве основных критериев аналитических конструкций М.М. Гухман выделяла такие, как: «1) особая взаимосцепленность компонентов, создающая их реальную неразложимость, <при наличии принципиальной выделимости каждого элемента как особой словарной единицы>; 2) идиоматичность <обусловленная тем, что значение сочетания не равно сумме значений его компонентов> как основа этой неразложимости; 3) охват всей лексической системы глаголов в <…> языке; <наличие смыслового инварианта, то есть обобщенность значения>; 4) включенность в систему соотносительных форм любого глагола в качестве элементов парадигматического ряда» [Гухман 1955, 359]. (В ломаных скобках нами приводятся добавления к этой ранней формулировке из более поздней работы того же автора [Гухман 1964, 18]).

И хотя В.М. Жирмунский критиковал М.М. Гухман за чересчур жесткое требование идиоматичности при определении аналитической формы, указывая на возможную неидиоматичность служебных глаголов в русском языке – аналитическое будущее «*буду* работать» (ср. составное именное сказуемое «*буду* профессором») или англ. пассив *was* built (ср. составное именное сказуемое *was* sick) – ее заслуга состояла в том, что были сформулированы, как мы сейчас сказали бы «прототипические признаки» аналитических форм, что позволило описывать динамические процессы «втягивания» в парадигму различных типов лексико-грамматических конструкций, по ряду параметров отстоящих от собственно аналитических форм.

Современный взгляд на целостное определение аналитических конструкций состоит в признании факультативности признака идиоматичности [Плоткин 1989, Гак 1990, Шапошникова 2005, Никуличева 2006].

Целостный взгляд на аналитические конструкции в языках разных типов нашел отражение в функциональной классификации аналитических конструкций на морфологические, синтаксические и лексические. «Морфологические аналитические конструкции (аналитические формы) образуют единую словоформу, выражающую морфологическую категорию: время («буду читать»), вид (англ. he is reading), залог («быть любимым»), компаратив (франц. plus grand) и др. Синтаксические аналитические конструкции расчленено выражают единый член предложения. Например, сказуемое «он начал петь» (= он запел), определение: «человек высокого роста» (= «высокий человек»), обстоятельство «переделать коренным

образом» (= «в корне переделать»). Лексические аналитические конструкции расчленено выражают словообразовательные значения, например, «маленький дом» (= «домик»), «женщина-летчик (= «летчица»), «принимать участие» (= «участвовать») [Гак 1990, 31]. Все эти разнообразные типы конструкций подпадают под определение аналитических, если понимать аналитизм как «типологическое свойство, проявляющееся в раздельном выражении основного (лексического) и дополнительного (грамматического, словообразовательного) значения слова» [Там же].

В предлагаемой книге мы покажем, что к таким дополнительным значениям в датском языке также регулярно относятся и разнообразные антропоцентрированные – ориентационные и прагматические – смыслы, выражаемые за счет сочетания предиката с такими служебными словами как модальные глаголы, частицы и пространственные наречия.

Обращение к материалу датского языка, который значительнее всех прочих скандинавских языков, продвинувшихся по пути аналитизма, убеждает в том, что в основе диахронической константы его развития лежит некоторый общий вектор, объединяющий техники аналитизма, изоляции и агглютинации. Этот общий вектор мы предлагаем называть *синтагматической стратегией дискретности* [Никуличева 2006[1]]. Синтагматическая стратегия дискретности строится на базовом представлении об относительной автономности компонентов целого. Это представление имеет ряд закономерных импликаций как на синтаксическом и морфологическом, так и на фонологическом, словообразовательном и просодическом уровнях. Ниже будут названы некоторые из импликаций синтагматической дискретности, связанные с «кристаллизацией прагматических контекстов в грамматические конструкты» датского языка.

Что касается ***дискретности на морфологическом уровне***, то она наглядно проявляется в *выражении грамматических значений в многокомпонентных аналитических формах*. Так, характеризуя морфологическую систему современного датского языка, С.Н. Кузнецов отмечал, что все новые грамматические противопоставления, возникшие за время существования датского языка, организованы по бинарному принципу, например, определенная и неопределенная формы существительного, синтетический актив и пассив глагола, все аналитические формы глагола. Для многомерной категории времени, устанавливается набор таких бинарных противопоставлений, как оппозиция претеритальности / непретеритальности, перфектности/ неперфектности и футуральности/ нефутуральности. [Кузнецов 1989, 84–85]. Если в этом контексте взглянуть на структуру любой многокомпонентной глагольной формы, то мы заметим, что она организована по таким, типичным для аналитической синтагматики принципам, как *членимость*, *относительная самостоятельность носителей значений*, их *позиционность* (то есть порядок следования, четко определенный функцией элемента), а также *выводимость содержания аналитических единиц из значения более мелких носителей значений* при общей *смысловой целостности* аналитической единицы. Ср.,

например, такие многокомпонентные формы, как футуральный перфект (*vil have svaret*), футуральный пассив (*vil blive bygget*), перфектный пассив (*er blevet læst*) и др.(Таблица1):

Таблица 1

Инвариантная позиционная структура аналитических глагольных форм

футуральность →	**перфектность →**	**пассивность →**	**лексическое значение**
vil	*have*		*svaret*
skal	*være*		*kommet*
vil		*blive*	*bygget*
	er	*blevet*	*læst*

Ниже будет показано, что такое проявление аналитизма как *позиционность* (то есть порядок следования, четко определенный функцией элемента), становится важнейшим инструментом для выражения лингвопрагматических смыслов.

2.3. Позиционность как инструмент лингвопрагматики

В русле исследования синтагматики дискретности любопытное истолкование может получить такое широко представленное в скандинавских языках явление, как скандинавская ***конкатенация*** (автокомбинаторика служебных глаголов).

Бент Луман, специально исследовавший это явление на материале современного шведского языка, приводил примеры автокомбинаторных глагольных цепочек до семи позиционных классов [Loman 1958]. Для нас в этой связи важно подчеркнуть принципиальную «нанизываемость» смыслов, проявляемых цепочками модальных глаголов в скандинавских языках. При этом антропоцентрированные смыслы различаются позиционно: *внешнее предположение говорящего всегда позиционно предшествует указанию на внутреннее намерение субъекта повествования*. Так, по-датски можно сказать: *Han* ***må skulle skynde*** *sig* (прогноз о будущем на основании *внешнего предположения* говорящего <*må*> о внутреннем намерении субъекта <*skulle*>); *Han* ***må have skullet skynde*** *sig* (внешнее предположение говорящего <*må*> о существовании предшествующего <*have*> намерения субъекта <*skulle*>).

Несмотря на отмечаемую скандинавскими грамматистами многозначность модальных глаголов, в частности, датского глагола *måtte*, основными значениями которого в утвердительных предложениях являются, как долженствование (деонтическая модальность), так и предположение (эпистемическая модальность), налицо аналитическое нанизывание смыслов. При этом обычный порядок в таких комбинациях предполагает предшествование маркеров эпистемической модальности (достоверность) маркерам деонтической модальности (долженствование) и динамической модальности (физическая возможность) [Allan, Holmes, Lundskær-Nielsen 1998, 299].

Если мы примем за позиционный ориентир позицию аспектуального показателя *have*, способного разрывать цепочку модальных глаголов, то окажется, что эта позиция четко членит многокомпонентную модальную цепочку на область внешней эпистемической оценки говорящим и область внутренней модальности, характеризующей субъект сообщения:

Предлагаемая нами Таблица 2 позволяет дать наглядное объяснение типичной многозначности модальных глаголов в их бинарных сочетаниях со знаменательными глаголами. Ведь, в этих случаях частичная незаполненность позиционной схемы позволяет интерпретировать одиночный модальный глагол то как расположенный в поле внешней модальности (***Må*** *det gå dig godt* – 'Пусть у тебя все будет хорошо!' *Hun* ***skal*** *være meget venlig* – 'Она, говорят, очень приятная'), то как относящийся к полю внутренней модальности (*Vi* ***må*** *arbejde hårdt* – 'Мы должны напряженно работать'. *De* ***skal*** *giftes* – 'Они собираются пожениться'.

Таблица 2

Позиционная структура многокомпонентных модальных предикатов

Подлежащее	**Внешняя (эпистемическая) модальность. Шире – точка зрения говорящего на ситуацию**	**Аспектуальный показатель – предшествование моменту речи**	**Внутренняя (деонтическая и динамическая) модальность. Шире – отношение субъекта предложения к ситуации**	**Смысловая часть сказуемого**
Han	må (высокая достоверность)	have		taget nøglerne
Du	skulle (vel ikke) (сомнение)	have		set Jens?
Han	skulle (пожелание)	have		været sagfører!
Han	kan (реальн. предположение)	have		fået arbejde
Jeg		har (engang)	kunnet (физич. способность)	løbe hurtigt
Hun	vil (прогноз о завершении)	have		skrevet det inden da!
De	ville (взгляд говорящего на прошлый прогноз о событии)	have		givet mig pengene
Det	ville (ирреальное предполож.)	have		været sjovt at se det!

Продолжение табл. 2

Подлежащее	Внешняя (эпистемическая) модальность. Шире – точка зрения говорящего на ситуацию	Аспектуальный показатель – предшествование моменту речи	Внутренняя (деонтическая и динамическая) модальность. Шире – отношение субъекта предложения к ситуации	Смысловая часть сказуемого
Han	ville (взгляд говорящего на прошлый прогноз о событии)		kunne (физич. способность)	klare det
Hun	ville (взгляд говорящего на прошлый прогноз субъекта о предшествующем событии)	have	kunnet (физич. способность)	hjælpe
Han	må (высокая достоверность)		skulle (необходимость)	gå snart
Han	må (высокая достоверность)	have	skullet (необходимость)	skynde sig
Han		har	måttet (необходимость) kunne (физич. способность)	se det

Рассмотренное в русле аналитизма явление глагольной конкатенации позволяет отметить такие типичные для аналитизма черты как *дискретность* выражаемых служебными компонентами значений, выводимость этих значений из структуры целого, их *комбинаторность* и *позиционную организацию*, а также такую важную, как будет показано ниже, импликацию аналитизма, как *потенциальная дистанцируемость*, в данном случае, разрыв контактной глагольной цепочки за счет сентенциальных наречий: *Du* ***skulle*** *vel ikke* ***have set*** *Jens?* ‘Ты ведь Йенса, кажется, раньше не видел? ’

Явления, подобные конкатенации служебных глаголов, могут быть прослежены и в отношении ***автокомбинаторики модальных частиц***, где позиция одной частицы относительно другой четко определяет прагматический смысл каждой из них, о чем будет сказано ниже.

Как видим, позиционность играет важнейшую роль при определении аналитизма. Отметим, что В. Н. Ярцева при определении аналитического строя на первый план выдвигала именно позиционный критерий, подчеркнув, что «в условиях аналитического строя, где грамматическое (а иногда и лексическое) содержание слова выявляется только в контексте при помощи сопредельных слов и не передано формой самого слова, тесная грамматическая связь существует как между служебными и знаменательными словами, так и между самими знаменательными

словами в пределах предложения. Поэтому всякое определение аналитического строя должно быть достаточно емким и соответствовать как связям служебного слова со знаменательным, так и *специфике позиционной взаимосвязи слов*» [Ярцева 1965, 62] <Курсив мой. ДН>. Позиционная структура предложения выступает в качестве одной из *моделей языкового осмысления мира человеком*. «Эти модели, схемы, категории приобретают статус *форм языкового сознания*, которыми оперирует человек в познавательных и языковых процессах» [Болдырев 2018, 26].

2.3.1. Позиционная структура датского предложения в лингвопрагматическом рассмотрении

Моделирование событийного пространства и пространства говорящего находит отражение в позиционной схеме датского предложения. Обращение к позиционной структуре датского предложения, впервые описанной Поулем Дидериксеном [Diderichsen 1946] убеждает в том, что в самой инвариантной позиционной схеме датского предложения (**F – v-s-a – V-S-A**) оказываются формализованными, то есть жестко структурно «вшитыми», противопоставления субъективной и объективной составляющих высказывания.

Именно поэтому синтаксическая теория Дидериксена была определена им самим как feltanalyse – «анализ полей». В структуре независимого предложения помимо исходной предфинитной позиции (**F**undamentfelt '*фундаментального поля*'), куда – в соответствии с коммуникативной целью высказывания и актуальным членением предложения – может выноситься любой член предложения, выделялись два изоморфных поля – Neksusfelt *'поле нексуса'* (финитная форма глагола **v** – подлежащее **s** – сентенциальные наречия **a**) и Indholdsfelt '*поле содержания'* (нефинитные формы глагола **V** – объектные члены **S** – обстоятельственные члены **A**). (Таблица 3). Позиционная структура придаточного предложения (Таблица 4) отличается от структуры независимого / главного предложения отсутствием фундаментального поля и расположением сентенциальных наречий относительно финитной формы глагола, но жесткая позиционность датского предложения и членение на функциональные поля, противопоставляющие объективную и субъективную часть высказывания, сохраняются:

Таблица 3

Главное предложение

Соединительное поле	Фундаментальное поле	Поле нексуса			Поле содержания		
(Сочинит. союз)	S						
	A	v	s	a	V	S	A
	V						
og	så	kunne	han	sikkert ikke alligevel	få sagt	hende besked	i fide

Таблица 4

Придаточное предложение

Соединительное поле		Поле нексуса			Поле содержания		
(Сочинит. союз)	(Подчинит. союз)	s	a	v	V	S	A
og	at	han	sikkert ikke alligevel	kunne	få sagt	hende besked	i tide

[Кузнецов 1984, 72].

Согласно Шарлю Балли, в любом человеческом высказывании реализуется противопоставление фактического содержания (диктума) и индивидуальной оценки сообщаемых фактов (модуса) [Балли 1955, 44]. Особенность датского языка состоит в том, что модальная и диктальная части высказывания оказываются четко противопоставленными в самой позиционной структуре предложения.

Поле содержания содержит объективную информацию о положении вещей, сообщаемом адресату. В приведенном примере это пропозиция <få sagt – hende besked – i tide> ’передать – ей сообщение – вовремя’. В поле нексуса эта пропозиция отрицается говорящим (ikke). (Показательно, что в датском языке все негаторы закреплены в поле нексуса и, таким образом, не являются средствами выделения ремы). В поле нексуса также передается отношение говорящего к сообщаемому, например, в плане его достоверности (sikkert) или его дискурсивной соотнесенности с предыдущими высказываниями (alligevel). Здесь же стандартно располагаются все выделительные, усилительные, ограничительные наречия. В поле нексуса также называется субъект пропозиции (han) и выражается отнесенность пропозиции к действительности за счет категорий времени и наклонения, передаваемых финитной формой глагола (kunne). Таким образом можно утверждать, что если «поле содержания» локализует сообщаемые факты денотативной реальности, то «поле нексуса» локализует выражение отношения мыслящего субъекта к сообщаемым фактам. То есть сама жесткая позиционная схема датского предложения «заточена» под четкое противопоставление объективных смыслов, отражающих денотативную реальность внешнего мира и субъективных смыслов, привносимых говорящим.

2.3.2. Лингвопрагматическая обусловленность взаимного расположения разных коммуникативных типов сентенциальных наречий

В плане локализации субъективных смыслов, привносимых говорящим, наиболее важна позиция так называемых *сентенциальных наречий*, жестко закрепленных в поле нексуса. Так, в позиции neksus adverbialer (a) всегда располагаются

негаторы, например, *ikke* «не», *aldrig* «никогда», и *модальные частицы***.** Для этой же позиции характерны также *модальные слова* типа *måske* «может быть», *sikkert* «определенно, точно», и *дискурсивные слова* типа *derfor* «поэтому», *alligevel* «тем не менее», связывающие пропозицию с предыдущим контекстом, хотя – в отличие от частиц – они способны выноситься в начальную позицию предложения (Fundamentfeltet).

При этом указанные типы сентенциальных наречий также позиционно закреплены относительно друг друга [Никуличева 1984, 164; Никуличева 2000, 182]. См. таблицу 5.

Таблица 5

	Глагольная группа																	
ЗОНЫ	Левое развертывание								ЯДРО		Правое развертывание							
ПОЗИЦИИ	Внешние препозитивные адъюнкты				Негаторы	Внутренние препозитивные адъюнкты					Внутрирамочные адъюнкты			Постверб	Прогрес. внерамочные адъюнкты			
ПОДПОЗИЦИИ	Детерминанты	Модальные адъюнкты	Дискурсивные адъюнкты	Адъюнкты субъективной оценки высказывания	Отрицательные адъюнкты (ikke и пр.)	Ограничители	Обстоятельства времени	Обстоятельства места	Обстоятельства образа действия	Личная форма глагола	Неличная форма глагола	Косвенное дополнение	Прямое дополнение	Предикативный член	Глагольные частицы наречного или предложного происхож.	Предложные дополнения	Обстоятельства	

Жесткая позиционная закрепленность может быть прослежена и *внутри отдельных позиционных классов сентенциальных наречий*. Об этом свидетельствуют

выводы Э.Б. Крыловой, исследовавшей **взаимное расположение разных коммуникативных типов модальных частиц** [Крылова 2021][1], подразделяемых ею на:

- *частицы оценки достоверности высказывания* – с точки зрения говорящего (1л) ***nok*** «≈ конечно», – адресата (2л) ***vel*** «≈же», – наблюдаемого положения дел (3л) ***vist*** «≈видно»;
- *аффирмативные частицы,* указывающие на *несоответствие ситуации* – предположениям говорящего (1л) ***dog*** «≈однако», – утверждению или мнению адресата (2л) ***da, jo*** «≈же», объективному положению дел (3л) ***nu*** «≈-таки»;
- *комментирующие частицы*, передающие оценку говорящим утверждения в плане: – достаточности собственного (1л) обоснования ***bare*** «просто», – предложения адресату (2л) исключить другие альтернативы ***blot*** или же – объективного (3л) ограничения альтернатив ***kun***. (В приведенной выше Таблице 5 последняя группа частиц обозначалась нами как *ограничители,* поскольку все три указанные частицы (*bare, blot* и *kun*) так или иначе *ограничивают объем пропозиции* и, таким образом, ориентированы уже не на собеседников, а на денотативную реальность, что делает закономерным их расположение в постнегативной позиции (*ikke bare …*, *ikke blot …*, *ikke kun …*), то есть уже не в модальной (субъективно-оценочной), а в диктальной (объективной) части высказывания <ДН>).

Исследование порядка расположения разных коммуникативных типов модальных частиц относительно друг друга позволило Э.Б. Крыловой установить следующую общую закономерность: «в препозиции к другим частицам стоят средства адмиративной модальности (*sgu*), выражающие удивление и экспрессию говорящего как его реакцию на неожиданную реплику собеседника, затем следуют модальные частицы адмиративной модальности (*jo* – 2-е л., *da* – 1-е л.), функционально направленные на слушающего, после них аффирмативно-коммуникативные <дискурсивные Д.Н.> частицы оценочного несоответствия, отсылающие к анафорическому или катафорическому высказыванию (*dog, jo, nu*), затем – частицы проблематической модальности в последовательности vel (2-е л.), vist (3-е л.), nok (1-е л.) или их сочетания, ориентированные на отражение субъективного мира самого говорящего, а завершают данный порядок комментирующие <ограничительные Д.Н.> частицы (blot – 2-е л., bare – 1-е л., kun – 3-е л.), направленные на комментарий ситуации в реальной действительности» [Крылова 2021, 353]. Иными словами, сначала следуют усилительные (аффирмативные) частицы, функционально *направленные на адресата*, затем, частицы, проблематической модальности, *ориентированные на отражение субъективного мира говоряще-*

[1] Подробнее «функциональный принцип следования частиц в высказывании» исследуется на сс. 17–27 этой книги Э.Б. Крыловой, показывающей, что в жесткая позиционная закрепленность одних модальных частиц относительно других обслуживает коммуникативную стратегию говорящего, основной целью которого является воздействие на слушающего, что «предопределяет приоритетные позиции частиц, функционально направленных на слушающего» [С.27].

го, а последними – ограничительные частицы, *лимитирующие саму сообщаемую пропозицию.*

Установленная последовательность иллюстрируется примером, давшим название статье Н. Давидсена-Нильсена: «*Det er* ***sgu da nu vist bare*** *en misforståelse*». '*Да* это *же, черт побери, похоже, просто* недоразумение' [Davidsen-Nielsen 1993, 3]. Жесткая позиционность разных коммуникативных типов датских частиц наглядно проявляется при сопоставлении этого примера с его русскими переводами. Если в русском переводе мы можем свободно изменять последовательность (***Да*** *это* ***же***, ***черт побери***, ***похоже, просто*** *недоразумение* / ***Черт побери***, ***да*** *это* ***же просто***, ***похоже***, *недоразумение* / ***Да похоже***, *это* ***просто***, ***черт побери***, *недоразумение* и т.п.), то в датском языке каждому типу частиц соответствует жесткое расположение относительно других коммуникативных типов.

2.3.3. Лингвопрагматическая обусловленность предфинитной позиции датского предложения

Антропоцентрированность позиционной схемы датского предложения становится еще более очевидной, если обратиться к функции предфинитной позиции – «фундаментальному полю» датского предложения. Важные наблюдения в этом отношении были сделаны С.Н. Кузнецовым, отмечавшим: «В русском языке с его свободным порядком слов и возможностью выделить рему через категорию утверждения/отрицания внимание исследователя естественным образом концентрируется, в первую очередь, на тема-рематическом членении. В датском же языке членение на тему и рему не является достаточно отчетливым. Зато здесь весьма отчетливо выделен отправной пункт высказывания, для которого существует особая, синтаксически четко обозначенная позиция перед финитным глаголом («фундаментальное поле» по Дидериксену). [Кузнецов 1984, 124]. «Весьма интересно, – продолжает исследователь, – что в датском языке безразличная к выделению ремы категория утвердительности/ отрицательности оказывается совсем не безразличной к обозначению отправного пункта высказывания. Датские лингвисты отмечают (но теоретически не объясняют) тот факт, что в начальной позиции возможно подчеркивание вынесенного сюда элемента с помощью выделительных и ограничительных слов, обычно занимающих приглагольную позицию, например, *netop, kun, først* и пр.: *Netop idag* har jeg fået et brev fra ham; *Først på mandag* får jeg besked; *Også jeg* blev skuffet» [Там же, 125].

В итоге С.Н. Кузнецов делает вывод о том, что если для русского языка ведущим является *коммуникативное членение* на «тему и рему», а для датского языка важнее оказывается *эмотивное членение* на «исходную и последующую» часть высказывания.

Для антропоцентрической проблематики нашего исследования особый интерес представляет следующее размышление С.Н. Кузнецова о распределении эмотивной и коммуникативной функции в пределах датского

п р е д л о ж е н и я: «Подобное распределение коммуникативной и эмотивной функций можно связать с *неодинаковой отнесенностью обеих функций к участникам коммуникативного акта*. Выше уже отмечалось, что *коммуникативная функция связывает высказывание с адресатом речи*, вызывая у него ту или иную реакцию. *Эмотивная же функция связывает высказывание с говорящим*, передавая его эмоциональное состояние. Различное распределение этих функций внутри предложения отражает факт развертывания предложения во времени: *начальная часть высказывания обращена в первую очередь к говорящему*, как то непосредственное будущее, с которого начинается реализация высказывания и которое, следовательно, лучше всего приспособлено для выражения чувств, обуревающих говорящего; для слушателя же предложение – это факт прошлого, причем *заключительная часть высказывания* воспринимается им в последнюю очередь (как непосредственное прошлое) и *лучше сохраняется в оперативной памяти*. Поэтому эмотивно наиболее весомая часть попадает в начало предложения, а коммуникативно наиболее весомая часть – в его конец» [Кузнецов 1984, 117]. <Курсив мой ДН,> И именно такое распределение коммуникативных центров, которое – как тенденция – может наблюдаться в разных языках, оказывается жестко закрепленным в позиционной структуре датского предложения.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

Все приведенные выше факты свидетельствуют о том, что, благодаря усилению тенденций к аналитизму, в современном датском языке развивается широкий дополнительный инструментарий формальных средств для выражения антропоцентрированных смыслов, приобретающих особую значимость для такого «малого сообщества с широкой сетью социального взаимодействия», каковым, как мы показали выше, является современное датское общество.

Таким образом, специфика языковой ситуации в Дании состоит в том, что, с одной стороны, в датском языке существует *экстралингвистический запрос* в плане содержания на языковое выражение нюансов межличностного общения (коммуниканты посылают друг другу языковые сигналы типа: «ты понимаешь, что я имею в виду», «мы с тобой на одной волне», и одновременно присутствует дополнительный *ресурс в плане выражения* – постоянно пополняющийся инвентарь «грамматики малых слов». Продолжается процесс втягивания малых полнозначных слов в сферу системного выражения значимых для языкового коллектива коммуникативно-прагматических смыслов.

3. ДАТСКИЙ ЯЗЫК И КОММУНИКАТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ ПЕРА ДУРСТ-АНДЕРСЕНА

> The essence of language is human activity–activity on the part of one individual to make himself understood by another, activity on the part of that other to understand what was in the mind of the first. These two individuals, the producer and the recipient of language, or as we more confidently may call them, the speaker and the hearer and their relations to one another should never be lost sight of if we want to understand the nature of language, and of that part of the language which is dealt with in grammar
> *(Otto Jespersen The Philosophy of Grammar, p. 17)*

> Сущностью языка является человеческая деятельность – деятельность одного индивида, направленная на передачу его мыслей другому индивиду, и деятельность этого другого, направленная на понимание мыслей первого. Этих двух людей, продуцента и реципиента языка, – назовем их проще – говорящего и слушающего и отношения между ними мы никогда не должны упускать из виду, если хотим понять природу языка и, в частности, ту его область, которая изучается грамматикой.
> *(О. Есперсен "Философия грамматики»)*

На самом рубеже XX и XXI века автор этого текста работала над завершением обширного проекта, посвященного контрастивному исследованию синтагматических структур в близкородственных континентальных скандинавских языках. Когда уже были выявлены цельносистемные расхождения, позволяющие объяснить множество частных различий в структуре словоформ, композитов и синтаксических групп, четко противопоставивших шведскую тенденцию к синтагматической слитности и контактности датской тенденции к синтагматической дискретности и дистанцированию, оказалось, что эти расхождения касаются не только языковых структур, но и тех лингвистических теорий их описания, которые оказываются предпочтительными в соответствующих национальных языковедческих традициях.

В результате была написана еще одна глава, названная «О влиянии характерологических особенностей структуры языка на выбор лингвистической системы его описания». Такой подход позволил, в частности, объяснить, почему генеративный синтаксис, столь популярный в шведских лингвистических описаниях, не прижился в датской лингвистике и был заменен на «топологический синтаксис» Поуля Дидериксена. Этот подход также позволил систематизировать и объяснить множество частных расхождений в орфографическом нормировании датского и шведского языков, как отражающих особенности их характерологической синтагматики [Никуличева 2000, 319–354].

Это воспоминание приведено здесь потому, что далее речь пойдет об оригинальной теории *коммуникативной типологии языков* предложенной датским профессором Пером Дурст-Андерсеном. Его теория основана на наблюдениях над разными европейскими – и не только – языками, и обладает широким объясни-

тельным потенциалом, однако то, что автор этой теории является, в первую очередь, носителем датского языка, сыграло, на наш взгляд, немалую роль, поскольку именно в этом языке особо нюансированными оказываются смыслы, связанные с участниками коммуникации. Не случайно в качестве эпиграфа к этому разделу выбрана цитата из книги Отто Есперсена, родным языком которого, также как и для Пера Дурст-Андерсена, был датский.

Теория коммуникативных супертипов складывалась на протяжении многих лет. Ее системное академическое представление содержится в книге «Linguistic Supertypes. A cognitive theory of human communication» [Durst-Andersen 2011]. Но наиболее целостно и компактно то новое, что привносит теория коммуникативных супертипов излагается в книге Дурст-Андерсена «Bag om sproget» («По ту сторону языка») [Durst-Andersen 2011[1]], которая и по стилистике, и по широте поднимаемых проблем продолжает философско-культурологическую и коммуникативную традицию осмысления грамматики, начатую в датской лингвистике книгой Отто Есперсена «Философия грамматики». Не случайно цитата из этой книги, подчеркивающая важность учета отношения говорящего и слушающего для понимания сущности грамматики, послужила эпиграфом к данному разделу.

Базовым для книги «Bag om stroget» является понятие «культурно-ментальной вселенной»: культура и национальное сознание входят в плоть и кровь его носителей через родной язык, по-особому настраивающий не только их мозг (когницию), но и их сенсорное восприятие (перцепцию) и то, как они организуют речевое общение (коммуникацию).

Любая коммуникация включает трех участников, а именно говорящего, слушающего и действительность. Основной тезис книги состоит в том, что языки можно подразделить на *супертипы* в зависимости от того, насколько грамматическая система того или иного из них настроена на отображение (1) объективной реальности, одинаковой для говорящего и слушающего, (2) восприятия ситуации говорящим, (3) восприятия ситуации слушающим. В качестве примеров языков, ориентированных на реальность, автор рассматривает русский язык, китайский язык и хинди. В качестве языков, ориентированных на говорящего, в книге приводятся болгарский, грузинский и испанский языки. В качестве языков, ориентированных на слушающего, исследуются датский, шведский и английский языки.

Первая глава называется «Язык и предметы». Важное развитие П. Дурст-Андерсеном идеи Ф. де Соссюра о двусторонности языкового знака состоит в том, что план содержания, в свою очередь, также имеет две стороны: *визуальное* (billedmæssigt) и *понятийное* содержание (idemæssigt indhold). То есть план содержания представляет собой конгломерат перцептивной «картинки» и когнитивной «идеи», например, говоря «ребенок», мы активизируем визуальное представление о том, как типично выглядит ребенок, и одновременно идею «человек, не достигший взрослого возраста». «Картинка», в свою очередь, обычно представляет собой фигуру (движущуюся или неподвижную) на определенном фоне.

Сравнивая соотношение визуальной и понятийной составляющих в именовании одних и тех же денотатов в разных языках, автор приходит к выводу, что различия системны и отражают специфический для данной языковой культуры способ восприятия мира. Так, сравнивая датский язык с французским, П. Дурст-Андерсен замечает, что французский тяготеет к именованию более конкретного визуального содержания, а датский – более абстрактного понятийного содержания. Ср. обозначение различных видов спортивных площадок во французском, где (так же, как и в русском) для каждого типа денотатов имеется специальное слово: *terrain* (de golf) «*поле* (для гольфа)», *court* (de tenis) (теннисный) *корт*, *piste* (de patinage) «*дорожка* (для бега на коньках)». В датском языке для любого типа спортивных площадок используется обобщающее широкозначное понятие *bane*, соответственно: *golf**bane**, tennis**bane**, skøjte**bane***.

Глава вторая носит название «Язык и ситуации». Именованию ситуаций в широком смысле слова служат глаголы. Исходя из двойственности плана содержания, автор предлагает стройную и последовательную классификацию типов ситуаций. Ситуации подразделяются на простые (визуализируемые как одна ментальная картинка) и комплексные (две ментальные картинки). Простые ситуации, в свою очередь, подразделяются на два типа: *состояние* (картинка, где фигура стабильна) и *деятельность* (фигура нестабильна). Примером состояния может служить ситуация, задаваемая глаголом «сидеть», а примером деятельности – ситуация, задаваемая глаголом «ползать». Комплексные ситуации также подразделяются на два типа: *процесс* (деятельность, имеющая своей целью состояние) и *событие* (состояние, обусловленное деятельностью). Примером процесса может служить ситуация, задаваемая глаголом «вставать» (деятельность, результатом корой является состояние «стоять»). Примером события может служить ситуация, задаваемая глаголом «встать».

Такие языки как датский и английский не имеют особых глаголов, различающих процессы и события. Датские глаголы *give, fortælle, overbevise, berolige*, как и соответствующие им английские, объединяют в своей семантике сразу и деятельность, и состояние, возникающее в ее результате, то есть подразумевают сразу «давать и дать», «рассказывать и рассказать», «убеждать и убедить», «успокаивать и успокоить». Такие глаголы П. Дурст-Андерсен называет «*глаголами действия*» (handlingsverber) и считает их языковыми конструктами, *ментальной абстракцией*, объединяющей в одном глаголе существующие в реальном мире состояния и процессы. «Славянские языки именуют только те ситуации, которые можно увидеть и потрогать – действие же нельзя увидеть, хотя можно наблюдать процесс или событие» [Durst-Andersen 2011[1], 43].

Глава третья «Язык и восприятие» посвящена сопоставлению функционирования глаголов местоположения в разных языках. Выбор глагола позволяет понять, как тот или иной языковой коллектив видит стабильную ситуацию, когда фигура «*стоит*»/ «*лежит*»/ «*сидит*»/ «*висит*» по отношению к фону.

Так, русскому предложению с глаголом вертикальной локализации «Дом *стоит* на углу» соответствует датское «Huset *ligger* på hjørnet» с глаголом горизонтальной локализации, и английское «The house *is* at the corner», с глаголом существования, точно так же как глагол существования оказывается предпочтителен во французском, итальянском и испанском. Речь идет о том фокусе восприятия ситуации, который ребенок усваивает из речи взрослых. Точно так же датский и английский ребенок, усваивают, что, когда человек говорит об обладании или потребности, он рассказывает о себе: *Jeg* har en dukke, *Jeg* har brug for penge, а русский ребенок, наоборот, усваивает, что говоря о потребности или обладании, человек рассказывает не о себе: «У меня есть *кукла*», «Мне нужны *деньги*». Когда русский говорит о городе, горе, корабле, полку, цене или температуре «*стоит*», а датчанин употребляет с соответствующими существительными глагол «лежит», то объяснение этому кроется в приоритетности фокуса либо на фигуре (прототипически вертикальной, как человеческая фигура), как это имеет место в русском языке, либо на фоне (прототипически горизонтальном, как поверхность земли), как это имеет место в датском языке, тогда как английский абстрактно регистрирует существование отношения между фоном и фигурой. Фокус внимания к фону в датском языке усиливается ориентацией датского языка на слушателя, поэтому для этого языка столь важна обязательная пространственная ориентация говорящего относительно слушающего, выражаемая глагольными частицами: *Hvor er du henne? – Jeg er ovre/ henne/ nede/ oppe/ inde/ ude hos Peter. 'Ты где? – Я (напротив/ рядом/ внизу/ наверху/ внутри/ снаружи) у Петера'.*

Глава четвертая «Язык и когниция» посвящена исследованию того, как языковое сознание перерабатывает визуальные стимулы. Согласно теории автора, существует три стадии переработки визуального стимула. Сначала происходит *восприятие* (oplevelse) определенного состояния (tilstand), затем его *понимание* (forståelse), реконструирующее предшествующее ему событие (begivenhed) и, наконец, *воспоминание* (erindring) об этом состоянии, заключающее в себе два типа содержания – визуальное в виде ментальной «фотографии» итогового состояния и понятийное как реконструкцию произошедшего события. Эти соображения служат основой для уточнения семантики форм датского перфекта и имперфекта. Согласно П. Дурст-Андерсену, их когнитивное различие состоит в том, что формы перфекта (*har stjålet*) представляют собой воспоминание о событии, сохраненное в «актуальной памяти» (дословно, *i nutidslager* «на складе настоящего времени») в виде ментальной фотографии итогового состояния, тогда как формы имперфекта (*stjal*) представляют собой воспоминание о событии, сохраненное в «неактуальной памяти» (дословно, *i fortidslager* «на складе прошлого») в виде ментального фильма.

Любопытное подтверждение существования в сознании носителей датского языка пространственного противопоставления событий, расположенных «на складе прошлого» и событий, расположенных «на складе настоящего», дают результаты перцептивного эксперимента с носителями датского языка, описываемого нами в разделе «Эксперимент по выявлению перцептивных основ грам-

матической категоризации времени в датском языке» (См. стр. 133 II.3.3). Экспериментальное исследование показало, что датские информанты располагали визуализации актуальных прошлых событий прямо перед собой по центральной оси зрения, а события неактуального прошлого – с явным левым смещением и последовательным удалением. Проведенный нами эксперимент позволяет внести еще такое уточнение, а именно, что противопоставляя перфект и имперфект, следует говорить о реконструкции событий в виде разных кинематографических планов: крупного – перфект и общего – имперфект – плана.

Сравнивая датскую темпоральную систему с русской, Пер Дурст-Андерсен подчеркивает, что датские темпоральные формы автоматически соотносятся только с событием, тогда как в русском языке одни формы соотносятся с событием (несовершенный вид), а другие – с процессом (совершенный вид). Анализируя это высказывание, мы хотели бы добавить, что русский несовершенный вид сенсорен, тогда как датский претерит более отстранен. Это, по точному наблюдению Дурст-Андерсена, реконструкции события – «ментальные абстракции», «объединяющие в одном глаголе существующие в реальном мире состояния и процессы» [Durst-Andersen 2011[1], 43]..

Глава пятая «Язык и коммуникация» обсуждает тему межкультурной коммуникации. Сравнивая примеры перевода метонимических высказываний из газетно-публицистических и юридических текстов с английского языка на датский и на русский, автор приходит к выводу, что, хотя метонимия и является универсальным стилистическим приемом, именно в русском языке в ряде случаев оказывается необходимыми более развернутые формулировки, точнее предающие реальную ситуацию. Датский, и английский языки, напротив чаще прибегают к метонимиям (типа «Буш и Блэр застряли в Ираке»), опираясь на фоновые знания адресатов. Эта же тенденция наблюдается в терминологии. Ср. дат. *Miljøministeriet* досл. *«среда-министерство», тогда как на русский это переводится как «Министерство защиты окружающей среды».

Обсуждение языковых ошибок, индуцированных системой родного языка при описании по-английски одних и тех же сценариев носителями датского и испанского языка, позволяет сделать ряд любопытных выводов о том, как по-разному заключается и прерывается коммуникативный контракт в датской и испанской языковой культурах. В испанском английском больше прямых императивов с оговорками, предоставляющими свободу выбора адресату. В датском английском больше косвенных побуждений. При этом в английской коммуникации датчанам явно недостает ресурса датских модальных частиц, четко маркирующих отношения между коммуникантами, а также различные типы побуждения, такие как разрешение, просьба, приказ, предложение и пр.

Детальный анализ системы датских модальных частиц и ее роли в формировании различных речевых актов проводится Э.Б. Крыловой в Главе VI, а языковые средства поддержания коммуникативного контракта анализируются Е.А. Гуровой в Главе V предлагаемой нами «Антропоцентрической грамматики».

Глава 6 «Язык и семиотика» книги П.Дурст-Андерсена посвящена обобщению семиотических особенностей каждого из трех устанавливаемых в книге языковых супертипов. *Языки, ориентированные на действительность,* нацелены на вербализацию тех аспектов денотативной реальности, которые являются общими для говорящего и слушающего в силу того, что одинаково воспринимаются их зрением, слухом, обонянием, вкусом, ощущениями. Зрительно ситуация воспринимается только как протекающий перед глазами «процесс», либо как результат предшествующего процесса – «событие». Именно эта дистинкция выражается в противопоставлении совершенного и несовершенного вида, что имеет место в русском языке, китайском и хинди. При этом, по утверждению автора, ни один из названных языков не способен вербализовать такой ментальный конструкт как «действие», одновременно соединяющий в себе идею и процесса, и результата. Роль говорящего в этом типе языков сравнивается с ролью «репортера», внимание которого направлено на «ситуацию», о которой он пишет «в третьем лице».

Языки, ориентированные на говорящего, нацелены на вербализацию восприятия действительности говорящим, то есть указывается, сам ли говорящий наблюдал ситуацию, или же он о ней слышал, читал, или же логически ее реконструировал. Особая роль говорящего конституируется при помощи специальной модальной категории внутри индикатива, противопоставляющей прямое и косвенное восприятие ситуации. Приводятся примеры такого противопоставления из болгарского, грузинского, турецкого, македонского, испанского и японского языков. Роль говорящего в этом типе языков сравнивается с ролью «комментатора», внимание которого направлено на «восприятие», о котором он говорит «в первом лице».

Языки, ориентированные на слушающего, нацелены на постоянное сопоставление говорящим своего восприятия ситуации или своего воспоминания о ситуации с восприятием и воспоминанием слушающего. Для языков этого типа характерна нюансированная система грамматических времен и противопоставление определенного и неопределенного артикля. В качестве примера приводятся датский, шведский, норвежский и английский языки. Роль говорящего в этом типе языков сравнивается с ролью «информатора», внимание которого направлено на новую «информацию», которую он представляет «второму лицу».

Название главы 7 «Разные голоса в датском и английском языке» связано с идеей автора о том, что реально в любом языке мира присутствует ориентация на денотативную реальность, говорящего и слушающего. Однако «ведущим голосом», настраивающим грамматическую систему языка, является тот, который нормативно используется в нейтральном или официальном речевом общении. Так, «голос», ориентированный на второе лицо, является доминантным для датского языка, однако в ситуациях неформального речевого общения возрастает роль модальных частиц (*nok*, *velnok* и др.), маркирующих взгляд на ситуацию с точки зрения говорящего.

В главе обсуждаются расхождения в глагольной системе датского и английского языка, хотя оба они ориентированы на слушающего. Объяснение автор видит

в различии временной перспективы. Для английского характерна импрефективная временная перспектива, когда датский отсылает к моменту коммуникации, а английский – к прошлой ситуации. Ср. реплику о старинной кукле в телепередаче: «*Моя бабушка получила ее в 1894 году*», где датский язык нормативно использует форму перфекта: *Min bedstemor* ***har fået*** *den i konfirmationsgave i 1894*, а английский – форму простого прошедшего: *My granny* ***got*** *it as a gift in 1894*. На наш взгляд, это межъязыковое различие может быть также объяснено в терминах перцептивного противопоставления фона и фигуры. Если в англоязычном темпоральном сознании первичной является ориентация сообщаемого события относительно временного фона – объективной линии времени (факт локализован в 1894 году), то для датского темпорального сознания первична ориентация фигуры (в данном случае, куклы) относительно момента речи. Этот объект (кукла) актуален для разговора. Поэтому перцептивно факт получения объекта представляется крупным планом, что достигается за счет использования формы перфекта.

Автор подчеркивает, что для языков, ориентированных на слушателя, важно нюансированное противопоставление информации, как 1) отражающей объективный и конкретный *опыт* говорящего (в датском вводится особым глаголом *synes*), 2) его объективное и абстрактное *знание* (в датском вводится глаголом *vide*), 3) его субъективное и конкретное *предположение* (в датском вводится глаголом *tro*), 4) его субъективное и абстрактное *мнение* (в датском вводится глаголом *mene*). Эти дихотомии находят отражение в структуре грамматических категорий. Так, противопоставление *конкретного опыта* и *абстрактного знания* в датском языке грамматикализовано в противопоставлении форм синтетического и аналитического пассива: *Mange bliver fyret for tiden* ‘(Я вижу, что) многих сегодня увольняют’; *Mange fyres for tiden* ‘(Я знаю, что) многих сегодня увольняют’. В английском языке это же противопоставление, по мнению автора, лежит в основе оппозиции форм прогрессивного и не-прогрессивного вида: *He is being polite* ‘(Я вижу, что) он вежлив’; *He is polite* ‘(Я знаю, что) он вежливый’.

В главе III нашей «Антропоцентрической грамматики» будет исследовано, как отмеченное П. Дурст-Андерсеном противопоставление конкретного и абстрактного знания и субъективного и объективного опыта находит последовательное отражение в организации системы датских подчинительных союзов.

Свою теорию лингвистических супертипов Пер Дурст-Андерсен определил как «когнитивно-семиотическую теорию человеческой коммуникации» [Durst-Andersen 2011]. Отражение человеческого фактора в языке получило особую значимость именно в русле когнитивной парадигмы лингвистических исследований.

Теория Пера Дурст-Андерсена, основанная на осмыслении влияния структуры коммуникации, а также перцептивных и когнитивных особенностей человеческого мозга на грамматическую семантику языков мира, оказала большое влияние на авторов этой коллективной монографии и во многом определила ее теоретические установки. В дальнейших главах мы будем возвращаться к изложенным выше теоретическим положениям коммуникативной типологии Пера Дурст-Ан-

дерсена и анализировать, каким образом они применимы для антропоцентрированного описания грамматической системы датского языка.

4. АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КОГНИТИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТНЫХ СФЕР

Выбирая между определенными языковыми средствами выражения, говорящий выбирает определенный способ конструирования мира, учитывая особенности конкретной прагматической ситуации
(Ирисханова, Игры фокуса в языке, с 12)

К прагматическим факторам взаимодействия говорящего и слушающего в процессе речевой коммуникации когнитология добавила еще одно измерение – а именно фактор человеческого восприятия. В качестве важнейшего объекта своих исследований когнитивная лингвистика поставила вопрос о том, каким образом когнитивные процессы, обусловленные естественностью человеческого зрительного восприятия, преломляются, «попадая в пространство языка», где «приобретают выраженный условный характер» [Ирисханова 2014, 7]. Это преломление, в первую очередь, связано с отмечаемой психологами общечеловеческой особенностью селективности восприятия. «К числу когнитивных механизмов, обеспечивающих проявление селективности в языке, в когнитологии стали активно применяться такие понятия гештальтпсихологии как фокусирование, конструирование, фигура-фон, траектор и ориентир, перспективизация, точка зрения и др.» [Ирисханова 2014, 25].

Для нас важно проследить, как общечеловеческая способность перемещать фокус внимания с помощью языка преломляется в конкретном языке. Ведь язык – это неотъемлемая часть познавательной деятельности человека, в большой степени основанной на его зрительном восприятии. Поэтому в нашем исследовании важнейшую роль будут играть такие понятии как *перцепция, перцептор, позиция наблюдатели, позиция говорящего, ориентация, перспектива, множественная перспектива, совмещение точек зрения субъекта речи и субъекта повествования, слияние ментальных пространств* и др.

В этой связи принципиальную значимость в нашем исследовании приобретает понятие «*взаимодействия субъектных сфер*». Концепция множественности субъектных сфер получила детальную разработку в фундаментальном исследовании «Коммуникативная грамматика русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004]. Объектом исследования коммуникативной грамматики является «человек как субъект речевой деятельности, социального общения, как лицо воспринимающее и осмысляющее мир. Один из основных инструментов коммуникативной грамматики – выявление позиции говорящего в отборе речевых ресурсов и организации текста». [Там же, 20].

Определяя термины, используемые при анализе языкового материала на фоне субъектной перспективы высказывания, авторы пишут: «Соотнесение *субъекта сообщаемого факта* (*диктума*) и *субъекта факта сообщения* (*модуса*) и вербализация их в конкретном высказывании позволяют выстроить субъектную перспективу высказывания, «прочертить» ось между *Он* субъекта исходной модели и *Я* говорящего. На этой оси выделяются субъектные зоны: S_1 (субъекта неосложненной модели), S_2 (субъекта каузатора), S_3 (субъекта авторизатора), S_4 (субъекта говорящего, автора данного высказывания) и S_5 (адресата высказывания, субъекта слушающего). Реализация конкретного участка этой схемы (конкретной субъектной зоны) в высказывании и есть субъектная сфера, которая прямо связана с внеязыковым положением дел. Таким образом складывается пятичастная модель взаимодействия субъектных сфер» [Там же, \231].

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

Антропоцентризм представления «человека в языке» оказывается, таким образом, шире, чем исследуемое лингвопрагматикой отношение между субъектами коммуникации. Антропоцентрическое представление человека в языке даже шире, чем исследуемое П. Дурст-Андерсеном отношение между говорящим, слушающим и денотативной реальностью. Это также ориентация человека в мире и учет отношения субъектов коммуникации к субъектам повествования. Особыми языковыми средствами говорящий может подчеркнуть согласие со взглядами адресата или, наоборот, отстраниться от них, или отмежеваться от достоверности сообщаемой информации – он может также – языковыми средствами – поместить себя в позицию персонажа или отстраниться от нее. Это значит, что языковое выражение совмещения (англ. view-point blanding) или, наоборот, дистанцирования позиций восприятия говорящего, адресата и персонажа – также станет предметом исследования в нашей «Антропоцентрической грамматике».

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что основными направлениями антропоцентрированного исследования в этой книге будет системный анализ языковых средств датского языка, выражающих ориентацию человека в четырех типах пространств:

– в физическом пространстве,
– в пространстве времени,
– в пространстве мысли,
– в пространстве коммуникации

ЧАСТЬ I

ОРИЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Говорением мы укрепляем временную
и пространственную оси нашей цивилизации,
потому что занимаем место в ее центре.
(Ойген Розеншток-Хюсси)

ГЛАВА I
ОРИЕНТАЦИЯ В ФИЗИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГРАММАТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ДАТСКОГО ЯЗЫКА

«В окружающем мире объектов и событий
нет четких пространственных и временных границ.
Их устанавливает человек с помощью языка»
(Н.Н.Болдырев)

Важной областью, где в полной мере проявляется антропоцентрированность грамматических средств в датском языке, является вербальное выражение ориентации в физическом пространстве.

Ориентация в пространстве универсальна для Homo sapiens. В отличие от ориентации во времени она заложена в строении человеческого организма. Органом ориентации является наш вестибулярный аппарат, позволяющий человеку, находящемуся не в состоянии невесомости, даже в полной темноте определять *верх* и *низ* и – принимая собственное тело за безусловный ориентир – понимать, что такое *вперед/ спереди* и *назад/сзади,* различать расположение *внутри/внутрь* и *вовне/ снаружи.* Казалось бы, здесь не должно быть существенных расхождений в вербализации мира между разными языковыми культурами. И, тем не менее, ис-

следователи вновь и вновь отмечают, что языковое выражение ориентации в пространстве проявляет лингвоспецифические особенности, весьма очевидные при сопоставлении идентичных текстов на разных языках.

Пожалуй, любой исследователь средств пространственно-временной ориентации в том или ином конкретном языке мог бы написать то, с чего начинает свою докторскую диссертацию, посвященную выражению пространственных и временных значений в лексической семантике турецкого языка, Е.М. Напольнова: «Первоначальной причиной обращения к этой теме явились различия между семантикой и сочетаемостью эквивалентов ряда лексем в турецком и русском языках, выявленные в процессе выполнения переводов разной тематики, а также разработки методики преподавания русского языка турецким студентам, её практического апробирования и анализа типичных ошибок учащихся. На этом этапе наше внимание привлёк системный характер многих различий, которые возникают как следствие специфики способов структурирования окружающего пространства, выражения пространственных и временны́х отношений, наименования способов пространственного перемещения и пространственных позиций объектов разного типа» [Напольнова 2021, 3].

Точно также и в отношении датского языка русскоязычный исследователь будет регулярно отмечать различия между семантикой и сочетаемостью аналогичных лексем, а также системный характер выявляемых расхождений.

Лингвоспецифичность языкового выражения пространственной ориентации связана с отраженной в языке субъективностью членения мира человеком. Об этом очень точно сказал Н.Н. Болдырев: «В окружающем мире объектов и событий нет четких пространственных и временных границ (речь не идет о границах материальных объектов, которые сами по себе пространством не являются). Их устанавливает человек с помощью языка, разделяя или объединяя объекты и события и их характеристики, представляя ту или иную сущность (например, океан, космос, эпоха) как определенное «вместилище», контейнер, или пространство. Этому пространству приписываются внутренние и внешние границы, отношения между входящими в него объектами, т.е. определенная структура» [Болдырев 2018, 27].

Для нашего исследования также важна идея Н.Н. Болдырева о конструировании в человеческих языках трех типов пространств. «С точки зрения антропоцентрического принципа можно выделить три типа пространств, конструируемых говорящим субъектом для характеристики его отношений с окружающей средой: *эгоцентрические* (ориентированные на говорящего субъекта), *эндоцентрические* (противопоставленные говорящему субъекту) и *нецентрированные* пространства (без явно выделенного центра ориентации). В основе данной типологии лежит определенный способ профилирования точки отсчета, в качестве которой может использоваться сам говорящий субъект, его собеседник или какой-либо другой человек или объект. Это позволяет говорить о трех частных принципах когнитивного конструирования отношений «я-говорящего» с другими

объектами: 1) группировка объектов я-говорящим вокруг себя как центрального элемента (моя семья, мои друзья, моя фирма, здесь я даю указания, своя рубашка ближе к телу), 2) объединение элементов вокруг какого-либо другого объекта или совместно с другим объектом, выбранного говорящим в качестве центрального (твоя семья, твои друзья, ее фирма, оторваться от семьи, наше поколение, командуйте у себя дома), 3) представление объектов как некоторого объединения в пределах определенных границ без явного центра: университет, ассоциация, оргкомитет, конгресс, руководство, президиум, утратить связь с кафедрой, в аспирантуре» [Болдырев 2018, 30].

Речь при этом не всегда идет о механическом противопоставлении 1, 2 и 3 лица, как можно было бы предположить на основании примеров, приведенных в процитированном высказывании. Действительно, основой эгоцентрических пространств является 1 лицо – фигура говорящего. Это «Я» говорящего в монологическом и диалогическом регистрах, и нарратив от первого лица, и прямая речь персонажей в нарративе. И этому «Я» так или иначе противопоставлены эндоцентрические пространства «не Я». Это может быть и собеседник в диалогическом регистре, адресат монологического текста, и персонаж нарратива, относительно которых также возможна пространственная ориентация ситуации. Наконец, нецентрированные пространства – это расположение объектов во внешнем мире безотносительно к фигуре антропоморфного наблюдателя: ‘лампа над кроватью’, ‘тюльпаны в вазе на столе’.

Вместе с тем, если сопоставить приведенные русские примеры с их датскими эквивалентами, становится очевидно, что даже при описании «нецентрированных пространств», благодаря использованию артиклевых показателей, датский язык грамматически маркирует актуализированность объекта пространственной ориентации говорящим: *lamp**en** over seng**en***, *tulipaner**ne** i vas**en** på bord**et***. За счет обязательного использования определенных артиклей пространственные ориентиры представляются грамматическими средствами датского языка либо как объекты, наблюдаемые субъектом речи в конкретной речевой ситуации: *Sikke smukke tulipaner i vas**en** på bord**et**!* ’Какие красивые тюльпаны в вазе на столе!’, либо как ориентиры относительно субъекта диктума в ситуации нарратива: *Han kiggede på lamp**en** over seng**en*** ‘Он посмотрел на лампу над кроватью’. То есть антропоцентрированность в датском языке может быть отмечена даже для пространств третьего типа, когда в качестве точки отсчета используются не участники коммуникации, а субъекты повествования.

В целом можно предположить, что – хотя маркирование трех типов пространств в принципе должно присутствовать во всех языках – соотношение удельного веса ориентиров «Я»/ «Другой человек» / «Объекты внешнего мира», может существенно отличается от языка к языку.

В качестве материала исследования будут использованы параллельные художественные тексты на датском и русском языках и национальный корпус современного датского языка KorpusDK.

Методы исследования:

1. Межъязыковое сопоставление опущений и приращений смысла в русском переводе по сравнению с датским оригиналом, содержащим пространственные наречия.
2. Внутриязыковое сопоставление по KorpusDK контекстов с наличием/отсутствием пространственных наречий при идентичных предложных локативах.
3. Внутритекстовое сопоставление по KorpusDK контекстов с наличием/отсутствием пространственных наречий при предложных локативах в рамках одного высказывания.

I.1. АНТРОПОЦЕНТРИЗМ МЕСТОИМЕННОГО ДЕЙКСИСА

Прототипическая антропоцентрированность ориентации в пространстве проявляется в местоименном дейксисе, поскольку употребление указательных местоимений обязательно свидетельствует о присутствии «Я» говорящего.

Часто дейктические местоимения рассматриваются в ряду лексических явлений, как, например, это делает Е.М.Напольнова в отношении турецких пространственных местоимений. Однако там, где устанавливаются парадигмы, исследователь неизменно вступает в сферу грамматики. И именно о развитии особых парадигм следует говорить в связи с системой датских дейктических местоимений.

I.1.1. Парадигматические ряды датских указательных местоимений

В датском языке выделяются следующие парадигматические ряды указательных местоимений.

1. Изоморфные аналитическим определенным артиклям указательные местоимения ***den*** (общий род единственное число), ***det*** (средний род единственное число), ***de*** (множественное число, не дифференцируемое по роду). Отличие указательных местоимений от соответствующих артиклей заключается в обязательной ударности дейктических местоимений.
2. Соответствующие им указательные местоимения ***denne*** (общий род единственное число), ***dette*** (средний род единственное число), ***disse*** (множественное число, не дифференцируемое по роду).
3. Характерные для разговорной речи *корреляты* ***den her, denne her, den der, denne der*** (общий род единственное число), ***det her, dette her, det der, dette der*** (средний род единственное число), ***de her, de der*** (множественное число, не дифференцируемое по роду).

Ключом к пониманию их различий служит признак, отмеченный Ю.Д. Апресяном – что в дейксисе важно не только присутствие говорящего, но и его представление о положении и размерах «присваиваемого» им пространства – «пространства

говорящего» [Апресян 1995, 637]. О ближайшем и удалённом «пространственных поясах» в русском языке, не описывающих действительность, но моделирующих её см. [Яковлева 1994, 14].

С точки зрения «присваиваемого говорящим пространства» специфика датской пространственной ориентации состоит в том, что в датском местоименном дейксисе можно проследить *континуум*, связанный с последовательным возрастанием маркирования антропоцентрической ориентации.

Безударные дейктические местоимения в артиклевой функции (*ₒden, ₒdet, ₒde*) в принципе не связаны с обозначением пространства говорящего. Их дейксис направлен на маркирование известной адресату информации.

Ударные дейктические местоимения (*ʻden, ʻdet, ʻde*), по выражению авторов датской академической грамматики 2011, «er mert precist udpegende end den bestemte artikel» – «более четко указательны, нежели определенный артикль» [Hansen, Heltoft 2011, 538]. В них может сохраняться и анафорическая функция, когда они помещаются в фокус контраста (kontrastfokus): ”*hvis du ₒtager* ***ʻ****den beslutning, vil alle blive glade* – ’если ты примешь ‘это решение (а не другое), то все будут рады’ [idem, 561]. Но чаще всего указательные местоимения выступают как средства пространственно-временного дейксиса (rum-tidslig deiksis). И здесь антропоцентрированность очевидна: «Med de demonstrative pronomener signalerer den talende at de genstande han omtaler, findes i det fysiske rum omkring deltagerne i samtalen» – «Посредством указательных местоимений говорящий сигнализирует о том, что предметы, о которых он говорит, располагаются *в физическом пространстве вокруг участников коммуникации*» [idem, 562]. При этом парадигматический ряд ***ʻ****den,* ***ʻ****det,* ***ʻ****de* «маркирует относительно большое расстояние *по субъективной оценке говорящего*» («relativt stor afstand efter talendes subjektive skøn») [idem].

Анализируя приводимые авторами датской академической грамматики примеры, можно сделать вывод о том, что *усложнение морфологической формы датских указательных местоимений последовательно приближает предмет к говорящему*. Ведь в противоположность местоимениям *den, det, de*, парадигматический ряд *denne, dette, disse* «маркирует относительно небольшое расстояние между говорящим и предметом» (markerer relativt lille afstand mellem taler og genstand) [idem]. Так, по-датски можно сказать и *vil du låne mig* ***den*** *bog*, и *vil du låne mig* ***denne*** *bog* ’одолжи мне ту/эту книгу’, но это будет не противопоставление «неприсвоения» и «присвоения» говорящим области пространства, а скорее нюансирование относительной близости предмета к говорящему как либо *нахождение в пределах* / либо *вне пределов досягаемости говорящего*.

В этом плане показательны контрастные примеры: *vil du række mig* ***den*** *bog* и *******vil du række mig* ***denne*** *bog* ’протяни (передай) мне ту/эту книгу’. Если русский язык допускает чередование указательных местоимений, то, согласно датской академической грамматике 2011, второе предложение недопустимо. Объяснение состоит в том, что местоимение *denne* предполагает досягаемость, а глагол *række* – недосягаемость объекта говорящим.

В плане лингвоспецифических особенностей датской местоименной ориентации особый интерес представляют еще два момента.

С одной стороны, датские авторы отмечают, что «говорящий может выбирать дейксис *со своей собственной точки зрения*, *либо с точки зрения адресата,* так что оба приведенных ниже предложения будут описывать одну и ту же пространственную ситуацию» (Den talende kan vælge deiksis efter sit eget synspunkt eller fra tilhørendes, og følgende to sætninger kan således beskrive samme situation) [idem]: *se engang på* ***denne*** *tegning* и *se engang på* ***den*** *tegning* ‘посмотри на этот/тот рисунок’. Описываемая этими примерами денотативная ситуация предполагает, что рисунок (***denne*** *tegning*) расположен в пределах досягаемости говорящего, выступающего в качестве ориентира, но если говорящий берет за ориентир адресата, то от того рисунок (***den*** *tegning*) будет расположен на удалении.

Отмеченная возможность *менять антропоцентрированную точку отсчета,* то есть *представлять ситуацию с точки зрения другого человека,* как бы глядя на происходящее его глазами, будет отмечена нами и далее – в связи с особенностями датской наречно-предложной пространственной ориентации и будет описана как явление «пространственной эмпатии».

Любопытны также случаи *дейктического дистанцирования,* где местоимения *den, det, de* используются для обозначения эмоционально окрашенной ситуации. Его можно было бы по контрасту назвать «пространственной антипатией». Так, именно стремлением говорящего *ментально отстраниться от негативно оцениваемого им действия адресата*, по нашему мнению, можно объяснить приводимые в датской академической грамматике 2011 случаи эмотивных высказываний, не получивших объяснения у датских авторов: *tag* ***de*** *hænder op af lommen!* ‘вынь (те) руки из карманов’; *lad være med at sidde og vippepå* ***den*** *stol* ‘прекрати качаться на (том) стуле’; *hvornår reparerer du* ***det*** *fjernsyn?* ‘Когда же ты починишь (тот) телевизор?’

Замена указательного местоимения на синтетический суффигированный артикль *(-en, -et, -ne*) снижает эмоциональность высказывания, превращая его в оценочно-нейтральное: *lad være med at sidde og vippepå stol****en*** ‘прекрати качаться на стуле’; *hvornår reparerer du fjernsyn****et****?* ‘Когда ты починишь телевизор?’*tag hænder****ne*** *op af lommen!* ‘вынь руки из карманов’; *han sidder med fødder****ne*** *oppe på bordet* ‘он сидит, положив ноги на стол’.

Для сравнения отметим, что в русском языке также возможно использование указательного местоимения в эмоциональной ситуации, например: *когда ж ты, наконец, починишь этот чертов телевизор?!* – но использование русского местоимения *этот*, не отдаляет, а, наоборот, приближает раздражающий объект к говорящему, который фокусируется на раздражителе и тем самым как бы его укрупняет.

Приводимый в этом же ряду датскими авторами пример: *vi skal snart spise, og jeg glæder mig til* ***den*** *spegesild* ’скоро будем обедать, и я заранее предвкушаю (ту) копченую селедку’, казалось бы, противоречит сказанному, поскольку выра-

жает позитивную эмоцию. Но здесь речь идет об ином типе дистанцирования, а именно о темпоральном дистанцировании. Объект, о котором идет речь (*spegesild*), не присутствует в момент речи, и это маркируется использованием дистанцирующего пространственного местоимения *den*.

Такое объяснение соответствует особенностям темпорального использования датских указательных местоимений: «I tidsdeiktisk funktion betegner *denne* et tidspunkt som falder sammen med taletidspunktet, et tidsrum der inderholder taletidspunktet, eller som ligger relativt tæt ved taletidspunktet, mens *den* betegner tidspunkter eller tidsrum forud for eller efter taletidspunktet» [Hansen, Heltoft 2011, 563] «В функции временно*го* дейксиса *denne* обозначает момент, который совпадает с моментом речи, включает момент речи или близок к моменту речи, в то время как *den* обозначает момент или промежуток времени, который расположен *до* или *после* момента речи: *i* ***dette*** *øjeblik kan jeg ikke komme på det* ‘в настоящий (в этот) момент я не могу это обсуждать’; *i løbet af* ***dette*** *år skal vi være færdige med projektet* ’в течение этого года мы должны завершить проект’; ср. *I det øjeblik lød der et brag* ‘в тот момент раздался грохот’; *vi må desværre sige nej tak til jeres invitation, for i* ***den*** *uge skal vi til Mallorca* ’К сожалению, мы вынуждены отказаться от вашего предложения, потому что в ту неделю мы будем на Майорке’.

Еще более нюансированный пространственный дейксис возникает при использовании аналитических сочетаний *den/det der*, *denne/dette der*, а также *den/det her* и *denne/dette her*, характерных для датской разговорной речи. Указательные местоимения дальнего и ближнего дейксиса в сочетании с пространственными наречиями дальнего дейксиса *der* ‘там и ближнего дейксиса *her* ‘здесь’ создают *континуум нюансированного пространственного и эмоционального приближения к говорящему* в пространстве коммуникативной ситуации: ***dender*** *telefon er defekt;* ***denneder*** *telefon er defekt* ‘этот телефон не исправен’; *du behøver ikke spise* ***dether****; du behøver ikke spise* ***detteher*** ‘тебе не стоит есть это’.

Любопытно отметить, что, приводя эти примеры, Э.Хансен и Л.Хельтофт нарушают нормативную датскую орфографию, предлагая слитное написание нормативно раздельных сочетаний *den her, denne her* и т.п. Они пишут: «*Denher, dennneher* osv. er her (mod Retskrivningsordbogen) skrevet sammmen for at vise at der er tale om eet ord og ikke et pronomen + et adverbium» «*Denher, dennneher* и т.п. написаны здесь слитно (вопреки требованиям датского орфографического словаря), чтобы показать, что это одно слово, а не местоимение + наречие» [Hansen, Heltoft 2011, 564].

Подобная орфографическая инновация представляется нам неудачной в силу того, что авторы тем самым нарушают *цельносистемную тенденцию датского языка к нюансированию субъективно окрашенных смыслов именно за счет использования потенциала аналитических сочетаний*, что будет еще не раз отмечено в связи с анализом средств выражения антропоцентрированных смыслов в разных разделах данного исследования.

Проведенный нами анализ употреблений слитных и раздельных написаний дейктических биномов по Корпусу современного датского языка 2007 (KorpusDK)

подтверждает нашу точку зрения, убеждая, что слитное их написание – большая редкость. Так, например, относительно раздельного/ слитного написания бинома *den her* / *denher* и *det her* / *dether* обнаруживаем следующие статистические показатели: общий род: *den her* – 1806 словоупотребления, *denher* – 5 словоупотреблений; средний род: *det her* – 7004 словоупотребления, *dether* – 19 словоупотреблений; множественное число: *de her* – 1510 словоупотреблений, *deher* – 0 словоупотреблений. То есть именно аналитические дейктические биномы следует считать нормативными для грамматической системы датского языка.

Авторы датской академической грамматики 2011 считают составные указательные местоимения всего лишь разговорными синонимами однословных местоимений: «I talesproget har *den* synonymerne *dender* og *denneder*, og *denne* synonymerne *denher* og *denneher*» ‘В разговорной речи *den* имеет синонимы *dender* и *denneder*, а *denne* синонимы *denher* og *denneher*’ [Hansen, Heltoft 2011, 564].

Вместе с тем показательно, что однословные и составные указательные местоимения вовсе не взаимозаменяемы, даже в разговорной речи. Например, когда в ситуации присутствуют два объекта, один из которых объективно находится ближе к говорящему, чем другой, то их противопоставление не может осуществляться посредством однословных местоимений ближнего и дальнего дейксиса (*denne* vs. *den*). Для противопоставления разной удаленности от говорящего двух сравниваемых объектов. в датском языке регулярно используется оппозиция дейктических биномов *den/det her* и *den/det der*.

Типичный контекст такого противопоставления – коммуникативная ситуация выбора говорящим одного из двух разноудаленных от него предметов. Проведенные нами тесты на четырех датских информантах показали, что, независимо от того, какой из двух разноудаленных предметов субъективно выбирает говорящий, объективно более близкий к нему предмет всегда обозначается как *den/det her*, а объективно более удаленный – как *den/det der*: *Jeg tager* ***den her*** *(kjole), men ikke* ***den der*** ‘Я возьму это платье, а не то’ *Jeg tager* ***den der*** *(kjole), men ikke* ***den her*** ‘Я возьму то платье, а не это’ при невозможности использования в подобных примерах их однословных «синонимов»: *******Jeg tager* ***denne*** *(kjole), men ikke* ***den.*** *******Jeg tager* ***den*** *(kjole), men ikke* ***denne.***

В следующем разделе мы эмпирически верифицируем выдвигаемую нами гипотезу о том, что датские двухкомпонентные дейктические местоимения следует рассматривать не как синонимы соответствующих однословных указательных местоимений ближнего и дальнего дейксиса, а как отдельные элементы парадигматического ряда. Будет показано, что каждое из таких двухкомпонентных сочетаний отличается от прочих по своей прагматической семантике, то есть по дополнительной информации для адресата о том или ином отношении говорящего к указываемому объекту.

I.1.2. Корпусное исследование датских дейктических биномов

Предлагаемая нами методика исследования включает следующие шаги:

1. рассмотрение четырех в принципе возможных комбинаторных вариантов датских дейктических биномов;
2. проверка частотности и семантики контекстов употребления каждого из комбинаторных моделей по корпусу современного датского языка KorpusDK;
3. установление инвариантных значений для каждой из рассмотренных комбинаторных моделей;
4. сведение этих инвариантных значений в единый парадигматический ряд.

Четыре потенциально возможных комбинаторных сочетания показателей ближнего и дальнего дейксиса в дейктических биномах представлены следующими моделями:

1. ***PROXpron_PROXloc*** – биномы, совмещающие два показателя ближнего дейксиса, образованные по типу «*этот здесь*» – *denne her, dette her, disse her*.
2. ***DISTpron_PROXloc*** – биномы, совмещающие показатели дальнего и ближнего дейксиса по типу «*тот здесь*» – *den her, det her, de her*.
3. ***PROXpron_DISTloc*** – биномы, совмещающие показатели ближнего и дальнего дейксиса – по типу «*этот там*» – *denne der/ dette der/ disse der*.
4. ***DISTpron_DISTloc*** – биномы, совмещающие два показателя дальнего дейксиса – по типу «*тот там*» – *den der, det der, de der*.

Корпусное функционирование модели *PROXpron_PROXloc*

Статистика: ***denne her*** 1291 словоупотреблений, ***dette her*** 664 словоупотреблений, ***disse her*** 60 словоупотреблений; ***denneher*** 56 словоупотреблений, ***detteher*** 20 словоупотреблений, ***disseher*** 2 словоупотреблений.

Статистика приводится с неснятой омонимией. Сплошная проверка показывает, что в выборку могут попадать некоторые случайные примеры, Для данной модели это может быть собственно обстоятельственное значение наречия *her*:

> *Nærmer man sig en storby, bliver de spredte bebyggelser stadig tættere, gårde, parcelhuse, rækkehuse, forstæder … Intet af* ***dette her*** *…. **Her** var krigens spor mærkbare* ’(Reuter 87). ‘По мере приближения к большому городу разбросанные поселения стоят все ближе, фермы, особняки, таунхаусы, пригороды … Ничего *этого* ***здесь*** нет. …***Здесь*** были заметны следы войны.’

Истинные дейктические биномы ближнего дейксиса употребляются в двух, казалось бы, противоположных **типах контекстов**:

1. Негативная оценка объекта дейксиса или негативная оценка анафорической ситуации, «задевающей говорящего за живое».

С эмоциональной вовлеченностью говорящего связана высокая частотность местоимений ближнего дейксиса *dette her, denne her, disse her* в речах политиков, выражающих свое отношение к злободневным проблемам и ситуациям. Использование экспрессивно-оценочной лексики является типичным контекстуальным признаком функционирования дейктических биномов ближнего дейксиса, например, *horrible synspunkter* ‘отвратительные взгляды’, *rystende* ‘шокирующий’, *alvorlig afvisning* ‘серьезные опровержения’; из следующего примера:

Vi hørte her en klar støtte til Le Pen, en klar støtte til de højrekræfter, der er, en støtte til, at det, der fremover skal styre, hvis han får noget at skulle have sagt, hvis Dansk Folkeparti, som vi må gå ud fra står bag ***disse her horrible*** *synspunkter, får noget at skulle have sagt, skal være race og religion. Det skal afgøre, om man kan få dansk statsborgerskab. Det, som er* ***rystende****, er, at vi ikke får en* ***alvorlig afvisning*** *fra regeringen af den slags synspunkter* (www.folketinget.dk 2002).
‘Мы услышали здесь явную поддержку Ле Пена, явную поддержку правых сил, поддержку того, что отныне религия и раса – если только послушать его, если послушать Датскую народную партию, которая, признаем это, стоит за **вот этими** *отвратительными* взглядами – должны определять, получит ли человек датское гражданство. *Шокирует* то, что мы не получаем *серьезного опровержения* таких взглядов со стороны правительства’.

Анализ употреблений по Корпусу показывает, что именно для биномов ближнего дейксиса более частотны слитные написания, чем для других типов дейктических биномов. Это может свидетельствовать об их тенденции к лексикализации в качестве своеобразных *оценочных прилагательных*:

Det er ***dog*** *for* ***galt****. Har man nogensinde kendt* ***mage til frækhed****. Her arbejder jeg i 20 år morgen, middag og aften på* ***denneher*** *computer og fodrer den med input og så kommer den med* ***detteher****.* ***Detteher flabede*** *svar* (Peter Haugen 1988) ’Нет, это уж слишком! Вы когда-нибудь видели подобное *нахальство*! Вот я 20 лет с утра до вечера работаю на этом *(denneher)* <=чертовом> компьютере, кормлю его данными, а потом получаю вот этот *(detteher) наглый* ответ’.

Показательно использование аффирмативной частицы *dog* в последнем примере. Согласно исследованиям Э.Б. Крыловой, эта частица является аффирмативом 1 лица, поскольку с ее помощью «говорящий представляет как достоверную ситуацию, в той или иной степени не соответствующую представленной ранее или предполагаемой им самим» [Крылова 2021, 376].

2. Субъективное приближение (укрупнение) позитивно оцениваемой анафорической ситуации или позитивно оцениваемого объекта:

Jeg synes det er mere spændende med de biler, der har været et almindeligt syn på landevejene ”. ”Tag nu ***den her****”, siger Peter Nielsen og peger på en bronzemetal Citroën GS stationcar. ”Den var meget udbredt i Danmark for 20 år siden. I dag er der næsten ingen tilbage. De rustede simpelthen op. Men* ***dette***

***her** eksemplar fandt vi i Rouen i Normandiet*. (Politiken 2001) ‘Я думаю, что более интересны автомобили, которые были обычным явлением на дорогах». «Возьмем хотя бы этот», – говорит Питер Нильсен, указывая на универсал Citroën GS из бронзового металла. «Он было очень распространен в Дании 20 лет назад. Сегодня таких почти не осталось. Все просто заржавели. Но **вот этот** экземпляр мы нашли в Нормандии в Руане»’.

Сначала говорящий привлекает внимание собеседника к ближайшему к ним автомобилю, используя местоимение *den her*. Затем же референция к объекту меняется на приближающий дейксис *denne her*, свидетельствующий уже о субъективном отношении говорящего к объекту. Говорящий явно любуется этим редким и хорошо сохранившимся ретроавтомобилем бронзового цвета, привезенным из Нормандии.

Статистика употреблений по Корпусу (см. выше) показывает, что именно для биномов ближнего дейксиса более частотны слитные написания, чем для других типов дейктических биномов. Это может свидетельствовать об их тенденции к лексикализации в качестве своеобразных оценочных прилагательных:

*Jeg sidder med en mandlig bekendt på Operacafeen i Stockholm ... vi får jo fiskesuppe ... og jeg kommer til at bide i **denneher** halve hummer. og knæk så ryger det halve af min ene fortand!.. det var så forfærdeligt*. (Nikoline Werdelin 1988) ‘Я сижу со знакомым в кафе Стокгольмской оперы ... мы едим рыбный суп ... и я собираюсь откусить *эту вот* половинку омара. Треск – и у меня отламывается половина переднего зуба!.. Это было ужасно.’

Использование, как в приведенном примере, исторического презенса, назывных предложений, оценочной лексики и сенсорных предикатов является типичным контекстом для употребления биномов приближающего дейксиса.

Как и аналитические биномы, слитные биномы могут выражать как негативную, так и позитивную оценку говорящего. Так, позитивное укрупнение объекта дейксиса типично для рекламных текстов:

*Jeg har aldrig brudt mig om stegt sild, men **disseher** små nyfangede basser er noget andet. Havsmag, nærmest sødlige og slet ingen sildefims. Feriemad*. (Politiken 1999) ‘Я никогда не любила жареной селедки, но *вот эти* маленькие свежевыловленные окуньки – это нечто другое. Морской аромат, почти сладкий и совсем не селедочный’.

Здесь представлен тот же семантический вариант приближающего дейксиса положительной оценки, что и в приведенном ранее примере о ретроавтомобиле (*dette her eksemplar*).

Сказанное позволяет сделать вывод о семантической амбивалентности местоименных биномов приближающего дейксиса (*PROXpron_PROXloc*) и о том, что они в наибольшей степени ориентированы на 1 лицо, обозначая, что указываемый ими объект затрагивает (как негативно, так и позитивно) субъективную сферу говорящего за счет «эмоционального проникновения» в его личное пространство.

Корпусное функционирование модели *DISTpron_PROXloc*

Статистика: ***den her*** 1806 forekomster, ***det her*** 7004 forekomster, ***de her*** 1510 forekomster; ***denher*** 5 forekomster, ***dether*** 19 forekomster, ***deher*** 0 forekomster.

Подчеркнем, что, использование бинома *DISTpron_PROXloc* (как и проанализированное выше использование приближающего дейктического бинома *PROXpron_PROXloc*), маркирует субъективное отношение говорящего к предмету речи. Именно в этом состоит отличие использования биномов *den her/ det her/ de her* при единичных объектах от упомянутого в разделе о парадигматических рядах датских местоимений совместного употребления *den/det/de her* и *den/det/ de der* для противопоставления разной объективной удаленности от говорящего. сравниваемых объектов.

Дейктические биномы структуры *DISTpron_PROXloc* функционируют в корпусе в двух основных типах контекстов:

1. Референция к единичному объекту или к ситуации *в прямой речи*.

В прямой речи биномы *den her, det her, de her* особенно широко используются в речах политиков:

”*Den nuværende regering er en af de dårligste regeringer,* ***det her land*** *har haft. Men SF vil ikke isolere sig og stå på sidelinjen. Vi vil føre en aktiv SF-politik i Folketinget*”. (Berlingske tidende 1991) «Нынешнее правительство – одно из худших правительств, которые были **в этой стране**. Но Социалистическая народная партия не будет изолировать себя и оставаться в стороне. Мы будем проводить активную политику в Фолькетинге».

”Nu skal vi bruge **de her dage** med det gode vejr til eftertanke. Når krudtrøgen er faldet lidt til ro, så skal vi have overvundet **den her barriere**”, siger Nyrup. (Berlingske tidende 1991) «Теперь нам предстоит провести **эти дни** хорошей погоды в размышлениях. Когда пороховой дым немного уляжется, мы, должно быть, преодолеем **этот барьер**», – говорит Нюруп <премьер-министр Дании. Д.Н.>.

Политики говорят о ***den her*** *regering* ‘этом правительстве’, ***den her*** *situation* ‘этой ситуации’, ***det her*** *land* ‘этой стране’, ***det her*** *samfund* ‘этом обществе’, ***det her*** *hændelsesforløb* ‘этом развитии событий’, ***de her*** *penge* ‘этих деньгах’, ***de her*** *ting* ‘этих вещах’, ***de her*** *dage* ‘этих днях’ и т.п. И если коммуникативный эффект когортативности знания создается за счет семантики ближнего дейксиса (*her*), то семантика дальнего дейксиса (*den*) либо служит целям объективации позиции говорящего, как в приведенных выше примерах с *det her land*, *de her dage* либо вносит семантический компонент антипатического отстранения от совместно порицаемого объекта:

”*Jeg sidder* ***vel*** *i en halv snes bestyrelser. Desuden tager jeg rundt i fagforeninger og aftenskoler og causerer om min tid som borgmester ”. ”Der var* ***jo*** *én ting, jeg havde glemt, da jeg sagde ja til alle* ***de her*** *ting. Som overborgmester havde*

jeg folk til at ordne alt papirarbejdet. Nu må jeg selv agere telefonist, sekretær og arkivar. Det tager vel et par timer af min tid hver eneste dag", siger Egon Weidekamp (Berlingske tidende 91) '«Я сижу в дюжине советов. Кроме того, я хожу по профсоюзам и вечерним школам и рассказываю о работе мэра. Была одна вещь, которую я забыл, когда соглашался на *все эти (de her)* вещи. Как у мэра, у меня были те, кто занимались бумажной работой. Теперь я должен сам быть телефонистом, секретарем и архивариусом. Это занимает пару часов моего времени каждый божий день», – говорит Эгон Вайдекамп'.

Использование в приведенном высказывании эпистемических частиц *vel* и *jo*, апеллирующих ко 2 лицу, подтверждает, что говорящий призывает адресата разделить с ним порицание «всех этих» отвлекающих типов деятельности (*alle **de her** ting*).

Суть подобных примеров состоит в том, что говорящий привлекает внимание адресата (или адресатов) к актуальной для коммуникантов ситуации. Использование локатива *her* создает коммуникативный эффект *совместности восприятия*.

2. Референция к объекту или к ситуации *в нарративе*.

В противоположность прямой речи, использование аналитического бинома *det her* в авторском нарративе имеет несколько отличную коммуникативную функцию. Оно служит средством визуального приближения к адресату описываемой прошлой ситуации. Адресатом в нарративе является читатель. В роли говорящего выступает автор произведения. Использование *det her* в отношении темпорально отдаленной ситуации (*det*) приближает ее к читателю, позволяет ему увидеть описываемую ситуацию «крупным планом», как бы «здесь» (*her*):

"*Hvad vil der ske på Børsen i morgen? " spurgte en ung, kvindelig free-lancer og holdt en anden mikrofon frem. Omkring hende lød forarget hvisken og grynten fra de mere erfarne kolleger, hvoraf flere allerede havde undret sig over hendes tilstedeværelse. **Dether var** en højtidelig, historisk stund. Man snakker vel ikke travløb under en begravelse, hvis man er professionel.* '«Что будет завтра на бирже?» спросила молодая женщина-фрилансер, протягивая еще один микрофон. Вокруг нее раздались возмущенные перешептывания и ворчание более опытных коллег, некоторые из которых уже выражали удивление по поводу ее присутствия. **Это** был торжественный, исторический момент. Не принято задавать вопросы на ходу во время похорон, если ты профессионал'.

Используя *det her*, повествователь приближает прошлую ситуацию к читателю. В отличие от примеров с *dette her*, где говорящий выражает собственную эмоциональную оценку, здесь передается возмущение участников описываемой ситуации, как бы подслушанная автором и читателем их внутренняя речь.

Использование *det her, dether* в нарративе о прошлых событиях служит сигналом того, что адресат должен живо представить себе описываемую ситуацию, опираясь на совместные с адресантом знания:

*Hun fik **det her** anstrengte udtryk når der var noget hun ikke forstod.* (Niels Jensen. Danske heltesagn, 90) ‘У нее появилось то (особое) (*det her*) напряженное выражение лица, будто она чего-то не поняла’

Использование *det her* в отношении темпорально отдаленной ситуации (*det*) приближает ее к читателю, позволяет ему «крупным планом» (*her*) представить себе это напряженное выражения непонимания (***det her** anstrengte udtryk*) на лице женщины.

При всей специфике использования *det her* применительно к прошлым ситуациям, здесь, как и во всех приведенных ранее примерах, сохраняется общий инвариантный смысл – подчеркивание совместности рассмотрения/ восприятия/ представления объекта (или ситуации) говорящим и адресатом его высказывания:

*Som sædvanlig greb den roligt fremadskridende rytme ham og lagde sit mønster hen over hans tanker. Sådan skulle man kunne skrive. Begyndelsen måtte være enkel nok. Anråbelsen først, oh, gudinde. Og spørgsmålet om årsagen. Hvorfor forlade det skønne Attika og de fagre piger, samtalen i søjlegangen omkring Agora, druerne og filosofferne? Nåh, **jo**, der **var dether** med arveretten til kongedømmet og onkels luskede lokkemad med det gyldne skind*. (Per Thyggesen Poulsen, Begyndelsen, 2000) ‘Как обычно, нарастающий ритм захватил его и наложил на мысли свой узор. Вот так надо писать. Начало должно быть достаточно простым. Сначала возглас: О, богиня! И вопрос о причине: Зачем было оставлять прекрасную Аттику и красивых девушек, разговоры в колоннаде вокруг Агоры, виноград и философов? Ну, конечно, *это все* из-за наследственного права на трон и дядюшкиной подлой приманки с золотым руном’.

Показательно использование в этом высказывании модальной частицы ***jo***, которая, согласно исследованию Э.Б. Крыловой, является «эпистемическим аффирмативом 2 лица», используемым, «когда говорящий пытается подтвердить достоверность своего высказывания наличием общего для обоих коммуникантов знания» [Крылова 2021, 376].

Инвариантным значением контекстуальных вариантов употребления дейктических биномов структуры *DISTpron_PROXloc,* таким образом, оказывается указание на когортативность – совпадение собственных представлений говорящего об объекте дейксиса с представлениями его адресата или его аудитории. Субъективное приближение объекта дейксиса, осуществляется не к фигуре говорящего, а ко всей коммуникативной ситуации, объединяющей автора высказывания и его адресата, что позволяет считать их дейктическими биномами, ориентированными на 2 лицо.

Корпусное функционирование модели *PROXpron_DISTloc*

Статистика: (с неснятой омонмиией): ***denne der*** 74 forekomster, ***dette der*** 106 forekomster, ***disse der*** 44 forekomster; ***denneder*** 0 forekomster, ***detteder*** 0 forekomster, ***disse der*** 0 forekomster.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в Корпусе слитных дейктических биномов. (Søgningen gav intet resultat). Что же касается раздельных написаний, то проверка их употребления по Корпусу показала, что везде речь идет о неснятой омонимии. В таких примерах *der* является относительным местоимением, вводящим зависимое предложение. Поскольку датская пунктуационная норма неустойчива, запятая перед придаточным предложением, вводимым относительным местоимением *der,* может не ставиться:

Han var som en vulkan der sprudede både ild og røg. Det var ***dette der*** *gav hans overordentlige intelligens dens slagkraft*. (Bredsdorff 91).'Он был как вулкан, извергавший пламя и дым. И это было **тем, что** давало мощь его исключительному интеллекту'

Во всем Корпусе нам удалось найти единственный пример несомненного дейктического бинома модели *PROXpron_DISTloc*:

– Sig mig engang, piger, betjenten lænede sig ind over det tunge gammeldags skrivebord, da Mulle havde talt færdig,– hvordan fik I penge til at købe mad på ***denne der*** *Burger-restaurant*. (Hanne Holst, 1986) 'Скажите-ка мне, девушки, – офицер склонился над тяжелой старомодной конторкой, когда Мулле закончила говорить, – откуда у вас были деньги на еду в **том** бургерном ресторане?

Судя по контексту, речь идет о субъективном приближении (актуализации) говорящим объекта, физически не присутствующего в коммуникативной ситуации и отдаленного от нее как в пространстве, так и во времени. Подобное введение в пространство коммуникации объекта, удаленного в пространстве и/или времени, можно сравнить с семантикой датского эвиденциального перфекта. Ср. реконструкцию прошлой ситуации по косвенным свидетельствам, как в примере, приводимом П. Дурст-Андерсеном: *Tyven* ***er gået*** *ind ad kældervinduet og* ***har brudt*** *døren op til stueetagen* 'Вор проник через подвальное окно и взломал дверь, ведущую на первый этаж' [Durst-Andersen 2000, 141]. Однако единичность употребления *denne der* в Корпусе не позволяет считать дейктическую модель *PROXpron_DISTloc* продуктивной.

Корпусное функционирование модели *DISTpron_DISTloc*

Статистика: (с неснятой омонимией) ***den der*** 18152 forekomster, ***det der*** 12702 forekomster, ***de der*** 12018 forekomster; ***dender*** 1 forekomst, ***detder*** 2 forekomster, ***deder*** 3 forekomster.

Сложность для статистики в этом случае также представляет омонимия *der* как пространственного наречия и *der* как относительного местоимения. Типичными примерами неснятой омонимии служат клефтинговые предложения и придаточные относительные:

Det er ***det, der*** *ofte sker i nyhedsoplæsningen.* (Politiken 1985) 'Это именно **то, что** часто происходит в новостных передачах.'

Однако в Корпусе встречается и достаточное количество истинных дейктических биномов модели *DISTpron_DISTloc*:

Сочетание двух лексем дальнего дейксиса служит средством субъективного отдаления порицаемого объекта:

…ren var hun ikke [...]. Har du ikke andet tøj end ***det der,*** *spurgte han da hun var færdig med at spise og pegede på hende*. (Niels Jensen. Danske heltesagn, 1990)

*'...*чистой ее назвать было нельзя. [...].. '«У тебя нет другой одежды, кроме этой (*det der*)?» – спросил он, когда она закончила есть, указывая на нее'.

Мужчина смотрит на женщину в грязной одежде (*ren var hun ikke*) и спрашивает, нет ли у нее другой одежды, чтобы переодеться. Используя двойной отдаляющий дейксис *det der*, говорящий не только указывает на относительно удаленный от него объект (*det*), но и отстраняется от него эмоционально (*der*).

В следующем примере указательное местоимение *deder* использовано не в прямой речи, а в нарративе. Здесь возникает иная разновидность отстранения, а именно субъективное отдаление отвергаемого объекта:

Der i nabobyen vil ingen gifte sig med en jomfru. Så de gør sådan med deres kvindfolk: Når først campisterne slår telt op, kommer madammerne med deres piger, tyve og tredve i en lang flok, de tigger turisterne om at ta' dem, og ligge med dem. De gør deres udvalg, ***dem*** *der ser bedst ud til det,* ***resten*** *de går hjem, og der er ikke noget eller nogen, der kan få trøstet* ***déder arme piger***. (Sonne. Have, 1992). 'В том городке никто не женится на девственницах. Вот что они делают со своими женщинами: как только отдыхающие разбивают палатки, мамаши приводят девушек группами по двадцать – тридцать человек и умоляют туристов переспать с ними. Отдыхающие делают свой выбор, отбирая тех, кто выглядит лучше других, остальные идут домой, и нет ничего и никого, кто мог бы утешить *méx* бедных девушек'.

Местоименный бином *déder* как показатель дистанцирования использован в этом примере для противопоставления отчуждаемого объекта присваиваемому: *ничто не может утешить (déder= отвергнутых) девушек.*

Обычно субъективное дистанцирование связано с ситуацией, негативно оцениваемой говорящим. Именно поэтому в датской академической грамматике [Hansen, Heltoft 2011, 564] приводятся примеры со сломанным телефоном: ***Dender*** *telefon er defekt '*Этот (dender = негативная характеристика) телефон неисправен'*;* ***Dender*** telefon ***her***, *skulle vi se of få lavet den?* 'Этот вот (dender = негативная характеристика) телефон, не пора нам его, наконец, починить?' Последний пример интересен тем, что показывает, что аксиологическое дистанцирование посредством местоимения дальнего дейксиса ***dender*** возможно и при указании на объективную близость объекта дейксиса (***her*** '*здесь*') к участникам коммуникации.

Отдаляющий дейксис регулярно используется в датском языке в ситуациях конфликтного общения:

Hov ***du dér****! Du kan sgu ikke parkere* ***din bil dér****. <...> Flyt så* ***dén*** *bil, og det skal være hurtigt* (Rødt og hvidt 3. Til tiden. Tekstbog, 1995. S. 31) 'Эй, ты

там! Нечего *там* парковать машину. А ну убери (*ту*) машину, да побыстрее'.

Эту тенденцию закономерно развивает аналитическая модель *DISTpron_DISTloc,* служащая для субъективного выведения порицаемого объекта или ситуации за пределы личного пространства говорящего.

I.1.3. Специфика дейктической организации пространства в зеркале датской фразеологии

В данном подразделе будет рассмотрена когнитивная сопряженность выражения ориентации в пространстве посредством системы указательных местоимений, с одной стороны, и фразеологизмов пространственной ориентации, с другой.

О том, что для датской лингвопрагматики характерно *дейктическое отдаление* говорящим объектов, вызывающих у него *негативные эмоции*, мы уже указывали в связи с примерами эмотивных высказываний, приводимыми в Датской академической грамматике [Hansen, Heltoft 2011, 562]: *lad være med at sidde og vippepå* ***den*** *stol* 'прекрати качаться на (том) стуле'; *hvornår reparerer du* ***det*** *fjernsyn?* 'Когда же ты починишь (тот) телевизор?' *tag* ***de*** *hænder op af lommen!* 'вынь (те) руки из карманов'.

Указание на негативно оцениваемые объекты осуществляется за счет сочетания с местоимением дальнего дейксиса (*den, det, de*), тогда как замена аналитического маркера на синтетический суффигированный артикль *(-en, -et, -ne*) снижает эмоциональность высказывания, превращая его в оценочно-нейтральное: *lad være med at sidde og vippepå stol****en*** 'прекрати качаться на стуле'; *hvornår reparerer du fjernsyn****et****?* 'когда ты починишь телевизор?' *tag hænder****ne*** *op af lommen!* 'вынь руки из карманов'.

Именно стремлением говорящего ментально отстраниться от негативно оцениваемого им действия адресата, по нашему мнению, можно объяснить все эти случаи эмотивных высказываний, не получивших должного объяснения у датских авторов. Такой тип субъективного отдаления мы предлагаем назвать «*пространственной антипатией*».

Как было показано ранее, такое же субъективное отстранение объекта происходит при использовании аналитического бинома, образованного сочетанием двух морфем дальнего дейксиса (по типу «*тот там)*.

Этому грамматически выражаемому отстранению порицаемого объекта соответствуют датские фразеологизмы *at holde nogen/noget på afstand* 'держать кого-либо/что-либо на расстоянии' и *at holde nogen/noget tre skridt fra livet (*досл. 'держать кого-либо/что-либо в трех шагах от жизни'*)*.

На самом же деле, во втором фразеологизме речь идет не о *жизни*, а о *животе*. Ср. схожий семантический переход в русском языке «*не жалея жизни*» = «*не жалея живота своего*».

Помимо разнообразных определений слова *liv* 'жизнь' как 'существование человека или животного как индивида' или как 'промежуток между рождени-

ем и смертью', Большой толковый словарь современного датского языка Den Danske Ordbog (ordnet.dk) приводит три семантических варианта, где слово *liv* обозначает *тело* или, точнее, центральную область тела https://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=liv&tab=for:

Liv 7. et menneskes eller dyrs krop, især med tanke på fysisk kontakt eller nærhed (тело человека или животного, особенно в отношении физического контакта или близости): *Der var forskel på dyrene fra egn til egn. Nogle steder kunne man komme* ***tæt ind på livet*** *af dem* VaLund88 *'От региона к региону животные значительно отличались. Иногда мы могли подобраться* ***совсем близко*** *к ним'. Liv 8*. den midterste del af kroppen; talje (средняя часть тела, талия): *Så bandt hun et lyserødt silketørklæde* ***om livet*** *som bælte* FlJarl88 *'Она завязала розовый шелковый шарф* ***вокруг талии***'. *Liv 8b.* underliv; livmoder (живот; матка): *En sen førstegangsfødende mor havde båret hende* ***i sit liv*** *og presset hende ind i verden* LDJørg90 *'Немолодая впервые родящая мать выносила ее* ***в своем чреве*** *и с трудом вытолкнула в мир'.*

То есть идиома ***at holde nogen/noget tre skridt fra livet****,* как и идиома *at holde nogen/noget på afstand* означает '*держать кого-либо/ что либо на расстоянии от себя*.', forhindre nogen i at opnå et nært forhold til én '*препятствовать установлению близких отношений'* Но в отличие от буквального соответствия русскому фразеологизму «*держать кого-либо на расстоянии*», она задает культурологические границы личного пространства – держать на расстоянии *трех шагов*.

Действительно, при общении с датчанами обращаешь внимание на то, что незнакомые собеседники разговаривают, стоя на несколько большем расстоянии друг от друга, чем это принято в русскоязычной культуре. Точно также, стоя в очереди, например, в кассу в универмаге, датчане соблюдают бóльшую дистанцию, чем это принято в России.

Антипатическое отстранение от не принимаемых субъектом лиц или от отвергаемых им идей выражается их метафорическим выведением за пределы личного пространства субъекта, очерченного радиусом трех шагов:

De familier, der ikke flygtede, bed sig fast. I flere slægtled talte de tysk, ikke mindst fordi egnens Danskere stadig ***holdt dem tre skridt fra livet*** *med en fremmedfjendsk gammelgroet sognementalitet.* (Palle Lauring 86) 'Семьи, которые не уехали, крепко вцепились в эту землю. На протяжении нескольких поколений они говорили по-немецки, не в последнюю очередь потому, что местные датчане с их консервативным и ксенофобским менталитетом все еще *держали их на расстоянии (holdt tre skridt fra livet);'*

Han deltog aldrig rigtigt i problemerne eller var med til at tage de nødvendige beslutninger. Hans standard svar lød altid: det må du afgøre. Alt ***det ubehagelige*** *blev* ***holdt tre skridt fra livet*** *- en nem attitude.* (Mette Fensbo 1989) *'*Он никогда по-настоящему не участвовал ни в решении проблем, ни в принятии решений. Его стандартный ответ всегда был: «Решай сама». Все неприятное он *держал на расстоянии (holdt tre skridt fra livet)* – удобное отношение'.

В датском языке наблюдается и прямо противоположное явление, которое по аналогии можно было бы назвать «пространственной эмпатией». Отметим, что, как и «пространственная антипатия», оно получает выражение как в системе дейктических местоимений, так и во фразеологии.

В местоименном дейксисе средством ее выражения служат исследованные нами в предыдущих разделах аналитические биномы, образованные сочетанием морфем ближнего дейксиса (по типу *dette her* ‘*этот здесь’*).

В идиоматике схожий эффект субъективного приближения создается посредством фразеологизма *at komme ind under huden på nogen* (досл. ‘войти под кожу кому-либо’).

Alligevel lykkes det den unge vaskekone Hattie ***at komme ind under huden*** *på ham. ... Hattie forelsker sig i Emmet og lægger på ingen måde skjul på det.* (Politiken 2000) ‘Тем не менее, молодой прачке Хэтти удается запасть Эммету в душу *(at komme ind under huden). ...* Хэтти влюбляется в Эммета и никоим образом не скрывает этого’.

Dansk films dogmebølge er så småt ved at ***komme ind under huden*** *også på amerikanske filmfolk. <...> Givet er det, at nysgerrigheden fra den amerikanske filmdindustri er der.* (Dogmerne spirer i USA 1997). ’Датское кино потихоньку проникает в сознание (*kommer ind under huden*) американских кинематографистов. <…> Безусловно, любопытство со стороны американской киноиндустрии присутствует’.

Вместе с тем – точно так же, как и при использовании дейктических местоимений приближающего дейксиса (типа *это здесь*) – при использовании идиом, обозначающих проникновение в субъективное пространство, более частотными, чем позитивные, оказываются контексты, где проникновение объекта в личное пространство субъекта оценивается говорящим негативно – буквально как «задевающее за живое»:

В случае идиомы проникновения в личное пространство *ind under huden* вместо нейтрального глагола приближения *komme* в эмоционально окрашенных контекстах часто используется глагол *krybe ‘вползти’*:

En anderledes ***rå og uimponeret*** *kunst, der* ***kryber ind under huden****. Flygtig som øjeblikket. Og alligevel fatalt vedholdende billeder, der bliver ved med at vise sig for ens indre blik trods utallige* ***forsøg fra bevidsthedens side på at fortrænge dem***. (Dagbladet Aktuelt 1997). ‘Иное, грубое и неприятное искусство, которое проникает под кожу. Неустойчивые, как момент, и все же фатально стойкие образы, которые продолжают возникать перед внутренним взором, несмотря на бесчисленные попытки со стороны сознания их вытеснить’.

Wicked er en morsom morderkomedie med et fint galleri af absurditeter, men den ***kryber*** *alligevel* ***ind under huden*** *som en pivende* ***ond drøm***. (NatFilm Festival: Om at komme til Amerika 1999**)** *‘Wicked – забавная криминальная комедия с целой галереей нелепостей, но она все равно проникает под кожу, словно навязчивый дурной сон’.*

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что культурно значимые смыслы – «антропонимический код культуры» в терминологии, предложенной М.Л. Ковшовой [Ковшова 2019] – проявляются в языке системно: если они находят отражение в грамматических противопоставлениях, то они закономерно получают и образное выражение – во фразеологии данного языка.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

Задача данного раздела состояла в том, чтобы показать потенциал корпусных исследований для наблюдения над динамическими процессами грамматической категоризации, происходящими в современных германских языках. Предметом исследования было формирование категории субъективного пространственного дейксиса в датском языке. Было показано, что средствами выражения этой категории становятся типичные для грамматической системы датского языка аналитические сочетания. В данном случае – сочетания указательных местоимений и наречий пространственной локализации.

Обращение к Национальному Корпусу современного датского языка позволило получить объективную картину частотности употребления трех из четырех потенциально возможных сочетаний показателей ближнего и дальнего дейксиса и уточнить семантические контексты их употребления.

Поскольку поиск по Корпусу сочетаний морфем ближнего и дальнего дейксиса (модель *PROXpron_DISTloc*) дал практически нулевой результат, был сделан вывод о том, что парадигма выражения субъективного отношения говорящего к объекту дейксиса в современном датском языке представлена т р е м я р я д а м и: субъективно-оценочное приближение объекта (модель *PROXpron_PROXloc*), когортативное фокусирование на объекте (модель *DISTpron_PROXloc*), субъективно-оценочное отдаление объекта (модель *DISTpron_DISTloc*).

Таким образом, парадигма дейктических биномов датского языка категоризирует три «пространственных пояса» – личное пространство говорящего (1л.); совместное пространство коммуникации, разделяемое с адресатом (2 л.); внешнее «чужое» (3 л.) пространство, в которое говорящий субъективно отстраняет порицаемые или отчуждаемые объекты дейксиса.

Таблица 6

Парадигма датских аналитических указательных местоимений

	Аксиологическое приближение объекта	**Когортативное фокусирование на объекте**	**Аксиологическое отдаление объекта**
Общий род	***denne her***	***den her***	***den der***
Средний род	***dette her***	***det her***	***det der***
Мн. число	***disse her***	***de her***	***de der***

Тем не менее, также стоит отметить потенциальное место в парадигматической системе пока еще мало представленной в Корпусе современного датско-

го языка модели *PROXpron_DISTloc* (*denne der*). Она также является средством субъективного приближения объекта, но не за счет его эмоциональной оценки, а за счет актуализации темпорально или пространственно удаленного объекта в данной коммуникативной ситуации. На наш взгляд, эта модель имеет потенциал для дальнейшей грамматикализации, а значит, и для роста словоупотреблений в Корпусе, поскольку выражает важную для грамматической семантики датского языка в целом категорию актуализации, грамматикализованную в системе артиклевых форм и форм перфекта. То есть парадигматический континуум дейктических биномов может быть потенциально расширен в четырехчленную систему (Таблица 7):

Таблица 7

Потенциальная категориальная динамика в системе датских дейктических биномов

Аксиологическое приближение объекта	Актуализирующее приближение объекта	Когортативное фокусирование на объекте	Аксиологическое отдаление объекта
denne her	***denne der***	***den her***	***den der***

Субъективная оценочность, присутствующая в аксиологических дейктических биномах, способствует их лексикализации, что отражается в пока еще не частой возможности их слитных написаний (*denneher, denher, dender* и т.п.). В перспективе это может сблизить их с оценочными прилагательными.

В целом, обращаясь ко всей системе датских дейктических местоимений, мы можем сделать вывод о том, что в датском языке происходит последовательное усиление антропоцентрированной ориентации коммуникативной ситуации относительно фигуры говорящего посредством *формального утяжеления дейктического показателя*:

– безударное односложное местоимения в артиклевой функции (*ˌden, ˌdet, ˌde*);
– ударное односложное местоимение в функции дальнего дейксиса (*ˈden, ˈdet, ˈde*);
– ударное двусложное местоимение в функции ближнего дейксиса (ˈdenne, ˈdette, ˈdisse);
– аналитическое местоименно-наречное сочетание, нюансирующее радиус субъективно приближаемого, разделяемого с адресатом или субъективно дистанцируемого говорящим пространства (*ˈdenne ˌher, ˈdenne ˌder, ˈden ˌher, ˈden ˌder*).

Сопоставление датского местоименного дейксиса с идиомами субъективной организации пространства позволяет сделать вывод о том, что культурно значимые смыслы проявляются в языке системно: если они находят отражение в грамматических противопоставлениях, то они закономерно получают и образное выражение во фразеологии данного языка.

I.2. ДАТСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ КАК «ПОСТРОИТЕЛИ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ»

Необходимым условием адекватного понимания друг друга партнерами по коммуникации является знание ими пространственной организации мира и опыт реальных перемещений в нем. Знание инвариантных значений языковых средств пространственной семантики позволяет не только описывать с их помощью подобные перемещения и конкретизировать местоположение физических объектов, но и использовать данные средства в качестве своеобразного строительного материала (space builders) для создания того, что Ж. Фоконье называет *mental space* ‘ментальным пространством’ [Fauconnier 1985].

Если под пространством понимать «нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие» [Селиверстова 1983, 143], то ментальное пространство – это нечто, в рамках чего слушающий в меру своих когнитивных и интеллектуальных способностей реконструирует содержание речи говорящего, ориентируясь на используемые им словесные «построители пространств».

Языковыми средствами, передающими пространственные отношения в датском языке, являются, прежде всего, глаголы статики и динамики, а также пространственные наречия и предлоги. Среди задач исследования – выявление инвариантных значений предельных наречий, анализ их сочетаемостных возможностей с пространственными предлогами, определение роли данных языковых средств в кодировании говорящим различной информации и построении ментальных пространств в процессе коммуникации. Результаты исследования позволят продемонстрировать особенности восприятия пространства датчанами, объяснить случаи использования или опущения данных показателей в сходных контекстах в зависимости от стратегии говорящего или других коммуникативных условий, а также выявить роль данных языковых средств в кодировании различной информации и построении ментальных пространств в процессе коммуникации.

Исходя из семантических функций наречий направления и места, датские исследователи делят их на наречия динамической (типа *hen, henad*) и статической (типа *henne*) пространственной локализованности. В зависимости от наличия или отсутствия компонента стремления действия к кульминации или завершению в семантике динамических наречий, они, в свою очередь, подразделяются на предельные и непредельные (teliske vs. ateliske) [Hansen, Heltoft 2011, 216]. Как отмечают датские исследователи, перевод некоторых датских пространственных наречий на другие языки невозможен [Harder et al., 1996, 164]. Отечественные практические грамматики, давая лексические значения приведенных ниже пространственных показателей, также обращают внимание на непереводимость в высказываниях значений отдельных наречий [Суджашвили 2009, 88]:

Таблица 8

Датские пространственные наречия

Динамические		**Стативные**
Предельные	*Непредельные*	
hen ‘туда’	henad	henne ‘там’
frem ‘вперед’	fremad	fremme ‘впереди’
ind ‘внутрь’	indad	inde ‘внутри’
ned ‘вниз’	nedad	nede ‘внизу’
om ‘вокруг’	omad	omme ‘там, вокруг’
op ‘на-/в-верх’	opad	oppe ‘в-/наверху’
over ’через ’	overad	ovre ’там’
ud ’наружу’	udad	ude ’снаружи’
hjem ’домой’	hjemad	hjemme ’дома’
bort ‘вдаль’	–	borte ‘вдали’

Сразу отметим, что определение «предельные» и «непредельные» применительно к пространственным наречиям весьма условно, поскольку термин telicitet традиционно относится к глаголам и характеризует их аспектуальную семантику, указывая на ограничение действия пределом, что соответствует немецкому термину “grenzbezogen” [Engerer 2003, 32], Можно предположить, что использование терминов teliske/ateliske применительно к датским динамическим наречиям обусловлено и внутренней формой корня, восходящего к греческому τέλος , что значит не только ‘конец’, но и ‘цель’. В данном случае – цель движения субъекта. Специальный раздел данной главы (См. стр. 86 I.2.2) будет посвящен исследованию того, как изменение субъектной ориентации в предложениях с раздельно– и цельнооформленными пространственными наречиями оказывает влияние на предельность или непредельность их семантики.

Наиболее распространенными в датском языке являются сочетания динамических пространственных наречий с предлогами, формирующие различные пространственные значения, в зависимости от семантики их сочетаемостных вариантов. Такие наречно-предложные сочетания используются говорящим, прежде всего, для языковой репрезентации онтологического пространства и ориентируют в нем наблюдателя, описывая, например, движение субъекта или объекта к цели, указывая на объект, от которого или в сторону которого совершается движение:

Nu ser jeg, hvordan han langsomt tager venstre hånd ***bort fra*** *rorpinden, rækker den* ***frem imod*** *mig og gør en fejende bevægelse* ***op imod*** *den sløredе måne.*
‘Теперь я вижу, как он медленно убирает руку с румпеля, протягивает ее в мою сторону и резко вскидывает ее вверх к тусклой луне’.

Насколько нам известно, семантический потенциал используемых говорящим пространственных наречий и их сочетаний с предлогами еще не становился объектом лингвистического анализа, определить же его, как представляется, можно, дав характеристику их семантических инвариантов и возможных вариантов предложных сочетаний с ними. Это позволит показать, что в основе пространственного построения датского высказывания лежит «инвариантно-вариативный принцип» [Болдырев 2019, 30], который позволяет говорящему использовать пространственные наречия как строительный материал для формирования различных ментальных пространств в расчёте на то, что слушающий сможет адекватно интерпретировать сообщаемое.

Проведенные П. Дурстом-Андерсеном исследования на материале датского и русского языков показали разницу в восприятии пространственных отношений датчанами и русскими, что нашло отражение не только в грамматике обоих языков [Durst-Andersen 2011]. (Подробнее об этом см. в Разделе 3 Введения, посвященном теории П. Дурст-Андерсена). Специфика датской пространственной ментальности по сравнению с русской заключается в том, что там, где русский язык принимает за исходную точку фигуру, то есть выбирает вертикальную ось, датский язык исходит от фона, или горизонтальной оси. Наличие фигуры при таком восприятии пространства обязательно, однако центром восприятия при этом является фон.

Процесс восприятия пространства от фона к фигуре проявляется, прежде всего, в активном использовании датского глагола пространственной локализации ligge ‘лежать’ в контекстах, где русский язык отдает предпочтение глаголу стоять. Так, все географические объекты воспринимаются датчанами как плоские, лежащие на поверхности земли [Hansen 2001, 146]. При этом глагол *ligge* используется для обозначения пространственной локализации не только домов, церквей и даже башен, но и проблем, цен, температур, позиций в списке, рейтинге и пр. (см. подробнее в [Крылова 2017]).

Данная особенность датского восприятия фона как плоскости в пространстве объясняет и важность языкового обозначения движения не только между внешним и внутренним пространством, но и между центром и окраиной, ядром и периферией, большим и меньшим пространством как локализациями на одной плоскости. Этим объясняется, например, то, что по-датски актер *kommer ind på scenen,* досл. *‘приходит внутрь* на сцену’, которая является исходным центром внимания зрителей, тогда как по-русски актер *выходит на сцену*, т.е. фигура появляется на фоне декораций.

I.2.1. Антропоцентризм наречно-предложной ориентации

Объектом дальнейшего исследования являются наречно-предложные сочетания, обозначающие местоположение или перемещение субъекта в пространстве, такие как *‘oppe ₀på* или *‘hen ₀til*. За рамки исследования, таким образом,

выводятся так называемые поствербы – исконно пространственные наречия, употребляющиеся после глаголов непространственной семантики, образующие с ними просодические единства и служащие для модификации лексического или аспектуального значения глагола, например, '*sige* – 'сказать' / *ₒsige* '*op* – 'отказаться', '*visne* – 'вянуть' / *ₒvisne* '*hen* – 'увянуть'. (О значимости для датской грамматики просодического оформления аналитических сочетаний см. книгу Эрика Хансена и Йорна Лунда «Sæt tryk på» [Hansen, Lund 1983]).

Сопоставление параллельных текстов на датском и русском языках убедительно демонстрирует, что ориентация в пространстве имеет явную языковую специфику. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить с оригиналами художественные переводы на русский язык датских литературных текстов, выполненных профессиональными переводчиками.

В качестве иллюстрации обратимся к переводу романа Иды Йессен «Азбучная история» (Ida Jessen. ABC. Kbh.: Gyldendal, 2005. Ида Йессен. Азбучная история. Пер с дат. Н.Федоровой. М.: Текст, 2009).

Для начала сравним два примера, идя от русских переводов, а затем сопоставим их с теми нюансами пространственных смыслов, которые оказываются утраченными в русских эквивалентах, но обязательно присутствуют в датских оригиналах:

Йоаким *развесил* летние одеяла *на перилах* веранды и *посмотрел в сад*. (Азбучная история, 93)	Joachim *hængt*e sommerdynerne ***ud over*** rækværket på verandaen og *kiggede* ***ned i*** haven. (ABC, 85)
Йоаким *настежь распахнул* двери и окна и принялся *выгружать* из машины багаж (93)	Joakim *smækkede* døre ***op*** på vid gab og begyndte at *bære bagagen* ***ind fra*** *bilen* (84)

Если отвлечься от датского оригинала и сосредоточиться только на русских эквивалентах, то оказывается, что в русском тексте типично нюансируется *характер движений субъекта* относительно объектов внешнего мира: например, распределяющий характер движений субъекта при вертикальном размещении объектов (*развесил*[2]) относительно поверхности пространственного ориентира (*на перилах*) или о резком характере открывающего движения (*распахнул*[3]*) и о пе-*

[2] *Развесить* – «повесить в разных местах», «повесить, расправив, растянув» [Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Авторская редакция 2014 года.] http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B0%D1%85%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%8C&all=x

[3] *Распахнуть* – «резким движением отвести в сторону», «широко раскрыть, раздвинуть» [Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Авторская редакция 2014 г.] http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B0%D1%85%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%8C&all=x

ремещении тяжелых объектов изнутри наружу (выгружать) относительно контейнера-ориентира (*из машины).*

Если же теперь сравнить перевод с датском текстом, то становится понятно, что в русском переводе регулярно ослабляется субъектно-ориентационный компонент смысла датского оригинала: *hængt*e ***ud over*** rækværket – досл. ‘повесил *наружу* сверху перил*’, kiggede* ***ned i*** haven – досл. ‘посмотрел *вниз* в сад’*, begyndte at bære* ***ind fra*** *bilen* – досл. ‘начал носить багаж *внутрь* из машины’.

Отмеченные межъязыковые расхождения между датским и русским языками в передаче движения закономерны. Чувствительность глаголов движения к передаче лингвоспецифических смыслов отметила Е.М. Напольнова. В частности, она пишет: «Вследствие разнородности визуально фиксируемых особенностей способа, траектории, направления, скорости, агенсов и других характеристик пространственного перемещения, как и движения в целом, они <глаголы движения> являются сложными для понимания явлениями, и языки выработали способы их описания, исходя из того, какие «составляющие» были важны для коммуникации между членами языкового коллектива в определённой среде обитания и в условиях определённого способа производства, в результате чего отдельные глаголы отражали ту или иную характеристику перемещения, оставляя без внимания другие. Это привело к большим семантическим и сочетаемостным различиям между глаголами перемещения в разных языках» [Напольнова 2021,16]

В первом из приведенных выше датских примеров движение, обозначаемое первым предикатом, характеризуется как направленное *вовне* (*ud*) из субъективного пространства субъекта повествования (в данном случае, пространства дома). Во втором предикате задается *вертикальная ориентация объекта относительно точки зрения субъекта*. Адресату понятно, что субъект смотрит в сад вниз (ned), то есть, видимо, со второго этажа своего дома. Из второго примера следует, что субъект находится в открытом пространстве (на улице) и перемещает багаж (ind) в замкнутое пространство дома.

Смысл этого предиката мог бы более дословно передаваться по-русски как ‘*начал* ***в****носить багаж из машины’*. Однако в этом случае возникало бы несоответствие разнонаправленности двух типов движений – «перемещение из замкнутого пространства» (*из машины*) и «перемещение в замкнутое пространство» (*вносить*). Поэтому переводчик выбирает вариант «*принялся* ***вы****гружать багаж* ***из*** *машины*», опуская сему «перемещение в замкнутое пространство». Другим возможным вариантом русского перевода могло бы стать указание всей траектории перемещения объекта: «принялся ***пере****носить багаж* ***из*** *машины* ***в*** *дом*» или «принялся ***вы****гружать багаж* ***из*** *машины* и ***в****носить его* ***в*** *дом*». Это утяжеляло бы текст, но сохранило бы отмеченные выше важнейшие особенности вербальной ориентации в пространстве средствами русского языка, а именно ориентацию относительно объектов внешнего мира и семантическую детализацию типа движения. Эти особенности полностью соответствуют предложенной Пером Дурст-Андерсеном коммуникативной типологии русского

языка как языка, грамматические средства которого приоритетно ориентированы на передачу денотативной реальности [Durst-Andersen 2011].

То, что опускается в русском переводе – это своего рода «*дополнительная координата» пространственной ориентации*, присутствующая в датских примерах. Так что помимо внешней ориентации действий относительно пространственных объектов *(на перилах – over rækværket, в сад – i haven, из машины – fra bilen)* (нецентрированное пространство по Болдыреву) в датском предложении регулярно присутствует и о р и е н т а ц и я д е й с т в и я о т н о с и т е л ь н о с у б ъ е к т а. Это может быть как ориентация направленности действия, если речь идет о динамических предикатах (ud, ned, ind и др.), так и ориентация расположения объекта относительно субъекта в случае статических предикатов (ude, nede, inde и др.). Причем в качестве такого антропоморфного субъекта, задающего эндоцентрированную организацию пространства, может выступать как субъект речи (говорящий) в монологических или диалогических высказываниях, так и субъект повествования (персонаж) в нарративе.

Наличие такой «дополнительной пространственной координаты», выражаемой специальными аналитическими маркерами, полностью соответствует отмеченному Пером Дурст-Андерсеном коммуникативному типу датского языка как языка, ориентированного на адресата. Указание на пространственное положение объектов относительно субъекта дает адресату возможность в буквальном смысле «поставить себя на место» субъекта, увидеть и живо почувствовать, как организовано пространство персонажа повествования. Тем самым создается перцептивный эффект, который мы предлагаем называть «п р о с т р а н с т в е н н о й э м п а т и е й».

В этой связи хочется вспомнить один жизненный эпизод, косвенно свидетельствующий о том, что вербальная детализация пространственных смыслов помогает носителям соответствующего языка легче ориентироваться в пространстве. Много лет назад в только что выстроенном здании МГИМО на проспекте Вернадского проходила совместная российско-датская конференция. От кафедры скандинавских языков участникам нужно было пройти в конференц-зал. Чтобы это сделать, требовалось несколько раз спуститься и подняться с этажа на этаж и сделать несколько поворотов. Российские и датские организаторы конференции дали русским и датским участникам подробные устные инструкции. Когда мы, проплутав по коридорам достаточно времени, наконец оказались в конференц-зале, выяснилось, что все датчане уже давно на местах и не понимают, почему нам сложно было найти дорогу.

Показательно, что в ситуациях *диалогического общения* в качестве субъекта ориентации может выступать не субъект речи (говорящий), а ее адресат (слушающий). Именно это происходит в приводившихся ранее примерах П. Дурст-Андерсена: *Hvor er du henne? – Jeg er ovre/ henne/ nede/ oppe/ inde/ ude hos Peter. ‘Ты где? – Я (напротив/ рядом/ внизу/ наверху/ внутри/ снаружи) у Петера’.* [Durst-Andersen 2011[1], 50]. Это значит, что говорящий дает слушающему дополнительную информацию о том, что адресант отделен от адресата какой-либо границей,

через которую надо пройти «*ovre*» (обычно дорогой, разделяющей дома на противоположных сторонах улицы, железнодорожными путями и т.п.); в переделах легкой досягаемости «*henne*»; ниже «*nede*» или выше «*oppe*» адресата; в замкнутом «*inde*», либо в открытом «*ude*», но всегда *во внешнем по отношению к адресату пространстве*. То есть в случае несовпадения пространственной локализации коммуникантов, говорящий по-датски обязательно должен указать получателю высказывания на это несовпадение посредством нюансированной системы пространственных наречий.

В плане датской тенденции к последовательному усилению и нюансированию субъективных смыслов стоит отметить особенность современного употребления пространственных наречий *hen* и *over* не только в пространственном, но и во временно*м* смысле – как *противопоставление существенного (**over**) или несущественного* (***hen***) ***временно́го барьера между коммуникантами***: «Bemærk at der er kommet noget interessant ind i dansk: fx kunne jeg godt sige til Malene ”*Jeg tager lige **over** på skolen*” eller ”*Jeg tager lige **hen** på skolen*” dengang jeg arbejdede på CBS. Hvis jeg siger ”*over*”, så ved Malene at jeg ikke kommer hjem med det samme, dvs. vi vil være separeret i et længere stykke tid. Hvis jeg siger ”*hen*”, så ved Malene at jeg lige skal hente noget eller printe noget ud, dvs. jeg kommer hjem ganske hurtigt. Det at tid er blevet knyttet til formerne er noget forholdsvis nyt. (Brev af 01.04.2024) ‘Когда я работал в Высшей школе бизнеса, я мог сказать жене «*Пойду в Школу*» и как ”*Jeg tager lige **over** på skolen*”’ и как ”*Jeg tager lige **hen** på skolen*”. Если я употреблю ***over***, то жена поймет, что я буду отсутствовать некоторое время, если же скажу ***hen***, то она поймет что мне просто надо что-то взять или распечатать, и я тут же вернусь домой’. Подобное смысловое противопоставление в русском языке может быть передано лексическим описанием ситуации: «*Забегу в Школу*» vs. «*Пойду в Школу, поработаю / Пойду в Школу на лекцию*» и т.п.

Но что же тогда выражает наречно-предложная ориентация при отсутствии антропоморфного субъекта? Ведь наречно-предложные сочетания широко употребляются в датском нарративе и при неодушевленных субъектах. Ожидаемый ответ состоит в том, что в этом случае нюансируется объективная ориентация одних предметов внешнего мира относительно других, (это упомянутый выше третий тип ориентиров по Н. Н. Болдыреву [Болдырев 2018]), например:

Endnu et skud <...> ***gik ind gennem*** *en rude* ***i huset*** *og endte* ***i loftet*** (korpusDK)
’Еще одна пуля попала <внутрь> через оконное стекло в дом и застряла в потолке’ – описание траектории выстрела.

Dybt inde *i det nordlige Canada ligger en vidunderlig sø «Great Slave Lake*
’В самом центре (досл. глубоко внутри) Северной Канады расположено чудесное озеро «Great Slave Lake»‘ – описание объективного топографического расположения одного объекта внутри другого.

В подобных примерах полнее реализуется денотативная семантика пространственных наречий. Они выступают как полнозначные лексические единицы и, в качестве таковых, нередко имеют зависимые члены:

*Baracoa er en lille by '**langt** '**ude** på landet, og det var netop derfor, vi ville dertil.* 'Баракоа – маленький городишко, расположенный далеко в сельской местности, именно поэтому мы и захотели туда отправиться'

*Til gengæld fik man de ringeste pladser. '**Helt** '**oppe** i det ene hjørne, hvor man kun kunne se, hvad der foregik på den ene halvdel af banen*. Наоборот, мы получили самые плохие места, **совсем наверху** в одном из углов <стадиона>, откуда можно было увидеть, что происходит только на одной половине поля.

И тем не менее, даже в примерах, иллюстрирующих объективное расположение предметов в пространстве, подразумевается ориентация относительно субъекта, будь то расположение объекта внутри замкнутого пространства, вне которого находится повествователь (*dybt **inde** i det nordlige Canada*); расположение объекта за пределами субъективного пространства повествователя (*langt **ude** på landet*) или расположение повествователя выше или ниже относительно объектов-ориентиров (*helt **oppe** i det ene hjørne*).

Как видим, маркирование субъективного пространства человека (говорящего или субъекта повествования) является важнейшей функцией датских наречно-предложных сочетаний.

Дальнейший анализ будет строиться на последовательном семантико-функциональном анализе пространственных оппозиций ***op/oppe*** и ***ned/nede***; ***ud/ude*** и ***ind/inde***; ***frem/fremme*** и ***hjem/hjemme***; ***over/ovre*** и ***om/omme***; ***hen/henne*** и ***bort/ borte***. Для каждой из них будет выявлен базовый семантическим инвариант, а затем рассмотрены функционально-семантические варианты, по-разному организующие физическое или ментальное пространство относительно субъекта.

I.2.1.1. UD / UDE направленность из / локализация вне субъектного пространства

Lange køer bilister ville komme ***forbi*** om eftermiddagen på vej ***ud til*** deres sommerhuse efter arbejde (ABC 86)	Ближе к вечеру по шоссе бесконечными вереницами ***потянутся*** автомобилисты, ***направляющиеся*** после работы ***в*** летние домики' (Азбучная история 96)

Этот пример интересен по многим причинам. Во-первых, здесь представлено одно из основных вариантов значения *ud*, сигнализирующего о том, что и для автомобилистов, и для главного персонажа книги, наблюдающего за происходящим на шоссе, поездка за город является переходом в «чужое» пространство, противопоставленное внутреннему, «своему» для них пространству города.

В этой связи показательно сравнение двух контрастных примеров из датского корпуса 2007. Использование в первом из них наречия *ude* при локативе *i provinsen* субъективно противопоставляет провинцию как внешнее, «чужое» пространство столице как «своему» пространству говорящего:

Der er ikke plads til flere kraftcentre i Danmark, for hvis de fik lov at opstå, ville ***hovedstaden*** *for alvor miste pusten. Større er landet ikke. Men hvis det er, hvad man gerne vil opnå* ***ude i provinsen*** *– og politisk – så skal det nok lykkes* (KorpusDK) 'В Дании нет места для новых онкологических центров, потому что, если бы они возникли, то *столица* бы просто не выдержала. Страна не резиновая. Но если этого добиваются *в провинции (****ude*** *i provinsen)* – используя политические средства – то это, конечно, произойдет'.

В другом примере говорящий выступает как беспристрастный исследователь, не связывающий себя с тем или иным локусом. Поэтому наречие субъективной ориентации при сопоставлении зарплат в столице и провинции закономерно отсутствует:

Jeg har kigget på, hvad lønnen er på ti typiske arbejdspladser i dagens Danmark. Det er klart, at der er forskel på lønnen ***i hovedstaden*** *og* ***i provinsen*** (KorpusDK). 'Я посмотрел, каковы сейчас зарплаты в десяти наиболее типичных сферах занятости в современной Дании. Очевидно, что существует разница между зарплатой *в столице и в провинции'*.

Этот пример служит убедительной иллюстрацией того, что субъектная пространственная ориентация привносится именно за счет пространственного наречия и элиминируется при его опущении.

Семантика *ude* как маркера «чужого» пространства по отношению к говорящему проявляется также в противопоставлении *ude* наречию *hjemme* 'дома', например, в трудно-переводимой игре слов в следующем примере из Корпуса 2007:

Valdemars mor er ***hjemmehjælper****, eller som Valdemar kalder det "****udehjælper****". For heller ikke hun har tid til noget i huset.* (Berlingske tidende 91). 'Мать Вальдемара – домработница (досл. 'дома-помощница'); или, как Вальдемар ее называет, «внедомаработница». Потому что дома у нее ни на что не хватает времени'.

Возвращаясь к приведенному выше примеру из параллельных художественных текстов, отметим, что он содержит еще одно наречие субъективной ориентации – ***forbi*** 'мимо'. Машины будут проезжать *мимо* того места, где в тот момент стоит наблюдающий за происходящим персонаж. Если теперь сравнить оригинал с его художественным переводом на русский язык, то – как и в параллельных примерах, проанализированных выше – обнаружится, что все указания на субъектную ориентацию в русском тексте отсутствуют. Зато более нюансированно изображены семантические особенности движения: автомобилисты не просто *kommer forbi*, как в датском оригинале, а «*потянутся*», что живо рисует картину неторопливого, плотного автомобильного движения, когда одна машина следует прямо за другой. В датском же оригинале использован глагол *komme*, который не передает тип движения, указывая лишь на «перемещение в определенное место или туда, где находится говорящий» (*komme*, v. 1. bevæge sig eller rejse hen til et bestemt sted eller til det sted hvor den talende befinder sig. DDO), что – в полном соответствии с коммуникативной типологией датского языка – еще более усиливает ориентационный компонент смысла.

Наконец, рассматриваемый пример параллельных художественных текстов важен еще в одном отношении. Он как нельзя лучше иллюстрирует различия между русским и датским языком не только в пространственной, но и во временно*й* ориентации.

Указание на пространственную ориентацию объектов относительно субъекта дает датскому адресату возможность в буквальном смысле «поставить себя на место» субъекта, будто «примерить на себя» пространство персонажа повествования. Это создает эффект, который мы предлагаем называть пространственной эмпатией. Под эмпатией, в соответствии с толкованием Большого психологического словаря, понимается «внерациональное познание человеком внутреннего мира др. людей»; «вчувствование в художественный объект»; «эмоциональная отзывчивость на переживания другого человека» [Мещеряков, Зинченко 2005, 563].

Что же касается грамматической ориентации во времени, то здесь обнаруживается противоположная закономерность. В датском тексте временное пространство персонажа и временное пространство повествователя (как и адресата) оказываются дистанцированными друг от друга грамматическими средствами. Так, в анализируемом эпизоде сообщается, что персонаж стоял и думал о том, что будет происходить на том месте вечером. Датская форма будущего в прошедшем (*ville komme forbi*) четко противопоставляет временной план прогноза персонажа из момента в прошлом тому, как бы выражался прогноз относительно момента речи (*vil komme forbi*). В переводе на русский язык это противопоставление утрачивается. Использование формы будущего времени (*потянуться*) совмещает темпоральные позиции всех субъектов, создавая в русском тексте эффект, который мы предлагаем называть темпоральной эмпатией, чему противопоставлен эффект темпорального дистанцирования, характерный для грамматической системы датского глагола.

Еще одной важной составляющей смысла наречия *ud* является перемещение субъекта из закрытого пространства в открытое. Так в датском языке регулярно противопоставляется перемещение субъекта с суши на море.

På varme dage tog han en gammel cykel, der stod under tagudhænget, og kørte **ned til** stranden. **Gennem** duftende fyrreskov … Så **videde** landskabet **sig ud**. Der lå havet. Han lagde tøjet i en sirlig dynge og **gik** målbevidst ***ud* i vandet** (ABC 10).	В жаркие дни он садился на старый велосипед, стоявший под навесом крыши, и ехал на пляж. Путь лежал через благоухающий хвоей лес … Потом пейзаж менялся. Впереди **открывалось** море. Сложив одежду аккуратной кучкой, он решительно **заходил** в воду (Азбучная история 12).

В датском примере перемещение персонажа изобилует пространственными ориентирами указывающими траекторию его движения в объективном пространстве – вниз от дома, через лес к пляжу и в воду. Вместе с тем наречно-предложное сочетание ***ud*** *i vandet* указывает также на перемещение субъекта из закрытого на открытое пространство, *на расширение поля зрения субъекта,* что в русском переводе передано лексически: «*Впереди* ***открывалось*** *море*». Если такой компо-

нент смысла отсутствует, то наречие *ud* не употребляется. Ср. типичный пример из Датского корпуса 2007 с предикатом *gå i vandet* в непространственном значении ’купаться’: *Han risikerede også, at hvis han **gik i vandet** og måske svømmede et stykke væk herfra, kunne broderen ikke få øje på ham* ‘Он рисковал, что, если пойдет купаться (досл. ‘пойдет в воду’) и, может, заплывет подальше, брат потеряет его из виду’.

Поиск по Корпусу убеждает, что наречно-предложное сочетание ***ned* i vandet** также вполне возможно, но предполагает иное видение ситуации субъектом, не подразумевающее соотношения открытого и закрытого пространств. В этих случаях речь идет обычно не о море, а о менее обширном водном объекте – реке или озере. Значимым тут оказывается расположение водной поверхности ниже относительно фигуры субъекта:

*Da solen stod højt på himmelen, gjorde vi holdt ved en sø. ”Lad os tage en svømmetur inden maden! ”[...]” råbte Bjørn. I en fart tog han alt tøjet af og hoppede som en frø lige **ned i det grønne vand*** (KorpusDK). ‘Когда солнце было высоко в небе, мы остановились у озера. Давай поплаваем до обеда, воскликнул Бьерн. Он стремительно сбросил одежду и как лягушка прыгнул в зеленую воду’ (***ned*** i vandet)

*Han befalede, at vognen skulle standse, og de gik begge **ned i vandet**, både Filip og hofmanden, og Filip døbte ham.* (Apostlernes gerninger 8, 38). ‘*И приказал остановить колесницу, и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и Филипп крестил его*.’ (Деяния Святых апостолов 8:38).

I.2.1.2. IND / INDE – направление движения субъекта / расположение субъекта в замкнутом пространстве

Продолжая тему ориентации субъекта относительно водных объектов, заметим, что в тех примерах их корпуса, где используется сочетание *gå **ind** i vandet,* зависимость выбора пространственного наречия от того ракурса, в котором субъект повествования видит ситуацию, становится особенно заметной:

*Så huskede den gamle mand melodien, som han havde hørt, da han sad **oppe i** træet uden for Den Ny By. Han fløjtede den, og havet rejste sig lodret op fra stranden og højt **op i** himlen, og en høj revne åbnede sig **ind i** vandet. De gik **ind i** vandet og **hen over** det hvide sand. Der stod fisk i luften omkring dem* (KorpusDK). ‘Тогда старик вспомнил мелодию, какую слышал прежде, когда сидел на дереве (***oppe i*** træet) у стен (***uden for***) Нового Города. Он насвистел ее, и море встало столбом (*rejste sig lodret **op***), <отхлынув> от берега высоко до (*højt **op i** himlen*) небес, и высокая расщелина открылась в воде (åbnede sig **ind** i vandet). Они вошли в воду (*gik **ind** i vandet*) и <двинулись> (***hen over***) по белому песку. Вокруг них в воздухе висели рыбы’. В тексте перевода в скобках отмечены те датские пространственные маркеры, которые утрачиваются в русском эквиваленте. Вода при этом представляется

как вертикально ориентированное замкнутое пространство, внутрь которого вступает субъект повествования.

Маркер направленного движения ***ind*** может обозначать не только физическое перемещение субъекта в замкнутое пространство объекта, как в предыдущем примере, но и перемещение субъекта в переносном смысле, не связанное с глаголами движения:

Den danske sopran har i løbet af de sidste ti år ***sunget sig ind på*** *verdensscenerne,* букв. ‘<Благодаря своему пению> датская певица-сопрано за последние 10 лет смогла <войти в избранный круг> и выступать на мировых сценах’. Досл. “*впела* себя” (har **sunget sig ind)** на мировые сцены **(på** verdensscenerne).

Использование комплекса аналитических средств (результативный перфект и пространственное наречие) усиливает субъективно-оценочную составляющую, маркируя траекторию продвижения субъекта к достижению результата. Ср. чисто информативное высказывание *Den danske sopran synger på verdensscenerne* ’Датская певица-сопрано выступает на мировых сценах’.

К аналогичным выводам можно прийти, сопоставив следующие два примера:

Selv om familien har givet et nøje signalement af morderen, har politiet ikke haft held til at ***spore ham*** (DDO) *‘Хотя семья и сообщила точные приметы убийцы, полиции так и не удалось его выследить’.* Датский глагол *spore*, как и его русский эквивалент ‘выслеживать’, является переходным. Сравним этот пример с похожим примером из корпуса, где при глаголе *spore* употреблено наречно-предложное сочетание *ind på*.

Langsomt og sikkert ***fik*** *Per Casper og co.* ***sig sporet ind på*** *pyromanen, og fire måneder efter den første af de 45 brande slog politiet til med den afgørende anholdelse* (KorpusDK). ‘Медленно, но верно Касперу и компании удалось выследить (**fik sig sporet ind på**) пиромана, и четыре месяца спустя после первого из 45 пожаров полиция провела задержание‘ Более отстраненно тот же смысл мог бы передаваться с использованием переходного глагола: Langsomt og sikkert **fik** Per Casper og co. **sporet** pyromanen ‘*Медленно , но верно Перу Касперу и компании удалось выследить пиромана*’.

Использование дополнительных аналитических маркеров создает грамматическое приращение смысла: аналитическая конструкция få-Obj-Part II привносит более интенсивное значение результата, требующего усилий от субъекта действия, а добавление пространственного наречия ***ind*** рисует траекторию приближения субъекта действия к центру поисков: полиции удалось (fik sig Part II) *сузить* сферу поисков (*sporet ind*) и выследить пиромана (på pyromanen). То есть аналитическими средствами создается антропоцентрический ракурс повествования за счет дополнительной фокусировки на усилиях полиции и траектории ее продвижения к результату поисков.

Антропоцентрический ракурс усиливается и тогда, когда детализируется траектория проникновения объекта в субъективное пространство персонажа, как в следующем примере:

Lys og skygge **faldt *ind* gennem** bilruderne **på** det lille ansigt, og Joakim lagde hånden **hen til** ham, så Jacob kunne *gribe* **om** hans pegefinger (ABC 86)	Блики света и тени *играли на* его личике. Йоаким *придвинул руку* к мальчику, чтобы тот *ухватил его за* палец. (Азбучная история 94)

В датском оригинале детализируется траектория проникновения света: через стекло – внутрь машины, где находится Йоаким с сыном – на лицо малыша. В русском переводе ослабевает смысл того интимного внутреннего пространства, которое сближает отца и сына. Особую роль в структурировании внутреннего пространства персонажа играет и наречие направления **hen**, о котором будет сказано особо чуть ниже.

Противопоставление ориентационного и функционального пространства как отражение субъективности восприятия пространства

Отметим, что маркер местоположения ***inde*** может обозначать расположение внутри замкнутого пространства как субъекта, так и объекта, Ср.: *Jeg og andre pressefolk stod **inde i** gepardernes løbegårde og fotograferede kong Frederik, der stod **uden for** tremmerne.* (KorpusDK). ‘Я и другие корреспонденты стояли *внутри* вольера с леопардами и фотографировали короля Фредерика, который остановился *снаружи* перед решеткой’– и: *Vi fik låst vores bagage **inde i** et skab i hotellets lobby* (KorpusDK). ‘Мы заперли наш багаж в шкафу (***inde i** et skab*) в лобби (**i** lobby) отеля’.

Последний пример интересен тем, что демонстрирует важную для датского пространственного менталитета разницу между локализацией в пространстве, воспринимаемом говорящим как *замкнутое ориентационное* (**inde i** et skab ‘в шкафу’) и как *функциональное* (**i** lobby ‘в лобби’). Если же шкаф рассматривается говорящим не как ориентационное, а как функциональное пространство, то маркер пространственной ориентации закономерно опускается:

*Det er en god idé at anbringe medicinen **i** et aflåst medicinskab. Skabet bør stå køligt og tørt* (KorpusDK). Хорошая идея – хранить лекарства в запертом медицинском шкафу. Шкаф должен всегда быть сухим и прохладным.

Об исследовании маркирования функционального пространства средствами предлогов русского языка см. исследования О.Н. Селиверстовой [Селиверстова 2004].

Противопоставление ориентационного и функционального пространства отчетливо просматривается в квазисинонимии датских пространственных предлогов. Например, некоторые обозначения локусов могут употребляться как с предлогом **i**, так и с предлогом **på**. В рамках данного раздела важно подчеркнуть, что в отличие от предлога **på**, предлог **i.** как правило, употребляется в сочетании с пространственным наречием **inde**. Тем самым создается ориентационный

смысл. Субъект помещается внутрь трехмерного материального пространства. Предлог **på**, напротив, создает эффект не материального, а функционального пространства, в данном случае på kontor ‘в офисе’ значит ‘на рабочем месте’, а på gaden ‘на улице’ значит ‘вне помещения’, ‘в общественном месте’

Ср. примеры из датского Корпуса 2007:

”*Man må være, hvor det sker ”, sagde han altid, og det sted ’det skete’, var* ***inde i*** *hans fornemme* ***kontor i bymidten***. ‘«Нужно быть там, где делаются дела», говорил он всегда, а место, где «делались дела» находилось в (**inde i**) его элегантном офисе в центре города. (kontor = помещение)’.

Inde i kontoret ved siden af *hævede den hæse kvindestemme sig i afsindigt raseri* ’В (**inde i**) соседнем офисе орал хриплый от ярости женский голос’. (kontor = помещение)

Ср. Следующее предложение, где при существительном *kontor* употреблен предлог ***i*** без наречия **inde**:

Og lys er der masser af ***i alle kontorer*** *- der er store glaspartier ud mod et haveanlæg*. ‘А света в избытке во (**i**) всех офисах: огромными стеклянными панелями они выходят в парк’. . (kontor = помещение, однако речь идет об освещенности помещений, поэтому ориентационный смысл ослаблен, но не заменен на функциональный).

Arbejde er hans liv, og selv når han tager sig 15 minutters middagslur ***på kontoret****, sker det samtidig med, at han hører Radioavisen* ’Работа – это его жизнь, и даже когда он минут на 15 засыпаете в офисе (**på kontoret**) в обеденный перерыв, он продолжает слушать новостные сообщения’ (kontoret = место работы, функциональное пространство).

Kvinderne kan i en to-årig periode blive beskæftiget ***på kontor,*** *i børnehaver, eller inden for den sociale sektor*. ‘В течение двух лет женщинам может быть предоставлена работа в офисе (**på kontor**), в детском саду или в социальном секторе.’ (kontor = место работы, функциональное пространство).

Straks efter var han ***inde i en*** *større* ***gade*** *med en lang række oplyste butiksruder. Da han fik øje på kirken, drejede han* ***ned ad*** *en smal sidegade, som han mente måtte føre* ***bort fra*** *bymidten*. ’Сразу же он оказался посреди (**inde i**) довольно широкой улицы с рядами освещенных витрин. Когда он заметил церковь, он свернул на (**ned ad**) узкую улочку, которая предположительно должна вести из (**bort fra**) центра города’. (inde i en gade – элемент ориентационного ландшафта персонажа).

Posedamer og andre, der lever ***på gaden****, skal have hjælp, mener et enigt Folketing*. ’Бомжам и всем, кто живет на улице, нужна помощь, единодушно считают в Фолькетинге’. (leve på gaden = ‘быть бездомным’ – функциональное пространство).

At politiet er mere ***på gaden*** *har en gavnlig virkning præventivt.* ‘То, что на улице стало больше полиции, имеет важное превентивное значение’. (på gaden = функциональное пространство)

Если же при локативе *på gaden* употреблено иное пространственное наречие, то это иначе организует пространство относительно субъекта:

Tjeneren har straks skiftet til anretterforklæde og stiller med menukortet, som vi på forhånd har kastet et blik på **oppe på gaden**. ‘Официант надел сервировочный передник и принес меню, на которое мы еще прежде успели взглянуть на (**oppe på**) улице’(KorpusDK).

Использование наречия **oppe** сигнализирует адресату, что улица расположена выше того локуса, где находится субъект. То есть речь идет о подвальном ресторанчике.

I.2.1.3. OP / OPPE и NED / NEDE – вертикальная ориентация относительно субъекта

Телесная ориентация относительно субъекта

Словарные дефиниции, даваемые наречиям **ned**, **nede** и **op**, **oppe** в толковом словаре датского языка (DDO) свидетельствуют о том, что первостепенную роль в них играет телесная ориентация относительно субъекта речи. А поскольку телесная ориентация может быть воспроизведена адресатом текста относительно себя самого, то это создает эффект наблюдения пространства персонажа как бы «изнутри» и , как следствие совмещение точек обзора и «пространственную эмпатию».

Антропоцентрированная ориентация прослеживается в таких словарных определениях наречия **ned,** приводимых в DDO, как:

– направление или движение «в более нижний пункт *перед телом*» – «imod et lavere punkt foran kroppen»: *Vor søgen skal lykkes, mumlede han ned i sit tørklæde, som han havde bundet stramt om halsen* KåBlui91 ‘«Наши поиски должны завершиться успехом», – пробормотала она в (***ned i***) платок, обмотанный вокруг шеи’;
– «в более низкую позицию на поверхности или в контейнере, часто о *движении руками*» – «til en lavereliggende position på et leje eller en overflade eller i en beholder eller snæver passage ofte i en bevægelse med hænderne»: *Han gik hen mod indgangen, mens han proppede jakken ned i plasticposen* KBJens92 ‘Он направился ко входу, запихивая куртку в (***ned i***) пакет’;
– «направление к локусу, расположенному ниже (или дальше) или воспринимаемому *согласно логике или ориентации говорящего* как расположенный ниже, особенно о движении к югу или побережью или дельте реки» – «retning mod en lokalitet som ligger lavere (eller fjernere), eller som efter den talendes logik eller orientering opfattes som lavereliggende, især om bevægelse mod syd eller mod en kyst eller en udmunding» https://ordnet.dk/ddo/ordbog?aselect=ned&query

Соответственно наречие **op** определяется в DDO как:

– «движение *перед телом или лицом* по направлению к более высокому пункту или к другому человеку» – «bevægelse frem foran kroppen eller ansigtet og hen imod et højere punkt eller en anden person»: *Han holdt sit tomme glas op for hende,*

at hun skulle skænke vodkaen AltDam1992 ‘Он поднял свой пустой стакан перед (***op for***) ней, чтобы она налила ему водки’;

– «движение от расположенной ниже поверхности или контейнера к более высокой точке, часто *движение руками*» – «bort fra et underlag, en beholder, et leje el.lign. og hen til et højereliggende sted ofte i en bevægelse med hænderne»: *Han tog varerne op af posen og lagde dem på bordet* GrRoul88 ‘Он вынул покупки из (**op af**) пакета, и положил их на стол’;

– «*движение тела из более низкой или инактивной позиции* в более высокую или вертикальную» – «bevægelse med kroppen fra en lavereliggende eller inaktiv position og mod en højere; hen imod lodret eller opretstående stilling»: *Kvinden hjalp sin mand, der var dårligt til bens, op fra sofaen* FamJour1986 ’женщина помогла мужу, у которого были больные ноги, встать с (***op fra***) дивана’;

– «направление к локусу, расположенному выше, или воспринимаемому, *согласно логике или ориентации говорящего,* как расположенный выше, особенно в связи с направлением на север или против течения» – «retning mod en lokalitet som ligger højere, eller som efter den talendes logik eller orientering opfattes som højereliggende, især i forbindelse med retning mod nord eller mod strømmen» op – Den Danske Ordbog (ordnet.dk)

Последний из пунктов в каждом из приведенных фрагментов словарных статей заслуживает отдельного комментария. По-видимому, авторы стремились обобщить в нем случаи, посвященные ориентации в географическом пространстве. Поэтому в один пункт попадают примеры типа ned til stranden ‘вниз на пляж’ и *ned til Spanien* ‘вниз (на юг) в Испанию’ или op ad gaden ‘вверх по улице’ и *op til Norge* вверх (на север) в Норвегию’. Однако, с точки зрения ориентации человека в пространстве, это разные концептуализации. Если движение вверх или вниз в зависимости от топографии ландшафта соответствует общим закономерностям телесной ориентации, то положение одной страны относительно другой не связано с их относительной высотой над уровнем моря. Очевидно, что здесь речь идет об их картографическом расположении.

OP– OPPE / NED – NEDE картографическая ориентация относительно субъекта

Итак, *ned til Spanien* ‘вниз (на юг) в Испанию’ *и op til Norge* ‘вверх (на север) в Норвегию’– это, безусловно, иной тип ориентации – ориентация географических объектов. Но субъектная ориентация здесь тем не менее присутствует. Говорящий как бы помещает себя в определенную точку на карте – и в соответствии с точкой его собственного расположения один и тот же географический объект оказывается визуально расположенным на карте либо выше, либо ниже. По умолчанию эта точка соответствует Дании, поэтому датчане едут *ned til Spanien* или *op til Norge*. Особенно показательны в плане субъектной ориентации географических объектов те контрастные примеры, где, в зависимости от места положения субъекта, один и тот же географический объект может оказаться либо «oppe», либо «nede».

Ср. два примера из корпуса, где в первом речь идет о том, что субъект повествования находится «вверху в Осло», то сам есть говорящий, находится картографически «ниже» – а значит, южнее, в Дании, а во втором – о том, что путешествие в Осло проходило «вниз» от полярного круга, то есть рассказчик двигался с севера на юг:

Men selvmodsigelsen går lyslevende omkring ***oppe i Oslo****. Han hedder Stein Winge*. ‘Но это «противоречие» живьем расхаживает в (***oppe i***) Осло. ‘Имя ему – Стейн Винге’. BN 90

Polarcirkelen passeres igen. Før turen over højfjeldet ned til Oslo var der tid til et besøg i den flotte Nidarosdomkirke i Trondheim. ‘Опять пересекаем полярный круг. Перед путешествием через горы в (***ned til***) Осло было время посетить великолепный кафедральный Нидаросский собор в Тронхейме’.

Возможно, в последнем примере совмещены оба ориентационные смысла: Тронхейм находится строго севернее Осло, но путешествие через горы к Осло, расположенному на побережье, связано и с понижением топографического ландшафта. Но в следующем примере такая двузначность снимается. Речь идет только об ориентации на север относительно Копенгагена, где живет персонаж. Его летний домик находится в Тисвилле-Хайне, расположенном на северном побережье Зеландии. Отправляясь туда, персонаж направляется строго на север, то есть *вверх* по карте:

Han havde også et lille sommerhus i Tisvilde hegn, dybt inde i granskoven), som han tog **op til** i weekenderne og i ferierne (ABC 10)	Был у Йоакима и летний домик в Тисвилле-Хайне в глубине елового леса, куда он ездил (tog **op til**) на выходные и в отпуск. (Азбучная история 12)

Схожую картографическую ориентацию можно обнаружить и в употреблении наречий ***inde / ude***.

Речь идет об использовании наречно-предложного сочетания ***inde i*** для ориентации сухопутного объекта относительно моря. В случае расположения субъекта со стороны моря (*ude i havet*) прибрежные территории и сама суша концептуализируются как находящиеся «внутри» (*inde*):

Vi lå 1 km fra kysten. Nogle store krydsere lå ***indenfor****, og de beskød* ***inde i land****.* (KorpusDK) ‘Мы встали в километре от берега. Несколько крупных крейсеров стояли ближе нас к берегу (досл. ‘внутри’ *indenfor*) и обстреливали сушу’ (досл. обстреливали ‘внутри суши’).

Næsten vindstille ankrede vi på bugten 30-40 m fra klippekysten ***Inde i land*** *lå et enligt hus på en skovklædt skråning.* (KorpusDK) ‘Почти при полном штиле мы встали на якорь в 30-40 м от скалистого берега. Вглубине (досл. ‘внутри суши’ inde i land) на лесистом склоне стоял одинокий дом’.

Дания – небольшая островная страна, окруженная морем. «Картографическое» представление суши как замкнутого пространства расположенного внутри открытого морского пространства, – естественное отражение этой объективной географической реальности.

OP – OPPE / NED – NEDE ориентация относительно функционального центра и периферии

Важной антропоцентрированной ориентацией для носителей датского языка является пространственная ориентация относительно функционального центра и периферии. В этом плане интересны использования наречий ***op*** и ***ned*** в случаях, когда речь не идет о физическом перепаде высоты. Вот результат опроса, проведенного автором на главной пешеходной улице Копенгагена Strøget. Если спросить копенгагенца «Как пройти к ”Сёстрене Грене”?» (Известный магазин авторских сувениров, находящийся на этой улице), стоя на центральной площади города – площади Ратуши (Rådhuspladsen) – то тебе отвечают «*Du skal **ned** ad Strøget*”. Если же задать этот вопрос, стоя у другого конца улицы рядом с площадью Kongens Nytorv, то в ответ слышишь: «*Du skal **op** ad Strøget*”. Благодаря этому ***op**,* адресат понимает, что должен двигаться в сторону центра.

Подчеркнем, что здесь не идет речи о картографической ориентации (типа описанного выше путешествия ***op til Norge***). Убедительное подтверждение находим в диалоге из учебника Лисе Боструп:

*«– Undskyld, hvordan kommer jeg til Sankt Petersstræde? – Du skal **over** Rådhuspladsen og **ned ad** Vestervoldgade og så er det tredje vej til højre* [Bostrup 2003, 59]. ‘– Простите, как мне пройти к переулку Санктпетерсстреде? – ‘Вы должны перейти через Ратушную площадь и идти **вниз** по улице Весервольдгаде, а затем третий поворот налево*’.*

Использование ***ned*** сигнализирует адресату об удалении от центральной точки города – Ратушной площади, а не о движении на юг, что очевидно из прилагаемой на следующей странице учебника карты старого города (с. 61), где видно, что картографически и переулок Санктпетерсстреде, и улица Стрёгет, наоборот, расположены севернее Ратушной площади.

Движение в горизонтальной плоскости по направлению *к* функциональному центру данного локуса, концептуализируется как движение *вверх*. Именно поэтому, движение в храме к алтарю – это всегда *gå **op** ad kirkegulvet* а движение в сторону выхода из храма *gå **ned** ad kirkegulvet.*

Вот типичные примеры из KorpusDK, описывающие церемонию церковного венчания и похорон:

*Musikken starter. Signe og hendes far går atter **op ad gangen**. Vielsen begynder* ‘Звучит музыка. Сигне и ее отец опять идут (**op**) по проходу (= в сторону алтаря). Начинается церемония венчания.’

*End ikke en af de hundredvis af mennesker, der sad afventende på de lange træbænke, mæglede et ord. Han tog en dyb indånding og begav sig derefter på vej **op ad den lange gang**. Forsigtigt lod han sig glide ned på knæ foran forhøjningen, hvorpå den hvide kiste stod*. ‘Ни один из сотен людей, сидевших в ожидании на длинных деревянных скамьях, не произнес ни слова. Он глубоко вздохнул и пошел (**op**) по длинному проходу. Он осторожно опустился на колени перед возвышением, на котором стоял белый гроб.’

В приведенных примерах речь шла о *конвенционализованных в данном языковом коллективе функциональных центрах* – главной площади города, алтаре в церкви. Но функциональным центром для человека является и его жилье, движение *к* или *от* которого также маркируется в датском языке противопоставлением наречий ***op*** и ***ned***. В этом плане интересен комментарий Пера Дурст-Андерсена при обсуждении функционального противопоставления ***op*** и ***ned*** с автором данного исследования:

«Du kan sagtens sige "*Jeg går lige **ned** til postkassen*", men det kræver at der er et pænt stykke fra huset til postkassen, hvis der ikke er tale om niveauforskel. Det samme gælder "*Jeg går lige **op** til huset*". Hvis afstanden er kort, hedder det "***ud** til postkassen*" og "***ind** i huset*" – fx siger vi sådan hjemme hos os. Men i Sverige, hvor postkassen ligger *langt væk og er uindset*, så siger vi "*Jeg går lige **ned** og henter posten*". Spørger du mig, så vil jeg sige at det skyldes at postkassen ligger på en anden grund end vores egen. Brugen af disse positionsadverbialer er udelukkende styret af hvad afsender regner for centrum og periferi. Med andre ord vil vi sige "*Vi tager **ned** på godset*", fordi vores centrum er vores eget hus, men man kan udmærket sige "***oppe** på godset*", hvis man er i et område, man ikke har tilknytning til, og uden at der er niveauforskel». 'Вполне можно сказать: «*Схожу (**ned**) к почтовому ящику*», но для этого требуется, чтобы – при условии отсутствия перепада по высоте – от дома до почтового ящика было достаточно большое расстояние. То же самое относится и к «*Я пойду (**op**) к дому*». Если же расстояние небольшое, то я скажу: «Выйду (***ud***) к почтовому ящику» и «Войду (***ind***) в дом» – например, мы так мы говорим у себя дома <в Копенгагене>. Но <в нашем летнем доме> в Швеции, где почтовый ящик находится далеко и не виден <от дома>, мы говорим: «Схожу (***ned***) заберу почту». Если меня спросить, я бы ответил, что это потому, что почтовый ящик находится не на нашем участке. Использование наречий ***op*** и ***ned*** определяется здесь исключительно тем, что́ говорящий считает центром и периферией. Мы также говорим: «Мы идем (***ned***) в поместье» <имея в виду поместье, расположенное недалеко от нашего дома>, потому что для нас центр – наш собственный дом, а другие люди вполне могут сказать «Мы идем (***op***) в поместье», если они находятся в местности, с которой сами не связаны. Перепад по высоте при этом отсутствует».

Аналогичные семантические дистинкции отмечались А.Н. Ливановой для норвежского языка. Приводя похожий на обсуждавшийся с П. Дурст-Анлерсеном пример с почтовым ящиком (*Det siste vi gjorde, var å måke opp veien gjennom hagen **ned til postkassa***" 'Последнее, что мы сделали, это расчистили дорогу в сад *вниз* к почтовому ящику'), исследовательница пишет, что этот пример «можно понять двояко: и вертикально и удаленно. Отсюда возникает тонкое норвежское нюансирование простанства на плоскости: Ср. Fra Norge ***ned til Russland*** *'Из Норвегии <вниз> в Россию'*. Комментируя это пример А.Н. Ливанова пишет, что использо-

вание *ned* «выводит объект за пределы личной сферы говорящего» [Ливанова 1998, 46].

Сказанное подтверждается примерами из KorpusDK. В этом плане интересны контрастивные примеры движения по коридору. Если речь идет о приближении к функциональному пространству персонажа или повествователя, то используется наречие ***op***, если же речь идет об удалении из этого функционального пространства, то закономерно используется ***ned***:

Han skulle lige til at knappe bukserne op, da vi hørte hastige skridt på vej ***op ad gangen*** *til vores værels*. ‘Он уже собирался расстегнуть штаны, когда мы услышали торопливые шаги *(op) по коридору*, <приближающиеся> к нашей комнате’.

Jeg sagde: ” Jack, vågn op! Totusind jøder venter på mig. Få mig for guds skyld ud herfra! ”. Så tog han et håndklæde og slyngede det om sig og førte mig ***ned ad korridoren*** *til en elevator*. ‘Я сказал: «Джек, просыпайся! Меня ждут две тысячи евреев. Вытащи меня отсюда ради бога!». Тогда он схватил полотенце, обернул его вокруг себя и повел меня *(ned) по коридору* к лифту*’.*

Emma stod som lammet og lod ham befamle sig, men da biskoppen bukkede sig ned for at kysse hende, trak hun sig så lynhurtigt tilbage, at han faldt forover. Det vækkede hende, og hun styrtede hen til døren, flåede den op og løb så hurtigt hun kunne ***ned ad den halvmørke gang****. Bag sig hørte hun biskoppen komme på benene og råbe vredt efter hende. Hvor skulle hun løbe hen?* (Lars-Henrik Olsen 1999) ‘Эмма стояла как парализованная и позволяла ему ласкать ее, но когда епископ наклонился, чтобы поцеловать ее, она так быстро отстранилась, что он упал вперед. Это разбудило ее, и она бросилась к двери, распахнула ее и побежала со всех ног ***(ned)*** *по полутемному коридору*. Позади себя она услышала, как епископ поднялся на ноги и сердито крикнул ей вслед. Куда она собиралась бежать?’

Подчеркнем еще один важный момент. Речь идет не о формальном противопоставлении движения по коридору внутрь жилища как ***op***, а по направлению к выходу их жилища как ***ned***. Для датского пространственного мышления гораздо важнее антропоцентрированный фактор: удаление или приближение к функциональному пространству той ситуации, в который находится говорящий или персонаж.

Проиллюстрируем это примером из романа Иды Йессен. Главный герой Йоаким впервые входит в квартиру его будущей жены Сюзан. Подробно описывается захламленная прихожая и встретившая его там девочка. Это важная сцена. Удаленность квартиры, расположенной в глубине коридора от этого – функционального для персонажа – пространства прихожей, дальше которой его не впускают, передается наречием ***nede***:

Nede *for enden af gangen bag en halvåben dør, lød der skramlen med gryder og brusende vand. ”Mor. Det er til dig”. Han fulgte efter* ***ned*** *gennem gangen.* (ABC28) ‘Из приоткрытой двери (**nede**) в конце коридора доносилось дре-

безжание кастрюль и шум льющейся воды. – Мама, это к тебе. Следом за Дитте Йоаким шагнул (*ned*) по коридору к той двери'.

Сопоставление *телесно-ориентированных*, *функционально-ориентированных* и *картографически ориентированных* употреблений позволяет нам утверждать, что в пространственной ориентации, выраженной датскими наречно-предложными сочетаниями, можно выделить две пространственные перспективы: внутреннюю, когда точкой отсчета выступает фигура субъекта речи или субъекта повествования (эго- и эндоцентрированные пространства по Болдыреву), и внешнюю, когда ориентация происходит относительно объективно заданного расположения географических объектов (нецентрированные пространства по Болдыреву), а субъект помещается в эту внешнюю систему координат..

Но субъектно-ориентированная ориентация – как *эгоцентрированная ориентация на говорящего*, так и *эндоцентрированная ориентация на субъект повествования* – является, безусловно, доминирующей для датской лингвокультуры, о чем можно судить и по количественному соотношению телесно-ориентированных, функционально-ориентированных и картографически-ориентированных употреблений, и по тому, насколько облигаторнее употребление пространственных ориентиров в датских текстах по сравнению с их русскими эквивалентами.

Наглядным подтверждением сказанного является функционирование пространственных наречий *hen/henne* и *bort/ borte*.

I.2.1.4. HEN / HENNE и BORT / BORTE – принадлежность к / дистанцирование от субъектного пространства

Субъектная ориентация наречного компонента в датских наречно-предложных сочетаниях особенно ярко проявляется в сочетаниях с наречием *hen*. Как указывается в Большом толковом словаре датского языка DDO, наречие *hen* характеризуется двойственной этимологией, с одной стороны восходя к устаревшему наречию *heden* 'отсюда', а с другой – к средненижненемецкому наречию hen 'прочь'. Анализ семантических вариантов употребления датского наречия *hen* убеждает, что во всех случаях при его использовании актуализируется не только и не столько сема направления, как обычно считается, сколько сема ориентации относительно субъекта.

Не случайно, согласно большому историческому словарю датского языка (ODS), наречие *heden* (<. glda. hedhen, hædhen) обозначало «место, где находится говорящий, и которое он или другие покидают или должны покинуть» (sted, hvor den talende befinder sig, og hvorfra han ell. andre fjerner sig (vil, skal fjerne sig) https://ordnet.dk/ods/ordbog?select=heden,2&query=heden. А наречие *hen* определяется в толковом словаре DDO как «i (vandret) retning eller bevægelse mod et vist mål forholdsvis tæt ved udgangspunktet» – «в горизонтальном положении или движении по направлению к цели, находящейся относительно недалеко от исходного пункта» https:/ordnet.dk/ddo/ordbog?query=hen hen – Den Danske Ordbog (ordnet.dk)

То есть в определении подчеркиваются два момента – горизонтальная ориентированность относительно субъекта и близость к нему. Движение не выходит за пределы пространства, концептуализируемое как *субъективное пространство субъекта*, его «*личная сфера*». Именно поэтому в приведенном ранее примере закономерно используется *hen*, когда Йоаким в залитом светом автомобиле придвигает руку к сынишке, чтобы тот обхватил его за палец*: Lys og skygge faldt ind gennem bilruderne på det lille ansigt, og Joakim lagde hånden **hen til** ham, så Jacob kunne gribe om hans pegefinger* (ABC 86).

Наречие *hen* закономерно употребляется в отношении движения руки: *pege **hen mod** noget* ‘показывать пальцем на что-то’ и в отношении перемещения внутри комнаты: ***hen til** vinduet* ‘к окну’, ***hen til/over** bord*et ‘к столу, через стол’, ***hen ad/over** gulvet* ‘по полу’, ***hen mod/til** døren* ‘к двери’. Его использование устанавливает горизонтальные пространственные отношения: *Drengen så hurtigt **hen på** ham. Så så han ned i vandet igen* ‘Мальчик быстро взглянул в его сторону (*hen* på ham), а потом опять на посмотрел на (ned i) воду’(DDO).

Еще более явно маркирование включенности пространственного объекта в личное пространство субъекта заметно в наречии ***henne***. В DDO ***henne*** определяется как «på et sted i forholdsvis kort afstand fra et givet sted» – «в месте, находящемся на относительно коротком расстоянии от данного места». Оно закономерно используется для обозначения предметов в комнате, где находится говорящий: *henne i hjørnet, henne ved vinduet, henne ved døren* ‘<тут> в углу, у окна, у двери’ или для обозначения локусов, концептуализируемых говорящим как близкие: ***henne om*** hjørnet ‘<прямо> за углом’, ***henne i/på*** skolen, ‘<тут недалеко> в школе’, længere ***henne ad*** vejen ‘<чуть > подальше по улице ’; Husk at få rigtigt tilbage ***henne hos*** bageren ‘Не забудь проверить сдачу в <нашей> булочной’ BeRasm87 ; han boede henne i nummer seks talesp1987 ‘Он жил <тут неподалеку> в доме номер 6’. https://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=henne&tab=for

За счет использования наречия **henne** в этих примерах осуществляется референция к конкретным локусам, как находящимся неподалеку от говорящего и/или субъекта действия, и тем самым относимым к их личному пространству. То есть использование наречий ***hen/ henne*** всегда имплицирует фигуру говорящего как исходную точку отсчета в пространственной ориентации.

В этом плане наречия ***bort/ borte*** выступают по отношению к наречиям ***hen/ henne*** как антонимичные. Они маркируют то, что субъект или объект покидает личное пространство говорящего или находится вне его.

Закономерными поэтому являются такие словарные определения в DDO https://ordnet.dk/ddo/ordbog?select=bort,2&query=bort значений наречия ***bort*** как “hen til et andet sted eller en anden placering; fra én persons besiddelse ” ‘перемещение в другое место из сферы владения субъекта’: *Officielt hed det sig, at de kostbarheder, der med mellemrum forsvandt fra slottets mange sale, blev skænket **bort** som gaver* ‘Официально считалось, что ценности, которые время от времени исчезали из залов дворца, раздавались (*bort*) в качестве подарков’ .

Поэтому и значение наречия *bort* в приводимых в DDO примерах типа *Han kørte bort i en grøn varebil uden firmanavn* UdeHjem1985 ‘он уехал <bort> на зеленом грузовике без логотипа фирмы’ или *Med en kraftanstrengelse tvinger han den modbydelige erindring* bort PRønJen89 ‘усилием воли он вытесняет <tvinger bort> это отвратительное воспоминание’ следовало бы уточнить, определив его не просто как i en retning væk fra et sted (mod eller til et andet) ‘перемещение в направлении прочь от какого-либо места в другое’ , а как “перемещение в локус, находящийся *вне сферы знания/представления говорящего’.*

Тогда значение, связанное с движениями частей тела субъекта, например, *vende blikket bort* ‘отвести глаза’, досл. ‘повернуть взгляд прочь’) может быть семантизировано как ‘перемещение части тела *вне сферы внимания* субъекта’:

Langt de fleste drejede hovedet bort, som om de ikke havde lagt mærke til noget
‘Большинство отвернулись (досл. повернули головы прочь) как будто ничего не заметили’

Даже терминативное значение постверба *bort*, связанное с исчезновением субъекта или уничтожением объекта указывает на семантический инвариант *перемещение в «мир иной» как локус, находящийся вне сферы существования говорящего:*

Den nye Storebæltsbro vil visne bort, hvis der bygges endnu en bro.’Мост через большой Бельт придет в упадок (досл. «увянет прочь»), если будет построен новый мост’:

Sats på gode venners selskab. Gamle bekendtskaber kan smuldre bort, men nye kontakter dukker op. (KorpusDK) Делайте ставку на компанию хороших друзей. Старые знакомства могут рассыпаться (досл. «разрушиться прочь»), но появляются новые контакты.

Таким обрзом, семантическим инвариантом словарных значений датского наречия *bort* можно считать перемещение в локус, находящийся вне личной сферы (обладания, знания, представления, внимания, или существования) говорящего, либо субъекта повествования.

Обязательность семантики удаления из личной сферы субъекта речи или субъекта повествования, отличает датское ***bort*** от соответствующего норвежского наречия. Ср. норв. *bort/borte*, которое, как пишет А.Н. Ливанова «может указывать и на удаление, и на приближение», то есть «одно и то же слово может означать и ‘к’, и ‘прочь’»: *han* ***kom helt bort til meg*** *og så meg rett inn i øynene* ‘он подошел ко мне вплотную и посмотрел мне прямо в глаза’; *Ingen* ***kom bort*** *til oss* ‘Никто к нам не подошел’; *Hun snudde seg vekk fra vinduet og* ***gikk bort*** *til en skapdør* ‘Она отвернулась от окна и подошла к дверце шкафа’ [Ливанова 2008].

В отличие от норвежского языка, проверка по датскому корпусу коллокаций наречия bort с предлогом приближения til и местоимениями 1 лица (*“*bort til mig*” / *“*bort til os*”) дает нулевой результат: «Vi beklager, der lader til at være en fejl» – ‘Сожалеем, похоже, это ошибка’,– неизменно сообщает поисковая система.

Вместо краткого послесловия к данному подразделу, хотелось бы привести слова Иды Йессен, датской писательницы и автора множества переводов художественной литературы на датский язык. Выступая на русско-датском переводческом семинаре (16-05-2024), она сказала, что «искусство писателя и переводчика состоит в создании иллюзии присутствия читателя в пространстве повествования». Использование датских пространственных наречий служит мощным средством создания такого слияния ментальных пространств повествователя, персонажа и читателя.

I.2.2. Корпусное исследование раздельно- и цельнооформленности наречно-предложных биномов

В предшествующем разделе была продемонстрирована антропоцентрированность ориентационной семантики датских динамических пространственных наречий *op, ned, ud, ind, hen u bort.* В следующем подразделе на материале датского корпуса будет проанализировано функционирование соответствующих им составных коррелятов, в состав которых входит предлог направления *ad*: *opad*; *nedad*; *udad*; *indad*; *henad* и др., и выявлена специфика их ориентационной семантики.

В терминологии авторов датской академической грамматики составные наречия направления типа *opad*; *nedad*; *udad*; *indad*; *henad* противопоставляются простым наречиям направления *op, ned*; *ud*; *ind*; *hen* как непредельные (ateliske) предельным (teliske) [Hansen, Heltoft 2011, 216]). Однако авторы никак не оговаривают функциональных различий между цельно– и раздельнооформленностью коррелятов типа *henad* и *hen ad*. Мы ставим своей задачей проследить, как отмечаемые авторами аспектуальные противопоставления соотносятся с семантическими особенностями субъектной ориентации.

Предлог *ad* восходит к тому же корню, что и англ. предлог *at* и обозначает *расположение поблизости* или *движение к* – grundbet.: *inærheden af* ell. *henimod* ad – ODS (ordnet.dk) . Согласно датскому толковому словарю DDO, *ad* обозначает либо «движение вдоль чего-либо, обычно в прямом контакте с поверхностью» (i længderetningen af noget som man bevæger sig hen over som regel i direkte kontakt med underlaget), либо «движение в продольном направлении через проем или мимо препятствия» (i retning gennem en åbning eller forbi en forhindring og videre i længderetningen) ad,4 – Den Danske Ordbog (ordnet.dk).

Указанные семы «движение вдоль поверхности ориентира» и «движение в продольном направлении сквозь ориентир или мимо него» не только предполагают наличие самого ориентира, но и детализируют характер протекания процесса. Эти семы обслуживают внешнюю, нецентрированную относительно субъектов, ориентацию, тогда как пространственные наречия, как было показано выше – в отличие от пространственных предлогов – обслуживают именно антропоцентрированную (= субъектоцентрированную) ориентацию. Сочетание этих двух типов

ориентации в рассматриваемых наречно-предложных сочетаниях типа *ned ad, op til, ind i* и др. является значимым проявлением высокой антропоцентрированности датской грамматической системы.

В качестве иллюстрации рассмотрим типичный пример из датского корпуса, где в одном контексте присутствуют как наречно-предложные, так и простые предложные локативы, и сопоставим их употребление:

Da han hørte hendes gule Renault fjerne sig, opgav han sit skjul ***i*** *hegnet og gik* ***tilbage til*** *huset gennem regnen, <...>. Han låste sig* ***ind ad*** *døren <... > og smed nøglen* ***på*** *mahognikonsollen og stillede tasken* ***under*** *sablerne, der var ophængt* ***på*** *en våbentavle ved siden af kaminen <...> , og gav sig til at lytte*.
'Когда он услышал, как ее желтый «Рено» уезжает, он покинул свое убежище в живой изгороди и под дождем пошел обратно к дому, <…>. Он <отпер дверь, вошел> запер дверь за собой и бросил ключ на консоль из красного дерева, а сумку поставил под саблями, висевшими на обтянутом зеленой тканью оружейном стенде рядом с камином, и прислушался'.

Везде, где речь идет о расположении или перемещении *объектов* (предметов) в пространстве, использованы простые предложные локативы: opgav sit *skjul* ***i*** *hegnet* 'оставил свое убежище в живой изгороди', smed *nøglen* ***på*** *mahognikonsollen, '* бросил ключ на консоль из красного дерева', stillede *tasken* ***under*** *sablerne* 'поставил сумку под саблями*'* и др. А наречно-предложные сочетания появляются тогда, когда речь идет о перемещении *субъекта* (персонажа повествования): *han gik* ***tilbage til*** *huset '* он пошел обратно к дому', *han låste sig* ***ind ad*** *døren* .

Последний пример особенно интересен, поскольку представляет сложность при переводе именно из-за субъектной ориентированности пространственного наречия. *Låste sig ind* – сложный предикат, который показывает, что субъект переместил себя (*sig*) из открытого в замкнутое пространство (*ind*) посредством отпирания и запирания (*låste*) и движения сквозь проем двери (*ad døren*). Поэтому при переводе этого предиката на русский язык приходится давать развернутый описательный перевод «он отпер дверь, вошел и запер дверь за собой». Семантика ориентации действия относительно субъекта и семантика достижения действием своего предела оказываются в этом примере органично связанными.

Почему же наряду с аналитическими наречно-предложными сочетаниями типа *ind ad*, *hen ad* в современном датском языке широко используются слитные написания *indad*; *henad, opad*; *nedad*; *udad* и др.?

Слитное написание, по-видимому, свидетельствует о процессе л е к с и к а л и з а ц и и, когда единое слово приобретает некоторое специфическое значение по сравнению с аналитическим биномом. Похожий процесс мы уже наблюдали в связи с процессом появления слитных коррелятов местоименных биномов; описанным в разделе о дейктических местоимениях Ср. *dette her* vs. *detteher*. (См. стр. 50 I.1.2)

Аналогичное явление перехода раздельнооформленного сочетания в слитное далее будет отмечаться Э.Б. Крыловой относительно сочетаний пар частиц

проблематической модальности *vel nok* и *vist nok*, образующих сложные частицы *velnok* и *vistnok,* которые «вносит в эксплицируемые *vel* и *vist* эпистемические значения чуть больше субъективности и гипотетичности» (См. стр. 263 IV.1.2.1.)

О том, что развитие сложных наречных лексем из аналитических биномов – это активный процесс, свидетельствуют сопоставление данных толкового словаря современного датского языка DDO и корпуса современного датского языка Korpus.dk.

Рассмотрим протекание этого процесса на материале наречно-предложных сочетаний: *hen ad* > *henad.*

HEN AD vs. HENAD

Семантика аналитического бинома *hen ad* складывается из значений его составляющих –

– наречия HEN, объединяющего три семы : «движение в горизонтальном направлении» (i vandret retning eller bevægelse), «движение к определенной цели» (bevægelse mod et vist mål), «относительная близость от исходной точки» (forholdsvis tæt ved udgangspunktet) : «i (vandret) retning eller bevægelse mod et vist mål forholdsvis tæt ved udgangspunktet» hen – Den Danske Ordbog (ordnet.dk).
– и предлога AD, объединяющего семы «движение к цели» «в продольном направлении» «по поверхности чего-либо» (i længderetningen af noget som man bevæger sig hen over som regel i direkte kontakt med underlaget) ad,4 – Den Danske Ordbog (ordnet.dk) .

Наиболее существенное отличие – отсутствие в семантике *ad* указания на «относительную близость от исходной точки», каковой является начальная позиция субъекта. Это значение выражается только пространственным наречием *hen*.

Обращает на себя внимание то, что абсолютное большинство примеров, иллюстрирующих в DDO употребление наречия *hen* с разными предлогами, имеют антропоморфный субъект: ***Alle*** *fortsatte i løb* ***hen ad*** *perronen og* ***ned ad*** *trapper* ReNils87 ‘Все побежали по перрону и вниз по лестнице’; ***Leif*** *gik* ***hen på*** *sin plads* GuAgge86 ‘Ляйф пошел к своему месту’; **Jeg** lod hånden glide **hen over** det kølige marmor HeHøjl90 ‘Я позволил руке скользить по холодному мрамору’; ***De*** gik ***ned ad*** bakken og ***hen gennem*** den frosne skov LouJen86 ‘Они спустились с холма и направились через замерзший лес’. Как видим, не все предикаты с раздельнооформленными *hen* имеют семантику «достижение действием своего предела»: *glide* ***hen over*** *det kølige m*armor*, gik* ***hen gennem*** *den frosne skov*. Но во всех них присутствует семантика «движение в горизонтальном направлении в относительной близости от субъекта».

Те немногие примеры, где в позиции подлежащего при *hen+præp* выступает неодушевленный субъект, отмечены в DDO как «переносные значения» (*overført*) hen – Den Danske Ordbog (ordnet.dk): например,

(*overført)* ***Et tegn*** *får sin tegnkarakter ved at pege* ***hen mod*** noget håndb1990

‘Знак становится знаком, указывая на что-то’;

(*overført)* ***CD*** *placerede sig som et borgerligt ikke-ideologisk parti, der ønskede en flertalsregering* ***hen over*** *midten* BerlT1991 ‘ХД позиционировала себя как буржуазная неидеологическая партия, желающая иметь правительство большинства, <тяготеющее> к середине <политического спектра>’.

В примерах с переносным значением обращает на себя внимание непредельный характер семантики предикатов. В подобных примерах фокус внимания переносится с субъектной ориентации на внешний ориентир.

Тем самым создаются потенциальные предпосылки для перехода раздельнооформленного сочетания в цельнооформленную лексему, что сигнализировало бы об утрате субъектной ориентации и о перенесении прагматического фокуса на протекание действия относительно объекта, «вдоль поверхности которого направлено горизонтальное движение» (vandret bevægelse langs overfladen af) henad,2 – Den Danske Ordbog (ordnet.dk):

Ilden **har bredt** *sig* ***henad taget*** *på det meste af etageejendommen* BT2012 ‘Огонь распространился на крышу большей части многоквартирного дома’.

Приведенный пример весьма показателен. При неантропоморфном субъекте «огонь» здесь употреблен слитный вариант наречно-предложного бинома *henad*. В терминологии датских грамматик речь должна идти о «непредельной» (atelisk) семантике. При этом использование формы перфекта указывает на достижение действием своего результата. И тем не менее сложная семантика бинома *henad* создает представление о процессе продвижения огня по поверхности крыши. Возникает важный для нашего исследование прагматический эффект, когда при ослаблении ориентации относительно субъекта усиливается семантическая характеризация процесса протекания действия, в данном случае – как процесса постепенного приближения к определенному пределу..

Особенно типичны цельнооформленные сочетания, имеющие темпоральный смысл – приближения к определенному моменту времени. Такое значение также обозначается в словарях как «переносное» (overf.; til II. hen 1.4. om tiden; dels betegnende, at et tidspunkt er nærforestaaende hen-ad, – ODS (ordnet.dk) :

Klokken *var* ***henad 8*** *da jeg ankom til mit 5-stjernede hotel*. ‘Время близилось к 8, когда я прибыл в свой пятизвездочный отель’

И хотя словарь ODS приводит и пример раздельного написания темпорального *hen ad (****hen ad klokken 23****)* проверка по KorpusDK показывает, что именно слитное написание темпорального предлога является нормативным:

Так, проверка первых 50 употреблений слитного написания *henad* показывает, что 38 из 50 примеров (76 %) имеют темпоральную семантику (***henad*** *aften/ foråret/ jul/ kl.7 ’ближе к вечеру/ /к весне/ Рождеству/ 7 часам*’ и др.). Например:

De kunne få lov til at sidde og blive klam og kold i med urinlugten i næsen, indtil hjemmehjælpen ***henad aften*** *kom retur for at vaske De*m (KorpusDK) ‘Вы можете сидеть мокрый, липкий и пахнущий мочой, пока ближе к вечеру не придет патронажный работник, чтобы вымыть вас’

В том числе, темпоральное значение «со временем» проявляют и многочисленные примеры с сочетанием *henad vejen* (14 из 50), употребляемом не в дословном значении «по пути», а только в переносном «с течением времени», «в будущем»:

*Det må komme **henad vejen**, når jeg har skaffet mig et bedre overblik over mine spilleres individuelle styrker og mangler* ‘Это должно произойти *со временем*, когда я лучше разберусь в достоинствах и недостатках моих игроков’(KorpusDK)

*Så vælger vi forbrugere emballage frem for råvarer, og det kan vi **henad vejen** komme til at betale dyrt for*. (KorpusDK). ‘Мы предпочитаем продавать потребителям упаковку сакорее, нежели сам товар, и об этом нам придется дорого заплатить *в будущ*ем’

Переносное значение приближения к любому количественному ориентиру также оформляется как слитная предложная лексема:

*Lad være med at gå ud under isen, du skal her op. Du må være **henad ti kilo**! Ørreden bugter sig* ... (Korpus.dk) ‘Не прячься под лед, тебя надо вытащить. Ты должна весить под 10 кг! Форель извивается …’

При этом целевые значения для слитного написания редки (всего 1 примера из 50)

*I’ m Going Down viser samtidig en herlig udvikling **henad** goodtime-rock* (Korpus.dk) ‘Песня I’m Going Down демонстрирует замечательное развитие в направлении доброго старого рока’.

Данные Корпуса свидетельствуют о том, что цельнооформленный предлог *henad* может, хотя и достаточно редко (6 примеров из 50), употребляться и в собственно пространственном значении «продольного движения в контакте с поверхностью объекта». В подобных примерах особенно заметен непредельный характер протекания процесса.:

*Agurken begyndte at rulle først ned fra skærebrættet og så **henad** køkkenbordet og ned på gulvet*. (Korpus.dk) ‘Огурец сначала начал скатываться с разделочной доски, а затем <вдоль > по кухонному столу и на пол’.

*Det franske etapeløb skulle hele 1500 kilometer **henad** årets rute, før den første seriøse stigning dukkede op* (Korpus.dk) В этом году французская гонка должна была преодолеть целых 1500 километров <вдоль> по ежегодному маршруту, прежде чем появился первый серьезный подъем.

*Den (hvalpen) gned sit lille hoved **henad** moderens krop* (Korpus.dk)

‘Щенок терся головкой о тело <вдоль тела>матери’

Da vi løb ***henad*** gangbroen, kom vandet lige så hurtigt, som vi løb (Korpus.dk)

‘Пока мы бежали <вдоль> по пешеходному мосту, вода прибывала так же быстро, как мы двигались’.

Как видим, субъектами предложения могут быть как неодушевленные, так и одушевленные субъекты. Общим же для всех подобных примеров является нюансирование семантики движения вдоль поверхности объекта, то есть, как было отмечено выше, фокусировка на самом процессе и его внешних

ориентирах при нивелировании ориентации относительно субъекта повествования.

То есть мы наблюдаем, как в датском языке, грамматическая система которого базово «настроена» на субъектную ориентацию, развиваются вторичные формальные средства, позволяющие усилить не центрированную на субъектов коммуникации ориентацию на процессы и внешние объекты.

Показательно также изменение просодии. Раздельному написанию *hen ad* соответствует произнесение с толчком на ударном наречии [ˈhɛ**nˀ**a], а перед безударным местоимением (например, *gå hen ad den*) – произнесение с ударением и толчком на наречии *hen* и с ударением на предлоге *ad*:[ˈhɛnˈa] или [ˈhɛ**nˀ**ˈa] henad,2 – Den Danske Ordbog (ordnet.dk). Слитному написанию *henad* соответствует просодическая цельнооформленность за счет единого ударения на первом слоге: [ˈhɛna]. (О синтагматической функции датского толчка как маркера дискретности см. [Никуличева 2000, 51–53]).

Те же функциональные закономерности можно отметить при сопоставлении трех других, отмечаемых в DDO, пар раздельно– и цельнооформленных наречно-предложных коррелятов: *hen imod / henimod; hen ved/ henved; hen under/ henunder.*

HEN IMOD vs. HENIMOD

Для этой пары словарь DDO отмечает три значения. 1. «в направлении определенной географической точки» (i *retning mod et bestemt geografisk punkt)* 2. «в направлении определенной цели или результата (i *retning mod et bestemt mål* eller resultat) 3. «в направлении определенного момента времени» (i retning mod et bestemt tidspunkt) hen imod – Den Danske Ordbog (ordnet.dk).

Хотя в DDO приводятся пары примеров на слитное и раздельное написание в отношении всех трех значений, обращение к Корпусу современного датского языка позволяет нам утверждать, что между слитным и раздельным написанием формируется четкое смысловое различие.

Методика исследования предполагает следующие шаги:

1. Выбор по корпусу по 50 первых примеров на раздельное и на слитное написание для каждой из отметенных пар биномов.
2. Определение значения бинома в каждом из примеров (прямого – пространственно-ориентационного или же переносного – темпорального или количественно-аппроксимационного), а также определение характера субъекта – антропоморфного или неантропоморфного.
3. Установление количественного и процентного соотношении примеров с разными значениями) для раздельнооформленного и цельнооформленного написания.
4. Сопоставление результатов и выводы.

Проанализируем частотность значения 1, 2 и 3 по первым 50 примерам в случае раздельного написания *hen imod* и в случае слитного написания *henimod.*

Hen imod

Из 50 примеров раздельного написания *hen imod* 15 примеров (30%) демонстрируют пространственно-ориентационные значения (*hen imod ham/ talerstolen/ en position* ‘к нему / к кафедре / к позиции’ и др.), причем все субъекты соответствующих предложений антропоморфны. Например,

***Jeg** rejste mig og gik **hen imod** ham* (KorpusDK). *‘Я поднялся и пошел в его сторону’*

*Pludselig så **hun** en rottweiler komme farende **hen imod** sig og de to små hunde’*. (KorpusDK). ‘Внезапно она увидела, что по направлению к ней и двум маленьким собачкам мчится ротвейлер.

***Anarkisterne** trak tættere og tættere **hen imod** talerstolen* (KorpusDK). ‘Анархисты подбирались ближе и ближе к трибуне’.

Только 3 примера (6%) имеют темпоральные значения (*hen imod slutningen / aftenen / år 2025* ‘к окончанию / к вечеру / к 2025 году’). Например,

***Hen imod** slutningen af Parisopholdet er han fuld af sammenbidt vilje til at tage sin skæbne på sig.* ‘К концу своего пребывания в Париже он полон решимости взять свою судьбу в свои руки’ (KorpusDK).

*Når vi når **hen imod** år 2020-25*, vil indbyggertallene i landene omkring Middelhavet være fordoblet. ’К 2020-25 году население стран Средиземноморья удвоится’ (KorpusDK)..

Неожиданным результатом оказалось то, что наибольшее число примеров с раздельным написанием *hen imod* имели не прямое пространственное значение, а переносное значение движения к цели – 32 примера из 50 (64%), причем часто с теми же целевыми ориентирами, что и их цельнооформленные корреляты (*hen imod demokrati/ en union/ en afskaffelse ‘в сторону демократии/ союза / устранения’* и др.). Например,

*Fremskridt **hen imod** øget integration må ledsages af en væsentlig demokratisk kontrol* ’Прогресс в направлении роста интеграции должен сопровождаться существенным демократическим контролем’.

*EFs stats og regeringschefer ventes i dag at tage første skridt **hen imod** en politisk union i EF*. ’Ожидается, что сегодня главы государств и правительств ЕС сделают первый шаг к политическому союзу в ЕС’.

Отметим, что часто субъектами подобных предложений не являются люди . Тем не менее, всегда обнаруживается антропоцентрированная метонимия, поскольку имеются в виду цели, которые ставят группы людей: партии, правительства, государства и т.п.

По-видимому, в соответствии с теорией телесной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, движение к цели концептуализируется по аналогии с движением субъекта к пространственному ориентиру: «*Цели – это пункты назначения*» [Lakoff, Johnson 1999, 53]. В этой связи заметим, что такое присущее антропо-

морфным субъектам свойство, как *намерение,* обозначается в датском языке как ***hen****sigt* – при помощи сочетании корней *hen* и *sigt* «взгляд <субъекта> в направлении <определенного момента в будущем> (et vist tidsrum ud i fremtiden)» sigt – Den Danske Ordbog (ordnet.dk).

Henimod

Зато для слитного написания *henimod* пространственно-ориентационное значение вообще не свойственно. Так, из 50 примеров слитного написания *henimod* лишь один пример (2%) демонстрирует прямое пространственное значение (1-е значение по DDO). Показательно, что субъект этого единственного примера не антропоморфен, то есть антропоцентрированная ориентация отсутствует:

Trær og buske *forvandles langsomt til skyggevæsner, af og til er det som om de bevæger sig, tar et skridt imod os, væk fra os* ***henimod*** *hinanden.* ‘Деревья и кусты медленно превращаются в призрачные существа, изредка они как будто движутся, делая шаг навстречу нам, от нас *навстречу друг другу’*(KorpusDK).

Этот пример интересен еще и тем, что в нем упоминается и антропоморфный наблюдатель. И как только речь заходит об этом антропоморфном ориентире, тут же появляется наречно-предложная ориентация: ***væk fra*** *os ‘прочь от нас’.* А когда речь идет о воображаемом движении самих деревьев, пространственное наречие отсутствует*:* ***trær og buske*** tar et skridt ***imod*** os ‘деревья и кусты лают шаг навстречу нам’, а не ****hen imod*** *os*

Остальные 49 примеров слитного написания относятся к случаям не пространственно-ориентационного, а переносного употребления *henimod.*

Это могут быть количественные ориентиры (*henimod 130 drager* ‘около 130 воздушных змеев’) – 1 пример из 50 (2%); темпоральные ориентиры (*henimod slutningen af 90-erne/daggry/ nutid og fremtid* ‘ближе к концу девяностых/ к рассвету/ к настоящему и будущему’ и др.) – 7 примеров из 50 (14%); целевые ориентиры (*henimod demokrati/ en union/ et andet samfumnd/ decentralisering/ en afskaffelse af systemet* ‘в направлении демократии / союза / иного общества /децентрализации / устранения системы’ и др.) всего 41 пример из 50 (82%), из которых в трех случаях предлог *henimod* относится не к существительному, а к инфинитивному обороту или придаточному предложению со значением желаемого результата (henimod at gore .../ at der bliver mulighed for ’чтобы сделать/ чтобы возникла возможность’ и др.). Например:

Først ***henimod*** *denne uges slutning foreligger det endelige resultat af søndagens anden runde af Polens første frie præsidentvalg*. ‘Только ближе к концу этой недели станут известны окончательные и детальные результаты воскресного второго тура первых свободных президентских выборов в Польше’ (Korpus.dk).

Værdierne ændres gradvis ***henimod*** *en accept af bioteknologien* ‘Ценности постепенно меняются в сторону принятия биотехнологий’(Korpus.dk)

Løsningen af denne gåde vil være det første skridt ***henimod*** *at gøre planterne til høj-effektive producenter af råvarer* ‘Решение этой загадки станет первым шагом на пути к тому, чтобы сделать растения высокоэффективными производителями сырья.’

Приведенная статистика позволяет сделать вывод, что слитное написание ***henimod*** используется как маркер переосмысленного значения, когда утрачивается субъектная ориентация и усиливается целевое или темпоральное значение.

В целом, рассмотренная статистика употреблений *hen imod / henimod* по Корпусу подтверждает нашу гипотезу о том, что в современном датском языке развивается противопоставление, с одной стороны, наречно-предложной конструкции, указывающей на субъектную точку отсчета, и, с другой стороны, возникшего на ее основе слитного предлога, указывающего на внешнюю ориентацию. Эта гипотеза находит подтверждение при анализе корпусного материала других пар наречно-предложных биномов.

HEN VED vs. HENVED

Для этой пары словарь DDO отмечает два значения: 1. «приблизительное количество» (*nærmende sig et omtrentligt antal*) и 2. «движение в направлении места, граничащего или расположенного вблизи» (*i retning mod et sted der grænser op til eller ligger i nærheden af*) hen ved – Den Danske Ordbog (ordnet.dk)

Данные DDO свидетельствуют о вариативном оформлении (как слитном, так и раздельном) первого из значений, а именно значения приблизительности.

Byen har ***hen ved*** *30 udøvende og skabende kunstnere, som trækker stadig flere til, især om sommeren* (KorpusDK). ’ В городе около 30 авторов и исполнителей, которые привлекают все больше и больше зрителей, особенно летом’.

De to havde – trods en aldersforskel på ***henved*** *tyve år – meget at dele* (KorpusDK). ’У них было, несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте, много общего’.

Весьма показательно, что примеры, иллюстрирующие пространственно-ориентационное значение (2 значение по DDO), приводятся в DDO только в раздельном написании:

Bo sætter sig ***hen ved*** *bordet til sin far og mor* Akt96 ‘Бо присаживается за стол к отцу и матери’.

Jeg har flyttet skrivebordet ***hen ved*** *døren, så jeg kan følge med i, hvad der foregår på gangen* JyP2007 ’Я передвинул стол к двери, чтобы иметь возможность следить за тем, что происходит в коридоре’.

Это позволяет предположить, что в датском языке для выражения пространственных значений необходимы пространственные наречия, как ориентирующие действие на субъекта. Эта гипотеза подтверждается статистикой из датского Корпуса, где преобладающее число примеров с раздельнооформленным *hen ved* выражают именно пространственно-ориентационное значение, при полном отсутствии пространственного значения у примеров со слитным написанием *henved* (см. ниже).

Так, из 50 первых примеров с раздельнооформленным *hen ved* 35 примеров (70 %) имеют значение непосредственного приближения к объекту, расположенному в пределах личного пространства субъекта (***hen ved*** *vinduet, bordet, døren* ‘к окну/ столу/ двери’ и др.). Например:

Så åbner han øllene og begynder bare at drikke. Sætter sig ***hen ved*** *vinduet og ryger og kigger ned ad den tomme gade*. (Korpus.dk). ‘Затем он открывает пиво и просто начинает пить. Садится к окну и курит, глядя на пустую улицу’.

Почти третья часть пространственных примеров (11 из 35) обозначает приближение с латеральным расположением субъекта относительно другого лица или предмета (***hen ved*** *siden af ham / mig/ sig/ sengen* ‘рядом с ним/ мной/ собой/ кроватью’ и др.).

Fiskeren trådte ***hen ved siden af*** *sin kone*. ‘Рыбак подошел (trådte ***hen***) к своей жене <и встал рядом (***ved siden*** af) с ней>’ (KorpusDK).

Hun trækker en stol ***hen ved siden af*** *sig ved skrivebordet*. ’Она пододвигает (trækker ***hen***) стул к столу <и ставит его рядом (*ved siden af*) с собой>’ (Korpus.dk)..

Остальные 15 примеров из 50 (30%) имеют аппроксимативно-количественное (10) и аппроксимативно-темпоральное значение (5). Например:

Han hyrede ***hen ved*** *100 mand* (KorpusDk). ’Он нанял около ста человек’.

Ventetiden var ***hen ved*** *tre uger* (KorpusDK). ’Время ожидания продолжалось почти три недели’.

О неустойчивости нормы оформления переносных значений убедительно свидетельствует пример вариативности в пределах одного предложения, где присутствует как слитное, так и раздельное оформление приблизительного количества:

”Sjælland Rundt ” vil i år satse endnu mere end tidligere på en god meteorologisk service for de ***henved*** 10.000 sejlere i de ***hen ved*** 2.000 deltagende både. ’<Регата> «Вокруг Зеландии» в этом году сделает еще бо́льшую ставку на качественное метеорологическое обслуживание для примерно 10 000 моряков на примерно 2 000 участвующих лодок.’

Henved

Из 50 первых примеров по корпусу нет ни одного, где слитное написание *henved* вводило бы пространственно-ориентационное значение. 42 примера демонстрируют значение приблизительного количества, а 8 значение приблизительного временного интервала. Например:

Astronomer opdager ***henved*** *30 nye kometer om året* (KorpusDK). ’Астрономы обнаруживают до 30 новых комет в год’.

De har formået at inddæmme ham i ***henved*** *et års tid* (KorpusDK). ’Им удавалось сдерживать его около года’.

То есть можно с уверенностью утверждать, что слитное написание прототипически обслуживает не прямое пространственно-ориентационное значение, а переносное значение аппроксимации.

HEN UNDER vs. HENUNDER

Для этой пары словарь DDO отмечает два значения: 1. Приближение ко времени, когда что-то происходит (nærmende sig den tid hvor det er ved at være) 2. Движение к месту, расположенному ниже (i retning mod et sted der ligger lavere end hen under – Den Danske Ordbog (ordnet.dk)

Данные DDO свидетельствуют о возможности вариативного оформления темпорального значения:

*Alice blev hængende hele eftermiddagen, men **hen under** aften måtte hun bryde op* FamJour2012 'Алиса проторчала весь день, но ближе к вечеру ей пришлось уйти'

***Henunder** kl. 23* vurderer han, at det er det tid for aftenens sidste fællessang JyP99 'Ближе к 23 он решает, что пришло время для последней совместной песни этого вечера'.

Что же касается пространственного значения, то DDO приводит только раздельное написание:

*Han gik **hen under** vinduet og kiggede ind* UdeHjem2011 'Он подошел к окну (под окно) и заглянул внутрь'.

Данные Корпуса подтверждают типичность раздельного написания для передачи пространственно-ориентационных смыслов и слитного написания для передачи переносных значений, в первую очередь, темпоральных.

Hen under

Так, из первых 50 примеров раздельного написания *hen under* 31 пример (62%) – это именно примеры на пространственную ориентацию, а 19 (38%) – на временн*ую*. Например, пространственное значение:

*Vi satte os **hen under** solsejlet og spiste i tavshed* (KorpusDK). Мы сели под навесом и, молча, поели

*Hun går op på alle høje bjerge og **hen under** alle grønne træer* (KorpusDK). Она поднимается на каждую высокую гору и <спускается> под каждое зеленое дерево.

*Han gav sig imidlertid **hen under** mine ivrige hænder og tunge* (KorpusDK). 'Он уступил под моими нетерпеливыми руками и языком'.

*Sekundære jordskælv løb **hen under** bjergenes rødder* (KorpusDK). 'Вторичные волны землетрясения распространялись под подошвами гор'.

И временн*ое* значение:

*I går **hen under** aften begyndte tingene at ske hurtigt*. 'Вчера под вечер всё стало происходить очень быстро'

Henunder

Примеров слитного написания в датском корпусе очень мало (всего 13 словоупотреблений). Из них только 1 представляет собой пространственное значение. Но и здесь речь может идти о лексикализованном значении предлога *henunder* в составе идиомы: stikke henunder næsen ‘сунуть под нос’ в значении «дать», «показать на близком расстоянии»

*Den næste morgen lagde Larus en stump reb om halsen på førerkoen og gik foran ved siden af den og holdt i rebenden. Ikke fordi han troede at han kunne holde den hvis den virkelig ville noget men fordi han kunne mærke det lige når den begyndte, så han hurtigt kunne stikke æblet **henunder** næsen på den* (KorpusDK). ’На следующее утро Ларус надел веревку на шею коровы и пошел впереди нее, держа веревку. Не потому, что думал, что сможет удержать ее, если она действительно чего-то захочет, а чтобы почувствовать это сразу и быстро сунуть яблоко ей под нос’.

Около 70% примеров (9 предложений) имеют явную темпоральную семантику, например:

*Først **henunder** aften blev hverdagen for alvor anderledes* (KorpusDK). ’Лишь к вечеру повседневность по-настоящему изменилась’

В остальных 3-х примерах *henunder* представляет собой сложное наречие анафорической семантики, указывающие не на субъект или объект, а на всю предшествующую пропозицию, например:

*Det ser ud som på figuren **henunder*** ’Это выглядит как на рисунке ниже <того, что сказано>’

*Undervisnings og forskningsministeren fastsætter nærmere regler om undervisningen, **herunder** om det enkelte fags indhold, omfang og placering på den enkelte linje, om, hvilke fag der er obligatoriske, og hvilke fag der tillige eller alene er valgfag, **henunder** på hvilket niveau fagene skal tilbydes,(lov om gymnasier)* ’Министр образования устанавливает подробные правила преподавания, в том числе, содержание, объем и последовательность отдельных предметов на отдельных направлениях, а также какие предметы являются обязательными, а какие факультативными, в том числе, на каком уровне эти предметы должны предлагаться’

Как видим, в последнем примере наречие *henunder* употребляется в том де контексте, что и шире распространенное анафорическое наречие *herunder* ‘в том числе’, имеющее в Корпусе 3750 словоупотреблений.

Подводя итоги подраздела, мы можем констатировать, что во всех рассмотренных случаях колебания между раздельно- и цельнооформленностью наречно-предложных биномов (*hen ad* vs. *henad*, *hen imod* vs. *henimod*, *hen ved* vs. *henved*, *hen under* vs. *henunder*) наблюдается общая закономерность, а именно, тенденция к устойчивой раздельнооформленности пространственно-ориентационных смыслов и все возрастающая тенденция к цельнооформленности любых переносных значений.

Подчеркнем системность этого явления для датской синтагматики. Так же, как в случае аналитических указательных биномов типа *dette her / detteher*, раздельнооформленность указывает на антропоцентрированную пространственную ориентацию, тогда как цельнооформленность – на переосмысление значения при ослаблении субъектной ориентации.

Обращаясь к корпусным данным, мы можем наблюдать динамичный процесс того как в языке, грамматическая система которого приоритетно настроена на субъектную ориентацию и на использование аналитических способов выражения прагматических смыслов, развиваются вторичные формальные средства, которые позволяют усилить смыслы, не центрированные на субъектах коммуникации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Подведем некоторые итоги:

1. Скандинавские языки, в том числе датский, используют широкий спектр грамматических средств для выражения говорящим субъективного взгляда на ситуацию.
2. Важной областью, где в полной мере проявляется *антропоцентрированность* грамматических средств в датском языке, является вербальное выражение ориентации в пространстве.
3. Прототипическая антропоцентрированность ориентации в пространстве проявляется в *местоименном дейксисе*.
4. В датском языке происходит последовательное усиление пространственной ориентации коммуникативной ситуации относительно фигуры говорящего посредством *формального утяжеления дейктического показателя*: безударное односложное местоимения в артиклевой функции → ударное односложное местоимение в функции дальнего дейксиса → ударное двусложное местоимение в функции ближнего дейксиса → аналитический бином (местоименно-наречное сочетание, нюансирующее радиус присваиваемого или отчуждаемого говорящим пространства).
5. Аналитические биномы *dette her, det her, dette der, det der* образуют микропарадигму, нюансирующую пространственный дейксис по двум параметрам: 1) расстояние до объекта: расположение в пределах досягаемости (her) / расположение вне прямой досягаемости (der) и 2) включенность (dette) /невключенность (det) объекта в субъективное пространство говорящего.
6. Применительно к пространственной ориентации проявлением антропоцентрированности является *субъектоцентрированность,* под которой в нашем исследовании понимается пространственная ориентация происходящего относительно антропоморфного субъекта – позиции говорящего (= субъекта речи) в прямой речи и пространственная ориентация относительно позиции персонажа (=субъекта повествования) в нарративном тексте.

7. При том, что ориентация в пространстве универсальна для homo sapiens, поскольку заложена в строении человеческого организма, сопоставление параллельных текстов на датском и русском языках демонстрирует, что вербализация пространственной ориентации имеет явную языковую специфику.
8. В русском тексте вербально выражается ориентация относительно объектов внешнего мира при семантической детализации характера движения. Эти особенности полностью соответствуют предложенной Пером Дурст-Андерсеном коммуникативной типологии русского языка как языка, грамматические средства которого приоритетно ориентированы на передачу денотативной реальности.
9. Сопоставление с параллельными датскими текстами демонстрирует усиление в датском языке субъектно-ориентационного компонента смысла, что происходит за счет использования наречно-предложных сочетаний, маркирующих ориентацию относительно субъективного пространства говорящего или субъективного пространства персонажа.
10. Указание на пространственное положение объектов относительно субъекта дает адресату возможность в буквальном смысле «поставить себя на место» субъекта и тем самым точнее представить, как организовано пространство персонажа повествования, что соответствует отмеченному Пером Дурст-Андерсеном коммуникативному типу датского языка как языка, ориентированного на адресата.
11. Тем самым грамматическими средствами датского языка создается коммуникативный эффект, который мы предлагаем называть пространственной эмпатией, противоположный эффекту темпорального дистанцирования, характерному для таксисных категорий датского глагола.
12. Датские пространственные наречия играют важнейшую роль в построении субъектоориентированных ментальных пространств.
13. Выражение пространственной ориентации в датском языке представляет собой целостную грамматическую систему антропоцентрированной организации физического пространства, которая строиться на последовательном семантико-функциональном противопоставлении бинарных оппозиций пространственных наречий: *op/oppe* и *ned/nede*; *ud/ude* и *ind/inde*; *frem/fremme* и *hjem/hjemme*; *over/ovre* и *om/omme*; *hen/henne* и *bort/ borte*. Для каждой из них может быть выявлен базовый семантическим инвариант, а затем рассмотрены функционально-семантические варианты, по-разному организующие физическое или ментальное пространство относительно субъекта.
14. Базовым семантическим инвариантом семантики наречий *op/oppe* и *ned/nede* в составе предложно-наречных сочетаний является вертикальная ориентация относительно фигуры субъекта. Семантическим вариантом вертикальной ориентации является картографическая ориентация, когда субъект как бы помещается в определенную точку на карте – и, в зависимости от локализации субъекта , один и тот же географический объект оказывается расположенным либо выше (севернее), либо ниже (южнее).

15. Базовым семантическим инвариантом оппозиции наречий *ud/ude* и *ind/inde* является ориентация относительно фигуры субъекта, передающая направление движения/расположение в открытом, либо же в замкнутом пространстве. Семантическим вариантом ориентации посредством наречий *ud/ude* и *ind/inde* является противопоставление «своего» пространства, внутри (*inde*) которого помещается субъект, «чужому» пространству, находящемуся снаружи (*ude*). Другим семантическим вариантом оппозиции *ud/ude и ind/inde* является картографическая ориентация, когда локализация на море (*ude*) противопоставляется локализации на суше (*inde*).
16. Базовым семантическим инвариантом оппозиции наречий *hen/henne* и *bort/borte* является горизонтальная ориентация относительно субъекта, передающая направление движения / расположение в пределах личного пространства субъекта (*hen/henne*) либо перемещение за пределы личного пространства или расположение вне его (*bort/borte*). Их семантическими вариантами можно считать перемещение в ментальное пространство, находящееся вне сферы обладания, знания, внимания, или существования субъекта.
17. Другим отражением субъективного восприятия пространственной ориентации является характерное для датского языка противопоставление ориентационного и функционального пространства средствами квазисинонимического предложного варьирования, Наглядным примером служит использование предлогов *i* и *på* при одних и тех же именованиях локусов. Возможность использования пространственных наречий только при предлоге, обозначающим ориентационное – а не функциональное – пространство, служит дополнительным подтверждением субъектной ориентированности датских пространственных наречий.
18. Сопоставление телесно-ориентированных, функционально-ориентированных и картографически ориентированных употреблений позволяет утверждать, что в пространственной ориентации, выраженной датскими наречно-предложными сочетаниями, можно выделить две пространственные перспективы: внутреннюю, когда точкой отсчета выступает фигура субъекта речи или субъекта повествования (эго- и эндоцентрированные пространства по Болдыреву), и внешнюю, когда ориентация происходит относительно объективно заданного расположения географических объектов (нецентрированные пространства по Болдыреву), а субъект помещается в эту внешнюю систему координат..
19. Субъектно-ориентированная ориентация – как *эгоцентрированная ориентация на говорящего*, так и *эндоцентрированная ориентация на субъект повествования* – является, безусловно, доминирующей для датской лингвокультуры, о чем можно судить и по количественному соотношению телесно-ориентированных, функционально-ориентированных и картографически-орентированных употреблений, и по тому, насколько облигаторнее употребление пространственных ориентиров в датских текстах по сравнению с их русскими эквивалентами.

20. Рассмотренная статистика корпусного функционирования раздельно– и цельнооформленных наречно-предложных сочетаний типа *op ad/opad*; *ned ad / nedad*; *ud ad /udad*; *ind ad /indad*; *hen ad/henad*; *hen imod/ henimod, hen ved / henved* и др. позволяет сделать вывод о том, что в современном датском языке развивается противопоставление аналитической наречно-предложной конструкции, указывающей на субъектную точку отсчета, и возникшего на ее основе слитного предлога, указывающего на внешнюю ориентацию.
21. Сопоставление примеров с раздельно– и цельнооформленными пространственными наречиями позволило поставить вопрос о соотнесенности «предельности» или «непредельности» их семантики с пространственной субъектоцентрированностью, или с ее отсутствием.
22. Слитное написание часто используется как маркер переосмысленного значения, когда утрачивается субъектная ориентация и развивается значение целевой или темпоральной аппроксимации.
23. Сопоставляя варьирование раздельно– и цельнооформленности, можно наблюдать, как в датском языке, грамматическая система которого базово «настроена» на субъектную ориентацию, развиваются вторичные формальные средства, позволяющие усилить ориентацию на внешние объекты, не центрированную на субъектов коммуникации.

Помимо ориентации в физическом и функциональном пространстве возможен еще один тип ориентации, на который впервые указала Е.С.Яковлева в монографии «Фрагменты языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия)» [Яковлева 1994]. На материале русскоязычной картины мира исследовательница отмечала различия в восприятии физического пространства, умозрительного пространства и пространства инобытия и подробно рассматривала свойство языковой взаимообратимости времени и пространства. Ориентация в физическом пространстве была рассмотрена нами выше. Ориентация в функциональном пространстве является частным случаем ориентации в умозрительном пространстве. Что касается ориентации в пространстве «инобытия», то речь идет уже о том, что в ряде исследований последних лет получило определение как «грамматика нереального» [Михайлова 2018]. Заглядывая вперед в проблематику следующей части нашего исследования, отметим, что в датском языке ориентация в пространстве инобытия маркируется не пространственными средствами (предлогами, наречиями, местоимениями), а аналитическими темпоральными формами глагола. Это закономерно, учитывая то, что в датском языке пространственные ориентиры последовательно приближают событие к субъекту, тогда как вся датская темпоральная система построена на последовательном усилении категории дистанцирования. Поэтому пространство нереального последовательно маркируется средствами максимального темпорального отдаления.

ГЛАВА II
ОРИЕНТАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ВРЕМЕНИ ГРАММАТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ДАТСКОГО ЯЗЫКА

II.1. АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ОРИЕНТАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ

Время отделимо от человека, но человек неотделим от времени.
(Н.Д.Арутюнова)

Изучение влияния человеческого фактора на процессы концептуализации является одной из важнейших задач современной когнитивной лингвистики. Эгоцентричность и роль наблюдателя как системообразующий фактор в формировании языковой категоризации стала объектом специальных исследований отечественного философа-когнитивиста А. В. Кравченко [Кравченко 1993; 1995; 1996; 2004].

В опубликованном не так давно выпуске сборника «Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике» значительное число статей [Бронникова 2016, 127–134, Дружинин 2016, 666–673, Иконникова 2016, 171–178, Попова 2016, 266–272] было посвящено изучению того, как особенности человеческого восприятия мира находят отражение в языковом осмыслении времени.

Так, в статье «Время сквозь призму антропоцентризма» Н.С. Попова пишет: «Время существует как бы в двух измерениях: в объективной реальности в виде вечно движущейся и изменяющейся материи независимо от человека, и в виде *субъективной реальности – его образы находятся внутри человека*» <Выделено мной Д.Н.> [Попова 2016, 268]. Такой подход позволяет лингвистам делать вывод о том, что «языковое время понимается как отражение в языке реального времени посредством времени концептуального и *перцептуального*» <Выделено мной Д.Н.> [Там же]. Эта мысль была ранее афористично выражена Н.Д. Арутюновой, заметившей, что «время отделимо от человека, но человек неотделим от времени». Она подчеркивала, что «фактор человека играет важнейшую роль в моделировании времени», «ведь именно человек находится *в точке присутствия*, которая условно членит линию времени на составляющие» <…>, и что «точка присутствия стала одновременно и *точкой зрения*» <Выделено мной Д.Н.> [Арутюнова 1997, 51–52].

II.1.1. Ориентация во времени, обусловленная языком

Слово *время* – это человеческий концепт,
отчасти характеризующийся корреляцией событий, и отчасти метафорой.
Именно сочетание событий и метафор структурируют наш реальный опыт,
давая ощущение и, вместе с тем, позволяя нам понимать наш мир,
его физическое устройство и его историю.
(Дж.Лакофф, М.Джонсон)

Биологическая особенность восприятия времени состоит в том, что в отличие от органов восприятия движения или равновесия у человека нет органа восприятия времени. Вследствие этого время может быть доступно нам только опосредованно – посредством метонимического или метафорического переноса. Эта идея нашла последовательное выражение в книге Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона "Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to western thought" [Lakoff, Johnson 1999].

Новаторство этой книги состояло в том, что ее авторы соотнесли языковое видение мира с биологией функционирования человеческого мозга. В результате лингвистического анализа метафор, универсально используемых в разных языках, Лакофф и Джонсон, пришли к выводу о том, что важнейшие абстрактные понятия, такие как любовь, мораль, причинность или время, концептуализируются посредством множества сложных метафор, построенных, в свою очередь, на первичных метафорах, и являются частью коллективного бессознательного (cognitive unconscious). Эта идея, прозвучавшая еще в предыдущей книге авторов [Lakoff, Johnson 1980], получила свое развитие в основном тезисе их следующей книги, состоящем в том, что каждая первичная метафора «телесна».

На основании внутренней формы английского глагола "to em*body*" «воплощать» Лакофф создает свой собственный термин "embodied mind" «сознание во плоти», увязывая тем самым когнитивные процессы мозга с биологическими особенностями человека. Эта «телесность» проявляется трояко: (1) в сенсорико-моторных ощущениях, посредством которых внешний мир превращается в субъективный опыт (through bodily experience in the world, which pairs sensorimotor experience with subjective experience); (2) в обусловленности причинно-следственной логики организацией сенсорной системы (the source-domain logic arises from the inferential structure of the sensorimotor system), (3) в нейро-физиологическом выражении этой логики в виде нейронных связей (it is instantiated neurally in the synaptic weights associated with neural connections) [Lakoff, Johnson 1999, 73].

Подчеркнем, что при отражении мира в языке речь идет об иерархической системе «фильтров».

- Существуют универсальные биологические фильтры, наложенные нашими органами восприятия: мы не способны увидеть микромир невооруженным глазом, воспринимаем лишь ограниченный диапазон частот, наше «видение» цвета условно.

- Свои фильтры накладывает и такое универсальное свойство человеческого восприятия как селективность: то, что помещается в фокус внимания, акцентуализируется, превращаясь в «фигуру», тогда как то, что находится за пределами фокуса, превращается в «фон» и игнорируется.
- Язык как вторичная система отражения воспринимаемой реальности накладывает собственные фильтры, неизбежно генерализируя опыт, данный в физических ощущениях.
- Языковая картина мира, отражающая этноязыковую специфику видения мира через призму конкретного языка – это фильтр следующего уровня.
- Социолекты внутри одного языка могут также выступать как селективные фильтры. Так, по замечанию А.Д. Шмелева, «иногда различия между разными языковыми картинами мира внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия» [Шмелев 2002, 15]. В качестве примера он сравнивает, с одной стороны, реконструкцию языковой картины мира русского фольклора и духовных стихов и, с другой стороны, реконструкцию языковой картины мира в городском просторечии.
- Существуют также индивидуальные фильтры восприятия, которые в психологии называются метапрограммами – типичные для индивида перцептивные реакции в схожих ситуациях, когда внимание привычно обращается на какой-то аспект ситуации и привычно игнорируются ее другие аспекты, например, преимущественный фокус внимания на успехах или неудачах, интерес к деталям или к обобщениям и т.п.
- Наконец, можно говорить и об индивидуальной языковой картине мира конкретного человека, возникающей как результат взаимодействия всех вышеперечисленных фильтров.

Та реальность, которую мы называем объективной, дана нам как человеческим существам через органы чувств и через то выводимое (inferential) знание о мире, которое достигается путем логических операций, также имеющих нейрофизиологическую основу.

Именно поэтому, согласно теории “embodied mind”, время закономерно выражается в разных языках мира посредством схожих метонимических и метафорических переносов, обусловленных особенностями человеческого восприятия: «Слово *время* – это человеческий концепт, отчасти характеризующийся корреляцией событий, и отчасти метафорой. Именно сочетание событий и метафор структурируют наш реальный опыт, давая ощущение и вместе с тем позволяя нам понимать наш мир, его физическое устройство и его историю» Lakoff, Johnson 1999, 167].

Первичные концептуальные метафоры времени

Метонимиями времени (то есть переносом фокуса внимания по смежности), по сути дела, являются любые разновидности часов, ведь все они представляют время в виде регулярных типов движения, будь то *движение* тени по циферблату солнечных часов, бег песка в песочных часах, *колебания* маятника, *вращение*

земли, *движение* солнца относительно определенных звезд или *частота* атомного резонанса, или смена цифр на дисплее электронных часов. Движение стрелки по циферблату или смена цифр на электронных часах, также как и любые типы календарей, оказываются, таким образом, привычными метонимиями времени.

Исторические события также служат метонимиями времени. Так, мы говорим: «*во времена фараонов»,* «*в эпоху Реформации*», «*в период коллективизации*», «*в годину Великой Отечественной*» или: «*в Древнем Египте*» (перенос «пространство – время»), «в коллективизацию», «*в ходе Реформации*», «*в Великую Отечественную войну*» (перенос «событие – время») аналогично англ. *in the Victorian times*, дат. *i vikingetiden «в эпоху викингов», i Holbergs tid «во времена Хольберга*».

Естественными метонимиями времени в разных языках являются события суточного цикла. Например, блоковское «Мы встречались с тобой *на закате*», или из С.Я. Маршака «Когда цветут луга весны и трель выводит дрозд, мы честной радости полны, бродя *с утра до звезд*» аналогично дат. *i gryet*, англ. *twilight* bark.

Е.В. Падучева отмечает, что «в русском языке практически все слова, обозначающие отрезок времени, могут обозначать также и события, которые развертывались на этом отрезке», приводя примеры типа: «*время было тревожное*» = ´жизнь в это время была тревожная´, «*1940 год ощущался как погребение эпохи*» = ‘события, происшедшие в 1940 году’, «эта минута решила его участь» = ‘события, происшедшие в эту минуту’ [Падучева 2000, 239].

Универсальные **метафоры времени** также как и метонимии являются проекциями восприятия реальности человеческим мозгом. Приведем некоторые из первичных метафор, описанных Шрини Нараянаном в его нейрологической теории метафоры [Narayanan 1997] (цит. по [Lakoff, Johnson 1999, 51–54]), имеющих, на наш взгляд, отношение к концептуализации времени в языках мира. Прокомментируем их, введя понятие «перцептивный опыт», учитывающее специфику восприятия объективной реальности человеческим мозгом:

«Время – это движение»

Дат. *tiden* ***går****, tiden* ***flyver***, аналогично: англ. *time flies*, рус. *время* ***бежит****, время* ***течет****, время* ***остановилось***. Перцептивный опыт основан на восприятии изменений как движения либо как *движение объекта* (фигуры) относительно неподвижного наблюдателя (фона), либо как собственное *движение наблюдателя* (фигуры) относительно неподвижных объектов (фона).

«Изменение – это движение»

Дат. *Han* ***gik*** *amok,* аналогично: англ. *My car has* ***gone*** *from bad to worse lately*, рус. *Вода* ***переходит*** *из жидкого состояния в газообразное.* Перцептивный опыт состоит в том, что физическое движение способно изменить состояние. (*Не спи,* ***встряхнись****! Что-то я засиделся,* ***пойду, разомну ноги****. Устал работать –* ***пойди, приляг***).

«**Состояния – это местоположения в пространстве»**

Дат. Jeg ***var ved*** *at falde i søvn*, аналогично: англ. *I'm* ***close to*** *being in a depression and the next thing that goes wrong will send me over the edge*,

рус. *Она **находится на грани** нервного срыва.* Перцептивный опыт основан на: ощущении собственного бытия как существования Я (фигура) в пространстве (фон): «я существую в мире» – это значит «я вижу, слышу, чувствую окружающий меня мир».

«Действия – это движения»

Дат. *Han **kører** forretningen godt,* аналогично: англ. *I am **moving** right along on the project*, рус. *мы **прошли*** (= сделали, выполнили) *два урока, дело **сдвинулось** с мертвой точки, дело **пошло.*** Перцептивный опыт основан на том, что, совершая действия, мы ощущаем движения своего тела.

«Цели – это пункты назначения»

Дат. *Han vil altid **opnå de mål** han sætter sig,* аналогично: англ. *He'll ultimately be successful, but he is not **there** yet*, рус. *мы **приближаемся** к поставленной цели, они **вплотную подошли** к своей цели. Мечтай и смело **иди к своей мечте***. Перцептивный опыт основан на том, что, чтобы получить желаемый объект, надо к нему приблизиться.

«Важное – это большое»

Дат. *det var en **mægtig begivenhed,*** аналогично: англ. *tomorrow is a **big day,*** аналогично: рус. *это был **великий день***, *надвигаются **грандиозные перемены***. Перцептивный опыт основан на том, что важное попадает в фокус внимания; а фокус внимания, как и большие предметы, занимает большую визуальную область, представляя объект «крупным планом».

«Знать, предполагать – значит видеть»

Дат. *Jeg kan ikke **se** nogle muligheder her, Fremtiden tegner sig **mørk,*** аналогично: англ. *I **see** what you mean*, аналогично: рус. *Я не **вижу** смысла в этой работе*. *Я не **усматриваю** здесь большой разницы.* Перцептивный опыт связан с тем, что вспоминаемые события, так же как и воображаемые представления, в том числе конструируемые представления о будущем, доступны нам в виде визуальных образов, поэтому понять собеседника на перцептивном уровне – это «увидеть» то, о чем он говорил, а сконструировать будущую возможность – это представить ее себе визуально.

Для восприятия времени важен также тот факт, что о времени в разных языках говорят как о чем-то, что *видится* – либо *отчетливо*, либо *смутно*: дат. *lad os **se tiden an*** – "lad os se, hvad der sker inden vi træffer en beslutning", *en **overskuelig** fremtid, fremtiden **tegner sig lys / mørk,*** рус. ***из тьмы** веков, на заре **туманной** юности, в обозримом будущем, в неопределенном будущем.* Перцептивный опыт связан с тем, что отдаленные объекты видятся боле смутно, чем близкие.

В дальнейшем мы покажем, как эти первичные метафоры «работают» в онтогенезе грамматических временных представлений в датском языке.

В связи с универсальностью первичных концептуальных метафор времени возникает ряд вопросов:

1. Если первичные телесно-обусловленные метафоры в целом совпадают в разных языках (именно потому, что они являются проекцией функционирования

человеческого мозга), то почему же темпоральные системы этих языков столь существенно различаются?

2. Где заканчивается обусловленность представлений о времени универсальными особенностями человеческого восприятия и начинается обусловленность временных представлений особенностями конкретного языка?
3. Влияют ли эти различия на то, как носители этих языков организуют свои временные представления?

Ответы на поставленные вопросы будут даны ниже на основе анализа датского языкового материала.

II.2. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ, ОРГАНИЗУЕМОЕ ПРЕДЛОЖНОЙ СИСТЕМОЙ ДАТСКОГО ЯЗЫКА

Точка присутствия стала одновременно и точкой зрения
Н.Д. Арутюнова

В данном разделе перцептивная составляющая в представлении времени языковыми средствами будет продемонстрирована на примере системы датских временны*х* предлогов. Объектом исследования служит пары датских квазисинонимичных темпоральных предлогов. Практическая цель состоит в том, чтобы непротиворечиво объяснить, казалось бы, нелогичное – с точки зрения носителя русского языка – использование квазисинонимии пространственных предлогов для выражения временных значений. Теоретическая цель заключается в исследовании роли перцептивных механизмов в формировании культурно значимых языковых смыслов.

Метод исследования основан на использовании позиции перцептора-говорящего в качестве отправной точки языковой категоризации. Речь идет о «точке присутствия», одновременно являющейся и «точкой зрения», отмечавшейся Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1997, 52] как определяющей наше «моделирование времени».

Предлагается система универсальных координат пространственной ориентации перцептора-говорящего в его ментальном пространстве. В качестве когнитивных категорий, используемых при анализе языковых явлений, предлагаются: внутренняя / внешняя перспективизация темпорального события, фронтальная / латеральная / проспективная / ретроспективная / циклическая перспективизация.

Исследуется проявление этих перспективизаций в дефиниционных, этимологических и контекстуальных характеристиках датских темпоральных предлогов. Делается вывод о том, что несовпадение перспективизации времени в родном и иностранном языке является основой языковых ошибок, и что понять специфические, по сравнению с русским языком, случаи предлож-

ной ориентации во времени можно, изменив перспективизацию события, что позволяет изучающему иностранный язык «увидеть» темпоральное событие глазами носителя другой языковой культуры.

Предложное выражение темпоральных смыслов не случайно рассматривается в рамках темы «антропоцентрическая грамматика». Это согласуется с общей концепцией данной книги, что в современном датском языке возрастает роль аналитических средств выражения антропоцентрированных смыслов за счет использования потенциала малых слов. Частицы, наречия, предлоги, союзы – всё это вовлекается в сложную систему второго уровня индексации, соотносящей информацию, с тем, как она возникает в голове говорящего.

Эти соображения побудили нас проанализировать те участки грамматической системы датского языка, где представлено регулярное формальное варьирование служебных языковых маркеров, схожих по своей синтаксической дистрибуции, но несущих различную прагмасемантическую информацию, обусловленную установкой говорящего. В данном разделе речь пойдет о функционировании квазисинонимических временны*х* предлогов датского языка.

Под ***квазисинонимическими*** мы понимаем предлоги, различающиеся в плане выражения, но функционирующие в максимально схожих синтаксических контекстах, которым при переводе на русский язык соответствует один и тот же эквивалент.

Ниже будет показано, что датские темпоральные предлоги образуют целостную систему, организующую пространственную ориентацию человека во времени. И эта ориентация, как мы убедимся в последующих разделах книги, полностью соответствует пространственной организации датских грамматических темпоральных категорий.

Задача рассмотрения времени в конкретном языке сквозь призму квазисинонимичных временных предлогов сама по себе не нова. В качестве удачного примера подобного исследования можно привести статью Г.Е. Крейдлина «Время сквозь призму временных предлогов». Для исследования временных предлогов в ней используется «давняя и устоявшаяся традиция семантического описания и последующей семантической группировки на основе пространственных, то есть чисто геометрических, понятий и отношений между ними» [Крейдлин 1997, 140]. К геометрическим понятиям относятся, «различные устройства или способы организации временных шкал: представлена шкала как луч, отрезок или интервал, как простой интервал или как интервал с выделенной на нем точкой» и др. [Там же, 142].

II.2.1. Перцептивные дихотомии, релевантные для семантики темпоральных предлогов

Особенность подхода, предлагаемого нами, состоит в том, чтобы описывать «геометрическую» семантику временных предлогов как производную от перспективы наблюдающего субъекта.

Идея Карла Бюлера о том, что из позиции наблюдателя-говорящего можно вывести все грамматические признаки, значения и категории, впервые была последовательно применена в книге немецкой исследовательницы Элизабет Лайсс [Leiss 1992, 12, 34 и далее]. Именно позиция наблюдателя (Standort/Standpunkt des Betrachters) определяет, воспринимается им событие как *внешняя перспектива* (Außenperspektive), когда говорящий расположен *вне* события и как бы видит его отстраненно, или же как *внутренняя перспектива* (Innenperspektive), когда говорящий расположен *внутри* события.

В отношении языкового представления времени разделение на *внешнее время* и *внутреннее время* находим в статье В.Г. Гака «Пространство времени». Репрезентанты внешнего времени отвечают на вопрос *Когда?* (*вчера, в прошлом году*) репрезентанты внутреннего времени отвечают на вопрос *Как?* (быстро, вдруг). Внутреннее время процесса выражается не только наречиями и глаголами, но и категорией вида. Внешнее время делится на три большие разряда: *хронография* (указывает на определенное время события, дату), *хронометрия* (определяет длительность события – *два часа, с утра до вечера*), *хронология* (указывает последовательность событий, которая м.б. также относительной и абсолютной *на следующий день, завтра)* [Гак 1997, 123-130].

II.2.2. Перцептивно-семантический анализ квазисинонимии датских темпоральных предлогов

Материалом нашего исследования служат квазисинонимичные предлоги датского языка, анализируемые в максимально схожих синтаксических контекстах. Это позволяет установить для датской темпоральной картины мира релевантность целого ряда перцептивных дихотомий. Таковыми являются: бо́льшая или меньшая перцептивная вовлеченность воспринимающего субъекта в ситуацию (*внутренняя/ внешняя перспектива наблюдателя*); разная пространственная ориентация временны́х представлений (*фронтальная / проспективная ориентация*) относительно воспринимающего субъекта в момент речи; бо́льшая или меньшая отстраненность (*включенность / дистанцированность*) воспринимающего субъекта от темпорального события.

В разделе, посвященном предложной ориентации будет показано, что релевантными для объяснения специфики предложной номинации темпоральных ориентиров в датском языке оказываются такие перцептивно обусловленные смыслы как:

1. пространственная ориентация временны́х представлений (фронтальная / латеральная) относительно воспринимающего субъекта в момент речи,
2. бо́льшая или меньшая перцептивная вовлеченность воспринимающего субъекта в ситуацию (внутренняя/ внешняя перспектива наблюдателя),
3. бо́льшая или меньшая отстраненность (дистанцированность) воспринимающего субъекта от темпорального события.

Указанные параметры будут использоваться для объяснения следующих специфических особенностей датской предложной номинации:

- Использование в обозначении прошедшего времени (***for**tid*) лексемы ***for***, имеющей пространственную семантику фронтальной ориентации;
- Локализация события в прошлом с использованием лексемы латеральной ориентации ***siden*** и ***for …siden***;
- Различная предложная ориентация последовательностей событий (***efter*** vs. ***for***) при обозначении, казалось бы, схожих ситуаций.
- Асимметрия в использовании предлогов при локализации временных ориентиров в прошлом (***i***) и в будущем (***på***, ***til***);

Обращает на себя внимание то, что все названные предлоги развивают темпоральное значение вторично. Первичным же для всех них является пространственное значение. Этот факт имеет когнитивное объяснение. Такая абстрактная и трудноуловимая сущность, как время, легче метафоризируется человеческим сознанием через телесно ощутимую идею пространства. То есть локализация во времени «подменяется» локализацией в пространстве. Литература, в том числе и в рамках когнитивного направления, посвященная использованию пространственного опыта в концептуализации временных отношений, весьма обширна, это явление даже получило особое название «локализм», под которым понимается тенденция на первоначальном этапе существования человеческой речи выражать любые отношения в терминах пространства [Blok 1955/56]. Универсальность использования пространственного опыта при концептуализации времени демонстрировалась в исследованиях американского психолингвиста Лоры Бородицки, показавшей, что, думая о времени, люди практически в любой точке нашей планеты опираются на пространство. Это проявляется и в использовании культурных артефактов: часов, различных графиков, календарей, и в жестикуляции, и в использовании пространственной лексики. Причем происходит все это имплицитно и автоматически [Бородицки 2015, 200–201].

Предлог FOR – фронтальная ориентация темпоральных событий

Существенная особенность пространственной локализации временны*х* представлений в датском языке состоит в необычности внутренней формы слова, которым в датском языке обозначается ‘прошлое’ – ***for**tid*, букв. ‘***перед***-время’, (ср. шв. *förgånget*, *förflutet*). Если и для шведского, и для английского, и для немецкого, и для русского языков *прошлое* – это то, что *прошло* (мимо наблюдателя), ср. англ. ***past*** is ***past***, нем. *die* ***Vergangenheit*** *ist* ***vergangen***, то в датском языке внутренняя форма слова ***fortid*** иная. Она связана с предлогом ***for,*** имеющим сложную пространственную этимологию, указывающую на фронтальное расположение объекта относительно воспринимающего субъекта: «***For*** præp., adv., konj., др.-сканд. **fura,* гот. *faúr,* к и-е. præp. **per,* греч. *πάρά* ‘возле, мимо, вне, около’, санскр. *purá* ’прежде, раньше, перед’». (Etym. 127). Здесь, как видим, присутствуют разно-

образные пространственные смыслы: ‘*перед*’, ‘*напротив*’, ‘*рядом*’, ‘*мимо*’ и временны*е* смыслы: ‘*прежде, ранее*’.

В большом датском толковом словаре само понятие ***fortid*** трактуется как «(ubestemt) tidsrum som ligger (længe) *forud for* den nuværende tid» «(неопределенный) промежуток времени, который расположен (далеко*) впереди* (относительно) нынешнего времени». Не *до* настоящего времени, что звучало бы как *før*, а именно *впереди*. Дериватами со сложным префиксом ***forud***– в современном датском языке являются, например, такие слова как ***forud****anelse* – ‘предчувствие’, ***forud****se* – ‘предвидеть’. То есть отмечается регулярная контаминация смыслов, совмещающих расположение ***перед*** наблюдателем и предшествование во времени.

Пространственное значение предлога ***for*** близко к значению ***foran*** и маркирует фронтальное расположение объекта, находящегося в фокусе восприятия, относительно субъекта: *Jeg kunne ikke se fem skridt* ***for*** *mig*. ’Я ничего не видел в пяти шагах *перед* собой’. *Han blev stillet* ***for*** *en dommer* ‘Он предстал *перед* судом’ (RDO 247).

Любопытно, что предлог ***for,*** представляющий означаемое событие как расположенное непосредственно *перед* говорящим, в датском языке также может использоваться для обозначения *актуализованного момента* независимо от его временно*й* локализации в настоящем, прошедшем или будущем.

Это может быть момент н а с т о я щ е г о : ***for*** *tiden*, ***for*** *øjeblikket*, ***for*** *nuværende,* ***for*** *nærværende,* ***for*** *indeværende.* Все приведенные сочетания означают «в настоящее время». При этом детализируется не только «продолжительность» этого настоящего (*for* ***tiden*** ‘в *это время*’ и *for* ***øjeblikket*** ‘в этот *миг*’), но и «близость» к коммуникативной ситуации (***nær****værende*) или «***в***ключенность» ***в*** нее (***ind****eværende*) Любопытно, что все подобные сочетания переводятся с датского предлогами иной – нефронтальной – семантики: на русский как ‘***в*** настоящее время’, ‘***в*** настоящий момент’, (= нем. ***im*** Augenblick, ***im*** Moment), а на английский как ‘***at*** present’, ‘***at*** the moment’. То есть присутствующая в датском языке сема фронтального расположения в переводах оказывается утраченной.

Временной ориентир в а к т у а л ь н о м п р о ш л о м, так же, как и в б л и ж а й ш е м б у д у щ е м, также может выражаться в датском языке при помощи предлога ***for***: *Jeg har mødt ham* ***for nylig*** ‘Я его *недавно* встречал’ (NDO 777), *Vi har dagen* ***for*** *os* ‘У нас *впереди* весь день’ (DRO 247), а о живо вспоминаемом событии прошлого (om noget fortidigt) говорят: Jeg ***ser*** det ***for mig*** ’Это стоит у меня *перед глазами’*, (DRO 798), букв. ‘Я вижу это *перед собой*’.

В результате можно предположить, что для носителя датского языка актуальные события в большей степени, чем для носителей русского и английского языков, концептуализируются как расположенные *фронтально*, то есть *перед* наблюдателем.

Предлоги FOR …SIDEN и SIDEN – латеральная локализация темпоральных событий

Вторым парадоксальным моментом является предложная локализация событий, происходивших в прошлом, какое-то время т о м у н а з а д. Для этого в дат-

ском языке используется предложное сочетание, не имеющее ничего общего с реверсивной направленностью упомянутого выше русского коррелята «*тому* ***назад***». Это двойной предлог ***for …siden***: ***for*** *to uger* ***siden*** ‘две недели тому назад’, ***for*** *længe* ***siden*** ‘давно, много времени тому назад’ (DCG 392), например: *Jeg hørte fra hende* ***for*** *nogen tid* ***siden***. ‘Некоторое время тому назад я получил от нее известие’.

То, что звучит в русском как «назад», в датском языке передается лексемой ***siden*** со значением ‘сбоку’, ‘в сторону’. Эта семантика *латерального смещения* четко просматривается в датском предложном сочетании ***ved siden af***, имеющем сугубо пространственный смысл ‘рядом с’, ‘сбоку от’ и образованном с использованием существительного *side -n, -r* ‘сторона’.

Общегерманский корень со значением «сторона» (дат. *side,* англ. *side,* нем. *Seite,* гол. *zidje)* возводятся к прагерм. **sithon ,* производному от adj. **sithas* ‘длинный’ которое, в свою очередь, возводится к и-е. корню **se-* “long, late”. Но к этому же и-е. корню **se-* возводятся и прагерманское наречие **sith-* “later, after”, ср. гот. *seiþus* ‘поздний’ (> д.исл *síðan,* д.дат. *sithæn*, д.англ. *siððan,* дат. *siden,* англ. *since,* нем. *seit*). Это этимологическое схождение позволяет предположить исконно присутствующую в германских языках контаминацию смыслов «последовательность во времени» и «расположение сбоку». Но именно в современном датском из всех германских языков это смысловое развитие оказывается представленным наиболее живо.

Приведенные данные подтверждаются результатами серии перцептивных экспериментов проведенных автором в 2006 г. В ходе исследования нами была выявлена характерная для носителей датского языка асимметричность перцептивной организация прошлых и будущих событий биографического времени. В результате была предложена пространственная схема, объединяющая особенности внутренних визуализаций событий носителями датского языка и структуру грамматических темпоральных категорий датского глагола [Никуличева 2008, 100]. Обоснование этой схемы (См. Рис. 25 на с.?) будет предложено ниже в особом разделе Главы II, посвященном перцептивному эксперименту с датскими информантами. Здесь же отметим только основные пространственные результаты эксперимента:

Согласно результатам упомянутого эксперимента, внутренние визуализации событий, относящиеся к актуальному прошлому (перфект *har gjort*), обычно располагались информантами *проспективно*, то есть непосредственно по центральной оси зрения; события прогнозируемого будущего (футурум *vil gøre*) также размещались фронтально, но с *нижним смещением* относительно центральной оси; события, относящиеся к неактуальному прошлому (имперфект *gjorde*), также располагаясь в поле зрения испытуемого, характеризовались тем более явным *латеральным смещением влево*, чем более отдаленным событие было по времени.

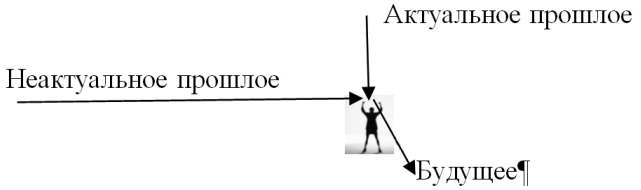

Рис. 1. Схематическое представление биографических событий датскими информантами

Внутренняя форма темпорального оборота ***for*** [*nogen tid*] ***siden*** полностью соответствует этим представлениям. Временной интервал, выражаемый конкретным показателем времени, напр., *четыре года / три месяца / две недели*: ***for*** [*tre år*] / [*to måneder*] / [*en uge*] ***siden***, четко задает смещение *в сторону* (***siden***) по оси времени относительно *фронтального положения* (***for***) перед перцептором-говорящим и, тем самым, ту временную точку, в которой располагается событие. Каждая из таких точек локализует предикат, обычно выражаемый формой **претерита** как показателя неактуального прошлого, отделенного от перцептора-говорящего указанным временным интервалом:

Mitsubishi **vågnede** ***for et par år siden*** op efter en lang Tornerosesøvn. ‘Компания Мицубиси проснулась пару лет назад после долгого сна, подобного сну спящей красавицы’ (Korpus.DK).

Lise Andreasen **kom** til Australien ***for 4 1\2 år siden***. ‘Лисе Андерсен приехала в Австралию четыре с половиной года назад’. (Korpus.DK).

Если сравнить двойной предлог FOR … SIDEN с употреблением временного предлога SIDEN**,** тождественного англ. предлогу ***since*** и нем. ***seit,*** то обращает на себя внимание то, что предикат при конструкциях с предлогом ***siden*** получает иное грамматическое оформление и регулярно выражается формой **перфекта**:

Der **er sket** meget ***siden da/ dengang*** (Korpus.DK). ‘Многое произошло с тех пор’. Lige ***siden din fødselsdag*** **har** *jeg* **ventet** *på svar* (Korpus.DK). ‘Я ожидаю ответа со времени твоего дня рождения’.\

Vi var sammen ***i går, siden*** **har** jeg ikke **set** ham (Korpus.DK). ‘Мы были вместе вчера, с тех пор я его не видела’.

Перцептивное объяснение этому состоит в том, что предложные конструкции типа *siden da* задают латеральную направленность от определенного момента в прошлом к настоящему моменту перцептора-говорящего, включают его и, тем самым, создают актуализированное временное пространство, что и подтверждается использованием перфектных форм.

В плане пространственного дейксиса предлог ***siden*** в любом случае имплицирует представление о *смещении в сторону* от воспринимающего субъекта. В случае с ***for*** *nogen tid* ***siden*** – это смещение от субъекта в точку в прошлом, отстоящую на указанный временной интервал (внешняя перспектива), что закономерно выражается формами имперфекта: *Jeg* ***så*** *ham* ***for*** *nogen tid* ***siden*** ‘Я виделся с ним довольно давно’:

Рис. 2. Пространственная визуализация темпоральной семантики предлога *FOR(...)SIDEN*

А в случае ***siden*** *da* – это смещение от указанной точки в прошлом (*da* ‘тогда’) в сторону субъекта, включая точку его настоящего (внутренняя перспектива), что закономерно выражается формами перфекта: *Jeg* ***har*** *ikke* ***set*** *ham* ***siden*** *da* ‘Я не виделся с ним с тех пор’ = нем. *Es ist lange her,* ***seit*** *ich ihn zum letztenmal* ***gesehen habe*** – ‘Прошло много времени с тех пор, как я его видел в последний раз’:

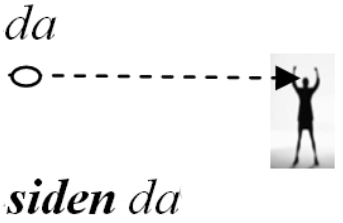

Рис. 3. Пространственная визуализация темпоральной семантики предлога *SIDEN (da)*

FOR vs. EFTER – внутренняя (фронтальная) vs. внешняя (латеральная) перспективизация последовательностей событий

Перцептивная противопоставленность представлений времени посредством предлогов четко прослеживается и при сравнении датских предложных конструкций типа русской *год за годом, неделя за неделей*, *день за днем*: *år* ***efter*** *år/ uge* ***efter*** *uge / dag* ***efter*** *dag*, с одной стороны, и *år* ***for*** *år/ uge* ***for*** *uge / dag* ***for*** *dag,* с другой. На первый взгляд, они синонимичны. И там и там речь идет о последовательности одинаковых временных интервалов. Однако процессы, представляемые этими конструкциями, концептуализируются по-разному. В первом случае речь идет о стабильных процессах: *Han arbejdede ufortrødent videre* ***dag efter dag*** ‘День за днем он неутомимо продолжал работать’ (Korpus.DK), во втором – об изменениях либо в сторону увеличения, либо уменьшения интенсивности: *Antallet af overførte trailere og lastbiler stiger* ***dag for dag*** *og er nu oppe på 1100 i døgnet*. ‘Количество трейлерных и грузовых перевозок *растет изо дня в день,* и сейчас их число составляет 1100 в сутки’(Korpus.DK). Если сравнить семантику предлогов ***efter*** и ***for***, то обнаружится явное различие в пространственной ориентации вводимых этими предлогами временны*х* ориентиров относительно воспринимающего субъекта.

Представляя смену временных интервалов так, что каждый последующий идет ***за*** предыдущим (*dag* ***efter*** *dag*), говорящий фокусируется на всем временном отрезке, на протяжении которого процесс остается стабильным (целостное видение процесса – внешняя перспектива):

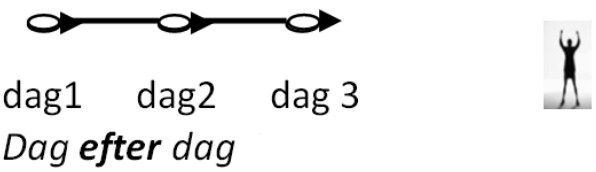

Рис. 4. Пространственная визуализация темпоральной семантики предлога *(t1) EFTER (t2)*

Предлог ***efter*** ориентирует один временной интервал относительно другого. Проводя аналогию с противопоставлением субъектно-центрированных и нецентрированных пространств, рассмотренных в Главе I, мы можем сказать, что предлог ***efter*** вводит темпоральную ориентацию, нецентрированную на субъекте.

Когда же временные ориентиры представляются говорящим таким образом, что каждый последующий день возникает ***перед*** предыдущим (*dag* ***for*** *dag*), то единственным перцептивным объяснением может быть то, что события визуализируются *прямо перед перцептором*, по центральной оси его зрения. Тем самым возникает субъектно-центрированное темпоральное пространство:

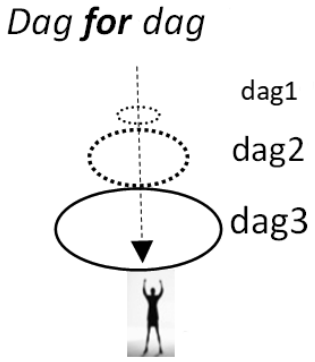

Рис. 5. Пространственная визуализация темпоральной семантики предлога *(t2) FOR (t1)*

Как показал наш эксперимент, так обычно располагаются события актуального прошлого (См. рис. 21 на с. 145). Изменения, происходящие в каждом последующем дне, как бы заслоняют собой то, что происходило в дне, ему предшествующем. Поэтому, когда каждый последующий день отличается от предыдущего, он не встраивается в линию ему подобных, а располагается ***перед*** глазами говорящего – ***for*** *ens øjne* (Возникает ориентированная на говорящего внутренняя перспектива).

Именно поэтому, когда, при всем их разнообразии, события повторяются изо дня в день, используется предлог ***efter***: *Engang troede jeg, at de grimme, solbrændte cykelryttere stort set aldrig sov. Nu ved jeg bedre. De sover og vågner og spiser og bestiger bjerge og styrter og sejrer* ***dag efter dag, sommer efter sommer***. 'Когда-то я думал, что страшные, почерневшие от солнца велогонщики никогда толком не спят. Теперь я знаю. Они *спят и просыпаются, и едят, и мчатся по горам, и падают, и побеждают, день за днем, лето за летом*'(Korpus.DK).

Когда же каждый следующий временной интервал событийно отличается от предыдущего, то используется предлог ***for***: ***Dag for dag*** *svinger hun mellem jublende optimisme og den sorteste depression, afhængig af den politiske situation i Mellemøsten*. *'День за днем* она *впадает* то в состояние *ликующего оптимизма*, то в *чернейшую депрессию*, в зависимости от политической ситуации на Ближнем Востоке' (Korpus.DK).

Асимметричность ориентации событий прошлого и будущего посредством датских темпоральных предлогов

Антропоцентрическая ориентация обозначений времени также наглядно проявляется в датском языке в предложном противопоставлении одних и тех же временных интервалов, по-разному ориентированных относительно настоящего времени говорящего. Для сравнения отметим, что в русском языке, в отличие от датского, отнесенность события к тем или иным временны́м интервалам выражается одинаково. Это значит, что прошлые и будущие события организуются *симметрично*: так, по-русски мы говорим: *в прошлую* или *в следующую субботу, на прошлой* или *на следующей неделе, прошлым* или *будущим летом, в прошлом* или *в следующем году.* По-датски же все эти обозначения организованы асимметрично.

То есть для обозначения локализации временного интервала либо в прошлом, либо в будущем относительно момента речи регулярно используются сочетания с разными предлогами. Так, вопрос *Skal du på landet* ***til sommer****?* – относит намерение к ближайшему будущему лету (først kommende sommer) 'Ты поедешь летом загород?', а утверждение *Jeg var i London* ***i sommer*** – к прошедшему или к уже начавшемуся лету этого года (dette års sommer) 'Я был летом в Лондоне' (NDO, 1012). Аналогично распределяются предлоги, противопоставляющие прошлые и будущие дни недели: *Vi ses igen* ***på tirsdag*** 'Увидимся во вторник' и *Hvor var du henne* ***i tirsdags***? 'Где ты был во вторник?' – а также прошлый и будущий годы: *Det var en dårlig sommer* ***i år****. Jeg håber det bliver bedre* ***til næste år*** 'В прошлом году лето было плохое. Надеюсь, в следующем году лето будет лучше'. (Øckenholdt 1999, 37–38).

Асимметричность обозначений одних и тех же временных отрезков, кажущаяся, на первый взгляд, нелогичной, становится понятной, если обратиться к упомянутому выше психолингвистическому эксперименту по выявлению невербальных представлений датчан о временно́й локализации событий, в ходе которого также

была выявлена асимметричность ментальной локализации прошлых и будущих событий биографического времени (См. Рис. 25). За тем и другим проявлением асимметричности стоят различия телесного опыта человека. Для воспринимающего субъекта его **прошлое** – как актуальное, так и далекое – а также его **настоящее,** являются категориями «пережитой реальности». Они подкреплены телесным опытом. В них можно перенестись воспоминаниями, будто оказавшись *внутри* того прожитого момента. Именно поэтому совершенно логично использование относительно временных интервалов пережитой реальности предлога ***i***, концептуализирующего этот интервал как контейнер, в котором находился или находится перцептор: ***i*** *tirsdags,* ***i*** *sommer,* ***i*** *år* (внутренняя перспектива).

Что же касается событий **будущего**, то их еще нет в перцептивном опыте человека. Они лишь конструируются как некая «прогнозируемая реальность», или же, как еще не достигнутый временной ориентир, к которому «движутся» события. Поэтому вполне понятным становится использование для обозначения временного интервала в будущем предлога ***til***, этимологически восходящего к Acc. Sg. древнегерм. сущ. **tila*– n. ‘цель’, ср. нем. Ziel ’цель’ (Etym., 452): Vi får frost ***til natten*** ‘Ночью будет мороз’ (NDO759); ***Til foråret*** fylder han 40 ‘Весной ему исполнится 40 лет’; Hun er færdig med sine studier ***til næste år*** ‘Он заканчивает учебу в следующем году’; (Øckenholdt 2001, 37).

С обозначениями дней недели как ориентиров в будущем используется предлог ***på*** в отличие от дней недели как ориентиров в прошлом, где используется предлог ***i***. Ср. будущее событие: *han* ***kommer på*** *mandag / tirsdag / onsdag / torsdag / fredag / lørdag / søndag* и прошлое событие: *han* ***kom i*** *mandags / tirsdags / onsdags / torsdags / fredags / lørdags / søndags*.

Использование предлога ***på*** в отношении будущих событий также может быть объяснено перцептивными основаниями.

Первичное пространственное значение предлога ***på*** связано с расположением на поверхности: ***ligge på*** *bordet /* ***på*** *gulvet* ‘лежать на столе / на полу’ или же направленностью в сторону поверхности: ***se på*** *kortet /* ***på*** *billedet* ‘смотреть на карту / на картину’. События будущего не вспоминаются сенсорно, они конструируются визуально. Субъект перцептивно отдален от них и смотрит на прогнозируемые события, как на воображаемые картины (внешняя перспектива).

Таким образом, временны*е* смыслы, выражаемые предлогом ***på***, перцептивно более отстранены от воспринимающего субъекта. Именно поэтому, когда о времени говорят *в целом*, как бы глядя на него со стороны (внешняя перспектива), то в датском языке используется предлог ***på***: ***på*** *den tid* ‘в это время’, ***på*** *samme tid* ‘в то же самое время’, ***på*** *alle tider af døgnet* ‘в любое время суток’. Предлог ***på*** также регулярно используется в отношении времени, которое планируют, организуют, измеряют по протяженности его отрезков: *Kan vi ikke ses* ***sidst på måneden****?* ‘Мы не могли бы встретиться в конце месяца?’ *Professoren begynder altid sine forelæsninger* ***på minuttet****.* ‘Профессор начинает все свои лекции минута в минуту’. *Vi kørte 600 kilometer* ***på*** *knap* ***fem timer*** ‘Мы проехали 600 километров почти

за пять часов'. *Ambulancen kom* ***på*** *under* ***ti minutter*** 'Скорая приехала быстрее, чем за десять минут'(Øckenholdt 1999, 38).

То есть предлог ***på,*** перцептивно отстраняющий наблюдателя от наблюдаемого объекта, закономерно используется тогда, когда время предстает как внешний по отношению к перцептору протяженный объект, некая объективно заданная линия, ***на*** которой отмечаются те или иные временные ориентиры.

OM vs. ***EFTER*** и vs. ***I*** – внутренняя vs. внешняя темпоральная перспектива

Иная перспектива будущего события выстраивается при использовании предлога ***om***: ***Om en time*** *tager jeg på ferie*, og *når jeg* kommer hjem ***om en ug*****e**, vil jeg have afgjort med mig selv, hvad jeg vil. (Midtjyllands Avis 1989) – ***Через час*** я уезжаю в отпуск, а когда я вернусь ***через неделю,*** *я решу, чего я хочу.* В русском языке использование предлога ***через*** подразумевает траекторию движения во времени как *проникновение сквозь* некий объект. В датском же концептуализируется иной смысл. Этимологически датский предлог ***om*** возводится к о.г. корню с пространственным значением **umbi* <и.е. **ṃbhi 'вокруг', санскр. abhi-tah 'вокруг', 'по обе стороны'* (Etym 311). В современном датском языке, употребляясь с глаголами движения, предлог ***om*** обозначает траекторию огибания какого-либо объекта: *Dreje* ***om*** *hjørnet* 'повернуть за угол', *gå bag* ***om*** *huset* 'обойти дом сзади' (Routledge 407). Временной интервал будущего (в данном примере *time* 'час', *uge* 'неделя') как бы располагается перед наблюдателем, то есть проспективно, блокируя его поле зрения (внутренняя перспектива). Чтобы попасть в точку будущего, говорящему надо метафорически «обогнуть» это темпоральное пространство.

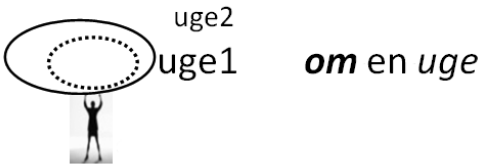

Рис. 6. Пространственная визуализация футуральной семантики предлога *OM*

В русском языке идея движения наблюдателя-говорящего *через* временные интервалы вполне соотносится с метафоризацией времени как пути, где позади расположено прошлое, а впереди будущее. Такое представление предполагает их симметрию относительно позиции говорящего. Поэтому вполне логично, что относительно интервалов прошлого и будущего в русском используется один и тот же предлог *через*: *Он* ***приехал через неделю*** и *Он* ***приедет через неделю***.

Для датского языка эти русские конструкции оказываются квазисинонимичными, поскольку относительно событий прошлого в датском используется иной маркер, а именно послелог ***efter***, по-другому ориентирующий последовательно-

сти событий в ментальном пространстве говорящего: *Der kom et brev 3 uger* ***efter***, *han var 24 år og i gang med en uddannelse, vi havde mange fælles interesser og vi skrev sammen et halvt år.* (Korpus.DK) ***'Через три недели пришло*** письмо, ему тогда было 24 года, он учился, у нас оказалось много общих интересов, и мы переписывались полгода'; *Farmor fik en cykel i gave til sin konfirmation og et ur, som hun kom til og tabe en uge* ***efter***, *men der var ingen, der fik vidioer og rideheste dengang.* (Korpus.DK). 'На конфирмацию моей бабушке подарили велосипед и часы, которые она ***через неделю потеряла***, но видеосистем и скаковых лошадей тогда никому не дарили'.

Использование пространственного маркера ***efter*** предполагает в качестве точки отсчета не говорящего субъекта, а какое-либо внешнее событие-ориентир, *после которого* следует другое событие, отстоящее на указанный временной интервал (внешняя фронтальная перспективизация линии времени, нецентрированная на говорящем субъекте).

Таким внешним ориентиром может стать и будущее событие, и тогда тоже закономерно используется предлог *efter*: *Referatet fra mødet er godkendt og offentliggøres på skolens hjemmesider, såfremt der ikke kommer indsigelser indenfor en uge* ***efter udsendelsen*** (Korpus.DK) 'Протокол собрания одобрен и будет выложен на сайте школы, если в *пределах недели после телепередачи* не поступит возражений'.

Употребление с обозначением временного интервала предлога ***от***, напротив, всегда предполагает говорящего как неустранимую точку отсчета. Поэтому в ситуациях косвенной речи, даже с предикатами в прошедшем времени, закономерно используется именно предлог ***от***:

> Efter at han havde sluttet sin beretning, ***sagde*** jeg til ham, at han ***skulle komme*** igen ***om et par dage***. (Korpus.DK) 'Когда он закончил повествование, я *сказала* ему, чтобы он опять *зашел* ***через пару дней'***.
>
> *Det er jeg fuldstændig sikker på, sagde Christina, før hun gik. Hun* ***sagde,*** *at* ***hun ville*** *komme igen* ***om*** *et par dage, når hun havde fundet en god familie til mig.* (Korpus.DK)'. «Я совершенно уверена», – сказала Кристина, уходя. Она добавила, что *вернется* ***через пару дней***, когда найдет для меня хорошую семью'.

Идея круга, заложенная в исходной пространственной семантике предлога ***от***, находит отражение во всех вариантах его темпоральных употреблений. Но в рамках данного исследования, помимо уже упомянутого футурального употребления, мы остановимся только на использовании предлога ***от*** для выражения повторяемости события в течение определенного временного интервала.

Речь идет о датских эквивалентах русских выражений типа: *(х) раз* ***в*** *год,* ***в*** *месяц,* ***в*** *неделю,* ***в*** *день,* ***в*** *час,* ***в*** *минуту,* ***в*** *секунду*. В отличие от русского языка, в датском языке мы вновь сталкиваемся с асимметричным выражением темпоральных смыслов. Квазисинонимичными в датском языке оказываются обозначения с предлогами ***от*** и ***i***. Ср. с одной стороны: *(х) gange* ***om*** *dagen* '(х) раз в день',

om *ugen* ‘в неделю’, ***om*** *måneden* ‘в месяц’, ***om*** *året* ‘в год’, и, с другой стороны: ***i*** *timen* ‘в час’, ***i*** *minuttet* ‘в минуту’, ***i*** *sekundet* ‘в секунду’ *и* ***i*** *et århundrede* ‘в столетие’*:*

Ср.: Børn skal spise ofte – *tre, fire gange* ***om dagen***. (Korpus.DK) ‘Дети должны есть часто – три-четыре раза *в день’*;
Jeg maler meget gerne *et par gange* ***om ugen*** og på ferier i Italien. (Korpus.DK) ‘Обычно я рисую пару раз *в неделю* – и во время отпуска в Италии’;
Han er betalt for at køre ruten *tre gange* ***om måneden*** (Korpus.DK). ‘Ему оплачивают проезд по этому маршруту три раза *в месяц’*;
Idéen er, at der *en gang* ***om året*** skal uddeles priser til de institutioner, som udmærker sig ved at have særligt gode hjemmesider (Korpus.DK). ‘Идея состоит в том, что раз *в год* учреждениям, которые отличатся особо хорошими веб-сайтами, будут присуждаться награды’ –
и: Han vækker mig mindst *fire gange* ***i timen*** og vil have mad. (Korpus.DK). ‘Он будит меня минимум четыре раза *в час* и просит есть;
Med strakte arme presser du hurtigt brystbenet. Der trykkes *60 gange* ***i minuttet*** på brystkassen på denne måde. (Korpus.DK) ‘Вытянув руки, быстро нажимаете на грудину. Нажимайте таким образом 60 раз *в минуту*’;
Goethe sagde, at bygningskunst er forstenet musik. I musikken falder taktslaget *to gange* ***i sekundet***, i arkitekturen måske *to gange* ***i et århundrede*** (Korpus.DK). ‘Гете сказал, что архитектура – это музыка в камне. В музыке ритм возникает дважды в секунду, в архитектуре – возможно, дважды *в столетие*’.

В русле методологического подхода нашего исследования этому кажущемуся парадоксу можно предложить перцептивное объяснение. Во всех случаях речь идет о циклических интервалах. Но теми циклическими интервалами, которые соразмерны существованию в мире отдельного человека являются именно *день*, *неделя*, *месяц*, *год*. Человек естественным образом живет *внутри* этих циклов. Их можно представить себе как концентрические окружности, в центре которых находится наблюдатель (внутренняя циклическая перспектива). Когда же речь идет о мелких интервалах (в языковом сознании датчан – это *час*, *минута*, *секунда*) то они концептуализируются как некие внешние по отношению к наблюдателю темпоральные «контейнеры», вмещающие то или иное количество повторяющихся событий.

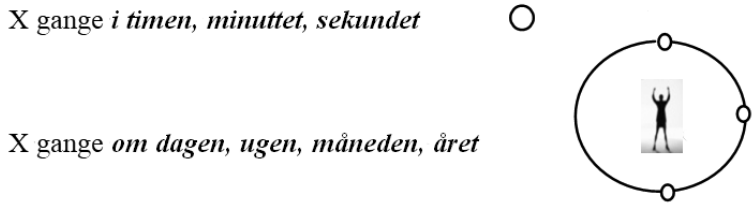

Рис. 7. Пространственная визуализация итеративной семантики предлога *OM*

Мы можем об этом не задумываться, но *столетие* для индивида – это такая же перцептивно не подкрепленная абстракция, как и представление сверхвысоких частот в сверхмалые временные интервалы. По крайней мере, в датском языке повторяемость события в столетие (***i** et århundrede*) обозначается тем же предлогом внешней перспективизации, что и малые временные циклы.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

Подведем итоги по разделу о датских предлогах, организующих пространство времени:

1. Наше исследование показало, что использование антропоцентрической перцептивной модели, описывающей ориентацию событий во времени относительно воспринимающего субъекта, позволяет объяснить целый ряд специфических для датского языка особенностей предложного обозначения временны*х* ориентиров, а также убедиться, насколько тесно взаимосвязана пространственная категоризация временных смыслов в лексической и в грамматической системе любого конкретного языка.
2. Учет позиции наблюдателя-говорящего дает возможность объяснить целый ряд семантических особенностей употребления темпоральных предлогов в датском языке
3. Исследование корпусного функционирования темпоральных предлогов позволило предложить перцептивное объяснение квазисинонимии датских темпоральных предлогов.
4. Под *квазисинонимическими* понимаются предлоги, различающиеся в плане выражения, но функционирующие в максимально схожих синтаксических контекстах, которым при переводе на русский язык соответствует один и тот же эквивалент.
5. Исследование показало, что предложная квазисинонимия носит системный характер, последовательно противопоставляя внутреннюю (субъектно-центрированную) темпоральную перспективу внешней перспективе, нецентрированной на «точке присутствия» говорящего субъекта или субъекта повествования.

Сделанные наблюдения могут помочь изучающим датский язык научиться «видеть» темпоральные события глазами носителя этой языковой культуры

Кроме того, применение предлагаемой методики позволяет на новом материале подтвердить гипотезу ряда исследователей о том, что для скандинавских языков характерно системное варьирование, различающее выражение говорящим объективированного и субъективированного взгляда на ситуацию [Чекалина 2017] и противопоставляющее грамматическими средствами пережитую реальность реальности конструируемой (objecive world vs. subjective world) и конкретный опыт говорящего его абстрактным знаниям и представлениям (concrete world vs. abstract world) [Durst-Andersen 2011].

II.3. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ, ОРГАНИЗУЕМОЕ ТЕМПОРАЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ДАТСКОГО ГЛАГОЛА

Грамматические категории диктуют главные координаты членения всего пространства мысли и задают «сетку координат», в рамках которой осуществляется языковое осмысление мира
(Беседина 2010)

Важным понятием когнитивной лингвистики является понятие «концептуального пространства языка» [Болдырев 2005]. Грамматическим категориям отводится важнейшая роль в его конструировании, см. [Беседина 2010, 206]. Вопрос, обсуждаемый в данном разделе, состоит в том, как концептуальное пространство темпоральной категоризации, задаваемое грамматикой определенного языка, может быть соотнесено с невербальным пространственным представлением временных смыслов в сознании его носителей.

II.3.1. Пространственная организация грамматических категорий в рамках структурного подхода

Задача теоретической грамматики заключается в представлении грамматических явлений описываемого языка как целостной системы – как в плане содержательных категорий, так и в плане выражающих эти содержания грамматических структур.

Если обратиться к описанию глагольных категорий германских языков, то стремление целостно представить систему грамматических категорий может быть наглядно проиллюстрировано известными графическими схемами, предложенными в свое время исследователями на материале разных германских языков. Речь идет, в частности, о «трехмерной схеме» – шестнадцатичленном кубе английских глагольных форм А.И. Смирницкого, интегрирующем в единой пространственной структуре формы временной локализации (настоящее / прошедшее / будущее), временной отнесенности (перфект / неперфект) и вида (длительный / общий):

В середине XX в. идея пространственной организации грамматических категорий определялась, прежде всего, стремлением осмыслить многомерность системы грамматических оппозиций в структурном аспекте. Первая попытка ввести ***точку ориентации субъекта*** в пространственные представления глагольных категорий была сделана У.Е. Буллом. На основании исследования глагольных категорий порядка 50 языков он предложил ввести понятие «вектор времени» (time vector), указывающий направление, на котором расположено событие относительно точки отсчета. Важно отметить, что исследователь попытался учесть, как бы мы сейчас это назвали, перцептивные и когнитивные аспекты ситуации: субъект может переживать, вспоминать и предвосхищать событие (experience, recall, anticipate the event) [Bull 1960, 12–13]. Однако введение таких важных, на наш взгляд, инстру-

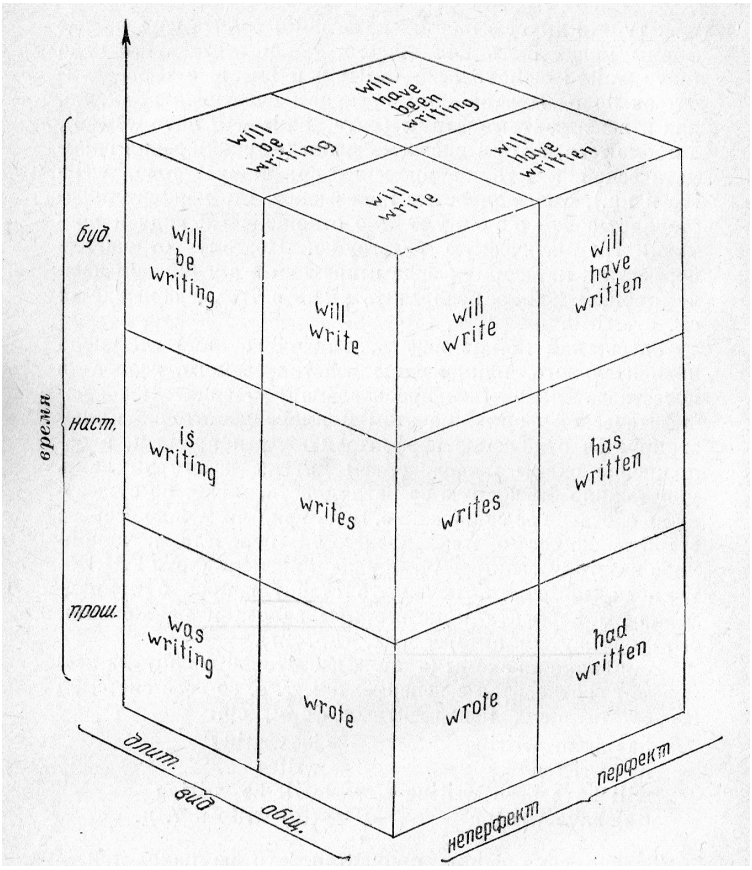

Рис. 8. Пространственная структура английских темпоральных форм А.И. Смирницкого [Смирницкий 1959, 310].

ментов описания как «векторы времени» и «точка отсчета» не помогло У.Е. Буллу целостно представить пространственную схему глагольных категорий, которую он заменил на набор отдельных «осей ориентации». В этом плане куб А.И. Смирницкого даже в большей мере отвечал задаче постулируемого У.Е. Буллом *пространственного представления многомерности глагольных категорий* языковой системы.

Не удалось это, на наш взгляд, и З.Я. Тураевой, опиравшейся на идеи У.Е. Булла. Для описания видовременной системы английского языка она предлагала «концептуальное многомерное пространство», понимаемое ею в духе структурализма – как «абстрактная модель, которая используется для описания совокупности каких-либо элементов». Установка автора состоит в постулируемом отказе от «концептуального представления грамматического времени в виде геометрической линии», которое «проистекало из стремления смоделировать физическое время, опуская особенности перцептуального времени, нашедшего отражение в грамматическом времени, – многомерность и обратимость» [Тураева 1979, 193]. При этом «пространство» понималось ею весьма условно, что явствует

из утверждения: «предлагаемое концептуальное временное пространство не имеет единой размерности и распадается на 4 пространства с разной размерностью» [Там же].

Если обратиться к графическому представлению этого «концептуального пространства», то обнаружится любопытная закономерность: все «оси ориентации параллельны друг другу», на что прямо указывает автор [Тураева 1979, 196], и, что особенно важно – но что автор не комментирует – располагаются ею на схеме с весьма показательным горизонтальным сдвигом относительно друг друга (Рис. 9).

Структурная модель видо-временной системы английского глагола

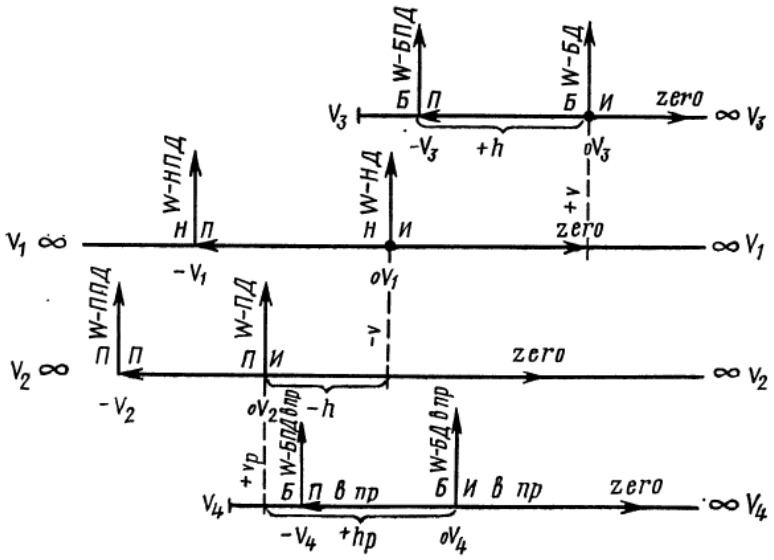

Рис. 9. Графическая модель английских темпоральных форм З.Я.Тураевой [Тураева 1974: 199]

В культурах с письменностью, направленной слева направо (см. [Бородицки 2015]), такая направленность регулярно соответствует направлению из прошлого в будущее. Верхняя «ось» (V_3), наиболее сдвинутая вправо, соответствует вектору Future Perfect – Future Indefinite; вторая сверху (V_1) с точками, смещенными левее – вектору Present Perfect – Present Indefinite; третья (V_2) – с еще большим смещением влево – вектору Past Perfect – Past Indefinite. Наконец, нижняя (V_4), с точками, смещенными правее относительно Past Indefinite – вектору относительных форм будущего в прошедшем – Future Perfect in the Past и Future in the Past. Таким образом, оказывается, что, при всей сложности объяснений и буквенных обозначений, все эти однонаправленные векторы при их наложении образуют ни что иное как «одну геометрическую линию», которой в своих теоретических установках так сопротивлялась З.Я. Тураева.

Если вновь обратиться к пространственной схеме А.И. Смирницкого (Рис. 8), то можно заметить вертикальную стрелку – опять-таки скрытую «линию времени» – направленную из прошлого в будущее. Это приводит нас к выводу, что при всем желании грамматистов пространственно отразить многомерность глагольных оппозиций, идея «линии времени» так или иначе имплицитно присутствует при описании английской видовременной системы, поскольку диктуется самим набором ее категориальных форм.

Объяснение, на наш взгляд, следует искать в истории эволюции германской видовременной системы.

II.3.2. Эволюция темпоральной системы германских языков как усложнение ее пространственной организации

В 1977 году вышла коллективная монография Института языкознания АН СССР «Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола». Один из ключевых ее разделов, посвященный эволюции германской видо-временной системы, был написан О.А. Смирницкой. Важными результатами проведенного ею исследования стали идеи о том, что «все изменения, имевшие место в германской видо-временной системе, предстают как однонаправленные процессы расширения и усложнения морфологической оппозиций» [Смирницкая 1977, 5–6].

О.А. Смирницкая обратила внимание на «параллелизм основной линии развития» видовременной системы для всех германских языков. При этом она подчеркивала, что конкретные конструкции редко были вполне тождественными в различных языках: «Процессы становления новых оппозиций отличаются большой длительностью и частично накладываются друг на друга во времени <…>. Вместе с тем развитие отдельных участков системы неравномерно, и история каждой отдельной оппозиции протекает в различных хронологических границах; не совпадают и высшие точки формирования оппозиций. Так, с известным приближением можно сказать, что XVI–XVIII вв. – эпоха парадигматизации длительного вида (только в английском языке); в предшествующую эпоху XIII–XVI вв. протекали важнейшие процессы, связанные с развитием футурума (в большинстве германских языков); наконец, к XIII в., а отчасти еще в древний период, во всех германских языках завершаются основные этапы парадигматизации перфекта» [там же, 28]. Т. е. хронология формирования германской видо-временной парадигмы стадиальна и демонстрирует три последовательные этапа:

к XIII в. – складывание перфекта,

с XIII до XVI в.– складывание футурума,

с XVI до XVIII в. – складывание категории длительного вида.

В свете проблематики предлагаемой книги важно подчеркнуть, что последовательное усложнение смысловой структуры германской видо-временной системы не может не свидетельствовать об *усложнении категоризации* временных представлений в языковом сознании носителей германских языков; усложнение кате-

горизации, в свою очередь, не может не повлиять на то, как воспринимают идеи, связанные со временем, носители современных германских языков.

При этом важно учитывать, что основные различия между германскими ареалами отчетливо обозначаются уже к XV–XVI вв. и что именно перфекту отводится центральная роль в эволюции германской темпоральной системы, поскольку:

1) именно перфект – единственная новая форма, имеющая общегерманское распространение;
2) иногда это вообще единственная аналитическая форма во всей видо-временной системе;
3) именно перфект характеризуется полной или частичной общегерманской общностью структурных схем (ср. существенные различия в выражении футурума, кондиционалиса и пассива);
4) именно перфект достигает максимального уровня парадигматизации [Там же, 29].

На материале английского языка О.А. Смирницкая показала, что высшая точка парадигматизации перфекта в XII–XIII вв. совпадает с разрушением древних ga-композитов, и что старая видовая оппозиция, в формировании которой они участвовали, уступает место новой оппозиции *временной отнесенности*, конституирующей систему современных германских языков [Смирницкий 1959, 313 и след.]. Именно это преобразование коренным образом перестроило всю систему и заложило основы для ее дальнейшей эволюции.

В контексте современного развития лингвистики можно поставить вопрос о том, каков же был *когнитивный смысл* складывания категории временной отнесенности. То есть, какие представления о времени оказались концептуализированы средствами эволюционирующей темпоральной системы. Если древняя бинарная оппозиции «событие, происходящее в момент речи» / «событие, *пред*шествовавшее моменту речи», членила временную реальность на *две области*: «переживаемое в момент речи» (настоящее) и «пережитое до момента речи» (прошедшее, т.е. ужé не настоящее) (Рис. 10), то вторичная по отношению к ней категория временной отнесенности устанавливала принципиально иное представление об организации времени.

В этой связи мы выдвигаем гипотезу о том, что за счет развития грамматических значений *пред*настоящего и *пред*прошедшего, как векторов, *одинаково ориентированных относительно точек прошлого и настоящего*, когнитивное (то есть осмысливаемое посредством языка) темпоральное пространство может представляться носителям соответствующего языка как бы *растянутым*, что должно еще более усиливать *линеарный характер* пространственных представлений о времени (ср. Рис. 10)

Чрезвычайно важными в этой связи нам представляются наблюдения О.А. Смирницкой о том, что на ранних стадиях префект всегда «предстает как *отграниченный от ситуативного момента некоторым временным промежутком*», <курсив мой – Д.Н.>. Эксклюзивность раннего перфекта – это одно из проявлений его исходной локализации на линии времени, сближающее его с претеритом.

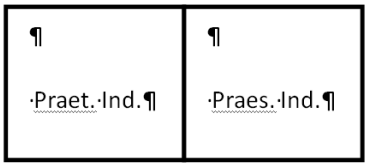

Рис. 10

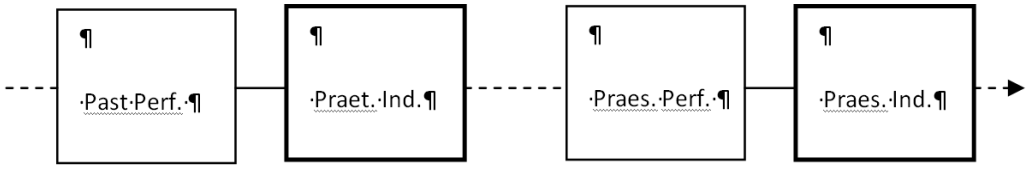

Рис. 11

Модель линеаризации темпоральных представлений в процессе усложнения системы английских темпоральных форм

Ранний перфект, таким образом, предстает как одна из точек «растянутой» темпоральной линии, складывающейся из однонаправленных векторов (прошедшее-настоящее, преднастоящее-настоящее, предпрошедшее-прошедшее), что на этом этапе развития глагольной системы, по нашему мнению, усиливало линеарную основу германских временных представлений. Согласно О.А. Смирницкой, «употребление формы перфекта при обстоятельствах незаконченного времени устанавливается относительно очень поздно – в XVII–XVIII вв.» [Смирницкая 1977, 70]. Тем самым мы наблюдаем, как категория временной отнесенности лишь со временем приобретала то значение, которое О.А. Смирницкая называет «*смысловой контактностью*» с ситуацией [там же, 71].

Как мы смогли убедиться на основании излагаемого нами ниже психолингвистического эксперимента, перфектные категории временной отнесенности и смысловой контактности оказываются в разной степени актуализированными в сознании носителей современного английского и современного датского языков. Ведь развитие категории временной отнесенности, само по себе, не исключает и возможности представления о событиях, соотнесенных с прошлым и настоящим, как расположенных на векторах, характеризующихся иной (перпендикулярной) направленностью по отношению к линии времени (Рис.12).

Предлагаемое нами ниже экспериментальное исследование перцептивных основ категоризации видо-временных значений призвано показать, как *разные возможности пространственной локализации временных представлений оказываются по-разному реализованными в сознании носителей разных германских языков*, что, в свою очередь, закономерно сопряжено с *разным набором темпоральных оппозиций*, представленных в этих языках.

Как уже было сказано, в отечественной германистике ранее уже предлагалось несколько пространственных схем, организующих парадигматические формы германских глаголов в соответствии с концепцией авторов. Это уже упомянутый двенадцатичленный куб английских глагольных форм А.И. Смирницкого, объеди-

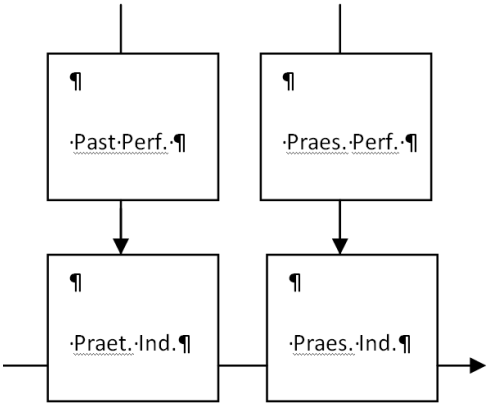

Рис. 12. Графическая возможность нелинейной пространственной организации темпоральных форм

нявшего в единой структуре формы времени (настоящее/ прошедшее/ будущее), временной отнесенности (перфект/ неперфект) и вида (длительный / общий) [Смирницкий 1959, 310], восьмичленный куб датских глагольных форм С.Н. Кузнецова, рассматривавшего оппозиции между категориями претеритальности/непретеритальности, перфектности/ неперфектности и футуральности/нефутуральности [Кузнецов 1989, 84] и двенадцатичленный куб Л.М.Локштановой, добавивший к этим оппозициям формы датского сослагательного наклонения, омонимичные, по ее мнению, формам индикатива [Локштанова 1986, 43; Lokshtanova 1994, 98].

Задача нашего исследования состоит в том, чтобы определить, как *структуры* отмечаемых лингвистами *оппозиций* соотносится с тем, каким образом носители датского и английского языков интуитивно визуализируют представления о времени *в своем ментальном пространстве*.

Еще одна задача исследования состоит в том, чтобы установить, как в сознании носителей германских языков *формы времени соотносятся с формами наклонения*.

Нельзя не обратить внимания на ряд факторов, свидетельствующих о вхождении форм времени и наклонения в единую систему глагольных оппозиций и, как следствие, в *единую систему когнитивных представлений о темпоральной реальности*. К таковым факторам относятся:

- Структурирование аналитических глагольных форм временной отнесенности и наклонения в соответствии *с единым принципом построения*: в общем виде это позиционно закрепленная последовательность аналитических показателей со значениями ‘модальность’ (в широком смысле слова), ‘временная отнесенность’, +‘длительность’ (для английского языка), предшествующих неличной форме смыслового глагола. Ср. например, англ. Future Perfect Continuous: ***will have been*** *written* и Past Conditional Mood: ***would have been*** written или дат. Futurum II: ***vil have*** *skrevet* и Konditionalis II ***ville have*** *skrevet*.

- Изменение форм времени и наклонения *по одинаковым категориям*: время, залог, +длительность (для английского языка):
- Историческая *сопряженность* формирования *категории временной отнесенности* и аналитических категорий *наклонения*: как только в каком-либо германском языке складывается категория временной соотнесенности, в нем возникает предпосылка для перестройки системы сослагательного наклонения по аналитическому типу [см. Ермолаева 1977].
- *Сопряженность* категории временной отнесенности *с категорией согласования времен* (таксис), присутствующей в разных германских языках, независимо от их различия в отношении выражения значений длительности и футуральности.
- «*Системная омонимия*»[4] форм прошедшего времени формам ирреалиса, а форм будущего в прошедшем формам кондиционалиса. См., например, классификацию омонимичных форм, предлагавшуюся Л.М. Локштановой для датского языка: Præteritum '*gav*' и Irrealis I '*gav*'; Plusquamperfektum '*havde givet*' и Irrealis II '*havde givet'*; Futurum in præterito I '*ville give*' и Konditionalis I '*ville give'*; Futurum in præterito II '*ville have givet*' и Konditionalis II '*ville have givet*' [Lokshtanova 1994, 98].

Приведенные факторы полностью согласуются с неоднократно высказывавшейся А.И. Смирницким общей мыслью о том, что «единообразие внешнего строения <…> настоятельно т р е б у е т, чтобы все эти формы рассматривались как е д и н а я с и с т е м а. Ведь внешнее тождество или подобие, к а к п р а в и л о, является в языке выражением внутреннего тождества или подобия» <выделено автором> [Смирницкий 1959, 298]. Поэтому, следуя логике самого А.И. Смирницкого, нам представляется неоправданным исключать из схемы глагольных оппозиций формы *would work, would have worked, would be working и would have been working*, отсутствующие в упомянутой нами выше 12-членном кубе английских видо-временных форм А.И. Смирницкого.[5]

---

[4] Что касается «системной омонимии», то, вслед за А.И. Смирницким, мы склонны считать, что «омонимичность не может быть общим принципом соотношения между единицами языка» [Смирницкий 1959, 299], и что «всегда в случаях предполагаемой омонимии следует исходить из того, что совпадение звучания есть показатель тождества данных единиц <…> при варьировании их значения. Для того, чтобы <…> одинаковую внешнюю, звуковую оболочку, связанную с разными значениями, признать принадлежащей двум различным, отдельным единицам (словам и пр.), необходимо установить, что различие в значении выходит за пределы закономерного семантического варьирования одной и той же единицы» [там же, 335–336]. *Закономерность* семантического варьирования значений глагольных форм, системно выражающих в современных германских языках как представления о реальном, так и о гипотетическом развитии событий, согласуется с результатами предлагаемого в данном разделе психолингвистического эксперимента.

[5] В результате исключения названных видо-временных форм из парадигмы А.И. Смирницкому пришлось отказаться от такого принципиально важного явления темпоральной системы германских языков как *будущее в прошедшем*, признаваемого большинством германистов, включив его формы «в условное наклонение как частный случай употребления условного наклонения» [Смирницкий 1959, 357].

Когнитивное осмысление результатов излагаемого ниже психолингвистического эксперимента позволит нам предложить *пространственную модель*, непротиворечиво объединяющую все формы глагольной парадигмы (активный залог) для английского и для датского языков.

Тезис О.А. Смирницкой о *стадиальности* формирования видо-временных форм в германских языках (перфект –> футурум –> формы длительности) приобретает в свете вышесказанного когнитивный смысл. Развития категории временной отнесенности в плане усиления линеаризации временных представлений предполагает закономерное продолжение линии, идущей из прошлого в настоящее, линией, уходящей из настоящего в будущее.

Наметившееся к XV–XVI вв. расхождение между отдельными германскими языками в формировании категории будущего можно объяснить самой семантикой футуральности: «Относя процесс к временному плану будущего, т.е. обозначая его нереализованность, футурум противостоит по своему содержанию как претериту, так и презенсу, и эта особенность его содержания, соединяясь с особенностью его формы (раздельнооформленностью), препятствует полной интеграции футурума в составе категории времени» [там же, 100].

Отмеченная двойственность значения футурума (с одной стороны, значение *следования* за моментом речи и, с другой стороны, значение *нереализованности* в момент речи, то есть *потенциальности* действия) предполагает два возможных варианта развития футурума, каждый из которых представлен в истории отдельных германских языков.

Так, в немецком, английском и нидерландском языках произошла парадигматизация средств выражения футурума. Ее критериями стали объективация значения футуральности как темпорального следования за моментом речи, стабильность структуры футурума и унификация его употребления [там же, 101–103]. Если в немецком языке для выражения футуральности стал использоваться специализированный вспомогательный глагол werden, что само по себе уже предполагало объективацию значения футуральности по отношению к модальности, то в английском мотивированность футурального значения собственным модальным значением используемых служебных глаголов первоначально препятствовала становлению особой грамматической формы. Поэтому существенным шагом в парадигматизации футурума в английском языке стал процесс закрепления вспомогательного глагола shall за 1 лицом, а *will* за 2 и 3 лицом. То есть, как писала О.А. Смирницкая, «футуральный признак отделяется от модального прежде всего в позиции наименьшей мотивированности» [там же, 108]. Дальнейшая тенденция к унификации и спецификации вспомогательного глагола нашла отражение в распространении как в американском, так и в британском вариантах английского языка единой для всех лиц стяженной футуральной формы ’ll+V_{inf}, что таже способствовало объективации значения футуральности по отношению к модальным значениям.

Что же касается скандинавских языков, то в них для выражения футуральности по-прежнему используются модальные глаголы и по-прежнему частотно футуральное употребление презенса. И хотя для датского языка, по-видимому, в большей степени, нежели для прочих скандинавских языков, можно говорить о втягивании в парадигму футурального сочетания инфинитива с глаголом *ville* [см. Бабушкина 1982, Локштанова 1986, Крылова 2011], (об этом свидетельствует, в частности, возможность семантически немотивированного употребления этого глагола волеизъявления с неодушевленным субъектом, типа *vækkeuret vil ringe klokken 7* «будильник зазвонит в 7 часов») в датском языке, как и в других скандинавских, сохраняется широкая периферия устойчивых сочетаний с футурализирующей функцией. В исландском же языке, по свидетельству О.А. Смирницкой, «основное словосочетание вообще с трудом может быть выделено из целого набора футуральных словосочетаний, различающихся тонкими модальными и видовыми оттенками» [Смирницкая 1977, 101].

Указанное различие в уровне парадигматизации футурума в разных германских языках нашло наглядное подтверждение в предлагаемом нами ниже психолингвистическом эксперименте по сопоставлению невербальных представлений о будущем времени носителями английского и датского языков.

Таким образом, сопоставляя развитие глагольных категорий в германских языках в целом, мы можем наблюдать, с одной стороны, наибольшее развитие категории временной отнесенности в английском языке по сравнению с ситуацией в нидерландском, африкаанс, идише и отчасти немецком, где эволюция ведет к сближению перфекта и претерита вплоть до полного их совмещения и вытеснения претерита перфектом (африкаанс, идиш) [Смирницкая 1977, 71–73], а с другой стороны, – более последовательную парадигматизацию будущего времени в английском языке по сравнению со скандинавскими языками. На основании этого нами была выдвинута гипотеза о том, что именно у носителей английского языка *идея линеарной организации временных представлений должна быть выражена наиболее явно*. При этом принципиально важно подчеркнуть, что речь идет не о линейности, а именно о *линеарности*, поскольку под линеарностью имеется в виду не одна прямая линия, а скорее непрерывная *последовательность векторов*, каждый из которых продолжает предыдущие. Т.е. мы предполагаем, что уже примерно к XVI веку в английском языке, благодаря становлению категорий перфектности и футуральности, в общих чертах сложилось когнитивное представление о линеарном характере пространственной организации категории времени, формируемое последовательностью векторов: *предпрошедшее* (предшествующее ситуативному моменту в прошлом и имеющее смысловую контактность с ним) – *прошедшее* (ситуативный момент в прошлом) – *преднастоящее* (предшествующее ситуативному моменту в настоящем и имеющее смысловую контактность с ним) – *настоящее* (ситуативный момент в настоящем = момент речи) – *будущее* (следующее за ситуативным моментом в настоящем). Указанное представление и послужило когнитивной основой для дальнейшего развития темпоральной системы английского языка.

Именно после того, как в сознании носителей языка четко сформирована идея последовательно линеарной организации темпоральных событий, обоснованным становится дальнейшее развитие, когда *длящиеся процессы* начинают восприниматься как *соотнесенные с конкретными событиями-ориентирами*, локализованными на линии времени. На наш взгляд, тот факт, что из всех германских языков именно в истории английского языка идея линеарной организации темпоральных форм сложилась наиболее последовательно, предопределило возможность дальнейшей парадигматизации в нем форм длительного вида.

Таким образом, в эволюции видо-временной системы современного английского языка можно наблюдать последовательно усложняющуюся реализацию исходной для всех германских языков оппозиции «предшествование-непредшествование»: *предшествование-непредшествование моменту речи → предшествование-непредшествование как соотнесенность с ситуативным моментом* (и моментом речи, и любой ситуацией в прошлом или будущем) → *соотнесенность с ситуативным моментом* (в настоящем, прошлом, или будущем) *как наложение длящегося процесса* на событие-ориентир на линии времени.

Такой взгляд на эволюцию английской видо-временной системы соответствует впервые отмеченному для глагольной системы германских языков В.Я. Плоткиным *переходу от многочленных* к *бинарным оппозициям*. В.Я. Плоткин подчеркивал, что семантический механизм развертывания видо-временной системы в германских языках испытал воздействие исходной для них категории, строящейся на оппозиции «предшествование / непредшествование», определившей семантическое единство основных процессов и их хронологическую последовательность [Плоткин 1969, 91]. Поэтому, вслед за Е. Куриловичем [Kuryłowicz 1964, 26], он относил английские перфектные и длительные формы не к категории вида, а собственно, к категории времени. При таком подходе формы Perfect и Continuous предстают как члены контрарной оппозиции, представляющей процесс либо как предшествующий, либо как одновременный ситуативному моменту.

Типологические исследования последних десятилетий, посвященные закономерностям грамматикализации глагольных категорий в языках мира, представляют развитие грамматических систем языков, как эволюцию сознания социума, в том числе, в отношении усложнения представлений о времени [Bybee 1985., Bybee, Dahl 1989, Bybee et al. 1994, Dahl 1985, Dahl 2004, Сичинава 2006 и др.]. Это согласуется с известным высказыванием Вильгельма фон Гумбольдта о том, что исследование языка «должно стать средством познания человека на разных ступенях его культурного развития» [Гумбольдт 1985, 383].

Вместе с тем, в современной когнитивистике обращается внимание и на противоположную закономерность, а именно на то, что сами грамматические категории задают «сетку координат, в рамках которой осуществляется языковое осмысление мира» [Беседина 2010, 206].

Впервые мысль о влиянии грамматических категорий на восприятие окружающего мира была сформулирована в теории языковой относительности Сэпира–

Уорфа. В статье, посвященной отношению норм поведения и мышления к языку, Б. Уорф сформулировал общие положения, послужившие основой для последующей проверки и уточнения этой теории в русле когнитивной лингвистики: «люди … находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества»; «“реальный мир” в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы»; «мы видим, слышим или воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Уорф 1999, 58]. Признавая влияние различных уровней языка (лексического, фразеологического, грамматического) на мышление людей, Б. Уорф утверждал, что наиболее сильное влияние на формирование мысли могут оказывать именно грамматические категории, но подчеркивал что «обнаружить такое влияние чрезвычайно сложно, во-первых, ввиду его неясности, а во-вторых, ввиду того, что весьма трудно взглянуть со стороны и изучить объективно родной язык, который является привычным средством общения и своего рода неотъемлемой частью нашей культуры» [там же, 62].

Если сложности второго порядка в настоящее время успешно решаются в рамках сопоставительных когнитивных исследований и в рамках сравнительной лингвокультурологии, то механизмы влияния грамматических категорий языка на процессы мышления его носителей до сих пор остается неизученными. Наше исследование направлено именно на то, чтобы разработать экспериментальную методику, позволяющую проследить, как в мышлении носителей разных языков грамматический компонент соотносится с невербальным.

II.3.3. Эксперимент по выявлению перцептивных основ грамматической категоризации времени в датском языке в сопоставлении с английским

«В каждый данный момент язык распределяет и организует вселенную заново.
Именно мы решаем, что принадлежит прошлому
и что должно стать частью будущего.
Грамматические формы выдают наши самые глубинные
биографические решения».
(Ойген Розеншток-Хюсси)

«Время – загадочный феномен, близко касающийся человека,
интуитивно как будто бы ясный, но противоречивый
и с трудом поддающийся экспликации».
(А.Д. Шмелев 2002)

Цель данного раздела состоит в представлении экспериментальной методики, позволяющей эксплицировать межкультурные различия в представлении невербальной ориентации во времени носителями разных языков и соотнести выяв-

ленные различия с различиями в организации системы темпоральных категорий в соответствующих языках. Иными словами, мы ставим задачу проследить, как в мышлении носителей разных языков грамматический компонент соотносится с невербальными представлениями.

Задача разработанного нами психолингвистического эксперимента заключалась в том, чтобы: 1) выяснить, отличаются ли невербальные представления об ориентации во времени в разных культурах, и 2) установить в случае положительного ответа на первый вопрос, как межкультурные различия в *невербальных представлениях биографического времени* соотносятся с различиями *в грамматической концептуализации темпоральных значений* в соответствующих языках.

Для проведения упомянутого эксперимента нами было отобрано 10 русских, 10 американских и 10 датских информантов в возрасте от 25 до 65 лет (мужчины и женщины). Каждому из них предлагалось представить себе какие-либо эмоционально нейтральные и регулярно повторяющиеся во времени ситуации, например, представить себе, как они чистили зубы, когда им было 5 – 10 – 15 – 20 – 30 и т.п. лет вплоть до настоящего момента, а затем представить себе соответствующие действия в будущем.

Еще до начала упражнения информантам объяснялась система параметров, по которым будет проводиться описание каждого из эпизодов.

Для эксперимента нами был разработан набор градуированных параметров, позволяющих эксплицировать изменения в визуализации описываемых ситуаций:

1. ***Расстояние***: насколько отдаленно или приближенно вы видите вспоминаемую или воображаемую ситуацию (от **1** до **10** баллов, где **1** – «будто перед носом» а **10** – «будто у линии горизонта»);
2. ***Горизонтальное расположение***: от **0**, если картинка видится прямо по центру, до **10** либо **слева**, либо **справа** (если картинка смещена вплоть до левой или правой периферии поля зрения);
3. ***Вертикальное расположение***: от **0**, если картинка представляется прямо на уровне глаз, до **+10** (если картинка максимально смещена вверх) и до **-10** (если картинка максимально смещена вниз);
4. ***Размер*** картинки: от **1** при минимальным размере картинки (картинка будто «размером с точку») до **10**, если картинка занимает все поле зрения;
5. ***Ассоциированное*** восприятие ситуации (как бы «своими глазами»), либо ***диссоциированное*** (будто человек наблюдает себя «со стороны»).

Как правило, сложнее всего проходило начало эксперимента. Однако даже если человек говорил, что не может вспомнить конкретного момента, когда он чистил зубы «в пять лет», то на вопрос, «а если бы вы могли представить себе, как вы чистите зубы в пять лет», он легко описывал определенный возникающий в его мысленном представлении образ. И если при обсуждении у информанта сначала могли возникать затруднения, то, переходя ко второму, третьему и т.д. воспоминанию, человек обычно отмечал, что образ становится крупнее и как бы приближа-

ется (метафора «ближе – значит важнее» по [Lakoff, Johnson 1999]). Что касается расположения визуальных образов, то именно здесь, как выяснилось, чаще всего присутствуют некоторые статистически типичные расхождения между носителями английского, датского и русского языков.

Кроме того, важным оказалось различие между *ассоциированным* и *диссоциированным* представлениями времени.

1. Человек вспоминает прошлую ситуацию «изнутри», будто находится в ней и видит то, что происходило в тот момент перед его глазами. Этот тип воспоминаний напоминает то, как все мы видим события, происходящие в настоящем. Этот тип представлений называется **ассоциированным**.
2. Человек вспоминает прошлую ситуацию, видя в ней самого себя как бы «со стороны», как будто события прошлого с его собственным участием наблюдает кто-то другой. Такой тип представлений называется **диссоциированным**. Вот как, например, описывала свои воспоминания одна из моих датских информанток: ”*Jeg ser mig selv i billedet ... bagfra og lidt oppefra ... som om jeg står på en lille stol …*” «Я вижу себя со стороны … немного сверху … как будто стою на маленькой табуретке».

Поскольку в лингвистике эти термины не использовались, целесообразно остановиться на них подробнее.

Речь идет о двух основных способах визуализации людьми своего прошлого – ассоциированном и диссоциированном воспоминании: «Вы ассоциированы, когда находитесь внутри опыта, видите его собственными глазами. И диссоциированы, когда находитесь вне его, видите себя словно со стороны. <…> Ассоциированный опыт разительно отличается от диссоциированного. Когда человек ассоциирован, находится внутри опыта, он испытывает все физические ощущения, приятные и неприятные, неразрывно связан с опытом <..>. Ассоциированная и диссоциированная перспективы – это не просто состояния разума. Они регистрируются телом. Когда вы ассоциированы, вы живете в настоящем, осознаете свое тело и свои чувства. Ассоциированное – это состояние «во времени» <..> Если человек диссоциирован, он чувствует себя отстраненным, сторонним наблюдателем. Он объективен, спокойно думает о настоящем, планирует будущее или созерцает прошлое». https://psychistory.ru/nlp/mind-tuning/association-and-dissociation.

Ассоциированное воспоминание хорошо соотносится с метафорой времени как пути, по которому человек идет, наблюдая все происходящее вокруг себя, или как реки времени, по которой человек плывет как на плоту. Когда человек, ощущающий себя «внутри потока времени», вспоминает пережитые события, то как бы вновь возвращается в них и живо переживает их, почти как если бы они происходили с ним в настоящем. Такое представление времени характеризуется большей эмоциональной включенностью субъекта, нежели диссоциированное представление о времени, когда человек видит себя во вспоминаемой ситуации со стороны. Люди, склонные вспоминать события ассоциированно, признаются, что

менее пунктуальны, им сложнее планировать будущие события. Для них события чаще происходят «внезапно» и «неожиданно».

Распространенная метафора диссоциированного восприятия времени – это линия времени (англ. *time line*). Метафора времени как «реки» или «дороги» тоже может быть использована, но с той разницей, что наблюдатель не движется по ним, а как бы стоит на высоком берегу у излучины реки, так, что ему видно все далеко вверх и вниз по течению, или же остановился на холме у обочины дороги, так что ему виден и пройденный путь, и путь, который предстоит пройти. Люди, привычно вспоминающие события диссоциированно, гораздо легче планируют события, сами они пунктуальны, и им трудно понять, почему другие не могут прийти вовремя.

Как было отмечено выше, психологические термины *ассоциированное* и *диссоциированное восприятие* не используются в лингвистике, однако сама идея различения этих двух типов представления ситуации человеком оказывается весьма плодотворной для понимания когнитивных дистинкций, вербализуемых в языках мира. Лингвистическим аналогом, соответствующим указанным психологическим дистинкциям, можно считать противопоставление *внутренней и внешней перспективы* наблюдателя, предложенное исследовательницей глагольных категорий немецкого языка Елизабет Лайсс. Ее заслуга состояла в том, что для определения грамматической семантики аспектуальности она использовала перцептивные основания и показала, что именно позиция наблюдателя (Standpunkt des Betrachters) определяет, воспринимается им событие как внешняя перспектива (Außenperspektive), когда говорящий расположен «вне события» и как бы видит его отстраненно, или же как внутренняя перспектива (Innenperspektive), когда говорящий расположен «внутри события» [Leiss 1992]..

Так что, когда речь пойдет о психолингвистическом эксперименте, мы будем пользоваться терминами *ассоциированное* и *диссоциированное* представление. Когда же речь пойдет о грамматических категориях датского глагола, то мы будем использовать соответствующие им когнитивные термины *внутренняя* и *внешняя* перспектива наблюдателя.

Хотя полный психолингвистический эксперимент проводился нами сначала с русскими информантами, затем с американцами, а затем с датчанами, для целей данной книги целесообразно ограничиться германским материалом, сравнив результаты датской и американской частей эксперимента.

Для иллюстрации были выбраны по два наиболее типичных для каждой из сравниваемых языковых культур примера – один, характеризующийся диссоциированным, а другой – ассоциированным представлением времени.

1.3.3.1.Эксперимент с американскими информантами

Пример *диссоциированного* восприятия

Типичная модель *диссоциированного* представления времени в американской культуре (американка, 52 года, преподаватель информатики) характеризовалась следующими параметрами:

- *Age 3*. Картинка слева. Внизу. Расстояние 3. Размер 3.
- *Age 14*. Картинка слева. Внизу. Чуть смещена к центру. Расстояние 2. Размер 6.
- *Age 30*. Чуть слева, еще ближе к центру. Чуть выше. Расстояние 3. Размер 6.
- *Age 40*. По центру и чуть выше. Расстояние 2–3. Размер 7.
- *1 month ago*. По центру. Выше. Расстояние 4. Размер 6.
- *Yesterday.* На уровне глаз. Чуть-чуть левее. Расстояние 2. Размер 6.
- *This morning* = yesterday
- *Tomorrow* = this morning
- *1 month in the future* = this morning
- *In 1 year*. Чуть сдвинуто вправо от центра и чуть ниже. Расстояние: 3. Размер 3.
- *In 5 years*. Еще больше сдвинуто вправо. Расстояние 4. Размер 5.
- *In 10 years*. Еще больше сдвинуто вправо. Внизу. Расстояние 3–4. Размер 5.

Графически полученные данные представлены на рисунке 13:

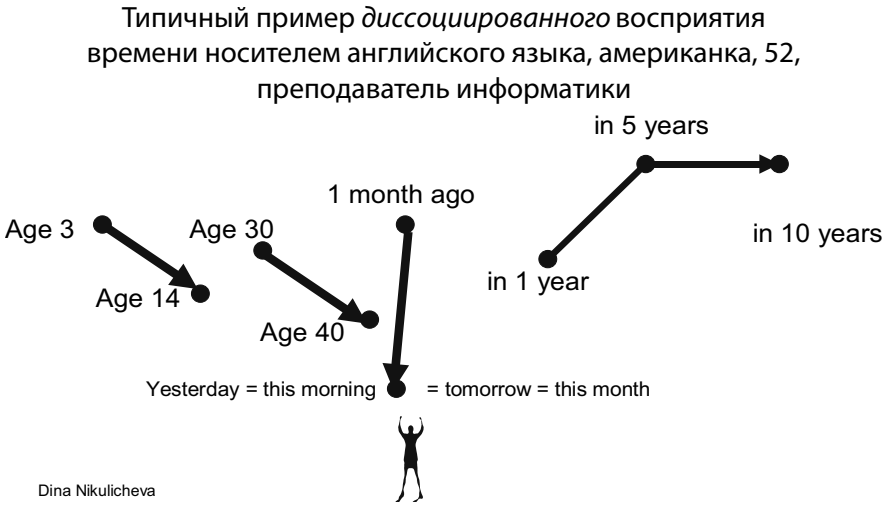

Рис. 13. Пример *диссоциированного* представления времени англоязычным информантом

Информант располагает все события прошлого слева. Выделяются два отрезка прошлого «взрослое прошлое» и детство как «предпрошлое», абсолютно идентичные в плане их векторной направленности и последовательного приближения к наблюдателю. Чем дальше в прошлом локализовано событие, тем дальше и ниже оно представляется от наблюдателя, и тем меньше кажется картинка. Картинка актуального прошлого (для данного человека «one month ago») расположена уже прямо на уровне глаз и в центре поля зрения. Ситуации, воспринимаемые данной информанткой как расширенное настоящее (от «yesterday» в ближайшем прошлом до «this month» в ближайшем будущем) отличаются от предыдущей тем, что, располагаясь также практически по центру, находятся на одинаковом, наиболее близком от наблюдателя расстоянии, а дальнейшие будущие представления удаляются все дальше и дальше от наблюдателя и все больше смещаются вправо

и вниз. Схематически эта модель может быть обобщена в том виде, как она изображена на рисунке 14:

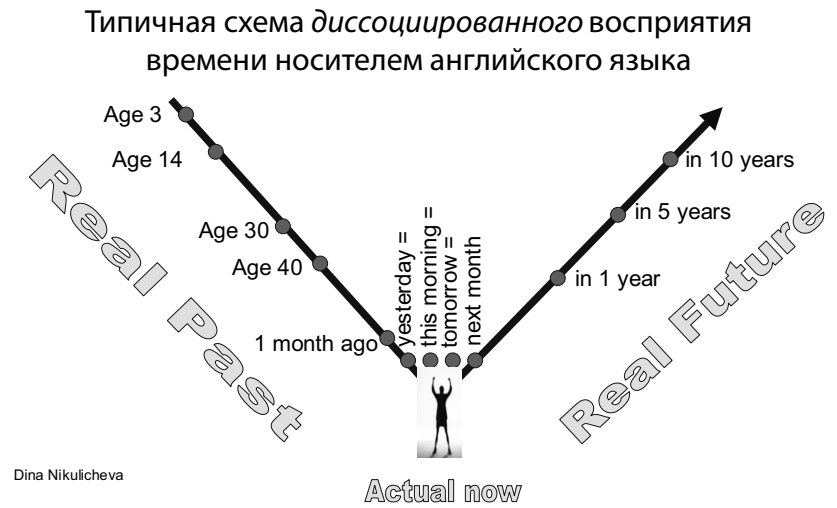

Рис. 14. Графическая модель *диссоциированного* представления времени носителем английского языка

Пример *ассоциированного* восприятия

Типичная модель *ассоциированного* представления времени в американской культуре (американка, 49 лет, психотерапевт) характеризовалась следующими параметрами:

- *Age 5*. Картинка по центру. Расстояние 3. Размер: 7.
- *Age 14*. Картинка по центру. Чуть выше. Расстояние 4. Размер 5.
- *Age 20*. Близко к центру, но чуть левее и чуть ниже. Расстояние 6. Размер 3. (единственный эпизод, вспоминаемый извне «I am in the college»).
- *Age 45*. По центру. Выше. расстояние 6. Размер 10.
- *1 month ago* = age 45. Расстояние 6. Размер 10.
- *Yesterday* = 1 month ago
- *This morning* = yesterday
- *Tomorrow* = this morning
- *In 1 week*. По центру. Расстояние 9. Размер 9.
- *1 month in the future* = in 1 week. Расстояние 9. Размер 9.
- *In 1 year.* По центру. Чуть ниже. Расстояние 9. Размер 7.
- *In 5 years*. По центру. Еще ниже. Расстояние 9. Размер 3.

Графически это выражается рисунком 15:

Все временные представления у этой информантки находятся прямо перед ней. При этом самые ранние воспоминания располагаются совсем близко (как бы «в начале пути»), а затем все дальше и дальше удаляются вперед. Все события, воспринимаемые ею как «расширенное настоящее» (для нее от возраста «45 лет» до «завтра») расположены на одном и том же среднем удалении. А будущее лежит

Рис. 15. Пример *ассоциированного* представления времени англоязычным информантом

все дальше и дальше от наблюдателя, причем картинки увеличиваются из прошлого к настоящему, а затем последовательно уменьшаются. Следует также отметить вертикальный параметр. Ранние воспоминания начинаются на уровне глаз и потом последовательно поднимаются все выше до точки расширенного настоящего. А затем фокус начинает опускаться, как если бы человек всходил на холм настоящего, а затем начинал опускаться в сторону будущего. Т. е., глядя сбоку (см. врезку, расположенную на рис. 6 внизу слева), мы и в ассоциированном американском представлении отмечаем ту же ломаную линию, состоящую из векторов прошлого и будущего, которую наблюдали и в более частотном для американских информантов диссоциированном представления времени.

Таким образом, та общая модель пространственной организации временных представлений, которая характеризует как ассоциированный, так и диссоциированный взгляд на время в американской культуре демонстрирует последовательно *линеарный характер представления времени*.

Теперь сопоставим, как выявленная закономерность восприятия времени в американской культуре соотносится с видо-временной системой английского языка. Хотя в американской языковой культуре (как и любой другой) встречаются индивиды как с диссоциированным, так и с ассоциированным представлением событий во времени, есть основания предположить, что в основе грамматической категоризации средствами глагольной системы английского языка находится диссоциированное представление (см. рис. 5). Это предположение основано на том, что именно диссоциированная модель, может быть последовательно развернута в систему оппозиций, охватывающих всю 16-членную парадигму английского глагола. При этом расположение каждой из 16 форм в *структуре грамматических оппозиций* непротиворечиво согласуется как с диахроническими данными, так и с выявленными пространственными представлениями о времени, характерными для носителей английского языка.

Проиллюстрируем выдвинутый тезис. Пять из шестнадцати форм английской глагольной парадигмы могут быть соотнесены с перцептивной «линией времени» индивида (рисунок 16):

Рис. 16. Графическая модель локализации английских темпоральных форм на ментальной линии времени

Именно перцептивная идея линии лежит в основе такого характерного для германских языков явления, как **согласование времен**. Ср. англ. *He **told** me that he **had seen** her before* = дат. *Han **fortalte** mig at han **havde set** hende før,* где грамматически выражена линейная последовательность событий во времени (сначала видел Past Perf., потом рассказывал Simple Past) с русск. *'Он **рассказывал** мне, что видел ее прежде',* где таксисные отношения игнорируются грамматической системой, как будто бы оба события находились на одном и том же «острове прошедшего времени».[6]

Что же касается остальных форм общего вида, построенных на аналитическом сочетании значений футуральности, претеритальности и перфектности (Future Perfect '*will have worked'*, Future in the Past/Conditional I '*would work'*, Future Perfect in the Past/Conditional II '*would have worked'*), то структурируемые ими ментальные пространства также линеарны. При этом основная перцептивная линия времени индивида, формируемая векторами «реального прошлого» и «реального будущего», достраивается за счет «линий параллельных реальностей» (см. рис. 17).

[6] Метафора «островов времени» была предложена Виктором Шмидтом, лингвистом датско-русского происхождения, одинаково блестяще владеющим обоими языками, когда мы обсуждали его интуитивные представления о том, чем различаются временные представления у русских и у датчан.

Рис. 17. Графическая модель параллельности форм реализа и ирреализа в английской темпоральной системе

Для нас важно подчеркнуть, что когнитивная интерпретация, задаваемая грамматической системой, полностью соответствует математической логике. Согласно евклидовой геометрии, точка, лежащая на пересечении двух прямых, принадлежит каждой из этих прямых, то есть закономерно обладает свойствами каждой из них. Такая интерпретация позволяет объяснить обсуждавшуюся в начале раздела «системную омонимию» глагольных форм. Так, например, форма '***had worked***' – это реальное предпрошедшее Past Perfect (плюсквамперфект), если она мыслится как принадлежащая вектору «реального прошлого», и ирреальное условие в прошлом (ирреалис II), если она мыслится как принадлежащая вектору «ирреального прошлого». Аналогичным образом закономерно объясняется дуализм значений и всех остальных глагольных форм, характеризующихся системной омонимией.

Согласно евклидовой геометрии, параллельные прямые не пересекаются. Поэтому, если событие расположено на одной из линий, параллельных линии реального будущего, оно никогда не попадет на линию реальности. Ср. ирреальное предположение относительно настоящего: *If you **worked** hard (now), you **would be** famous*, или относительно прошлого *If you **had worked** hard, you **would have been** famous*, с реальным развитием нынешней ситуации в будущем: *You **don't work** hard, and you **will not be** famous*. При этом ирреальное следствие из ирреального предположения о прошлом '*would have been famous*' оказывается наиболее дис-

танцированным (как структурно, так и перцептивно) от точки настоящего, характеризуемой наивысшей степенью реальности.

Линеарно-векторное восприятие времени, столь важное для языкового сознания носителей английского языка, нашло отражение в англоязычной художественной литературе и кинематографе. Не случайно множество английских романов и фильмов построено на идее линии времени и параллельного развития событий (Herbert Wells "Time Machine", Ray Bradbury рассказ о бабочке, изменившей мир, Michael Crichton "Time Line", фильмы Peter Howitt «Sliding Doors», Robert Zemeckis «Back to the Future», Alejandro Agresti «Lake House» и др. Таким образом, сама грамматическая структура темпоральных значений в английском языке создает когнитивные предпосылки для обыгрывания идеи параллельного развития событий.

Что касается форм длительного вида (Continuous), то, как отмечалось в предыдущем подразделе, они возникли в английском языке позже других (парадигматизовавшись лишь в XVI–XVIII вв.), но играют чрезвычайно важную роль, поскольку образуются от любой из вышеназванных глагольных форм общего вида.

Значения длительности в буквальном смысле «наложились» на значения предшествующих темпоральных форм, создав трехмерную структуру. Графически это показано на рис. 18.

Указанная объемная структура позволяет нам выделить следующие семь *когнитивных планов* (плоскостей) темпоральной системы английского языка: план реального прошлого (Real Past), реального настоящего (Real Present), реального будущего (Real Future), план прогноза (Prognosis) и план ирреальности (Irreality) (см. рис. 19); план фактуальных событий (Factual Events) и план дуративных событий (Progressive Events), (см. рис. 20):

Данные схемы позволяют наглядно показать, почему для того, чтобы употребить английские формы Continuous, должно существовать скрытое или явное указание на *конкретный момент на линии времени, через который проходит данное длящееся действие*. Языковая категория длительности оказывается не только исторически, но и когнитивно вторичной по отношению к локализации ситуативного момента как определенной точки на линии времени.

Показательно, что в американской литературе имеется метафора, точно соответствующая рассмотренной выше трехмерной когнитивной структуре. Речь идет об отрывке о времени из романа Джона Стейнбека «East of Eden»: … Eventlessness has no *posts* to *drape duration on*. From nothing to nothing is no time at all … (Steinbeck, 46) (досл. «Бессобытийность не имеет вех / опор / колонн (ср. bed posts – столбики, на которые вешается балдахин кровати), на которые можно было бы *повесить длительность* (*drape duration*)». И в датском, и русском переводах «объемная» метафора Стейнбека неизбежно заменяется на плоскостную: ср. дат. «Den begivenhedsløse tid har ingen *hændelser* til at *markere forløbet*. Fra intet til intet

Рис. 18

Рис 19

er der ingen vej» (пер. Gres, Knudsen) – '<бессобытийное время лишено событий, которые *отмечали бы процесс*' и рус. «Пустоту *вехами не разметишь*. Два пустых дня сливаются в один» (пер. Михалева).

Рис. 20

Приведенные данные английской части эксперимента нужны нам для того, чтобы показать специфику невербальной ориентации во времени носителей датского языка и соотнести ее со структурой датской видовременной системы.

1.3.3.2. Эксперимент с датскими информантами

Теперь сравним, чем рассмотренные выше результаты эксперимента с американскими информантами отличались от результатов датской части эксперимента.

Пример *диссоциированного* восприятия

Типичная картина *диссоциированного* представления времени датскими информантами (женщина, 50 лет, юрист) дала следующие результаты:

- *4 år.* Картинка слева. Чуть ниже уровня глаз (-3). Расстояние 3. Размер 9.
- *14 år.* Картинка чуть слева. Чуть ниже уровня глаз (-2). Расстояние 3. Размер 9.
- *25 år.* Картинка прямо по центру. На уровне глаз. Расстояние 3. Размер: 9.
- *35 år*. Картинка на уровне глаз. Справа (4). Расстояние 3. Размер 9
- *45 år.* Картинка на уровне глаз. Ближе. Чуть справа 2. Расстояние 2. Размер 9.
- *For 1 år siden = For 1 måned siden = For 1 uge siden* = 45 år
- *I går = i morges*. На уровне глаз. Еще ближе. Чуть справа. Расстояние 1,5. Размер 9,3.
- *I morgen.* Картинка по центру. Ниже уровня глаз (-4). Расстояние 5. Размер 4.

- *Om 1 måned.* По центру. Дальше. Ниже уровня глаз (– 4). Расстояние 7. Размер 4 – 3.
- *Om 1 år.* По центру. Еще дальше. Расстояние 8. Еще ниже (-4 -5). Намного меньше. Размер 3.
- *Om 5 år.* По центру. Расстояние 9. Еще ниже (-5). Размер 2.

Графически результаты эксперимента представлены на рис. 21:

Типичный пример *диссоциированного* восприятия времени носителем датского языка, женщина, 50, юрист

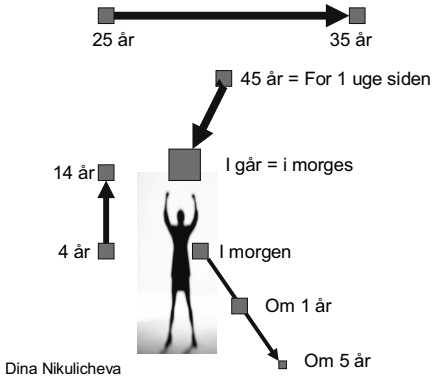

Рис. 21. Пример *диссоциированного* представления времени датским информантом

Для датчан типично то, что для *прошлого* устанавливаются две линии, направление которых принципиально отличается от отмеченного у американцев. В отличие от результатов соответствующего американского эксперимента, где вектора прошедшего и предпрошедшего имели одинаковую направленность, вектора прошедшего и предпрошедшего в датском эксперименте оказываются направленными *перпендикулярно* относительно друг друга. В приведенном примере – это далекая «линия детства» (4–14 лет) направленная вертикально вверх, и «линия взрослого прошлого» (25–35 лет), идущая горизонтально вправо. Третья линия образуется *актуальным прошлым*[7]. *Она расположена прямо по центру и направлена к наблюдателю на уровне его глаз. Визуализация представления датчан о будущем* существенно отличалась от представлений американцев. Это сложно передать в плоскостном рисунке, но для датчан характерно, что даже события близкого будущего представляются как более *отдаленные*, нежели самые далекие события реально пережитого прошлого. Что касается вектора *будущего*, то оказалось, что

[7] Интервал протяженностью в пять лет (45–50 лет), субъективно воспринимаемый данной информанткой как «актуальное прошлое» достаточно велик и поэтому не типичен. Однако, когда после проведения эксперимента мы с ней стали обсуждать результаты, выяснились любопытные подробности. Именно в 45 лет она начала работать над кандидатской диссертацией, которую и защитила за неделю до проведения эксперимента и до сих пор оставалась под сильным впечатлением этого события.

он разительно отличался по своей направленности от результатов американского эксперимента. Типично то, что чем дальше в будущем мыслится событие, тем ниже уровня глаз оно располагается.

Пример *ассоциированного* восприятия

А вот как выглядели результаты типичного *ассоциированного* представления времени датскими информантами (мужчина, 25 лет, студент):

- *6 år.* Картинка по центру. Чуть ниже уровня глаз (-2). Расстояние 3. Размер 4.
- *14 år.* Картинка по центру. На уровне глаз (0). Ближе. Расстояние 2. Размер 7-8.
- 20 år Картинка по центру. На уровне глаз (0). Близко. Расстояние 1. Размер 8.
- *For 1 år siden.* Картинка чуть правее и чуть выше уровня глаз (+1). Расстояние еще ближе (0,5). Размер 8.
- *For 1 måned siden.* Картинка видится диссоциированно. По центру. Будто сверху (-3). Расстояние 4. Размер 8.
- *For 1 uge siden.* Картинка видится диссоциированно. По центру. Немного сверху (-2). Расстояние 4. Размер 8.
- *I morges.* Ассоциированно. По центру. На уровне глаз (0). Расстояние 4. Размер 7.
- *I morgen.* Все картинки будущего представляются диссоциированно. Чуть влево (1). Выше уровня глаз: (+ 4). Расстояние 5. Размер 4.
- *Om 1 måned.* Еще левее (2). Чуть выше уровня глаз (+1). Расстояние 6. Размер 4.
- *Om 1 år*. Еще левее (4). На уровне глаз (0). Еще дальше. Расстояние 8. Размер 3.
- *Om 10 år.* По центру. Уже ниже уровня глаз (-1 -2). Расстояние 10. Размер 1.

В графическом выражении полученные данные отражены на рисунке 22.

Информант представляет *прошлое* прямо перед собой, причем, чем ближе вспоминаемые события к моменту настоящего, тем на более близком расстоянии они располагаются. *Актуальное прошлое* (от месяца до недели тому назад) видится в отличие от прочих временных представлений диссоциированно – как хорошо обозримая широкая картинка, расположенная на среднем расстоянии и занимающая все поле зрения. *Расширенное настоящее* (для данного информанта i går и i morges) представляется ассоциированно и очень близко. Все представления о будущем (от i morgen до om 10 år) – диссоциированные, причем они расположены значительно дальше, чем представления о прошлом, последовательно удаляются и как бы опускаются «за линию горизонта».

Датские информанты испытывали ощутимо бо́льшую сложность в визуализации будущих событий по сравнению и с русскими и с американцами. Многие из опрошенных датчан заявляли, «что они не могут представить того, чего не пережили» (at de ikke kunne se det, som de ikke havde oplevet), «может быть, только почувствовать это» (måske kun føle det), «что будущее нечетко» (fremtiden

Типичный пример *ассоциированного* восприятия времени носителем датского языка, мужчина, 25, студент

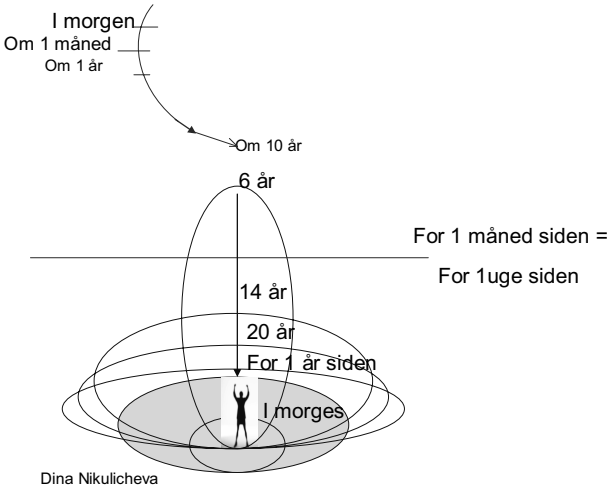

Рис. 22

står uklar), что «картинка лишь проблескивает» (billederne glimter), «будто помехи в телевизоре» (de var som sne i fjernsynet). То есть так или иначе в сознании датчан будущее принадлежит иному «измерению», нежели пережитая реальность. И это является убедительным подтверждением того, что категория будущего в современном датском языке еще не полностью парадигматизовалась как особая форма времени, а сохраняет сильную модальную составляющую. (При этом важно учесть, что в отличие от русского «буду» и английского «'ll» в датском не сформировалось специального, отличного от модальных глаголов показателя будущего времени).

Если сравнить набор темпоральных форм в датском языке со структурой пространственных представлений датчан о времени, то можно сделать вывод о том, что датская видо-временная система, также как и английская, *основана на диссоциированном представлении времени*, но имеет иную пространственную организацию (см. рис. 23, обобщающий диссоциированные представления, проиллюстрированные ранее рисунком 21).

На первый взгляд, предложенная нами модель лишь незначительно отличается от куба грамматических категорий С.Н. Кузнецова [Кузнецов 1989, 84] (рис. 24).

Однако принципиальное отличие предлагаемой нами модели (рис. 23) состоит в том, что, если в категориальном кубе С.Н. Кузнецова (рис. 24) оси располагаются произвольно, то предложенная нами модель учитывает фактор говорящего: ориентация осей категорий претеритальности, перфектности и футуральности соответствуют тем пространственным представлениям о локализации событий отдаленного прошлого, актуального прошлого и прогнозируемого бу-

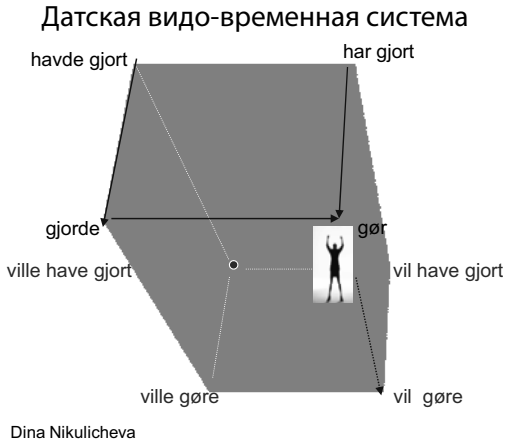

Рис. 23

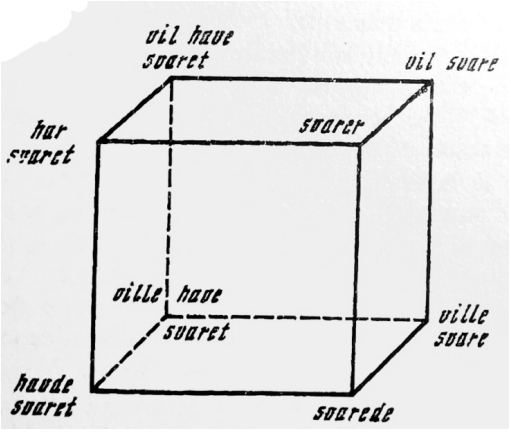

Рис. 24. Пространственная структура датских темпоральных форм С.Н. Кузнецова

дущего, которое было выявлено нами в ходе перцептивного эксперимента с датскими информантами. Тем самым эксплицируется *когнитивное пространство темпоральных категорий, соответствующее интуитивным представлениям носителей датского языка о его пространственной организации*.

Те картинки, которые располагаются прямо перед наблюдателем по линии слева направо, образуют линию «обозримого прошлого», соответствующую форме **имперфекта**, перпендикулярная по отношению к этой линии «линия детства» образует перцептивную и когнитивную основу для предпрошедшего, выражаемого формой **плюсквамперфекта**. А линия, на которой расположены недавние события, актуальные для настоящего, лежит в той же плоскости, что и прошлое, но перпендикулярна ей и направлена прямо к наблюдателю. Она образует когнитивную и перцептивную основу для форм **перфекта.** Эти три линии вместе образуют основу того п л а н а п е р е ж и т о й р е а л ь н о с т и, который является базовым для датской темпоральной системы. Этот план «пережитых событий» **(***de oplevede begivenheder***)** отмечался датским лингвистом Пером Дурст-Андерсеном,

относящим в своей теории языковых супертипов датский к тем языкам, которые *tager sit udgangspunkt i afsenderens erindring om oplevelsen af situationen* «исходят из воспоминаний говорящего о пережитой ситуации» [Durst-Andersen 2006].

Именно перцептивный ***план «пережитой реальности»*** (havde gjort – gjorde – har gjort – gør) служит когнитивной основой для организации всех остальных планов датской темпоральной системы: и ***плана «еще не пережитой реальности»*** ожидаемого будущего (vil gøre – gør – har gjort – vil have gjort)[8], и ***плана относительных времен*** (*har* gjort – *havde* gjort – vil *have* gjort – ville *have* gjort), и ***плана прогностичности*** (*vil* gøre – *vil* have gjort – *ville* gøre – *ville* have gjort)[9], и ***плана ирреальности***[10] (gjorde – ville gøre, havde gjort – ville have gjort) (См. рис. 25).

Рис. 25. Когнитивные планы датской вило-временной системы

II.3.4. Объяснительный потенциал экспериментально выявленной «Модели когнитивных планов датской видо-временной системы»

Примат «*плоскости пережитой реальности*» позволяет объяснить развитие датским перфектом некоторых значений, отсутствующих у форм английского перфекта, функционирующего в системе представле-

[8] Это и прогноз об ожидаемом будущем: Vækkeuret vil ringe kl. 6, и выраженный футуральным презенсом прогноз о ближайшем будущем: Jeg kommer om et øjeblik, и прогноз о завершенном событии в будущем: Når jeg har drukket kaffe ..., Vi *vil have svaret* dig inden lørdag.

[9] Помимо прогноза о будущем (Hun *vil svare* på dit spørgsmål i morgen, Vi *vil have svaret* dig inden lørdag), это и прогноз о будущем из прошлого: Hun håbede, at han *ville svare*, и прогноз из прошлого относительно одного будущего события, предшествующего другому: De skrev, at de *ville have svaret* os inden jul.

[10] Это и ирреальное предположение относительно развития событий в настоящем/будущем: Hvis du *gjorde* det, *ville* han *gøre* noget andet, и ирреальное предположение относительно развития событий в прошлом: Hvis du *havde gjort* det, *ville* han *have gjort* noget andet.

ний, исходящих из *базовой идеи линеарности времени*. К таковым относится одно из значений скандинавского перфекта, обозначаемого как *эвиденциальный перфект* (речь идет об употреблениях типа *Tyven* ***er*** *nok* ***kommet*** *ind gennem kælderen*, где говорящий в форме перфекта делает *предположение о прошлом* событии на основании *наблюдаемых* им в настоящем косвенных свидетельств этого события).

Напротив, не пережитые говорящим события, даже вероятного будущего воспринимаются как дистанцированные от пережитой реальности. Ср. как Толковый словарь датского языка определяет важные для датского языкового сознания понятия: «далекий от реальности» *virkelighedsfjern* – «som er *uden forbindelse* til virkelighedens faktiske forhold» («который не имеет связи с фактической действительностью») и «близкий к реальности» *virkelighedsnær* – ”som ligger tæt *opad* den faktiske *virkelighed”(PNDO 1336)* Особый интерес представляет использование в этом определении непереводимого на русский язык сложного пространственного наречия *opad,* что создает смысл «тот, который близок к фактической действительности, *расположенной сверху*», что полностью соответствует предлагаемой нами на рис. 25 структуре пространственной организации датской видо-временной системы.

Предлагаемый нами перцептивно-визуальный подход к представлению грамматических оппозиций также позволяет по-новому взглянуть на соотношение категории времени и наклонения в датском языке.

В соответствии с пространственной идеей близости / удаленности от плана пережитой реальности, категории ирреального сослагательного наклонения перцептивно локализованы *на максимальном удалении от наблюдателя* и от плоскости реальности соответственно. В качестве иллюстрации можно отметить расположение на приведенной выше схеме форм ирреалиса (*havde truffet)* и кондиционалиса II (*ville have været)* из предложения *Hvis jeg bare* ***havde truffet*** *den rigtige beslutning (den gang),* ***ville*** *mit liv* ***have været*** *anderledes*! ‘Если бы я тогда приняла правильное решение, моя жизнь сложилась бы иначе!’

Характерное для разных аспектов грамматической семантики скандинавских языков противопоставление «обусловленное установкой говорящего на актуализацию одних ситуаций как *концептуально близких* и отчуждение других как *концептуально дистанцированных*» <выделено мной, Д.Н.> было показано в публикации Е.М. Чекалиной [Чекалина 2006, 65]. Эти наблюдения получают пространственное подтверждение в нашем психолингвистическом эксперименте.

Датские грамматисты обычно не признают омонимии форм претерита и ирреалиса. Так, еще Георг Вивель писал, что «форма прошедшего времени отнюдь не всегда обозначает то, что *по времени* удаляется от настоящего, но также и то, что удаляется *по степени реальности,* так как оно представляется то как *возможность*, например, *det* ***var*** *rart, hvis han* ***var*** *her* ‘было бы приятно, если бы он был здесь’, то как *предположение*, *противоречащее действительности*, например, hvis jeg *havde* penge, *var* jeg lykkelig ‘если бы у меня были деньги, я был бы счастлив’ [Wiwel 1901, 140. Цит. по Кузнецов 1989, 86].

На этом основании Г. Вивель предлагал для этой двузначной формы обобщающий термин ***«форма отдаления» (afstandsform*),** который поддержал П. Дидериксен, хотя сам также пользовался терминами «реальный претерит» и «ирреальный претерит».

Как инвариантную «форму отдаления» трактуют претерит в грамматике «Grammatik over det danske sprog» также Эрик Хансен и Ларс Хельтофт. Претерит понимается ими как форма, имеющая два основных варианта употребления. Один из них – это «фактический опыт» (faktisk erfaring): han *arbejdede* på hospitalet ‘он работал в больнице’, Rom *var* den smukkeste by. Dens barokkirker *var* uforlignelige ‘Рим был (оказался) красивейшим в мире городом. Его церкви в стиле барокко были неподражаемы’ (даже вневременной, хабитуальный, признак может в датской грамматической системе оказаться темпорально локализованным в точке прошлого, если связан с *прошлым моментом восприятия субъектом речи*). Другой вариант – «предполагаемый опыт» (forestillet erfaring): Bare han nu *arbejdede* på sagen ‘Если бы только он сейчас занимался этим вопросом!’ [Heltoft 1998, 8–9].

Двойственность употребления претеритальных форм побудила Л.М. Локштанову, исследовавшую категории датского глагола, признать омонимию претерита и ирреалиса в датском языке [Локштанова 1986, 21–22]. С.Н.Кузнецов не мог согласиться с ней по структурным соображениям: «невозможно допустить системную омонимию, потому что, по определению, омонимия – это совпадение форм (то есть средств выражения) при различии содержания, а все разнообразные средства выражения претерита не могут одновременно и без каких бы то ни было исключений совпасть со всеми средствами выражения ирреалиса» [Кузнецов 1989, 88].

Как бы то ни было, факт остается фактом: все датские претеритальные формы могут выражать как реальные, так и ирреальные значения. Это даже позволило Л. Хельтофту заявить, что «датская система временного отдаления – не классическая временная система, так как принцип ее формообразования идет вразрез с референциальным временем» (Det danske afstandssystem er ikke et klassisk tidssystem, for dets formprincip går på tværs af referentiel tid) [Heltoft 1998, 9].

Предлагая когнитивный подход для анализа временных оппозиций в конкретном языке, мы хотим показать закономерность такой двойственности с точки зрения перцептивно-визуального представления времени. Исходя из графической структуры оппозиций, мы утверждаем, что вывод о двойственности значений каждой из видо-временных форм в датском языке закономерен. Как было показано выше, восьмичленная оппозиция формирует геометрическую фигуру, куб. А каждая грань куба по законам геометрии должна принадлежать двум соседним плоскостям.

Представление прогноза как нереального последовательно выражается в датском языке посредством дистанцирования грамматическими средствами прогнозируемого события от точки настоящего. Как и в английском, та линия развертывания событий, которая «запускается» ирреальным предположением, не может пересечься с реальной линией времени, а существует параллельно ей. А ирреаль-

ное предположение относительно иного сценария развития событий прошлого задает еще одну параллельную линию, еще более отдаленную от линии реального будущего, что наглядно видно из структуры темпоральных оппозиций. Категория временной отдаленности (afstandssystem), так горячо отстаиваемая датскими лингвистами, получает, таким образом, наглядное графическое выражение.

Речь, таким образом, идет о системной омонимии форм как об актуализации их закономерной принадлежности одной из двух сопредельных когнитивных плоскостей.

Сочетание приведенных выше диахронических и системно-структурных данных с результатами межъязыкового перцептивно-визуального эксперимента позволяет предложить целостное когнитивное осмысление категории времени, по-разному концептуализированной в грамматических системах английского и датского языков как в специфических культурных кодах, сложившихся в ходе эволюции германской языковой группы.

А ключом к пониманию когнитивной организации видовременной системы каждого из языков неизменно служит позиция наблюдателя. Это та самая «точка присутствия» по терминологии Н.Д. Арутюновой, или точка ORIGO, в терминологии Карла Бюлера.

В дальнейших разделах, посвященных ориентации во времени, будут описаны различные языковые проявления (импликации) той когнитивной модели темпоральных категорий датского языка, которая была выявлена в ходе описанного выше перцептивного эксперимента.

II.4. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИИ СОБЫТИЯ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

«Следует просто примириться с некоторой системой координат
«субъективной ориентации», во власти которой находятся
и будут находиться все участники общения»
(К. Бюлер)

В основе дальнейшего изложения лежит идея Карла Бюлера о существовании в любом человеческом языке того, что он называл «системой координат субъективной ориентации, во власти которой находятся и будут находиться все участники общения» [Бюлер 1993, 95]. Эгоцентричность и роль наблюдателя как системообразующий фактор в формировании языковой категоризации стала объектом специальных исследований отечественного философа-когнитивиста А.В. Кравченко [Кравченко, 1993; 1995; 1996; 2004]. Теоретической основой нашего исследования, также служат положения когнитивной лингвистики о значимости физического опыта в конструировании мира: «когнитологи практически дополнили семиотическую опосредованность речевой деятельности человека физиологиче-

ским измерением – опосредованностью визуального восприятия мира» [Ирисханова 2014, с. 51].

Ключевым понятием в этой связи является понятие *перспективизации*, связанное «с естественной способностью выделять объекты на фоне, отбирать наиболее важные для сознания свойства и профилировать их», а также со «взаимной координацией говорящих относительно друг друга и референтной ситуацией. Это, в свою очередь, предполагает установление связи между наблюдателем и наблюдаемым в конкретном акте коммуникации, конструирование объекта относительно позиции, из которой наблюдается ситуация в какой-то конкретный момент. Или иными словами, контекстуализацию референта» [Там же, с. 56].

II.4.1. «Категория отдаления»

Исходным тезисом дальнейшего исследования служит утверждение о том, что в основе датской грамматической системы лежит противопоставление *пережитой реальности (den oplevede virkelighed)*, в центре которой находится говорящий, всем разнообразным проявлениям ***от****дaления* от этой непосредственно воспринимаемой реальности.

Для авторов новейшей академической датской грамматики датского языка [Hansen, Heltoft 2011] «категория отдаления» является ключевой. Именно она позволяет объяснить системную омонимию форм реалиса и ирреалиса в датском языке. Так, грамматическая семантика датского претерита может трактоваться «либо как расстояние до мира, который рассматривается как воображаемый, гипотетический, либо как мир, который рассматривается как реальный, фактический, но отстоящий во времени» [Hansen, Heltoft 2011, 648]. Темпоральную систему, сложившуюся в современном датском языке, авторы предлагают называть «системой отдаления» (afstandssystemet) и подчеркивают, что датская система отдаления «ligger skævt mellem tid og realitet» [Hansen, Heltoft 2011, 649].

Эта весьма трудная для перевода формулировка, буквально означающая «лежит косо между временем и реальностью», может быть наглядно проиллюстрирована той пространственной структурой темпоральных форм датского глагола, которая была предложена нами в результате психолингвистического эксперимента по выявлению особенностей визуализации датскими информантами биографических событий (рис. 26), предварительный вариант которого (рис. 25) был представлен в предыдущем подразделе, но который, в связи с его принципиальной важностью для дальнейшего изложения, мы считаем уместным привести здесь еще раз.

Важно подчеркнуть, что континуум удаленности от точки настоящего совпадает с континуумом структурной усложненности соответствующих аналитических форм, то есть что, *чем в более удаленной перспективе (реальной или воображаемой) от концептуализатора находится событие, тем более сложной аналитической формой эта удаленность маркируется*. Причем наибольшая дистанция (как временн*а*я, так и эпистеми-

Рис. 26

ческая), как это видно из схемы, оказывается расположенной по диагонали, то есть, в буквальном смысле, «*ligger skævt*» – «лежит наискось» (!) – между простейшей формой презенса и наиболее сложной из форм ирреалиса, образованной сочетанием претерита модального глагола с перфектным инфинитивом. Таким образом, антропоцентричность и системоцентричность описания дополняют друг друга, углубляя наше понимание когнитивных основ грамматической семантики форм датского глагола.

Это значит, что в датском языке *категория отдаления* обслуживает задачи перспективизации как реальных, так и воображаемых событий, что нередко наблюдается в рамках одного высказывания:

*Det **forekommer mig*** (Ситуация 1: момент речи – **дистанция 0**) *at vi en enkelt gang **var** på tomandshånd ... og at hun i et forsøg på en fortrolighed ... **fortalte** mig om et hus* (Ситуация 2: удаленность от момента речи в реальное прошлое – **дистанция 1**), *hun **havde boet** i, sammen med flere andre narkomaner, og hvordan de **havde sovet** i en stor bunke og om natten simpelthen **rakt ud efter** den, der lå nærmest* (Ситуация 3: удаленность от момента прошлого в предшествование – **дистанция 2**)*... og jeg **så** for mig en Hieronimus Bosch-scenarium.* (Ситуация 2: удаленность в прошлое – **дистанция 1**). *Og jeg **burde have undt** hende al den lykke* (Ситуация 4, удаленность от момента прошлого в воображаемую ситуацию, **дистанция 3**), *hun kunne få. Men det **gjorde** jeg ikke* (Ситуация 2: удаленность в прошлое). (Hesselholdt 2010, 10). ‘Мне *кажется*, что как-то раз мы *остались* наедине … и что она, пытаясь вызвать меня на откровенность, *рассказала* о доме, в котором *жила* вместе с другими наркоманами, и как они *спали* вповалку и ночью просто *тянулись* к тому, кто лежал ближе … Я *представила* сцену из Иеронима Босха … Мне *следовало бы* тогда порадоваться ее счастью, но я не радовалась’.

Если разместить отмеченные в данном примере четыре темпоральные ситуации на Рис. 26, приведенном выше, то окажется, что темпоральные формы, выражающие их в датском языке, действительно, геометрически окажутся на разной удаленности от субъекта речи (дистанция 0 < дистанция 1 < дистанция 2 < дистанция 3), что соотносится с последовательным усложнением используемой грамматической формы предиката: *forekommer – fortalte – havde boet – burde have undt*, что создает эффект телескопической перспективизации.

II.4.2. Перфектная перспективизация

Тенденция к усилению дистанцирующей перспективизации наглядно проявляется и в активизации в датском языке такой относительно новой темпоральной формы как **двойной перфект**. Это явление, которое раньше воспринималось как диалектная и грамматически неправильная форма [Sproghandlinger 1988, 12–15], начинает все более активно использоваться как в устной речи, так и в средствах массовой информации, и в Интернете. Проблеме исследования ее семантики был посвящен целый ряд работ [Glismann 1989, Harder1989, Hansen 2011, Brøcker 2015, Крылова 2018]. В последней из названных работ убедительно доказывается, что одним из значений датского двойного перфекта является значение «недостижение субъектом действия реального результата» [Крылова 2018, 35–36]: *Jeg **har haft købt** en bluse i en af jeres butikker, men prøver at finde frem til, om de giver penge retu*r «Я купила себе блузку в одном из ваших магазинов, но сейчас пытаюсь выяснить, возвращают ли они деньги».

О том, что целостное значение данной конструкции «исключает функцию результативного перфекта», сохраняя функцию префекта характеризации (statusperfektum), писал ранее и Эрик Хансен [Hansen 2011, 716]. В рамках нынешнего исследования для нас принципиально важно подчеркнуть, что в любом случае сохраняется общая закономерность, согласно которой «использование двойного перфекта *отодвигает* событие и его релевантность в предшествование» – «*forskyder* <выделено мной, Д.Н.> begivenhed og relevansforhold til førtiden» [Hansen 2011, 712]. Особенно это заметно на примерах совместного употребления форм простого и двойного перфекта: *Hun **har haft ringet** til dig, men hun **er rejst** til Moskva nu, så du kan ikke ringe tilbage* (Hansen 2011, 712) ‘Она звонила тебе, но сейчас уехала, так что ты не можешь ей перезвонить’.

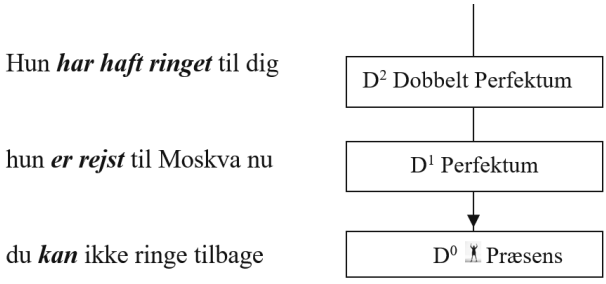

Рис. 27

Если учесть, что по результатам упомянутого выше психолингвистического эксперимента датские информанты обычно располагали актуальные биографические события на линии прямо перед собой, то становится понятно, что визуально ближайшие актуальные события буквально «заслоняют» от перцептора предшествующие актуальные события, что закономерно отменяет их результативность для настоящего. В этом плане интересно наблюдение сделанное Э.Б. Крыловой в более поздней статье на тему двойного перфекта, подтверждающее наше наблюдение о том, «основной грамматической функцией формы двойного перфекта в датском языке является темпоральное дистанцирование говорящего от неактуального прошлого», и одновременно отмечающее, что именно в результате эффекта темпорального дистанцирования, его «прагматической и дискурсивной функциями являются маркированность актуального настоящего и фокусирование на нем внимания слушающего» [Крылова 2024, 117]. Подробнее о датском двойном перфекте см. следующий подраздел «Семантика двойного перфекта в современном датском языке», выполненный Э.Б. Крыловой.

В рамках антропоцентрического подхода к динамке грамматических явлений важно подчеркнуть, что даже такая, по умолчанию ориентированная на момент речи форма, как перфект, по-датски именуемая *førnutid* – букв. «преднастоящее», начинает в современном датском языке участвовать в усилении такой базовой для грамматической семантики датского языка категории как дистанцирование, создавая *эффект телескопической перспективизации*.

Семантика двойного перфекта в современном датском языке

Нельзя сказать, что форма двойного перфекта появилась только сейчас. Данная конструкция встречалась в устной речи и раньше, отдельные примеры ее использования были зафиксированы в 1920-х годах (однако в научных работах Расмуса Раска тоже встречается такая форма, возможно, выведенная чисто теоретически). Действительно, до сих пор ее использование в речи воспринималось как диалектная особенность или просто как неграмотность [Sprogligheder 1988, 12–15].

Собранный журналом Maal og Mæle материал свидетельствует, однако, о том, что эту форму нельзя отнести к какому-то одному диалекту, хотя она, прежде всего, характерна для зелландского, но и в других островных диалектах форма тоже присутствует.

Все более активное использование данной глагольной формы не только в устной речи, но и в средствах массовой информации, и в социальных сетях заставляет исследователей обратить на нее пристальное внимание, попробовать определить ее статус и описать ее семантические и функциональные особенности.

Поуль Дидериксен в работе Elementær dansk grammatik в 1970 г., коротко фиксируя наличие в языке данной формы, определяет ее как двойной перфект. Данный термин используется и в дальнейшем в тех немногих исследованиях, которые посвящены анализу значений перфектной формы перфектного инфинитива по сравнению с классической формой перфекта, то есть:

at købe – har købt *at have købt > har haft købt,*
at ringe – har ringet *at have ringet > har haft ringet*.

В нескольких статьях, которые нам удалось найти, посвященных данной теме, датские исследователи пытаются выявить особенности значения двойного перфекта в речи по сравнению с классической формой перфекта, например:

Jeg har skrevet brevet – jeg har haft skrevet brevet [Glismann 1989, 6].

Сравнение двух перфектных форм приводит датских исследователей к выводу о том, что, если результат действия в прошлом, выраженного формой грамматического перфекта, является актуальным и значимым для момента речи, то результат такого действия, выраженного формой двойного перфекта, был актуальным для какого-то момента в прошлом, но на момент речи не является таковым, например, результат совершенного действия может к моменту речи измениться [Harder 1989, 12]. В качестве доказательства этого вывода приводятся такие примеры, как:

*Nu er du beskidt og jeg **har** lige **haft vasket** dig* [Otto Glismann 1989, 8]. ‘Ты опять испачкался, а я тебя только что помыла’.

Min mor har repareret min cykel (så den kører godt) ‘Мама отремонтировала велосипед (так что он на ходу).

*Min mor **har haft repareret** min cykel (så den har været i orden, men min søster væltede med den i nat).* [Anne Jensen, NyS: 2001/1, 3] ‘Мама отремонтировала велосипед, (так что он был на ходу, а сегодня вечером сестра опять его сломала).’

Последние два примера отличаются тем, что в первом случае форма *har repareret* свидетельствует о том, что действие, т.е. ремонт велосипеда, было выполнено до момента речи, результатом чего на момент речи является велосипед, на котором можно ехать. Во втором примере ремонт был выполнен до момента речи, велосипед был отремонтирован, но этот результат к моменту речи мог измениться, как в данном случае. Т.е. между моментом, когда велосипед был сломан, и моментом речи, когда он снова сломан, был момент, когда он был на ходу, потому что его починили. Об этом свидетельствует форма двойного перфекта.

Анализ собранного материала показывает, однако, что в настоящее время наиболее актуальной функцией использования двойного перфекта в датской речи является выражение значения отсутствия на момент речи результата, ожидаемого субъектом от предпринятого в прошлом действия, выраженного второй формой глагольного причастия:

*Guderne må vide, hvor mange gange jeg i årets løb har gentaget mig selv og mit gamle forhastede mønster. Dette til trods for, at jeg utallige gange **har haft lovet** mig selv at passe på.* ’Только Богу известно, сколько раз в течение года я срывался и вел себя как прежде. И это все вопреки тому, что многократно обещал себе этого не делать’ – обещал себе, но не выполнил.

Jeg har haft prøvet kjolen og havde den på i en time. Jeg kom desværre til at købe den for stor. ‘Я мерила это платье и пробыла в нем целый час. Но, к сожалению, купила то, которое мне велико’ – сначала долго мерила платье, но потом купила то, что не подошло.

При этом говорящий, используя двойной перфект, может как более подробно описывать сложившуюся ситуацию, так и непосредственно самой глагольной формой сигнализировать о недостижении в результате предпринятого им действия желаемой цели:

Jeg ***har*** *lige nu* ***haft prøvet at købe*** *et klippekort til 3 film. Pengene er reserveret på kortet, jeg har modtaget en bekræftelse via e-mail, men klippekortet bliver ved med at ligge i "indkøbskurven" på jeres hjemmeside. Dvs. jeg kan ikke bruge klippekortet*. 'Я только что пыталась купить абонемент на 3 фильма. Деньги на моей банковской карточке заблокированы, подтверждение об этом пришло на мой электронный адрес, но абонемент по-прежнему находится в корзине на вашем сайте. То есть, я не могу им воспользоваться'.

Jeg ***har haft købt*** *en bluse i en af jeres butikker, men prøver at finde frem til, om de giver penge retur.* 'Я купила себе блузку в одном из ваших магазинов, но сейчас пытаюсь выяснить, вернут ли мне за нее деньги'.

Выявленную в ходе анализа семантику двойного перфекта можно, очевидно, связать со значением контрафактива (ситуация могла случиться в прошлом, но уже не случилась). Контрафактив маркируется показателем ирреалиса, в котором используется форма перфектного инфинитива:

Jeg skulle have sagt*, jeg elsker dig*. 'Мне надо было сказать, что я люблю тебя'.

Jeg ***ville*** *gerne* ***have haft*** *flere børn*. *Men det lykkedes ikke*. 'Мне очень хотелось иметь больше детей. Но не получилось'.

Значение ирреальности, неосуществленности в прошлом желаемого или необходимого, с точки зрения говорящего, действия, формируемое с помощью перфектного инфинитива, способствовало, возможно, образованию от него формы двойного перфекта для передачи значения недостижения желаемого в результате совершения действия, выраженного формой перфектного инфинитива.

Немногочисленность глаголов, способных употребляться в форме двойного перфекта, обусловлена его прагматическим значением. Таких глаголов насчитывается около 30, среди них ringe, købe, snakke, spørge, prøve, reparere и др. Наиболее частыми примерами использования двойного перфекта в датской речи являются случаи его употребления с глаголом ringe 'звонить':

Jeg har fået dit navn og adresse og ***har haft ringet*** *til dig*. 'Я узнала твое имя и адрес и пыталась дозвониться до тебя'.

Об этом свидетельствует и исследование Карен Брёкер, проведенное только на материале примеров употребления формы *har haft ringet* в разговорной речи датчан [Brøcker 2015, 2–29]. При этом необходимо подчеркнуть, что характерная для семантики данной формы от глагола ringe «звонить» многократность действия является необязательной для значения двойного перфекта в целом, а складывается только в данном конкретном случае.

Jeg ***har*** *tidligere* ***haft spurgt*** *til bamser, hvilket I ikke kender til – så jeg kontaktede firmaet …* 'Я раньше уже спрашивала у вас о плюшевых мишках,

о которых вы ничего не знаете, так что я связалась с фирмой' (там сказали, что они есть в магазине).

Hej Charlotte. ***Har haft skrevet*** *en kommentar til dette 2 gange. Er mine spørgsmål forsvundet? (ilovebeauty.dk)* 'Привет, Шарлотта. Уже дважды писала свой комментарий к этому сообщению. Мои вопросы исчезли'?

Hej. Tak for dit svar. Jeg ***har haft snakket*** *med min kæreste flere gange. Men han holder det stadig hemmeligt.* 'Спасибо за ответ. Я уже много раз говорила об этом с моим парнем. Но он по-прежнему все скрывает'.

Подтверждение правильности вывода о значении двойного перфекта мы находим в отрывке из приведенного в указанной работе диалога между радиоведущим и девочкой, позвонившей ему, чтобы рассказать о том, что ее бьют родители. Услышав об этом, ведущий спрашивает девочку, знает ли она, что ей может помочь социальный работник. Девочка отвечает, что знает и что она разговаривала с ним:

– Ja, jeg ved, jeg ***har haft snakket*** *med hende. 'Да, я знаю, я говорила с ней'.*

– Du ***har snakket*** *med hende ... og hvad siger hun?* [Brøcker 2015, 2–29] 'Ты говорила с ней … и что она говорит?'

Как видно из приведенного выше диалога, девочка в своем ответе использует форму двойного перфекта, чтобы показать, что беседа с социальным работником не дала реальных результатов, которые бы ее устроили. Радиоведущий, повторяя за девочкой заменяет в ответной реплике форму двойного перфекта *har haft snakket* на, казалось бы, правильную *har snakket*, не для того, чтобы исправить грамматическую ошибку, а для того, чтобы узнать подробности о содержании их беседы, он повторяет за девочкой эту фразу, но заменяет при этом двойной перфект грамматическим, чем вызывает ее на продолжение разговора. В этом контексте его дальнейший вопрос логичен.

Необходимо заметить, что адекватная передача на русском языке таких закодированных в грамматических формах датского языка прагматических смыслов практически невозможна. В ряде случаев, однако, значение «недостижение субъектом действия реального желаемого результата» может быть передано при помощи конструкции «пытаться что-то сделать» в форме прошедшего времени. Так, сравнение двух вырванных из более широкого контекста высказываний, одинаковых по содержанию, но с разной формой перфектного сказуемого, позволяет нам в результате проведенного анализа выявить нюансы их значений и перевести их на русский язык следующим образом:

Din far ***har ringet*** *til dig*. 'Тебе звонил отец'.

Din far ***har haft ringet*** *til dig*. 'Твой отец пытался дозвониться до тебя'.

Таким образом, анализ примеров употребления в речи датчан форм двойного перфекта свидетельствует о том, что носители языка с целью оптимизации коммуникации и экономии языковых средств используют потенциал его грамматической системы для выражения новых прагматических значений, что скорее можно отнести к языковым находкам, чем к аномалиям. При этом основной грамматической функцией формы двойного перфекта в датском языке является темпораль-

ное дистанцирование говорящего от неактуального прошлого, а прагматической и дискурсивной функциями являются маркированность актуального настоящего и фокусирование на нем внимания слушающего.

II.4.3. Таксисная перспективизация

Еще заметнее грамматическая семантика дистанцирования проявляется в случае таксисной перспективизации. В понимании Р. Якобсона, впервые использовавшего термин *таксис* для обозначения категории временной относительности, о таксисе как об особой грамматической категории глагола можно говорить лишь тогда, когда в языке существуют те или иные специализированные глагольные формы, маркирующие временную локализацию *таксисной ситуации* относительно *опорной*. Согласно Якобсону, таксис – это не-шифтерная категория, безотносительная к факту сообщения: «таксис, характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения (в отличие от времени, характеризующего сообщаемый факт по отношению к факту сообщения» [Бондарко 1990, 504]. Вместе с тем, мы хотим подчеркнуть, что именно таксисные отношения, выражая «временную соотнесенность» [Смирницкий 1959], участвуют в *расширении временной перспективы говорящег*о, усиливая эффект временной отдаленности от позиции концептуализатора-повествователя. При этом довольно часто возникает эффект, который мы предлагаем называть «телескопическая перспективизация», когда сочетание лексических ориентиров и форм претерита и плюсквамперфекта создает телескопический эффект предшествования предшествованию:

В качестве иллюстрации обратимся сначала к переводу пассажа из романа Кристины Хессельхольдт, где героиня вспоминает свое пребывание в Африке: *'В тот день **подавали** рис с бобами в томатном соусе с луком и кусочками авокадо. Снаружи то же самое блюдо на кострах **готовил**и африканские женщины. Я **видела** это по пути в столовую. Я **проходила** мимо них утром того дня. **Тогда** женщины **сидели** перед хижинами и **смотрели**. Маленький Джони **упал** и **поранил** палец ноги об острый камень. Я **схватила** его и **побежала** к медсестре в главное здание ...'*

Все предикаты русского текста выражены формами прошедшего времени, причем большинство из них – формами несовершенного вида. За счет этого возникает эффект *наблюдаемости процесса*, когда «автор ставит читателя в позицию участника и вместе с тем свидетеля того, что происходит. Создается образ *совместного* <выделено мной Д.Н.> восприятия» [Бондарко 2004, 278].

Тем самым, в русском переводе последовательность событий оказывается грамматически нейтрализованной, зато усиливается эмпатия повествования. Это создает внутреннюю перспективу наблюдателя = повествователя = концептуализатора.

Если же обратиться к датскому оригиналу, то обнаруживается, что здесь грамматическими средствами четко выстраивается линия временной перспек-

тивизации: **Den dag *blev der serveret*** *ris med bønner i tomat og lidt løg og dertil avocadoskiver. Udenfor, over bålene,* ***kogte*** *den samme bønneret i de afrikanske kvinders gryder.* (Ситуация 1, **дистанция 1, Præt**). *Det* ***havde*** *jeg* ***set*** *på vej til spisesalen. Jeg* ***havde passeret*** *kvinderne* **tidligere på dagen** (Ситуация 2, **дистанция 2, Plkvp**), **da *sad*** *de foran deres hytter og* ***kiggede*** (Ситуация 2, **дистанция 2, Præt**). *Lille John* ***var faldet*** *og* ***havde*** *næsten* ***fået skåret*** *storetåen over på en skarp sten*. (Ситуация 3, **дистанция 3**, **Plkvp**). *Jeg* ***greb*** *ham og* ***løb*** *imod sygeplejerskens revir i hovedbygningen* (Ситуация 2, **дистанция 2, Præt**). (Hesselholdt 2010, c. 60).

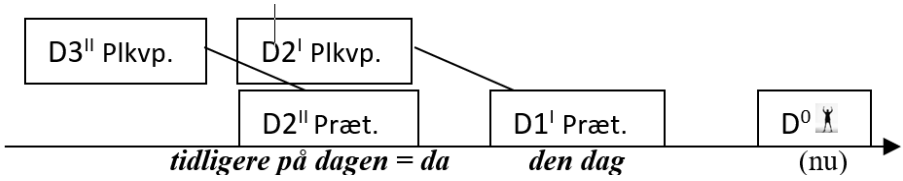

Рис. 28

За счет этого ситуации организуются в строгой временной последовательности, которую как бы извне обозревает повествователь (внешняя перспектива наблюдателя):

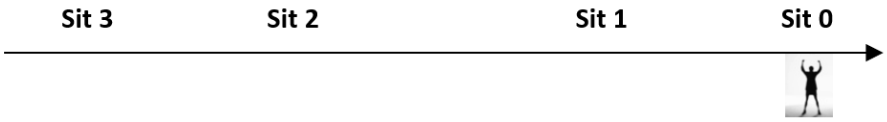

Рис. 29

Общая идея состоит в том, что таксисная перспектива дистанцирует повествователя от ситуации. Помимо временной соотнесенности действий в прошлом, выражаемой сочетанием претерита и плюсквамперфекта, это особенно заметно в ситуациях, когда будущее время персонажа повествования для самого повествователя объективно относится к прошлому:

”Miskundhed og Sandhed mødes, kære Brødre,” sagde provsten. ”Retfærd og Fryd skal kysse hinanden”. Og den unge mands Tanker var ved det Øjeblik da Lorens og Martine ***skulde kysse*** *hinanden.* (Blixen). «Милость и истина встретятся, дорогие Братья, – говорил пробст. – Правда и мир облобызаются». А молодой человек в этот миг *думал* о лобызаниях, какими *обменяются* друг с другом Лоренс и Мартина».

Из сопоставления оригинала и перевода видно, что для грамматического представления времени в русском языке характерно «совместное» существование повествователя и субъекта повествования в «общем» для них временном пространстве: грамматическое прошлое повествователя равно грамматическому прошлому героя, а грамматическое будущее повествователя равно грамматическому будущему героя. Таким образом, грамматическими средствами русского языка формируются три временные области:

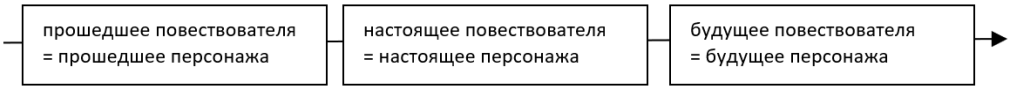

Рис. 30

В отличие от русской темпоральной системы в плане концептуализации времени датская система относительных времен предполагает *несовпадение временной перспективы говорящего и персонажа*:

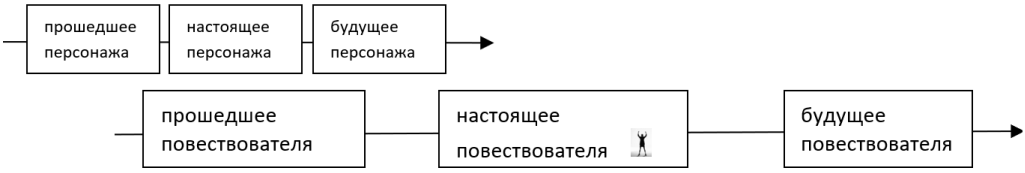

Рис. 31

Таким образом, по формализованном в языке правилам говорящий – хочет он того или нет – смотрит на повествование из своей временной перспективы, отличной от временной перспективы персонажа. То есть сама грамматическая система датского языка создает когнитивные предпосылки для последовательного дистанцирования повествователя от субъекта повествования.

II.5. НАРУШЕНИЕ «СОГЛАСОВАНИЯ ВРЕМЕН» В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ

На скандинавском материале исследователи не раз отмечали, что нарушение правил согласования – явление широко распространенное, что «вопрос о норме употребления форм должен рассматриваться отдельно для разных коммуникативных планов» [Локштанова 1984, с. 80] и что выбор несогласованного времени зависит оттого, что занулевую точку отсчета берется не «тогда», а «сейчас» [Берков 1978, с. 54].

В данном разделе мы хотели бы представить классификацию типов нарушения формального согласования в современном датском языке, применив антропоцентрированный подход к анализу материала.

Представляется целесообразным оговорить некоторые термины, которыми мы будем пользоваться для описания анализируемого далее языкового материала.

Как указывал Карл Бюлер, в основе указательного поля человеческого языка лежит позиция Origo, формируемая понятиями hier ‘здесь’, jetst ‘сейчас’, ich ‘я’, задающими «*систему координат субъективной ориентации*, во власти которой находятся и будут находиться все участники общения» [Бюлер 1993, 95]. В полной мере эта система координат реализуется в «канонической речевой ситуации, ког-

да есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени; имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга» [Падучева 2008, 412]. В нарративной же ситуации, будь то информационное сообщение, или художественный текст, реализуется «вторичный дейксис», ориентированный относительно субъекта повествования. Вместе с тем, для любого речевого произведения, будь то устное высказывание, газетное сообщение или художественный текст может быть эксплицирована позиция «здесь и сейчас» его автора. Именно *автор*, *продуцент* речевого произведения, остается *первичным субъектом.*

Понятие перспективизации тесно связано с возможностью построения «*множественной перспективы*», что позволяет описывать отношения между главным и зависимым предложением, а также выявлять разнообразные «*сдвиги дейктического центра в предложении*» [Ирисханова 2014, 58]. Сдвиги дейктического центра происходят тогда, когда ситуация представляется автором с точки зрения лица, выступающего в качестве *референциального субъекта* – как устного речевого высказывания, так и нарративного текста.

Казалось бы, речь идет об универсальном свойстве человеческой психики, отраженном в человеческом языке – способности становиться на место другого человека, сопереживать другому человеку и видеть ситуацию его глазами. Однако, если мы сопоставим, как происходит сдвиг дейктического центра в датском языке по сравнению с русским, то обнаружим, что грамматическая категоризация средствами датского языка задает иной стереотип создания «множественной перспективы».

II.5.1. Согласовательная норма: будущее в прошедшем и плюсквамперфект в нарративных текстах

Грамматическая категория «согласования времен» отражает важнейшую для германских языков идею грамматической объективации времени как линии, на которой располагаются события, маркируемые специальными темпоральными формами.

Грамматическое маркирование *предшествования* прошлому событию (плюсквамперфект) мы предлагаем называть ретроспективным согласованием времен, а маркирование *следования после* прошлого события (будущее в прошедшем – проспективным согласованием.

(1) Nu ***forstod*** *han for alvor, at Margot* ***havde sagt****, at hun* ***ville myrde*** *den, der stod bag artiklen* (Berlingske tidende 90). ‘В этот момент он по-настоящему понял, что Марго говорила, что ***убьет*** того, кто стоял за этой статьей’.

Такое нюансированное представление временной последовательности событий относительно друг друга создает в датском языке дистанцированность повествования, свидетельствующую о том, что темпоральное пространство персонажа повествования (*плюсквамперфект – претерит – будущее в прошедшем*) не совпадает с темпоральным пространством повествователя (*претерит – презенс – футурум*).

Для того, **чтобы создать эффект множественной перспективы**, датский автор вынужден использовать специальные лексические и синтаксические приемы приближения внутренней речи персонажа к читателю.

Рассмотрим пример из романа Иды Йессен «Азбучная история», где, на первый взгляд, представлено классическое «согласование времен», когда ментальный предикат в претерите (***havde*** *en fornemmelse*) вводит форму будущего в прошедшем (***ville kunne*** *ødelægge*):

(2) *Han* ***havde*** *en fornemmelse af, at han* ***ville kunne*** *ødelægge Susan, knuse hende, hvis han gav efter for den stemme, der uafladeligt hviskede i ham, at* ***nu var*** *det nok,* ***her gik*** *grænsen.* (I.Jessen) ‘Он ***чувствовал***, что ***способен*** прикончить Сюзанну, раздавить ее, если ***пойдет*** на поводу у голоса, который беспрестанно нашептывал: все, ***хватит***, дальше некуда’ (Пер. Н.Федоровой).

Для того, чтобы представить ситуацию с точки зрения персонажа в датском тексте используются *лексические показатели настоящего времени*. Так, наречия ***her*** «*здесь*», ***nu*** «*сейчас*», ***i den sidste tid*** «*в последнее время»* в этом примере отмечают не точку Origo автора повествования, а момент внутренней речи персонажа. Этой же цели служит и *нарушение порядка слов*: вместо нормативного для придаточного предложения порядка s-a-v, здесь использован порядок слов независимого предложения – как если бы это была прямая речь: *Nu var det nok! Her gik grænsen!*

Если же сравнить датский оригинал с русским переводом, то обнаружим, что лексические указания на «здесь» и «сейчас» персонажа в переводе вообще отсутствуют. Почему? – Потому что сближение точек обзора персонажа и автора (того, что в когнитологии принято называть vantage point [Langacker 2008, p.73–75]) задается здесь грамматическими средствами русского языка. Ведь формы настоящего и будущего времени предикатов зависимых предложений будут одинаковы как для выражения точки зрения продуцента текста (автора): *«Он* ***способен*** *прикончить Сюзанну, раздавить ее … Все,* ***хватит****, дальше некуда!*» – так и для передачи точки зрения референта (персонажа): *«<Я>* ***способен*** *прикончить Сюзанну, раздавить ее … Все,* ***хватит****, дальше некуда!*».

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что темпоральное пространство персонажа в датском языке по умолчанию является дистанцированным от темпорального пространства продуцента (и реципиента) текста, то есть, в соответствии с картрированием мира, задаваемым датской грамматикой, «точки обзора» первичного и вторичного субъекта оказываются заведомо различными, тогда как в русском языке регулярно происходит грамматическое сближение точек обзора персонажа и повествователя, что интуитивно усиливает эмпатию по отношению к персонажу.

Все дальнейшее изложение будет посвящено когнитивному объяснению феномена нарушения этого базового для датской глагольной системы правила «согласования времен».

II.5.2. Нарушения проспективной согласовательной нормы

Futurum vs. Futurum in Præterito

Для того, чтобы получить представление об относительной частотности такого типа «рассогласования», когда вместо согласованного «будущего в прошедшем» используется форма несогласованного футурума, в поисковом окне Датского корпуса https://ordnet.dk/korpusdk/ нами были заданы параметры "***sagde*** *at …* ***vil***". На 100 первых примеров (из 2133 употреблений) было обнаружено 7 примеров, отвечающих заданному запросу. Остальные демонстрировали нормативное согласование времен – либо в претеритальном "***sagde*** *at ...* ***ville***", либо в презентном плане "***har sagt*** *at ...* ***vil****"*.

Sagde at … vil + Inf в новостных сообщениях

(3) *Forsvarsministeren* ***sagde****, at det* ***vil være*** *nødvendigt at indsætte styrker fra såvel land-som sø-siden for at tvinge irakerne op af deres nedgravede stillinger.* (Berlingske Tidende. 91). 'Министр обороны сказал, что ***будет необходимо*** применить как сухопутные, так и военно-морские силы, чтобы выбить иракцев из их укреплений'.

Лишь один пример был не из новостного сообщения, а из прямой речи:

(4) "*Efter synet* ***sagde*** *de til mig, at det* ***vil komme til at koste*** *omkring 50.000 kr. at bringe huset tilbage i den stand, jeg afleverede det i ..."* (Berlingske Tidende 91). 'После осмотра они <представители технической комиссии> сказали мне, что привести дом в то состояние, в котором я его сдавала, ***будет стоить*** около 50 000 крон'

Общим для всех примеров было то, что футуральная перспектива субъекта косвенной речи совпадала с футуральной перспективной автора высказывания. То есть в датском языке употребление футурума в придаточном предложении при предикате речевой деятельности в претерите – и даже в плюсквамперфекте – возможно тогда, когда *события, прогнозируемые референциальным субъектом, являются будущими – т.е. еще не реализованными – и для первичного субъекта*. Тем самым их представление ситуации объективного будущего вербализируется как идентичное для повествователя и субъекта повествования.

Особенности «нормативного» согласования (*sagde at …ville* + *Inf*) в новостных сообщениях

Любопытно сопоставить приведенные выше примеры с теми примерами новостных сообщений из Корпуса, где при предикате главного предложения в форме претерита (***sagde at*** …) предикат зависимого предложения выражается сочетанием ***ville*** **+** ***Inf***. Формально такой предикат совпадет с типичной формой будущего

в прошедшем в нарративных текстах, см. пример (1). Отличие состоит в том, что в актуальных сообщениях прогнозируемое событие является еще не реализованным как для первичного, так и для вторичного субъекта. И, тем не менее, в них зависимое предложение также оформляется формой ***ville + Inf***:

Общим для всех подобных примеров является то, что субъект косвенной речи выражает не объективное положение дел в будущем, а субъективное намерение совершить или не совершить какое-либо действие. То есть здесь всегда присутствует модальный компонент семантики предиката. Семантика датского предиката ***ville + Inf*** оказывается закономерно многозначной: это и *футуральная перспектива* субъекта косвенной речи из момента речи в прошлом (будущее в прошедшем), и **волеизъявление** говорящего в момент прошлой речи (претерит модального глагола ville 'хотеть') и, что особенно важно в плане сопоставления перспективы автора и субъекта сообщения, эпистемическое дистанцирование – сигнал о том, что представление о будущем, желаемом с точки зрения вторичного субъкета, не обязательно совпадет с представлением об объективном будущем с точки зрения первичного субъекта:

(5) *NårstatsministerSchlüterigårpådenkonservativejubilæumskonference**sagde**, at han **ville kæmpe** for at blive og kun træde tilbage, hvis et flertal i Folketinget ønskede det, var det ikke tom retorik* (Berlingske Tidende. 91). 'Когда вчера на юбилейной конференции премьер-министр Шлютер говорил, что ***собирается (будет / хочет / хотел бы)*** бороться за то, чтобы остаться, и уйдет в отставку только если этого пожелает парламентское большинство, это не было пустыми словами'.

Har sagt at … ville + Inf в новостных сообщениях

Проявления «рассогласования» обнаруживаются и в тех случаях, когда предикат речевой деятельности главного предложения выражен формой **перфекта,** например, ***har sagt***, а предикат зависимого предложения – формой **будущего в прошедшем *ville + Inf***.

Предикат главного предложения, выраженный формой перфекта, обозначает повторяемость высказывания и соотносит сообщение с моментом речи. Поэтому нормативным является использование в зависимом предложении футурума: **Sb_1 *har sagt* at Sb_2 *vil + Inf***.

Вместе с тем, в Корпусе на 100 рассмотренных примеров нам встретилось 5 новостных сообщений, в которых при предикате речевой деятельности в форме перфекта был употреблен зависимый предикат в форме ***ville + Inf***:

(6) *Tidligere **har** Frp. **sagt**, at man **ville pege** på lederen af det største borgerlige parti som ny statsminister. Med den udsigt til fremgang som samtlige meningsmålinger spår, **vil** Venstre blive størst, og Uffe Ellemann **ville** så indtil i dag **have kunnet** påregne støtte fra Frp. til sit evt. Statsministerkandidatur. Men jeg mener ikke længere, at det automatisk **skal** være lederen af det største parti, der afløser Schlüter* (B.T.91). 'Ранее в Партии прогресса заявляли,

что новым премьер-министром ***станет*** лидер крупнейшей буржуазной партии. Судя по опросам общественного мнения, Либеральная партия ***будет*** самой крупной, и Уффе Эллеманн до сегодняшнего дня мог ожидать поддержки своей кандидатуры со стороны Партии прогресса. Но я больше не верю, что Шлютера автоматически ***сменит*** лидер крупнейшей партии*'*.

Использованные в тексте лексические показатели (*tidligere* *'*ранее*', indtil i dag* *'*до сегодняшнего дня*', ikke længere* *'*больше не*'*) подтверждают, что футуральный прогноз субъекта повествования – Партии прогресса – потерял свою актуальность для автора текста, хотя прогнозируемое событие (выборы нового премьер-министра) объективно по-прежнему относятся к моменту в будущем, общему для обоих субъектов. Употребление формы ***ville + Inf*** свидетельствует о том, что автор текста дистанцируется от достоверности прогноза Партии прогресса, маркируя тем самым несовпадение взглядов продуцента речи и референциального субъекта на будущее развитие событий. То есть здесь речь идет не о темпоральном, а об эпистемическом дистанцировании.

II.5.3. Нарушение ретроспективной согласовательной нормы

Perfektum vs. Plusquamperfektum в новостных сообщениях

Исследовательница датской глагольной системы Л.М. Локштанова объясняла согласованное или несогласованное употребление форм датского глагола жанровой спецификой текста, противопоставляя согласование форм в художественном нарративе нарушению согласования в газетных текстах [Локштанова 1984]. Мы же предлагаем когнитивное объяснение этого феномена, позволяющее объяснить как случаи сохранения согласования в газетных текстах, так и случаи нарушения согласования в художественном нарративе.

Ведь именно для актуальных газетных сообщений характерно совпадение временной перспективы продуцента новостного сообщения и его референциального субъекта. Так в примере (7) актуальность информации о расходах на вооружение совпадает и для цитируемого политика, и для журналиста, и для тогдашней читательской аудитории, которой это сообщение было адресовано. Нарушение согласования в буквальном смысле делает их «со-временниками», помещая в общее темпоральное пространство.

(7) *Gert Bastian* ***sagde*** *bl.a. at udgifterne til oprustningen* ***har nået*** *svimlende højder*. 'Герт Бастиан сказал, в частности, что расходы на гонку вооружений достигли головокружительной высоты' (L.og F. 1983)»

Если обобщить проанализированные в ходе исследования примеры сохранения согласования в актуальных газетных текстах с точки зрения перспективизации события продуцентом и референтом сообщения, то окажется, что – также как и в отмеченных нами выше случаях согласования будущего в прошедшем – фор-

мальное согласование плюсквамперфекта неизменно отражает дистанцирование точек зрения первичного и вторичного субъекта. Причем такое дистанцирование может быть как темпоральным, так и эпистемическим, когда автор дистанцируется от достоверности взглядов или представлений референциального субъекта. Это особенно заметно в контекстах с путативными глаголами, которые обозначают мнение, не обязательно являющееся достоверным), например *mente* в примере (8), где контекст эксплицирует различие в понимании ситуации референтом сообщения:

(8) *I foråret **mente** amerkanerne på grundlag af satellitfotografier, at Iran **havde samlet** ikke mindre end en halv million mand til det store slag mod Irak. Siden **er** disse bedømmelser **blevet** påfalende mere beskedne og der har i stedet været talt om en kvart million mand* (Inf.1984) ‘Весной на основании спутниковых фотографий американцы полагали, что Иран собрал не менее полумиллиона человек для массированного удара по Ираку. С тех пор оценки стали значительно скромнее и речь шла уже о четверти миллиона’.

Perfektum vs. Plusquamperfektum и Præsens vs. Præteritum в художественном нарративе

В художественном нарративе о прошлых событиях замена согласованного плюсквамперфекта на несогласованный выполняет роль актуализатора прошлого опыта персонажа-повествователя:

(9) *Således **trådte** vi ind i skoven. Det **var** en sløj skov, sparsomt bevokset. Jeg **har** aldrig tidligere **set** en skov med så stor afstand mellem træerne. Hvilke træer det **var**, **kan** jeg ikke sige.* (Hesselholdt 58-59). ‘Так мы вошли в лес. Это был странный лес с редкими деревьями. Никогда прежде я не видела такого расстояния между лесными деревьями, что это были за деревья, сказать не могу’.

Хотя наречие *tidligere,* в отличие от наречия *før*, обычно обозначает предшествование моменту в прошлом и сочетается с формой плюсквамперфекта (ср. *jeg havde aldrig tidligere* и jeg *har aldrig før*), в данном случае оно вводит форму перфекта. В результате возникает эффект темпоральной двухфокусности повествования: рассказчица одновременно повествует о событиях прошлого и дает им оценку из своего настоящего.

Схожую роль экспликатора личности повествователя, если повествование ведется от первого лица, играет замена **согласованного претерита** на **несогласованный презенс**:

(10) Middagen ***var*** på ambassaden, hvor Alma ***var*** æresgæst, og lektoren ***havde glemt*** at meddele, at jeg ikke **spiser** kød (Hesselholdt 34) ‘*Прием проходил в посольстве, где Альма была почетной гостьей, а лектор забыл сообщить, что я не ем мяса*’.

Хотя описываемая ситуация относится к моменту прошлого, актуальность информации, вводимой придаточным дополнительным, сохраняется для повествователя на момент повествования, поэтому использование презенса вместо претерита здесь закономерно.

Præteritum vs. Plusquamperfektum в художественном нарративе

В датском художественном нарративе стандартным проявлением ретроспективного согласования времен служит использование плюсквамперфекта для обозначения более отдаленных во времени эпизодов относительно основной линии развития сюжета в прошлом. В этом случае повествование в плюсквамперфекте, создающее дистанцированную темпоральную перспективу, может охватывать значительные по объему фрагменты текста. Однако в художественном тексте в рамках одного абзаца возможен и обратный переход – от предикатов в форме плюсквамперфекта к формам претерита. Такое «рассогласование» служит языковым приемом перцептивного приближения события к автору (и тем самым к читателю), создавая темпоральный эффект укрупнения плана повествования.

Наглядный пример находим у Кристины Хессельхольдт. Одна из глав ее книги «Camilla og resten af selskabet» посвящена рассказу о пребывании главной героини в Сербии. Повествование ведется от первого лица в претерите. Поездка не задалась, и героиня вспоминает события, предшествовавшие путешествию. Сдвиг в предпрошлое отдаляет временную перспективу повествования, что закономерно маркируется использованием форм плюсквамперфекта. Однако в середине абзаца, в рамках того же эпизода, повествование вдруг переключается на формы претерита, что создает «кинематографический» эффект приближения плана повествования. То место абзаца, где повествование на датском переходит с плюсквамперфекта на претерит отмечено нами значком ⎪:

(11) *Jeg **havde lovet** Edvard at lufte hans hund den eftermiddag, jeg skulle af sted. Han **havde sagt**, at jeg sagtens kunne lade den gå uden snor, men jeg havde nær aldrig fået fanget den igen. Jeg **havde jagtet** den gennem hele Fælledparken og **var endt** på pladsen foran posthuset. ⎪Det **styrtede** ned, hunden og jeg **var** de eneste levende væsener udenfor den søndag eftermiddag, og hunden var gået i ly under posthusets tag, selv **sad** jeg på statuen midt på pladsen og **stirrede** afmægtigt på den, drivvåd og rasende ...Hunden **så** lille og fortabt ud ved siden af søjlerne, men det **skulle** man ikke tage fejl af – så snart jeg **nærmede** mig, **sprang** den med et skævt smil ned ad trinene ...Når jeg igen **indtog** min position i regnen, **gik** den i ly og så fremdeles* (Hesselholdt, 37). ‘Я пообещала Эдварду выгулять его собаку в тот самый день, когда я должна была уезжать. Он уверял, что ее без проблем можно спустить с поводка, но я чуть было ее не упустила. Я гонялась за ней по всему парку и настигла на площа-

ди перед почтой. | Лил дождь. В тот воскресный день мы с собакой были единственными живыми существами на улице, собака укрылась под козырьком почты, а я, насквозь промокшая и злая, присела на скульптуру посреди площади и бессильно взирала на нее. Рядом с колоннами собака казалась маленькой и потерянной, но не стоило обманываться – как только я приближалась, она отскакивала, кривя морду в ухмылке. Когда я опять занимала позицию под дождем, она возвращалась под навес и выглядела совершенно довольной.'

Замена плюсквамперфекта на претерит придает эпизоду самостоятельную ценность, будто повествователь приближает к себе происходящее и как бы рассматривает его «крупным планом» – более пристально и подробно, нежели те события, которые выражены плюсквамперфектом.

II.5.4. Рассогласование предикатов в синтаксических конструкциях

Приближение темпорального фокуса в расщепленных предложениях (*Det er N der Perf; Det har været N der Præt; Det var N der Plqvp*)

Специальной синтаксической конструкцией, используемой в германских языках для смыслового выделения какого-либо члена предложения, служат так называемые *расщепленные предложения*. В академической датской грамматике [Hansen, Heltoft 2011, 1793] функция клефта (sætningskløvning) определяется как «четкое грамматическое маркирование фокуса предложения». С когнитивной же точки зрения фокус всегда связан с перцептивным приближением и укрупнением объекта [Ирисханова 2014]. Это находит отражение в темпоральной соотнесенности главного и зависимого предикатов расщепленного предложения.

Анализ примеров из грамматик и художественных текстов свидетельствует о том, что **нормативным является совпадение временных форм обоих предикатов**. Вместе с тем, при несовпадении темпоральных форм обоих предикатов именно предикат фокусирующей части предложения оказывается темпорально более приближенным к моменту речи. Так, презенс *Det er* в главном предложении может сочетаться с перфектом в придаточном (12), перфект *Det har været* – с претеритом в придаточном (13), а претерит *Det var* – с плюсквамперфектом в придаточном (14):

(12) **Det er** *os der* ***har foreslået*** *det* – 'Это мы это предложили',

(13) *Jeg tror nok at* **det har været** *dig hun* ***tænkte*** *på* – 'я полагаю, это о тебе она постоянно думала' (примеры из [Hansen, Heltoft 2011, 1790-1792]).

(14) **Det var** *en griseslagtning*, *som damen* ***havde overværet*** *som fjortenårig, der* ***havde gjort*** *hende til vegetar.* **Det var** *mange år siden nu* (Jessen 7). 'Вегетарианкой дама сделалась после того, как четырнадцатилетней девочкой стала свидетельницей забоя свиньи. Это было очень давно'

(досл. ‘*Это был забой свиньи*, который дама пережила в четырнадцать лет, что сделало ее вегетарианкой’).

То есть темпоральное рассогласование в расщепленных предложениях служит той же цели, что и сама клефтинговая конструкция – субъективному выделению говорящим какого-либо из аспектов высказывания в качестве его смыслового фокуса, в том числе – за счет его темпорального приближения.

Отдаление темпорального фокуса в предложениях эмотивной оценки (*Det var Adj, at* vs. *Det er Adj, at*)

Исследователи отмечают использование претерита в предложениях эмотивной оценки как характерную особенность датского, шведского и норвежского языков [Hansen, Heltoft 2011, 694]. Авторы подчеркивают, что «эмотивная оценка не относится к прошлому, а указывает на то, что она основывается на непосредственно предшествующем ей опыте». Эффект «рассогласования времен» возникает, если оценочный предикат вводит придаточное дополнительное предложение, например:

(15) *Det* ***var*** *trist, det* ***er*** *lukket*. ‘Жаль, что все закрыто’.

Проанализируем семантические различия между примерами, приводимыми Э. Хансеном и Л. Хельтофтом на с. 695:

(16) *Det* ***er*** *fint at der* ***er*** *penge nok* ‘Хорошо, когда денег хватает’

(17) *Det* ***var*** *fint at der* ***er*** *penge nok* ‘Хорошо, что денег хватает’

(18) Det ***er*** vigtigt at der ***er*** penge nok ‘Важно, чтобы денег хватало’

(19) **!***Det* **var** *vigtigt at der* ***er*** *penge nok* ‘Важно, что «денег хватает»’

В переводах мы стремились эксплицировать семантические различия между датскими примерами средствами русского языка. В примере (16) презенс вводит оценочную сентенцию говорящего, основанную на абстрактном знании. В примере (17) претерит выступает как маркер *эвиденциальности*: говорящий сигнализирует адресату о том, что оценка основана на его собственном перцептивном опыте (talendes oplevelsestid). В примере (18) презенс вводит оценочную сентенцию, основанную на пожелании говорящего, то есть не на его опыте, а на ментальном конструкте. Пример (19) датские авторы отмечают как сомнительный, и подчеркивают допустимость формы претерита только если «говорящий воспроизводит чью-то реплику или мнение» [Ibid. 695], то есть также *обосновывает свою оценку конкретным опытом.*

Таким образом, б*о*льшая эмотивность претеритальной оценочной конструкции по сравнению с презентной связана с усилением субъективной составляющей – отсылке к восприятию конкретной ситуации говорящим. Подчеркнем, что именно отдаление темпорального фокуса создает прагматический эффект «объективации» оценки как основанной на «пережитом опыте» – некоем факте, свидетелем которого стал говорящий.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

Таким образом, исследование датского материала позволяет утверждать, что употребление несогласованных форм в нарративных и новостных текстах имеет единую когнитивную природу, основанную на изменении перспективизации изложения продуцентом текста.

Если стандартная согласовательная норма, построенная на дистанцировании темпоральных пространств продуцента и референта текста по умолчанию обслуживает объективное изложение событий, то ее нарушение всегда свидетельствует об усилении субъективного фактора. Это выражается в темпоральном приближении плана повествования к позиции продуцента текста.

В новостных текстах это проявляется в сближении грамматическими средствами темпорального пространства референта и продуцента текста – как в плане идентичного восприятия актуальности событий, так и в плане идентичного прогнозирования событий.

В художественных текстах это выражается в двухфокусности изложения, когда претеритальный план повествования сопровождается презентными оценками повествователя или когда повествование об отдаленных событиях прошлого, предшествующих основной сюжетной линии, переключается с плюсквамперфекта на претерит, создавая эффект темпорального приближения и тем самым «укрупняя» план повествования.

Нарушение нормативного согласования в некоторых синтаксических конструкциях также способствует усилению субъективного фактора говорящего. В выделительных конструкциях это происходит за счет эффекта темпорального приближения фокуса информации, а в конструкциях эмотивной оценки – за счет темпорального дистанцирования оценки, объективно связанной с моментом речи, но основанной на субъективном опыте говорящего.

II.6. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

II.6.1. Взаимосвязь с метафоризацией времени в художественной литературе

В качестве эпиграфа к одному из предыдущих разделов о грамматической концептуализации времени нами было использовано высказывание Н.А.Бесединой о том, что «грамматические категории задают систему координат», «в рамках которых осуществляется языковое осмысление мира» [Беседина 2010, 206–211]. В предлагаемом ниже разделе мы хотели бы проиллюстрировать то, как эта «система координат», пространственная организация которой была эксплицирована нами в ходе психолингвистического эксперимента с датскими информантами,

определяет специфику осмысления времени в произведениях датской художественной литературы.

Задача данного раздела состоит в том, чтобы на материале самого значительного современного датского романа о времени, книги Питера Хега «De Måske egnede», проследить, как авторская метафора времени, являющаяся ключом для понимания замысла всего произведения, соотносится с выявленной нами ранее (см. рис. 26 на с.) пространственной структурой датских темпоральных представлений.

Название книги Хега переводится как «Условно пригодные». Роман повествует о трех воспитанниках детдома, которые вступают в конфликт с неукоснительным распорядком и дисциплиной, навязываемым детям воспитателями этого закрытого заведения. Ощущение своего несоответствия жесточайшим требованиям ежедневно совершенствоваться, развиваться, достигать новых успехов, приводит их к почти физическому ощущению «выпадения» из линейного времени, царящего в интернате.

Роман построен на противопоставлении двух ключевых метафор. Первая из них – метафора *ножа времени*, скребущего по поверхности вселенной – олицетворяет механическую бесчеловечность линейного времени. Вторая – метафора *паутины* как способа ощущения мира соткавшим ее пауком – связывается с идеей гармоничного природе цикличного времени.

Для целей нашего изложения важно обратить внимание на два момента: во-первых, какие пространственные представления оказываются актуализированными в метафорах Хега, и, во-вторых, какие смысловые искажения и языковые трансформации наблюдаются при художественном переводе этих ключевых метафор на русский язык.

Говоря о линейном восприятии времени, Хег создает сложный и весьма необычный для русского читателя метафорический образ:

(1) *Den lineære tid må man tænke sig som et uendelig stort knivsblad, der skraber hen over universet, og samtidig trækker det med sig. Bag sig efterlader det en uendelig bred stribe af fortid, foran sig har det fremtiden, på knivsæggen ligger det nu, hvori vi lever* (s. 221). ‘Линейное время можно представить себе в виде бесконечно большого лезвия ножа, которое рассекает вселенную, одновременно соскребая часть ее и унося с собой. Позади него – бесконечно широкая полоса прошлого, впереди – будущее, на самом лезвии находится то настоящее, в котором мы живем’ (с. 252-253).

Какие же пространственные представления проявляются в этой метафоре?

1) Нож времени *«соскребает» в настоящее «следы» из прошлого*: et ***uendelig stort knivsblad***, *der skraber* ***hen over*** *universet.* Пространственное наречие *hen* обозначает движение по направлению *к наблюдателю*, то есть по направлению к настоящему моменту, а наречие *over* – движение по *плоскости.* Ср. искажения в русском переводе: ‘*рассекает* вселенную’ ‘*унося с собой*’, то есть как бы «проникает вглубь» и «уносит прочь», тогда как здесь, скорее, уместен перевод

‘соскребает’, ‘таща вслед за собой’: *samtidig* ***trækker det med sig***. Согласно метафоре Хега, *следы из прошлого переносятся в настоящее*. Это явное метафорическое воплощение грамматических смыслов актуализации, заложенных в семантике датского перфекта настоящего времени, именуемого в датской грамматической традиции førnutid «преднастоящее».

2) Метафорическое представление настоящего времени оказывается у Хега значительно сложнее, нежели представление о *точке* на линии, чего можно было бы ожидать, исходя из самого понятия *линейное* время. Настоящее – это ***et uendelig stort knivsblad*** ‘бесконечно большое лезвие ножа’, то есть некая линия*, опасная черта*, отделяющая прошлое от будущего. Мы живем как бы «*на лезвии настоящего»* (*på knivsæggen*), между расположенными по обе стороны от лезвия *«плоскостями* («широкими полосами» дат. *stribe) прошлого* и *будущего»*: ***Bag sig*** *efterlader det* ***en uendelig bred stribe*** *af fortid,* ***foran sig*** *har det fremtiden, på* ***knivsæggen*** *ligger det* ***nu****, hvori vi lever.* ‘Позади него – бесконечно широкая полоса прошлого, впереди – будущее, на самом лезвии находится то настоящее, в котором мы живем’.
3) При представлении линейного времени как ножа, соскребающего вселенную, реально может быть *виден* лишь пройденный путь – та широкая *полоса*, которую нож уже успел «проскрести» во вселенной, а именно ***плоскость прожитого прошлого,*** **вплоть до *черты*** *(rand)* ***настоящего*** включительно. Эта идея получает дальнейшее метафорическое подтверждение в романе.

С одной стороны, в тексте постоянно возникают метафоры ощущения «последней черты», «края обрыва» (Примеры 2 и 3):

(2) *Da* ***presses*** *man stille og roligt mod* ***afgrundens rand*** (s. 259) ‘Тогда тебя тихо и незаметно толкают к *краю пропасти*’ (с. 296).

(3) *Vi* ***stod ved randen****, vi* ***havde nået en grænse****. For hvor langt man med tidsinstrumentet kunne presse den menneskelige natur*. (s. 261) ‘Мы оказались *у края пропасти*, мы *дошли до предела*, предела тому, насколько при помощи инструмента времени можно оказывать давление на человеческую природу’. (с. 298)

То есть лезвие настоящего – это одновременно и *край, черта* (***rand)***, и *граница* (*grænse*), и *обрыв вниз*, в пропасть неведомого (***afgrundens rand)***.

С другой стороны, чрезвычайно интересна сопряженная с ключевой метафорой «ножа времени» метафора ощущения линейности времени как *«света»* и отсутствия такового как *«тьмы»,* расположенной *«внизу»* (***nede i mørket***):

(4) *De ville ikke vide af den tanke, at nogle elever var* ***nede i mørket****. De ville slet ikke vide af mørket, alt i universet skulle være lys.* ***Med lysets kniv*** *ville de* ***skrabe mørket rent*** (s. 227). ‘Они даже думать не хотели о том, что некоторые ученики пребывали в *темноте*. Они вообще не хотели знать о темноте, все во вселенной должно было быть светом. *Ножом света* они хотели *отчистить темноту* добела’ (с. 260).

Эта метафора возникает в романе значительно позже, чем приведенная выше ключевая метафора линейного времени как лезвия ножа. Тем не менее, обе метафоры, безусловно, связаны концептуально.

Важнейшим ключом для понимания специфики концептуализации времени в датском языковом сознании является пространственная составляющая данной метафоры, закономерно утрачиваемая в русском переводе, но полностью соответствующая пространственной организации датских темпоральных представлений, выявленных нами в ходе описанного выше психолингвистического эксперимента. Ведь, по Хегу, нож света – это тот же нож линейного времени, который «соскребает темноту» со вселенной (*Med lysets kniv ville de skrabe mørket rent*). Но самое главное – это, что все то, что не соответствует линейному представлению времени, оказывается не просто «в темноте», но, согласно датскому оригиналу, «***nede* i mørket»**, то есть «***внизу* в темноте**»! Свет линейного времени как бы «*скребет по поверхности»* объективной реальности, двигаясь по ней из прошлого, выражаемого в датском формами datid, førdatid, førnutid, в четко запланированное будущее, выражаемое в датском языке формой nutid.

Таким образом «освещенным», то есть «*четко видимым*», согласно этой метафоре, является именно когнитивный план «пережитой реальности» (den oplevede virkelighed):

(5) *Det som er sket, fra Augustin til Newton, er at man har* ***fjernet mennesket fra tiden*** *… Den er blevet* ***objekti****v. Altså* ***befriet for menneskelig usikkerhed****.* (s. 231) ‘В промежутке времени от Августина до Ньютона случилось то, что *человека удалили из времени* – оно стало *объективным*, то есть свободным от *неуверенности* человека‘ (с. 265).

(6) *De ville* ***løfte*** *de uforståelige og mørke og tvivlsomme børn* ***op i lyset*** (s. 230) ‘Они захотели *поднять* непонятных им *темных и сомнительных* детей *вверх, к свету’* (с. 264).

То есть, согласно метафоре Хега, к «объективному» времени человека насильно *«поднимают»*. Тогда как сомнения, неуверенность остаются «*внизу», «в темноте»*.

«Внизу в темноте» (nede i mørket), остаются все неточные предположения, прогнозы, ирреальные допущения и тому подобные субъективные составляющие восприятия времени. И это метафорическое представление Хега удивительно точно соответствует результатам описанного нами ранее перцептивного эксперимента восприятия времени датскими информантами. Кроме того, оно подтверждается теми формулировками, которые использовали участвовавшие в эксперименте датчане, когда говорили о предполагаемых или прогнозируемых событиях: «Датские информанты испытывали ощутимо бо́льшую сложность в визуализации будущих событий по сравнению и с русскими и с американцами. Многие из опрошенных датчан заявляли, «что они не могут представить того, чего не пережили» (at de ikke kunne se det, som de ikke havde oplevet), «может быть, только почувствовать это» (måske kun føle det), «что будущее нечетко» (fremtiden står uklar), что «кар-

тинка лишь проблескивает» (billederne glimter), «будто помехи в телевизоре» (de var som sne i fjernsynet). Таким образом, в сознании датчан будущее так или иначе принадлежит совсем иному «измерению», нежели пережитая реальность» [Никуличева 2008, 98].

А теперь обратимся к Рисунку 26, приведенному на с и иллюстрирующему соотношение пространственных представлений о времени носителями датского языка со структурой датских темпоральных оппозиций, и убедимся, что обсуждавшаяся выше метафора Хега абсолютно точно им соответствует.

Для удобства анализа приведем его здесь еще раз.

Когнитивные планы датской темпоральной системы

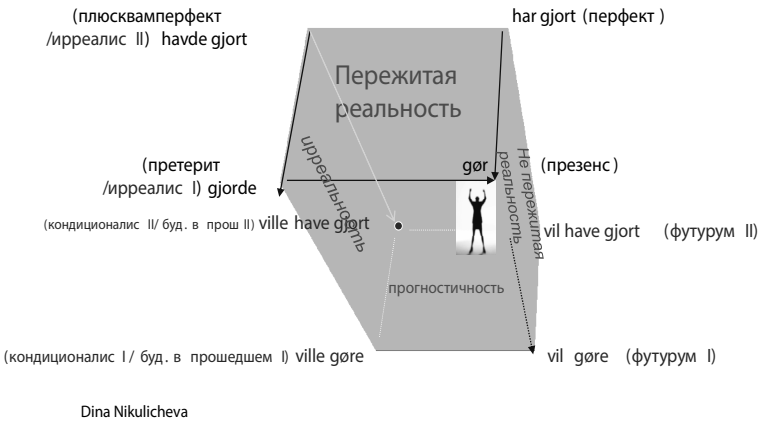

Рис. 32.

Глядя на рисунок, мы можем буквально визуализировать этот «нож времени», скребущий по поверхности «плана пережитой реальности» *от черты прошлого*, образованного категориями имперфекта (gjorde) и плюсквамперфекта (havde gjort) *к черте настоящего*, образованной категориями презенса (gør) и перфекта (har gjort). И именно «план пережитой реальности» виден наблюдателю лучше всего. Он как бы находится *сверху*, «*на свету*». А дальше за чертой настоящего следует обрыв «*вниз», «в темноту*» неведомого. И именно там локализованы представления о будущности прогностичности, ирреальности.

Таким образом, можно утверждать, что ключевая метафора, предлагаемая Питером Хегом в качестве образа линейного времени, на самом деле, производна не от абстрактной идеи времени как линии, а от той пространственной организацией временных представлений, которая характерна для носителей датского языка и задана структурой существующих в этом языке темпоральных категорий.

Весь роман Хега – об отчаянном протесте его героя против жестких рамок линейного восприятия времени, когда человек оказывается как бы «*удаленным*» (***fjernet fra tiden***) из «объективного» времени, выступающего у Хега синонимом «линейного» времени. Это попытка вернуться к ощущению себя неотъемлемой частью вечной цикличной вселенной, вырвавшись *за рамки* линейного времени:

(7) *Der er **en grænse** for hvor meget disciplin, hvor **faste rammer** børn kan tåle* (s. 255) ‘Существует *предел* тому, сколько дисциплины, насколько *жесткие рамки* могут выдержать дети’ (с. 291). ‘Ощущение времени как чего-то внешнего, чуждого человеческой природе, превращает его в «колючую проволоку», ограничивающую человека’.

(8) *Hvordan er tiden blevet til **pigtråd**, hvordan har den så **lukket sig omkring os?*** (s. 237) ‘Как же время превратилось в *колючую проволоку*, почему оно *сомкнулось* вокруг нас?’ (с. 272).

Избавиться от рамок линейного времени – для героя значит суметь почувствовать свое существование *в моменте времени*. Ключевой метафорой органичного слияния с миром и временем в романе служит метафора паутины:

(9) *Det kunne være et slør af tåge om morgenen på børnehjemmet, en hvid røg der **steg o**p fra jorden. Hvor den **mødte** solen fra himlen **hang** dugdråberne i edderkoppens spind, store, med krumme og omvendte spejlbilleder af de hvide tråde og det tågede græs og ens eget ansigt. Som om der **fødtes** små, klodeformede universer i overgangen mellem vandet fra jorden og ilden fra himlen. Og et sted i disse krumme spejlverdenens ordløse skønhed kunne man genkende sig selv på grund af maskinklipningen. Spindet, lyset, duggen, alt sammen må det have været en del af edderkoppens omverden og natur. Men ikke som en begrænsning, sådan har jeg aldrig senere kunnet se det. Natur er ikke en spændetrøje der skal sprænges. Natur er en nådegave, en mulighed for vækst der er blevet skænket alt levende. Som en retning i ens liv* (s. 255). ‘По утрам над детским домом ***могла появляться*** пелена тумана – белый дым, ***поднимавшийся*** от земли. Там, где он ***встречался*** с солнечными лучами, ***повисали*** капельки росы, крупные с кривыми и перевернутыми отражениями белых нитей и туманной травы, и твоего собственного лица. Как будто в пространстве между влагой земли и огнем неба ***рождались*** маленькие вселенные в форме земного шара. И где-то в этой изогнутой безмолвной красоте зеркального мира можно было узнать самого себя благодаря остриженной под машинку голове. Паутина, свет, роса, все это вместе было частью окружавшего паука мира и частью его природы. Но ни в коем случае не ограничением – так мы тогда не думали, так я потом никогда не думал. Природа – это не смирительная рубашка, которую надо порвать. Это дар Божий, возможность роста, которая дарована всему живущему. Словно направляющая линия для всей твоей жизни’ (с. 291).

Перед нами удивительный отрывок. Психологи назвали бы его визуальным трансом. Это момент созерцания и осмысления. Это «крупный план», когда, затаив дыхание, ребенок рассматривает капельку росы, повисшую на паутине, и видит в ней весь мир и себя самого. В этот момент время исчезает … Остается длящееся состояние – ощущение себя в бесконечном моменте.

Замедляя бег времени, человек получает возможность ощутить свое единство с миром, почувствовать себя органичной частью мироздания. Это именно то, что Питер Хег имеет в виду, несколько раз повторяя в романе, что иногда человеку нужно «войти в лабораторию» и «прикоснуться ко времени», «и тогда время изменится»: *da kan man gå ind i laboratoriet og røre ved tiden – og da vil den forandre sig* (s.237/ c.258). Такое «прикосновение ко времени» дает человеку энергию жить и развиваться.

Возможность замедлить время, раствориться в нем вместо того, чтобы постоянно мучительно догонять время – вот чего ищет герой Хега на протяжении всего романа. Он чувствует, что ощущение времени связано с языком. Но, естественно, остается в рамках того языка, на котором думает! И это хорошо видно, если приведенный датский отрывок сравнить с его русским переводом.

В датском оригинале повествование ведется о моменте в прошлом, поэтому, автор закономерно использует формы претерита: *steg op, mødte, hang, fødtes*. Иных возможностей для описания ситуации, локализованной в точке прошлого, у него нет. Глагольная система русского языка предоставляет две возможности «видения» события в прошлом: как более бегло и отстраненно, что передается формами несовершенного вида, так и более замедленно и сопричастно, что органично выражается формами несовершенного вида. Именно поэтому для передачи смысла отрывка в переводе использованы только формы прошедшего времени несовершенного вида: *появлялся, встречался, поднимался, повисали, рождались*. Именно формы несовершенного вида позволяют читателю погрузиться в ощущение героя и как бы перенестись с ним в описываемый момент. Именно этого состояния замедления времени и вовлеченности в процесс, столь органично передаваемого формами русского несовершенного вида, так недостает герою Хега!

Для того чтобы лучше понять, какие смыслы вносит в повествование использование русских форм несовершенного вида, заменим их на формы совершенного вида, сохранив отнесенность к прошлому: «над детским домом *появилась* пелена тумана – белый дым, *поднявшийся* от земли. Там, где он *встретился* с солнечными лучами, *повисли* капельки росы, крупные с кривыми и перевернутыми отражениями белых нитей и туманной травы, и твоего собственного лица. Как будто в пространстве между влагой земли и огнем неба *родились* маленькие вселенные в форме земного шара»… Из ключевого момента сопричастности миру описание с использованием форм совершенного вида, превращается в малозначимый эпизод, пересказанный будто скороговоркой.

То есть формы русского несовершенного вида создают несомненный эффект *темпоральной эмпатии* – замедления времени, позволяющий человеку ощутить свою включенность в его течение, – ощущение, которого столь мучительно ищет герой датского романа, оставаясь в рамках категорий своего родного языка, в котором эти смыслы остаются латентными.

Интуитивно герой Хега ощущает, что время можно воспринимать иначе – не как «жесткие рамки» (*faste remmer*) или «колючую проволоку» (*pigtråd*), а как «*поле*» или «*ландшафт*»**:**

(10) *Tid er et **felt** af sprog, farver, lugte, kropssansninger og lyde, et felt i hvilket man lever sammen med verden* (257). ‘Время – это ***поле** языка, красок, запахов, ощущений тела и звуков*, *поле, в котором человек живет вместе с миром*’ (294).

Время, в котором человек ощущает себя свободно и сопричастно, определяется Хегом пространственной метафорой «*ландшафт*», «*территория*», «*равнина*», «*поле*»:

(11) *Det betyder også at tiden er et **område i sproget**, som et **landskab**, der hvor man bevæger sig hen når man forsøger at begribe især de dele af verden som har med dens forandring at gøre* (259).‘Это означает, что время еще и *область в языке*, словно ландшафт, тот *ландшафт*, куда ты особенно стремишься, когда пытаешься понять те части мира, которые связаны с изменениями’ (296)».

(12) *Da er tiden mere et **felt, en slette, et kontinent man kunne rejse i*** (260) ‘Тогда время похоже на *поле, равнину, на континент*, где можно путешествовать’ (297).

И этот образ времени как «поля, в котором человек живет вместе с миром», отсылает нас к визуальным представлениям биографического времени, характерным не для датской, а, скорее, для русскоязычной лингвокультуры. Ведь обобщение данных перцептивного эксперимента с русскоязычными информантами, проведенного нами в 2007 году, выявило именно плоскостную модель с разнесенными по обе стороны от точки настоящего векторами прошлого и будущего [Никуличева 2007, 96].

Хёг прав: ощущение времени – это поле языка. Но есть языки, которые в большей степени, ориентированы на передачу объективного времени с четкой регистрацией последовательности событий относительно момента речи и относительно друг друга (внешняя перспектива). К таковым относятся германские языки, в том числе, и датский язык. И есть языки, подобные русскому, грамматическая система которых в большей степени ориентирована на передачу ощущения человека в момент времени (внутренняя перспектива). Носителям вторых проще, чем носителям первых, ощущать время как «поле красок, запахов, ощущений тела и звуков, поле, в котором человек живет вместе с миром». Такие художественные метафоры, построенные на грамматически обусловленных лингвокультурных представлениях (назовем их *когнитивными метафорами лингвокультуры*), вызывают закономерные сложности при переводе, что должно учитываться в переводческой практике.

II.6.2. Выявление особенностей грамматической ориентации во времени через призму датско-русского перевода

Предлагаемый раздел посвящен проблеме экспликации культурно значимых смыслов, воплощенных в грамматических категориях языка оригинала, средствами языка перевода. Исследование проводится на материале переводов датской

художественной литературы на русский язык. Объектом сопоставления служат грамматические показатели темпоральных смыслов в датском тексте и его русском переводе. Методика исследования заключается в последовательном контрастивном сопоставлении темпоральных маркеров датского оригинала и соответствующего ему русского текста. Цель сопоставления состоит в том, чтобы выявить точки несовпадений, где происходит опущение или приращение темпоральных смыслов по сравнению с текстом оригинала. Это позволяет осмыслить эпизодообразующий потенциал отсутствующих в русском языке датских темпоральных категорий и проследить, как изменяется темпоральное осмысление соответствующих фрагментов текста на языке оригинала и перевода.

Как справедливо отмечал Ю.С. Степанов, «ни одна лингвистическая теория в настоящее время не может обойти вопроса о психической реальности своих объектов» [Степанов 1981, 34]. Сопоставление текстов оригиналов и переводов является эффективным методом, позволяющим эксплицировать различия в «психической реальности» одинаковых денотативных ситуаций, по-разному категоризируемых грамматическими средствами соответствующих языков.

В плане временной ориентации в датском языке обращает на себя внимание обязательность перспективизации ситуаций денотативного прошлого относительно момента повествования. Понятие «перспектива» широко используется датскими лингвистами не только применительно к датскому языку, но и при описании грамматических систем других языков. Так, Н. Бьервиг при описании видо-временной системы датского языка заменял признак «время» признаком «перспектива» [Bjervig 1975], включая при этом в парадигму не только презенс, претерит, перфект и плюсквамперфект, но и четыре футуральные формы. Х.К. Сёренсен использовал дистинкцию «ближняя» и «дальняя перспектива» (nærperspektiv vs. fjernperspektiv) применительно к описанию категории времени в русском языке [Sørensen 1973]. Авторы новейшей датской академической грамматики Э. Хансен и Л. Хельтофт, предлагают называть темпоральную систему, сложившуюся в современном датском языке, «системой отдаления» (afstandssystemet), подчеркивая, что категория отдаленности является ключевой, объединяя формы реалиса и ирреалиса в датском языке [Hansen, Heltoft 2011].

Впервые с наибольшей полнотой систему датского индикатива представил К.М. Миккельсен. Еще в конце XIX в. он выделил восемь форм индикатива в датском языке. Показательно, что те композитные датские термины, которые он предложил для обозначения форм глагольной парадигмы (и которые прочно закрепились в нормативных грамматиках), по лексической семантике их компонентов последовательно отражают пространственную локализацию события в ментальном пространстве говорящего: *nutid* досл. ‘сейчас-время’ (præsens), *datid* досл. ‘тогда-время’ (imperfektum), *førnutid* досл. ‘перед-сейчас-время’ (perfektum), *førdatid* досл. ‘перед-тогда-время’ (plusquamperfektum), *fremtid* досл. ‘вперед-время’

(futurum), *fortidsfremtid* досл. ‘вперед-время-(из)-прошлого’ (fututum in præterito), *førfremtid* досл. ‘*перед-вперед-время*’ (fututum exactum), *fortidsførfremtid* досл. ‘*перед-вперед-время-(из)-прошлого*’ (futurum exactum in præterito). [Mikkelsen 1894]. Аналитическое соединение смыслов в названиях глагольных форм, характерное для композитного словообразования, соответствует набору грамматических маркеров, формирующих семантику той или иной темпоральной формы. Например, в наиболее структурно сложной форме *fortidsførfremtid* объединены признаки претеритальности, перфектности и футуральности.

Общая классификация финитных форм связывается датскими грамматистами с выражением «степени реальности» действия (realitetsgraden). Л.М. Локштанова подчеркивает, что «признаком «afstand» датские лингвисты пытаются объединить реальный и ирреальный варианты претерита» [Локштанова 1986, 112]. На основе родового понятия «realitetsgraden» презенс, претерит, императив и оптатив противопоставляются ими соответственно как «realitetsform», «afstandsform», «påbudsform», «ønskeform» [Wiwel 1901, 140–146; Diderichsen 1976, 125–127; Rehling 1951, 79–81; Hansen 1967, 24; Hansen, Heltoft 2011, 648–649].

Исследуя категориальные формы датского глагола, Л.М. Локштанова приходит к выводу о том, что основным противопоставлением в темпоральной системе датского глагола является противопоставление презентных форм претеритальным: «Благодаря ориентации всех презентных форм на параметры непосредственной коммуникативной ситуации создается картина пространственно-временной непрерывности действительности в отношении «одновременности», «до» и «после» речевого акта. Претеритальные формы обозначают события, ориентированные на параметры воспроизводимые, разобщенные с актом коммуникации и располагающиеся на самостоятельной пространственно-временной оси» [Локштанова 1986, 117]. Несмотря на декларируемую полемику со взглядами датских лингвистов, в предлагаемом Л.М. Локштановой противопоставлении семантического признака «разобщенность/неразобщенность события и коммуникативной ситуации» в скрытом виде все равно находит отражение отстаиваемый датскими грамматистами признак «д и с т а н ц и р о в а н и я» (afstand) или «б л и з о с т и» (nærhed) события по отношению к говорящему, то есть та же, п е р с п е к т и в и з а ц и я с о б ы т и я относительно субъекта коммуникативной ситуации, важнейшая для применяемого нами антропоцентрированного принципа описания грамматики,

На примере сопоставления отрывков из датских оригиналов и русских переводов в настоящей главе мы покажем, что хотя, согласно Р. Якобсону, введшему понятие *таксис* для обозначения категории временной отнесенности, таксис – это не-шифтерная категория, безотносительная к факту сообщения [Бондарко 1990], таксисные отношения в датском языке всегда участвуют в расширении временной перспективы говорящего. За первичную точку отсчета берется именно позиция «здесь и теперь» говорящего. План претеритального повествования – это всегда вторичная точка отсчета. Позиция «тогда» *дистанцируется* грамматическими средствами именно как *разобщенная с континуумом реальности говорящего*, что

создает еще большую отстраненность в случае использования форм временной отнесенности. Нарушение этой отстраненности вторично, что выражается грамматически за счет нарушения согласования времени и – возникающего как следствие этого – эффекта субъективного приближения позиции «тогда».

Обратимся к эпизоду из книги африканских воспоминаний Карен Бликсен «Den afrikanske farm» и к его художественному переводу на русский язык, выполненному А.Ю. Кабалкиным):

Denys, **tænkte jeg,** ***havde iagttaget*** og ***fulgt*** hele de afrikanske højlandes liv og ferden, og bedre end nogen anden hvid mand ***havde han kendt*** deres jordbund og årstider, plantevæskst og dyreliv, vinde og dufte. Han ***havde holdt øje med*** vejrforandringerne, og med folkene i højlandene, med skyerne, og med stjernerne om natten. Her i højene ***havde*** jeg for ganske nylig ***set*** ham stå barhovedet i eftermiddagssolen og stirre ud over landet, han **tog** sin kikkert **op**, for at finde ud af alt, hvad der foregik. Han ***havde tilegnet sig*** Afrika, og i hans øjne og hans sind ***var*** det ***blevet forandret***, ***stemplet*** af hans egen personlighed og ***gjort*** til en del af ham selv. Nu **tog** Afrika imod ham og **tilegnede** sig ham. Det ***ville forandre*** ham og ***gøre*** ham til eet med sin egen natur. (Karen Blixen. Den afrikanske Farm. Graven i Højene).

Денис __ ***прошел*** всеми тропами африканских нагорий и лучше любого другого белого ***знал*** здешние почвы, смену времен года, растительность, диких зверей, ветры и запахи. Он ***наблюдал*** здесь все перемены погоды, людей, облака, звезды в ночи. Здесь, на высоте, я совсем недавно ***наблюдала*** за ним, когда он ***стоял*** с непокрытой головой на полуденном солнце, внимательно ***рассматривая*** в бинокль лежащие внизу земли. Он ***вобрал*** эту страну в себя, и в его глазах, в его душе она ***получила*** особое преломление, отмеченное его индивидуальностью, ***стала*** его неотъемлемой частью. Теперь сама Африка ***приняла*** его в себя и ***изготовилась*** преобразить его, превратить в единое целое с собой. (Карен Бликсен. «Из Африки», глава «Могила в горах», рус. пер. А.Ю. Кабалкина).

Речь идет об эпизоде похорон возлюбленного Карен Бликсен, летчика Дениса. Карен стоит перед его свежей могилой и вспоминает любимого. В этот момент прошлого героиня думает, каким был Денис, вспоминая предшествующие события из его жизни. Эти события закономерно располагаются в более отдаленной временной перспективе, выраженной формами плюсквамперфекта (***havde iagttaget*** og ***fulgt***, ***havde kendt***, ***havde holdt*** *øje med).* Синхронные же моменту похорон события (эта синхронность лексически маркируется наречием настоящего времени *nu*) передаются претеритом: *nu* ***tog*** *Afrika* ***imod*** *ham og* ***tilegnede sig*** *ham*, а прогнозируемые в тот момент изменения – формой будущего в прошедшем: *det* ***ville forandre*** *ham og* ***gøre*** *ham til eet med sin natur.*

На фоне общей таксисной перспективы обращает на себя внимание использование предложения с «рассогласованными» предикатами, выбивающимися из плана повествования о событиях, предшествующих похоронам Дениса: …Her i

højene *havde jeg* for ganske nylig *set* ham stå barhovedet i eftermiddagssolen og stirre ud over landet, han ***tog*** sin kikkert ***op***, for at finde ud af alt, hvad der ***foregik***. Han *havde tilegnet sig* Afrika …Денотативно выраженное формой претерита действие *han tog sin kikkert op* ‘он вынул бинокль’ происходит синхронно действиям, выраженным формами плюсквамперфекта: в той «предпрошлой» ситуации Карен наблюдала, как Денис стоял с непокрытой головой и смотрел в бинокль на происходящее на равнине. Для обозначения действий, синхронных предикату в плюсквамперфекте, нормативно используется сложное дополнение Obj+Inf, что и имеет место в предшествующем предложении: *jeg* ***havde set*** **ham stå** *og* **stirre ud** … Но далее Карен Бликсен переходит на использование форм претерита: *han* ***tog*** *sin kikkert* ***op****, for at finde ud af alt, hvad der* ***foregik***.

Относительно плюсквамперфекта формы претерита создают такой же эффект субъективного приближения ситуации, какой создает замена повествования в претерите на повествование в историческом презенсе. В результате грамматически синхронизированными оказываются денотативно разновременные предикаты *jeg tænkte* и *han tog sin kikkert op*. Это создает эффект нарушения временной дистанции и живого присутствия Дениса в мыслях Карен. В русском же переводе это приближение к наблюдателю естественным образом выражается формами несовершенного вида, создающего эффект «совместного наблюдателя», когда «автор ставит читателя в позицию участника и вместе с тем свидетеля того, что происходит» [Бондарко 2004, 278]: ‘*Здесь, на высоте, я совсем недавно* ***наблюдала*** *за ним, когда он* ***стоял*** *с непокрытой головой на полуденном солнце, внимательно* ***рассматривая*** *в бинокль лежащие внизу земли’*. То есть эффект субъективного приближения событий прошлого к перцептору легко и естественно передается в русском переводе за счет грамматической семантики несовершенного вида. А вот эффект последовательного дистанцирования события во времени, встроенный в систему грамматических категорий датского глагола, неизбежно оказывается ослабленным. В результате в отличие от анализируемого датского отрывка, где противопоставление разной удаленности событий во времени является эпизодообразующим, в русском переводе этот отрывок звучит точно так же, как звучала бы прямая речь героини.

Русский переводчик – сознательно или неосознанно – убирает ментальный предикат *jeg* ***tænkte*** ‘*я думала*’, использование которого создавало бы нарочитый эффект отстраненности, излишней в восприятии описываемой ситуации русским читателем. Приведенный выше текст перевода вполне можно было бы взять в кавычки и представить в виде прямой речи. В результате в восприятии читателя оживает голос героини в момент прощания, что усиливает эмпатию.

Для того, чтобы эксплицировать разницу в перспективизации события грамматическими средствами русского и датского языков, двум датским информантам было предложено написать, как по-датски звучало бы прощальное слово Карен, если бы она выражала свои мысли как прямую речь в момент непосредственного выступления перед собравшимися.

A: *"Denys **iagttog** og **fulgte** hele de afrikanske Højlandes Liv og Færden, og bedre end nogen anden hvid Mand **kendte** han deres Jordbund og Aarstider, Plantevækst og Dyreliv, Vinde og Dufte**.** Han **holdt** Øje med Vejrforandringerne, og med Folkene i Højlandene, med Skyerne, og med Stjernerne om Natten. Her i Højene **så** jeg ham for ganske nylig staa barhovedet i Eftermiddagssolen og stirre ud over Landet, han **tog** sin Kikkert op, for at finde ud af alt, hvad der foregik. Han **tilegnede** sig Afrika, og i hans Øjne og Sind **blev** det **forandret**, **stemplet** af hans egen Personlighed og **gjort** til en del af ham selv. Nu **tager** Afrika imod ham og **tilegner** sig ham. Det **vil forandre** ham og **gøre** ham til eet med sin egen Natur".*

B.:*"Denys **iagttog og fulgte** hele (alle?) de afrikanske højlandes liv og ferden og bedre end nogen anden hvid mand **kendte** han deres jordbund og årstider, plantevæskst og dyreliv, vinde og dufte. Han **holdt** øje med vejrforandringerne, og med folkene i højlandene, med skyerne, og med stjernerne om natten. Her i højene **så** jeg ham for ganske nylig stå barhovedet i eftermiddagssolen og stirre ud over landet, han **tog** sin kikkert op, for at finde ud af alt, hvad der foregik. Han **havde tilegnet sig** Afrika, og i hans øjne og hans sind **var det blevet forandret**, stemplet af hans egen personlighed og gjort til en del af ham selv. Nu **tager** Afrika imod ham og **tilegner** sig ham. Det **vil** forandre ham og gøre ham til eet med sin egen natur."*

Общая закономерность заключалась в том, что повествование, о прошлых событиях переводилось в форму претерита, повествование о синхронных моменту речи событиях – в форму презенса, а о прогнозируемых – в форму футурума. Частичное сохранение плюсквамперфекта информантом **B**. (han ***havde tilegnet sig*** Afrika, og i hans øjne og hans sind ***var*** det ***blevet forandret***) было связано с трактовкой событий, обозначенных этой формой, как предшествующих эпизоду, обозначенному претеритом в предыдущем предложении (jeg **så** ham).

На вопрос, могли бы в этой ситуации быть использованы формы перфекта, оба информанта ответили отрицательно, объяснив это тем, что использование перфекта в прощальной речи создавало бы странный эффект, что на похоронах говорят о живом человеке. Здесь уместно вспомнить определение общей семантики претеритальных форм Л.М.Локштановой как обозначающих «пространственно-временную разобщенность события и коммуникативной ситуации» или образное обозначение Пером Дурст-Андерсеном семантики датского претерита по сравнению с перфектом как «завершенной главы» (afsluttet kapitel) повествования [Durst-Andersen 200, 155].

На просьбу преобразовать данный отрывок таким образом, чтобы использование перфекта было грамматически оправданно, датские информанты предложили весьма схожие варианты:

A: «Denys skal modtage Den store Afrikanske Fortjenstmedalje, Denys er tilstede, og nu begrunder komiteformanden, hvorfor netop Denys skal have

denne pris» (‘Денис должен получить медаль «За заслуги перед Африкой». Денис присутствует на обсуждении, а председатель комиссии по награждениям обосновывает его кандидатуру’).

“*Denys **har iagttaget** og **fulgt** hele de afrikanske Højlandes Liv og Færden, og bedre end nogen anden hvid Mand **har** han **sat sig ind i** (nødvendig ændring-’kendt’ kan ikke bruges her!) deres Jordbund og Aarstider, Plantevækst og Dyreliv, Vinde og Dufte**.** Han **har holdt** Øje med Vejrforandringerne, og med Folkene i Højlandene, med Skyerne, og med Stjernerne om Natten. Her i Højene **har** jeg for ganske nylig **set** ham staa barhovedet i Eftermiddagssolen og stirre ud over Landet, han **tog** sin Kikkert op, for at finde ud af alt, hvad der foregik. Han **har tilegnet** sig Afrika, og i hans Øjne og Sind **er** det **blevet forandret**, **stemplet** af hans egen Personlighed og **gjort** til en del af ham selv”.*

B: «Denis er i live. Karen begrunder at han har gjort sig fortjent til at modtage en af Afrikas fornemste hædersbevisninger» (’Денис жив. Карен произносит речь, доказывая, что он заслуживает признания со стороны Африки’).

*“Denys **har iagtagtet og fulgt** hele de afrikanske højlandes liv og ferden , og bedre end nogen anden hvid mand **kender** han deres jordbund og årstider, plantevæskst og dyreliv, vinde og dufte. Han **holder øje** med vejrforandringerne, og med folkene i højlandene, med skyerne, og med stjernerne om natten. Her i højene **så jeg ham for ganske nylig stå (evt. perfektum ”har jeg for ganske nylig set ham stå”)** barhovedet i eftermiddagssolen og stirre ud over landet, han **tog** sin kikkert **op**, for at finde ud af alt, hvad der **foregik**. Han **har tilegnet** sig Afrika, og i hans øjne og hans sind **er** det **blevet** forandret, stemplet af hans egen personlighed og gjort til en del af ham selv**.** Derfor **har** han **gjort sig fortjent** til at modtage en af Afrikas fornemste hædersbevisninger …”.*

Информант А. переводит все повествование в перфект – так называемый «экспериниальный перфект» [Leech 1973], или «перфект характеризации» [Durst-Andersen 2000], грамматическая семантика которого состоит в характеристике субъекта по тем результатам (предельные глаголы), или по тому опыту (непредельные глаголы), которые субъект имеет к моменту речи. Информант В. поступает, в целом, так же, используя презенс лишь дважды – в случае непредельных глаголов ментальной деятельности ‘знать’ (han **kender** deres jordbund …) и ‘наблюдать’ (han **holder øje** med …). Отметим, что информант А. в первом случае предпочел использовать иной, близкий по значению, но непредельный глагол, чтобы сохранить везде перфект характеризации: (han **har sat sig ind i** deres jordbund …), а во втором использует форму перфекта характеризации от непредельного глагола (han ***har holdt*** øje med vejrforandringerne).

Единственное предложение в претерите, заимствованное из оригинала, которое сохранили оба информанта (*han **tog** sin kikkert op for at finde ud af alt, hvad der **foregik***), связано с визуальным воспоминанием говорящего, когда тот не характеризует Дениса, а вспоминает его в одной конкретной прошлой ситуации.

С точки зрения перспективизации ситуации, перфектные формы в обсуждаемом контексте приближают ситуацию к моменту речи, характеризуя присутствующего в ситуации номинанта, а форма претерита дистанцирует ситуацию, отодвигая ее от момента речи в область воспоминаний.

Возвращаясь к приведенному выше русскому переводу отрывка из Карен Бликсен, представим себе ситуацию, аналогичную той, которую предложили датские информанты – что Денис сейчас номинируется на получение премии «за заслуги перед Африкой». Посмотрим, что изменилось бы в прямой речи, произносимой в подобном контексте на русском языке:

«Денис **прошел** всеми тропами африканских нагорий и лучше любого другого белого **знает** здешние почвы, смену времен года, растительность, диких зверей, ветры и запахи. Он **наблюдал** здесь все перемены погоды, людей, облака, звезды в ночи. Я совсем недавно **наблюдала** за ним, когда он **стоял** с непокрытой головой на полуденном солнце, внимательно **рассматривая** в бинокль лежащие внизу земли. Он **вобрал** эту страну в себя, и в его глазах, в его душе она **получила** особое преломление, отмеченное его индивидуальностью, **стала** его неотъемлемой частью».

Единственное необходимое изменение связано с заменой формы прошедшего времени непредельного глагола ментальной деятельности ‘**знал**’ на форму настоящего времени ‘**знает**’. Все остальные предикаты остались бы без изменений.

Таким образом, сопоставление русского перевода с датским оригиналом и с ситуативными модификациями исходного датского текста позволяет эксплицировать соответствие единого когнитивного пространства «прошедшего времени» для носителей русского языка, трем разноудаленным когнитивным пространствам денотативного прошлого для носителей датского языка.

Будучи грамматически дифференцированными, эти когнитивные пространства организуют «психическую реальность» временной ориентации: неразобщенное с коммуникативной ситуацией темпоральное пространство актуального преднастоящего, удаленное от коммуникативной ситуации темпоральное пространство прошлого и, наконец, темпоральное пространство предпрошлого, еще более дистанцированное от коммуникативной ситуации.

Противопоставление разноудаленных когнитивных пространств способно приобретать в датской литературе эпизодообразующий характер. Это происходит, когда один и тот же эпизод описывается разными персонажами с использованием разных темпоральных форм. В результате создаются *разные версии восприятия одной и той же денотативной ситуации*.

Весьма показателен в этом плане кульминационный эпизод из классической комедии Людвига Хольберга «Йеппе с горы». В одной из заключительных сцен последнего акта пьянчужка Йеппе рассказывает в трактире о приключившихся с ним удивительных событиях (сцена 4), а сразу за этим появляется новый посети-

тель, Магнус, который сообщает о только что услышанной им новости – что барон со слугами разыграли какого-то нерадивого крестьянина, убедив его, что тот стал бароном, а затем вернули его на навозную кучу (сцена 5).

Этот заимствованный Хольбергом у Кальдерона сюжет интересен для нас тем, что одна и та же денотативная ситуация излагается по-датски с использованием разных глагольных форм: в первом случае – форм претерита, а во втором – в форм перфекта, что отражает разный взгляд персонажей на одну и ту же ситуацию.

Акт 5, сцена 4 (Йеппе, Якоб):

JEPPE: Nu skal jeg fortælle dig, hvad mig ***er vederfaret***: **Da** jeg ***gik*** fra dig, ***faldt*** jeg i søvn. **Da** jeg ***vågnede op*** igen, ***var*** jeg baron og ***drak mig drukken*** på ny af carnali-sæk. **Da** jeg ***blev drukken*** af carnali-sæk, ***vågnede*** jeg på en mødding igen. **Da** jeg ***vågnede*** på en mødding, ***lagde*** jeg mig at sove på ny i forhåbning at sove mig et baronskab til igen; men jeg ***mærkede*** at det **går** ikke altid an, thi min hustru ***vækkede*** mig op med mester Erich ***optrækkede*** mig ind efter håret uden at have ringeste respekt for sådan mand, som jeg **havde været**. **Da** jeg ***kom*** ind i stuen, ***blev*** jeg ***stødt ud*** igen på mit hoved og ***så*** mig omringet af en hoben gripomenuser, som ***dømte*** mig fra livet og ***dræbte*** mig med forgift. **Da** jeg **var død**, ***blev jeg hængt***, og **da** jeg jeg **var hængt**, ***blev*** jeg ***levende*** igen, og **da** jeg ***var bleven levende*** igen, ***fik*** jeg fire rigsdaler, således *er* historien, men hvordan sådant **kunne hænde**, vil jeg give dig at betænke.
JAKOB: Ha, ha,ha! Det **var** bare en drøm, Jeppe. (Akt 5, scene 4).

ЙЕППЕ: Теперь я тебе расскажу, все что со мной ***сталось***. **Когда** я ***ушел*** от тебя, я ***заснул***. А ***проснулся*** я бароном и вволю ***нахлебался*** канальской шипучки; **упившись** канальской шипучкой, я ***проснулся*** снова на навозной куче, **Проснувшись** на навозной куче, я ***решил*** опять маленько соснуть, в надежде, что мне привидится мое баронство. Но так не всегда выходит. Жена меня ***разбудила*** местером Эриком <кнутом> и за волосы ***втащила*** в дом, без всякого уважения к такой знатной особе. **Как только** я ***оказался*** в комнате, как снова меня ***вытолкнули*** на двор и ***окружили*** полицейские птицы грипоменусы; **тут** меня ***присудили*** к смерти и ***отравили***. **Когда** я ***помер***, меня ***повесили***, а **когда** меня ***повесили***, я опять ***ожил*** и ***получил*** четыре ригсдалера на водку. Вот и вся история. Можешь ты растолковать, что все это значит?
ЯКОБ: Ха-ха-ха! Да тебе все это приснилось, Йеппе. (пер. А.А. Гозенпуда).

Акт 5, сцена 5 (Йеппе, Якоб, Магнус):

MAGNUS: Ha, ha! Jeg skal fortælle jer en forbandet historie, som ***er vederfaret*** en mand, der hedder Jeppe på bjerget, som man ***har funden drukken*** og ***sovende*** på marken, ***iført*** ham andre klæder og ***lagt*** ham i den bedste seng på

МАГНУС: Ха-ха-ха! Я расскажу вам удивительную историю, которая ***приключилась*** с Йеппе с горы. Его ***нашли*** пьяным и спящим в поле, ***надели*** на него богатое платье, ***уложили*** в лучшую постель в господском замке

herregården, ***bildet ham ind***, **at** han **var** herren, **da** han **vognede** op, ***drukket*** ham fuld på ny igen og ***lagt*** ham i sine skidne klæder på en møding igen, **hvor da** han **vognede** op, **bildte** han sig ind **at have været** i paradis. Jeg havde nær let mig ihjel, da jeg **hørte** den historie af ridefogedens folk. Jeg ville mari give en daler, til at jeg kunne få den nar at se, ha.ha, ha! (Akt 5, scene 5),

и ***уговорили***, что он барон. **Затем** его ***напоили*** опять, ***натянули*** на него его старые лохмотья и ***бросили*** на кучу навоза, **проснувшись**, он ***вообразил***, что ***побывал*** в раю. Я чуть живот не надорвал, слушая, как мне об этом рассказывали слуги управляющего. Я бы охотно дал далер, чтобы только увидеть этого простофилю. Ха-ха-ха!
(пер. А.А. Гозенпуда).

Сопоставление датской пьесы с её русским переводом дает возможность проследить то, как неизбежно – под влиянием языковой специфики грамматической категоризации – меняется перспективизация события в русском переводе относительно датского оригинала.

Перед переводчиком стояла непростая задача – отразить существенные для оригинала различия в языковой форме изложения ситуации разными персонажами. И он использовал имеющиеся в его распоряжении грамматические средства языка перевода. За основу он взял противопоставление изложения событий от первого и от третьего лица. В результате изложение случившегося самим Йеппе в русском переводе оказалось – что вполне естественно воспринимается русскоязычным читателем – более нюансированным в плане темпорального представления событий, нежели сторонний пересказ событий Магнусом, в истории не участвовавшим.

Так, в русском переводе – и в речи Йеппе, и в пересказе Магнуса – используются глаголы совершенного вида прошедшего времени (Йеппе: *сталось – ушел – заснул – проснулся – нахлебался – решил – разбудила – втащила – оказался – вытолкнули – окружили – присудили – отравили – помер – повесили – ожил – получил*; Магнус: *приключилось – нашли – надели – уложили – уговорили – напоили – натянули – бросили – вообразил – побывал*). Однако за счет варьирования лексических и синтаксических темпоральных маркеров (наречия времени, разнообразные временные союзы, деепричастные обороты) временная последовательность в изложении Йеппе отчетливо дробится на отдельные интервалы: ***Когда*** *я ушел от тебя, я заснул ....* ***упившись*** *канальской шипучкой, я проснулся снова на навозной куче,* ***проснувшись*** *на навозной куче, я решил* ***опять*** *маленько соснуть, ...****Как только*** *я оказался в комнате, как снова меня вытолкнули на двор ...* ***тут*** *меня присудили к смерти и отравили.* ***Когда*** *я помер, меня повесили, а* ***когда*** *меня повесили, я* ***опять*** *ожил ...* Тем самым повествование замедляется, а каждый из микроэпизодов приобретает самостоятельную значимость. Русский читатель понимает: Йеппе сам это пережил, поэтому вспоминает события «крупным планом».

Иначе русский перевод произошедшего выглядит в пересказе Магнуса. Большая часть его рассказа выстроена как простое перечисления однородных сказуе-

мых: *Его **нашли** пьяным и спящим в поле, **надели** на него богатое платье, **уложили** в лучшую постель в господском замке и **уговорили**, что он барон. Затем его **напоили** опять, **натянули** на него его старые лохмотья и **бросили** на кучу навоза*. Нанизывание глаголов совершенного вида прошедшего времени создает эффект проговаривания скороговоркой – подобно тому, как герой фильма «Бриллиантовая рука» повторяет предложенную ему оперативниками «легенду»: «*Поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс!*». Существительное «*гипс*», завершающее в последнем примере цепочку однородных глагольных сказуемых, создает стилистический эффект «торможения» динамики перечисления. Точно также в рассказе Магнуса перечисление событий замедляется только в самом конце – за счет введения деепричастной клаузы: «**проснувшись**, *он **вообразил**, что побывал в раю»*. В целом изложение истории Магнусом воспринимается русскоязычным читателем как более отстраненное, что выглядит вполне естественно для изложения истории человеком, в ней не участвовавшим.

Укрупнение плана повествования происходит в рассказе Магнуса только тогда, когда он вспоминает свои собственные ощущения, когда слуги барона рассказывали ему про то, как разыграли Йеппе. Магнус переходит на повествование в несовершенном виде, мысленно возвращаясь в тот веселый момент, когда слушал рассказ про розыгрыш: «*Я чуть живот не надорвал, **слушая**, как мне об **этом рассказывали** слуги управляющего*».

То есть в русском переводе повествование Йеппе выглядит более замедленным и более приближенным к рассказчику, нежели более отстраненный пересказ Магнуса.

Если сравнить эти наблюдения над русским переводом с датским оригиналом, то окажется, что в датском тексте смысловой эффект, достигаемый использованием разных темпоральных форм, принципиально иной. В отличие от ее перевода, речь Йеппе в датском оригинале построена на нарочитом синтаксическом единообразии. При всем потенциально возможном варьировании датских темпоральных союзов (*da, idet, netop som, så snart som, knap ... før*), в ней повторяется только союз **da** ‘когда’, а вводимые этим союзом предикаты выражены формой претерита: **Da** jeg ***gik*** …, ***faldt*** jeg *i søvn* …. **Da** jeg ***vågnede op*** igen, ***var*** jeg baron og ***drak mig drukken*** …. **Da** jeg ***blev drukken*** …, ***vågnede*** jeg ... **Da** jeg ***vågnede*** … , ***lagde*** jeg mig …. **Da** jeg ***kom*** ind …, ***blev*** jeg ***stødt ud*** … Создается стилистический эффект, производный от категориального значения датского претерита – разобщенности с коммуникативной ситуацией. Йеппе способен только перечислить последовательность произошедших с ним событий, не имеющих ничего общего с коммуникативной реальностью – моментом разговора с трактирщиком. Механическое нанизывание логически не связанных событий, выраженных формой претерита, призвано показать, что Йеппе ничего не может ни понять, ни изменить в пережитых им событиях. Это прошлое, дистанцированное от реальности настоящего.

В конце рассказа Йеппе делает слабую попытку разобраться в произошедшем. Об этом свидетельствует появление форм временной отнесенности, замедляю-

щих повествование: **Da** jeg var død, ***blev jeg hængt***, og **da** jeg jeg **var hængt**, ***blev*** jeg ***levende*** igen, og **da** jeg **var bleven levende** igen, ***fik*** jeg fire rigsdaler. Чередование форм статива (плюсквамперфекта) и претерита создает эффект темпоральной прогрессии: событие, вводимое формой претерита, осмысливается в следующем предложении как результирующее состояние, предшествующее следующему событию. Однако отсутствие логической взаимосвязи между событиями лишь усиливает эффект абсурдности и разобщенности повествования с коммуникативной ситуацией.

Наиболее интересен для исследования особенностей темпоральной перспективизации в датском языке рассказ Магнуса. Именно эта сцена (акт 5, сцена 5) представляет собой кульминацию пьесы. На первый взгляд, кажется парадоксальным, что Магнус, не будучи участником событий, излагает историю в перфекте – форме актуализации денотативного прошлого. Он только что услышал историю от слуг барона и спешит поделиться «горячими новостями» с посетителями харчевни. Магнусу не важно, кто конкретно разыграл Йеппе, поэтому в качестве субъекта предложения выступает неопределенно-личное местоимение *man*. Ему важно живо представить перед слушателями все этапы розыгрыша, чтобы слушатели буквально увидели их результаты «своими глазами» и сделали закономерный вывод: «Ну и тупица тот, с кем это приключилось!». Датский перфект идеально подходит для реализации этой коммуникативной задачи, приближая повествование к адресату: «*…man* ***har funden*** *<ham> drukken og sovende på marken,* ***iført*** *ham andre klæder og* ***lagt*** *ham i den bedste seng på herregården,* ***bildet*** *ham* ***ind, at*** *han* ***var*** *herren,* ***drukket*** *ham fuld på ny igen og* ***lagt*** *ham i sine skidne klæder på en mødding igen*!» Особую «пикантность» ситуации придает то, что Магнус не подозревает, что Йеппе – и есть один из его слушателей. А зрители понимают, что в этот момент тот вывод, к которому подводит слушателей рассказ Магнуса, доходит до Йеппе. Именно поэтому эта сцена становится кульминацией абсолютного унижения главного персонажа пьесы. Датский перфект, как видим, выполняет здесь эпизодообразующую функцию.

И именно эпизодообразующая функция грамматических форм оказывается наиболее сложной для передачи в переводе. Точно также, как сложным для перевода будет датский анекдот о стоматологе и пациенте, упоминавшийся Георгом Вивелем [1901, 179], целиком построенный на противопоставлении грамматической семантики форм перфекта и претерита:

Tandlægen: – *Det* ***har*** *da* ***været*** *en slem tand!*

Patienten: – *Ja, det* ***var*** *en slem tand ...*

Подразумеваемая ситуация состоит в том, что зубной врач, смотрит на зуб, который только что удалил клиенту и, оценивая результат своих усилий, замечает: «***Плохой*** *был зуб!*». «*Да, зуб* ***был*** *плохой …*», – соглашается лишившийся зуба пациент. Для создания юмористического эффекта в русском переводе нам пришлось заменить идентичный порядок слов датских реплик на порядок, варьирующий тема-рематическое членение. В первой реплике в фокусе высказывания ока-

зывается характеристика зуба, а во второй в фокус высказывания попадает весь предикат в форме прошедшего времени. В датском же анекдоте юмористическое приращение смыслов, «запрограммировано» самой категориальной семантикой противопоставленных глагольных форм. Для врача зуб, который он держит в руках, естественным образом входит в коммуникативную ситуацию приема данного пациента. Для пациента, у которого зуб удалили, этот зуб превратился в факт невозвратного прошлого. Именно поэтому Л.М. Локштанова приводила этот пример Вивеля как удачную иллюстрацию противопоставления неразобщенности/разобщенности презентных и претеритальных форм с коммуникативной ситуацией.

Проведенное сопоставление с русскими переводами фрагментов датских художественных текстов, построенных на преимущественном использовании одной из категориальных форм датского глагола, употребляемых для обозначения денотативного прошедшего времени (плюсквамперфекта, претерита и перфекта), позволило выявить точки несовпадений, где в переводе закономерно происходит опущение или приращение темпоральных смыслов по сравнению с текстом оригинала.

Был проанализирован эпизодообразующий потенциал указанных датских темпоральных категорий и прослежено, как эпизоды, построенные на грамматических различиях в перспективизации событий, неизбежно – под влиянием языковой специфики грамматической категоризации – претерпевают смысловое изменение при их переводе на русский язык.

II.6.3. Когнитивный сюжет отстраненного повествователя

Влияние дистанцирования как базовой категории датской грамматической системы столь велико, что находит отражение в продуктивности определенных сюжетов датской литературы. Так анализ целого ряда произведений датских писателей позволил нам утверждать, что для современной датской литературы важным когнитивным сюжетом является художественное осмысление идеи отстраненности повествователя от субъекта его повествования [Никуличева 2019]. Датские авторы вновь и вновь возвращаются к сюжету, когда трагические события, переживаемые главным персонажем, излагаются с позиции отстраненного наблюдателя (или наблюдателей), которые бесстрастно констатируют происходящее, чем создается сильный художественный эффект когнитивного диссонанса.

Так, В 1990 был опубликован рассказ мэтра датской литературы Свена Оге Мадсена «Udenfor» («Снаружи»), а в 2010 году молодая писательница Каролина Маллинг дебютировала пьесой «Bag hegnet» («За забором»). Принадлежащие разным поколениям авторы не случайно обращаются к одному и тому же сюжету.

Название рассказа Свена Мадсена «Снаружи» отражает самую суть коллизии. Компания подростков обнаруживает, что, взобравшись на забор, можно через

окно подглядывать за одной семьей, живущей в их доме. «Снаружи» подростки наблюдают за жизнью семьи с ее буднями, горестями и нарастающим отчаянием. По ходу повествования автору удается сохранять ощущение абсолютного равнодушия любопытствующей толпы. Так же отстраненно описывается сцена самоубийства девочки, главной героини рассказа, со спокойным интересом наблюдаемая подростками.

В пьесе Каролины Маллинг три безликих соседа, именуемые цифрами 1, 2, 3, годами из-за забора наблюдают за семьей, переехавший в их поселок. Из их бесцветных реплик мы узнаем, что вот семья купила машину, вот построила сарай, вот они отправляются путешествовать, что отец много фотографирует дочку в саду. А потом между строк становится ясно, что нет уже ни жены, ни дочери. Соседи наблюдают, как мужчина стоит перед своими воротами и медлит войти. А в последней сцене они наблюдают за телом, раскачивающимся в саду на суку старой груши, и обсуждают, надо ли открыть ворота, или машина, которая приедет его забирать, припаркуется снаружи …

Поскольку сюжет отстраненного наблюдателя основан на целом ряде специфических датских особенностей языковой категоризации, он закономерно вызывает определенные переводческие сложности при его передаче на русский язык. Так, нарочито подчеркнутая в оригиналах таксисная отстраненность наблюдателя от персонажей неизбежно утрачивается в переводе, а иногда, при передаче датского претерита переводчик использует формы настоящего времени, тем самым перцептивно еще более приближая героя к повествователю. Ср.:

:*De* ***overvejede*** (Præt) *på et tidspunkt, om de* ***skulle gå*** (Fut II) *om i haven, eller hjem, eller måske søge læ i vindfanget, de* ***ville*** *godt* ***kunne se*** (Fut II) *ham fra vindfanget.* (Malling 2010) ‘В какой-то момент они даже ***подумывают***, а не обойти ли вокруг и не попытаться ли проникнуть в дом или в сад, или, быть может, встать под навесом на крыльце – с крыльца им ***будет*** его хорошо *видно*’ (пер. О.В. Рождественского).

Использование в датском оригинале глагола мыслительной деятельности в претерите и дубитативного предположения в форме будущего в прошедшем четко противопоставляет перцептивную позицию наблюдателя и наблюдаемых. В русском же переводе их настоящее и их будущее совпадают, что сразу уменьшает значимую для авторского замысла когнитивную дистанцию.

Подчеркнем, что речь идет не о неполном понимании установок оригинала переводчиком, а о том, что языки в разной степени обладают грамматическим ресурсом для выражения некоторых смыслов, значимых настолько, что в соответствующей языковой культуре они становятся сюжетообразующими, задавая *когнитивные сюжеты* данной лингвокультуры.

Не случайно многие персонажи датской литературы подчеркивают восприятие самих себя со стороны (*udefra*). Так, главная героиня романа Кристины Хессельхольт «Camilla – og resten af selskabet» неоднократно говорит о том, что наблюдает себя саму «снаружи», например:

Det **forekommer** *mig at vi en enkelt gang var på tomanshånd (hvilket var lettere for mig end at være i flok, alligevel* ***så*** *jeg uafladeligt* ***mig selv udefra****; jeg* ***var*** *faktisk* ***to*** *og* ***befandt mig i*** *en endeløs* ***træden mig selv over tæerne****)* (Hesselholdt 2010, с.10) 'Мне кажется, мы как-то раз остались с глазу на глаз, что было для меня легче, чем быть в толпе, но я все равно постоянно видела себя ***со стороны*** (udefra), фактически, *было две меня*, и я без конца *наступала себе самой на пятки'*.
Или: *Og jeg* **tænkte**: *ja, det er sådan, det er (hvor 'det' sandsynligvis betød livet)... samtidig med, at jeg* **følte** *mig* ***udenfor*** og ganske givet komplet idiotisk (Hesselholdt 9). 'И я подумала: да, вот оно как (где 'оно', разумеется, обозначало жизнь) и одновременно ощущала себя ***снаружи*** и совершенно по-идиотски'.

Подруга главной героини, Альма, тоже видит себя со стороны:
De sad, i trusser, i det barrikaderede værelse, og drak vin og røg cigaretter og hørte musik, pludselig ***så*** *Alma* ***sig selv udefra*** og sagde: *«****Man skulle tro****, vi* ***sad*** *på en strand»* (Hesselholdt 39). 'Они сидели в одних трусах в забаррикадированной комнате и пили вино, курили сигареты и слушали музыку, вдруг Альма ***увидела себя со стороны*** и сказала: «*Можно подумать, мы сидим на пляже*»'.

Передающее прямую речь Альмы предложение ***Man skulle tro****,* vi ***sad*** på en strand, особенно интересно. Оно представляет собой квинтэссенцию разнообразных языковых средств датской перспективизации: 1) Взгляд на ситуацию со стороны (***så sig selv udefra***) отражает отстраненность восприятия ситуации персонажем. 2) В роли воспринимающего субъекта вместо реальных участников ситуации, запершихся вдвоем в комнате, выступает неопределенно-личное местоимение **man**. 3) Предикат выражен сочетанием претерита модального глагола ***skulle*** + Inf I, которое употребляется в датском языке для отмежевания говорящего от чужого высказывания, и снятия с себя ответственности за достоверность передаваемой им информации: «Характерной особенностью употребления ксенопоказателя *skulle + Inf. I/II* является выражение значения **отмежевания, дистанцирования** <выделено мной, ДН> говорящего от передаваемой информации, что легко подтвердить возможностью выражения сомнения в ее достоверности или опровержения ее как недостоверной не только каким-либо другим лицом, но и самим говорящим» [Крылова 2016, 36-37].

В данном контексте, используя форму предиката ***skulle*** + *Inf I*, субъект дистанцируется от своего собственного суждения, как будто оно высказано кем-то другим. 4) Использование ментального предиката ***tro*** указывает на конструирование **воображаемой** ситуации (trosuniverset) в противоположность ситуации, основанной на перцептивном опыте (erfaringsuniverset) см. [Dudst-Andersen 2011, 164–167]. 5) Использование претерита ***sad*** отодвигает синхронную моменту речи ситуацию в сферу ирреальности как контрафактивную, то есть противоречащую

реальному положению дел: персонажи заперты в комнате, а не сидят на пляже. В результате возникает то, что мы предлагаем называть кумулятивным эффектом дистанцирования. Высказывание *Man skulle tro, vi sad på en strand* маркируется как удаленное от позиции говорящего сразу множеством языковых средств, что многократно усиливает эффект отстраненности повествователя. Это кумулятивный эффект дистанцирования неизбежно утрачивается в русском переводе.

Отстраненно-личная функция местоимения *man*

Что касается неопределенно-личного местоимения ***man,*** то, хотя в датских грамматиках указывается, что «обобщающая функция для этого местоимения является центральной», отмечается также, что «иногда, если по стилистическим или прагматическим причинам говорящий хочет избежать употребления личного местоимения, ***man*** может использоваться в значении 1, 2, или 3 лица» [Hansen, Heltoft 2011, 557–558]. Для целей нашего изложения важно подчеркнуть, что при использовании ***man*** в функции 1 лица (назовем эту функцию ***отстраненно-личной***) драматически усиливается эффект дистанцированности персонажа от самого себя, то есть реализуется типичный когнитивный сюжет, когда говорящий воспринимает ситуацию «снаружи» – «udefra».

Вот как, например, говорит о себе эксцентричный персонаж романа Ляйфа Пандуро «De uanstændige» Эжен Таммс:

Sidste år, før München, blev ***man*** *standset på gaden af vildtfremmede mennesker, alle mulige med overskæg og vilde øjne, der spyttede en masse dumheder i hovedet på én*. (Panduro 1960, 47) ‘В прошлом году, еще до Мюнхена, ***человека*** остановили на улице какие-то абсолютно чужие люди, бородатые, с дикими глазами, которые выкрикивали в лицо ***человеку*** массу всяких глупостей’

– ***En anden én*** *bli'r snart nødt til at rejse til Paris igen,* ***man*** *kan ikke tåle klimaet …– Hvad er der i vejen? sagde Thomas. – Høslætten, sukkede Eugene, i grunden kan* ***man*** *ikke tåle noget som helst.* ***Man*** *er skrækkelig sart …* (Panduro 32). ‘***Человеку*** скоро нужно будет вернуться в Париж, ***человек*** не выносит климата … – В чем дело? – спросил Томас. – Аллергия, вздохнул Эжен, по большому счету, ***человек*** вообще ничего не выносит. ***Человек*** очень нежный’.

II.6.4. Преспективизация времени в паремиях датского языка

Предметом рассмотрения в данном разделе будет языковое представление разной масштабизации времени паремиологическими средствами датского языка. Под *масштабизацией* понимается противопоставление масштабов вселенского времени масштабу антропоцентрированного времени, ориентирующему события относительно субъекта речи. Если антропоцентрированное время

можно определить как «время человека», то вселенское время предстает в паремиологии как «время Бога».

Термин *паремии* (в отличие от термина *пословицы*) использован в заглавии подраздела не случайно. С одной стороны, под паремией (из греч. παροιμία притча, пословица) понимается «родовое обозначение пословиц и поговорок: народный речевой жанр малой формы, характеризующийся устойчивостью и клишированностью» https://lektsii.com/2-81184.html. В таком понимании паремии не раз становились объектом лингвистического исследования как сложные единицы языка, обладающие значимой коннотативной семантикой в контексте языковой культуры [Телия 1986; Телия 1999; Кузьмина 2002, Ковшова 2012 и др.]. С другой стороны под паремиями понимается нравоучительный текст, содержащий места из Священного Писания: «отрывок из Ветхого Завета, содержащий пророчества или поучения и читаемый в православной церкви во время богослужения» https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/85044/%D0%9F%D0%90%D0%A0%D0%95%D0%9C%D0%98%D0%AF

Такая двойственная обращенность паремии к Богу и к человеку получает особый смысл в контексте проблематики, обсуждаемой в данном подразделе.

В опубликованном издательством Politiken обширном собрании датских пословиц [Politikens Ordsprogsleksikon 1994] (POSL), послужившем материалом нашего исследования, из 6228 единиц упоминание Бога встречается в 99 паремиях. Однако упоминание Бога в связи с идеей времени представлено лишь дважды.

Первая паремия встречается во всех скандинавских языках и представляет собой распространенный культурный трансфер, отражающий идею непредсказуемости будущего:

Mennesket spår men Gud rå'r (POSL 5914, Norden) 'Человек предполагает,
а Бог располагает'.

Если сопоставить семантическую мотивировку русских и датских предикатов, то в русском языке на первый план выступает идея расположения события в «пространстве» времени: фронтальной локализации событий человеком – *предполагать* – и всеобъемлющей Богом – *располагать*. В датском же, актуализирована идея визуального конструирования времени человеком. Глагол spå 'предсказывать', 'пророчить, 'ворожить' этимологически связан со значением 'видеть'. Ср. и.е. *spek– 'внимательно смотреть' лат. specere, spectare. [Etym. 413]. Идее неуверенного визуального представления времени человеком противопоставлена идея Божественного владычества над временем: råde 'советовать', 'править', 'господствовать'.

Время Бога и время человека наиболее явно противопоставляются в паремии времени, пришедшей в датский язык из финского:

Gud har tid og mennesket dage (POSL 5299 Finland) 'У Бога есть время,
у человека – дни'.

Недискретность, безграничность времени Бога (*tid*) противопоставляется дискретности и конечности времени человека (*dage*). Смена дней человека пред-

полагает движение, время Бога – это навсегда заданное пространство вечности. Именно поэтому в датских фразеологизмах противопоставление времени человека и времени Бога предстает также как антиномия *времени* и *вечности*.

Так, фразеологизм at omveksle tiden med evigheden (букв. '*сменить время на вечность*') служит в датском языке одним из эвфемизмов высокого стиля для глагола «умирать»: I går er fra Celle indløbet efterretning, at dronning Caroline Mathilde efter nogle dages sygdom har forgårs nat klokken elleve *omvekslet tiden med evigheden*. 'Вчера из Целле прибыло донесение, что накануне в 11 часов вечера после нескольких дней болезни королева Каролина Матильда отошла в вечность' (Krarup 1998, s 120). (Высказывание стилизовано под язык XVIII века).

Статичность времени Бога как пространства вечности проявляется, прежде всего, в датских переводах Библии. Каждому событию уготовано *свое* (***sin*** tid) = *правильное* (den ***rette*** tid) время, предопределенное Богом, предназначенное *для* чего-то (tid ***til*** at …). Использование в датском тексте предлога целеполагания til (ср. этимологически родственное нем. Ziel 'цель') даже более, чем русские или английские соответствия, указывает на предначертанность каждого события во времени:

дат. *Tid til at fødes og Tid til at dø, Tid til at plante og Tid til at rydde …*

англ. *a time to be born and a time to die, a time to plant and a time to uproot …*

рус. *время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное* (Екклесиаст 3:2)

Предикаты, субъектом которых является время Бога, статичны. Особый интерес представляет типичное для датского языка Библии сочетание *tiden er/var inde* (досл. 'время было/есть *внутри*'). Использование пространственного наречия *inde* 'внутри', концептуализирует предначертанное время как находящееся внутри определенного временного локуса в хронотопе вечности:

*Da **tiden var inde**, sendte han en af sine folk til vinbønderne, så de kunne aflevere en del af vingårdens høst til ham*. (Lukasevangeliet 20:10). Ср. рус. вариант:

И *в свое время* послал к виноградарям раба, чтобы они дали ему плодов из виноградника (От Луки 20:10).

*Blomsterne kommer til syne i landet, **sangens tid er inde**, turtelduens kurren høres i vores land*. (Højsangen Ср. рус. вариант: Цветы показались на земле; *время пения настало*, и голос горлицы слышен в стране нашей (Песни песней 2:12).

Время человека, в отличие от времени Бога, ориентировано на момент речи говорящего. В этом плане обращает на себя внимание своеобразие использования сочетания *sin tid* в современном датском языке. Это уже не время, предопределенное Богом, а «свое время» человека, ориентированное относительно момента речи. Эта ориентация четко проявляется в сочетаемости *sin tid* с разными предлогами: ***i** sin tid* ↔ ***til** sin tid*, в зависимости от того, к прошлому или к будущему по отношению к моменту речи относится упоминание этого «своего времени»:

Museet ligger omtrent der, hvor Ole Rømer i sin tid indrettede et landobservatorium. (KorpusDK) 'Музей располагается примерно на том же месте, где Оле Рёмер в свое время (***i** sin tid*) устроил национальную обсерваторию'.

*Hun går i en handicapgruppe i en almindelig børnehave, og **til sin tid** kommer hun til at gå i skole med de samme børn* (KorpusDK) HendVerd1992 'Она ходит в группу детей с ограниченными возможностями в обычном детском саду, и в свое время (***til** sin tid*) пойдет в школу с теми же детьми'.

Время человека, также как и время Бога, может задавать свой временной масштаб. Эта идея является смысловым ядром датской пословицы, происходящей из Восточной Ютландии:

Et gærde varer tre år, en hund tre gærder, en hest tre hunde og et menneske tre heste. (POSL 5297 Østjylland) 'Век изгороди – три года, век собаки – три изгороди, век лошади – три собаки, а век человека – три лошади' (*досл.* изгородь длится три года, собака – три изгороди, … и т.д.)

Если в приведенных ранее паремиях общий масштаб задает время Бога, то в последней масштаб времени задается временем жизни человека. Не случайно одним из значений слова *tid* в датском языке является значение «время жизни» человека:

Han har sådan nogle forfærdelig dårlige tænder, og vi kan ikke drive ham til tandlægen. Han siger, at de skal holde hans tid ud (KorpusDK). 'У него отвратительные зубы, но мы не можем отправить его к стоматологу: он говорит, на его век (*досл.* на *его время*) хватит'.

Идеи движения времени, приближения и удаления событий от наблюдателя, соотнесения промежутков времени, владения временем – составляют основной массив датских паремий времени – и в каждой из них в том или ином аспекте отражается Время Человека – антропоцентрический взгляд на время, ориентирующий ход событий относительно говорящего.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Поскольку выводы по специфике предложной организации пространства времени в датском языке были сделаны в конце первого раздела данной главы (см. с. 121), то сейчас сосредоточимся на общих выводах по второму разделу Главы II, а именно на специфике организации пространства времени посредством темпоральных категорий датского глагола.

1. Предлагаемый в исследовании интегративный подход, построенный на сопоставлении диахронических и системно-структурных данных с результатами межъязыкового перцептивно-визуального эксперимента, позволяет предложить целостное когнитивное осмысление категории времени, по-разному концептуализированной в грамматических системах английского и датского языков как в специфических культурных кодах, сложившихся в ходе эволюции германской языковой группы.
2. Системоцентричность и антропоцентричность описания дополняют друг друга, углубляя наше понимание когнитивных основ грамматической семантики форм датского глагола.

3. Перспективизация представляет собой стержневую категорию датской грамматической системы, организующую широкий спектр антропоцентрированных темпоральных категорий датского языка.
4. Предлагаемый нами перцептивно-визуальный подход к представлению грамматических оппозиций (см. Рис. 26) позволяет по-новому взглянуть на соотношение категории времени и наклонения в датском языке, поскольку показывает, что категория отдаления (дистанцирования) системно обслуживает задачи перспективизации как реальных, так и воображаемых и ирреальных событий.
5. Развитие новых грамматических категорий типа двойного перфекта свидетельствует о дальнейшем усилении категории перспективизации в современном датском языке;
6. Таксисная перспективизация создает когнитивные предпосылки для темпорального дистанцирования повествователя от субъекта повествования.
7. Анализ примеров формального нарушения согласования времен в публицистике и художественной литературе позволяет утверждать, что употребление несогласованных форм в нарративных и новостных текстах имеет единую когнитивную природу, основанную на изменении перспективизации изложения продуцентом текста.
8. Если стандартная согласовательная норма, построенная на дистанцировании темпоральных пространств продуцента и референта текста. по умолчанию обслуживает объективное изложение событий, то ее нарушение всегда свидетельствует об усилении субъективного фактора. Это выражается в темпоральном приближении плана повествования к позиции продуцента текста.
9. Сочетание различных грамматических и лексических средств датского языка целенаправленно создает кумулятивный эффект дистанцирования, что утрачивается при переводе подобных высказываний на русский язык.
10. Влияние дистанцирования как базовой категории датской темпоральной системы столь велико, что находит отражение в продуктивности определенных лингвоспецифических художественных метафор времени и определенных сюжетов датской литературы.
11. Для современной датской литературы важным когнитивным сюжетом является художественное осмысление идеи отстраненности повествователя от субъекта его повествования, а также идеи отчужденности повествователя от себя самого.
12. Анализ датских паремий, содержащих идею времени, по «Словарю датских пословиц» (Politikens Ordsprogsleksikon) убеждает в том, что антропоцентрический взгляд на время, ориентирующий ход событий относительно говорящего, представлен в их абсолютном большинстве (97 из 99). В них отражены идеи движения времени, приближения и удаления событий от наблюдателя, соотнесения промежутков времени, владения временем – то есть в каждой из них в том или ином аспекте отражается время человека.
13. Статичность времени Бога – как пространства вечности – проявляется, прежде всего, в паремиях из датских переводов Библии. Согласно им, каждому событию уготовано *свое* (***sin*** *tid*) = *правильное* (*den* ***rette*** *tid*) время, предопределенное Богом, предназначенное *для* чего-то.

ГЛАВА III
ОРИЕНТАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЫСЛИ: СИСТЕМА ДАТСКИХ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

«Грамматика – это самосознание языка, точно так же, как логика есть самосознание мышления. Знание грамматики наделяет человека способностью противостоять искушениям примитивной логики и ее необдуманному применению в целях познания своего места во вселенной»
(Ойген Розеншток-Хюсси)

В предлагаемой главе исследуется один из фрагментов грамматической системы датского языка, где представлено регулярное формальное варьирование служебных языковых маркеров, схожих по своей синтаксической дистрибуции, но несущих различную функционально-семантическую информацию, обусловленную установкой говорящего. Речь идет о функционировании квазисинонимических подчинительных союзов датского языка. Под квазисинонимическими союзами мы понимаем союзы, различающиеся в плане выражения, но функционирующие в максимально схожих синтаксических контекстах, которым при переводе на русский язык соответствует один и тот же эквивалент. В отдельных разделах главы речь пойдет о временных, определительных и причинных союзах.

III.1. КВАЗИСИНОНИМИЯ ДАТСКИХ ВРЕМЕННЫХ СОЮЗОВ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ

Применение понятия квазисинонимии позволило сопоставить придаточные временные, вводимые в русском языке союзом ***когда,*** с их датскими эквивалентами, а именно с предложениями, вводимыми союзами ***da, når*** и ***hvor***, и проанализировать семантические различия между ними.

Гипотеза, обсуждаемая в данном разделе, состоит в том, чтобы доказать, что асимметричность функционирования этих союзов носит закономерный характер и связана с антропоцентрированной идеей эпистемической ответственности говорящего за объективный/ субъективный/ конкретный/ обобщенный статус информации, которую он адресует реципиенту.

Релевантным противопоставлением в системе датских временных союзов оказывается асимметричное противопоставление событий прошлого как объективных ориентиров во времени (*da*) разнообразным проявлениям субъективного фактора временной ориентации (*når*). К таковым, с одной стороны, относится выражаемая союзом *når* непосредственная перцепция мира говорящим в момент речи, а, с другой стороны, обслуживаемые этим же союзом различные виды мен-

тального конструирования мира говорящим: прогностичность, желательность, контрафактивность, а также генерализация, включая такие ее первичные проявления как итеративность. Субъективный фактор временной ориентации также проявляется в темпоральном употреблении союза *hvor*, сигнализирующего о характеризации момента времени как перцептивно или ментально приближенного к субъекту речи.

Согласно теории языковых супертипов, впервые предложенной Пером Дурст-Андерсном в 1997 г [Durst-Andersen, 1997], датский язык является языком, грамматическая система которого ориентирована на слушающего, что, прежде всего, проявляется в нюансированной системе темпоральных оппозиций и оппозиций определенности-неопределенности. В русле датского проекта по исследованию языковой полифонии [Sproglig polyfoni, 2004; 2005; 2007] датский лингвист называет такую приоритетную ориентацию грамматической системы языка его *базовым голосом* («grundstemme») [Durst-Andersen 2007].

В указанной статье П. Дурст-Андерсен обращает внимание на то, что ориентация грамматических противопоставлений на адресата необходимо предполагает также второй план грамматической информации. Прагматическая задача этого плана состоит в указании на объективный, либо субъективный статус той информации, которую говорящий адресует реципиенту: «Når modtagers stemme er grundstemmen, dvs. det danske sprog taler i informationsmæssige termer, må afsenders stemme også være til stede – hans oplevelser må også være der. Det er den også i form af et obligatorisk, men ikke-reglementeret valg mellem afsenders objektive stemme (hovedstemmen) og afsenders subjektive stemme (bistemmen) der hver især giver modtager informationens status» [Durst-Andersen 2007, 179] ‘Когда голос получателя является для языка базовым, <…>, также должен присутствовать голос отправителя <..>. Он реализуется в форме обязательного, но нерегламентированного выбора между объективным голосом отправителя (основной голос) и субъективным голосом отправителя (вторичный голос), каждый из которых сигнализирует получателю о статусе информации’.

Языковые средства выражения этого «субъективного голоса отправителя» последовательно реализуют антропоцентрированную составляющую датской грамматической системы. Именно здесь в наиболее полной мере проявляется фактор субъекта-перцептора, воспринимающего денотативную реальность и пропускающего ее через свое сознание (Input) с тем, чтобы затем – уже в качестве субъекта речи – оформить ее в виде речевого высказывания, обращенного к реципиенту (Output).

Сравнивая употребление форм аналитического, синтетического и модального пассива, Дурст-Андерсен показывает, что говорящий на датском языке способен языковыми средствами сигнализировать реципиенту, что «вербализует» информацию либо из *объективного* источника – а именно, опираясь на *конкретный опыт* (erfaringslager) или на *обобщенное знание* (videnslager) – либо же из *субъективного*

источника – а именно, опираясь на *конкретное предположение* (troslager) или на *обобщенное мнение-оценку* (meningslager) [Durst-Andersen 2007, 168].[11] (См. Табл. 9).

Таблица 9

Meningslager **MENE** *Han **må fyres** i morgen!* <Я считаю, что> он должен быть завтра уволен'	**Videnslager** **VIDE** *Mange **fyres** for tiden pga. Outsourcing* <Я знаю, что> сейчас многих увольняют…'
Troslager **TRO** *Han **må blive fyret** i morgen* '<Я предполагаю, что> завтра он будет уволен'	**Erfaringslager** **SYNES/ERINDRER** *Mange **bliver fyret** for tiden…* <По моему опыту,> сейчас многих увольняют'

Те субъективные смыслы, которые в русских переводах в Табл. 9 мы постарались передать описательно, выражаются в датском языке грамматически – за счет противопоставления *синтетического пассива* (*fyres*) для выражения абстрактного знания говорящего, *аналитического пассива* (*bliver fyret*) для выражения его конкретного опыта, *модального синтетического пассива* (*må fyres*) для выражения мнения говорящего, *модального аналитического пассива* (*må blive fyret*) для выражения его предположения,

Противопоставление субъективации и объективации высказывания, когда за счет языковых средств носитель языка получает возможность представить свое высказывание либо как актуальное, перцептивно и/или концептуально близкое говорящему или, напротив, дистанцированное и тем самым представляемое в объективированном виде, на типологически близком шведском материале проводилось Е.М.Чекалиной [Чекалина 2017]. В главах «Субъективный и объективный взгляд на вещи в зеркале шведского языка» и «Функционально-семантические аспекты вариативности в современном шведском языке» автор предложила объяснение множеству фактов функционально-семантической вариативности, как, например, отмеченный выше для датского языка выбор форм *аналитического и синтетического пассива*, использование форм *перфекта или претерита* для описания прошлых событий, варьирование форм *презентного и аналитического выражения будущего времени*, колебание между *презентным и претеритальным выражением эмоциональной оценки* и др.

---

[11] Предлагаемое Пером Дурст-Андерсеном деление глаголов ментальной деятельности на четыре типа, сигнализирующих, что говорящий получает информацию либо из *объективного* источника – а именно, опираясь на *конкретный опыт* (*synes*) или из *обобщеннго знания* (*vide*) – либо же из *субъективного* источника, опираясь на *конкретное предположение* (*tro*) или на *обобщенное мнение-оценку* (*mene*), может быть продолжено. Как показывает исследование Э.Б. Крыловой [Крылова 2020], датский путативный глагол *tænke* имеет свою коммуникативно-прагматическую специфику, поскольку, используя его, говорящий не только «сообщает собственное мнение, оформленное в виде гипотезы, как это происходит при употреблении глагола *tro*», но и «вовлекает в процесс своих размышлений слушающего». В этом случае речь идет не только об ориентации говорящего в пространстве мысли, но и в пространстве коммуникации, чему посвящена следующая глава нашей книги.

Вышеназванные случаи грамматического варьирования, как было показано в предыдущих главах этой книги, наблюдаются и на датском материале. Наряду с этим, в столь последовательно аналитическом языке, каковым является датский, для вербализации этого второго плана информации не менее активно используются и противопоставления в рамках системы «малых слов». Частицы, поствербы, предлоги, союзы – всё это вовлекается в сложную систему второго уровня индексации, соотносящей информацию, с тем, как она возникает в голове говорящего.

Эти соображения побудили нас проанализировать те участки грамматической системы датского языка, где представлено регулярное формальное варьирование служебных языковых маркеров, схожих по своей синтаксической дистрибуции, но несущих различную функционально-семантическую информацию, обусловленную установкой говорящего. В данном разделе речь пойдет о функционировании квазисинонимических временных союзов датского языка. Повторим, что под квазисинонимическими союзами мы понимаем союзы, различающиеся в плане выражения, но функционирующие в максимально схожих синтаксических контекстах, которым при переводе на русский язык соответствует один и тот же эквивалент. (О методике анализа квазисинонимических временных предлогов см. [Никуличева 2017а, и стр. 107 II.2]).

Исследуя ранее особенности предложного обозначения временных ориентиров в датском языке, мы обращали внимание на асимметричность обозначения предложной локализации событии в прошлом и будущем (*i mandags – på mandag*, *i sommer – til sommer* и др.). Эти вербальные проявления асимметричности представлений прошлых и будущих событий соотносились с особенностями невербальных визуализаций прошлого и будущего носителями датского языка. Подчеркивалось, что эти различия имеют перцептивную и когнитивную природу. Представления биографического прошлого связываются с процессами визуального воспоминания пережитых событий, тогда как представления о будущих событиях определяются когнитивными процессами ментального конструирования.

Обратившись к рассмотрению функционирования *временных союзов*, мы можем наблюдать аналогичную временным предлогам асимметричность маркирования отнесенности события к прошлому и к будущему. Это проявляется в оппозиции союза *da,* локализующего событие в прошлом, и союза *når*, локализующего событие в настоящем и будущем.

Da vs. *Når*

Этимология обоих союзов восходит к наречиям пространственной ориентации:

Da (*glda.* tha, thaa, *æda.* þa, *run.* þą, *oldn.* þá, *eng.* than, *ty.* dann (denn), *got.* þan, *lat.* tum [https://ordnet.dk/ods/ordbog?query=da]. Двойственность пространственно-временного значения этимологически близкого наречия наглядно проявляется в греч. τῆμος «там, тогда» [https://lexicography.online/etymology/там]. Смысловая двойственность подтверждается данными большого датского словаря «Ordbog over det danske sprog» (ODS), указывающего, что до конца XVII в. в функции вре-

менного наречия *da* «тогда» чаще употреблялось пространственное наречие *der* «там». [https://ordnet.dk/ods/ordbog?query=da].

Når (*glda.* nar, nor, nær *(Kalk.III.190f. som adv.: Brandt.RD.I.141.169), æda.* næ(æ)r *(som adv.: DGL.II.146. FlensbSt.93. Harp. Kr.57),* næræ *(i sa. bet.: DGL. II.146var.),* nar *(som konj.: SkLov.(Schlyter).237.* nar sum. *ErLov.3.37), sv.* när *(dial. ogs.* når*), fsv.* nar, nær, *no.* når *(dial. ogs.* nær*), oldn.* nær) [https://ordnet.dk/ods/ordbog?query=n%C3%A5r]. Обращает на себя внимание этимологическое сближение союза når с прилагательным nær «близкий» **(***glda.* nær *(og* nar. *Rimkr. M.67. Brandt.RD.I.328), æda.* nær *(fx. DGL.I.22.35.II.191), oldn.* nær, *eng.* near; *egl. komp., jf. ty.* näher, *oht.* nahor, *got.* nehwis; *til oldn.* ná– *i ssgr., nær– (jf.* Nabo*), ty.* nah(e), *got.* nehw(a); *besl. m.* I. naa [https://ordnet.dk/ods/ordbog?query=n%C3%A6r]**.**

Таким образом, если союз ***da*** этимологизируется как указание на отдаление произошедшего события во временном пространстве (*там-тогда*), то союз ***når*** – как близость или приближение (ср. дат. прил. *nær* и гл. *nærme*) к еще не произошедшему событию. Это делает закономерным асимметричное использование в датском языке временных союзов *da* и *når* в отношении прошлых и будущих временных ориентиров.

Авторы академической грамматики датского языка [Hansen, Heltoft, 2011] указывают на то, что ***da*** употребляется в отношении прошлых (*om de fortidige*), а ***når*** в отношении будущих и итеративных (*om de fremtidige og iterative*) событий. При этом приводятся примеры как собственно придаточных временных (1), (2), (3) так и придаточных временных в функции дополнительных (eksplikative ledsætninger): (4), (5), (6):

(1) *Ulykken skete* ***da*** *vi var i Jylland.* ’Беда случилась, когда (*da*) мы были в Ютландии*’;*

(2) ***Når*** *vi får bedre tid, skal vi til Italien.* ‘Когда (*når*) время позволит, мы поедем в Италию’;

(3) ***Når*** *solen går ned, så bliver det koldt.* ’Когда (*når*) солнце заходит, становится холодно’;

(4) *Jeg hørte tydeligt* ***da*** *han kom hjem.* ’Я отчетливо слышала, когда (*da*) он пришел домой’;

(5) *Jeg kan sagtens høre* ***når*** *han kommer hjem om lidt*. ’Я, конечно, услышу, когда (*når*) он придет домой’;

(6) *Jeg kunne altid høre* ***når*** *han kom op ad trappen* ‘Я всегда слышала, когда (*når*) он поднимался по лестнице’[Hansen, Heltoft 2011, 1498, 1532].

Вместе с тем, обращение к художественной литературе и к корпусу современного датского языка (KorpusDK) убеждает, что многозначность темпорального союза **når** значительно шире, чем будущность и итеративность, и что этот союз далеко не всегда вводит реалис (ср. [Hansen, Heltoft 2011, 1493]).

Гипотеза, обсуждаемая в данном разделе, состоит в том, чтобы доказать, что эта многозначность носит закономерный характер и связана с антропоцентрированной идеей эпистемической ответственности говорящего за объективный/ субъ-

ективный/ конкретный/ обобщенный статус информации, которую он адресует реципиенту.

Семантика близости, обусловленная этимологией союза *når,* в полной мере проявляется во временных придаточных, обозначающих настоящий момент, непосредственно наблюдаемый субъектом речи (*перцептивное настоящее*). Часто такое «присутствие говорящего в кадре» маркируется лексически: *lige nu, når 'прямо сейчас, когда'*. Типичными контекстами служит прямая речь, или повествование, которое ведется от первого лица в настоящем времени:

(7) *Heroppe er der guddommeligt. Lige nu,* ***når*** *himlen er usandsynligt blå, den blindende hvide sne drømmeagtig jomfruelig*. 'Здесь наверху божественно. Прямо сейчас, когда небо невероятно синее, а снег сказочно девственен';

(8) – *Træt. siger Janni,– Næh, ikke lige nu ...* ***når*** *jeg ser " mit " barn og hendes gæster.* '-Устала, – говорит Янни. – *Нет, не прямо сейчас ..., когда смотрю на мою малышку и ее гостей*'.

Можно предположить, что именно семантика перцептивного настоящего, заложенная в союзе *når*, делает возможным нестандартное употребление этого союза с предикатами прошедшего времени, обозначающими единичное событие:

(9) *At elske måtte også være at tilgive og glemme, nu, netop nu,* ***når*** *jeg* ***holdt*** *om hende*. 'Любить значило также прощать и забывать, сейчас, именно сейчас, когда (*når*) я *держал* ее в объятиях';

(10) *Angsten for at blive gravid ødelagde desværre lidt af fornøjelsen, fortæller Karen. Men jeg glemte det nu,* ***når*** *jeg* ***var lun*** *på en fyr.* 'Страх забеременеть, к сожалению, несколько портил удовольствие, рассказывает Карен. Но я забыла об этом *сейчас, когда была влюблена* в парня'.

Отметим, что союз *når*, употребляемый по отношению к единичному событию в прошлом, выражаемому предикатом в имперфекте, обязательно сопровождается наречием *nu* '*сейчас'*. Тем самым говорящий воспроизводит эффект непосредственного наблюдения события в момент речи и за счет этого приближает событие к реципиенту. Возникает стилистический эффект, называемый в когнитологии *сдвиг дейктического центра в предложении* [Ирисханова, 2014, 58].

Однако самыми распространенными в корпусе вхождениями сочетания ***nu, når*** являются все же не примеры непосредственного наблюдения события субъектом речи (перцептивное настоящее), а примеры, основанные на знании говорящего о нынешнем положении дел (*расширенное настоящее*, отсылающее к обобщенном опыту субъекта речи):

(11) *Det er ét af hovedspørgsmålene i landbrugets økonomi specielt* ***nu, når*** *så mange ældre landmænd trækker sig tilbage*. 'Это один из важнейших вопросов в экономике сельского хозяйста, особенно *сейчас, когда* так много пожилых фермеров *отходят от дел*'.

Что касается союза ***da***, то он указывает, что речь идет об объективно произошедшем событии, дистанцированном от говорящего. Это всего лишь внешний временной ориентир, соотнесенный по времени с другими объективными событиями:

(12) ***Da*** *vi* ***satte*** *os ved et af de lange fællesborde, søgte hundrede øjne vores tallerkener …* Vi ***havde taget*** *mindst dobbelt så meget som alle andre* (Hesselholdt 60). '*Когда* (*da*) мы уселись (satte os) за длинные общие столы, то за нашими тарелками следили сотни глаз … Мы взяли <до этого> (havde taget), по меньшей мере, вдвое больше еды, чем все остальные'.

Эпизод (12) предстает перед читателем как вспоминаемое говорящим событие прошлого. Источником объективной информации является собственный опыт говорящего. Согласно приведенной выше схеме Дурст-Андерсена Табл. 9, это сигнал реципиенту о том, что говорящий вербализует информацию из ментального пространства объективного опыта: "erfaringslager".

Временным ориентирам в объективной реальности прошлого, вводимым союзом ***da***, противопоставляются вводимые союзом ***når*** гипотетические события, конструируемые субъектом речи относительно ситуаций прошлого. В этом случае событие предстает не как имевшее место в реальности (*da*), а как ментальный конструкт говорящего – ирреальное предположение из прошлого (*når*):

(13) *I stedet for at forsøge at finde mit hotel skulle jeg have checket ud og taget min bagage med mig.* ***Når*** *jeg udmattet af udforsken og slæberi ikke* ***kunne*** *mere, kunne jeg have slæbt mig til et nyt, ukendt hotel – og så være sat af fra det,* ***når*** *jeg igen absolut* ***skulle sætte af*** (Hesselholdt 24). 'Вместо того, чтобы попытаться найти свою гостиницу, мне следовало бы выписаться из нее и взять с собой багаж. *Когда* (*når*) я, утомившись от поисков и таскания багажа, не могла бы (*ikke kunne*) идти дальше, то могла бы дотащиться до новой, неизвестной гостиницы, а потом уже выезжать из нее, *когда* (*når*) потребовалось бы (*skulle*) выезжать'.

Речь идет о конструируемой говорящим ситуации, что, по сути дела, сближает это гипотетическое претериальное употребление союза **når** с его употреблением в обычных футуральных контекстах (2), (5) или (14):

(14) *Selvfølgelig skal drengene ikke slå jer.* ***Hvad nu, når*** *de bliver 14 og 16 år og dobbelt så stærke som deres far?* 'Конечно же, ваши мальчики не должны с вами драться. А что будет, когда им исполнится 14 и 16 и они станут в два раза сильнее отца?'

Согласно схеме П. Дурст-Андерсена (Табл. 9), это сигнал реципиенту о том, что говорящий вербализует информацию из ментального пространства *субъективного предположения*: "troslager".

Применение предложенных Дурст-Андерсеном семиотических дистинкций также позволяет объяснить логику использования темпорального союза ***når*** в обобщающей функции.

Во-первых, это *выражение многократного, повторяющегося действия*, независимо от того, относится ли оно к настоящему, будущему или прошлому:

(15) *Hunden så lille og fortabt ud ved siden af søjlerne, men det skulle man ikke tage fejl af – så snart jeg nærmede mig, sprang den med et skævt smil ned ad trinene. <...> **Når** jeg igen **indtog** min position i regnen, **gik** den i ly og så fremdeles* (Hesselholdt 37). 'Рядом с колоннами собака казалась такой маленькой и растерянной, но не стоило заблуждаться – как только я приближалась, она с кривой усмешкой отскакивала под ступеньки. <...> *Когда* (**når**) я снова *выходила* на дождь, она *пряталась* в укрытие и выглядела абсолютно довольной'.

Использование союза *når* в примере (15) однозначно указывает на многократность и повторяемость действий, выражаемых предикатами. Если бы вместо него был использован союз *da*, то в русском переводе единичность события передавалась бы формами совершенного вида: 'Как только я *приблизилась*, она с кривой усмешкой *отскочила* под ступеньки. <...> *Когда* (*da*) я снова *вышла* на дождь, она *спряталась* в укрытие'. Обязательность оформления повторяющихся событий союзом *når* на фоне множества других генерализирующих употреблений этого союза позволяет нам трактовать итеративное употребление как первичное проявление субъективного процесса ментальной обработки денотативной ситуации говорящим.

Еще в более явном виде генерализирующая функция временного союза *når* проявляется в *обобщающих умозаключениях говорящего:*

(16) *Han havde ladet hende snakke, for han havde på fornemmelsen hvad der ville følge efter. **Når** visse kvinder **troede** at have pillet en mand fuldstændigt fra hinanden, følte de trang til at sætteham sammen bagefter* (Jessen 9). 'Он не перебивал ее, поскольку чуял, что будет дальше. *Когда* (*når*) некоторые женщины полагали (*troede*), что разобрали мужчину по косточкам, у них возникала потребность затем собрать его заново'

Обратим внимание на то, что пример (16) иллюстрирует не вневременную генерализацию, которая содержала бы предикат в настоящем времени, а умозаключение персонажа, возникшее у него в определенных прошлых ситуациях, что в датском языке маркируется согласованием предиката в прошедшем времени (***når** visse kvinder **troede***).

Сюда также можно отнести любые обобщения конкретного опыта, формулируемые в презенсе:

(17) **Når** man har fødselsdag, plejer man at få sin livret KiSchu85 'Когда у тебя день рождения, тебе обычно готовят твое любимое блюдо'

Наконец, обобщающий союз **når** закономерно вводит любые обобщения универсального характера, будь то формулировки законов природы (18) или паремии (19):

(18) Fugtig luft afkøles, **når** den stiger til vejrs IllVid1992 'Влажный воздух охлаждается, *когда* поднимается наверх'

(19) **Når** man taler om solen, så skinner den ‘легок на помине’ (букв.) ‘*когда* говорят о солнце, оно светит’.

В функции широкого обобщения **når** предсказуемо ослабляет или полностью утрачивает временную составляющую значения и превращается в аналог условного союза **hvis**:

(20) Alle betalinger er rettidige, **når** de sker senest 7 dage efter forfaldsdagen dokum1987 Платежи являются своевременными, *когда* (=если) они выполняются не позднее семи дней по истечении срока платежа.

Согласно схеме Дурст-Андерсена (Табл. 9), все генерализирующие употребления *når* – это сигнал реципиенту о том, что говорящий вербализует информацию из ментального пространства обобщенного объективного опыта: “videnslager”.

Как видим, релевантным противопоставлением в системе датских временных союзов оказывается асимметричное противопоставление событий пошлого как объективных ориентиров во времени (**da**) разнообразным проявлениям субъективного фактора временной ориентации (**når**). К таковым, с одной стороны, относится непосредственная перцепция мира говорящим в момент речи, а, с другой, различные виды ментального конструирования мира говорящим, будь то прогностичность, желательность, контрафактивность или генерализация.

Чем же обусловлена подобная асимметричность?

Ответ на этот вопрос может дать сопоставление функционирования союза **da** с союзом **hvor** в его темпоральном употреблении.

Da* vs. *Hvor

И тот, и другой союз указывает на конкретную ситуацию в прошлом, однако сопоставление примеров с этими союзами позволяет говорить об их квазисинонимичности. Если ***da*** выступает как объективный ориентир во времени, выстраивающий временную дистанцию, и тем самым создающий внешнюю перспективу наблюдателя, то ***hvor***, благодаря своей исходно локативной семантике, представляет момент речи как временной «контейнер», внутри которого происходит событие, как бы наблюдаемое изнутри. Иногда на русский язык этот союз может переводиться как ‘*пока*’:

(21) *Det optog han nu,* ***hvor*** *han sad her og følte sig som bænkevarmer over alle bænkevarmere.* (Jessen 9). ‘Такие вот мысли вертелись у него в голове, *пока* (*nu hvor*, досл. *сейчас, где* …) он сидел тут пень пнем, совершенно никому не нужный’ (худ. пер Н. Федоровой).

Тем самым создается внутренняя перспектива наблюдателя, смещающая фокус с объективной локализации события во времени на его характеризацию и – продолжая кинематографическую метафору – показывающая событие крупным планом:

(22) *Der var* ***engang hvor*** *man ikke* ***syntes*** *man skyldte naturen at glæde sig over den;* ***hvor*** *den bare* ***var*** *et helvedes mas, eller noget, der stak, når man*

som en vild stormede igennem den; ***hvor*** *man ikke* ***identificerede*** *det som en mangel i en selv, hvis den ikke åbnede sig for én* (Hesselholdt 26). ‘Было время, когда (*hvor*) ты не *считал*, что природой обязательно следует восхищаться; когда (*hvor***)** природа просто была *ужасной неразберихой* или чем-то, что кололось, когда (*når*) ты продирался сквозь нее; когда (*hvor***)** ты не *определял как собственную ущербность* то, что не распахиваешься ей навстречу’.

Анализ примеров употребления темпорального *hvor* в художественной литературе и в корпусе современного датского языка позволяет сделать одно любопытное наблюдение. В датском языке это укрупнение плана повествования (и тем самым, приближение описываемой ситуации к субъекту речи, и соответственно, к реципиенту) не всегда связывается с усилением перцептивного компонента ситуации, (что можно было бы предположить по использованию в русском переводе несовершенного вида, сигнализирующего о наблюдении серединной фазы протекания процесса: *он сидел, мысли вертелись*, *что-то кололось, ты пробирался*), а чаще – с погружением в сферу ментальной деятельности говорящего.

В приведенных примерах это наглядно проявляется в путативном[12] характере предикатов *syntes* ‘считал’, ‘казалось’, *identificerede som* ‘идентифицировал как’, ‘определял как’, *følte sig som* ‘ощущал себя будто’ и в аксиологическом характере сопутствующих определений *et helvedes mas* ’ужасная неразбериха’, *en mangel i en selv* ‘собственная ущербность’, *bænkevarmer over alle bænkevarmere* ‘неудачник из неудачников’ (*bænkevarmer* – уничижительное именование девушки или парня, которых никогда не приглашают танцевать на вечеринках).

Для проверки этой гипотезы были проанализированы все случаи употребления словосочетаний «было время, когда …» *der var engang,* ***hvor …*** (42 вхождения) и *der var engang* ***da …*** (45 вхождений) по корпусу современного датского языка https://ordnet.dk/korpusdk/teksteksempler/kontekst. (Показательно, что KorpusDK не дает ни единого употребления **der var engang,* ***når …***)!

Инвариантный смысл, выражаемый всеми примерами с бытийной конструкцией ***der var engang, da***, состоит в помещении в фокус коммуникации определенного положения дел в прошлом. Здесь в полной мере реализуется дейктическая семантика союза *da*, указывающего на дистанцированный от говорящего момент «(*там*) *во времени*». При этом пропозиция, вводимая союзом *da*, представляется субъектом речи адресату как объективное знание, или как не подлежащий сомнению факт:

(23) *Nu skal jeg fortælle dig det helt forfra:* ***der var engang***, ***da*** *himlen og jorden var ét. Der fandtes ikke nogen grænse imellem dem*. ‘Я расскажу тебе все с самого начала: было время, когда ***(da)*** небо и земля были едины. Между ними не существовало границы’;

---

[12] Под путативными предикатами понимаются предикаты, дающие представление о действительности, которое не является заведомо истинным, см. [Арутюнова 1988].

(24) ***Der var engang***, ***da*** *hele menneskeheden havde ét tungemål, ét sprog*. ‘Было время, когда (***da***) всё человечество имело одно наречие, один язык’.

Часто указанию на определенное положение дел в некий момент в прошлом сопутствует противопоставление иному положению дел в настоящем. Сравнение двух моментов времени отражает отстраненную – т.е. внешнюю – перспективу субъекта речи:

(25) ***Der var engang***, ***da*** *danske fodboldlandshold stillede sig tilfreds med hæderlige nederlag. Den tid er heldigvis forbi*. ‘Было время, когда (***da)*** датская сборная по футболу довольствовалась честным поражением. К счастью, это *время прошло*’;

(26) *Der var engang*, ***da*** man blot investerede i to grammofoner, hyrede en pladevender og så havde man et diskotek. *I vore dage* kræves der mere. ‘Было время, когда (***da***) вкладывали деньги в покупку пары проигрывателей, нанимали диск-жокея, вот вам и дискотека. *В наши дни* требуется значительно больше’.

Любопытно сопоставить употребления союзов *da* и *hvor* в рамках одного высказывания:

(27) *Og skoleelever sviner simpelthen mere i dag.* ***Der var engang***, ***da*** *de sad roligt på rækker ved deres borde,* ***hvor*** *de skrev, lyttede og rakte hånden i vejret. Nu handler meget af undervisningen om projekter,* ***hvor*** *der skal males eller slæbes en halv skovbund ind i klasselokalet.* ’Просто школьники сорят *сегодня* гораздо больше. *Было время*, когда (*da*) они спокойно сидели за партами, где/когда (*hvor*) они писали, слушали учителя, тянули руки. *Теперь же* большая часть обучения связана с проектами, где/когда (*hvor*) требуется рисовать красками или притаскивать в класс пол-леса’.

Если ***da*** выполняет функцию временной локализации, то ***hvor*** – функцию характеризации ситуации «изнутри», детализируя ее и представляя ее, тем самым, более «крупным планом»:

(28) ***Der var engang en tid***, ***hvor*** *kvinden herskede uindskrænket over fødslen. Over det nye liv, men også over Døden som af og til blev fødslens udgang. Det var en tid, for ikke så forfærdelig længe siden,* ***hvor*** *samfundets moral var anderledes. En tid* ***hvor*** *mange kvinder ved fødslen måtte vælge: Slå dit barn ihjel eller lev videre som en udstødt, en skøge.* ***Det var også en tid hvor*** *fødslen ganske og aldeles tilhørte kvinderne.* ‘Было время, когда (*hvor*) женщина неограниченно управляла родами. Той жизнью или Смертью, которой иногда оканчивались роды. Было время, причем не так уж давно, когда (*hvor*) мораль общества была другой. Время, когда (*hvor*) многие женщины при родах должны были выбирать: убей своего ребенка или живи как отверженная, как шлюха. Это было время, когда (*hvor*) роды целиком и полностью принадлежали женщине’.

Смысл придаточных предложений, вводимых союзом *hvor* в примерах (19) и (20), приближается к придаточным определительным: *projekter, hvor …*; *en tid, hvor …* . Однако внутренняя перспективизация, укрупняющая план повествования и способствующая перцептивному погружению адресата в описываемую ситуацию, возникает и в собственно временных контекстах:

(29) *Vi havde da haft meget sammen, **der var da engang**, **hvor** vi **kunne tale** i timevis. Måske var det dog til sidst mig som talte mest, men det var fordi han holdt op med at høre efter, og så måtte jeg sige tingene flere gange*. ‘У нас было много общего. *Было же время, когда* (*hvor*) мы могли говорить часами. Может, все-таки больше говорил я, но это потому, что он переставал слушать, так что мне приходилось повторять все по несколько раз’

Наиболее интересным, с нашей точки зрения, является употребление конструкции *der var engang, hvor* с предикатами ментальной деятельности. Показательно, что в корпусе не было зарегистрировано ни единого случая употребления таких предикатов с союзом *da*, зато оказалось, что в конструкции с ***hvor*** из всех предикатов чаще всего употребляется путативный предикат *troede* ‘считал’:

(30) *Der var engang **hvor** jeg troede*, kosmisk kaos var på mode for jeg hang ud blandt udbrændte stjerner, og det tog lysår før jeg så, livets storhed i det små og at himlen er begravet i vores hjerner. ’Было время, когда (*hvor*) я считал (*troede*), что космический хаос – в моде, ибо я парил среди потухших звезд, и потребовались световые годы, чтобы я узрел, что величие жизни в малом и что небеса покоятся в наших мыслях’.

Даже если положение дел в прошлом противопоставляется положению дел в настоящем – что с другими типами предикатов выражалось бы союзом ***da*** (см. прим. 23, 24) – то с предикатами ментальной деятельности устойчиво используется союз ***hvor***:

(31) *Der var engang*, ***hvor** jeg troede, at man måtte vide så og så meget for at kunne forstå Beckett, men sådan tænker jeg ikke mere*. ’Было время, когда (*hvor*) я считал, что, чтобы понять Бэккета, надо знать очень много, но больше я так не думаю’

(32) *Der var engang **hvor** mennesket troede verden var flad. Nu rejser vi til månen og ser på kloden udefra. ’Было время, когда* человек *считал*, что земля плоская. *Теперь* мы путешествуем на Луну и смотрим на земной шар из космоса’.

Используя союз ***hvor*** при путативных предикатах, говорящий определяет ситуацию по ментальной деятельности референциального сбъекта. Снимая с себя ответственность за достоверность пропозиции, автор высказывания тем самым осуществляет субъективную оценку этого момента: *Der var engang **hvor mennesket troede** verden var flad ’Было время, когда* человек *считал*, что земля плоская’ = *<было время заблуждений>*.

Используя союз ***da***, говорящий берет на себя ответственность за достоверность пропозиции, представляя ее как объективный факт, какой бы сомнительной эта пропозиция ни была. Ср. модификацию предложения (28): *Der var engang* ***da*** *verden var flad* 'было время, когда земля была плоская' = *<я утверждаю это как объективный факт>*. См также примеры (23), (24).

Помимо предиката *troede*, в конструкции ***Der var engang, hvor*** ... используются путативные предикаты *syntes*, *identificerede som* (14), а также иные глаголы ментальной деятельности:

(33) ***Der var engang***, ***hvor*** *det første, Jørgen* ***tænkte*** *på "morgenen efter", var: "Hvordan kommer jeg hurtigst muligt væk herfra!"* 'Было время, когда (*hvor*) первое, о чем Йорген *думал* «на следующее утро» было: «Как бы мне поскорее отсюда убраться!»'

(34) ***Der var engang***, ***hvor*** *man end ikke* ***havde drømt*** *om at bore en tunnel under Storebælt. Engang* ***hvor*** *enhver* ***tanke*** *om EF var anledning til indlæggelse på den lukkede afdeling*. 'Было время, когда (*hvor*) люди даже и *не мечтали* о том, чтобы проложить тоннель под проливом Большой Бельт. Когда любая *мысль* о ЕС была поводом, чтобы упрятать человека в закрытое отделение'.

Характеризация, может относиться не только к ситуации, но и к эмоциональному состоянию ее субъекта:

(35) *Matilde er utrolig glemsom. Det har lykkedes hende at glemme, hvor hun har lagt sin tandbørste. Og* ***der var da også engang, hvor*** *hun var så sur på Katrine,* ***da*** *hun kom for at hente sin cardigan oppe i Matildes tøjskab. Matilde havde selvfølgelig glemt, at hun havde lånt den engang, fordi hendes egen var blevet væk*. 'Матильда невероятно забывчива. Ей удается забыть, куда она пожила свою зубную щетку. И был же раз, *когда* (*hvor*) она *так рассердилась* на Катрину, *когда* (*da*) та *пришла забрать* свой кардиган из шкафа Матильды. Разумеется, Матильда забыла, что однажды одолжила кардиган, поскольку ее собственный потерялся'.

Приведенный пример (35) содержит оба союза в рамках одного сложноподчиненного предложения. Это позволяет наглядно проиллюстрировать различия в семантике придаточных предложений, вводимых союзами *hvor* и *da*: союз ***hvor*** сигнализирует о характеризации говорящим момента времени по состоянию субъекта пропозиции в этот момент, а союз ***da*** указывает на объективный ориентир во времени, когда это состояние имело место.

Особенно показательны примеры с перфектом, грамматической формой, находящейся на пересечении значений, связанных с прошлым, настоящим и будущим. В датском Корпусе (KorpusDk) зарегистрированы все три варианта временных союзов, реализующих различные аспекты грамматической семантики, заложенной в перфекте:

(36) "*Tvivler du* ***nu,*** ***<u>da</u>*** *vi* ***er nået*** *så langt*?" *spurgte lærereren smilende*. '«Ты сомневаешься *сейчас, когда* мы *уже достигли* столь многого?» – с улыбкой спросил учитель'.

Результативный перфект – локализация события в прошлом, когда был достигнут актуальный для настоящего результат

(37) *Og* ***nu, hvor*** *gælden* ***har nået*** *astronomiske højder, låner vi bare sorgløst videre til at betale renterne på gælden*. ‘И *сейчас, когда долг достиг астрономических высот*, мы продолжаем беззаботно занимать деньги, чтобы платить по процентам’.

Характеризующий перфект – оценочно окрашенная характеризация нынешнего момента времени.

(38) *Jeg håber, at der i sidste ende vil vise sig en løsning* ***nu, når*** *borgmestrene* ***har talt*** *med deres byråd*. ‘Я надеюсь, что *сейчас, когда* горожане *пообщаются* со своим городским советом, наконец, *появится* решение’.

Футуральный перфект – конструирование достижения результата в будущем.

Таким образом, в отличие от союза ***da***, союз ***hvor***, так же, как и союз ***når***, служит проявлением субъективного фактора в системе временных союзов датского языка, сигнализируя о характеризации момента времени как перцептивно или когнитивного приближенного к субъекту речи. При этом так же, как и в случае с **når,** важным аспектом значения союза ***hvor*** является отражение ментальной деятельности субъекта пропозиции, вводимой соответствующим придаточным предложением.

Подводя итоги подраздела, отметим, что исследование проводилось на материале датских союзов, вводящих придаточные предложения времени. Применение понятия *квазисинонимия* позволило сопоставить придаточные временные, вводимые в русском языке союзом *когда,* с их датскими эквивалентами, а именно с предложениями, вводимыми союзами *da, når u hvor*, и проанализировать семантические различия между ними.

Анализ примеров из художественной литературы и из корпуса современного датского языка позволил утверждать, что выбор говорящего между этими союзами не является произвольным, а определяется релевантным для датской грамматической системы противопоставлением объективной и субъективной реальности, к которой относится перцептивная и когнитивная деятельность говорящего, в том числе, ментальное конструирование, генерализация и характеризация.

Дальнейшее направление исследования будет состоять в том, чтобы сопоставить особенности функционирования датских квазисинонимических временных союзов с функционированием квазисинонимических определительных союзов *der* и *som*, и квазисинонимических союзов *for* и *fordi*, вводящих придаточные предложения каузации.

III.2. КВАЗИСИНОНИМИЯ ДАТСКИХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ

Der vs. *Som*

В данном разделе обсуждается функционирование квазисинонимических определительных союзов *som* и *der* в субъектной позиции. Явление союзной квазисинонимии можно считать характерной особенностью датского языка, поскольку она наблюдается в разных типах придаточных предложений. Так, русскому временному союзу *когда* регулярно соответствует пара датских союзов *når* и *da*, каузативному союзу *потому что* – пара союзов *for* и *fordi,* а определительному союзу *который* – пара союзов *som* и *der*.

Антропоцентрированный подход, учитывающий взаимодействие адресанта и адресата, позволяет снять противоречие между структурным тезисом Хансена и Хельтофта о том, что в датском языке определительным союзом является лишь *som*, а *der* представляет собой формальное подлежащее, и функциональным тезисом П. Дурст-Андерсена и Р. Теркельсен о том, что варьирование *der* и *som* противопоставляет объективную информацию о событии характеризации субъекта этого события.

Основная функция *der* как формального подлежащего придаточной клаузы состоит в фокусировании говорящим внимания адресата на пропозиции, а значит на событии, как таковом. В отличие от *der*, собственно определительный союз *som* переключает фокус с конкретного события на более широкое обобщение, что и обусловливает характеризующую семантику вводимых им предложений. Если *der* всегда вводит конкретное событие, локализованное на линии времени, то союз *som* носит вневременной характер. Это либо объективный постоянный признак, либо обобщение конкретного опыта, либо субъективное мнение-оценка. Как следствие, определительный союз *som* имеет более широкий спектр значений по сравнению с *der*, точно также как временной союз *når* имеет более широкий спектр значений по сравнению с локализующим событие на линии времени союзом *da*.

Предлагая указанную в заглавии тему, мы отдаем себе отчет в том, что трактовка *der* и *som* как квазисинонимических определительных союзов отличается от структурного подхода, выраженного в академической грамматике датского языка [Hansen, Heltoft 2011], где союзом считается только *som*, тогда как *der* в придаточных определительных трактуется как формальное подлежащее (subjektsvikar) – обязательный позиционный заполнитель пустой позиции подлежащего.

Приводя аргументы против трактовки *der* как определительного союза, авторы пишут: «Простое правило заключается в том, что *der* всегда стоит в придаточных предложениях на месте субъекта, если субъект не стоит в этой позиции». («Den simple regel bliver da at *der* altid står der i relativsætninger på subjektpladsen når subjektet ikke står på denne plads») [Hansen, Heltoft 2011, 1518]. Параллель ус-

матривается в придаточных дополнительных, вводящих косвенные вопросы, где *der* попадает в позицию формального подлежащего (subjektvikar) [Hansen, Heltoft: 2011, 1593]:

De spurgte	*hvem*	**der**	ville være med
‘Он спросил	кто	<там>	будет участвовать’
Det var uklart	*hvilke betingelser*	**der**	skulle være opfyldt
‘Было не ясно,	какие условия	<там>	должны выполняться’
De skulle finde ud	*hvis formue*	**der**	var størst
‘Они должны были выяснить, чье состояние			<там> было самым крупным’

Однако, как видно из русских переводов, авторы не учитывают омонимии *der* как пространственного наречия дальней локализации, которое и попадает в позицию формального подлежащего в косвенном вопросе, и *der* как определительного союза.

Авторы обращают внимание на то, что «союз *som* в придаточном определительном по правилам датского синтаксиса может опускаться, тогда как *der* всегда занимает пустующую позицию субъекта придаточного предложения, то есть не является союзом» [Hansen, Heltoft, 2011, 1518]:

Her er de oplysninger	[ ]	*du*	*behøver*
‘Это та информация,	*которую*	ты	запрашиваешь’
Den medarbejder	[ ]	***der***	*gav oplysninger, er blevet fyret*.
‘Сотрудник,	*который/кто*		дал информацию, уволен’

Это утверждение было бы оправданным, если, с одной стороны, не учитывать, что опущение союза *som* возможно только в его объектной, но не субъектной функции – ср. невозможность опустить союз *som* в предложении:

Hver den,	***som***	*tror, skal i al evighed leve*
**Hver den,*	[ ]	*tror, skal i al evighed leve.*
‘Каждый,	кто/который	верует, будет жить вовеки’

– а с другой стороны, если не учитывать, что совместное сочетание **som der** допускается лишь в устной речи в датских социолектах, что признают и сами авторы Грамматики 2011:

Den medarbejder ***som der*** *gav oplysninger, er blevet fyret*.

После этого примера следует оговорка авторов, что «придаточные с ***som der*** по-прежнему критикуются как противоречащие системе, что возможно, только если *som* и *der* считать относительными местоимениями» (Relativeætninger med *som der* kritiseres stadig som systemstridige. Det kan kun være hvis man anser *som* og *der* for relativpronomener) [Ibid.]. Авторы Грамматики 2011 считают такую точку зрения устаревшей, однако никак не объясняют того факта, что формальное ***der,*** которое они называют «обязательным заместителем подлежащего», вполне может отсутствовать. При этом предложение, вводимое союзом ***som,*** остается грамматически абсолютно корректным:

Den medarbejder ***som*** [ ] *gav oplysninger, er blevet fyret*.

На наш взгляд, это является доказательством того, что в современном литературном датском языке оба форманта все же воспринимаются носителями языка как квазисинонимические союзы. Поэтому дальнейшее изложение будет посвящено анализу того, какие прагмасемантические нюансы обслуживаются использованием каждого из них.

Первой внимание на семантические различия в употреблении союзов *der* и *som* в субъектной позиции придаточного определительного предложения обратила внимание Рита Теркельсен. Анализируя случаи употребления указанных формантов в схожих контекстах, она пришла к выводу, что выбор союза *som* указывает на характеризацию (karakteristik), тогда как выбор союза *der* указывает на описание ситуации (situationsbeskrivelse) [Therkelsen 2000].

Это наблюдение использует Пер Дурст-Андерсен в статье «De danske sprogs mange stemmer» [Durst-Andersen 2007], иллюстрируя противопоставление объективного и субъективного «голоса» датского языка на параллельных примерах типа:

a. *Det er nok mig **der** bytter om på det* 'Это я меняю купленное'

b. *Det er nok mig **som** bytter om på det*

a. *Der er ingen **der** kan forstå hvad du siger*'Никто не понимает, что ты говоришь'

b. *Der er ingen **som** kan forstå hvad du siger*

Относительно примеров под литерой (a) Дурст-Андерсен пишет, что это «описание говорящим собственного опыта объективной действительности» (beskrivelse af hendes egen oplevelse af den objektive virkelighed), а под литерой (b) что в первом из приведенных примеров говорящий «высказывает свое мнение, характеризуя себя как *человека, который всегда обменивает купленное в магазине*», а во втором примере, что говорящий «приписывает адресату *свойство говорить непонятно*» (modtager selv får tilskrevet egenskaben "at være uforståelig") [Durst-Andersen 2007, 173–174].

В своих комментариях к примерам Пер Дурст использует противопоставления логических категорий «объективное» / «субъективное» и «конкретное» / «абстрактное» [Durst-Andersen 2007, 170]. Обращение к анализу примеров из датского корпуса позволит нам точнее разобраться с позиции антропоцентрированной грамматики в том, что же стоит для такого чуткого исследователя грамматической семантики как Дурст-Андерсен за метафорой «субъективный и объективный голос датского языка».

С одной стороны, казалось бы, речь идет о противопоставлении конкретного события обобщению, однако проверка по корпусу показывает, что придаточные определительные с союзами *der* и *som* могут использоваться как *с предикатами в форме аналитического пассива*, выражающими конкретные события, так и с *предикатами в форме синтетического пассива*, выражающего обобщенное знание:

Проследим континуум лингво-прагматических смыслов, возникающих при сочетании указанных маркеров в примерах из Корпуса (KorpusDK), схожих с теми, которые были использованы Дурст-Андерсеном (рис. 33) в таблице 9, иллюстрирующей разные источники эпистемической ответственности за сообщаемую информацию:

a. *I Århus-området fik 11 en fyreseddel. Det er slemt for dem,* ***der bliver fyret****, men det rammer også dem, der bliver tilbage. 'В Орхусском регионе 11 человек получили уведомление об увольнении.* Это плохо и для тех, *которых сейчас увольняют*, и для тех которые остаются';

b. *Efter ansættelse i Teknisk Central, der var oprettet for de mange ingeniører,* ***som blev fyret*** *under krigen, kom hun i 1950 til DSBs baneafdeling*. 'После устройства на работу в Технический Центр, созданный для множества *инженеров*, *уволенных во время войны*, она перешла в 1950 г. на работу в Управление датских железных дорог';

c. *Der vil også være mange andre emner end de,* ***der omtales*** *på landsplanteavlsmødet* 'Там будет много других тем, помимо тех, *которые обсуждаются* на этом конгрессе растениеводов';

d. *Alle hendes tanker, længsler, fantasier, alt styrer Johannes, der sender hende nøje afmålte små breve dagen igennem. Breve,* ***som*** *aldrig* ***omtales****, når de mødes*. 'Все ее мысли, чаяния, фантазии – всё это контролирует Йоханнес, который посылает ей строго дозированные короткие письма. Письма, *которые никогда не обсуждаются* при встречах'

Семантические противопоставления использования **der** и **som** с аналитическим и синтетическими формами пассива представлены в следующей схеме (Табл. 10).

Таблица 10

	Аналитический пассив	**Синтетический пассив**
der	Информация о конкретном событии на основе опыта говорящего for dem, **der** ***bliver fyret*** для тех, кого сейчас увольняют	Информация о конкретном событии на основе знания говорящего de, **der** ***omtales*** *på landsplanteavlsmødet* 'те <темы>, которые обсуждаются на этом съезде растениеводов'
som	Характеризация на основе обобщения говорящим конкретных событий ingeniører, **som** ***blev fyret*** under krigen 'инженеры, которых уволили во время войны'	Характеризация на основе знания говорящего breve, **som** aldrig ***omtaltes*** 'письма, которые никогда не обсуждались'

То есть важнейшим семантическим противопоставлением является близкая к отмеченной Ритой Теркельсен оппозиция между противопоставлением объективной информации о событии (*der*) и характеризацией субъекта этого события (*som*).

При этом анализ корпуса свидетельствует о том, что вводимые союзом ***som*** придаточные определительные далеко не всегда, вопреки утверждению П. Дурст-Андерсена, выражают субъективное мнение говорящего:

Det tunge vand, ***som*** *er en nødvendighed ved fremstillingen af atomvåben, havde Hitler ikke.* 'Тяжелой воды, которая необходима для производства ядерного оружия, у Гитлера не было';

En gruppe kørte til tv-tårnet, en anden kørte til radiohuset og resten rullede ud på den sovjetiske militærgarnison, ***som*** *ligger i den nordlige del af Vilnius*. 'Одна группа отправилась на телебашню, другая на радио, а остальные – в советский военный гарнизон, который расположен в северной части Вильнюса'.

Обследованный корпусный материал показывает, что характеристики, вводимые союзом ***som*****,** носят вневременной характер. Они часто сопровождаются генерализирующими наречиями *altid, aldrig*, выражаются бытийными предикатами и легко заменяются на атрибутивное определения: *det nødvendige ved fremstillingen af atomvåben tunge vand* – 'необходимая для производства атомного оружия тяжелая вода'; *den sovjetiske militærgarnison i den nordlige del af Vilnius* – 'советский военный гарнизон в северной части Вильнюса'.

В чем же состоит когнитивный смысл функциональной оппозиции употребления ***der*** и ***som***?

Как показывают проведенные нами ранее исследования, структура датской грамматической системы в целом строится на противопоставлении конкретной пережитой реальности и ментального конструирования разных типов [Никуличева 2019а]. Именно по этой линии проходит главных «водораздел» между зонами эпистемической ответственности. Основой эпистемической ответственности для языкового сознания датчан является конкретный собственный опыт говорящего – его «пережитая реальность» (den oplevede virkelighed). Остальные же источники эпистемической ответственности противопоставлены ему разнообразными языковыми средствами как те или иные проявления ментального конструирования. Эта закономерность была прослежена нами в пространственной структуре временных представлений, выявленной в ходе психолингвистического эксперимента, когда пережитая реальность визуализируется информантами как обозримая поверхность, ниже которой располагаются разные типы конструируемых событий (см. рис. 25), и в особенностях художественной метафоризации времени в датской литературе (См. стр. 172 II.6.1.). Эта же закономерность была описана нами относительно квазисинонимических временных союзов ***da*** и ***når*****,** когда придаточные с союзом *da* оказываются противопоставленными как объективные ориентиры во времени всем разнообразным проявлениям субъективного фактора ориентации во времени, выражаемым союзом *når* (см. предыдущий раздел этой книги).

Важно отметить, что в отношении квазисинонимии определительных союзов ***der*** и ***som*** наблюдается схожая закономерность. Все приведенные выше примеры придаточных определительных с *der* вводят единичные события, которые могут быть представлены объективно – как точки, локализованные на линии времени. В противоположность этому разнообразные

типы примеров, вводимых союзом *som,* обозначают либо обобщение конкретных событий (*ingeniører,* ***som*** *blev fyret under krigen*), либо объективные вневременные характеристики (*Det tunge vand,* ***som*** *er en nødvendighed* ved fremstillingen af atomvåben) либо мнение говорящего, вводя оценочную характеристику, которая также не имеет четкой временной локализации (*Det er nok mig* ***som*** *bytter om på det*). В любом случае – это различные проявления ментального конструирования, не укладывающиеся в линейное расположение событий на оси объективного времени.

В этой связи особый интерес представляет сравнение употребления союзов *som* и *der* в высказываниях обобщающего характера. Казалось бы, в контексте сделанных выше наблюдений такие высказывания должны всегда вводиться характеризующим союзом ***som***. Действительно, в датском Корпусе такие примеры присутствуют:

Hver den, ***som*** *tror og bliver døbt skal i al evighed leve, selv om han dør*

'Каждый, кто верует и крещен, будет жить вовеки, хоть и умрет', то есть <каждый человек, который (**som**) является верующим христианином (характеризация), будет жить вечно>.

Однако более многочисленны примеры обобщающих сентенций, вводимых союзом ***der***:

Den ***der*** *sår vind, høster storm* 'Кто посеет ветер, пожнет бурю';

Den ***der*** *graver en grav for andre, falder selv i den* 'Кто роет яму другому, сам в нее упадет'.

Подобные высказывания построены на причинно-следственной связи с четкой временной последовательностью событий, выражаемых предикатами зависимого и главного предложения. Будучи паремиями, такие высказывания в целом носят оценочный характер, однако сами по себе придаточные с *der* не являются характеризирующими, а устанавливают линейную соотнесенность событий на оси объективного времени: **Den der P1 → P2.**

Таким образом, для обобщения разнообразных случаев употребления **der** и **som** в субъектной позиции придаточного определительного нами предлагается критерий +/–локализации события на оси времени. Если говорящий локализует событие во времени посредством ***der***, то он представляет его слушающему как объективный факт, тем самым снимая вопрос об эпистемической ответственности. Если же событие вводится союзом ***som***, то слушающему дается сигнал о той или иной процедуре ментального конструирования со стороны говорящего: генерализации, характеризации, оценке, в чем и проявляется то, что П. Дурст-Андерсен называет «субъективным голосом» датского языка.

Предлагаемое объяснение позволяет снять кажущееся противоречие между структурным тезисом Хансена и Хельтофта о том, что в датском языке определительным союзом является лишь *som*, а *der* представляет собой формальное подлежащее, и функциональным тезисом Дурст-Андерсена и Теркельсен о том, что варьирование *der* и *som* противопоставляет объективную информацию о событии

характеризации субъекта этого события. Основная функция *der* как формального подлежащего придаточной клаузы состоит в фокусировании внимания на пропозиции, а значит на событии, выражаемом этой пропозицией. Это и обеспечивает интерпретацию придаточного с *der* как информации о конкретном объективном событии. В отличие от *der*, собственно определительный союз som переключает фокус внимания с конкретного события на более широкое обобщение, что и обусловливает характеризующую семантику вводимых им предложений.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

Корпусное функционирование квазисинонимических определительных союзов ***der*** и ***som*** в субъектной позиции в целом оказывается во многом схожим с корпусным функционированием временных союзов ***da*** и ***når***.

Событие, вводимое ***der***, закономерно локализовано на линии времени. В скобках отметим, что семантика локализации присутствует уже в этимологии *der* (glda. thær), которая идентична и для der как заместителя субъекта, вводящего придаточное определительное, и для наречия *der* ‘там’, осуществляющего пространственную локализацию [Hansen, 1989, s. 88].

Характеризация же, вводимая союзом ***som***, носит вневременной характер. Это либо объективный постоянный признак, либо обобщение конкретного опыта, либо субъективное мнение-оценка.

Как следствие, определительный союз *som*, имеет более широкий спектр семантических употреблений по сравнению с *der*, точно также как временной союз når имеет более широкий спектр значений, чем объективно локализующий событие на линии времени союз *da*.

Обследованный фрагмент языковой системы также убеждает в том, что основой эпистемической ответственности для языкового сознания датчан является конкретный собственный опыт говорящего – его «пережитая реальность» (den oplevede virkelighed). Остальные же источники эпистемической ответственности противопоставлены ему разнообразными языковыми средствами как те или иные проявления ментального конструирования

III.3. КВАЗИСИНОНИМИЯ ДАТСКИХ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ

В разделе исследуется один из фрагментов грамматической системы датского языка, где представлено регулярное формальное варьирование служебных языковых маркеров – причинных союзов ***fordi***, ***for***, ***eftersom***, ***thi***. Предлагается описание функционально-прагматической специфики каждого из них, исходя из антропоцентрического подхода. В плане выражения каузации это предполагает дифференциацию говорящим способов обоснования своего утверждения в зависимости от разных источников обоснования: собственного умозаключения (***for***); рефе-

ренции к общему для всех участников коммуникации знанию (***thi***); обоснования одного объективного факта другим (***fordi***), обоснования собственного умозаключения объективным фактом (***eftersom***). Обращение к этимологическим значениям союзов, а также учет особенностей временной соотнесенности предикатов каузирующей и каузируемой клауз при использовании разных союзов позволяет выявить различия в организации говорящим ментального пространства каузации, а использование понятия концептуальный блендинг позволяет объяснить, почему в устной речи происходит замена одного союза на другой.

III.3.1. Система причинных союзов датского языка

Под квазисинонимическими причинными союзами в статье понимаются такие союзы, которые вводят причинные клаузы, могут функционировать в идентичном синтаксическом окружении, но при этом не являются взаимозаменяемыми в иных синтаксических контекстах и выражают значимые для данной лингвокультуры семантические дистинкции.

Если говорить о целостной системе каузирующих союзов датского языка, то в неё, по нашему мнению, должны быть включены восемь союзов. Речь идет, с одной стороны, о четырех прототипически рематизирующих союзах (***fordi***, ***for***, ***eftersom***, ***thi***), которые обычно вводят каузирующую клаузу, следующую после каузируемой, то есть попадающую в позицию ремы высказывания. Им могут быть противопоставлены четыре других причинных союза (***da***, ***når***, ***siden***, ***idet***) как прототипически тематизирующие, то есть вводящие каузирующую клаузу, обычно *предшествующую каузируемой*.

В предлагаемом разделе мы сосредоточимся на функционально-семантических различиях между первыми четырьмя союзами (***fordi***, ***for***, ***eftersom***, ***thi***) и предложим описание лингво-прагматической специфики каждого из них, исходя из антропоцентрического подхода, предполагающего учет фактора говорящего в его отношении к сообщаемому и к денотативной реальности, а также ориентации говорящего в «ментальном пространстве» каузации.

Предложенное Ж. Фоконье [Fauconnier 1985] понятие «ментальных пространств» как рабочего поля мыслительной деятельности получило дальнейшее развитие в исследованиях психологов, доказавших, что в этом понятии «находит отражение важный феномен психической реальности, который имеет онтогенетическую историю, занимает определенное место в системе психических явлений и может быть исследован психологическими методами» [Осорина 2017, 21]. Автор показывает, что «именно психологически первичный, сенсорно-перцептивный опыт, накопленный в результате активного, познавательного и двигательного, взаимодействия человека с реальностью предметно-пространственного мира, является той основой, на которой базируются возможности пространственно-временной организации вторичных, то есть умственных, образов» [там же, с. 15] <Выделено мной Д.Н.>. Как эти ум-

ственные образы вербализуются говорящим для выражения каузации, будет рассмотрено нами на примере системы причинных союзов датского языка.

Для выявления функционально-семантической специфики каждого из союзов нами был разработан набор параметров, согласно которым описывается каждый из причинных союзов:

1. сопоставление словарных дефиниций каждого из датских причинных союзов;
2. различия в синтаксической структуре каузирующих клауз, вводимых разными союзами;
3. отнесенность каузирующей клаузы либо ко всему предшествующему высказыванию вместе с его модусной рамкой, либо к непосредственно предшествующей пропозиции;
4. анализ этимологии каждого из союзов с учетом ментальной локализации пространственных представлений, лежащих в основе их семантики;
5. исследование частотности и функциональных особенностей каждого из союзов по Корпусу современного датского языка (KorpusDK);
6. сопоставление семантики одноименных союзов в каузативном и темпоральном употреблении;
7. особенности и линейной и нелинейной временной соотнесенности предикатов каузирующей и каузируемой клаузы при разных союзах;
8. различия семантических типов предикатов, вводимых разными союзами;
9. различия в сочетаемости анализируемых причинных союзов частицами эпистемической модальности 1, 2 и 3 лица.

Обращение к материалу датских толковых словарей выявляет нечеткость дефиниций, свидетельствующую об отсутствии осознаваемых носителями языка четких семантических критериев, которые объясняли бы реально существующие различия в использовании датчанами тех или иных причинных союзов. Так, в словаре Den Danske Ordbog (DDO) (https://ordnet.dk) о всех причинных союзах так или иначе говорится, что они вводят *причину*, *логическое обоснование* или *объяснение:* **fordi** – «bruges som indledning til en ledsætning der udtrykker en logisk grund eller en årsag i al almindelighed» –«используется как союз, вводящий придаточное предложение, выражающее логическое *обоснование* или *причину* вообще»; **for** – «bruges for at udtrykke at det følgende skal opfattes som begrundelse af eller forklaring på det foregående – «используется для выражения того, что последующее должно восприниматься как *обоснование* или *объяснение* предшествующего»; **thi** – «bruges for at udtrykke at det følgende skal opfattes som begrundelse af eller forklaring på det foregående, gammeldags, højtideligt eller spøgende» – «используется для выражения того, что последующее должно восприниматься как *обоснование* или *объяснени*е предшествующего, устаревшее, торжественное или шутливое»; **eftersom** – «bruges som indledning til en ledsætning der udtrykker årsag, især en årsag der anføres som logisk eller naturlig begrundelse» – «используется как союз, вводящий придаточное предложение, выражающее *причину*, особенно причину, которая приводится как логическое или естественное *обоснование*».

Также обращает на себя внимание явная непоследовательность в отношении трактовки «синонимии» указанных союзов. Так, например, синонимом причинного союза *fordi* называется союз *eftersom*, тогда как синонимом самого союза *eftersom* – союз *siden*, не упоминаемый как синоним для *fordi*. Для причинного союза *for* указывается синоним *thi*, а также модусная клауза *og grunden el. forklaringen er at* 'а причина в том, что …' или 'а объяснение в том, что …' хотя при описании причинного союза *thi* при той же словарной дефиниции, что и у *for*, только *for* указывается в качестве синонима.

Предлагаемый нами антропоцентрический ракурс описания предполагает выявление перцептивных основ семантической дифференциации союзов. Обращение к их этимологии позволяет выявить существенные различия в том, как говорящий по-разному представляет вводимые ими ситуации в своем ментальном пространстве.

Далее мы покажем, что примененный антропоцентрированный подход позволяет представить все причинные союзы датского языка как целостную систему и выявить четкую функциональную специфику каждого из них.

For

Формально наиболее выделенными и наиболее специфическими среди причинных союзов датского языка является союзы ***for*** и ***thi***. Их особенность состоит в том, что вводимая ими причинная клауза структурно представляет собой независимое предложение. В датском языке это проявляется в иной позиции сентенциальных наречий, например, позиции отрицания. Ср., порядок слов S-V-A в клаузе, вводимой причинными союзами *for* или *thi*: (*...**for / thi** han **ville ikke** tilbage*), идентичный порядку слов в независимом предложении *(Han **ville ikke** tilbage), с* порядком слов S-A-V в стандартных придаточных предложениях, вводимых прочими союзами (*…**fordi / eftesom / da** han **ikke ville** tilbage*).

Реляционная специфика союза *for* была отмечена датскими исследователями [Therkelsen 2003; Лунд 2007], указавшими на то, что он выражает причинно-следственные отношения не между двумя соседними пропозициями, а между двумя речевыми актами.

Далее будет показано, что использование причинного союза *for* служит сигналом того, что говорящий высказывает свою точку зрения, основанную на его собственных умозаключениях, обобщениях, оценках и т.п., то есть что говорящий берет на себя эпистемическую ответственность за достоверность аргументации.

Исходным пунктом наших рассуждений служит наблюдение К.Х. Лунда о том, что «предложение, вводимое союзом *for*, объясняет модусный компонент в сопряженном с ним главном предложении, а если нет словесно выраженной модусной рамки, то предложение с *for* объясняет то сообщение, которое содержится в сопряженном с ним предложении» [Лунд 2007, 168]: ***Det er sorgeligt**, at Ove stopper, **for** han var en god træner* (***fordi***). 'Жаль, что Ове уходит – он был хороший тренер'.

Автор указывает, что в подобных примерах «нет возможности равнозначной замены на придаточные с союзом ***fordi***, поскольку такие придаточные указали бы на причину диктумной части» [Лунд 2007, 166]. В результате возникал бы абсурдный смысл **Ove **stopper, fordi** han var en god trœner* ‘Ове *уходит*, *потому что был хорошим тренером’*. Наличие модусной рамки можно рассматривать как сигнальный контекст, снимающий квазисинонимию.

В свете антропоцентрического подхода для нас важно подчеркнуть, что в высказываниях с союзом ***for*** субъективный фактор говорящего имплицитно (а часто и эксплицитно) присутствует в обеих частях высказывания: <Jeg synes> *det er sorgeligt, at Ove stopper,* ***for*** <jeg synes> *han var en god trœner.* Источником аргументации, вводимой союзом ***for,*** является сам субъект речи: <Мне> *жаль, что Ове уходит,* **(for)** <я считаю, что> *он был хороший тренер*.

Проведенный нами анализ примеров из Датского корпуса (KorpusDK) и художественной литературы позволит сделать несколько важных уточнений.

1. Часто аргументирующая часть, вводимая союзом ***for***, эксплицитно содержит тот или иной глагол **ментальной деятельности** субъекта, поясняющий модусную оценку пропозиции субъектом речи:
   Der er intet forkert *i at angle efter store seertal.* **For** *jeg* ***opfatter*** *godt tv som noget, der automatisk vil få store seertal*. (KorpusDK) ‘*Нет ничего зазорного* в том, чтобы заискивать перед широкой зрительской аудиторией*, поскольку* (*for*) хорошее телевидение*, я полагаю,* автоматически получает большую зрительскую аудиторию*’*;
   Han ***havde ladet*** *hende snakke,* **for** *han* ***havde på fornemmelsen*** *hvad der ville følge efter* (Jessen, 9). ‘Он *позволил* ей разглагольствовать*, поскольку* (*for*) *предчувствовал,* что будет дальше’.
2. И при наличии, и при отсутствии эксплицированной модусной рамки союз *for* употребляется, если аргументация заключается в **прогнозировании** субъектом речи возможных – часто негативных последствий. Словарь DDO выделяет такие употребления в особый подпункт использования данного союза: «bruges for at udtrykke at det følgende skal opfattes som en (tænkt) uheldig følgevirkning der begrunder det foregående» – ‘используется для выражения (мыслимых) негативных последствий, которые обосновывают предшествующее утверждение’:
   Godt, *at han har lyset her*, **for** ***ellers ville*** *han intet kunne se.* ‘*Хорошо*, что здесь есть свет, *потому что (for) иначе бы* он ничего не увидел’;
   Sejlene måtte endelig ikke blive våde, ***for så krøb*** *de*. ‘Паруса нельзя было мочить, *потому что* (*for*) они *потом ссохнутся*’;
   Hold hovedet tildækket, **for** ***det er let at få solstik*** *her* (KorpusDK) . ‘Покрывай голову, *потому что* **(for)** здесь *легко получить* солнечный удар’.
3. Аргументирующая клауза с ***for*** часто сопровождается **модальными частицами эпистемической оценки**. Отметим, что это могут быть как частицы эпистемической ответственности 1 лица (*nok*), так и частицы эпистемической ответственности 2 (*vel*), и 3 лица (*vist*). Термины предложены Э.Б. Крыловой

[Крылова, 2012]. Вот типичные примеры употребления частиц эпистемической ответственности 1, 2 и 3 лица с союзом ***for***:

"Hvor er Kristian blevet af?" "Han står ***nok*** *med overkroppen halvvejs inde i køleskabet", siger Alma, og det gør han* ***nok,*** **for** *han* ***foretrækker altid*** *noget andet end det, der bliver serveret.* (Hesselholdt 15). '– Куда подевался Кристиан? – '*Наверно*, стоит, копается в холодильнике, – отвечает Альма. *Наверно*, так оно и есть, *поскольку (for)* Кристиан *всегда предпочитает* что-то другое, а не то, что подают на стол'. Частица *nok* выражает умозаключение персонажа, а также умозаключение повествователя, основанное на обобщенном (*altid* 'всегда') предыдущем опыте говорящего.

Jeg ved ikke, hvor mange tynde, mørke stuepiger i røde kjoler, der gik planløst rundt og matchede veggene. **For** *de var* ***vel*** *ikke prostituerede? I så fald* ***kunne*** *de lige godt så* ***have lænet*** *sig op ad solnedgangen i et øde landskab* (Hesselholdt p.22). 'Не знаю, сколько стройных темноволосых горничных в красных – под цвет стен – платьях бесцельно слонялось по коридорам. *Потому что* (***for***) *не проститутки же* (***vel***) это были? <Ведь> с тем же успехом они *могли бы стоять, опираясь на закат в пустыне'*.

Рассказчица, рассуждая сама с собой (отсюда обычно диалогическая частица *vel*), обосновывает свое предположение, что девушки в красных платьях были горничными. Рассуждение построено по принципу доказательства «от противного». Союз *for* вводит сложный аргументирующий речевой акт, начинающийся с альтернативного предположения, приводящего к ирреальному следствию, что служит подтверждением первоначальной гипотезы.

*Der var (****vist****) ingen hjemme,* **for** *der var ikke lys i vinduerne*. (****fordi***) *'(Кажется),* никого не было дома*, потому что* в окнах не было света'.

Этот пример с частицей ***vist***, заимствованный из [Лунд 2007, 169], важен тем, что подтверждает, невозможность замены *for* на *fordi,* даже если опустить модальный оператор эвиденциальности *vist.* Отсутствие света в окнах не является причиной того, что в доме не было людей. Оно является наблюдаемым основанием, для того, чтобы субъект речи мог аргументировать свое собственное предположение о том, что в доме никого не было.

4. Обращение к анализу темпоральных форм, используемых в клаузах с ***for***, позволяет сделать вывод о нелинейной темпоральной соотнесенности предикатов каузирующей и каузируемой клаузы. Причина здесь не предшествует следствию. Напротив, речь идет либо о выражении **вневременных мнений и характеристик** (*for han foretrækker altid ...*, *for jeg opfatter ...*, *for han havde på fornemmelsen ...*), либо о **прогнозах** субъекта речи, аргументирующих его утверждение (*for så krøb de*, *for det er let at få solstik her*), либо о **контрафактивных предположениях** говорящего (*for ellers ville han intet kunne se*).
5. Объяснить, почему именно союз ***for*** используется в датском языке для отсылки к ментальным представлениям говорящего, позволяет обращение

к **этимологии** союза ***for*** и к функционированию родственных ему предлога и наречия.

Также как и одноименный предлог и наречие, датский союз ***for,*** имеет исходно пространственное значение, указывающее, в том числе на фронтальное расположение объекта относительно воспринимающего субъекта: «***For*** præp., adv., konj., urnord. **fura,* гот. *faúr,*<...>. Til den ie. præp. **per* 'ud over' <...>, hvoraf gr. *πάρά* 'ved siden af, forbi, ud over', oldind. *purá* 'før, tidligere, foran'*»*. (ETYM. 127). Здесь, как видим, присутствуют как временны*е* смыслы: '*прежде, ранее*', так и разнообразные пространственные смыслы: '*перед*', '*напротив*', '*рядом*'. Именно в этом пространственном значении предлог *for* употребляется в современном датском языке: *Jeg kunne ikke se fem skridt **for** mig*. '*Я* ничего не видел в пяти шагах *перед* собой'. *Han blev stillet **for** en dommer* 'Он предстал *перед* судом' (RDO, p. 247).

В связи с антропоцентрированным ракурсом исследования важно подчеркнуть, что пространственное значение предлога ***for*** может относиться не только к локализации в реальном, но и в конструируемом мире, обозначая **расположение визуализируемой ситуации в ментальном пространстве субъекта**. Именно с этим связана внутренняя форма датского глагола ***fore****stille* 'представлять себе' (ænyd. d. s.; fra mnty. *vorstellen*).[13]

Приводимый ниже пример иллюстрирует то, что процесс ментального конструирования концептуализируется в датском языке как расположение *перед* субъектом речи в его ментальном пространстве. Причем предлог ***for*** выражает именно расположение в воображаемом мире, тогда как фронтальное расположение в реальном мире регулярно выражается предлогом ***foran***:

*I mine drengeår led jeg af en særlig lidelse, der havde at gøre med tilsynekomsten af billeder, ... som slørede synet af virkelige genstande og greb ind i mine tanker og handlinger. Det var billeder af ting og optrin, som jeg havde set i virkeligheden, aldrig af forestillede. Når et ord blev sagt til mig, **viste billedet** af genstanden, det betegnede, sig levende* **for** ***mig****, og indimellem var jeg fuldstændig ude af stand til at skelne mellem, hvorvidt det, jeg så, var håndgribeligt eller ej. Dette,*

---

[13] Отметим, что из средненижненемецкого (mnty.) в датский язык пришло множество заимствованных глаголов с приставкой ***vor-***. Отсутствие либо наличие пространственной семантики получило выражение в противопоставлении двух датских вариантов немецкого префикса *vor* – как ***for–*** и ***fore–*** соответственно. Сравнение этимологий по данным словаря Ordbog over det danske Sprog. Historisk ordbog 1700-1950 Ordbog over det danske Sprog – ordnet.dk. позволяет сделать вывод о том, что в отличие от непосредственных заимствований из средненижненемецкого с префиксом ***for***, типа *forbande* 'проклинать' (fra mnt. *vorbannen*), *forarge* 'возмутить' (fra mnt. *vorargen /vorargeren*), *forandre* 'изменять' (fra mnt. *voranderen)*, датские глаголы с префиксом ***fore***, хотя и имеют немецкие эквиваленты, восходят к древнедатской модели «глагол+пространственное наречие»: *foreligge* 'иметься в наличии (efter ty. vorliegen, jf. dog ligge for, fore , oldn. fyrir liggja, ligge i baghold for, forefindes, egl.: ligge foran en); *forestå* 'предстоять, возглавить (glda. for(e)staa, forstande ; samt mnt. vorstan, ty. vorstehen); *foresætte* 'поставить целью, решиться'(glda. for(e)sætte, jf. mnt. vorsetten – sætte foran; sætte for); *forevise* 'показывать, демонстрировать, предъявлять' (ænyd. d. s.; jf. ty. vorweisen – vise frem for en; fremvise).

det uhåndgribeliges håndgribelighed, som Tesla beskriver i sin selvbiografi, "My Inventions", gjorde ham senere i stand til at ***se*** *sine opfindelser* **for** ***sig*** *som færdigskabte, som om de allerede stod på bordet* **foran** ***ham*** (Hesselholdt 44).
'Когда я был мальчиком, я страдал особым недугом, связанным с видением образов, которые заслоняли вид реальных предметов и вторгались в мои мысли и действия. Это были те предметы и сцены, которые я видел раньше, никогда не воображаемые. Когда мне говорили слово, *предо мой* (*for mig*) живо возникала картинка обозначаемого предмета, и иногда я был совершенно не в состоянии понять, можно или нет до него дотронуться рукой. Эту материальность нематериального, которую Тесла описывает в своей автобиографии "My Inventions" позволила ему потом представлять свои изобретения перед собой (***for*** *sig*) как будто они уже были существуют, будто они уже стоят на столе *перед ним* (***foran*** *ham)*'.

Хотя автор пишет в этом пассаже о том, что персонаж мог спутать воображаемые и реальные предметы, языковые средства темпоральной и пространственной ориентации организованы в датском языке таким образом, что последовательно различают расположение событий в реальном и в воображаемом мире (См. стр. 149 II.3.4 о когнитивных планах датской темпоральной системы, а также раздел см. стр. 65 I.2.1 о роли пространственных наречий для организации физического пространства субъекта в противоположность ментальному пространству, например, *kom* ***hen*** *til mig* vs. *kom til mig*).

`Предлог ***for*** используется для локализации в ментальном пространстве как воображаемых объектов, так и воображаемых целостных ситуаций: *Min mors væsen. Det* ***står*** *så klart* ***for*** *mig, som om jeg kunne række ud og røre ved det* (Hesselholdt 67) 'Вся сущность моей матери. Она *представляется мне (стоит передо мной*) так ясно, будто я могу протянуть руку и дотронуться до нее'.

Если же речь идет о расположении в реальном пространстве, то используется наречно-предложное сочетание или сложный предлог с той или иной уточняющей пространственной морфемой, например, ***over for*** или ***foran***:

Vi befandt os inde på afdelingens meget lille køkken, og hun ***stod*** *lige* ***over for*** *mig. Hun spærrede for døren, så jeg ikke kunne komme ud* (KorpusDK). 'Мы находились в очень маленькой офисной кухне, она стояла *прямо напротив* меня. Она преградила путь к двери, чтобы я не смог выйти';

Dette spørgsmål retter Leonardo stadig til de talrige turister, som ***står foran*** *hans billede* (KorpusDK). 'Этот вопрос Леонардо по-прежнему адресует множеству туристов, которые *стоят перед* его картиной'.

Приведенные выше факты позволяют нам сделать вывод о том, что использование союза ***for*** является сигналом адресату, что обоснование утверждения относится к сфере **ментального конструирования аргументации субъектом речи**. Иными словами, что субъект речи берет на себя ответственность за достоверность выстраиваемой им аргументации.

Thi

В структуре предложения союз ***thi*** ведет себя точно так же, как и союз ***for***. Как и ***for***, союз ***thi*** может следовать после точки. Вводимое им предложение по позиционной структуре совпадает с независимым предложением, что, например, проявляется в позиции отрицания после финитного глагола: *Det signalerer, hvorledes den kulturelle debat er en uoverskuelig til det usynlige, at kulturdebat væsentligst består i, at nogen diskuterer med sig selv, offentligt. Thi man* ***kan ikke*** *finde dem, man er oppe imod.* (KorpusDK). *'*Это является сигналом того, насколько культурная дискуссия непрозрачна, и что по большей части культурная дискуссия состоит в том, что некто дискутирует сам с собой на публике. *Поскольку (thi)* невозможно установить тех, с кем ведется полемика'.

Такое структурное сходство позволяет в целом предположить, что союз ***thi***, так же, как и ***for***, обосновывает аргументацию говорящим всего предшествующего речевого акта. В приведенном примере модусная рамка присутствует эксплицитно: *Det signalerer … thi … 'Это является сигналом … , так как …*'

Другая особенность союза ***thi***, сближающая его с ***for***, состоит в **темпоральной нелинейности** соотнесенности предикатов каузирующей и каузируемой клаузы. Чаще всего речь идет о вневременных свойствах и отношениях.

Дальнейшее изложение будет направлено на выявление функциональной специфики союза ***thi***, отличающей его от союза ***for***.

Обычно датские толковые словари указывают на союз *thi* как: "gammeldags, formel" 'устаревший', 'формальный' [DDO]; "næsten forældet". "især 🕮; "foræld. i talespr., især poet., arkais. (ell. spøg.) og i kancellistil", 'почти выходящий из употребления в разговорной речи, книжный, сохраняющийся в поэзии, канцелярском стиле, и создающий архаизирующий или же иронический эффект'[ODS].

Вместе с тем, анализ Датского корпуса свидетельствует о достаточно высокой его встречаемости – 605 употреблений. Причем лишь около трети примеров из первых ста можно отнести к стилистической архаизации.

Нельзя отрицать, что в корпусе современного датского языка ***thi*** обычно используется при цитировании исторических и Библейских текстов. При этом обращают на себя внимание контексты, где в рамках одного высказывания встречаются оба союза:

> *I 1600-tallet skulle den syndige kvinde ikke straffes med prygl,* ***for*** *som en højtstående gejstlig sagde: "Med slaaen giør man ikke fromme kvinder,* ***thi*** *slaar man een Fanden ud, saa slaaer man ni ind igen*" (KorpusDK). 'В XVII в. провинившихся женщин не подвергали порке, *потому что (for)*, как писал один высокопоставленный священнослужитель, – "Поркою женщину не облагочестишь, *ибо (thi)* выбьешь из нее одного чёрта, а вобьёшь девять".

Наша гипотеза заключается в том, что первый из каузирующих союзов (***for***) указывает на развернутую аргументацию истинности своего высказывания автором текста. Утверждение, что «в 17 веке женщин в Дании не пороли», он ар-

гументирует словами некоего священника, свидетельствующими о взглядах того времени. Что же касается цитируемого высказывания священнослужителя, вводимого союзом ***thi***, то его утверждение, что «*женщин поркой не облагочестишь*» аргументируется не его собственными доводами, а по сути, афоризмом, по форме напоминающим пословицу. Об этом говорит и двучленная структура бессоюзного условного предложения, и обобщенно-личное местоимение *man* в субъектной позиции, и, в особенности, противопоставление числительного «один» и «девять», типичное для скандинавских пословиц.

Ср.: ***Èn*** *synd for tyven,* ***ni*** *for bagtaleren* (POSL 4433) *'Один* грех вору*, девять* – клеветнику*'*,

Snyder du marken ***en*** *gang, så snyder den dig* ***ni*** (POSL 876) 'Обманешь поле *один* раз, оно тебя обманет *девять* раз'.

Ni *vise kan ikke stoppe munden på* ***en*** *dåre* (POSL 152) '*Девять* мудрецов не заткнут рот *одному* глупцу'.

То есть священник в приведенном выше примере ссылается на некоторое утверждение, принимаемое без доказательств, как некоторую общепринятую истину.

Противопоставление непреложной истины Бога (***thi***) и рассуждений человека (***for***) наглядно проявляется в обращении апостола Павла к Коринфянам:

Det har Gud åbenbart for os ved Ånden. ***Thi*** *Ånden ransager alt, selv Guds dybder.* ***For*** *hvem ved, hvad der bor i mennesket, undtagen menneskets egen ånd.* (Bibelen 1992. 1.Korinterne 2: 10–11). А нам Бог открыл это духом своим; *ибо (thi) Дух* все проницает, и глубины Божии. *Ибо (for) кто из человеков* знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? (1 Коринфянам 2:10-11).

Но почему же этот союз сохраняет свою продуктивность в современном речеупотреблении?

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют стилистически нейтральные современные контексты общественно-политической или научно-популярной тематики, которых оказывается большинство (по нашим подсчетам по Корпусу не менее 60% из общего числа примеров с *thi*).

Аргументация в этом случае либо указывает на **общеизвестное положение дел**, либо же представляет предлагаемое объяснение как **общеизвестный и неоспоримый факт**, хотя объективно он может таковым и не являться:

I dag har forskerne travlt med at sortere og efterprøve hundredtusinder af opdagelser gjort af IRAS, og tit viser det sig, at strålingen er udsendt af " et støvet objekt ". Det kan ikke forbavse, ***thi*** *støv er en meget effektiv varmekilde* (KorpusDK). 'Сегодня исследователи обрабатывают сотни тысяч результатов, полученных космической станцией, и часто оказывается, что излучение исходит от «пылевого объекта». Это не должно удивлять, *поскольку (thi)* космическая пыль является эффективным источником тепловой энергии'

Enhver skal have lov til at have sin opfattelse, ***thi*** *vi er dog demokrater* (KorpusDK) ‘Каждый должен иметь право на свое собственное мнение, *поскольку (thi)* мы все-таки демократы’. Во всех подобных примерах имплицируемый союзом *thi* модус может быть эксплицирован как: *<som kendt>* – ‘как известно’.

Иронический эффект создается при использовании *thi* в таких контекстах, которые как раз не предполагают общеизвестности и неоспоримости аргументации:

Amtsrådene var hurtige, ***thi*** *hvem ville ikke gerne kunne oprette en offentlig tv-station, og medarbejderne var lige så hurtige,* ***thi*** *hvem ville ikke gerne ud til sin egen lille mark. Det er gået så hurtigt og flot, at de selvfølgelig ikke kan nedlægges sådan uden videre. ...De er blevet et monument over en politik, der var forkert* (KorpusDK) ‘Областные советы подсуетились, *потому что (thi)* кому бы не хотелось создать общественный телеканал, и сотрудники подсуетились, *потому что (thi)* кто бы не хотел получить свою маленькую вотчину. Все прошло так быстро и гладко, что, разумеется, просто так всего этого уже не отменишь’.

Таким образом, инвариантным значением *thi* является введение аргументации за счет **дейксиса к общему знанию, разделяемому всеми членами языкового коллектива**. И эта дейктическая сущность находит закономерное отражение в его этимологии. Союз thi (glda. *thy, thi,* oldnord.. *þí*, *því*) возводится к старым падежным формам указательного местоимения, соответствующего современному датскому местоимению *den* (Etym. 451). То есть и союз *for* и союз *thi* вводят не собственно каузирующие, а аргументирующие клаузы, либо возлагающие ответственность за достоверность аргументации на **умозаключения говорящего** (***for***), либо указывающие на **общее знание о положении вещей в мире (*thi*)**.

Fordi

Собственно каузирующим является союз ***fordi.*** По числу словоупотреблений в корпусе он значительно опережает остальные причинные союзы (54410 словоупотреблений у *fordi* по сравнению с 1707 у *eftersom* и 605 у *thi*)[14].

При использовании союза *fordi* достоверность аргументации представляется говорящим как **объективный факт**. Именно этот союз представляет объективную взаимосвязь событий в денотативной реальности.

Важную роль в обосновании этой точки зрения будут играть:

1. семантические типы предикатов физической деятельности, типично используемые в конструкциях с *fordi*;

[14] Число словоупотреблений причинного союза *for* не поддается подсчету по Корпусу из-за неснятой омонимии с предлогом *for* ‘для’, с пространственным наречием и с предлогом *for* ‘перед’ и с *for* как формой претерита глагола от глагола *fare*, в целом дающих 783173 словоупотреблений. Однако анализ встречаемости причинного союза *for* в проанализированных текстах позволяет предположить, что по употребимости *for* несколько отстает от распространенности *fordi*, однако значительно опережает встречаемость *eftersom*.

2. особенности линейной временной соотнесенности предикатов каузирующей и каузируемой клаузы;
3. анализ этимологии союза *fordi*;
4. анализ датских синтаксических конструкций, используемых для рематического выделения причинной клаузы (***ikke fordi X, men fordi Y*** и ***når X, er det fordi Y***), в которых невозможно использование никакого иного причинного союза, кроме союза *fordi*.

Типичными примерами употребления союза ***fordi*** можно считать примеры, приводимые в толковом словаре DDO: Jeg *blev hjemme*, ***fordi*** jeg *var syg* ‘Я остался дома, потому что заболел’; *Lyd kan gå gennem luft,* ***fordi*** *lyden sætter luften i svingninger* ‘Звук способен проходить через воздух, потому что вызывает колебания воздуха’ https://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=fordi&tab=for

Предикаты в клаузах, вводимых союзом ***fordi***, обозначают объективные факты: (физические действия и изменения физических состояний в реальном мире), каузирующие последующие события. При этом налицо **линейная соотнесенность каузирующего и каузируемого события во времени**: <*заболел → остался дома*>; <*вызывает колебания → способен проходить*>. В этой связи показателен пример, приводимый К.Х. Лундом: <*упал, сломал руку → потребовал компенсацию*>:

En mand fra Helsingør ville have erstatning, ***fordi*** *han faldt og brakkede en arm pa vej ned ad en mørk trappe* …(***? for**) ‘Житель Хельсингёра потребовал компенсацию, *потому что* (*fordi*), спускаясь по неосвещенной лестнице, он упал и сломал руку’.

«Замена на *for* в этом примере была бы менее удачной, – пишет датский исследователь. – Дело в том, что здесь придаточная часть указывает на прямую физическую причину, а в предложении с союзом *for* причина преподносится как обоснование, т. е. она получает ярко выраженную м е н т а л ь н у ю о к р а с к у». [Лунд 2007, 168] <Выделено мной ДН>.

Анализируя примеры, где союз ***fordi*** не может быть заменен на союз ***for*****,** К.Х. Лунд приводит и примеры, имеющие модусную рамку. Их отличие от примеров с ***for*** состоит в том, что каузация, вводимая союзом ***fordi*****,** не может быть отнесена к модусной рамке высказывания, а всегда относится только к предикату ближайшей пропозиции в главном предложении.

Эти наблюдения подтверждаются и примерами из KorpusDK:

Han siger, {han *blev anbragt*, ***fordi*** han *smittede* sin kone}.‘Он говорит, что его поместили на лечение, потому что он заразил свою жену’ <*заразил → поместили на лечение*>;

Jeg tror nu, at {*Cesira* ***har giftet sig*** *med den halvgamle købmand,* ***fordi*** *han* ***var i stand til at tilbyde*** *hende et trygt og anderledes liv i Rom ...*} *‘Мне кажется, что Чезира вышла замуж за стареющего торговца, потому что тот был в состоянии обеспечить ей спокойную, другую, жизнь в Риме ...’ <был в состоянии обеспечить → вышла замуж>*.

Этимологически союз ***fordi*** (glda. *for thy (at),* oldnord. *fyrir því (at)*) производен от предлога и наречия *for* и формы дательного падежа указательного местоимения *det* (Etym. 129). То есть в своей внутренней форме он объединяет дейктическое значение, соответствующее указательному местоимению *det*, и значение предлога *for*, но не в пространственном смысле (как расположение *перед* наблюдателем), а в темпоральном значении *пред*шествования.

О регулярности перехода пространственного значения *for* в темпоральное можно судить по соответствиям, типа:

(A) *for*ben/*bag*ben ‘передняя задняя нога’, *for*hjul/*bag*hjul ‘переднее заднее колесо’, *for*grund/*bag*grund ‘передний задний план’, *for*have/*bag*have ‘сад перед/сад за домом’ и

(B) *for*fader → fader ‘праотец / отец’; *for*sommer → sommer ‘поздняя весна (досл. пред-лето) / лето’; *for*ret → (hoved)ret ‘закуска (досл. пред-блюдо) / (основное) блюдо’; *for*tid → (den nuværende) tid ‘прошлое (досл. пред-время) / (настоящее) время’, где реализуется либо пространственная (A), либо темпоральная (B) семантика. (О перцептивных основах такого смыслового перехода см. [Никуличева 2017, 57-58] и раздел о квазисинонимии темпоральных предлогов в этой книге).

По аналогии с примерами группы (B) можно утверждать, что союз *fordi* **указывает** (дейктическая семантика указательного местоимения *det*) **на каузирующую ситуацию**, **предшествующую по времени** (темпоральное значение *for*) каузируемой ситуации. Именно поэтому для семантики предложений с союзом *fordi* так важно указание на линейную временную соотнесенность предикатов каузирующей и каузируемой клаузы и на объективную взаимосвязь событий в денотативной реальности.

Сказанное позволяет нам предложить объяснение явлению, отмеченному датскими исследователями на материале корпуса датской устной разговорной речи Talesprogskorpusset BySoc [Jensen 2006] и датской устной официальной речи [Gregersen 2019] о том, что в устной речи союз ***fordi*** начинает использоваться в синтаксической дистрибуции, характерной для ***for,*** причем даже чаще чем сам ***for*** – с возможностью сочетаться с эпистемическими частицами (*hun bliver hjemme **fordi** hendes datter **måske/vist** er syg* ‘она осталась дома, потому что ее дочь, возможно/видимо, заболела’) и с порядком слов, как в независимом предложении: *hun bliver hjemme **fordi** hendes søn **er lige** blevet syg* ‘она осталась дома, потому что ее сын, только что заболел’ [Jensen 2006, 83–84]. Это означает, что в спонтанной устной речи *fordi* начинает вести себя как субъективно-аргументирующий, а не как объективно-каузирующий союз.

На наш взгляд, это явление можно объяснить как проявление процесса *концептуального блендинга* [Fauconnier, Turner 2008]. Оформляя высказывание как субъективную аргументацию, что характерно для союза *for*, говорящий использует вместо него союз *fordi* с целью более сильного прагматического воздействия на слушателей именно за счет того, что использование *fordi* пред-

ставляет адресату высказывание как объективно обусловленную причинно-следственную взаимосвязь.

Eftersom

Как и в союзе ***fordi***, в союзе ***eftersom*** исходно пространственная семантика предлога и наречия *efter* ‘за, позади’ (<glda. *æftir*, af germ. **afteri* til ie. **apo–* ‘af, væk – от, прочь’ Etym.104) переосмысливается темпорально, как ‘*после*’. Входящее в состав союза относительное местоимение *som* «обычно используется как союз относительного придаточного предложения, указывающий на ранее названное лицо или предмет» (bruges som indledning til en relativ ledsætning med henvisning til en tidligere nævnt person eller ting) https://ordnet.dk/ddo/ordbog?select=som,1&query=som .

Сочетание смыслов *efter* и *som* создает особую линейную модель каузации:

УТВЕРЖДЕНИЕ <*после которого* (***eftersom***) *следует*> ОБОСНОВАНИЕ

Типичным примером служит приводимое в DDO предложение: *Han er **vel** blevet forelsket i en pige på Lolland, **eftersom** han vil derned og arbejde på en gård* ‘Он, видимо, влюбился в какую-нибудь девушку с Лолланда, *поскольку (eftersom)* собирается переехать туда работать на хуторе’ https://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=eftersom&tab=for

Утверждение субъекта речи «*Han er vel blevet forelsket i en pige på Lolland*» является ментальным конструктом говорящего. Это его предположение, эпистемическая достоверность которого подкрепляется отсылкой ко мнению адресата сообщения (об этом свидетельствует использование частицы ***vel***). Использование союза ***eftersom*** указывает, что говорящий обосновывает свое субъективное предположение объективными фактами, которыми располагает: «*han vil derned og arbejde på en gård*».

Проведенный нами анализ примеров из датского Корпуса подтверждает, что семантическая специфика союза ***eftersom*** по сравнению с другими причинными союзами состоит в каузации ментального конструкта субъекта речи, нередко сопровождаемого эпистемическими маркерами (***vel***, ***næppe*** в примерах приводимых ниже), объективными фактами:

*Vitara i Danmark. Just nu er det slet ikke sikkert, om den kommer. Der er ikke taget stilling til spørgsmålet, fastslår pressechef John Jakobsen. Men det kan **vel** heller ikke udelukkes, **eftersom** vi i forvejen har to versioner af den 3-dørs Vitara. ‘*<Новая модель автомобиля> «Витара» в Дании. Сейчас совершенно не ясно, появится ли она. По словам пресс-менеджера Джона Якобсена, определенной позиции по этому вопросу пока нет. Но и исключать этого, видимо, нельзя, *так как (eftersom)* у нас уже есть две версии 3-дверной «Витары» (KorpusDK);

*Bogen er en litteraturhistorisk kuriositet, som der **næppe** er noget stort behov for at få oversat, **eftersom** der herhjemme ikke er mange andre end de*

engelskstuderende, der kender noget til Shelley og Coleridge. 'Книга представляет собой литературно-исторический курьез, который вряд ли стоит переводить, поскольку (**eftersom**) в Дании сейчас не так много людей, кроме студентов-англистов, которые знают что-либо о Шелли и Кольридже' (KorpusDK).

Как видим, посредством ***eftersom*** собственное **умозаключение говорящего** – его ментальный конструкт – обосновывается говорящим как закономерно следующее **из объективно наблюдаемого факта**.

Подытоживая сказанное можно отметить, что в семантике каузирующих клауз с *for* и *thi* присутствует обобщение, тогда как в семантике клауз с *fordi* и *eftersom* происходит референция к конкретному факту. В то же время союзы *fordi* и *thi* в качестве обоснования вводят объективный факт или объективное знание, а союз *for*, и союз *eftersom* обосновывают субъективное умозаключение говорящего. Таким образом, системное отличие семантики указанных союзов строится на сочетании семантических признаков «объективность» / «субъективность; «конкретизация» / «генерализация». Сочетание этих признаков легко представить в виде четырех квадратов картезианской логики. Немаркированными членом оппозиции является сочетание «объективность» и «конкретность», выраженная в наиболее нейтральном союзе *fordi*, а наиболее маркированы абстрактность и субъективность, выражаемые союзом *for*:(см. табл. 11):

Таблица 11

	Объективное	***Субъективное***
Абстрактное	X **thi** ↑ **Y** <утверждение **Y** верно, т.к. **все знают**, что **X**> (+) генерализация (–) субъективность	X **for** ↑ **Y** <утверждение **Y** верно, т.к. **я полагаю**, что **X**> (+) генерализация (+) субъективность
Конкретное	***for***di X → Y <факт **Y** верен, т.к. ***ДО*** него был факт **X**> (–) (–) (–) генерализация (–) субъективность	***efter*som X → Y** <предположение **Y** верно, т.к. следует ***ПОСЛЕ*** факта **X**> (–) (+) (–) генерализация (+) субъективность

В дальнейшем предполагается рассмотрение прототипически тематизирующих причинных союзов *da, når, siden, idet*, но предварительный анализ языкового материала позволяет выдвинуть гипотезу, что они функционально соответствуют четырем прототипически рематизирующим союзам, так что возникают функцио-

нальные пары: *fordi/da*; *for/når nu*; *thi/idet*; *eftersom/siden.* Проверка этой гипотезы станет темой дальнейшего исследования.

Впервые мысль о значимости для датского языка (как языка, грамматическая система которого приоритетно ориентирована на адресата) вербального маркирования того, на каком основании говорящий делает то или иное утверждение – на основании *объективного конкретного опыта* (oplevelseslager); на основании *субъективного конкретного предположения* (troslager), на основании *объективного абстрактного знания* (videnslager), или же на основании *субъективного абстрактного мнения* (meningslager) – была высказана Пером Дурст-Андерсеном [Durst-Andersen 2007, 170]. Наше исследование системы каузирующих союзов подтверждает эту общетеоретическую идею.

Как и в случаях с темпоральными и определительными союзами, мы можем отметить своеобразную функциональную асимметрию причинных союзов. Только один из них – ***fordi*** – обслуживает объективную соотнесенность по времени каузирующего и каузируемого события, а три остальные – ***for***, ***thi*** и ***eftersom*** – выражают разные смысловые оттенки ментального конструирования каузации говорящим. Тем самым сопоставление квазисинонимии датских причинных союзов с квазисинонимией временны*х* и определительных союзов подтверждает наш общий вывод о том, что базовым противопоставлением для датской грамматической системы является *противопоставление пережитой реальности всем типам ментального конструирования*. В этом плане причинный союз ***fordi*** противопоставлен остальным союзам каузации так же как темпоральный союз ***da*** союзу ***når***, а определительный союз ***der*** союзу ***som***.

III.3.2. Лингвокультурные импликации: динамика использования причинных союзов *thi*, *for* и *fordi* в датских переводах Библии

> «Есть одно старое, разработанное для нужд богословия учение о тринадцати языках. О тех самых, что были розданы людям на Вавилонской башне. На этих языках люди впервые начали ссориться и таким образом потеряли истину. Учение утверждает, что человеческая мысль не бывает прямолинейной, но, как только к ней прикоснется любой из вышеупомянутых языков, она превращается в улицу с односторонним движением. И вот для того чтобы понять мысль, для того чтобы узнать ее истинное значение, ее надо перевести на тринадцать разных языков. И тогда в междузначии рождается истина. Истина, следовательно, содержится не в языке, а в междусмыслии разных переводов одного и того же текста»
> *(М. Павич)*

Если сопоставление переводов Библии на разные языки позволяет выявить истинный смысл священного текста, то сопоставление разных по времени переводов Библии на один и тот же язык позволяет «в междусмыслии разных переводов» проследить изменения в языковом сознании носителей той лингвокультуры, которым адресован данный перевод.

Материалом исследования послужили тексты трех переводов Библии на датский язык. Речь идет о первом полном издании Библии на датском языке, так называемой Библии Кристиана III (1550 г.), выполненной Кристиерном Педерсеном с немецкого текста Лютера, об авторизированном переводе начала XX века (издание 1933 г), выполненном Ульриком Сандборг-Петерсеном не с немецкого языка, как Библия Кристиана III, а с древнегреческого оригинала (Новый Завет был переведен в 1907 г. а Ветхий Завет в 1931 г.), а также о новейшем переводе Библии, выполненном датским Библейским обществом и авторизированном в 1992 году королевой Маргретой II.

Сразу отметим, что религиозное сознание не является типичным для современных носителей датского языка. Так, опрос, проведенный в 2005 году статистической службой "Eurobarometer", показал, что 31% датских граждан считают, что верят в Бога, 49% верят в некий дух или жизненную силу, и 19% не верят ни во что из вышеназванного [EUROBAROMETER, .9)]. По числу атеистов страна занимает третье место в Евросоюзе после Чехии и Швеции. Хотя протестантское мировоззрение отразилось в отношении датчан ко времени, к труду, к скромности в одежде и т.п., но в основной своей массе датчане не выказывают религиозных чувств: «Официально 90% датчан являются членами Датской народной церкви, однако большинство из них редко посещает церковь, возможно, только на Рождество, крестины, конфирмацию и похороны» [Nikolaisen, Lind, Andersen, 17].

Ранее то, как изменение ментальности носителей языка отражается в изменениях датских переводов Библии, было рассмотрено нами в связи с изменением атрибуции понятия «время» в паремиях датского языка. Теперь мы продолжим исследование на примере изменении союзов, вводящих аргументирующие клаузы. Наша задача состоит в том, чтобы показать, как те изменения, которые в более поздних переводах Библии претерпевают причинные союзы, отражают изменения в сознании современного датского социума, а именно, антропоцентрический сдвиг референциальной ориентации с Бога на человека.

Наиболее типичным причинным союзом в Библейских текстах является союз *thi*. В словарях современного датского языка он определяется как «почти выходящий из употребления в разговорной речи, книжный, сохраняющийся в поэзии, канцелярском стиле, и создающий архаизирующий или же иронический эффект» [DDO]. Действительно, в Библии 1550 года *thi* является практически единственным союзом, вводящим каузацию, тогда как в Библии 1992 года он часто заменяется на союз *for*, а иногда и на союз *fordi*.

Вместе с тем, нельзя говорить, что речь идет о простой замене устаревшего синонима на более современный. Об этом свидетельствует анализ примеров с союзом *thi* в Корпусе современного датского языка. Статистика показывает, что более половины примеров употребления *thi* все же составляют нейтральные современные, а не исторически или стилистически маркированные контексты. Типичный пример: *Enhver skal have lov til at have sin opfattelse,* ***thi*** *vi er dog demokrater* 'Каж-

дый должен иметь право на свое собственное мнение, *поскольку (thi) мы все-таки демократы'* (KorpusDK).

Семантической основой каузации в таких примерах, как было показано выше, является ***отсылка к общеизвестному знанию***. Это согласуется с этимологией этого союза *thi*, который возводится к старым падежным формам указательного местоимения, соответствующего современному датскому местоимению *det* [ETYM, 451].

В современном датском языке союзу *thi* противопоставлен союз *for*, который, так же как и *thi*, в отличие от прочих союзов, не меняет порядок слов во вводимом им предложении. Однако, как показывает наше исследование, семантической основой каузации в причинных клаузах с *for* является не референция к общеизвестному знанию, ***а отсылка к умозаключению говорящего***. Поэтому типичными примерами с союзом *for* является такие, где в главной клаузе присутствуют частицы эпистемической модальности (*nok, vel, vist*), что невозможно, если каузирующая клауза вводится союзом *thi*:

Если теперь, учитывая указанное семантическое распределение союзов *thi* и *for* в современном датском языке, обратиться к сравнению переводов 1550, 1907/31 и 1992 гг., то обнаружится явная противопоставленность перевода 1992 года как тексту Библии Кристиана III, так и тексту Библии в переводе начала XX в.:

1550: *Landet er bleffuit vanhelliget aff sine Jndbyggere / **Thi** de offuertræde Louuen / oc foruandle Budene / Oc lade den euige Pact fare* (Esaias 24:5);

1931:*Vanhellig blev jorden under dem, som bor der, **thi** lovene krenkede de, overtrådte budet* (Esaias 24:5);

1992: *Jorden er vanhelligt af sine beboere, **for** de har overtrådt lovene, tilsidesat budet og brudt den evige pagt* (Esaias 24:5);

'И земля осквернена под живущими на ней; *ибо* они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет'. (Исаия 24:5) – пророчество о Тире.

1550: */ Salige ere de / som ere aandelige fattige / **Thi** Himmerigis rige er deris. Salige ere de bedrøffuede / **Thi** de skulle husualis. Salige ere de *Sactmodige / **Thi** de skulle *beside Jorden* (Matthæus 5: 3–5);

1907: *Salige ere de fattige i Ånden, **th**i Himmeriges Rige er deres. Salige ere de, som sørge, **thi** de skulle husvales. Salige ere de sagtmodige, **thi** de skulle arve Jorden* (Matthæus 5: 3–5);

1992: *Salige er de fattige i ånden**, for** Himmelriget er deres. Salige er de, som sørger, **for** de skal trøstes Salige er de sagtmodige, for de for de skal arve jorden* (Matthæus 5: 3–5);

'Блаженны нищие духом, *ибо* их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, *ибо* они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю' (От Матфея 5: 3–5).

Тем самым, в современном датском переводе Библии – за счет казалось бы малозначимой замены причинного союза *thi* на союз *for* – и Исаия в пророчестве о грядущем наказании Тира, и Иисус в Нагорной проповеди предстают уже не как

трансляторы вечной божественной истины, вложенной в их уста Богом (на что указывает использование союза *thi* в более ранних версиях), а как пламенные ораторы, аргументирующие перед слушателями свои взгляды.

Важно подчеркнуть, что речь идет не о повсеместной замене в современном переводе одного причинного союза на другой. Показательны в этом плане примеры из перевода 1992 года, где в рамках одного высказывания встречаются как союз *thi*, так и союз *for*:

1550: *Oc Gud obenbarede oss det formedelst sin Aand / **Thi** Aanden *randsager alle ting / ocsaa Guddommens dybhed. **Thi** huilcket Menniske veed / huad i Mennisken er / vden menniskens aand / som er i hannem* (1.Korinterne 2: 10–11);

1907: *Men os åbenbarede Gud det ved Ånden; **thi** Ånden ransager alle Ting, også Guds Dybder. 11. **Thi** hvilket Menneske ved, hvad der er i Mennesket, uden Menneskets Ånd, som er i ham? Således har heller ingen erkendt, hvad der er i Gud, uden Guds Ånd*. (1.Korinterne 2:10–11);

1992: *Det har Gud åbenbart for os ved Ånden. **Thi** Ånden ransager alt, selv Guds dybder. **For** hvem ved, hvad der bor i mennesket, undtagen menneskets egen ånd*. (1. Korinterne 2: 10-11);

‘А нам Бог открыл это духом своим; *ибо (thi) Дух* все проницает, и глубины Божии. *Ибо (for) кто из человеков* знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?’ (1 Коринфянам 2:10–11).

Как видим, в этом обращении Апостола Павла к коринфянам – именно за счет противопоставления разных союзов каузации – наглядно проявляется противопоставление непреложной истины Бога (*thi*) рассуждениям человека (*for*).

В современном датском переводе Библии 1992 г также возможна замена союза *thi* из ранних переводов Библии, на союз *fordi*, который в современном датском языке служит для указания на «объективную физическую обусловленность», и на «причинно-следственные отношения между двумя событиями», например: *En mand fra Helsingor ville have erstatning, **fordi** han faldt og brakkede en arm pa vej ned ad en mork trappe* ‘Житель Хельсингера потребовал компенсацию, потому что, спускаясь по неосвещенной лестнице, он упал и сломал руку’ [Лунд, 168–173].

В приведенном ниже примере из Книги Иисуса Навина в переводах 1550 и 1931 года использование союза *thi* представляет слова пророка как передачу Божественного повеления, тогда как в переводе 1992 года использование союза *fordi* представляет его прямую речь как выражение объективной причинно-следственной обусловленности: *«заготовляйте себе пищу для пути, потому что предстоит долгий поход»*. Ср.:

(1550) *Da bød Josua folckenis Høffuitzmend / oc sagde / Gaar igennem Leyren / oc biuder folcket / oc siger / Reder eder paa kaast / **Thi** at i skulle gaa offuer denne Jordan inden tre dage / at i skulle komme hen ind / oc indtage Landet / som HERREN eders Gud / vil giffue eder* (Josvabogen 1:10–11);

(1931) *Josua bød derpå Folkets Tilsynsmænd: ”Gå omkring i Lejren og byd Folket: Sørg for Rejsetæring, **thi** om tre Dage skal I gå over Jordan derhenne*

for at drage ind og tage det Land i Besiddelse, som HERREN eders Gud vil give eder i Eje!" (Josvabogen 1:10–11);
(1992) *Josva gav folkets skrivere denne befaling: «Gå igennem lejren, og sig til folket , at de skal sørge for proviant,* ***fordi*** *de om tre dage skal gå over Jordan for at erobre det land, Herren deres Gud vil give dem i eje* (Josvabogen 1:10–11);
'И дал Иисус повеление надзирателя народа и сказал: Пройдите по стану, и дайте повеление народу, и скажите: заготовляйте себе пищу для пути; *потому что*, спустя три дня, вы пойдете за Иордан сей, дабы прийти взять землю, которую Господь Бог отцов ваших, дает вам в наследие' (Книга Иисуса Навина 1:10–11).

В этой связи отметим, что в текстах современных проповедей, несмотря на то, что их язык относится к высокому стилю, наиболее типичным из всех причинных союзов является именно союз *fordi*. Высказывания с его использованием имеют цель сильного эмоционального воздействия на слушателей именно за счет того, что представляют утверждение говорящего как объективно обусловленную причинно-следственную взаимосвязь:

Dér var den vej, du Gud, kaldte kongevejen. Vejen hvor den mislykkede, den usle, den udstødte og forhadte fik værdi, ***fordi*** *du, Gud, så dem.* (KorpusDK).
'Этот путь Ты, Господи, назвал царским. Тот путь, на котором несчастные, ничтожные, отверженные и гонимые обретали достоинство, *потому что* Ты, Господи, узрел их'.
Traditionelt overføres disse forpligtelser over for Gud og mellem mennesker til hele menneskeheden til alle tider og på alle steder – reglerne gøres absolutte. De er absolutte og uforanderlige ***fordi*** *Gud har givet dem til menneskeheden* (KorpusDK). 'Традиционно эти обязательства относительно Бога и относительно людей распространяются на всё человечество, на все времена и на все земли – эти правила носят абсолютный характер. Они абсолютны и неизменны**,** *потому что* Господь даровал их людям'.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что как перевод Лютеровской Библии 1550 г, так и перевод с греческого оригинала начала XX в. сохраняют теоцентризм каузации. Все обусловлено волей Божьей, к которой как к общеизвестной истине отсылает использование союза *thi.* В переводе же 1992 года библейское слово часто звучит от имени того, кто его произносит, будто он обосновывает свои собственные рассуждения, а не транслирует Божественную истину.

Таким образом, на примере динамики двух, казалось бы, не связанных между собой языковых явлений как атрибуция в паремиях понятия «время» как «время Бога» и «время человека» (См. стр. 194 II.6.4) и динамика союзов каузации можно говорить о тенденции новейшего датского перевода Библии к усилению антропоцентрического ракурса изложения священного текста, что вполне согласуется с изменением отношения к религии в современном датском обществе.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Исследование системы датских подчинительных союзов, представленное в данной главе, не претендует на всеохватность. Исходя из антропоцентрической направленности исследования, мы ставили перед собой задачу показать общие когнитивные закономерности квазисинонимии, характерной для этого участка датской грамматической системы.

1. Главным выводом стало то, что квазисинонимия датских подчинительных союзов отражает перцептивные основы категоризации мира человеком. Об обусловленности логики организацией сенсорной системы человека (the source-domain logic arises from the inferential structure of the sensorimotor system), и о нейрофизиологическом выражении этой логики в виде нейронных связей (it is instantiated neurally in the synaptic weights associated with neural connections) писали Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Embodied Mind» [Lakoff, Johnson 1999, 73].
2. Проведенное нами исследование было основано на последовательном применении ряда параметров, таких как: анализ словарных дефиниций и этимологии каждого из союзов; особенности ментальной локализации пространственных представлений, лежащих в основе их семантики; частотность и функциональная специфика употребления каждого из союзов по Корпусу современного датского языка; употребимость в контекстах с определенными модальными частицами; особенности линейной и нелинейной временной соотнесенности предикатов зависимой и главной клаузы при разных союзах и др.
3. Как и в случаях с темпоральными и определительными союзами, так и в случае с причинными союзами может быть отмечена определенная функциональная асимметрия. Только один – статистически наиболее широко распространенный из причинных союзов – *fordi* – обслуживает объективную соотнесенность по времени каузирующего и каузируемого события, а три остальные – *for*, *thi* и *eftersom* – выражают разные смысловые оттенки ментального конструирования каузации говорящим.
4. Проведенное сопоставление квазисинонимии датских причинных союзов с квазисинонимией временны*х* и определительных союзов подтвердило наш общий вывод о том, что базовым противопоставлением для датской грамматической системы является противопоставление пережитой реальности всем типам ментального конструирования. В этом плане причинный союз *fordi* противопоставлен остальным союзам каузации так же как темпоральный союз *da* союзу *når*, а определительный союз *der* союзу *som*.
5. Отмеченная функциональная асимметрия датских причинных, времен*ны*х и определительных союзов также может быть прослежена в системе датских темпоральных предлогов (см. стр. 109 II.2.2) и в структуре темпоральных форм датского глагола (см. стр. 149 II.3.4). В ее основе заложена идея последовательного дистанцирования говорящего субъекта от плана пережитой реальности.

6. Если пережитая реальность основана на непосредственном перцептивном опыте говорящего, то ментальное конструирование представляет собой более сложный когнитивный процесс, основанный на о т с т р а н е н и и от конкретного события. Результатом такого отстранения от непосредственной перцепции – или от воспоминания о ней – становятся такие ментальные операции как прогнозирование, генерализация, характеризация, референция к выводному или к общеизвестному знанию. В этом плане причинный союз *fordi* противопоставлен остальным союзам каузации точно так же, как темпоральный союз *da* союзу *når*, а определительный союз *der* союзу *som*.
7. Изучение динамики причинных союзов на материале переводов Библии позволило говорить о тенденции новейшего датского перевода Библии к усилению антропоцентрического ракурса изложения священного текста, когда аргументация Божественной истиной подменяется аргументацией на основе опыта говорящего (*fordi*) или на основе выводного знания (*for*).
8. Исследование датских подчинительных союзов также показало, что ориентация в пространстве мысли одновременно является и ориентацией в пространстве коммуникации. За счет выбора того или иного подчинительного союза, говорящий на датском языке обязательно дает своему адресату информацию о том, берет ли он эпистемическую ответственность за сообщение на себя самого – поскольку опирается на собственный фактический опыт – или же отсылает слушателя к выводному знанию или к общеизвестной истине.

Сказанное подводит нас к следующей части нашей коллективной монографии, посвященной изучению ориентации человека в пространстве коммуникации.

ЧАСТЬ II

ОРИЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАЦИИ

ГЛАВА IV
СРЕДСТВА ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ КАК АНТРОПОЦЕНТРИРОВАННАЯ ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ ГИПЕРСИСТЕМА

IV. Эпистемическая модальность и средства выражения ее значений в датском языке

Проблема адекватности отражения мира в языке непосредственно связана с проблемой знания и его источников. В современных исследованиях, посвященных решению данной проблемы, особая роль отводится знаниям, приобретаемым не только перцептуально, но и на основе опыта, мнения, оценки (см. литературу в [Демьянков 1992, 1995, 2005; Кубрякова 1993, 2007, 2012; Мамчур 2004, Durst-Andersen 2012]). Все это свидетельствует о сложности дефиниции знания и многомерности его описания, позволяющей, например, различать такие источники знания, как личностные и коллективные, научные и обыденные, экспериментальные и умозрительные [Кубрякова 2012, 92].

Конкретизация источников получения знаний и их характеристика являются важными параметрами анализа значений **эпистемической модальности**, под которой мы понимаем отношение говорящего к содержанию своего высказывания с точки зрения его достоверности и меры своей ответственности за нее перед слушающим (подробнее о нашем понимании эпистемической модальности и ее видах см. в [Крылова 2012]).

Такое понимание эпистемической модальности косвенно присутствует во многих работах по данной теме. На различную степень ручательства говорящего за достоверность сообщаемого указывают Н.Д. Арутюнова [2000], Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев [1992], Г.А. Золотова [1998], Е.В. Падучева [2011], В.А. Плунгян [2008, 13], F.R. Palmer [1986, 148], D. Sperber, D. Wilson [1986], P. Durst-Andersen [2011], H. Nølke [1989], E.S. Jensen [2000] и другие исследователи.

В рамках эпистемической модальности нами выделяются следующие ее типы: **фактическая**, **проблематическая**, **аффирмативная** и **комментирующая**. Фактическая модальность, или простая достоверность, т.е. достоверное знание говорящим реальной ситуации, обычно выражается имплицитно. Любое эксплицитно выраженное отношение говорящего к достоверности своего высказывания имеет меньшую степень достоверности, чем имплицированное.

В основе выделения трех других типов эпистемической модальности лежат различия в функциональной направленности выражающих их средств на одного из трех представителей коммуникативной модели: 1 лицо, 2 лицо, 3 лицо:

1) Проблематическая модальность, средства выражения которой сигнализируют, что говорящий не может отнестись к содержанию пропозиции как достоверному из-за отсутствия или недостаточности у него информации о реальном положении дел. Основной функцией данных средств является функция выражения недостоверности высказывания, не выводящая его за рамки собственного субъективного мира – 1 лицо.
2) Аффирмативная модальность, средства выражения которой сигнализируют наличие, с точки зрения говорящего, аналогичной проблемы у слушающего и используются с целью преодоления его незнания или отведения его сомнения в достоверности пропозиции. Основной функцией данных средств является воздействие на слушающего, изменение его субъективного мира – 2 лицо.
3) Комментирующая модальность, средства которой сигнализируют наличие, с точки зрения говорящего, проблемы интерпретации ситуации в реальном мире и направлены на ее комментирование и обоснование правильности понимания данной ситуации говорящим – 3 лицо.

Различия между функциональной направленностью данных типов эпистемической модальности можно проиллюстрировать на примере использования следующих предикатов:

Я предполагаю – проблематическая модальность;

Я подтверждаю – аффирмативная модальность;

Я обосновываю – комментирующая модальность.

Проблема оценки достоверности содержания своего высказывания, или пропозиции (*P*), может возникать у говорящего в случае полного отсутствия или недостаточности информации о реальном положении дел. Это приводит его к необходимости в первом случае – выражать гипотезу о достоверности *P* и использовать

с этой целью имеющиеся в языке средства данной семантики, во втором – эксплицировать при помощи специальных показателей свою неуверенность в достоверности сообщаемой слушающему информации.

Анализ датского материала свидетельствует о том, что к значениям гипотетичности можно отнести:

- значение гипотетического умозаключения: «это *P*, потому что так обычно бывает»,
- значение гипотетической оценки ситуации: «я предлагаю оценить сложившуюся ситуацию как *P*».

Значения неуверенности говорящего в достоверности содержания высказывания относятся к значениям эвиденциальности. Под эвиденциальностью большинство исследователей понимают ссылку на тот или иной источник информации, возможно, недостоверный. Существуют различные точки зрения на эвиденциальность и классификации эвиденциальных значений [Palmer 1986, Chafe 1986, Willett 1988, Boye 2001, 2011; Козинцева 1994, 2000, 2007; Храковский 1997, 2007; Плунгян 2000]. Мы придерживаемся общепринятой классификации Т. Уиллетта, в которой, в зависимости от разновидности источника информации и способа его восприятия, выделяются прямая засвидетельствованность и косвенная. В связи с этим, исследователи выделяют три основных типа эвиденциальных значений:

- сенсорная эвиденциальность;
- пересказывательность;
- инференция.

Под инференцией понимается восстановление по косвенным признакам ситуации, свидетелем которой говорящий не был [Willett 1988, 57–97]. Значение неуверенности говорящего в достоверности содержания пропозиции, основывающейся на неких объективных данных, недостаточных для представления пропозиции как достоверной, мы относим к косвенной эвиденциальности, т.к. говорящий только сигнализирует адресату о наличии данных, косвенно свидетельствующих о явлениях, прямо им не наблюдаемых.

Выделяемые нами вслед за Ф.Р. Палмером [Palmer 1986], Чейфом [Chafe 1986], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым [Булыгина, Шмелев 1992], а также другими исследователями, в рамках эпистемической модальности значения гипотетичности и эвиденциальности противопоставляются по признаку отсутствия / наличия у говорящего какой-либо информации о реальном положении дел. В соответствии с данным выше определением эпистемической модальности, считаем необходимым отнести к эпистемическим оба названных вида значений еще и в связи с тем, что определение меры эпистемического ручательства говорящего, например, за пересказываемое, является, как показывают результаты проведенных нами исследований (см. стр. 250 IV.1.1), одним из важных критериев функционально-семантической дифференциации средств передачи чужой речи, на что обращают внимание и исследователи русских ксенопоказателей [Арутюнова 2000; Булыги-

на, Шмелев 1992; Крылова 2012; Плунгян 2008]. Кроме того, как будет показано ниже, один и тот же эпистемический маркер может одними исследователями относиться к гипотетическим операторам, другими – к эвиденциальным, что свидетельствует о возможной размытости их границ (см. стр. 254 о частице *nok*).

Таким образом, значения эпистемической модальности в датском языке выражаются рядом разноуровневых средств, основными единицами которых являются:

- модальные частицы *nok, vel, velnok, vist, vistnok, mon, da, nu, jo, dog, bare, blot, kun, så* и др.;
- модальные слова *antagelig(t) formentlig, formodentlig, givetvis, muligvis, måske, naturligvis, næppe, sandsynligvis, selvfølgelig, sikkert, utvivlsomt, virkelig, øjensynligt, åbenbart* и др.
- связочные квазипассивные конструкции с перформативными глаголами: *menes* ‘считают, считается’ / *siges* ‘говорят, говорится’ / *formodes* ‘предполагается’ / *ventes* ‘ожидается’+ *at-infinitiv* и др.
- глагольные конструкции с модальными глаголами *kunne, måtte, skulle*: *kan + Inf.I/II, må + Inf.I/II, skal + Inf.I/II.*

Наличие и активное использование в языке большого числа разноуровневых показателей со схожими, казалось бы, эпистемическими значениями ставит перед исследователем задачу функционально-семантического описания отдельных единиц в пределах каждой группы и контрастивного анализа разных эпистемических показателей с целью конкретизации их значений, выявления их особенностей и определения типичных контекстов для употребления тех или иных средств. С этой целью в работе будут использованы преимущественно материалы электронного корпуса датского языка [KorpusDK], примеры, взятые из других источников, имеют ссылки на них.

Среди средств выражения значений эпистемической модальности разных уровней важную роль играют модальные частицы, которые широко используются во всех сферах общения, как в устной, так и в письменной речи. Помимо значений эпистемической модальности (достоверно / недостоверно) модальные частицы могут также выражать значения **аксиологической** (хорошо / плохо, желательно / нежелательно) и **адмиративной** (ожидаемо / неожиданно) модальностей, характерных для отдельных контекстов. В рамках данного исследования объектом особого внимания будут модальные частицы, играющие важную роль в процессе интерактивного взаимодействия коммуникантов.

IV. 1. МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ И КРИТЕРИИ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

Проблемой происхождения и статуса частиц занимаются исследователи самых разных языков мира уже около сотни лет, однако она по-прежнему остает-

ся актуальной и сложной. В лингвистической литературе высказывается общее мнение специалистов по различным языкам о процессе перехода знаменательных слов в служебные, который, например, в русском языке характерен для частиц глагольного и наречного происхождения [Николаева 2005, 18]. В датском языке процесс перехода значения лексем от более объективного и конкретного к более субъективному и абстрактному затрагивает прежде всего наречия меры, степени, оценки и образа действия, ср. наречие *nok* ‘достаточно’ и модальную частицу *nok*, наречие *vel* ‘хорошо’ и модальную частицу *vel*, наречие *godt* ‘хорошо’ и модальную частицу *godt* [Jensen 2000; Andersen 1982, 1986]. Говоря о синтагматическом перераспределении слов по классам, исследователи обращают внимание на возникновение новых, более сложных частиц, что связано с «поглощением» частиц-партикул знаменательными словами, при том, что более простые частицы становятся союзами [Николаева 2005, 18]. О характерном для датского языка процессе «склеивания» более простых частиц в сложные свидетельствует появление в современном языке частиц *velnok*, *vistnok*, *nuvel måskenok* и других. Интересным для нашего исследования представляется и отмечаемый на материале различных языков однонаправленный процесс функционально-семантической эволюции наречие – частица – союз.

Одним из важных аспектов исследования модальных частиц в любом языке является проблема выработки критериев их отграничения от других классов слов. Как отмечает Е.С. Йенсен, на формирование того или иного значения и синтаксического статуса лексемы влияет целый ряд факторов: ее исходная семантика, синтаксические связи, лексико-синтаксические характеристики окружения, позиция в структуре предложения, одновременное развитие схожих значений у других лексем [Jensen 2000, 188–191]. Именно данные параметры функционально-семантических различий наречий и частиц легли в основу выработанных критериев отграничения частиц от других классов слов: выход из состава пропозиции, т.е. утрата обстоятельственной функции, изменение позиции в структуре предложения, потеря ударения, потеря лексической и приобретение прагматической семантики и коммуникативных функций [Виноградов 1982, Николаева 1985, Циммерлинг 2009, Крылова 2012, 2021; Rudolph 1989; Jensen 2000, 2002, Helbig, Kötz 1981].

Более подробно признаки отграничения частицы от наречия мы продемонстрируем на примере противопоставления релятивного наречия *nu*, имеющего темпоральное значение ‘теперь’, и частицы *nu*, прагмасемантическим инвариантом которой, как показывает анализ, является значение оценочного несоответствия реальной ситуации тому, что утверждается, предполагается другими или определено нормой [Крылова 2008а, 15–30]:

Vi har arbejdet helt målrettet mod VM. Det var ***nu*** *eller aldrig*. ‘Мы целенаправленно готовились к участию в чемпионате мира. Сейчас или никогда’.

Vi havde fået at vide, at undersøgelsen med 100 pct.s sikkerhed kunne vise graden af døvheden og at vi også kunne få at vide, hvad årsagen til døvheden var. Det fik vi ***nu*** *aldrig at vide* (KorpusDK). ‘Нам сказали, что исследование

со стопроцентной гарантией покажет степень глухоты ребенка и еще, что мы сможем узнать ее причину. Мы же об этом так и не узнали'.

*Hvordan var det **nu** det gik sidste år?* 'А как все прошло в прошлом году-то'?

То, что разные *nu* функционально отличаются друг от друга, можно определить методом отграничения *nu* в функции обстоятельства времени с помощью обстоятельственных интенсификаторов *allerede nu* 'уже сейчас', *først nu* 'только теперь', *især nu* 'особенно теперь', *lige nu* 'как раз теперь', *netop nu* 'именно теперь', а также постановкой к данному темпоральному обстоятельству вопроса *hvornår?* 'когда':

Nu (lige / netop / allerede nu) skal vi holde tungen lige i munden. – Hvornår? – Nu. 'Теперь (как раз / именно / уже теперь) нам надо держать язык за зубами. – Когда'?

*I fjorten dage havde han **nu** (*lige / *netop nu) gjort stormkur til Sara, men han var ikke kommet sit mål et skridt nærmere. – Hvornår? – *Nu.* 'Он-то четырнадцать дней активно ухаживал за Сарой, но не приблизился к своей цели ни на шаг. – Когда'?

Такие операции, как присоединение обстоятельственных интенсификаторов к темпоральному обстоятельству *nu* 'теперь' и постановка к нему вопроса *hvornår?* 'когда', возможны в первом из приведенных выше примеров, но абсолютно исключены во втором. О невозможности характеристики данного *nu* как обстоятельства времени свидетельствует и наличие в предложении обстоятельства *i fjorten dage* 'четырнадцать дней'.

Для противопоставления двух разных *nu* может быть также применен метод субституции [Смирницкая 1977, 72; Andersen 1982, 87], заключающийся в подстановке вместо *nu* любого другого обстоятельства времени, локализующего действие в настоящем (*i dag* 'сегодня', *denne gang* 'в этот раз', *i øjeblikket* 'в данный момент' и др.). О невозможности такой подстановки в целом ряде случаев свидетельствует то, что *nu* может употребляться в контексте других обстоятельств времени, ср.:

Og retten overvejer nu (i øjeblikket / i dag) at udskyde sagen for at vurdere det nye materiale. 'И теперь (в данный момент / сегодня) суд решает отложить рассмотрение дела для того, чтобы ознакомиться с новыми материалами'.

*Dengang vi var mindre var det **nu** sjovere, for da troede man på alle historierne.* 'Когда мы были младше, тогда-то это было забавнее, потому что мы верили во все эти истории'.

Анализ собранного языкового материала показывает также, что *nu* как наречие и *nu* как частица по-разному проходят тест на негацию пропозиции [Hansen, Heltoft 1999, 59]: отрицание в одних предложениях стоит в препозиции, а в других – только в постпозиции к *nu*. Отметим, что еще раньше так называемый «тест на *ikke*» для определения функциональной специфики адъюнктов, располагающихся в поле нексуса, был предложен Д.Б. Никуличевой [Никуличева 1984, 148]. Постнегативная позиция *nu* свидетельствует о его связи с предикатом, употреблении в обстоятельственной функции, а значит, о вхождении такого *nu* в состав пропозиции:

Man skal ikke skubbe for meget til de føderale strukturer. <...> Og netop ikke nu. ‘Не надо расшатывать федеральные структуры. <…> Во всяком случае не сейчас’.

Forstår du det nu? <...> Du forstår det heller ikke nu. Jeg bebrejder dig ikke ... ‘Ты теперь это понимаешь? <…> Ты и теперь этого не понимаешь. Я тебя не упрекаю …’

Невозможность употребления частицы *nu* в постнегативной позиции объясняется отсутствием у такого *nu* синтаксической связи с предикатом, то есть его отнесением к внепропозициональным членам:

*Han har **nu** heller aldrig røget eller drukket i sit lange liv.* ‘Он-то тоже никогда не пил и не курил в своей долгой жизни’.

*Men jeg har **nu** aldrig før hørt om gulve, der skulle stråle ...* ‘Но я-то раньше никогда не слышал о светящихся полах …’

Анализ значительного корпуса примеров позволяет также произвести ограничение позиций употребления модальной частицы в структуре повествовательного предложения. Так, ударная позиция в начале и в абсолютном конце простого повествовательного предложения свойственна наречию *nu* в обстоятельственной функции. На обязательное акцентное выделении *nu* в определенных позициях в предложении обращает внимание датский исследователь Б. Якобсен, замечая *«<...> **nu** har flere muligheder, alt efter den talendes betoninger. Den trykstærke variant kan stå i forfelt eller slutfelt* ‘…в зависимости от акцентного выделения, у слова ***nu*** может быть несколько позиций. ***Nu*** в сильноударной позиции стоит в начале или в конце предложения’ [Jacobsen 1995, 67]. О бесспорном отнесении инициального ударного *nu* к наречиям говорит Т. Андерсен [Andersen 1982, 87]. В инициальной ударной позиции наречие *nu*, как и русское релятивное наречие ‘теперь’, формирует контрастный коммуникативный смысл ‘теперь, а не когда-либо’ [Янко 2001, 48], а это делает невозможным употребление здесь безударной модальной частицы *nu*:

I går var der sne, men nu skinner solen stærk og skarp. ‘Вчера был снег, а теперь светит яркое и жгучее солнце’.

De er i en anden stemning nu. Før var de bare på arbejde, nu er de tydeligvis frustrerede, de leder efter et eller andet. ‘У них другое настроение теперь. Раньше они просто исполняли свою работу, теперь они явно обеспокоены, ищут что-то’.

Ограничение позиций употребления модальной частицы *nu* в структуре предложения является свидетельством ее грамматикализации. Процессам грамматикализации модальных частиц посвящены исследования специалистов по различным языкам [Diewald 2006, 412; Boye, Harder 2012]. К аналогичным результатам приходит в диахроническом исследовании датских частиц Е. С. Йенсен [Jensen 2000], а вслед за нею и Л. Вестергор [Westergaard 2021].

Если для темпорального наречия *nu* ‘теперь’, как показывают приведенные выше примеры, важна временн*а*я соотнесенность ситуаций, то для модальной ча-

стицы *nu* важна не она, а эксплицируемая частицей оценка говорящим несоответствия реальной ситуации иным ожиданиям, мнениям, норме, в чем он и пытается убедить слушающего, ср.:

*Tænk blot på den furore, det vakte, da <...> Nam June Paik savede et flygel i stykker. "Skulle det **nu** også være kunst?" spurgte vrede aviser ...* 'Только подумайте о том произведенном фуроре, когда <…> художник Нам Джун Пайк распилил на куски рояль. «Ну, а это – тоже искусство?» – спрашивали разгневанные газеты'.

*Og så er det udseendet. Inga Nielsen har det, men det har **nu** ikke altid været en fordel at være slank og smuk.* 'И еще внешние данные. Они у певицы Инги Нильсен есть, но быть стройной и красивой не всегда же считалось преимуществом'.

То, что частица *nu* является средством пропозициональной установки говорящего и передает его отношение к пропозиции, можно проиллюстрировать также на примере очень распространенных в речи вопросительных предложений определенной структуры, в которых частица превращает вопрос в припоминание говорящим реальной ситуации, в которой он сам участвовал и в то время мог ответить на свой вопрос, но в нынешней ситуации этого сделать не может:

*Hvor vil du spise middag? Åh, hvor er det **nu** vi plejer at gå hen? Den, der så kendt, ligner lidt Viktor i København. Hvad er det **nu**, den hedder?* 'Где ты хочешь поужинать? М-м-м, ну, там, куда мы обычно ходим. Ну, тот, популярный, похож еще на «Виктор» в Копенгагене. Как там он называется'?

Вопросы такого типа описываются и в академической грамматике шведского языка, которая характеризует их как "*sökanda fråga*" и отмечает, что на такой вопрос "*talaren tidligare har kunnat svaret* …" 'говорящий ранее мог ответить …' [Teleman 1999, IV, 747]. Вопрос припоминания, отсылающий к уже упомянутому ранее, может быть обращен говорящим как к адресату, так и к самому себе:

*Hej, æh, hvad var det **nu**, du sagde, du hed?* 'Привет, э-э, как там, ты говорил, тебя зовут'?

*Så sagde han tænksomt: N ... Lad mig se ... Hvad er det **nu** det hedder ... Nej det står der faktisk ikke.* 'Потом он задумчиво сказал: Н … Дай-ка посмотрю … Как же это называется … Нет, этого здесь нет'.

Разницу в позиции модальной частицы *nu* и наречия *nu* в обстоятельственной функции в вопросах схожей структуры иллюстрируют также следующие примеры:

Hvad er det, der er færdigt nu? 'Что готово уже сейчас'?

*Hvad er det **nu**, der er færdigt?* 'Так что там (ты говоришь / мы говорили / мы видели) уже готово'?

В первом вопросе *nu* входит в состав пропозиции придаточного предложения, является обстоятельством времени, выраженным темпоральным наречием с лексическим значением 'теперь, сейчас', тогда как во втором вопросе *nu* не входит в состав пропозиции ни одного из двух компонентов вопроса. Используя *nu*, говорящий отсылает слушающего к информации, уже известной ему из прошлой ситу-

ации, которую он сейчас пытается припомнить или получить. Коммуникативная функция частицы *nu* в данном вопросе – сигнализировать слушающему несоответствие двух реальных ситуаций: прошлой, когда говорящий мог ответить на задаваемый им сейчас вопрос, и нынешней, когда он ищет на него ответ. Интересно, что функция анафорической отсылки к упомянутому ранее есть и у русской частицы ‘ну’ [Баранов, Кобозева 1988], а используемая нами в переводах многих примеров русская частица ‘там’ акцентирует внимание слушающего на том, что запрашиваемая говорящим информация не столько ему неизвестна, сколько в данный момент не вполне ему доступна, забыта [Левонтина 2011, 276].

Разницу в позиции частицы *nu* и темпорального наречия *nu* в структуре императивных предложений иллюстрируют следующие примеры:

Tag et billede lige nu! ‘Сфотографируй прямо сейчас’!

Tag ***nu lige*** *og hjælp mig!* ‘Ну-ка, помоги мне’!

Анализ материала показывает, что язык пытается разрешить омонимию наречия *nu* и частицы *nu* не только контекстуально и синтаксически, но и функционально. Отличающая модальную частицу *nu* от темпорального наречия *nu* функция воздействия говорящего на слушающего характерна для всех структур предложения и контекстов ее употребления. Убедить слушающего в несоответствии реальной ситуации тому, что предполагается или утверждается другими, пытается говорящий в предложениях повествовательной структуры:

Tom Kristensen blev beskyldt for at være udbrændt som digter efter ”Hærværk” i 1930. Han skrev ***nu*** *værdifulde digte siden.* ‘Тома Кристенсена обвиняли в том, что он исчерпал себя как поэт после выхода романа «Разрушение», написанного в 1930 году. Он **же** и после этого писал прекрасные стихи’.

Такая же ситуативно-обусловленная необходимость для говорящего воздействовать на слушающего обнаруживается и в приведенных ниже примерах, где сочетанием формы императива с частицей *nu* каузируется действие как соответствующее бенефактивной норме, вопреки сложившейся на данный момент реальной ситуации:

Tag ***nu*** *brillerne på, mand, ellers kan du da slet ingenting se.* ‘Ну-ка, надень очки, муженек, иначе ты вообще ничего не увидишь‘.

Hold ***nu*** *op med at græde, jeg har jo sagt ”undskyld”.* ‘Ну, хватит плакать, я же сказал «извини»’.

В отличие от темпорального наречия, модальная частица *nu* может стоять в контактной позиции с другими частицами:

Dyrene er ***jo nu engang kun*** *dyr.* ‘Ну, звери-то эти ведь всего лишь звери’.

Таким образом, комплексный анализ контекстных, семантических, синтаксических, просодических и функциональных различий между темпоральным наречием *nu* и модальной частицей *nu* позволяет нам рассматривать их как омонимы.

Таким образом, на формирование у наречия нового значения и приобретение им функций частицы влияют такие факторы, как потенциальные возможности его исходной семантики, изменение синтаксических связей и позиций лексемы

в структуре предложения, употребление ее в иных контекстных условиях, а иногда и одновременное развитие схожих значений у других лексем [Jensen 2002].

К такому же результату привел анализ особенностей функционирования датских наречий *nok* ‘достаточно’, *vel* ‘хорошо’, *da* ‘тогда’ и соответствующих модальных частиц – *nok*, *vel*, *da* [Крылова 2012]. Результатом исследования стало функционально-семантическое разграничение наречий с их лексической семантикой и обстоятельственной функцией и частиц, имеющих прагматические значения и коммуникативные функции:

Han har det ´godt nok.	–	*Han har det **nok** ´godt nu.*
‘У него все довольно хорошо’.	–	‘У него, скорее всего, все хорошо’.
Han har det ´vel.	–	*Han ´har det **vel** ´godt ´nok.*
‘У него все хорошо’.	–	‘У него, наверное, все хорошо’.
´Da havde han det godt.	–	*Han havde det **da** godt.*
‘Тогда у него все было хорошо’.	–	‘Да все у него было хорошо’.
´Nu har han det godt.	–	*´I dag har han **nu** det godt.*
‘Теперь у него все хорошо’.	–	‘Сегодня-то у него все хорошо’.

IV. 1.1. Модальные частицы и эпистемическая модальность

Как было показано выше на примере отграничения модальной частицы *nu* от темпорального наречия *nu* ‘теперь’, модальные частицы *bare, blot, da, dog, godt, jo, kun, lige, engang, mon, nok, nu, sgu, skam, så, vel, velnok, vistnok* имеют свои просодические, семантические, морфологические, синтаксические и прагматические признаки, отличающие их как от наречий, так и от других модальных операторов (подробнее см. [Крылова 2009, 111–122; 2021, 105–115]).

Функционально-семантический анализ частиц, выражающих значения проблематической модальности, позволил разделить их на группы в зависимости от выражаемого ими эпистемического значения, основной функции и меры ручательства говорящего за достоверность пропозиции:

– модальные частицы *nok*, *vel* и *vist*, выражающие все основные значения недостоверности: *nok* и *vel* являются операторами двух видов гипотетичности (гипотетическое умозаключение и гипотетическая оценка ситуации), *vist* – универсальным оператором косвенной эвиденциальности:

  *Og han har **vist** sagt noget om lektor Blomme. Men det er der **vel** ingen, der tager sig af. Det driver **nok** over. Det går **nok**.* (H. Scherfig) ‘И он, кажется, что-то сказал о лекторе Бломме. Но на это, наверное, никто не обратит внимание. Скорее всего, все обойдется. Все будет хорошо’.

Каждая из частиц коррелирует с определенными типами контекстов, в которых другие частицы данной группы не употребляются:

– частица *nok* выражает гипотетическое умозаключение говорящего о достоверности пропозиции, это делает возможным ее употребление в футуральных и ус-

ловных контекстах**,** в косвенных речевых актах обещания, упрашивания и испрашивания разрешения;

– частица *vel* выражает предложение говорящего слушающему принять его гипотетическую оценку сложившейся ситуации как достоверную, в связи с чем *vel* часто используется в косвенных речевых актах вежливости и гипотезы в функции вопроса;
– частица *vist* выражает неуверенность говорящего в достоверности пропозиционального содержания и является необходимой в речевых актах неуверенного припоминания, пересказывательности, передачи чувственного восприятия, вежливого замечания.

Таким образом, *nok* является проблематическим конклюзивом 1 лица, потому что за гипотезу отвечает сам говорящий, *vel* – проблематическим экспликативом 2 лица, так как говорящий обращается к слушающему за подтверждением своей гипотетической оценки ситуации и предлагает тому разделить с ним ответственность за ее достоверность; *vist* является универсальным косвенным проблематическим ситуативом 3 лица, так как отсылает слушающего к ситуации или источнику в объективной действительности, который мог бы подтвердить достоверность высказывания и тем самым разделить с говорящим ответственность за нее.

В зависимости от структуры вопроса и позиции в ней, единственная в датском языке модально-вопросительная частица *mon* может выступать:

– как проблематический конклюзив (1л.);
– как проблематический экспликатив (2 л.), так как в позиции абсолютного конца вопросительного предложения *mon* имеет функцию вовлечения собеседника в процесс гипотетической оценки сложившейся ситуации;
– как проблематический ситуатив (3 л.), так как в структуре модального вопроса *mon* выражает адмиративное значение удивления говорящего неожиданной для него, но достоверной ситуацией. Это позволило вписать частицу *mon* в формируемую в ходе исследования коммуникативную парадигму функциональной направленности частиц на 1, 2 или 3 лицо и определения доли последних в эпистемическом ручательстве говорящего.

Общей для частиц *da, jo, dog, nu* является функция аффирмативного воздействия на слушающего, когда говорящий пытается в определенном смысле «навязать» тому свое отношение к пропозиции [Николаева 2005, 30–31]. Данные частицы относятся к средствам выражения значений аффирмативной модальности:

*Jeg kender ham **da** ikke*. ‘Да не знаю я его’.

*Han er **jo** vores nye nabo.* ‘Он же наш новый сосед’.

*Ja, men ham har jeg **nu** aldrig talt med*. ‘Да, но я-то с ним никогда не разговаривала’.

*Hvor er du **dog** egoistisk!* ‘Какая же ты все-таки эгоистка’.

При этом каждая из частиц имеет свои функционально-семантические особенности и типичные контексты употребления:

– с помощью аффирмативного конклюзива *da* говорящий воздействует на субъективный мир слушающего, полагая, что способен убедить того в достоверности содержания пропозиции и отмести возможные или имеющиеся у него иные точки зрения, даже не располагая иногда достоверной информацией; это вынуждает говорящего взять всю ответственность за достоверность пропозиции на себя (*da* – 1л.);
– когда говорящий, используя аффирмативный экспликатив *jo*, пытается подтвердить достоверность содержания пропозиции наличием общего для обоих коммуникантов знания и разделить тем самым ответственность за нее со слушающим (*jo* – 2л.);
– когда говорящий при помощи аффирмативных ситуативов *dog, jo, nu* представляет как достоверную ситуацию, в той или иной степени не соответствующую представленной ранее или предполагаемой им самим (*dog* – 1л.), слушающим (*jo* – 2л.) или кем-то третьим (*nu* – 3л.).

К средствам выражения значений комментирующей модальности анализ позволил отнести модальные частицы *bare*, *blo*t и *kun.* Говорящий использует их, когда в реальной ситуации возникает проблема ее адекватной интерпретации. Основная функция частиц при этом заключается в комментировании данной ситуации и обосновании правильности ее понимания говорящим:

– Det var vel nok dejligt at se dig. Er du ked af det? – Næ.
– Jo, du er da ked af det.
–Nej, jeg er ***bare*** *træt, det er nok det. (Helle Helle)*
– ‘Как приятно тебя видеть. Ты расстроен? – Не-е.
– Нет, ты расстроен. – Нет, нет, я просто устал, поэтому, скорее всего …’

При этом каждая из частиц имеет свои функционально-семантические особенности и типичные контексты употребления:
– модальная частица *bare* как комментирующий конклюзив 1 лица выражает гипотетическое умозаключение говорящего о том, что содержание пропозиции является простым и минимально достаточным объяснением сложившейся ситуации, что делает ненужным рассмотрение иных альтернатив. Это позволило конкретизировать роль *bare* в формировании оценочных речевых актов, речевых актов разрешения, совета, предложения аргумента, а также предостережения;
– модальная частица *blot* как комментирующий экспликатив 2 лица выражает предложение говорящего слушающему исключить все иные возможные альтернативы объяснения ситуации, кроме предложенной им. Это позволило объяснить возможность использования частицы *blot* в речевом акте инструкции и невозможность ее употребления в речевом акте разрешения и в оценочных речевых актах;
– модальная частица *kun* употребляется как комментирующий ситуатив 3 лица, основной функцией которого является выделение и ограничение в ситуации определенного числа реально существующих альтернатив. Это сделало возможным употребление kun в функции усиления признака и невозможным ее воз-

действие на иллокутивную функцию императивного речевого акта, в отличие от частиц *bare* и *blot*.

В результате проведенного функционально-семантического анализа модальных частиц удалось систематизировать все выражаемые ими значения эпистемической модальности как их прагмасемантические инварианты, отличающиеся друг от друга своими основными функциями и мерой эпистемической ответственности говорящего за свое высказывание [Крылова 2012]:

Таблица 12.

Система датских модальных частиц

Эпистем. значение	**Эпистемич. ручат-ство (лицо)**	**Эпистемическая модальность**			
		проблематическая 1 лицо		**аффирмативная 2 лицо**	**комментирующая 3 лицо**
гипотет. умозаключение (конклюзив)	1	***nok***	***mon*$_1$**	***da***	***bare***
гипотет. оценка (экспликатив)	1+2	***vel***	***mon*$_2$**	***jo***	***blot***
косвенная эвиденциальность (ситуатив)	1+3	***vist***	***mon*$_3$**	***dog*** гипотет. несоотв-я 1л. ***jo*$_1$** оценочн. несоотв-я 2л. ***nu*** эвиденц. несоотв-я 3л.	***Kun***

Таким образом, в основе данной системы модальных частиц лежат следующие параметры:

1) одно из эпистемических значений, выражаемое каждой частицей: гипотетическое умозаключение (конклюзив), гипотетическая оценка (экспликатив) или косвенная эвиденциальность (ситуатив);
2) основная для группы частиц определенного типа эпистемической модальности функциональная направленность на одного из участников коммуникативной ситуации: на говорящего – 1 лицо (проблематическая модальность), на слушающего – 2 лицо (аффирмативная модальность), на ситуацию – 3 лицо (комментирующая модальность);
3) функциональная направленность частиц на 1, 2 или 3 лицо внутри каждого типа эпистемической модальности, например, проблематическая модальность – *nok* (1 л.), *vel* (2 л.), *vist* (3 л.);

4) определяемые говорящим согаранты достоверности содержания пропозиции:
– используя конклюзивы *nok, mon*$_1$*, da, bare*, говорящий берет на себя всю ответственность за достоверность содержания *P* (1 лицо);
– используя экспликативы *vel, mon*$_2$*, jo, blot*, говорящий предлагает слушающему разделить с ним ответственность за содержание *P* (1л. + 2л.);
– используя ситуативы *vist*, *mon*$_3$*, {dog, jo*$_1$*, nu}, kun* говорящий сигнализирует об имевшей место реальной ситуации или о существовании третьего лица, кто мог бы подтвердить достоверность его высказывания (1л. +3 л.).

Между гипотетичностью и эвиденциальностью: вера в достоверность или неуверенность в ней

Модальная частица *nok* является одним из наиболее частотных слов датского языка. Среди всех эпистемических показателей, представленных в корпусе разговорного датского языка BySoc, она занимает первое место по употреблению [Christensen 2012, 6]. Функционально-семантическому описанию частицы посвящены работы Т. Андерсена [Andersen 1982], Й.Э. Андерсена [Andersen 1986], Н. Давидсена-Нильсена [Davidsen-Nielsen1996], П. Дурста-Андерсена [Durst-Andersen 2007, 2010, 2011, 2011a], Л. Хельтофта [Hansen, Heltoft 2011], О. Тогебю [Togeby 1979], Х.Г. Якобсена [Jacobsen 1992], Т. К. Кристенсен [Cristensen 2007, 2012], Э.Б. Крыловой [2004, 2009, 2009a, 2011, 2012, 2021 и др.]. Анализ особенностей функционирования *nok* привел, однако, исследователей к разным заключениям о функциях и семантике частицы.

Так, например, Н. Давидсен-Нильсен и Л. Хельтофт [Davidsen-Nielsen 1996, Hansen, Heltoft 2011] характеризуют частицу как эвиденциальную, т.к. считают, что говорящий использует ее, когда имеет информацию, что *P* достоверно. Х. Г. Якобсен, Т.К. Кристенсен, Т. Андерсен и другие исследователи приходят к выводу, что *nok* является эпистемическим оператором, значения которого могут варьироваться от неуверенности до уверенности в достоверности *P* [Andersen 1982, Jacobsen 1992, Christensen 2012, 11–15]. Э.Б. Крылова, Е.С. Йенсен и П. Дурст-Андерсен определяют значение частицы как гипотетическое умозаключение [Крылова 2011, 75; Jensen 2001, Durst-Andersen 2011, 255].

К причинам подобных расхождений в функционально-семантической характеристике частицы *nok* можно, пожалуй, отнести то, что в ряде работ отсутствует необходимый анализ функционирования частицы с учетом таких параметров, как структура предложения, позиция в нем частицы и ее просодические особенности, а также временной план высказывания и контекстное окружение (субъект пропозиции, семантика предиката, наличие/отсутствие отрицания).

По своему значению частица *nok* относится большинством исследователей к *formodningsord* ‘предположительным словам’, т.е. к маркерам недостоверности. Понимая под эпистемической модальностью отношение говорящего к содержанию высказывания с точки зрения его достоверности и меры своей ответственности за нее перед слушающим, мы подразделяем все эпистемические значения на значе-

ния гипотетичности и эвиденциальности, противопоставляемые по признаку отсутствия / наличия у говорящего какой-либо информации о реальном положении дел.

К гипотетическим значениям можно отнести значения умозаключения, догадки, допущения. Говорящий не имеет никакой информации из реальных источников об истинности пропозиции и высказывает гипотезу, в достоверность которой верит, за что и несет ответственность перед слушающим. Неуверенность говорящего можно отнести к косвенной эвиденциальности, так как говорящий только сигнализирует адресату наличие неких данных в реальной действительности, косвенно свидетельствующих о явлениях, прямо им не наблюдаемых.

Таким образом, отнесение частицы *nok* к гипотетическим или эвиденциальным показателям зависит от того, имеет ли говорящий реальный источник в качестве основания для представления пропозиции как достоверной и в какой мере ручается за нее: верит в свою гипотезу и один несет за нее ответственность (1 лицо) или косвенно перекладывает определенную долю такой ответственности на внешний источник (3 лицо).

Рассмотрим особенности функционирования модальной частицы *nok*. О. Тогебю приводит все случаи употребления лексемы *nok* в структуре повествовательного предложения [Togeby 1979, 18]:

Han skal spise ´nok. = *adverbium*
‘Ему нужно хорошо питаться (букв.: есть достаточно). = наречие’
*Han skal **´nok** spise (det lover jeg at sørge for).* = *partikel*
‘Он обязательно поест (= я обещаю). = частица’
*Han skal **nok** spise (siden han ikke kan lege).* = *partikel*
‘Ему, скорее всего, надо поесть (раз он не может играть). = частица’
*´**Nok** skal han spise (men ikke forœde sig).* = *partikel*
‘Конечно, он должен есть (но не переедать). = частица’

Анализ показывает, что *nok* может занимать различные позиции в структуре предложения, которые могут быть как ударными, так и безударными, иметь как лексическую, так и прагматическую семантику, как синтаксическую, так и коммуникативные функции. Все это свидетельствует о том, что *nok* представляет в языке два омонима – наречие *nok* ‘достаточно’ и образованную от него модальную частицу *nok* ‘скорее всего’:

Det bliver ´svært nok at vinde konkurrencen. ‘Будет достаточно трудно выиграть конкурс’.
*Det bliver **nok** svært at vinde konkurrencen.*‘Скорее всего, будет трудно выиграть конкурс’.
*De har **nok** tid nok til det.*‘У них, скорее всего, достаточно времени для этого’.

Обнаруживаемые у частицы следы лексического значения наречия *nok* ‘достаточно’, от которого она образована, дают повод исследователям, относящим ее к эвиденциалам, определить выражаемое частицей значение как «у говорящего самого *достаточно* оснований или знания для того, чтобы утверждать *P*» [Hansen, Heltoft 2011, 1058]. Авторы Грамматики современного датского языка ха-

рактеризуют частицу *nok* как субъективную, диалогическую и эвиденциальную, при этом под эвиденциальной функцией понимается то, что «говорящий сигнализирует, что он рассматривает свое утверждение как достоверное» [Ibid., 1094]. Частица определяется при этом как имеющая субъективный модальный фактор, поскольку источником для такого утверждения являются основания или знания самого говорящего. Частица *nok* в приведенном ниже примере, действительно, может быть охарактеризована как отсылающая к определенному источнику в реальной действительности, что может быть воспринято как неуверенность, то есть значение косвенной эвиденциальности:

*Det er **nok** vaskedag heroppe i dag, siger hun og peger på de fyldte tørresnore, der svinger i blæsten. Nej, stop. Det er jo isinger, der hænger til tørre i havblæsten.*
'Здесь сегодня, скорее всего, постирочный день, говорит она и показывает на завешенные веревки, качающиеся на ветру. Нет, стоп! Это же камбала, которую повесили для сушки на морском ветру'.

Однако это не так. Стоит заменить частицу *nok* на косвенный эвиденциал *vist*, как изменятся и основания, на которых говорящий строит свое высказывание:

*Det er **vist** vaskedag heroppe i dag, siger hun og peger på de fyldte tørresnore, der svinger i blæsten. Nej, stop. Det er jo isinger, der hænger til tørre i havblæsten.* 'Здесь сегодня, кажется, постирочный день, говорит она и показывает на завешенные веревки, качающиеся на ветру. Нет, стоп. Это же камбала, которую повесили для сушки'.

В чем же разница эпистемических значений данных частиц? Функционально-семантический анализ частицы *nok* позволяет сделать вывод о том, что *nok* выражает значение гипотетического умозаключения говорящего о достоверности содержания пропозиции: «у меня достаточно оснований для того, чтобы полагать, что Р достоверно». Используя *nok*, говорящий часто строит свое умозаключение на основе известных ему общепринятых правил: «это, скорее всего, так, потому что так обычно бывает», ведь он должен иметь определенные основания и для построения гипотезы, ср.:

*Hun havde **nok** også sit eget værelse, selv om jeg ikke havde set det.* 'У нее, скорее всего, тоже была своя комната, хоть я ее и не видел'.

*Jon hev de tomme flasker i kanalen, selvom man kan få penge for dem. Han gjorde det **nok** for at imponere Ilse. Men der tog han fejl. For hun lavede vrøvl over, at han ikke havde smidt dem i containerne.* 'Он швырнул пустые бутылки в воду, хотя за них можно было получить деньги. Он сделал это, скорее всего, чтобы понравиться Ильзе. Но ошибся. Потому что она отругала его за то, что он не выбросил их в контейнер'.

Еще одним доводом против характеристики частицы *nok* как эвиденциала является наличие такого типичного для ее употребления контекста, как футуральный, в условиях которого невозможно функционирование никаких других эвиденциалов, отсылающих к источнику информации в реальной действительности, кроме пересказывательных [Козинцева 1994, 101]:

En skønne dag kører der tog igennem tunnellen og biler over broerne. Og den dag er der ***nok*** *ingen, som erindrer de vanskeligheder, man havde i starten.*‘В один прекрасный день через тоннель поедут поезда, а через мосты – машины. И в этот день, скорее всего, никто не вспомнит о тех трудностях, которые были в начале’.

Nogle vil ***nok*** *synes, at der var alt for få glimt fra slottets gemakker ...*‘Кому-то, скорее всего, покажется, что блеска от покоев замка было слишком мало ...’

Условный контекст (прежде всего – нереального условия) также не допускает использования эвиденциальных показателей [Козинцева 1994, 99] и, следовательно, исключает характеристику *nok* как эвиденциала, поскольку именно такие контексты являются типичными для употребления данной частицы. При этом необходимо подчеркнуть, что в датском языке в условных контекстах не может употребляться никакой другой оператор недостоверности, кроме частицы *nok*, выражающей значение гипотетического умозаключения. Этим *nok* отличается и от таких частиц проблематической модальности, как *vel* ‘наверное’ и *vist* ‘кажется, вроде, похоже’, прагматическая семантика которых не позволяет им функционировать в данных контекстных условиях [Крылова 2011, 123]:

Hvis min far havde levet, var jeg ***nok*** *blevet gift for 15 år siden.*‘Если бы мой отец был жив, я бы, скорее всего, женился лет 15 тому назад’.

Hvis jeg røg cigaretter, ville jeg ***nok*** *ryge ti pakker om dagen, så det er da godt, jeg ikke ryger.*‘Если бы я курил сигареты, то, скорее всего, курил бы по десять пачек в день, так что хорошо, что я не курю’.

Авторы академической Грамматики современного датского языка рассматривают прежде всего случаи функционирования частицы в утвердительных предложениях, однако при этом совершенно справедливо замечают, что *nok* не может употребляться в императивных речевых актах [Hansen, Heltoft 2011, 1047]. Нашим объяснением такого ограничения на использование частицы является прежде всего то, что гипотетический конклюзив *nok* функционально не выходит за рамки субъективного мира говорящего, то есть не может воздействовать на слушающего, что, собственно, является необходимым условием использования частиц в императивных сочетаниях [Крылова 2009а]:

Kom* ***nok* *hjem!*‘*Иди, скорее всего, домой!’

Kom ***da*** *hjem!* ‘Да иди же домой’.

Анализ функционирования частицы в различных контекстах повествовательного предложения показал, что безударная позиция *nok* является прототипической. При этом, однако, были выявлены случаи употребления *nok* в позиции акцентного выделения, назначением которого является приобретение частицей функции воздействия на адресата при сохранении своего прагмасамантического инварианта. Исследование языкового материала показывает, что для употребления ударного варианта частицы характерна контекстная и позиционная обусловленность. Так, частица *nok* в позиции акцентного выделения может употребляться в контексте модального глагола s*kulle* ‘быть должным’, где она формирует косвенный речевой

акт обещания. В следующем примере говорящий сначала использует безударную частицу *nok* для выражения своего гипотетического умозаключения о достоверности *P*, а затем, помещая ударный *nok* в контекст модального предиката с глаголом *skulle*, воздействует на адресата, обещая при определенных условиях выполнить действие, обозначенное инфинитивом:

...mener hun – kun en hund, det tager politiet sig ***nok*** *ikke af ... Men hvis bare tyven vil være god mod min lille Palle, skal jeg´****nok*** *betale 10.000.* '... но поиском собаки – всего лишь собаки –этим полиция, скорее всего, не станет заниматься ... Но, если вор будет добр с моим Паллечкой, я (обязательно) заплачу ему эти 10 000'.

Представляется, однако, сомнительным утверждение авторов Грамматики современного датского языка о том, что основной функцией самой частицы при этом становится регулятивная функция [Hansen, Heltoft 2011, 1094]. При сохранении значения гипотетического умозаключения частица в ударной позиции функционально выходит за границы субъективного мира говорящего, чтобы воздействовать на субъективный мир слушающего, но формирует речевой акт обещания только в сочетании с модальным предикатом *skulle + Inf.*:

*Jeg skal ´****nok*** *redde dig.* Я (обязательно) спасу тебя'.

Употребление говорящим ударной частицы *nok* возможно в контексте фактивного предиката, выраженного глаголом *vide* 'знать', но только в тех случаях, когда предикат в сочетании с частицей имеет значение догадки, а объект придаточного предложения не определен:

*Jeg ved ´****nok****, hvad du vil!*'Я знаю (скорее всего), чего ты хочешь'!

*Jeg ved´****nok,*** *hvem du snakker om*. 'Я знаю (скорее всего), о ком ты говоришь'.

Чтобы определить, является частица *nok* эвиденциалом или гипотетическим конклюзивом, необходимо также ответить на вопрос о возможности ее функционирования в структуре вопросительного предложения. Как показывают исследования, эвиденциальные показатели не могут употребляться в данной структуре. Об этом свидетельствует и наш вывод о невозможности такого использования частицы *vist*, выражающей значение косвенной эвиденциальности 'кажется, вроде, похоже' [Крылова 2012, 188], а также вывод, к которому приходит датский исследователь Р. Теркельсен в работе, посвященной проблемам использования модальных показателей в интеррогативах [Terkelsen 2008, 186].

Прагмасемантический инвариант частицы *nok* – гипотетическое умозаключение говорящего о достоверности *P*, а также ее основная функциональная направленность на выражение данного эпистемического значения делают невозможным употребление частицы в собственно речевом акте вопроса. Однако *nok* часто используется в структуре модального вопроса, обязательными синтаксическими условиями для ее функционирования при этом является позиция частицы после отрицания, наличие модальных глаголов *måtte* или *ville* в составе предикатов и субъект, выраженный личными местоимениями соответственно 1-го и 2-го лица:

*Må jeg ikke **´nok** tage to gange desserten i aften, tiggede han.* ‘Ну можно мне съесть сегодня вечером два десерта? – клянчил он’.

*Tilgiv mig, vil du ikke **´nok**? Det var ikke min mening at forskrække dig.* ‘Прости меня. Ну пожалуйста. Я не собирался тебя пугать’.

В структуре модального вопроса с отрицанием частица *nok* передает реакцию говорящего на коммуникативную ситуацию и выражает его сомнение в том, что адресат выполнил бы действие, выраженное инфинитивом, без подобного призыва (*vil du ikke nok* …?) или что говорящему было бы разрешено осуществить желаемое без настоятельного упрашивания (*må jeg ikke nok* ….?). Именно частица *nok* делает данный призыв-побуждение настойчивым, а просьбу – настоятельной. *Nok* здесь конденсирует смысловую насыщенность высказывания и углубляет его семантику, что практически невозможно передать при его переводе на русский язык.

Значение аксиологической модальности желательности, осложненное эпистемическим значением сомнения в осуществимости желаемого одновременно с ожиданием позитивного ответа, характеризуют данный тип вопросительных предложений как конвенциональный косвенный речевой акт упрашивания:

*Mor og far, må jeg ikke **´nok** få en hund? – Jo.*

‘Мама и папа, ну можно мне завести собаку? – Можно’.

Ожидание говорящим позитивной реакции собеседника на его упрашивание, однако, не означает исполнения ожидаемого:

Du skal i børnehave. – Må jeg ikke blive hjemme?

*Nej, du skal i børnehave. – Må jeg ikke **´nok**?– Nej, Charlotte, jeg er syg*.

‘Ты пойдешь в детский сад. – А нельзя мне остаться дома?

– Нет, пойдешь в сад. – Ну пожалуйста? – Нет, Шарлотта, я больна’.

Еще одним доводом в пользу определения семантики частицы *nok* как гипотетического умозаключения является то, что только эта частица может употребляться в качестве постпозитивного модификатора головного эпистемического оператора*: velnok*, *vistnok*, *godtnok*, *måskenok*, *rigtignok*. Гипотетический конклюзив *nok* вносит еще большую субъективность в эпистемические значения, выражаемые первыми компонентами данных сочетаний. В связи с тем, что проведенный нами ранее анализ модальной частицы *vist* ‘кажется, вроде, похоже’ позволил охарактеризовать ее значение как косвенную эвиденциальность [Крылова 2011, 186], представляется маловероятным наличие двух разных эвиденциальных показателей в сочетании частиц *vist nok*, а тем более – в сложной частице *vistnok*. О способности сочетаний с *nok* образовывать новые, сложные частицы свидетельствует то, что *velnok*, *vistnok* и *rigtignok* уже зафиксированы в корпусах и словарях как сложные слова *velnok*, *vistnok* и *rigtignok*:

*Det var **vel nok** dejligt at se dig.*‘Как приятно тебя видеть’.

*Det har **velnok** sin naturlige forklaring.*‘У этого есть, пожалуй, свое объяснение’.

*Det er **vist nok** det, der er hændt med din mor.*‘Это, судя по всему, и произошло с твоей мамой’.

*Jeg var **vistnok** den første i hele verden, der gav en sådan garanti.*‘Я, видимо, был первым в мире, кто дал такую гарантию’.

Проведенный нами сравнительно-сопоставительный анализ семантики частиц и других средств эпистемической модальности позволяет также противопоставить два разных типа умозаключения, выражаемых гипотетическим конклюзивом *nok* и инференциальным конклюзивом *måtte + Inf. I/II* [Крылова 2009, 102–107]. Инференциальное значение, выражаемое модальным предикатом *måtte + Inf. I/II*, относится к эвиденциальным, т.к. говорящий строит свое логическое умозаключение на неких косвенных, но реально существующих факторах, которые он приводит в свое оправдание. Разницу в эпистемических значениях, выражаемых данными конклюзивами, можно проиллюстрировать следующими примерами:

*Hvis min far havde levet, var jeg **nok** blevet gift for 15 år siden.* ‘Если бы мой отец был жив, я бы, скорее всего, женился лет 15 тому назад’.

*Hvis hunden ikke gøede, **må** den **have** kendt ham.* ‘Если собака не лаяла, значит, она знала его’.

Основная функция частицы заключается в выражении данного эпистемического значения и взятия говорящим на себя ответственности за высказываемую гипотезу. Все это позволяет определить *nok* как гипотетический конклюзив 1 лица. Говорящий использует частицу, когда у него нет никакой информации об истинности пропозиции, но он верит в достоверность сообщаемого.

Значение гипотезы говорящего, вносимое *nok* в высказывание, сопоставимо с эпистемическим значением вводящего ментального предиката, выраженного модальным глаголом *tro* ‘думать/верить’ ср.:

Jeg tror, det er vores egen skyld. ‘Я думаю, это наша вина’.

*Det er **nok** vores egen skyld.*‘Это, скорее всего, наша вина’.

Таким образом, модальная частица *nok* в структуре повествовательного предложения формирует речевой акт гипотетического умозаключения, прагмасемантическим инвариантом модальной частицы является именно это значение, а ее иллокутивной функцией – выражение данного умозаключения. За такую гипотезу всегда несет ответственность сам говорящий, мера же его ответственности за передачу недостоверной информации определяется степенью ответственности за гипотезу. Частица *nok* может быть охарактеризована как гипотетический конклюзив 1 лица. По своим функционально-семантическим характеристикам безударной модальной частице *nok* в русском языке ближе всего гипотетический оператор ‘скорее всего’. Отнесение модальной частицы *nok* к эвиденциалам представляется, таким образом, неправомерным, так как *nok* не отсылает к реальному источнику информации, на основании которой говорящий строит пропозицию как достоверную.

IV.1.2. Модальные частицы как индикаторы коммуникативных стратегий говорящего

Коммуникативная стратегия каждого из участников коммуникации нацелена на получение со стороны другого определенного результата, как коммуникативного, так и поведенческого. Формирование такого речевого поведения основывается на анализе целого ряда факторов, включая саму ситуацию и личность коммуникантов. Стратегический план является, таким образом, своего рода гипотезой одного из участников коммуникации о достижении желаемого результата в случае успешного осуществления данного плана. Это, однако, не гарантирует его реализацию, так как любая вербальная коммуникация может быть расценена как попытка воздействия на другого человека. Говорящий, реализуя свою речевую стратегию, становится одним из участников интерактивного процесса, в то время как его партнер по коммуникации проводит, в свою очередь, собственную стратегическую линию. Выработка такой коммуникативной стратегии является ментальным действием коммуниканта, а тактические приемы ее реализации определяются вариативными возможностями системы конкретного языка [Тюпа 2004, 66–87].

Датский язык, являясь языком аналитического строя, располагает определенным набором разноуровневых средств, используемых говорящим для вербального оформления своих речевых намерений и правильной их интерпретации адресатом. Коммуникативная стратегия говорящего может проявляться в самой структуре датского высказывания, в выборе и порядке следования его коммуникативных компонентов, а также в его просодическом рисунке [Крылова, 2012].

Особую роль в этой системе значимых единиц датского языка играют модальные частицы, семантический, просодический, структурный и позиционный потенциал которых используется говорящим для реализации своих стратегических целей: Предпочтение говорящим той или иной частицы или группы частиц для использования в сходных контекстных условиях свидетельствует о выборе им разных коммуникативных стратегий, определяющих его позицию по отношению к собеседнику, его стратегиям, к сложившейся ситуации, а также устанавливающих меру ответственности говорящего за свое высказывание.

IV.1.2.1. Функциональный принцип следования частиц в высказывании

Анализ собранного языкового материала свидетельствует о том, что модальные частицы могут употребляться группами, подкрепляя друг друга и располагаясь при этом в строго фиксированном порядке. Проблеме определения такого порядка и объяснения причин невозможности для некоторых из них употребляться в сочетании друг с другом посвящены, например, работы специалистов по частицам в немецком [Helbig, Kötz 1981; Gewehr 1981] и датском [Davidsen-Nielsen 1993, 1996] языках, однако большая часть возникающих при этом вопросов, на-

сколько нам известно, по-прежнему остается без ответа. Результаты проведенных исследований сводились к констатации наличия фиксированного порядка следования частиц, однако принципов, определяющих их местоположение относительно друг друга, выявлено не было ни в одном из данных языков.

Именно эта «необъяснимая» способность частиц подкреплять друг друга, располагаясь при этом в строго фиксированном порядке, делает, как считают немецкие исследователи, практически невозможным их употребление неносителями языка.

Предпринятое функционально-семантическое описание частиц в датском языке позволило определить порядок следования частиц в предложении и их возможные варианты, а также причины строгого соблюдения определенной последовательности и невозможности ее произвольного изменения или употребления некоторых из них в контактной позиции.

Ключом к решению данных проблем стало сопоставление функциональных характеристик частиц, данных в процессе анализа каждой из них. Так, функциональными особенностями средств проблематической модальности является их направленность на отражение субъективного мира говорящего и отсутствие возможности целенаправленного воздействия на слушающего с целью изменения субъективного мира последнего.

Функциональных возможностей целенаправленного воздействия на слушающего нет и у частиц комментирующей модальности: они используются говорящим, когда в самой ситуации реальной действительности возникает проблема ее адекватной интерпретации. Функция частиц при этом заключается в комментарии сложившейся ситуации и обосновании адекватности ее понимания говорящим.

Однако возможность воздействия на субъективный мир слушающего характерна для средств аффирмативной модальности, которые употребляются говорящим, чтобы подтвердить достоверность содержания пропозиции, отвести сомнения слушающего.

В случае возникновения проблемы оценки достоверности высказывания в субъективном мире говорящего, он использует модальные частицы *nok*, *vel* и *vist*, чтобы оправдать перед слушающим введение недостоверной информации:

Hvornår omtrent var det? – Jeg kom hjem ved ellevetiden, og jeg kan huske, jeg var i nattøj, så den var ***nok*** *halvtolv eller tolv.* ‘Во сколько приблизительно это было? – Я пришел домой около одиннадцати, и я, помнится, был в пижаме, так что, скорее всего, была половина двенадцатого или двенадцать’.

Deres mand er ***vel*** *ude med lokomotivet, kan jeg tænke.* ‘Локомотив вашего мужа, наверно, еще в пути, я так думаю’.

Han kunne ***vist*** *se det på mig.* ‘Он, кажется, понял это, глядя на меня’.

Модальная частица *nok* является гипотетическим конклюзивом 1 лица, так как за гипотетическое умозаключение говорящего о достоверности пропозиции ответственность несет сам говорящий. Модальная частица *vel* является гипотетическим экспликативом 2 лица, так как говорящий предлагает слушающему принять

свою гипотетическую оценку сложившейся ситуации и разделить с ним ответственность за ее достоверность. Модальная частица *vist* относится нами к косвенным эвиденциалам 3 лица, так как выражает значение неуверенности говорящего в достоверности пропозиции, сигнализируя этим, что есть некое третье лицо, которое может разделить с говорящим ответственность за достоверность высказывания.

При инвариантной функциональной направленности частиц проблематической модальности на отражение субъективного мира говорящего, каждая из них, как было показано выше, отличается от остальных вовлечением одного из участников коммуникативной ситуации в процесс эпистемического ручательства говорящего за достоверность высказывания. Такая функциональная специализация частиц неминуемо должна повлиять на порядок их следования в контактной позиции в предложении.

Собранный языковой материал свидетельствует о возможности употребления сочетаний модальных частиц в последовательности *vel nok* и *vist nok*. Это объясняется тем, что говорящий вносит в эксплицируемые *vel* и *vist* эпистемические значения чуть больше субъективности и гипотетичности. Частота употребления данных сочетаний частиц проблематической модальности привела к тому, что они образовали сложные частицы *velnok* и *vistnok*, которые уже зафиксированы в датских словарях и электронных корпусах текстов [Korpus DK, BySoc]:

Vi forskere er begyndt at bebrejde os selv, at vi har været for tilbageholdende, da loven blev debatteret. En af grundene var vel nok, at vi simpelthen ikke troede, man ville indføre den lov. ‘Мы как исследователи начали упрекать самих себя в том, что были слишком пассивны, когда обсуждался закон. Одной из причин этого, пожалуй, было то, что мы просто-напросто не верили в его принятие’.

30-årige er ikke så tit på besøg, men det har velnok sin naturlige forklaring. ‘30-летние приходят не так часто, но этому, пожалуй, есть свое естественное объяснение’.

*Hans kæreste var **vist nok** ude at rejse.* ‘Его возлюбленная, по-видимому, уехала’.

*Den påkørte kvinde havde ikke den fjerneste anelse om, hvad det var for en bil, der havde ramt hende. Den var **vistnok** blå.* ‘Пострадавшая женщина не имела ни малейшего представления о том, какая машина наехала на нее. «По-видимому, она была голубой»’.

Сочетания частиц функциональной направленности на второе и третье лицо **vel vist*, **vist vel* невозможны из-за несовместимости их эпистемической семантики: говорящий не может предлагать слушающему свою гипотетическую оценку сложившейся ситуации и одновременно отсылать к реальным источникам.

Гипотетический конклюзив 1 лица *nok* ‘скорее всего’ может также стоять в постпозиции к таким модальным показателям, как частица аксиологической модальности *godt*, модальные слова *måske* и *rigtig*, добавляя в их значения гипотетичности и делая их более субъективными:

Hørt udefra er Det Kongelige Teaters «tavshedskultur» ***godt nok*** *en af de mere højlydte.* ‘Извне традиционное молчание Королевского Театра слышно, пожалуй, громче других’.

Du er ***godt nok*** *sjov.* ‘Ты, пожалуй, забавный’.

Сопоставление значений и функций сочетаний частицы *nok* с другими показателями субъективности выходит за рамки нашего исследования. Заметим только, что интересный сопоставительный анализ функциональной семантики модальных сочетаний *vel nok*, *godt nok* и *rigtig nok* в экспрессивном контексте приводит датский исследователь П. Дурст-Андерсен, представляя их как парадигму:

Han er ***vel nok*** *dejlig!* (1. person)

Han er ***godt nok*** *dejlig!* (2. person)

Han er ***rigtig nok*** *dejlig!* (3. person)

Используя *vel nok*, говорящий высказывает свое мнение (например, о красоте ребенка), не учитывая возможные мнения других; используя *godt nok*, говорящий сигнализирует слушающему, например, матери ребенка, что он, присоединяется к ее мнению о своем ребенке, потому что оно правильное. Используя сочетание *rigtig nok*, говорящий сигнализирует, что присоединяется к мнению других людей о красоте ребенка как к объективному [Durst-Andersen 2007, 177].

Таким образом, модальные частицы проблематической модальности могут объединяться в сочетания и даже образовывать новые сложные частицы, при этом порядок их следования оказывается следующим: *vel* (2л.) + *nok* (1л.); *vist* (3л.) + *nok* (1л.).

В случае возникновения, с точки зрения говорящего, проблемы оценки достоверности высказывания в субъективном мире слушающего, говорящий использует специальные средства аффирмативной модальности, с помощью которых воздействует на последнего, пытаясь преодолеть его незнание, сомнение, неуверенность или переубедить его, т.е. повлиять на его субъективный мир: *da*, *jo* (два варианта), *dog*, *nu*.

Как мы показали выше, необходимость подтверждения своей оценки достоверности высказывания возникает у говорящего в тех случаях, когда у слушающего может быть иная точка зрения на возникшую ситуацию (*da*); когда говорящий пытается обосновать правомерность собственного утверждения общим для обоих коммуникантов знанием (*jo*); когда говорящий представляет как достоверную информацию, либо отличающуюся от его собственных утверждений / ожиданий (*dog*), либо противоречащих утверждениям / ожиданиям собеседника (*jo*), или утверждениям / ожиданиям третьих лиц (*nu*). Общим для всех этих частиц является их направленность на слушающего, однако каждая из них имеет свои функционально-семантические особенности.

Используя аффирмативный конклюзив 1 лица *da*, говорящий делает умозаключение, что вводимая частицей пропозиция отведет сомнения слушающего в достоверности информации или той оценки ее достоверности, которую он выражает. При этом говорящий берет на себя ответственность за такое воздействие на субъективный мир слушающего, что позволяет ему совершать это, даже

не имея достоверного знания о действительности: «*поверь, что это так, потому что так обычно бывает*» Инвариантная функция частицы приводит к возможности употребления аффирмативного конклюзива 1 лица *da* в контактной позиции с модальными частицами проблематической модальности *nok*, *vel* и *vist*. Функциональная направленность частицы на субъективный мир слушающего определяет ее препозицию по отношению к каждой из частиц проблематической модальности:

*Det er **da nok** den dårligste dag i mit liv.* ‘Да это, скорее всего, самый худший день в моей жизни’.

Jeg har da vel krav på at kunne være i mit eget hjem. ‘Да имею же я право находиться в своем собственном доме’.

*Den trøje bliver **da vist** for lille til dig.* ‘Да этот свитер тебе, кажется, мал’.

Использование говорящим для подтверждения достоверности содержания пропозиции аффирмативного экспликатива 2 лица *jo* свидетельствует о наличии общего для обоих партнеров знания, важного для обоснования анафорического или катафорического утверждения говорящего:

*Da insulin **jo** er et stærktvirkende [...] hormon, er det vigtigt hverken at få for meget eller for lidt.* ‘Инсулин ведь является сильнодействующим гормоном, поэтому важно строго соблюдать дозировку’.

Основная коммуникативная функция аффирматива *jo* заключается в том, что говорящий пытается подтвердить достоверность пропозиции путем привлечения самого слушающего в качестве согаранта: «*ты, как и я, знаешь / понимаешь, что …*». Такой аффирмативный экспликатив 2 лица, как и частица *da*, может стоять в препозиции к модальным частицам проблематической модальности, однако, в силу его функциональной семантики это возможно только в определенных контекстных условиях. Так, сочетание частиц *jo nok* возможно прежде всего при употреблении их в футуральном контексте, характерном для гипотетического конклюзива *nok*, тогда как *jo* при этом апеллирует к имеющимся у слушающего знаниям и опыту:

*J.K. Hansen sagde i den samme optagelse, at vi skal ikke have nogen fast forbindelse over Østersøen. Men også det vil **jo nok** vise sig at være en spådom, som ikke holder.* ‘В том же выступлении Й. К. Хансен сказал, что у нас не будет постоянного сообщения через Балтийское море. Но ведь и это пророчество, скорее всего, не сбудется’.

Контекстные ограничения касаются и употребления сочетания *jo vel*. В следующем примере частица *jo* отсылает к предположению говорящего, уже известному слушающему из его предыдущих высказываний:

*Hvorfor de vil gøre det, det tror jeg ikke, vi får at vide her i aften. Som jeg tidligere har konstateret, så handler dette **jo vel** dybest set om den magt, som nogle af disse mennesker tror, de har kunnet tilegne sig. (Politiken)* ‘Почему они хотят это сделать, думаю, сегодня вечером мы здесь не узнаем. Как я уже отмечал раньше, речь ведь, в сущности, наверное, идет о той власти, которую, как думают некоторые из этих людей, они смогли захватить’.

Такое ограничение сочетаемости частиц рамками специфического контекста не рассматривалось исследователем Н. Давидсен-Нильсеном, отнесшим его к невозможным [Davidsen-Nielsen 1996, 309].

В корпусе собранных примеров отсутствуют случаи употребления сочетания частиц **jo vist*, что мы можем объяснить тем, что говорящий не может воздействовать на субъективный мир слушающего, свидетельствуя о наличии общего для обоих партнеров знания и эксплицируя при этом свою неуверенность в достоверности пропозиции.

Аффирмативный экспликатив 2 лица *jo* стоит в препозиции не только к частицам проблематической модальности, но и к аффирмативному конклюзиву 1 лица *da*. Здесь, как и в случае с частицами проблематической модальности, действует принцип преимущественного расположения в препозиции к другим эпистемическим средствам частиц, ориентированных на слушающего (аффирмативы) и функционально направленных на 2 лицо (экспликативы):

*Det måtte **jo da** i hvert fald være et navn foruden mors på min dåbsattest. Min fars navn.* ‘Да должно же в моем свидетельстве о рождении кроме имени моей матери быть по крайней мере еще одно имя. Имя моего отца’.

Как уже отмечалось выше, говорящий также использует аффирмативные средства, когда представляет как достоверную информацию, противоречащую его собственным утверждениям / ожиданиям (*dog* – 1 л.), утверждениям / ожиданиям собеседника (*jo* – 2 л.), утверждениям / ожиданиям третьих лиц (*nu* – 3 л.). Все они могут быть отнесены к эвиденциалам, так как отсылают к ситуации в реальной действительности, которая, по оценкам говорящего, не соответствует тому, что сказал он сам, его собеседник или кто-то третий. Правомерность использования данных эвиденциалов в аффирмативной функции объясняется необходимостью воздействовать на слушающего, которому сложно оценить соответствие высказывания говорящего реальной действительности, так как предшествующая информация говорящего, слушающего или кого-то третьего отличается от вводимой в данный момент.

Оценочное несоответствие вводимой *dog* информации тому, что говорящий только что сказал, позволяет употреблять *dog* в сочетании со всеми модальными экспликаторами проблематической достоверности и их сочетаниями (*nok*, *vel*, *vist*, *vel nok*, *vist nok*):

*Det er en gammel historie, men den forbliver **dog** stedse ny.* ‘Это старая история, и все-таки она по-прежнему нова’.

*Han siger også, at kontoret allerede nu gerne vil have meldinger fra kommuner og institutioner om, hvad de eventuelt kunne tænke sig at få lavet. Selve arbejdet går **dog nok** først igang efter sommerferien, anslår han.* ‘Он сказал также, что фирма уже сейчас хотела бы получить сведения от районов и организаций о том, что они, возможно, хотели бы, чтобы им сделали. Однако сама работа начнется, скорее всего, после летних отпусков, заключил он’.

*I er her **dog vel** alle sammen!" – og så rejste hun sig op. Nej, jeg har ikke alle! Det største æg ligger der endnu." (H.C. Andersen)* 'Однако вы, наверное, уже все здесь! – и она поднялась. – Нет, не все! Самое большое яйцо еще лежит там'.

*Den lille rhesusabe der stirrede os i møde fra Politikens forside sidste lørdag så ærlig talt lidt bekymret ud i sit gammelkloge ansigt. Det er **dog vist** et udtryk, den slags aber altid har.* 'Не по годам мудрая мордочка маленькой макаки, уставившейся на нас с передовицы субботней газеты Политикен, выглядела, честно говоря, несколько озабоченно. Однако такое выражение обезьяны этой породы, кажется, имеют всегда'.

*Da en ung kvinde fra byen Vukovar i Kroatiens østlige og mest frugtbare del for kort tid siden viste den delvist genopbyggede by frem for nogle besøgende og stod ved et stort bart jordstykke, kommenterede gæsterne høfligt, at det **dog vel nok** var en stor og pæn mark. Sådan så det ud, men virkeligheden skulle have været helt anderledes.* 'Когда молодая женщина из города Виковара, расположенного в восточной и самой плодородной части Хорватии, показывая недавно гостям частично восстановленный город, остановилась у большого голого куска земли, те вежливо заметили, что это, пожалуй, все-таки было большое и красивое поле. Так это выглядело, но в действительности, говорят, это было совсем не так'.

*De er i Danmark også omtalt i pressen, når der foregår "bande-krige" mellem de enkelte grupper, ofte med drab som følge. En af grupperne flyttede i en periode ind i Christiania, hvor de **dog vistnok** i dag er mindre velsete.* 'О них тоже упоминает датская пресса, когда между отдельными группами происходят «бандитские войны», часто заканчивающиеся убийствами. Одна из таких групп заняла в свое время Кристианию, однако они там, судя по всему, стали не очень заметны'.

Функциональная семантика *dog* как конклюзива оценочного несоответствия 1 лицу не может сочетаться с семантикой аффирмативного конклюзива *da* (1л.), подтверждающего достоверность высказывания. Однако dog допускает употребление в сочетании с ним аффирмативного экспликатива *jo* (2 л.), который стоит в препозиции к *dog*:

*Mon det ej ville være at ønske, at blot én duelig skarpretter eksisterede i landet i stedet for nu de flere. Eksekutionerne er **jo dog** til held sjældne, og den enkelte eksekutor kunne **dog** altid nogenlunde blive i øvelsen.* 'Не стоило ли бы пожелать, чтобы в стране был всего лишь один толковый палач вместо всех нынешних. Казни ведь все-таки, к счастью, редки, однако один палач всегда мог бы быть при деле'.

Примеров сочетаний *jo dog* с частицами проблематической модальности выявлено не было. Это может быть объяснено тем, что сочетание *jo* с частицами *nok* и *vel* возможно только, если гипотетичность высказывания вызвана футуральным контекстом (*nok*) или оценкой деятельности других (vel), а общее для говорящего

и слушающего знание (*jo*) основывается на предшествующем опыте или только что сообщенной слушающему информации (см. выше примеры с *jo nok*, *jo vel*). Все это делает невозможным употребление в их контексте *dog*, вводящего оценочное несоответствие прежде сказанному говорящим.

Вариант частицы *jo*, имеющий значение оценочного несоответствия достоверной информации только что сказанному слушающим, совпадает по месту в предложении с аффирмативным экспликативом 2л. *jo* во всех случаях, кроме сочетания с аффирмативным конклюзивом 1л. *da*. Частица *da*, обычно стоящая после экспликатива 2 л. *jo* (см. выше), стоит в данном сочетании перед вторым вариантом *jo* со значением оценочного несоответствия достоверной информации сказанному слушающим, который на данный момент ее не учитывает:

Derefter var han gået ind i kontormaskiner, og han havde været så heldig, det troede han ***da jo****, heldig! – at få hovedagenturet for en ny dansk PC'er.* 'После этого он пошел в машинное отделение, и ему так повезло, да он же думал, что повезло – получить главную агентуру для нового датского компьютера'.

Модальная частица *nu*, подтверждающая достоверность информации, отличной от сказанного кем-то третьим, также может сочетаться с другими модальными частицами, например, частицами проблематической модальности *nok* и *vist*, которые, как и в предыдущих случаях, следуют после аффирматива:

Mine bedste ting, mine bedste ting – hvad mon han mente? Lige straks tænkte Fanny på sin bløde plysbamse og de fine røde balsko med sløjfer. Men det var ***nu nok*** *ikke "de bedste ting" til sådan en tur.* 'Мои лучшие вещи, мои лучшие вещи – что же он такое имел в виду? Фанни сразу же подумала о своем мягком плюшевом мишке и чудесных красных бальных туфлях с бантами. Но это же, скорее всего, были не «самые лучшие вещи» для такой поездки'.

Det er en misforståelse, at uglen tuder uhyggeligt. Det er nu vist for en del, fordi man hermed forbinder fantasier om død, kirkegårde og spøgelser. Uglens tuden lyder faktisk ret hyggelig. 'Это предрассудки, что совы неприятно воют. Ну это, кажется, только для некоторых, потому что с ними связывают фантазии о смерти, кладбищах и привидениях. На самом деле вой совы звучит очень приятно'.

Сочетание частиц **nu vel* невозможно, как представляется, в силу их функциональных особенностей: аффирмативный ситуатив оценочного несоответствия 3 лица *nu*, подтверждая достоверность пропозиции, сигнализирует о том, что ситуация в реальной действительности отличается от того, что говорит, предполагает некто третий, тогда как гипотетический экспликатив vel предлагает слушающему свою гипотетическую оценку возникшей ситуации в надежде на ее принятие последним. В языке, однако, существует сложное слово *nuvel* со значением 'ну, ладно'; 'ну, хорошо', состоящее из частицы *nu* и наречия *vel* 'хорошо':

Aldrig så snart har vi haft sommerferie og eventuelt efterårsferie, før vi begynder at spekulere på, hvor vi skal hen på vinterferie. ***Nuvel****, det gælder naturligvis ikke os alle sammen.* 'Не успевает еще пройти летний отпуск, а, возможно,

и осенние каникулы, как мы тут же начинаем думать о том, куда отправимся зимой. Ну, хорошо (ну, ладно), это, конечно, касается не всех нас'.

Сочетание частиц *da / jo* и *nu* нельзя отнести к частотным, но порядок их следования соответствует общему принципу: сначала аффирмативная частица 1 лица *da*, затем 3 лица *nu*.

Trods deres uenighed iøvrigt anså de begge verdensrevolutionen for nødvendig, for at socialismen kunne gennemføres i Sovjetunionen. De fandt ***da nu*** *også sammen i fælles modstand mod Stalin.* 'Несмотря на свои разногласия, они оба считали мировую революцию необходимой для построения социализма в Советском Союзе. Ну и в общем неприятии Сталина они тоже сошлись'.

Dyrene er ***jo nu engang*** *kun dyr. Og, når det kommer til stykket, temmelig dumme.* 'Ну, звери-то ведь всего лишь звери. А когда доходит до дела, так еще и довольно глупые'.

Аффирмативные показатели оценочного несоответствия предыдущему высказыванию самого говорящего (*dog*) и сказанному или предполагаемому третьим лицом (*nu*) из-за своей функциональной разнонаправленности не могут употребляться в контактной позиции **nu dog*, что подтверждается отсутствием таких примеров в электронных корпусах текстов.

В случае возникновения, с точки зрения говорящего, проблемы в объективном мире действительности, говорящий использует средства комментирующей модальности bare, *blot* и *kun*. Конклюзив 1 лица bare выражает гипотетическое умозаключение говорящего о том, что нет необходимости рассматривать иные возможности, так как X является простым и минимально достаточным; экспликатив 2 лица *blot* предлагает слушающему исключить все другие возможные альтернативы, кроме X; функция ситуатива 3 лица *kun* заключается в ограничении и выделении в действительности определенного числа X реально существующих альтернатив.

Характеристика гипотетических конклюзивов аффирмативной и комментирующей модальностей *da* и *bare* позволяет им функционировать в контактной позиции *da bare*: говорящий убеждает слушающего (*da*) в том, что X – самое простое и минимально достаточное обоснование анафорического высказывания.

Du må godt gå hjem, sagde han. Jeg sagde, at så var det jo slut. – Jamen du kommer ***da bare*** *igen på mandag efter skole. Vel mest for bare at få mig ud af døren. (TV-STOP)* 'Можешь идти домой, сказал он. А я сказал, что тогда ведь всему конец. – Да, но ты же просто придешь сюда снова в понедельник после школы. Наверно, только ради того, чтобы просто выпроводить меня за дверь'.

Комментирующий конклюзив *bare* может употребляться после аффирмативного экспликатива *jo*, так как самое простое и минимально достаточное обоснование чего-либо может быть известно или понятно слушающему:

De højeste bjergtoppe var dækket af sne, men det var ***jo bare*** *den 25. marts, og bjergene var 2 km høje.* 'Самые высокие вершины гор были покрыты

снегом, но ведь было еще только 25 марта, а горы были высотой в 2 километра'.

Сочетание частиц *dog* и *bare* возможно только в определенных контекстах, а именно в эмоционально-экспрессивных «псевдопридаточных» предложениях нереального условия, выражающих сожаление говорящего о несовершении в прошлом самого простого каузируемого действия для достижения бенефактивного результата:

*Havde jeg **dog bare** vidst det på forhånd!* 'Если бы я только знала об этом заранее'!

*Hvis jeg **dog bare** kunne leve mit liv om med alt det, som jeg nu ved, så ville jeg ...*'Если бы я только могла прожить свою жизнь заново, зная все то, что я знаю сейчас, то я бы …'

*Hvis han **dog bare** havde lyttet*! 'Если бы он тогда только послушался'!

Аффирмативный конклюзив 1 лица *da* и комментирующий экспликатив 2 лица *blot* не могут стоять в контактной позиции **da blot*, так как говорящий не может брать только на себя ответственность, убеждая при этом слушающего в достоверности того, что он предлагает самому слушающему принять как достоверное, исключив все остальные альтернативы. Однако это возможно при сочетании *da* с комментирующим ситуативом 3 лица *kun*, ограничивающим и выделяющим некое число реальных альтернатив в объективной действительности:

*Det er **da kun** gamle mennesker, der går på pension.* 'Да это только старые люди выходят на пенсию'.

*Det er **da kun** dejligt, at andre synes, at det er godt.* 'Да это только замечательно, что другие считают, что это хорошо'.

Модальная частица адмиративной модальности *sgu* употребляется, когда говорящий реагирует на неожиданную для себя ситуацию, чаще – реплику собеседника. В этом случае он не использует в контактной позиции с адмиративной частицей 1 лица никаких других эпистемических средств, кроме частиц 1 лица: *sgu nok*, *sgu da*, *sgu dog*. Собранный корпус примеров подтверждает наши рассуждения, так как случаев контактных сочетаний *sgu vel*, *sgu jo*, *sgu dog*, *sgu blot* нам не встретилось:

*Jeg anede ingenting, der var ingen, der havde spurgt mig, og jeg kan huske, at jeg sagde til min kone, de tror **sgu nok**, at jeg er død.* 'Я ни о чем не подозревал, никто меня ни о чем не спрашивал, и, я помню, я сказал жене: «Они, черт побери, скорее всего, думают, что я умер'.

*– Jeg trænger til briller, siger han for sig selv. – Hvis er det? – Jeg har vundet dem. – Du har **sgu da** aldrig kunnet spille poker.* – 'Мне нужны очки,» – сказал он самому себе. – А это чьи? – Я их выиграл. – Да ты же, черт побери, никогда не умел играть в покер'.

*Du får titusinde, sagde Timmy. Lige så snart jeg selv får fat i pengene. – Jeg vil have halvtreds, og en halv million, hvis jeg ender i spjældet. – Så lader du dig **sgu bare** fange med vilje, sagde Timmy.* 'Ты получишь десять тысяч. Как

только у меня самого окажутся деньги. – Я хочу пятьдесят и еще полмиллиона, если окажусь за решеткой. – Тогда ты, черт побери, просто специально дашь себя поймать, сказал Тимми'.

Препозиция адмиративных средств по отношению ко всем другим модусным средствам вполне объяснима. Характерной чертой порядка следования остальных частиц является принцип преимущественной первоочередности средств, направленных на слушающего как в рамках всего построения (аффирмативы), так и в пределах каждой разновидности модальных операторов (экспликативы).

Способность частиц соединяться в группы можно, видимо, объяснить тем, что они функционально обеспечивают интерактивное взаимодействие между представленными в коммуникации тремя лицами. При этом их функции составляют иерархию и прикрепляются к участникам коммуникации так, что каждая из них оказывается связанной с тем или иным участником (ср. с иерархией функций по Р.О. Якобсону [1985]).

Проанализируем предложение с группой частиц, взятое нами из статьи Н. Давидсена-Нильсена [Davidsen-Nielsen 1993, 3]:

Det er ***sgu da nu vist*** *en misforståelse.* 'Да это же, черт побери, похоже, недоразумение'.

В данном контактном сочетании частиц *sgu da nu vist*:

sgu – экспрессивно-адмиративный конклюзив 1 лица, выражает удивление и экспрессивную реакцию говорящего на чье-то неожиданное высказывание;

da – аффирмативный конклюзив 1лица, говорящий пытается воздействовать на слушающего, отвести его точку зрения или сомнение и берет всю ответственность за это на себя;

nu – аффирмативный ситуатив 3 лица, воздействует на слушающего, сигнализируя оценочное несоответствие реальной ситуации тому, что сказал кто-то другой;

vist – проблематический косвенный ситуатив, выражает неуверенность говорящего в достоверности пропозиции в связи с недостатком информации.

Итак, приведенные выше функционально-семантические характеристики частиц *sgu, da, nu, vist* позволили обнаружить их функциональные «коды» в данном высказывании: говорящий с удивлением и экспрессией реагирует на неожиданную реплику А (*sgu*), пытается воздействовать на слушающего, убедить его (*da*) в том, что реальная ситуация, насколько он может судить (*vist*), не соответствует тому, что сказал А (*nu*).

Таким образом, проведенный нами анализ сочетаемости модальных частиц в предложении, обусловленной их функционально-семантическими характеристиками, позволил сформулировать основные принципы порядка их следования: в препозиции к другим частицам стоят средства адмиративной модальности (*sgu*), выражающие удивление и экспрессию говорящего как его реакцию на неожиданную реплику собеседника, затем следуют модальные частицы аффирмативной модальности (*jo* – 2л., *da* – 1л.), функционально направленные на слушающего,

после них аффирмативно-коммуникативные частицы оценочного несоответствия, отсылающие к анафорическому или катафорическому высказыванию (*dog, jo*, *nu*), затем – частицы проблематической модальности в последовательности *vel* (2 л.), *vis*t (3 л.), *nok* (1 л.) или их сочетания (*vel nok*, *vist nok*), ориентированные на отражение субъективного мира самого говорящего, а завершают данный порядок комментирующие частицы (*blot* – 2л., *bare* – 1л., *kun* – 3л.), направленные на комментарий ситуации в реальной действительности.

Невозможность контактного употребления частиц **da blot*, **nok vel*, **jo vist*, **nu vel*, **dog vel*, **dog vist* объясняется их функционально-семантической несовместимостью. Невозможность употребления частиц**da sgu*, **nu da*, **nok sgu*, **nok jo*, **nok nu* и других в приведенном здесь порядке объясняется несоблюдением здесь выявленного нами правила первоочередного расположения частиц, функционально направленных на слушающего, ср., например: *da nu*, *sgu da, sgu nok*, *jo nok*, *nu nok* и т.д.

Результатом анализа сочетаемостных возможностей всех проанализированных частиц стал вывод о проявлении здесь определенной коммуникативной стратегии говорящего, основной целью которого является воздействие на слушающего. Это предопределяет приоритетные позиции частиц, функционально направленных на слушающего: аффирмативы и экспликативы.

IV.1.2.2. Роль модальных частиц в оформлении императивных речевых актов, их значения и проблемы перевода

Модальные частицы образуют стройную систему прагматических средств, отличающихся от других операторов пропозициональной установки говорящего не только по своей функциональной семантике, но и по целому ряду формальных признаков: прототипически безударная позиция в высказывании, преимущественная односложность, способность употребляться в группе частиц в строго определенном порядке следования, невозможность выступать в функции ответной реплики и др. Друг от друга частицы отличаются своими функциональными и семантическими характеристиками (подробнее об этом см.: [Крылова 2021]). К модальным частицам мы относим следующие единицы датского языка*: nok, vel, vist, velnok, vistnok, rigtignok, mon, da, jo, dog, nu, bare, blot, ikke, kun, lige, så, engang, ellers, altså, også, godt, sgu, skam* [Крылова 2021].

Семантические, просодические, структурные и позиционные возможности частиц позволяют им выступать индикаторами различных коммуникативных стратегий говорящего, определять меру его эпистемической ответственности за достоверность высказывания, кодировать его отношение к реальной ситуации и поведению слушающего, например, сигнализировать об их соответствии норме или ожиданиям говорящего.

Модальные частицы могут формировать косвенные речевые акты побуждения в разных структурах предложений. Разнообразие способов выражения побудительных значений в датском языке можно проиллюстрировать на примере различных форм обращения говорящего к слушающему за помощью:

1. *Hjælp mig!* – приказ: ‘Помоги мне’!
2. *Vær så god at hjælpe mig!* – вежливая просьба: ‘Будь так добр, помоги мне’!
3. *Vær så venlig at hjælpe mig!* – вежливая просьба: ‘Будь так любезен, помоги мне’!
4. *Vil du **ikke** hjælpe mig?* – просьба: ‘Ты не поможешь мне’?
5. *Kan du **ikke** hjælpe mig?* – вопрос-просьба: ‘Ты не можешь мне помочь’?
6. *Kunne du **ikke** hjælpe mig?* – вежливый вопрос-просьба: ‘Ты не мог бы мне помочь’?
7. *Du kan **vel ikke** hjælpe mig?* – самая вежливая просьба: ‘Помоги мне, пожалуйста’! (букв.: Ты, наверное, не можешь мне помочь?)
8. *Vil du **ikke nok** hjælpe mig?* – упрашивание: ‘Ну помоги же мне’!
9. *Vil du **ikke godt** hjælpe mig?* – просьба: ‘Ты не согласишься мне помочь’?

Ниже будет проведен анализ собственно императивных речевых актов, использование которых в речи, по утверждениям авторов датских практических грамматик, ограничено их иллокутивной силой приказа. Анализ языкового материала показывает, однако, что косвенные речевые акты вежливости воспринимаются как официальные, этикетно-избыточные и экспрессивно-окрашенные (Durst-Andersen 1991, 43–63). В связи с этим они значительно уступают по частоте использования императивным речевым актам. Данное явление можно объяснить тем, что в контексте глагольной формы императива могут употребляться модальные частицы, каждая из которых, образуя с формой императива своеобразную императивную конструкцию, вносит в высказывание свое значение и модифицирует иллокутивный акт приказа то в речевой акт совета или рекомендации, то просьбы или требования, то разрешения или инструкции. То, что косвенные речевые акты в разговорной речи употребляются реже, чем императивные, обусловлено также тенденцией к экономии времени и языковых средств, стремлением говорить кратко и ясно, экономить речевые ресурсы. Так, например, используя вместо косвенного речевого акта просьбы императивную конструкцию с частицей *lige*, говорящий добивается того же перлокутивного эффекта, ср.:

*Kunne du **ikke** række mig saltet? – Ræk mig **lige** saltet.*

‘Ты не мог бы передать мне соль’? – ‘Передай-ка мне соль’.

При этом, как показывает анализ особенностей функционирования императивных конструкций с модальными частицами, говорящий, используя их, сообщает слушающему определенную информацию, которой нет в косвенных речевых актах вежливости и других структурах высказываний со значением побуждения.

Функциональная направленность частиц на одного из участников коммуникации обусловливает возможность использования в контексте императива только частиц, функционально направленных на слушающего или третье лицо. Таковыми, как показывает анализ, являются частицы *bare*, *blot*, *da*, *dog*, *engang*, *lige*, *nu*, *så*.

«О формировании аналитических императивных комплексов – живом процессе, продолжающем тенденции аналитического формообразования в индикативе и конъюнктиве и одновременно реализующем характерную для датского языка семиотическую тенденцию к усилению грамматической выраженности отношений между участниками коммуникации» пишет также Д.Б. Никуличева в исследовании, посвященном противопоставлению императивных комплексов с частицами *bare, lige, nu, så* в зависимости от степени ослабления коммуникативного согласия (раппорта) между коммуникантами [2012, 72].

По результатам проведенных ранее исследований (Крылова 2007, 2012; Никуличева 2012, Christensen 2007; Jensen, 2000; Hansen, Heltoft 2007, 17–42) мы можем представить следующие типы директивных речевых актов, выражаемых императивными конструкциями с модальными частицами со значением побуждения слушающего позвонить говорящему:

1. *Imp.* + ***bare***	= разрешение:	*Ring **bare** til mig!*
2. ***Bare*** + *Imp.*	= инструкция:	***Bare** ring til mig!*
3. *Imp.* + ***blot***	= предписание:	*Ring **blot** til mig!*
4. *Imp.* + ***da***	= совет / предложение:	*Ring **da** til mig!*
5. *Imp.* + ***dog***	= призыв / просьба:	*Ring **dog** til mig!*
6. *Imp.* + ***lige***	= инструкция / призыв:	*Ring **lige** til mig!*
7. *Imp.* + ***nu***	= предупреждение / пожелание:	*Ring **nu** til mig!*
8. *Imp.* + ***så***	= приказ:	*Ring **så** til mig!*

Остановимся на сопоставительном анализе императивных конструкций с модальными частицами *da*, *dog*, *nu* и *bare*.

Императивные конструкции с модальной частицей *da*

Императивная конструкция с частицей *da* употребляется как реакция на предыдущую реплику собеседника или на его поведение. Диалогическая функция частицы способствует ее использованию говорящим в диалогах, где он стремится воздействовать на слушающего, отвести его возможные сомнения или иную точку зрения на сложившуюся ситуацию. Частица, используемая в дитективных речевых актах, маркирует **гипотетическое умозаключение** говорящего о том, что для достижения слушающим бенефактивного результата, ему необходимо предпринять каузируемое императивом действие. Используя императивную конструкцию с частицей *da*, говорящий сигнализирует это слушающему:

Johan havde ikke med det samme forstået alvoren og arbejdede rutineret med måltidet.

*– Johan, så hør **da** på mig! Er det for meget forlangt?* ‘Йохан не сразу понял всю серьезность ситуации и продолжал усердно поглощать ужин. – Йохан, да послушай же ты меня! Я что, слишком многого требую’?

*– Har I nogen penge? – Ja, Henrik livede helt op. Han havde frygtet er afvisning med en begrundelse om, at alle værelser var optaget. – Jamen, så kom **da** bare ind, unge venner. Værelser har vi nok af…* ‘А деньги у вас есть? – Да, – оживился Хенрик. Он боялся, что им откажут на том основании, что все комнаты заняты. – Да входите же тогда, друзья мои. Комнат у нас достаточно’.

Функционально-семантические особенности частицы позволяют императивной конструкции с ней формировать **речевой акт призыва, совета, пожелания**. При помощи частицы *da* в конструкции с императивом говорящий сигнализирует собеседнику, что возлагает при этом всю ответственность за результат каузируемого действия на себя, но ровно в той мере, в которой он может отвечать за совет, пожелание или призыв**:**

*Jeg vil ikke være uvenner med ham. – Så ring **da** til ham!* ‘Я не хочу поссориться с ним. – Так позвони ему’!

Данное выше описание прагмасемантических особенностей частицы *da* объясняет также привносимые ею часто в высказывание эмотивные значения нетерпения и упрека, вызванные неправильной, с точки зрения говорящего, **оценкой ситуации слушающим**:

*Drengen har en forsigtig hånd på din skulder. Som om du var hans mor. Flyt den **da**!* ‘Ладонь мальчика робко лежит на твоем плече. Как будто ты его мать. Убери ее!’

Императивные конструкции с модальной частицей *dog*

Прагмасемантическим инвариантом модальной частицы *dog* является вносимое ею в высказывание **значение оценочного несоответствия** реальной ситуации изначальным предположениям, утверждениям говорящего. Это позволяет *dog* употребляться в составе императивной конструкции. Здесь частица сигнализирует адресату, что его поведение в сложившейся на данный момент ситуации не отвечает ожиданиям или представлениям говорящего о надлежащем поведении собеседника, на которого он в связи с этим и пытается повлиять, призывая к действию, каузируемому императивной формой глагола. Особенности семантики частицы объясняют привносимые ею в высказывание оттенки удивления от неожиданности, а порой и раздражения, и упрека. Однако, по сравнению с частицей *da*, эти эмоции говорящего вызваны не **неправильной,** на его взгляд, **оценкой** слушающим конкретной ситуации и, как следствие, бездействием, а его **неправильным поведением** в ней, ср.:

– Åh, undskyld, mumlede Agnes og gjorde mine til straks at forlade kabinettet igen.

*– Kom **dog** ind og hils på Iselin, udbrød hendes mor og præsenterede de to unge piger for hinanden.* ‘«Ой, извините», – пробормотала Агнес, намереваясь

снова покинуть кабинет. «Войди все-таки и познакомься с Иселин», – воскликнула ее мать и представила девушек друг другу'.

Lene, har du ikke noget at sige? Hvor har du været? Svar ***dog*** *din mor.* 'Лене, тебе что, нечего сказать? Где ты была? Ответь же маме'.

Используя частицу *dog* в приведенных выше примерах, говорящий сигнализирует дочери, что ее поведение в сложившейся ситуации неожиданно для матери: дочь должна знакомиться с гостями и отвечать на вопросы матери, но она этого не делает.

Императивные конструкции с модальной частицей *nu*

Прагмасемантическое описание функционирования частицы *nu* в высказываниях различной структуры и коммуникативной направленности позволило нам конкретизировать контексты ее употребления и выявить прагмасемантический инвариант частицы – оценочное несоответствие реальной ситуации или поведения слушающего бенефактивной норме или положению дел, утверждаемому третьим лицом [Крылова 2008, 15–31). Частица имеет анафорическую функцию, так как отсылает слушающего к определенной ситуации. Функциональная направленность частицы на слушающего позволила ей употребляться в контексте императива и образовывать с ним императивную конструкцию.

Данное нами функционально-семантическое описание частицы свидетельствует о том, что она может употребляться в императивных конструкциях в двух принципиально разных ситуациях:

1) Когда императивом каузируется действие, противоречащее утверждению третьего лица:

   Han får pigens fars tilladelse til at invitere hende ud i tugt og ære. Han <...> følger hende hjem gennem sommernatten, og hendes vindue står på klem. – "Kom ***nu*** *med, Morten", hvisker hun.* – 'Ее отец разрешает ему пригласить ее погулять, если будет вести себя пристойно. Он <…> в летней ночи провожает ее домой, а ее окно приоткрыто. «Ну пойдем со мной, Мортен», – шепчет она'.

2) Когда императивом каузируется действие как соответствующее бенефактивной норме, вопреки сложившейся на данный момент реальной ситуации:

   Spis ***nu*** *brød til!* 'Ну-ка, ешь с хлебом'!

   Sid ***nu*** *stille!* 'Ну-ка, сиди тихо'!

Значение оценочного несоответствия реальной и каузируемой во втором случае ситуации, вносимое частицей *nu* в императивный речевой акт, можно выразить как 'сделай так, чтобы не …'**.** Таким образом, выполнение каузируемого глаголом действия здесь является ситуативно необходимым. Именно этим объясняется частотность употребления выражения *Tag det* ***nu*** *roligt!* 'Ну, успокойся'! практически ставшего речевым клише, используемым говорящим в ситуации, не соответствующей бенефактивной норме (о позитивной оценке нормы см. [Вольф 2006, 134]):

Og skulle nogen begå den dødssynd at forstyrre harmonien med ufredelig og provokerende adfærd, prøver man at pacificere den formastelige: "Så, så, ***tag*** *det* ***nu*** *roligt, nu sad vi lige og havde det så hyggeligt.* ***Kom nu*** *og sæt dig ned og få en lille en og lad os snakke sammen om det.* 'И если кто-то вдруг совершал смертный грех, разрушая эту гармонию своим недружественным и провокационным поведением, то задиру пытались усмирить: «Ну, ну, успокойся, мы же только что сидели все вместе, и нам было так хорошо. Иди же, сядь, выпей и давай поговорим об этом'.

Оценка говорящим реальной ситуации или поведения слушающего как не соответствующих бенефактивной норме объясняет привносимый частицей оттенок нетерпения, некоторого эмоционального раздражения говорящего, из-за чего речевой акт с данной конструкцией может иметь иллокутивную силу упрека, как и с модальными частицами *da* и *dog*:

Tag ***nu*** *brillerne på, mand, ellers kan du da slet ingenting se.* 'Ну-ка надень очки, муженек, а то ты ничего и не увидишь'.

В отличие от других частиц, употребляющихся в контексте императива (*bare*, *blot*, da, *dog*, *lige*, *så*), только **nu** может использоваться говорящим **в речевом акте пожелания**, возможность выполнения которого не зависит ни от кого из коммуникантов. Иллокутивная задача императивного акта с частицей *nu* 'сделай так, чтобы не …' в подобном контексте имеет иллокутивную силу пожелания адресату достичь бенефактивного результата каузируемого действия при любых условиях, что усиливает его аксиологическое значение:

Pas ***nu*** *godt på dig selv*! 'Ну, береги себя'!

Sov ***nu*** *godt.* 'Ну, спокойной ночи'.

Kom ***nu*** *godt hjem!* 'Хорошо тебе добраться до дома'!

Таким образом, частица *nu* в составе императивной конструкции может формировать **речевой акт совета, призыва, предупреждения** и даже **пожелания.**

Каждая из названных частиц не только имеет контактоустанавливающую функцию, но и коррелирует с конкретным ситуативным контекстом. Так, проведенный выше анализ показал, что разница между императивными конструкциями с частицами *d*a, *nu* и *dog* заключается в следующем:

- частица *da* сигнализирует слушающему, что тот неверно оценивает ситуацию и не предпринимает необходимых, с точки зрения говорящего, действий для достижения желаемого результата: *Svar* ***da*** *til mig!* – 'Да ответь же мне!' = Ты не понимаешь, что ты должен ответить;
- частица *dog* сигнализирует слушающему, что его поведение не соответствует ожиданиям говорящего: *Svar* ***dog*** *til mig*. – 'Отвечай же мне'! = Ты не отвечаешь, вопреки моим ожиданиям;
- частица *nu* сигнализирует слушающему, что говорящий оценивает его поведение или сложившуюся на данный момент ситуацию как не соответствующие бенефактивной норме и стремится подействовать на слушающего, чтобы их изменить: *Svar* ***nu*** *til mig*. – Ну-ка, отвечай мне! = Твой ответ необходим в данной ситуации.

Императивные конструкции с модальной частицей *bare*

Модальная частица может формировать с императивом различные побудительные речевые акты в зависимости от целого ряда факторов: препозиция / постпозиция по отношению к императиву, ударная / безударная позиция, наличие или отсутствие негации, семантика предиката. Анализ, проведенный с учетом всех данных факторов, позволил определить роль частицы в формировании речевых актов разрешения, совета, предложения аргумента, предостережения, инструкции (см. подробный анализ частицы bare в Крылова 2009: 34-50). При этом частица везде сохраняет свое инвариантное значение умозаключения говорящего о том, что каузируемое императивом действие является самым простым и минимально достаточным для достижения бенефактивного результата:

Lyder dette som noget for dig, skriv ***bare*** *et brev til os.* – Речевой акт разрешения.
'Если все это вам подходит, напиши нам письмо'.

Sig ***bare*** *ikke, at du er dansker.* – Речевой акт предостережения.
'Только не говори, что ты датчанин'.

Bare *tryk på knappen*. 'Просто нажмите на кнопку'. – Речевой акт инструкции.

Употребление частицы *bare* 'просто, только' в безударной постпозиции к форме императива выражает речевой акт разрешения слушающему совершить каузируемое императивом действие. Такой речевой акт инициирован самой ситуацией или косвенными высказываниями собеседника, приведшими говорящего к необходимости подобной реакции. В контексте данной императивной конструкции со значением **разрешения** может быть эксплицитно выражен субъект каузируемого императивом действия, используя который, говорящий сигнализирует, что берет на себя определенные обязательства по созданию условий, обеспечивающих достижение слушающим бенефактивного результата:

Martin strakte sig ved siden af ham. De havde noget bøvl med dynen. – Tag du ***bare*** *... hviskede Martin. – Nej, nej, jeg har nok.* 'Мартин растянулся рядом. Началась возня с одеялом. – (Хочешь) возьми его себе ... – прошептал Мартин. – Нет, не надо, мне хватает'.

Stol du ***bare*** *på mig, jeg har jo prøvet det her før* … 'Ты просто положись на меня, я же это уже раньше делал'.

Императивная конструкция с частицей *bare* в ударной препозиции к императиву выражает речевой акт инструкции.

Таким образом, анализ показывает, что говорящий с помощью минимального набора языковых средств, а именно глагольной формы императива и модальных частиц, воздействует на субъективный мир слушающего, пытаясь побудить его к действию, преодолеть его сомнение, неуверенность или переубедить его. При этом говорящий сообщает слушающему определенную дополнительную информацию о своем отношении к нему, к его поведению, а также к сложившейся ситуации.

Иллюстрацией проведенного анализа могут быть следующие примеры употребления модальных частиц в контексте императивов:

*Spis **bare** et stykke kage til!* – разрешение.
‘(Хочешь), съешь еще кусочек торта’!
***Bare** spis et stykke kage til!* – инструкция.
‘Просто съешь еще кусочек торта (и будешь сыт)’!
*Spis **da** et stykke kage til!* – призыв, совет.
‘Да съешь же еще кусочек торта’!
*Spis **dog** et stykke kage til!* – просьба, побуждение.
‘(Ну что же ты?) съешь все-таки еще кусочек торта’!
*Spis **nu** et stykke kage til!* – приказ, пожелание.
‘Ну-ка, съешь еще кусочек торта’!

Проблема перевода императивных речевых актов с русского языка на датский

Проблеме эквивалентности перевода и способам ее достижения посвящены исследования многих специалистов в области теории перевода [Егер 1987, Комиссаров 1990, Латышев 1981, 2008, Нойберт 1978]. Наибольшее внимание при этом уделяется прагматическому фактору. Переводы художественных произведений, в которых переводчик стремится «воспроизвести прагматический потенциал оригинала», чтобы «обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода» [Комиссаров 1990, 210], представляют особый интерес для анализа, так как их оригиналы ориентированы прежде всего на носителей языка источника [Нойберт 1978, 197–198]. Теоретики перевода рассматривают в своих исследованиях различные приемы прагматической адаптации перевода. Однако, о равноценности воздействия исходного (ИТ) и переводческого (ПТ) текстов можно говорить лишь в том случае, если они дают для своих адресатов объективную возможность одинаково отреагировать на их содержание [Латышев 2008, 32], в этой связи задачей переводчика является понимание и сохранение в переводном тексте коммуникативной значимости исходного текста [Егер 1987].

Проанализированные выше датские императивные речевые акты, каузируемое действие которых выражено формой императива, являются наиболее используемыми в датском языке. В связи с этим, для настоящего исследования было интересно проанализировать способы передачи русских императивов на датский язык. С этой целью методом случайной выборки был собран соответствующий русский языковой материал из пятой главы первой части романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [1976] и рассказа «Именины» А.П. Чехова [1979], а также соответствующий ему материал из переводов данных произведений на датский язык [Dostojevsij 2006, Tjekhov 1959].

Как показывают наблюдения и опыт преподавания перевода, побудительные речевые акты, выраженные в русском тексте формой императива, чаще всего переводятся на датский язык конструкцией императива с одной из модальных ча-

стиц, имеющих функцию воздействия на адресата: *da*, *dog*, *nu*, *bare*, *blot*, *lige, så*, *engang* [Крылова 2009]. Так, сопоставление реплик в исходном тексте романа Ф.М. Достоевского, выражающих различные императивные речевые акты, с соответствующими им репликами в тексте датского перевода свидетельствует о том, что в ПТ из 15 реплик с императивными речевыми актами 11 оформлены конструкциями с частицами. Аналогичные статистические закономерности дают и примеры из ИТ и ПТ рассказа А.П. Чехова, где в датском варианте из 25 реплик, предикаты которых выражены формой императива, 20 императивов также образуют конструкции с частицами.

По мнению большинства отечественных исследователей, употребление форм русского императива как прямого речевого акта не может вне контекста, иметь, например, таких разновидностей иллокутивной силы побуждения, как совет, разрешение, инструкция, предложение и др. [Безяева 2004, Беляева 1992]. Именно прагматический контекст, описание коммуникативной ситуации позволяет адресату воспринимать и интерпретировать иллокутивную силу императивного речевого акта в тексте на русском языке, ср.:

1. «Садись, всех довезу!» – опять кричит Миколка. (Достоевский, 91) – речевой акт предложения.
2. «...ты оскорбил людей, которые были к тебе привязаны и не сделали тебе никакого зла. Поди же извинись перед ними, посмейся над самим собой, и тебе станет легко. (Чехов, 340) – речевой акт совета.

Собственно императивная пропозиция в датском языке формирует речевой акт приказа, однако, как было показано выше, язык располагает целой системой модальных частиц, способных модифицировать такой императивный акт [Крылова 2012, 2021].

Согласно теории гипертипов языков датского исследователя П. Дурста-Андерсена, русский и датский языки принадлежат к двум разным гипертипам. Так, русский язык ориентирован на действительность, т.е. русское высказывание представляет конкретную ситуацию, из которой адресат получает необходимую для него информацию. Датский язык ориентирован на адресата, т.е. датское высказывание кодирует информацию, получив которую, адресат составляет себе представление о соответствующей коммуникативной ситуации [Durst-Andersen 2011a, 2011b]. Выводы, к которым приходит в своих работах П. Дурст-Андерсен, подтверждаются целым рядом исследований на материале русского и датского языков, например, Э.Б. Крыловой [2009, 2012, 2015], Е. Лорентцен [2012], Д.Б. Никуличевой [2012] и др.

Исходя из всего сказанного, мы можем заключить, что адресаты русского оригинала и датского перевода имеют изначально не только разные возможности, но и разные установки: адресат русского оригинального текста извлекает необходимую информацию из описываемой ситуации, тогда как для адресата датского перевода достаточно использовать в императивном высказывании специальные прагматические средства, функциональная семантика которых позволит ему

раскодировать и представить реальную ситуацию. Описание же данной ситуации в ближайшем контексте может оказаться иррелевантной или просто дополнительной информацией для датского адресата. Таким образом, чтобы быть коммуникативно эквивалентным оригиналу, текст датского перевода, может – а часто и должен – отличаться от него. Это мы попробуем продемонстрировать на материале названных выше произведений Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова и их датских переводов [14, 17].

1**. Imp. + *bare* =** речевой акт предложения, разрешения

Как показывает анализ материала, довольно часто русские императивные речевые акты передаются в датских переводах сочетанием глагольной формы императива и модальной частицы *bare*, которая может формировать с ним различные побудительные речевые акты в зависимости от целого ряда факторов: препозиция / постпозиция по отношению к форме императива, ударная / безударная позиция, наличие или отсутствие отрицания, семантика предиката. В анализируемых текстах перевода частица *bare* употребляется как в безударной постпозиции к предикату, так и в ударной препозиции к нему.

Как было показано ранее, инвариантным значением частицы *bare* является умозаключение говорящего о том, что каузируемое императивом действие адресата является самым простым и минимально достаточным для получения бенефактивного результата.

Императивная конструкция ***Imp. + bare*** может формировать речевые акты предложения, разрешения, побуждения, совета, предложения аргумента. Условием реализации данных значений является структура диалога и безударная позиция частицы после акционального предиката в форме императива.

«Садись, все садись! – кричит один, еще молодой, с толстой такою шеей и с мясистым, красным, как морковь, лицом, – всех довезу, садись!» (Достоевский 1976: 90)

*”Sæt jer op, sæt jer op i vognen!” råber en af dem, en ung knøs med tyrehals og blodsprængt ansigt, ”jeg kører jer allesammen her, stig **bare** op!* (Dostojevskij 2006, 63)

В первой части приведенного выше примера дважды повторяется одна и та же форма русского императива *«садись!»*, однако в этой реплике побуждение является инициальным, и в датском переводе ему соответствует простая форма императива. Из следующей реплики говорящего можно заключить, что в данном контексте русский императив формирует значение предложения слушающему совершить минимально достаточное действие, каузируемое формой императива, для достижения им бенефактивного, с точки зрения говорящего, результата: «всех довезу, садись!» Такое значение в датском переводе формирует конструкция **Inf.+ *bare:*** ”*stig **bare** op*!” Во всех последующих аналогичных репликах перевода используется именно конструкция императива с безударной частицей ***bare***, формирующая речевой акт предложения совершить действие:

«Садись, всех довезу!» – опять кричит Миколка … (Достоевский 1976, 91)
*”Stig **bare** op, jeg skal nok få jer af sted!” – brøler Mikolka på ny* (Dostojevskij 2006, 63).

В следующем примере в ответной реплике на просьбу русский императив формирует речевой акт разрешения, иллокутивная сила которого в датском языке также передается сочетанием **Imp. + *bare***:

«Пусти и меня, братцы!» – кричит один разлакомившийся парень из толпы.
«Садись! Все садись!» – кричит Миколка ... (Достоевский 1976, 91)
”Tag mig med, brødre!” – råber fra mængden en knøs, henrevet af skuespillet.
*”Kom **bare** med, allesammen!” – brølede Mikolka.* (Dostojevskij 2006, 63)

2. ***Bare + Imp.*** = речевой акт убеждения, инструкции

Сопоставительный анализ оригинальных и датских текстов указанных художественных произведений позволил также выявить случаи, где в русском ситуативном контексте форма императива формирует речевой акт убеждения или инструкции:

«Не жалей, братцы, бери всяк кнуты, зготовляй!» (Достоевский 1976, 91)
”***Bare** ikke vær bange! Tag hver en pisk og hiv løs på den, brødre!*” (Dostojevskij 2006, 64)

Как видно из соответствующей реплики перевода, в датском языке с этой целью используется сочетание ударной частицы *bare* в препозиции к императиву. Частица, находясь в инициальной ударной позиции, получает дополнительное функциональное усиление с целью воздействия на слушающего и сигнализирует, что для получения необходимого, с точки зрения адресанта, результата нужно совершить простое каузируемое императивом действие.

Таким образом, частица сохраняет свое инвариантное значение, но, заняв инициальную позицию и получив дополнительную функцию воздействия на адресата, формирует речевой акт убеждения. Как показал предварительный анализ, для такого речевого акта, характерно отсутствие в пропозиции субъекта каузируемого действия. Это подтверждает и приведенный выше датский вариант русской реплики, где обращение *brødre,* соответствующее русскому ‘братцы’ стоит в конце реплики, в контексте обычных императивов.

3. **Imp. + *blot*** = речевой акт инструкции

Сопоставление собранных в ИТ реплик с предикатами, выраженными формой императива, и их датских соответствий в ПТ позволило проанализировать значение датской конструкции императива с модальной частицей *blot,* употребляющейся при переводе для выражения императивного речевого акта инструкции:

«Приходите-тко завтра, часу в семом-с. И те прибудут». (Достоевский 1976, 96)
“*Kom **blot** i morgen aften ved syvtiden, så kommer de andre også*”. (Dostojevskij 2006, 70)

Прагматическое значение частицы *blot* можно определить как *«ничего другого, кроме X»*. Используя частицу, говорящий предлагает слушающему отбросить все другие возможные альтернативы, что и обусловливает ее употребление в речевом акте инструкции.

4. ***Imp. + dog*** = речевой акт побуждения

При переводе следующей ниже реплики в датском варианте используется императивная конструкция с модальной частицей *dog*, которая сигнализирует адресату, что сложившаяся к этому моменту реальная ситуация не отвечает его ожиданиям или представлениям о надлежащем поведении адресата, каузируемым предикатом. Особенности семантики частицы объясняют привносимые ею в высказывание оттенки упрека, раздражительности, нетерпения:

«Секи ее, секи! Что стали!» – кричат голоса из толпы. (Достоевский 1976, 92)

*"Slå til – slå **dog** til! Hvad står I der og glor for?" – råber en stemme i mængden.* (Dostojevskij 2006, 66)

5. **Imp.+ *nu*** = речевой акт пожелания, совета, рекомендации

В переводах на датский язык русских реплик с предикатами, выраженными формой императива, обнаруживается довольно много императивных конструкций с модальной частицей *nu*, инвариантным значением которой является оценочное несоответствие реальной ситуации бенефактивной норме или утверждаемому, желаемому кем-то другим:

«Прощайте, милая. Берегите себя» (Чехов 1979, 352).

*Farvel, kære ven. Pas **nu** godt på Dem selv*! (Tjekhov 96)

«Это верно, верно …» – согласилась Ольга Михайловна. – «Позволь мне пройти». (Достоевский 13, 344)

*Det er sandt nok ... indrømmede Ol'ga Mihajlovna. Men lad mig **nu** slippe forbi!* (Dostojevskij 2006, 84)

Частица *nu* употребляется в репликах обоих собеседников в приведенном ниже диалоге, где каждый из них настаивает на необходимости совершения адресатом каузируемого императивом действия:

– «Стой, я тебе еще задам один вопрос. Слушай!».

– «Нет, ты стой; я тебе задам вопрос. Слушай!». (Достоевский 1976, 100)

*– ...hør **nu** et andet spørgsmål: sig mig engang ...*

*– Nej, vent **nu** lidt – først vil jeg stille dig et spørgsmål ...*(Dostojevskij 2006, 74)

В следующем примере русский императив «уходите», переводится на датский язык конструкцией соответствующего императива с модальной частицей ***nu***:

«Уходите в комнаты, а то простудитесь! Сыро!» (Чехов 1979, 353)

*Gå **nu** ind, ellers bliver De bare forkølet. Der er klamt ude!* (Tjekhov 1958, 7)

Если в русском предложении мы можем определить выраженное императивом побуждение как совет, рекомендацию, только благодаря контексту, то в датском переводе данное значение вносит именно частица *nu*, сигнализирующая адресату,

что сложившаяся на данный момент реальная ситуация не соответствует бенефактивной норме, чем и обусловлена необходимость совершения каузируемого императивом действия.

Таким образом, для всех императивных конструкций с частицей *nu* характерно значение ситуативно обусловленной необходимости воздействия на слушающего, что и объясняет ее употребление в императивных речевых актах.

Результаты анализа способов передачи значений побудительности при переводе с русского языка на датский показал, что такие разновидности иллокутивной силы побуждения, как совет, разрешение, инструкция, предложение и др. не могут быть выражены в русском языке одной лишь императивной пропозицией вне контекста, тогда как для выражения данных значений побуждения в датском языке могут использоваться конструкции императива с модальными частицами, кодирующими информацию о том или ином виде побуждения:

Imp. + ***bare*** = предложение, разрешение;
Bare + Imp. = убеждение, инструкция;
Imp. + ***blot*** = инструкция;
Imp. + ***da*** = совет, призыв;
Imp. + ***dog*** = побуждение, просьба;
Imp. + ***lige*** = инструкция, призыв;
Imp. + ***nu*** = совет, пожелание, приказ;
Imp. + ***så*** = распоряжение, приказ.

Проведенный анализ позволил также на небольшом материале параллельных текстов показать, какую важную роль для создания коммуникативно эквивалентного перевода играет знание функционально-семантических особенностей таких языковых единиц, как датские модальные частицы, способные модифицировать побудительные речевые акты, выступать индикаторами стратегий говорящего, а также кодировать широкий спектр не только прагматических, но и грамматических значений.

IV.1.2.3. Коммуникативные функции вопросов

IV.1.2.3.1. Вопросы-реакции с модальными частицами

Большой интерес исследователей датского языка вызывают высказывания, представляющие собой реплики участников диалога, прежде всего, как реакции одного из его участников на инициальную реплику собеседника, на описываемую им или кем-то другим сложившуюся ситуацию. Подобные реактивные высказывания могут выражать непонимание, удивление от неожиданности услышанного или увиденного, сомнение в их достоверности. Такая реактивная реплика обычно имеет структуру вопроса и является синтаксически и прагматически несамостоятельной, входящей в диалогическое единство. Как правило, в таком реактивном вопросе используются различные модальные частицы, каждая из которых, сохра-

няя свое инвариантное значение, вносит в высказывание ту или иную прагматическую семантику и сигнализирует собеседнику, чем вызвана такая реакция. Наибольшее распространение в таких реактивных высказываниях получают частицы, функционально воздействующие на собеседника: *da, dog, nu* [Крылова 2010, 2012]. О значениях, вносимых этими частицами в реактивные высказывания вопросительной структуры, и пойдет речь в данной работе.

Вопросы-реакции с модальной частицей *da*

Высказывания с модальной частицей da могут иметь вопросительную структуру и выражать реакцию говорящего на предыдущую реплику собеседника. Такая анафорическая функция частицы является прототипической. Частица может употребляться как в диктальных, так и в модальных, или верификативных, вопросах, которые представляют собой реакцию непонимания говорящим того, как может быть реальной ситуация, которую презентирует реплика собеседника [Крылова 2012, 227]. При этом сама ситуация не описывается в данной реплике, а домысливается говорящим, который приходит к умозаключению, что инициальная реплика собеседника может иметь смысл только в конкретной ситуации, которую говорящий и описывает затем в реактивном вопросе с частицей *da*:

– *Danser man i opera?* ‘А в опере танцуют’?

– *Har du **da** aldrig været i teatret?* ‘Да ты что, никогда не был в театре, что ли’?

Частица *da* вносит в вопрос-реакцию говорящего на неожиданную реплику собеседника эпистемическое значение сомнения в достоверности такой ситуации, так как она не соответствует его предположениям, знаниям или представлениям о норме:

*Hvor gammel er du ... fem år <...> Har du **da** været alene hjemme? Hvad har du så lavet? ... Slås med dynene. Må du **da** lege i sengen?* ‘Сколько тебе лет … пять <…> И ты все это время была дома одна, что ли? И что же ты делаешь? Дерешься с одеялами. Тебе что, разрешают играть на кровати, что ли’?

В такой вопрос-реакцию частица *da* вносит значение непонимания, как такое возможно, сомнения в том, что это достоверно, поскольку сам говорящий придерживается противоположного мнения, о чем и сигнализирует, используя полифоническую частицу *da* [Hansen, Heltoft 2011, 1083]. Это объясняет и наличие эмотивной функции частицы, которая в вопросительной структуре реактивного высказывания выражает значение недовольства, неодобрения (ср. со значением, вносимым в русское высказывание сочетанием *что ли?* [Шведова, 2003, 157]).

Вопросы-реакции с модальной частицей *dog*

Реактивные вопросы говорящего часто включают в себя модальную частицу *dog*, инвариантной функцией которой является выражение оценочного несоответствия реальной ситуации, описываемой в ближайшем контексте, изначальным предположениям говорящего или его представлениям о норме [Krylova 2016, 36]. Обязательным условием такого контекста является описание реальной, хоть и не-

ожиданной для говорящего, ситуации, непонимание и неприятие которой вызывает его экспрессивную реакцию:

*Hvad er det **dog** for mennesker? De ville sgu ikke engang snakke med hende til mødet, selv om hun var inviteret med. Og så siger de, at de vil samarbejde.*

'Что же это все-таки за люди-то такие? Они, черт подери, даже не захотели поговорить с ней на заседании, хоть она и была приглашена. И они еще говорят, что хотят сотрудничать'.

В отличие от реактивных вопросов с модальной частицей *da*, являющихся реакцией говорящего на предыдущую реплику собеседника, исходя из которой он воссоздает возможную ситуацию, вопросы с частицей *dog* являются реакцией на реальную ситуацию, описываемую в связи с этим в ближайшем контексте, ср.:

*Jeg er ikke kommet tilbage på arbejde. – Hvad havde du **da** fejlet?*

'Я больше не вернулся на работу. – Что же с тобой случилось-то'?

*Rikkemus, hvad er der **dog** i vejen med dig, du er jo fuldkommen angst.*

'Рикке-мышонок, что же это с тобой произошло-то, ты же совершенно испугана'?

В первом примере автор ответной реплики реагирует на сообщение собеседника и приходит к умозаключению, что с ним что-то произошло, раз он больше не вернулся на работу. Вопрос с частицей *da* является реакцией говорящего, рассчитывающего получить ответ и подтвердить свое предположение. Во втором примере частица *dog* в вопросительной структуре высказывания сигнализирует реакцию говорящего не на реплику собеседника, а на конкретную ситуацию, неожиданную для него: маленькая девочка чем-то очень испугана. Таким образом, частицы в данных вопросах не могут быть взаимозаменимы [Krylova 2016].

Частица *dog* в вопросе модальной структуры реализуется в контексте отрицания. Субъектом такого вопроса является адресат или третье лицо, а его прагматическую семантику можно определить как косвенное выражение побуждения:

*Kan du **dog** ikke tale ordentligt med din mormor? = Tal ordentligt med din mormor!*

'Ты что, не можешь поговорить нормально с бабушкой'? = '*Поговори нормально с бабушкой'!*

*Hvad fanden er det, manden mener? Kunne han **dog** ikke udtrykke sig lidt mere klart? = Han skal udtrykke sig lidt mere klart.* 'Черт, что этот мужчина имеет в виду? Он что, не может выражаться немного пояснее? = Пусть выражается немного пояснее'.

Используя частицу *dog* в таком высказывании, говорящий сигнализирует собеседнику, что реальная ситуация не отвечает его ожиданиям или представлениям о норме (о выражении частицами русского языка понятия нормы см. [Николаева 2005, 90–94]). Это объясняет привносимые частицей в высказывание оттенки упрека, раздражительности, нетерпения. На эмотивное значение, вносимое *dog* в высказывания, обращают внимание и авторы академической грамматики датского языка [Hansen, Heltoft 2011, 1085–1087].

Вопросы-реакции с модальной частицей *nu*

Прагмасемантическим инвариантом частицы *nu* [Крылова 2008, 2012] является значение оценочного несоответствия реальной ситуации мнению или поведению третьих лиц (о частицах русского языка, выражающих значения оценочного несоответствия см. [Николаева 2005, 94]). Для употребления *nu* в вопросительной структуре высказывания характерны особые коммуникативные условия: говорящий, столкнувшись с неожиданным для себя чужим мнением или поведением, не понимает его причины и реагирует на него таким вопросом с частицей *nu*, поскольку реальная ситуация, на его взгляд, отличается от презентируемой в ближайшем контексте:

Kvinderne bliver forkomne. De har problemet. De beklager sig over, at deres mænd forsømmer dem. Og mændene kan ikke forstå, hvorfor kvinderne er så besværlige. "Hvad er det, de vil have os til? Hvad er der ***nu*** *i vejen?" Mændene forstår ikke problemet, fordi de ikke selv har det.* 'Женщины чувствуют себя изможденными от усталости. В этом их проблема. Они жалуются, что их мужья не помогают им. А мужчины не могут понять, почему с женщинами так тяжело. «Что они от нас хотят? Ну что случилось-то?» Мужчины не понимают проблему, потому что у них ее нет'.

В приведенном выше примере мужчины не понимают, почему они должны чувствовать себя виновными в том, в чем их обвиняют женщины. Частица *nu* в вопросительной структуре такого высказывания-реакции мужчин на мнение женщин выражает значение непонимания ими женских проблем, поскольку у мужчин таких проблем нет. Это приводит их к сомнению в том, что оценка женщинами реальной ситуации верна.

Говорящий, столкнувшись с описанием неожиданной для себя ситуации, часто использует реактивный вопрос с частицей *nu*, чтобы выразить оценочное несоответствие частного случая имеющимся у говорящего представлениям о нормальном положении дел (см. также [Крылова 2008, 15-30]).

– Han har udtalt til pressen, at jeg står alene med min kritik.

– Hvem er det ***nu****, der rammer under bæltestedet, spørger Tove Knudsen. Jeg troede, at man bakkede hinanden op indenfor en forening.*

– 'Он заявил прессе, что с такой критикой выступаю только я.

– Ну, кто так бьет-то, ниже пояса? – спрашивает Тове Кнудсен. Я думала, что у членов одного объединения принято поддерживать друг друга'.

Таким образом, анализ материала показывает, что в датских реактивных высказываниях вопросительной структуры с модальными частицами *da, dog* и *nu* формируется семантика непонимания, неприятия говорящим неожиданно представленной ситуации, а в связи с этим, и эпистемическое значение сомнения в ее достоверности. Данные высказывания могут быть реакцией говорящего на реплику собеседника (*da*), на неожиданную ситуацию, не соответствующую изначальным предположениям или представлениям говорящего о норме (*dog*), а также

на чужое мнение или частную ситуацию, не соответствующую нормальному положению дел (*nu*).

IV.1.2.3.2. Вопросы-привески: виды и функции

Объектом предлагаемого анализа являются частицы, их сочетания и вопросы, которые стоят в постпозиции к повествовательным предложениям и преобразуют их в вопросительные. В данной функции могут использоваться частицы *ikke*, *vel*, *okay*, их сочетания *ikke også* и *ikke sandt* или вопросительное местоимение *hvad*. Актуальность обращения к данной теме заключается в том, что до сих пор, насколько нам известно, в лингвистической литературе не проводилось полного и всестороннего анализа всех языковых средств, употребляющихся в данной позиции и имеющих названные функции. Основное внимание в существующих исследованиях уделяется главным образом особенностям функционирования в таких вопросах частиц *ikke* и *vel*.

Важность выявления функционально-семантических особенностей данных средств объясняется тем, что все они могут восприниматься как однотипные вопросы, призывающие слушающего верифицировать содержание повествовательного предложения, подтвердив его или опровергнув. Однако анализ материала показывает, что каждое из данных средств имеет свои особенности употребления и контексты, что и объясняет активное использование всех их в речи датчан.

Сначала необходимо остановиться на вопросе терминологии. В скандинавской лингвистической литературе за данными прагматическими средствами в функции вопроса закрепился термин, который можно перевести «как вопрос-привесок»: датск. *påhængsspørgsmål,* норв. *påhengsspørsmål*, шведск. *påhängsfråga* [Davidsen-Nielsen 1993, 5, Togeby 2003, 46]. В английском языке с этой целью используется термин *tag-question* [Wierzhbicka 1988], который в наших грамматиках чаще всего переводится как ”разделительный вопрос”. Оба переводных термина представляются не совсем удачными. Если термин «вопрос-привесок» может не удовлетворять нас по своей внешней форме, но вполне отражает функциональную специфику такого вопроса, то термин «разделительный вопрос» представляется неудачным именно по своей сути, так как он не является собственно «разделительным», что мы и попытаемся продемонстрировать ниже. В связи с отсутствием в отечественной лингвистике специального термина для определения данного явления, мы будем использовать в данной работе термин «вопрос-привесок», в качестве которого могут выступать частицы *ikke, vel, okay*, сочетания *ikke også, ikke sandt* или вопросительное слово *hvad*, которые «навешиваются» на повествовательное предложение, превращая его в модальный, или верификационный вопрос, т.е. вопрос, требующий ответа *–Ja /–Jo /–Nej*.

Таким образом, вопрос-привесок функционирует в двусоставной структуре высказывания, первый компонент которого представляет собой утверждение говорящего, а второй – апеллирует к слушающему и формирует установку говорящего на получение положительного или отрицательного ответа относительно его

первого, содержательного компонента. Как двусоставная структура такого вопроса, так и наличие субъективной установки говорящего отличает такой сложный вопрос от собственно вопроса:

Er du træt? – *Ja / Nej*
'Ты устал? – Да. / Нет'.
Du er træt, ikke? – *Jo.*
'Ты устал, да? – Да'.
Du er ikke træt, vel? – *Nej.*
'Ты не устал, правда? – Нет'.

IKKE? – VEL?

К наиболее употребительным вопросам-привескам относятся частицы *ikke* и *vel*. Общепризнанной формальной разницей в употреблении данных частиц в качестве вопросов-привесков считается то, что *ikke* стоит в постпозиции к утверждению говорящего, тогда как частица *vel* используется им в случае наличия отрицания в первой части двусоставного вопроса. Таким образом, для вопроса-привеска *vel* характерна контактно-дистантная связь с отрицанием *ikke* внутри повествовательного компонента вопроса:

"Du ser træt ud", sagde Cecilie. 'Ты выглядишь усталым, – сказала Сесилия'.
"Du er ikke træt, ***vel****, far?" spurgte Emma. – Næh.* 'Ты ведь не устал, правда, пап? – спросила Эмма – Не-а'.

IKKE?

В постпозиции к утвердительному предложению говорящим чаще всего используется вопрос-привесок *ikke?*, который призывает слушающего отреагировать на содержание повествовательного компонента вопроса, подтвердив его:

Vi skal hjem nu, ***ikke****?* 'Мы сейчас домой пойдем, да'?
Det var en god film, ***ikke****? – Jo.* 'Это был хороший фильм, да? – Да'.

Ikke здесь вряд ли можно считать собственно отрицанием, так как, реагируя на него формально ответом *jo*, говорящий одновременно подтверждает достоверность содержания повествовательного компонента, а не отрицает ее. Используя вопрос-привесок *ikke?,* говорящий исходит из того, что он и слушающий считают одинаково, и тот подтвердит содержание утвердительного компонента вопроса.

В русском языке такой вопрос-привесок функционально мог бы соответствовать частице «да?» в функции вопроса [Баранов 1993, Николаева 2005]:

Бежали, да? – с завистью спросила она. – Пробираетесь в действующую армию, чтобы повоевать? (НКРЯ)

VEL?

Установка говорящего, выражаемая частицей *vel*, не только побуждает собеседника отреагировать на вопрос, но и сигнализирует ему, что ожидаемым ответом является отрицание *nej* 'нет':

*Vi glemmer **ikke** de første år, **vel**? Hvem ved, om de kommer tilbage.* ‘Мы не забудем эти первые годы, (ведь) правда? Кто знает, вернутся ли они’.

*Du interesserer dig **ikke** et klap for fremtiden, ´**vel**?* ‘Тебя нисколько не интересует будущее, (ведь) правда’?

Однако, как показывает приведенный ниже пример, ответ собеседника может быть противоположным выраженной говорящим установке:

*Hvis du spiller på søndag, så dør du. Du vil da ikke spille, ´**vel**? –**Jo**.* ‘Если ты будешь играть в воскресенье, ты умрешь. Ты же не будешь играть, правда? – Буду’.

Такое употребление в датском языке позиционно-дистантной комбинации ударной частицы *vel* в качестве вопроса-привеска и отрицания *ikke* в составе пропозиции можно перевести русской модальной частицей *правда*, которая «маркирует особый речевой акт выражения желания услышать подтверждение своего мнения», или в сочетании с частицами ведь/же. [Падучева 1996, 303].

Распространено мнение, что разница между вопросами-привесками *ikke*? и *vel?* заключается только в утвердительном или отрицательном контексте повествовательной части вопроса и установке говорящего на позитивную или негативную альтернативу ответа. Однако это не так.

Как показывает анализ, значения и функции данных вопросов различны. Так, используя частицу *ikke* в постпозиции к утверждению, говорящий сигнализирует слушающему: «я исхожу из того, что ты, как и я, считаешь, что это так, и подтвердишь это» [Hansen 2011, 1167]:

*Hans mor er på arbejde, **ikke**? – **Jo**.* ‘Его мать на работе, да? – Да’.

Du kommer i morgen, ikke? ‘Ты завтра приходишь, да’?

Ударная частица *vel*? как вопрос-привесок находится в позиционно-дистантной комбинации с отрицанием *ikke* в повествовательной части вопроса и выражает гипотезу говорящего о достоверности ситуации и ожидание ее принятия собеседником:

Vi kan ikke spise mere, ´vel? – Nej.‘Мы не можем больше есть, (ведь) правда’?

Du interesserer dig ikke et klap for fremtiden, ´vel? ‘Тебя нисколько не интересует будущее, (ведь) правда’?

Подтверждением этого является невозможность использования вопроса-привеска *vel?* в случае, когда субъект повествовательной части выражен 1 лицом, так как частица *vel* предлагает слушающему принять/подтвердить предположение говорящего, что тот в данной ситуации сделать не в состоянии:

***Jeg** glemmer **ikke** de første år, **vel**? **‘Я не забуду эти первые годы, ведь правда’?

Значение предположения говорящего о достоверности повествовательной части вопроса чаще всего обнаруживается в контексте субъекта пропозиции, выраженного формой 2 лица, т.е. предположение говорящего касается собеседника, который может или подтвердить, или опровергнуть его:

”*Men du er ikke bange,* ***vel?*** *” spurgte jeg efter en kort pause. Jeg måtte vide det. Høre det fra hendes egen mund.* ‘Но ты же не боишься, правда? – спросил я, помолчав. Мне нужно было знать это, услышать от нее самой’.

Своеобразным подтверждением того, что вопрос-привесок *vel?* выражает значение предположения говорящего, является и то, что собеседник может не подтвердить его:

Vi har aldrig set hinanden før, ***vel? – Jo,*** *det har vi vist.* ‘Мы раньше же никогда не встречались, правда’? – ‘Нет, кажется встречались’.

Du er ikke gift, ***vel?*** *–* ***Jo,*** *og har to børn. – Det var satans.* ‘Ты ведь не замужем, правда? – Замужем, у нас двое детей. – Вот черт’!

Еще одним соображением в пользу этого является то, что вопрос-привесок *vel?* не может использоваться в контактоподдерживающей функции, в которой может использоваться *ikke?*, ср.:

Først tog vi på cykeltur, ikke, og så sad vi oppe til langt ud på natten og hørte musik.

‘Сначала мы катались на велосипедах, (да?) а потом сидели допоздна наверху и слушали музыку’.

Jeg må ikke have lov til at betale, for jeg skal vel med tilbage igen, ***ikke ...****.* ‘Мне не разрешают заплатить, наверное, потому что я с ними поеду назад, понимаешь …’

... og så rejser han på højskole – for det gør han jo, ***ikke.*** *Og så rejser I frem og tilbage og frem og tilbage.* ‘…а потом он едет в народный университет – он же туда едет. А потом вы ездите туда-сюда, туда-сюда’.

IKKE OGSÅ?

В разговорной речи датчане, особенно женщины, часто используют в качестве вопроса-привеска сочетание *ikke også?*, которое нередко встречается и в длительном рассказе-монологе одного из собеседников. При этом говорящий сигнализирует слушающему, что рассчитывает получить подтверждение повествовательного компонента вопроса:

Når Kirsten kommer, så kan vi lave et stort glas saftevand til jer begge to, og så kan I se børnefjernsyn, ***ikke også?*** *Ved den bemærkning blev Thomas rolig igen.* ‘Когда придет Кирстен, мы сделаем вам по большому стакану сока, и вы сможете посмотреть детское телевидение, ведь правда? (= согласен?). Услышав это, Томас снова успокоился’.

Hun havde ikke tilgivet, hvis vi ikke udnyttede de talenter, vi arvede. Det gør vi begge to! Deres øjne mødtes. Han smilede skævt. – ***Ikke også?*** *– spurgte han. Vita fnisede og nikkede oplivet.* ‘Она бы не простила, если бы мы не использовали таланты, которые нам достались в наследство. А мы оба их используем! Их глаза встретились. Он скривился в улыбке. Ведь правда? (= согласна?) – спросил он. Вита усмехнулась и бодро кивнула ’.

Vi skal være venner for altid, ***ikke også?*** ‘Мы навсегда останемся друзьями, ведь правда? (= ты согласен?)’

Вопрос-привесок *ikke også?* призывает слушающего согласиться с предложением говорящего, разделить с ним его оценку, точку зрения. Такая апелляция к согласию собеседника способствует поддержанию его интереса и внимания к разговору. Вопрос-привесок *ikke også?* имеет не только данную контактоподдерживающую функцию, но и несколько смягчает позицию говорящего, сигнализируя, что он готов поменяться со слушающим ролями. Если же последний не использует такую возможность, то говорящий продолжает свой рассказ:

”Nå. Havde I en god tur, drenge?” spurgte morfar ...

”Ja tak!” gjaldede Erik, ”det var en rigtig god tur. **Ikke også**, Thomas? Jeg nikkede (N.M. Aidt) *‘Ну как, мальчики, поездка понравилась? – спросил дедушка. – Да, еще бы! – послышался голос Эрика, – ‘Классная была поездка, правда ведь, Томас? Я кивнул’.*

OKAY?

Лексема *okay*, заимствованная из английского языка, активно вошла в датскую речь. Исследования, проведенные датскими лингвистами, показали, что *okay* может иметь самые разные значения и функции, в зависимости от занимаемой позиции в структуре высказывания и своего просодического рисунка [Knudsen 2015].

Препозиция частицы *okay* с понижающейся интонацией оформляет реакцию говорящего на реплику собеседника и вносит значение согласия, уступки говорящего «хорошо/ладно», готовности исполнить то, о чем говорит собеседник:

Men du må fortælle mig, hvem det var! – Sig det så, Lea! ***– Okay, okay****, dit stædige asen. Maria Møller. Præstens datter*. ‘Но ты должен рассказать мне, кто это был! Говори, Леа! – Ладно, ладно (окей, окей), упрямый осел. Мария Меллер. Дочь пастора’.

Постпозиция *okay* в высказывании с характерным для вопроса повышением интонации меняет его функциональную направленность на слушающего, когда говорящий стремится получить от него своего рода согласие и даже уступку сделать то, о чем просит или на чем настаивает говорящий. В связи с этим, данная лексема может употребляться и как вопрос-привесок, и как ответ на него:

Vi afløser hinanden hver time, ***okay****? –* ***Okay****, sukkede jeg.* ‘Мы будем сменять друг друга каждый час, ладно? – Ладно, выдохнула я’.

Данное значение вопроса-привеска можно передать как *Det må du acceptere*. ‘Ты должен согласиться/принять эти условия’. Типичным контекстом при этом является ситуация, требующая такого согласия со стороны слушающего:

Men lov mig, at du ringer, hvis du får brug for noget, ***okay****? – Det lover jeg. Du skal ikke være så bekymret!* ‘Но пообещай мне, что позвонишь, если тебе что-то понадобится, ладно? – Обещаю. Не стоит так волноваться’!

Говорящий может использовать вопрос-привесок *okay?* в ситуации, когда он предлагает собеседнику принять определенные условия, необходимые для выполнения бенефактивного для собеседника действия:

...på under 10 sekunder var Generalen parat til at sætte hele apparatet i gang. – Vi er i luften klokken seks dansk tid, ***okay?*** *Og det var vi ...* … менее чем за 10 секунд Генерал был готов привести в действие весь механизм. – Мы вылетим в шесть часов датского времени, окей? И в шесть мы были в воздухе'.

HVAD?

Интересным представляется анализ особенностей функционирования вопросительного местоимения *hvad* 'что', которое может стоять в препозиции к повествовательному предложению и, выражая эмотивную реакцию говорящего на неожиданную ситуацию, призывать слушающего к ответной реакции. Такой вопрос выражает оценочное несоответствие реальной ситуации ожиданиям говорящего или норме:

Hvad, I ligger og sover endnu? 'Что?! Вы еще лежите и спите'?

Вопросительное местоимение *hvad?* в постпозиции к утвердительному компоненту тоже имеет функциональную направленность на собеседника и привлекает его внимание к непосредственной эмоциональной реакции говорящего на некую ситуацию, известие или даже виновника данной ситуации. Такая оформленная в виде вопроса субъективная реакция говорящего усиливает эмоциональное воздействие на адресата и активизирует его ответную реакцию, которая при этом не является обязательной, это объясняет и выбор говорящим в функции вопроса-привеска вопросительного местоимения *hvad,* никак не связанного по смыслу с содержанием утвердительного компонента вопроса:

Det er en værre suppedas, du har rodet dig ud i nu igen, ***hva'?*** 'Ну и дела! Ты снова все испортил, а?'

Det er en søn, du har dér, ***hvad****? Nu fik jeg at vide, at mine bøger var svære at forstå. Af din egen søn.* 'Вот это сын у тебя, а? Я тут узнал, что мои книги трудно понять. От твоего собственного сына'.

Hvor meget vin har du købt? – Fem flasker. – Det virker godt, ***hvad****? – Joe ...*
'Сколько ты купил вина? – Пять бутылок. – Впечатляет, а? – Да-а …'

Der er rigtignok én, der får sig en dobbelt cognac, ***hva?*** 'Кому-то действительно перепадет двойная порция коньяка, а'?

Og så glemte I vist os gamle fans, ***hva?*** 'И тогда вы, похоже, забыли о нас, своих верных фанатах, а'?

Специфика такого вопроса может как вызвать ответную реакцию слушающего, так и оставить его без ответа.

– "Du er nok god til at lyve, ***hva****?" fik jeg fremstammet. Han sprang op. – Det er sgu rigtigt nok!"råbte han ... (N.M. Aidt)* 'Вот ты горазд врать, а? – выговорил я. Он подпрыгнул. – Да, черт возьми, это так! – закричал он'.

Таким образом, в датской речи могут использоваться несколько вопросов-привесков, которые, находясь в постпозиции к повествовательному предложению, оформляют двусоставную структуру сложного вопроса. В функции такого вопро-

са-привеска могут использоваться частицы *ikke*, *vel*, *okay*, их сочетание *ikke også* или вопросительное местоимение *hvad*. Функционально такие вопросы-привески направлены на слушающего и чаще всего сигнализируют ему, какую альтернативу ответа рассчитывает получить говорящий. Анализ материала показывает, что каждый из таких вопросов-привесков имеет свои значения, функции и контексты употребления. Находясь в постпозиции к повествовательному предложению, данные единицы формируют двусоставную структуру вопроса и призывают слушающего определенным образом отреагировать на содержание первого компонента вопроса, подтвердив или опровергнув его.

Анализ языкового материала позволяет выявить функционально-семантические особенности каждого из указанных прагматических средств и разграничить контексты их употребления. Так, вопрос-привесок *ikke* используется говорящим, который исходит из того, что слушающий считает так же, как и он, и подтвердит содержание утвердительного компонента вопроса. Выбирая вопрос-привесок с частицей *vel* в постпозиции к повествовательному предложению с отрицанием, говорящий предлагает слушающему принять свою гипотетическую оценку сложившейся ситуации или подтвердить ее.

Сочетание частиц *ikke også* в функции вопроса-привеска призывает слушающего принять предложение говорящего, согласиться с ним, что объясняет характерную для такого вопроса контактоподдерживающую функцию.

Говорящий выбирает вопрос-привесок *okay*, когда считает, что сама ситуация требует от слушающего принять его условия. Вопросительное местоимение *hvad* в функции вопроса-привеска выражает непосредственную эмоциональную реакцию говорящего на сложившуюся ситуацию и даже на ее виновника.

IV.2. КВАЗИСИНОНИМИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ОПЕРАТОРОВ

Осуществленное выше системное описание частиц позволяет, как представляется, использовать выявленные при этом параметры анализа для построения систем других групп эпистемических операторов, для определения функциональной специфики единиц внутри каждой из систем и их дальнейшего сопоставления друг с другом, что позволит также решить проблему их кажущейся синонимии.

Выработанные параметры описания эпистемических средств сделали возможным такое сопоставление на материале средств проблематической модальности разного морфо-синтаксического статуса: модальных частиц *nok*, *vel*, *vist* и грамматизованных устойчивых конструкций с модальными глаголами kunne, måtte и skulle, а также возможность единиц разных систем формировать новую парадигму, объединяющую на тех или иных основаниях эпистемические средства разных уровней, например, по признаку выражения эвиденциального значения пересказывательности.

Модальные глаголы *kunn*e, *skulle*, *måtte* способны образовывать устойчивые грамматизованные конструкции с инфинитивом I/II смыслового глагола, прагма-

тическая семантика которых не может быть выведена из лексических значений их составляющих, а определяется методами прагматического и контекстуального анализа:

*Hun **kan have fået** det at vide ud på aftenen eller natten. Ja, sådan **må** det **være gået** til.* (Poulsen) ‘Возможно, она узнала об этом вечером или к ночи. Да, должно быть, так оно и было’.

*Han **skulle have stjålet** pengene, da han arbejdede som rådgiver for guvernøren.* ‘Говорят, он похитил деньги, когда работал советником губернатора’.

Глагольные конструкции с модальными глаголами *kunne / måtte / skulle + Infinitiv I/II* объединяет с модальными частицами *nok, vel* и *vist* то, что все они выражают значения одного из подтипов проблематической модальности: гипотетичность или неуверенность.

Модальный глагол *ville* ‘хотеть’ не участвует в создании глагольной парадигмы эпистемической модальности, так как, помимо собственно модального сочетания волютивной семантики, *ville* участвует в формировании футуральной аналитической конструкции *ville + Inf. I/II* [Бабушкина 1980, Локштанова 1986, Крылова 2008, 2011]:

*Kvinden sørger dybt over tabet af sit barn og manden sværger, at han **vil bringe** drengen tilbage og **dræbe** bjørnen.* ‘Женщина глубоко переживала пропажу ребенка, а мужчина поклялся, что вернет мальчика и убьет медведя’.

*Sådan en premie vil jeg gerne have. Derfor har jeg taget en beslutning om, at jeg **vil deltage** i konkurrencen.* ‘Такую премию я очень хочу получить. Поэтому я принял решение, что буду участвовать в конкурсе’.

*En dag **vil** I **blive gamle** og **se tilbage** på jeres tilværelse.* ‘Однажды вы состаритесь и оглянетесь на свою жизнь’.

Måtte + Infinitiv I/II* и модальная частица *nok

Устойчивые грамматизованные конструкции *måtte + Infinitiv I/II* используются говорящим для введения в высказывание недостоверной информации:

*Han **måtte være stresset**.* ‘Должно быть, он был в стрессе’.

*Han **må have misforstået** noget. For det er da vist ikke sådan man gør det.* ‘Он, должно быть, чего-то не понял. Да потому что это, вроде, не так все делают.

Предположение, эксплицируемое конструкцией с måtte, является логическим умозаключением говорящего: *«это так, потому что так обычно бывает»*, что позволяет отнести данное сочетание к конклюзивам 1 лица и сравнить его с функциональной семантикой модальной частицы *nok*:

*Så hørte han en fugl flakse skræmt op nede bag i haven og kviste, der knækkede. Han stivnede, men der skete ikke mere. Det havde **nok** været en kat.* ‘Тут он услышал, как какая-то птица пугливо забила крыльями в саду за домом и затрещали ветки. Он замер, но все стихло. Скорее всего, это была кошка’.

...han startede et kriminelt karriere på et meget tidligt tidspunkt. I starten var motiverne ***nok*** *berigelse, for at kunne finansiere det liv, han levede dengang.* '…он занялся криминальным бизнесом довольно рано. В начале причиной этого, скорее всего, было обогащение, чтобы оплачивать ту жизнь, которую он тогда вел'.

Desuden vil de fleste af os ***nok*** *sige, at Jesus må nøjes med at være Guds søn.* 'Кроме того, большинство из нас, скорее всего, скажут, что Иисусу достаточно того, что он Сын Божий'.

Однако логическое умозаключение говорящего, эксплицируемое модальным сочетанием с måtte, отличается от гипотетического умозаключения, выражаемого частицей nok, большей объективностью. Не случайно, в большинстве контекстов употребления конструкции *måtte+Infinitiv I/II* присутствуют объективные обоснования такого умозаключения, которые, как правило, содержатся в ближайшем контексте, а также в предложениях, вводимых причинными или условными союзами *hvis, fordi, for, thi; når:*

Tyven ***må*** *i så fald* ***have haft*** *hundetække. Der er ikke fundet spor, der indicerer, at han er blevet bidt.* 'В таком случае, собаки, должно быть, любили вора. Не было обнаружено ничего, что свидетельствовало бы о том, что его покусали'.

Det ***må have været*** *stedkendte folk, for de vidste præcis, hvor skabet var.* 'Должно быть, это был кто-то из местных, так как они точно знали, где находится шкаф'.

Dommeren konkluderede, at den sigtede ***måtte have stjålet*** *bilen, når den ikke var hans, og når han kørte rundt i den uden den retmæssige ejers samtykke.* 'Судья заключил, что подсудимый, должно быть, украл машину, если она была не его, а он ездил на ней без согласия ее полноправного владельца'.

Такие типичные для употребления *måtte + Infinitiv I/II* контекстные условия позволили датскому исследователю О. Глисманну сделать вывод о том, что эксплицируемое данным сочетанием эпистемическое значение занимает пограничную позицию между гипотетичностью и эвиденциальностью, т.е. кодирует эвиденциальность [Glismann 1986]. Приводимые говорящим обоснования своего умозаключения свидетельствуют о его некоторой объективной обусловленности и являются аргументами в пользу такого вывода, или своего рода оправданием его недостоверности. Все это позволяет говорить о данной глагольной конструкции как об **инференциальном конклюзиве,** инференциальная семантика которого определяется следующими ментальными операциями: восприятие реальной ситуации – логический вывод из нее: «*раз X, значит, У*»:

Jeg ***må have larmet*** *for meget, for det blev opdaget.* 'Должно быть, я слишком шумел, потому что это заметили'.

Det ***må have været*** *en forfærdelig dag for jer. Forsinkelser, sporarbejder, påkørsel og personalmangel.* '*Это, должно быть, был ужасный для вас день. Опоздания, ремонтные работы на путях, столкновения составов, нехватка специалистов*'.

Отличительной особенностью гипотетического конклюзива *nok* является то, что к типичным контекстам его употребления относятся **футуральные контексты**, а также предложения **реального и нереального условия**. Однако объективная обусловленность логического вывода, выражаемого *måtte + Inf. I/II*, допускает употребление данной глагольной конструкции только в предложениях реального условия, в остальных же контекстах данный конклюзив не используется из-за невозможности создания в них необходимых объективных условий, ср.:

*Du kommer **nok** til at fortryde det*. ‘Ты, скорее всего, пожалеешь об этом’.

*Hvis min far havde levet, var jeg **nok** blevet gift for 15 år siden.* ‘Если бы мой отец был жив, я бы, скорее всего, женился лет 15 тому назад’.

*Hvis vi drak te, ville jeg **nok** fortælle dig, at det ikke er min skyld.* ‘Если бы мы пили чай, я бы рассказал тебе, что это не моя вина’.

*Hunden kan umuligt have slidt sig løs ved egne kræfter. <…> Men hvis den ikke gøede, **må** det **have været** en, han kendte.* ‘Собака не могла (= вряд ли могла) сама отвязаться. <…> Но, если она не лаяла, то этого человека он (хозяин) должен был знать (= должно быть, знал)’.

Таким образом, грамматизованное устойчивое сочетание *måtte + Inf. I/II* является **инференциальным конклюзивом 1 лица**, прагматическая семантика которого может быть определена как объективно обусловленное умозаключение говорящего, отличие которого от умозаключения, выражаемого **гипотетическим конклюзивом *nok***, проходит по шкале «объективная обусловленность – субъективная обусловленность», что хорошо иллюстрируют следующие примеры употребления обоих конклюзивов в одном связном контексте:

*Hvornår omtrent var det? –Ja, hvad kan klokken have været? <…> Jeg kom hjem ved ellevetiden, og jeg kan huske, jeg var i nattøj, så den var **nok** halvtolv eller tolv. <…> Måske har det endda været lidt senere. <…> Det **må** forresten **have været** senere end tolv, tror jeg. For jeg synes, jeg kan huske, at jeg hørte pressen klokken tolv, men det tør jeg ikke sværge på.* (K. Holst) ‘Когда приблизительно это было? – Да, во сколько же это могло быть? <…> Я пришел домой около одиннадцати, и я помню, что на мне была пижама, так что, скорее всего, было полдвенадцатого или двенадцать <…> Впрочем, это, должно быть, было после двенадцати, я так думаю. Потому что я, кажется, слушал новости по радио в двенадцать. Но ручаться за это не могу’.

Kunne + Infinitiv I/II* и модальная частица *vel

Модальный глагол *kunne* ‘мочь’ имеет, как и в других языках, «семантический инвариант: Произнося фразу X может P, говорящий представляет себе возможный мир, где имеет место P» [Зализняк 2006, 161], что допускает как объективное, так и эпистемическое понимание высказывания:

*Han **kunne have ringet** til hende.* ‘Он мог позвонить ей’.

Объективное понимание данной фразы – был в состоянии, эпистемическое – не исключено, что позвонил.

Грамматизованные устойчивые конструкции с глаголом *kunne* + *Inf. I/II* используются говорящим для выражения допущения достоверности содержания пропозиции:

*Han **kan** godt **have løjet.*** ‘Он мог солгать (= возможно, солгал)’.

*Sådan **kan** han **have snydt** Skat for milliarder.* ‘Так он мог обмануть налоговые органы на миллиарды (= возможно, обманул).’

Используя модальную конструкцию с *kunne*, говорящий предлагает слушающему рассмотреть данное объяснение сложившейся ситуации как допустимое, то есть объективно возможное:

*Han **kan have været** på cafeen den dag.* ‘Возможно, он был в кафе в тот день’.

*Der **kan være sket** misbrug.* ‘Возможно, имело место злоупотребление’.

Модус «эпистемической возможности» [Кобозева 2000, 243], или «модус допущения» [Арутюнова 1999, 408–440], показателем которого является грамматизованная конструкция с *kunne*, допускает наличие других возможностей и оставляет слушающему свободу выбора. Функционально-семантическую особенность глагольного сочетания *kan have tabt* ‘возможно, потерял’ легко обнаружить при его сравнении со значением инференциального конклюзива *må have tabt* ‘должно быть, потерял’ в следующем примере:

*<…> En kæde. Han gik altid med den <...> – Han **kan have tabt** den for lang tid siden <...> – De har nok ret. Han **må have tabt** den.* ‘Цепочка. Он всегда ходил с ней. – Возможно, он давно потерял ее. – Скорее всего, Вы правы. Он, должно быть, потерял ее’.

Значение **допущения** говорящим своего объяснения как одного из ряда объективно возможных, выражаемое глагольным сочетанием с *kunne,* отличает его от объяснения, вводимого при помощи частицы *vel*, которая сигнализирует, что говорящий отдает **предпочтение** этому объяснению и предлагает слушающему принять его, разделив тем самым с ним ответственность за достоверность высказывания:

*Hun er **vel** hans livs kærlighed.* ‘Наверное, она любовь всей его жизни’.

*Hun **kan have været født** i København.* ‘Возможно, она родилась в Копенгагене’.

*I Rom har man **vel** også været optaget af disse problemer ...* ‘В Риме, наверное, тоже были озабочены этими проблемами ...’

*Og i Rom **kan de have hørt** om det store Egypten ...* ‘А в Риме они, возможно, слышали о великом Египте ...’

*Kunsten kan man **vel** ikke kalde det.* ‘Искусством это, наверное, назвать нельзя’.

*Terrorister **kan have handlet** på egen hånd.* ‘Возможно, террористы действовали самостоятельно’.

*Men på det tidspunkt har de fleste **vel** forladt ministeriet* ‘Но в это время большинство сотрудников уже, наверное, покинули министерство’.

*Og i en carport til huset **kan** morderen **have stjålet** en uaflåset, rusten damecykel.*
А за гаражными воротами убийца, возможно, украл не закрытый на замок ржавый женский велосипед'.

Функция вовлечения говорящим слушающего в оценку сложившейся ситуации позволяет нам отнести и частицу *vel,* и глагольную конструкцию *kunne+Infinitiv I/II* к **экспликативам 2 лица**, однако различие между данными эпистемическими операторами состоит в том, что *vel* – **субъективный** гипотетический экспликатив 2 лица – выражает значение гипотетического объяснения ситуации, которому говорящий отдает предпочтение и рассчитывает на его принятие слушающим, а *kunne + Inf.* I/II – **объективный** гипотетический экспликатив 2 лица – выражает значение гипотетического объяснения сложившейся ситуации, которое говорящий **допускает** к рассмотрению как одно из объективно возможных и предоставляет слушающему право самому сделать выбор.

Skal / skulle + Infinitiv I/II* и модальная частица *vist

Устойчивая грамматизованная конструкция *skulle + Inf. I/II* активно употребляется в языке средств массовой информации. Использование говорящим данного модально-глагольного показателя изменяет эпистемическую модальность содержания пропозиции, вводя его как чужую информацию:

*Dødelig såret **skal** Pushkin **have forlangt** sin pistol, da nu turen var kommet til ham.* 'Смертельно раненый Пушкин, как говорят, потребовал дать ему пистолет, ибо теперь была его очередь стрелять'.

*Manden **skal have dræbt** to mennesker.* 'Говорят/ якобы, мужчина убил двоих человек'.

Эксплицируемое грамматизованной глагольной конструкцией *skulle + Inf. I/II* указание на наличие другого источника пересказываемой информации, позволяет нам отнести данное модальное средство к **пересказывательным эвиденциалам**. Характерной особенностью употребления ксенопоказателя *skulle + Inf. I/II* является выражение значения отмежевания, дистанцирования говорящего от передаваемой информации, что легко подтвердить возможностью выражения сомнения в ее достоверности или опровержения ее как недостоверной не только каким-либо другим лицом, но и самим говорящим:

*Han benægter, at han **skulle have lovet** noget som helst.* 'Он отрицает то, что якобы давал какие-то обещания'.

*Dengang blev han løsladt indenfor et døgn, og han stod helt uforstående overfor, at han **skulle have lavet** noget ulovligt.* (В.Т.) 'В тот раз его отпустили в течение суток, и он никак не мог понять, что он якобы сделал что-то незаконное'.

*Jeg afviser rygterne om, at jeg **skulle være interesseret** i at blive landstræner.* 'Я отвергаю все домыслы о моей якобы заинтересованности в должности тренера сборной'.

Tysklands forsvarsminister afviser, at ***han skulle plagieret*** *sin afhandling.* ‘Министр обороны Германии отвергает обвинения в том, что его диссертация якобы является плагиатом’.

Статус пересказывательного эвиденциала является общим для анализируемой конструкции и одного из выделяемых эвиденциальных значений модальной частицы ***vist*** ‘кажется, вроде’:

Han skal ***vist*** *til Danmark i morgen.* ‘Кажется, он завтра едет в Данию’.

Hun var ***vist*** *blevet alene for nylig* . ‘Кажется, она недавно осталась одна’.

Hun er ***vist*** *blevet skilt og flyttet i lejlighed.* ‘Она, кажется, развелась и переехала в квартиру’.

Hans forældre ***skal være blevet skilt*** *på hans 15-års fødselsdag.* ‘Его родители, говорят, развелись в день его 15-летия’.

В отличие от гипотетического конклюзива *nok* ‘скорее всего’, информация, вводимая частицей *vist* ‘кажется, вроде’, имеет внешний источник, на что указывают и авторы академической Грамматики датского языка [Hansen, Heltoft 2011, 1059]. Модальная частица *vist* вносит в высказывание значение **неуверенного припоминания** говорящим некогда слышанного им самим:

Åh, du ved ... hendes mor og far skal ***vist*** *skilles.* ‘Ну, ты знаешь ... ее мама и папа, кажется, расходятся’.

При этом источник данной информации чаще всего не дифференцирован: *кто-то мне говорил, что ..., но я точно не помню / не уверен / могу ошибаться*. В редких случаях его все же можно вычислить по контексту:

Ja, hun var her i går og hun skal ***vist*** *have gæster i aften.* ‘Да, она была здесь вчера, а сегодня у нее, кажется, гости’.

Используя частицу *vist*, говорящий передает только смысл припоминаемой им исходной информации. При этом важно подчеркнуть, что сам говорящий верит в ее правдивость, но определяет меру своей ответственности за нее ручательством за пересказ припоминаемого. Модальная частица *vist* употребляется преимущественно в разговорной речи датчан, а также в тех случаях, когда возможна экспликация собственного «Я» говорящего.

Итак, если *vist* вносит в высказывание значение **неуверенного припоминания** говорящим того, что он где-то когда-то слышал и во что он верит, то конструкция *skulle + Inf. I/II* эксплицирует значение **дистанцирования** говорящего от передаваемой информации, которую он слышал в реальной ситуации, но за достоверность которой не может поручиться. Именно этим объясняется предпочтительное использование данного пересказывательного эвиденциала в сообщениях средств массовой информации:

Som præsident Erdogan ***skal have sagt****: Tror I, der står “Idiot” på ryggen af mig?* ‘Как якобы сказал президент Эрдоган: «Вы что, думаете у меня на спине написано «Идиот»’?

Таким образом, семантическое различие между частицей vist и модальной глагольной конструкцией skulle + Inf. I/II заключается в следующем:

– модальная частица **vist** является субъективным ситуативом 3 лица, так как выражает **неуверенное припоминание** говорящего о некогда полученной информации, в достоверность которой он сам верит;
– модальная конструкция **skulle + Inf. I/II** является объективным ситуативом 3 лица, т.к. выражает значение **дистанцирования**[15] говорящего от пересказываемой информации, полученной им в определенной ситуации, часто от конкретного лица, на которого и может быть возложена ответственность за ее достоверность.

IV.2.1. Сопоставительный анализ модальных частиц и грамматизованных устойчивых конструкций с модальными глаголами

Сопоставительный анализ прагматической семантики и коммуникативных функций грамматизованных устойчивых конструкций *kunne / måtte / skulle + Infinitiv I/II* и модальных частиц *nok, vel u vist* позволил разграничить эти группы средств выражения значений проблематического типа эпистемической модальности, выделить типичные для них контексты употребления и исключить их кажущуюся синонимичность и взаимозаменяемость. В результате проведенного анализа данных групп эпистемических показателей можно заключить, что:

1) ***måtte + Infinitiv I/II*** – **инференциальный (объективный) конклюзив 1 лица,** строящий логическое умозаключение говорящего на неких косвенных, но реально существующих факторах, которые он чаще всего тут же приводит в свое оправдание;

nok – **субъективный конклюзив 1 лица**, выражающий гипотетическое умозаключение говорящего, который не имеет никакой информации о реальном положении дел;

2) ***kunne + Infinitiv I/II*** – **объективный экспликатив 2 лица,** допускающий эксплицируемое говорящим объяснение как одно из объективно возможных и предлагающий слушающему оценить его достоверность;

vel – **субъективный экспликатив 2 лица**, предлагающий слушающему принять гипотетическое объяснение говорящим сложившейся ситуации как достоверное;

3) ***skulle + Infinitiv I/II*** – **объективный ситуатив 3 лица**, являющийся пересказыватедльным эвиденциалом и выражающий значение дистанцирования говорящего от передаваемой информации, за достоверность или ложность которой должно нести ответственность другое лицо;

---

[15] О принципиальной роли когнитивной категории дистанцирования в структурировании датской глагольной системы – как в плане выражения темпоральных форм реалиса, и ирреалиса, так и в плане ее влияния на невербальное представление времени носителями датского языка и на особенности художественной метаформизации времени в дасткой литературе – см. Главу II данной книги «Ориентация в пространстве времени», выполненную Д.Б. Никуличевой.

vist – субъективный ситуатив 3 лица, выражающий неуверенное припоминание говорящим чужой информации, в достоверность которой он сам верит.

Таким образом, мы можем сказать, что грамматизованные глагольные конструкции с модальными глаголами *måtte, kunne, skulle* формируют собственную эпистемическую парадигму и могут быть представлены как система, построенная по тем же параметрам, что и система модальных частиц проблематической модальности:

Таблица 13

Эпистемическая парадигма грамматизованных глагольных конструкций

Эпистемическое значение	Эпистемич. ручат-ство (лицо)	Проблематическая модальность
конклюзив	1	måtte + Infinitiv I/II
экспликатив	2	kunne + Infinitiv I/II
ситуатив	3	skulle + Inf. I/II

Таблица 14

Функционально-семантические особенности грамматизованных глагольных конструкций и модальных частиц

Модальное средство	Эпист. ручат-ство (лицо)	Проблематическая модальность		
		Конклюзив	Экспликатив	Ситуатив
nok	1	гипотетическое умозаключение		
måtte + Infinitiv I/II	1	инференциальн. умозаключение		
vel	1+2		предложение объяснения ситуации	
kunne + Infinitiv I/II	2		допущение возможности такого объяснения ситуации	
vist	1+3			припоминание чужой информации как достоверной
skulle + Infinitiv I/II	3			дистанцирование от чужой информации

Проведенный анализ свидетельствует о том, что основным отличием данных групп эпистемических показателей друг от друга является наибольшая субъективность частиц, каждая из которых сигнализирует об эпистемическом ручательстве говорящего за выражаемую им степень достоверности высказывания, тогда как

глагольные экспликатив и ситуатив перекладывают эту ответственность на других участников коммуникативной ситуации. Примечательно, что известный датский лингвист П. Дурст-Андерсен, анализируя различные модальные средства датского языка, говорит о наличии в нем субъективного и объективного голосов, между которыми должен выбирать говорящий, чтобы маркировать статус передаваемой информации [Durst-Andersen 2007, 175].

Выявленные нами функционально-семантические особенности употребления грамматизованных глагольных конструкций и модальных частиц представлены в Таблице14:

IV.2.2. Операторы косвенной засвидетельствованности

Представленные выше описания функциональной семантики глагольного эвиденциала *skulle* + *Inf. I/II* и модальной частицы *vist* позволяют говорить о них как о показателях косвенной засвидетельствованности, или пересказывательности, имеющих каждый свою специфику и сферу употребления. Это дает основания для сравнения данных ксенопоказателей с другими операторами косвенной эвиденциальности в датском языке, поскольку выбор говорящим того или иного ксенопоказателя, как показывает анализ, является своего рода проявлением его субъективного отношения к пересказываемой информации.

Передача чужих слов, чужого мнения или предположения возможна в датском языке при помощи связочных конструкций с квазипассивными глаголами *menes* ‘считают, считается’ / *siges* ‘говорят, говорится’ / *formodes* ‘предполагается’ / *ventes* ‘ожидается’ + *at-infinitiv* :

Harald Blåtand ***menes*** *at have bygget den første kirke på stedet som gravminde over sin far, Gorm den Gamle.* ‘Считается, что первую церковь на этом месте возвел Харальд Синезубый в честь своего отца Горма Старого’.

De to brødre ***formodes*** *at være ene om at have udtænkt og gennemført mandagens terrorangreb.* ‘Предполагается, что братья одни подготовили и в понедельник осуществили этот террористический акт’.

Mullah Omar ***siges at være*** *i husarrest i Kandahar.* ‘Мулла Омар, как сообщают, находится под домашним арестом в Кандагаре’.

Для указанной датской конструкции, как и для конструкции с перформативными глаголами *считается, называется, зовется, расценивается, кажется, представляется* в русском языке, характерна невосстановимость агенса перформативного глагола [Золотова 1973, Козинцева 2007, 88]. Грамматическая структура предложения с квазипассивными глаголами ментальной и речевой деятельности подразумевает некое обобщенное множество лиц, которое является источником пересказываемой информации и должно отвечать за ее достоверность [Козинцева 2007, 98]. Данные показатели используются говорящим в случаях, когда вводимая информация предлагается слушающему как достоверная в связи с невозможностью или отсутствием необходимости в верификации ее истинности. Именно этой

особенностью данных показателей косвенной засвидетельствованности можно объяснить то, что они чаще всего встречаются в сообщениях средств массовой информации, научно-популярной литературе и т.п.:

*Jordens alder **menes at være** 4500 millioner år.* 'Возраст Земли, как полагают, составляет 4500 миллионов лет'.

*Vikinge– eller sørøverborg **siges at have ligget** ved Oleborg. Ingen spor at se i dag, men udgravning har ikke været foretaget.* 'Крепость викингов, или морских пиратов, находилась, как предполагается, около Олеборга. Сейчас невозможно обнаружить никаких следов этого, но раскопки в данном месте не проводились'.

*Udgifter til asylboom **ventes at vokse** til over 9 milliarder i år.* 'Ожидается, что расходы на миграционный бум превысят в этом году сумму в 9 миллиардов крон'.

Таким образом, в отличие от модальной частицы *vist*, выражающей веру говорящего в достоверность припоминаемой им чужой информации, связочные конструкции с перформативными глаголами вводят информацию, истинность которой сам говорящий или не может, или не считает нужным подтвердить, и предлагает ее слушающему как коллективное знание, предположение, мнение:

*Akhmatovas digt **menes** at være inspireret af profeten Esayas.* 'Это стихотворение А. Ахматовой, как считают, было написано под влиянием (книги) пророка Исайи'.

Данная особенность отличает названные конструкции и от пересказывательного эвиденциала *skulle + Inf. I/II,* основная функция которого, как мы показали выше, заключается в дистанцировании говорящего от вводимой им информации и перекладывании ответственности за ее достоверность на другое лицо. Именно отсылка к лицу, с чьих слов данная информация пересказывается, является функционально-семантической особенностью употребления говорящим конструкции *skulle + Inf. I/II*. В этом мы совершенно согласны с Н.А. Козинцевой, отмечающей, что одним из семантических параметров такого высказывания «является отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим» [2000, 40].

Как было показано в [Крылова 2011, 72–83], выражаемое сочетанием *skulle + Inf. I/II* значение дистанцирования говорящего от пересказываемой информации допускает как возможность ее опровержения, так и возможность выражения сомнения в ее достоверности, но исключает возможность ее использования говорящим для подтверждения достоверности пересказываемого:

I et indlæg i Berlingske Tidende den 8. juni antyder Henning F. Hansen, at jeg skulle have til hensigt at tie ham ihjel. Tanken ligger mig fjern! 'На страницах газеты Берлингске Тиденде от 8 июня Хеннинг Ф. Хансен намекает на то, что я якобы нарочно умалчиваю о нем. У меня и в мыслях этого не было'.

Выражаемое данным ксенопоказателем дистанцирование говорящего от передаваемой с чужих слов информации или его намерение в дальнейшем опровергнуть ее приводит говорящего к необходимости как можно точнее передавать содержание чужих слов и даже цитировать их:

*K. Holt <u>påstår</u>**,** at **jeg skulle have haft** "travlt med at give kriminelle palæstinensere og andre muslimer dansk indfødsret ". Hertil skal jeg oplyse, at samtlige love om dansk indfødsret er vedtaget i Folketinget med et flertal.*
'К. Хольт утверждает, что будто бы / якобы я «поторопился дать датское гражданство палестинцам с криминальным прошлым и другим мусульманам». В ответ на это я могу сообщить, что все эти законы о датском гражданстве приняты Фолькетингом большинством голосов'.

Итак, основной целью использования *skulle + Inf. I / II* является дистанцирование говорящего от чужой информации при ее передаче слушающему. Именно этим объясняется столь же активное использование данного ксенопоказателя в сообщениях средств массовой информации, как и конструкций ***menes / siges / formodes / ventes*** *и др.* **+ *at-infinitiv,*** выбор которых говорящим при этом обусловлен совсем иными факторами: отсутствием необходимости указания на источник информации и частой невозможностью верификации ее истинности, ср.:

*Islamister **menes*** (= существует такое мнение) *at stå bag en massakre lørdag <...> i det nordøstlige Nigeria, hvor gerningsmænd **skal have dræbt*** (непроверенная информация) *adskillige elever og lærere på en kostskole.* 'Существует мнение, что исламисты стоят за зверствами, произошедшими в субботу <...> в северо-восточной Нигерии, где якобы были убиты ученики и учителя одной школы-интерната'.

Таким образом, сопоставление средств выражения значений **пересказывательности**, относящихся к кругу эвиденциальных значений эпистемической модальности, позволило выявить разницу в выражаемой ими мере эпистемического ручательства говорящего за пересказываемое, выстроить его парадигму и разграничить сферы употребления данных ксенопоказателей:

- модальная частица *vist* является косвенным пересказывательным **эвиденциалом 1 лица**, т.к. выражает **неуверенное припоминание** говорящим некогда полученной информации, в достоверность которой **он сам верит**. Степень ответственности говорящего за достоверность передаваемой информации определяется, однако, мерой ответственности за припоминаемое. Частица чаще всего используется в разговорной речи, т.е. там, где возможна экспликация «Я» говорящего;
- связочные конструкции с перформативными глаголами siges / formodes / ventes + at-infinitiv *говорят / предполагается / ожидается* могут быть отнесены к пересказывательным **эвиденциалам 2 лица,** т.к., используя их, говорящий **предлагает слушающему** принять пересказываемую информацию как существующее (коллективное) знание, мнение, предположение и т.д. Данные показатели используются в средствах массовой информации, научно-популярной литературе и т.п.;
- модально-глагольное сочетание *skulle + Inf.I / II* является **пересказывательным эвиденциалом 3 лица**, т.к. выражает значение дистанцирования говорящего от пересказываемой информации, достоверность которой или требует

подтверждения, или может вызывать у говорящего сомнения и быть им отвергнута. Ответственность за достоверность такой информации говорящий возлагает на ее источник, т.е. третье лицо, а в связи с этим, излагает эту информацию наиболее точно. О подобной стратегии говорящего, свидетельствуют и исследования, проводимые на материале русского языка [Плунгян 2008].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ IV

1. Результаты анализа особенностей функциональной семантики ряда эпистемических показателей разных языковых уровней и разной морфо-синтаксической структуры свидетельствуют о том, что в основе их парадигматических отношений лежат схожие дифференциальные признаки. Это сделало возможным проведение контрастивного функционально-самантического описания различных эпистемических средств в датском языке с целью выявления их прагмасемантических инвариантов и создания парадигматической гиперсистемы. Основными параметрами такой системы стали выражаемые данными средствами эпистемические значения, их основная функциональная направленность на одного из участников коммуникативного треугольника, а также мера эпистемического ручательства каждого из них за достоверность высказывания.
2. Анализ сочетаемостных возможностей всех проанализированных частиц и выявленный при этом порядок их следования позволил прийти к важному выводу об определенной коммуникативной стратегии говорящего, основной целью которой является воздействие на слушающего. Это предопределяет приоритетные позиции частиц, функционально направленных на слушающего.
3. Анализ императивных речевых актов, формируемых конструкциями императива с модальными частицами, также позволил прийти к выводу, что говорящий использует при этом прежде всего аффирмативы, или модальные частицы, функционально направленные на слушающего. Важным результатом анализа средств выражения побудительных речевых актов стал вывод о том, что та или иная модальная частица в структуре высказывания с побудительной семантикой сообщает слушающему дополнительную информацию об отношении говорящего к адресату, к его поведению или к сложившейся ситуации, что отличает их, например, от косвенных речевых актов вежливости и других структур высказываний со значением побуждения.
4. Важным выводом сравнения императивных речевых актов в параллельных текстах на русском и датском языках стало выявление особой роли датских частиц для создания коммуникативно эквивалентного перевода. Анализ текстов русского оригинала художественного произведения и его датского перевода показал, что датские и русские адресаты имеют изначально не только разные возможности, но и разные установки: если адресат русского императивного

высказывания часто может понять выражаемый им речевой акт, только исходя из описываемой автором ситуации, то адресат датского перевода сможет оценить его уже по используемой переводчиком в конструкции с императивом частице, кодирующей такую ситуацию. В связи с этим, перевод авторского описания данной ситуации в ближайшем контексте для датского адресата может оказаться просто дополнительной информацией. Таким образом, чтобы быть коммуникативно эквивалентным оригиналу, текст датского перевода, может – а часто и должен – отличаться от него. Именно та или иная частица, использованная в контексте одной и той же формы императива может выступать индикатором стратегий говорящего, модифицировать один побудительный речевой акт в другой, а также кодировать широкий спектр прагматических значений.

5. Сопоставление средств выражения значений пересказывательности, относящихся к эвиденциальным значениям эпистемической модальности, позволило выявить разницу в выражаемой ими мере эпистемического ручательства говорящего за пересказываемое, выстроить его парадигму и разграничить сферы употребления данных ксенопоказателей. Косвенный пересказывательный эвиденциал 1 лица *vist* выражает неуверенное припоминание говорящим некогда полученной информации, в достоверность которой он сам верит; используя пересказывательные эвиденциалы 2 лица *siges / formodes / ventes* + *at-infinitiv* ‘говорят / предполагается / ожидается’, говорящий предлагает слушающему принять пересказываемую информацию как существующее (коллективное) знание, мнение, предположение. Пересказывательный эвиденциал 3 лица *skulle* + *Inf.I / II* сигнализирует дистанцирование говорящего от пересказываемой информации, за достоверность которой он не ручается. Говорящий передает только смысл чужих слов, если он верит в их истинность, но пересказывает их как можно ближе к цитации в случае дистанцирования от данной информации или сомнения в ее достоверности.
6. Представленные в работе результаты исследования выявляют ту важную роль, которую средства эпистемической модальности играют в организации интерактивного взаимодействия между всеми участниками коммуникации, в конкретизации коммуникативных намерений и установок говорящего, в выражении им различных прагматических значений, в формировании и модификации речевых актов, в передаче различных нюансов отношения говорящего к своему высказыванию, к адресату и к коммуникативной ситуации в целом. Важным результатом исследования стал также вывод о выборе говорящим того или иного средства эпистемической модальности, в зависимости от предлагаемого им распределения долей ответственности каждого из участников коммуникативного треугольника за достоверность содержания своего высказывания.

Проведенное исследование открывает дальнейшие перспективы для изучения языковой системы в ее связях с речемыслительными процессами, в конкретизации роли ее средств в динамике коммуникации, в выявлении их явных и скрытых смыслов.

ГЛАВА V
ВЕЖЛИВОСТЬ КАК АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

V.1. ВЕЖЛИВОСТЬ КАК АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Характерный для последних десятилетий интерес к проблемам межличностного общения обусловлен антропоцентрическим подходом, ставшим основным принципом современной лингвистики. В центре внимания исследователей оказался человек со своей картиной мира, включающей индивидуальное и национальное, со своими языковыми, ментальными и поведенческими особенностями [Азарова 2017, 169]. В общении между людьми зарождаются симпатия и неприязнь, дружба и вражда, любовь и ненависть, оно может способствовать достижению взаимопонимания или провоцировать конфликт, а дефицит общения приводит к проблемам со здоровьем.

Являясь главной формой жизнедеятельности человека, общение вслед за стремительно меняющейся окружающей реальностью подвергается изменениям. Рост технологий влечет за собой массовый регресс в коммуникативной сфере – язык виртуального общения между людьми становится примитивнее, предложения становятся короче, навык восприятия сложных текстов падает, а на смену текстам приходят эмотиконы, мемы и короткие видео. Публичное пространство все больше вторгается в личное и даже интимное пространство человека, а виртуальная коммуникация все чаще приводит к «освобождению от этикетных и этических ограничений, пренебрежению к базовым принципам вежливости, возрастанию вкусовой нетерпимости» [Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации 2018, 4]. Речевое поведение современных людей в целом характеризуется высоким уровнем агрессии, что связано с процессами, происходящими во внеязыковой действительности – прежде всего с ускорением времени, многозадачностью и ростом объема получаемой информации. Неудивительно, что одна датская компания, предоставляющая услуги сотовой связи, начала кампанию под названием Tal ordentligt «Говори вежливо», в том числе снимая и популяризируя видеоролики, призывающие к кооперативному общению [Tal ordentligt, URL].

Пандемия короновируса внесла свои коррективы и изменила характер человеческого общения. Отсутствие возможности считывать невербальную информацию во время общения посредством видеоконференций, по всей видимости, приведет к серьезным сдвигам в коммуникации, а возможно, и к деформации психики человека [Курпатов 2020, 11]. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что дихотомия антропоцентрической парадигмы «человек в языке» и «язык в человеке» в ближайшее время не утратит своей актуальности.

Антропоцентрический подход способствовал усилению интереса лингвистов к феномену вежливости, который также стал объектом научного исследования во многих междисциплинарных областях – психолингвистике, лингвопрагматике, социолингвистике, социальной антропологии. Работы П. Браун и С. Левинсон, П. Грайса, Р. Лакофф, Дж. Лича в области описания феномена вежливости стали классическими и заложили основу для дальнейших исследований на материале различных языков [Brown, Levinson 1987; Lakoff 1973; Grice 1975; Leech 1983]. В большинстве датских работ вежливость рассматривается в социокультурном плане, а также в рамках собственно этикета [Andersen 2014; Olesen 2009; Steno 2011; AP 2010; Christensen 1999]. Лингвистические исследования, затрагивающие категорию вежливости, как правило, посвящены отдельным ее аспектам – этикетным формулам приветствий [Hørning 2015; Lund 2008, 2011, 2014, 2015; Ronnøe 2015; Гурова 2017], формам общения на «ты» и на «вы» [Bjerrum 1995; Hagemann 1988; Hansen 1998; Gurova 2016]. Класс побудительных речевых актов также находится в фокусе внимания исследователей датского языка [Hansen 1974; Durst-Andersen 1995; Talbro 2000; Hansen 2002; Christensen 2008; Крылова 2009, 2012, 2018, 2019, 2021, 2023; Никуличева 2012; Nikulicheva 2016;], а за последние годы опубликован целый ряд контрастивных исследований, затрагивающих проблему вежливости в разных культурах и выявляющих культурно-специфичные элементы коммуникативного поведения датчан в сравнении с другими лингвокультурами [Mosegaard Hansen 1998; Fredsted 2005; Holberg 2014; Rykov Ibsen 2016].

Как отмечает Т.В. Ларина, единого научного взгляда на проблему вежливости не существует. Однако в целом исследователи сходятся во мнении о том, что вежливость выступает важным регулятором речевого взаимодействия [Ларина 2018, 134–135]. Несмотря на взаимосвязь вежливости и речевого этикета, эти два понятия не являются тождественными.

Этикет – это «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)» [Словарь по этике 1981, 416]. Помимо общепринятых правил, регулирующих поведение людей в социуме, важную роль в этикете играет речь. Под речевым этикетом понимается «система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [Языкознание 2000, 413–414]. Речевой этикет связан с широким понятием социального этикета. Он определяет выбор того или иного регистра общения в зависимости от социального статуса участников коммуникации. В узком смысле речевой этикет составляет систему стереотипных вербальных единиц, которые используются для проявления доброжелательного, вежливого отношения к собеседнику в различных коммуникативных ситуациях.

Вежливость – это проявление уважения к партнеру, выраженное с помощью вербальных единиц, т.е. категория одновременно этическая и прагмалингвистическая, [Формановская 2007, 98–99]. Вежливость «представляет собой сложную систему коммуникативных стратегий, направленных на достижение гармоничного, бесконфликтного общения и соответствующих ожиданиям партнера» [Ларина 2009, 424]. Тесная связь между речевым этикетом и категорией вежливости несомненна. Однако большинство исследователей считают, что данные понятия необходимо разграничивать. По мнению В.С. Храковского и А.П. Володина, выражение вежливости является факультативным дополнением к обязательному этикетному обращению: соблюдая правила речевого этикета, собеседники используют нейтральную форму обращения, а вежливое, подчеркнуто учтивое отношение к слушающему может быть выражено с помощью особых языковых средств [Храковский, Володин 2001, 224–225]. Н.И. Формановская определяет отношения между речевым этикетом и вежливостью следующим образом: «не все, что этикетно, вежливо, но все, что неэтикетно – невежливо» [Формановская 2007, 126]. Например, обращение *hej tossehoveder* ‘привет, болваны’, сказанное близким друзьям в шутливо-ироничном общении, будет соответствовать правилам речевого этикета, принятом в данном кругу, но не являться средством выражения вежливости.

При рассмотрении вопросов, связанных с феноменом вежливости, необходимо учитывать следующие аспекты:

1. Вежливость является национально-специфической категорией, которую сложно определить однозначно, поскольку понимание вежливости у разных народов различно [Ларина 2009, 130]. Это понимание связано с определенной системой ценностей, выступающих в качестве основных жизненных ориентиров и находящих отражение в языке и коммуникации. Так, в отличие от ключевого слова английской культуры *politeness* ‘вежливость’ датский эквивалент *høflighed* не играет такой большой роли в датском социальном дискурсе, в отличие от понятий *hygge* ‘хюгге’ и *tryghed* ‘безопасность, защищенность’ [Levisen, Waters 2015, 249]. Неудивительно поэтому, что с точки зрения англичанина, датчане кажутся грубыми и невежливыми людьми [Бут 2017, 53]. В датском языке отсутствуют привычные для англичан этикетные формулы – например, нет эквивалента английскому *please*. Кроме этого, как отмечает известный британский антрополог Р. Дженкинс, когда датчане вежливо о чем-то просят, они обычно делают это без особых прикрас и часто вообще без просьбы как таковой: *Two pastries* ‘Два пирожных’, *A coffee, thanks* ‘Кофе, спасибо’ или *I’ll have two of those, there* ‘Мне два вон тех’ [Jenkins 2011, 43]. По мнению антрополога Д. Нёрмарка, вежливость всегда обусловлена уровнем ожидания общества, а в Дании этот уровень довольно низок, так как все должны быть на одном уровне, никто не должен выделяться [Steno 2015, 44]. Употребление вежливых фраз приводит к образованию дистанции между коммуникантами, так как социальная роль собеседника в этом случае либо повышается, либо

понижается, что, с точки зрения носителей датского языка, привыкших к общению на равных, совсем не желательно [Steno 2015, 44].

Культурные различия приобретают особое значение в межкультурной коммуникации. Национальная специфика речевого поведения при использовании иностранного языка нередко заставляет прибегать к калькам перевода, что приводит к коммуникативным неудачам. Например, некоторые датчане, говоря на немецком языке, копируют неформальную форму общения, принятую в датском обществе, а для немцев подобное общение в определенных коммуникативных ситуациях кажется невежливым. В датском языке вежливость во многом выражается средствами невербальной коммуникации – кивками, улыбкой, жестами, а в немецком языке в большей мере вербальными средствами, что часто приводит к недопониманию. Французы также в общении с датчанами не умеют декодировать датскую неформальность, которая кажется им фальшивой скромностью. Кроме этого для французов оказывается недостаточно датских невербальных знаков вежливости, так как в целом арсенал невербальных средств коммуникации у французов гораздо шире [Marie-Louise Truelsen 2006, URL].

2. Как окружающий мир и язык в целом, речевой этикет, который объективирует коммуникативную категорию вежливости, подвержен изменениям. Перемены в социально-политической и культурной жизни датчан в конце 1960-х и связанный с ними повсеместный переход на «ты» оказал влияние на манеру их поведения и привел к той неформальности в общении, которая многим другим европейцам кажется слишком прямолинейной [Palmgren 2008, 10]. Многие этикетные формулы постепенно выходят из активного употребления или используются в шутливо-ироничном ключе. Например, выражение *vær så venlig*, буквально означающее ‘будь таким дружелюбным’, которое в разговорниках и словарях приводится в качестве эквивалента английскому *please*, в наши дни чаще всего используется, как ирония или сарказм, а не учтивость [Jenkins 2011, 42]. Другим примером изменений может служить вопрос-просьба с модальным глаголом *vil*. В «Философии грамматики», вышедшей 100 лет назад, О. Есперсен указывает на разницу в употреблении вопросов с *vil* и *vil ikke*: в датском вопрос *Vil De række mig saltet?* ‘Вы передадите мне соль?’, как правило, является приказом, а *Vil De ikke række mig saltet?* ‘Вы не передадите мне соль?’ – вежливой просьбой [Jespersen 1924, 323]. Однако в современном датском языке оба вопроса воспринимаются как вежливая просьба, а разница заключается лишь в том, что, используя отрицание *ikke*, говорящий более осторожен в навязывании своего волеизъявления, как бы прогнозируя отрицательный ответ собеседника.
3. Степень вежливости того или иного оборота, в принципе, довольно условна, так как часто ее можно определить только в контексте с учетом анализа ситуации общения, интонации, невербальных составляющих, возрастных, ролевых и статусных характеристик говорящих, характера их отношений, предшествующих общению, их психологического настроя и физиологического

состояния. При этом оценку сказанному дает не говорящий, а слушающий. Т.В. Ларина вслед за Дж. Личем различает два вида (не)вежливости – семантическую (absolute politeness/pragmalinguistic politeness) и прагматическую (relative politeness/sociopragmatic politeness). Первый тип «определяется вне контекста, т.е. исключительно по лексико-грамматической форме и семантике высказывания», а второй – «по содержанию, прагматическому значению, которое определяется контекстом» [Ларина 2018, 136].

Довольно показателен в этом смысле эпизод из сериала «Rejseholdet» («Спецподразделение»). Сотруднику отдела Аллану Фишеру неприятно видеть, как коллега Габи в его присутствии целуется с Джонни, который является водителем их мобильного офиса:

Fischer: *Nårh ...* ***Kunne I ikke skride hen*** *og gøre det et andet sted, så jeg kunne få arbejdet lidt*.

Johnny: *Jo-jo. Må jeg lige spørge dig om noget?*

Fischer: *Jaja*.

Johnny: *Hvorfor skal du altid* ***snakke så grimt*** *til mig, hvad?*

Fischer: *Gør jeg det?*

Johnny: *Jamen kan du ikke høre det? Hvad? Du gør da mig sgu i dårligt humør, mand, hvis nu du bare sagde: "Det var hyggeligt at møde dig, Johnny, jeg har sgu noget arbejde, så* ***er I ikke søde at smutte****" – æhm – så ville jeg blive meget glad.* [lille hehe-latterlyd]

Fischer: *Jaja, men var det ikke det, jeg gjorde?*

Johnny: *Tænk over det.*

Fischer: *Var det ikke det, jeg gjorde? Det var da det, det var da det jeg gjorde.* (Rejseholdet, сез. 2, сер. 7, 37:56)

'Фишер: Э …Не могли бы вы пойти в другое место, а то хочется поработать'.

Джонни: Да-да. А можно тебя кое о чем спросить?

Фишер: Давай.

Джонни: Почему ты всегда так хреново со мной говоришь, а?

Фишер: Разве?

Джонни: А ты что не слышишь? А? Настроение мне все портишь, понял? Что нельзя просто сказать: «Как приятно тебя видеть, Джонни, но у меня тут работа, так что, пожалуйста, уйдите куда-нибудь», э, вот так бы мне хотелось (усмехается).

Фишер: Понятно, а я разве не так сказал?

Джонни: Подумай на досуге.

Фишер: Но ведь я так и сказал, разве нет? Я именно так и сказал'.

Формально просьба-вопрос с глаголом *kunne* и отрицанием *ikke* является вежливой. Использование глагола *skride* 'шагать, направляться' в инфинитиве с наречием *hen* также не может быть воспринято как грубость, в отличие от формы императива *Skrid!* 'Убирайся!' Просьба выражена не эмоционально, нейтральным

тоном, однако все равно воспринимается Джонни как грубость, что объясняется широким контекстом. Фишер переживает за Томаса Ла Кура, своего друга и коллегу, которого подозревают в убийстве, кроме этого, у Фишера не все ладится в семье, а перед неожиданным появлением Джонни, Габи как раз спрашивает о его личной жизни. Таким образом, сама просьба вызвана психологическим состоянием Фишера, и в другой ситуации ее бы, скорее всего, не было. Бурная реакция Джонни обусловлена характером отношений, предшествующим коммуникативной ситуации. Чуть ранее Джонни в присутствии Фишера высказывает свое мнение по поводу виновности Ла Кура, на что Фишер в раздражении замечает, что Джонни всего лишь водитель их мобильного офиса, а само дело засекречено. По всей видимости, именно повторная демонстрация власти со стороны Фишера вызывает эмоциональную реакцию Джонни, который хочет, чтобы с ним общались на равных. В связи с этим просьба, формально сформулированная в соответствии с этикетными правилами, в конкретной ситуации воспринимается как невежливая и даже грубая.

Таким образом, вежливость является важной для общения национально-специфической категорией, которая проявляется в подверженных изменениям этикетных формулах и которая обусловлена конкретной коммуникативной ситуацией.

V.2. ЦЕННОСТИ ДАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ОСОБЕННОСТЕЙ ДАТСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

V.2.1. Ценности, официально декларируемые Культурным каноном

Язык – зеркало культуры, в котором отражается не только окружающий человека реальный мир, но и менталитет народа, национальный характер и система ценностей [Тер-Минасова 2000, 14]. Среди ценностей датской культуры исследователи, как правило, выделяют *lighed* ‘равенство’, *tillid* ‘доверие’, *fællesskab* ‘сплоченность’, *frihed* ‘свобода’, *tryghed* ‘защищенность’ и *hygge* ‘хюгге’ [Gundelach, Raun Iversen,Warburg 2008; Hansen 1980; Levisen 2012]. Важность данных ценностей подтверждает «Датский канон» [Danmarkskanonen, URL], составленный в 2016 г. по результатам народного голосования. В июне 2016 г. по инициативе министра культуры Бертеля Хордера была создана вебстраница https://www.danmarkskanon.dk/, куда можно было отправить свои предложения в отношении ценностей, значимых для датской культуры, исходя из 3 критериев:

1. предложения должны относиться к нематериальному культурному наследию;
2. иметь историческое обоснование и важность для большинства датчан;
3. быть значимым для населения Дании в настоящее время и в будущем.

В итоге было получено 2.425 предложений от частных лиц и организаций. Затем 6 кураторов проекта (среди них известный лингвист, на тот момент председа-

тель Датского языкового совета Й. Лунд) разделили предложения на 20 ценностных категорий. Из них посредством голосования были выбраны десять главных ценностей, вошедших в окончательный вариант «Датского канона»:

1. Den kristne kulturarv (христианское культурное наследие)
2. Det danske sprog (датский язык)
3. Foreningsliv og frivillighed (система объединений и добровольчества)
4. Frihed (свобода)
5. Frisind (толерантность)
6. Kønsligestilling (равноправие между полами)
7. Lighed for loven (равенство перед законом)
8. Hygge (хюгге)
9. Tillid (доверие)
10. Velfærdssamfundet (общество всеобщего благоденствия)

Дадим краткую характеристику каждой из них.

Датский язык

Датский язык имеет статус национального, государственного, официального языка Дании, и его значение для культуры переоценить сложно. Язык помогает сохранять и актуализировать историческое и культурное наследие, является отражением изменений в обществе, а также важным инструментом в формировании новых идей. Датский язык является родным для более 90% населения страны.

Система объединений и добровольчества

Система объединений и добровольчества имеет давнюю историю – в XVIII и XIX вв. существовали патриотические союзы, читательские и дискуссионные клубы, а также религиозные собрания. Свобода деятельности общественных объединений была закреплена Конституцией в 1849 г. Сейчас в Дании 83 000 местных и 3000 общенациональных ассоциаций и обществ. Среднестатистический датчанин состоит членом трех таких объединений [Бут 2017, 51]. Больше 90% датчан являются членами хотя бы одного союза, а 39% населения занимаются волонтерской работой. Объединения играют огромную роль в развитии активного гражданского общества и способствуют общению людей из разных социальных групп. Особенность датской системы состоит в том, что несмотря на независимость, многие получают финансовую поддержку от государства. Государственная поддержка их деятельности закреплена в Законе о просветительской деятельности.

Христианское культурное наследие

При Харальде I в 965 г. Дания официально приняла христианство, а в 1536 г. король Дании Кристиан III объявил лютеранство государственной религией. Главная особенность Дании по сравнению с большинством других западных стран заключается в том, что согласно конституции Евангелическая лютеранская церковь, по традиции именующаяся «Церковью датского народа» (Folkekirke), является

официальной церковью Дании и пользуется поддержкой государства [Степанова 2019, 210]. Однако при всей поддержке церковь отделена от государства. Главой церкви является монарх Дании, а контролирующие функции осуществляет особое Министерство церковных дел. Церковь финансируется при помощи церковного налога. Несмотря на то, что 71,4% (2024) датчан являются членами Датской народной церкви, уровень религиозности в настоящее время оказывается весьма низким. При этом христианское культурное наследие во многом определяет взгляды на жизнь, идентичность и нравственно-этическую ориентацию большинства датчан. Например, открытие новой сессии Фолькетинга отмечается богослужением, а школьники перед Рождеством ходят вместе с классом в церковь. Религиозные взгляды влияют и на общественные дискуссии, например, по проблемам абортов, клонирования и по вопросу о женщинах-священнослужителях.

Свобода, толерантность, равенство и равноправие

Свобода, толерантность, равенство и равноправие лежат в основе датской демократической системы и связаны с идеями эпохи просвещения о свободе, равенстве и праве на самоопределение. Поскольку для выявления особенностей датской коммуникации они не имеют первостепенного значения, оговорим лишь основные исторические вехи.

Свобода – основополагающая ценность датской демократической системы, зародившаяся в эпоху Просвещения. Одна их основных свобод – свобода слова была закреплена Конституцией 1849 г.

Толерантность также уходит корнями в прошлое. Впервые проявление толерантности закрепляется законодательно в королевском указе 1814 г., согласно которому всем евреям, родившимся в стране или легально в ней проживавшим, была разрешена любая профессиональная деятельность. Толерантные взгляды связаны с деятельностью Н.Ф.С. Грундтвига, чьи труды и проповеди заложили основы современного датского национального самосознания. В современном датском обществе данные идеи проявляются в толерантном отношении к сексуальной морали, альтернативным формам коллективного проживания (Christiania), а также в особом взгляде на воспитание детей, нацеленного на формирование свободной и самостоятельной личности.

Принцип равноправия между полами связан с идеями эпохи просвещения о свободе, равенстве и праве индивида на самоопределение, которые во второй половине XIX в. легли в основу движения за эмансипацию женщин. В 1915 г. датские женщины получили право голоса. В 1919 г. вступил в силу Закон о равной оплате труда, в 1921 г. женщины получили право занимать должности в госучреждениях, а в 1988 г. принят закон о равноправии мужчин и женщин.

Равенство перед законом – важнейший принцип демократической системы и один из институтов правового государства, закрепленный Конституцией 1849 г. Этот принцип тесно связан с уровнем взаимного доверия в датском обществе. Доверие к окружающим, политикам, правовой системе оказывает влияние на фор-

мирование чувства социальной защищенности (tryghed) и способствует низкому уровню коррупции и низкой дистанции власти.

Согласно данным опроса, проводившегося Организацией экономического сотрудничества и развития в 2011 г. высокую степень взаимного доверия подтвердили 88,3% датчан – это больше чем в любой другой стране [Бут 2017, 51]. Примеров проявления взаимного доверия в обществе множество: библиотеки самообслуживания предоставляют доступ читателям вне основных часов работы, датские родители не боятся оставлять коляски с младенцами на улице, а на проселочных дорогах фермеры выставляют на продажу ягоды и овощи, которые проезжающие могут купить самостоятельно, оставив нужную сумму на прилавке (ср. русскую поговорку «брать что плохо лежит» и датскую «et ord er et ord» ‘слово есть слово’).

Доверие, вкупе с такими ценностями как равенство, сплоченность и солидарность, лежит в основе общества всеобщего благоденствия (velfærdssamfundet), в котором государство играет ключевую роль в защите экономического и социального благополучия своих граждан.

V.2.2. Лингвоспецифические ценностные концепты датской культуры

Fællesskab

Существует мнение, что социальная сплоченность (*fællesskab*), характерная для скандинавских стран, развилась в изоляции: до XIX в. Скандинавия воспринималась как отдельный регион, а не часть Европы. Социальная сплочённость подразумевает ощущение, что все одна семья, все в одной лодке, а не все против всех, как в больших странах. В подобных небольших социумах возникает чувство, что все друг друга знают, поэтому в них гораздо легче построить доверительные отношения (*tillid*). Кроме этого исторически скандинавские страны – сельскохозяйственные страны с соответствующим крестьянским менталитетом. Довольно поздняя индустриализация и урбанизация привели к тому, что в мегаполисах были сохранены лучшие стороны крестьянской культуры, где каждый знает своего соседа, ему доверяет, а если обманывает, то обманывает не какие-то государственные структуры, а члена своей семьи. По мнению историка Р. Фергусона, чувство стыда (*skam*) и собственного достоинства (*stolthed*) – весьма эффективные средства в управлении подобными общностями [Lykkeland, URL]. Некоторые исследователи определяют датскую социальную общность как трайбализм, характеризующийся, с одной стороны, заботой о членах своей группы, а с другой стороны, одержимостью делать все «по-датски» и сложностью внедрения в группу, что превращает ее для неучастников в эксклюзивное сообщество [подробнее см. об этом Levisen, Waters 2015, 258]. Стремление к ***консенсусу*** – еще одна важная черта датского менталитета, которую необходимо принимать во внимание при выявлении особенностей датского стиля коммуникации. На примере голосований в многочисленных датских союзах и ведения общественно-политических

дискуссий антрополог А. Кнудсен показывает важность установки на единство мнений: любое обсуждение в идеале должно закончиться фразой *i grunden er vi enige* ‘по существу мы все согласны’ [Knudsen 1998, 23]. Исследование культурно значимых коннотаций, которые проявляются в Корпусном функционировании понятия *fællesskab* проводится Д. Б. Никуличевой во вводной главе данной книги в разделе 2.1. «Малое сообщество с плотной сетью социального взаимодействия» (см. стр.17)

Hygge

Hygge является датским культурно-специфическим понятием, отражающим один из фрагментов языковой картины мира датчан [Краснова 2016; Ливанова 2019, Avakova 2020]. Хотя некоторые датчане утверждают, что ощущение *hygge* можно прочувствовать в одиночестве, как правило, этот феномен проявляется в общении и подразумевает своего рода «социальную близость», которая основывается на вере в добрые намерения присутствующих. Атмосферы *hygge* не будет, если в группе есть разногласия и конфликт, или если между людьми существует чувство недоверия. Более того, ситуации, характеризующие *hygge*, предполагают отсутствие серьезных разговоров и обсуждения проблем [Levisen 2012, 93]. Однако несмотря на свой объединяющий потенциал, *hygge* определенным образом отделяет «посвященных», т.е. датчан, от всех остальных, кому недоступно прочувствовать *hygge* изнутри – например, иностранцев. Как отмечает К. Левисен, словосочетание *dansk hygge* ‘датский хюгге’ подразумевает, что hygge – это что-то исключительно датское. Сочетания *fransk hygge* ‘французское хюгге’ или *finsk hygge* ‘финское хюгге’ звучат странно, потому что *hygge* в сознании говорящих связано с датским языком и Данией. Таким образом, словосочетание *dansk hygge* служит примером использования понятия в качестве национальной эмблемы и знака принадлежности к социальной общности [Levisen 2012, 90–91].

Атмосфера *hygge*, как правило, связана с позитивным социальным событием, во время которого участники сосредотачиваются на настоящем моменте и общении, не предполагающем обсуждения серьезных проблем. Анализируя ментальные стереотипы, заключенные в существительном *hygge* и однокоренных частях речи, а также их сочетаемости, Е.В. Краснова представляет в виде следующих моделей [Краснова, 2016]:

hygge	**отсутствие *hygge***
замкнутое пространство	открытое пространство
небольшое помещение	большое помещение
привычное, хорошо знакомое место	незнакомое, новое место
спокойствие, отсутствие угрозы	отсутствие спокойствия, уверенности
присутствие близких, знакомых людей	присутствие незнакомых людей
веселье, хорошее настроение	отсутствие веселья, хорошего настроения

Феномен *hygge*, который среди прочего предполагает наличие веселья и хорошего настроения, также связан с такой датской чертой, как отсутствие пафоса. Вот как определяет особенность датского характера и датский юмор критик, литературовед и теоретик натурализма Г. Брандес:

> ”Den bare, højtidelige Alvor er udansk. Patos er udansk. Og det danske Vid er ikke gnistrende, men lunt og stilfærdigt; det er muntert eller spydigt, skarpt eller spidst, det er ikke bredt overlegent som Englændernes Humor, end mindre lynende som Franskmændenes Esprit” [Brandes 1965, 65]. ‘Торжественная серьезность в чистом виде датчанам не свойственна. Пафос тоже. Датский юмор искрометен, но в спокойной и теплой манере; он весел и язвителен, колок и едок, но не так высокомерен, как юмор англичан, и не в такой степени молниеносен как остроумие французов’.

Janteloven

Еще одним культурным феноменом, который играет не последнюю роль в датском социуме, является негласный закон Янте, предполагающий неодобрительное отношение к тем, кто выделяется на общем фоне. Закон Янте сформулирован датско-норвежским писателем Акселем Сандемусе (при рождении Аксель Нильсен) в романе ”En flygtning krydser sit spor” («Беглец пересекает свой след»). Роман был опубликован в Норвегии в 1933 г. и переведен на датский в 1938 г. Действие книги происходит в начале XX в. в вымышленном городке Янте, прототипом которого был родной город А. Сандемусе Нюкёбинг-Морс в Ютландии. Роман, вызвавший острую полемику, сатирически описывал жизнь датской провинции с ее мелочностью, завистливостью, кривотолками, лицемерием и невежеством, а сформулированные в романе десять заповедей закона стали хрестоматийными для всей Северной Европы [Бут 2017, 111]:

1. Не думай, что ты что-то собой представляешь.
2. Не думай, что ты столь же значителен, что и мы.
3. Не думай, что ты умнее нас.
4. Не воображай, что ты лучше нас.
5. Не думай, что ты знаешь больше, чем мы.
6. Не думай, что ты – больше нас.
7. Не думай, что ты на что-то способен.
8. Не смейся над нами.
9. Не думай, что кто-то к тебе хорошо относится.
10. Не думай, что ты можешь чему-то научить нас.

Закону Янте всего девяносто лет, однако он воспринимается скандинавами как исконный элемент общескандинавского культурного кода. Как справедливо отмечает В.Б. Студенцов, он является своеобразным «секретом Полишинеля, о котором все знали, но до романиста никто просто не удосужился о нем написать» [Студенцов 2022 (1), 8]. Схожее явление действительно упоминается в произведе-

ниях известных датских писателей. Например, С. Киркегор следующим образом описывал жизнь в столице еще в середине XIX века:

”*Jeg er netop blev [en] til Noget – og derfor er mit Liv at betragte som forspildt her i Kiøbh., hvor man kun kan leve lykkelig og yderst behageligt saa længe man er Ingenting, her i Kiøbh.* ***hvor der ikke siges stort Andet end Ondt om enhver der er Noget***[16] *, hvoraf aabenbart følger, at den der [er] Ingenting, med Stolthed kan sige: mig siges der intet Ondt om”*. [Kierkegaard 1846, 194] ‘Я только что стал кем-то – и поэтому здесь, в Копенгагене, моя жизнь может считаться потраченной зря, здесь можно жить счастливо и весьма приятственно, только пока ты никто, здесь говорят о тех, кто что-то собой представляет, только худое, стало быть тот, кто ничего собой не представляет, может заявить с гордостью: а вот обо мне ничего худого не говорят’.

Об «уравнительном» менталитете высказывался и Х.К. Андерсен в романе “Две баронессы”:

*”**Vi ere Alle eet Stykke**, Alle gjorte af samme Klat Jord; En kom i Avispapir, en Anden i Guldpapir, men **den Forgyldning skal Klatten ikke være stolt af**. Der er Adel i enhver Stand, men den stikker i Tanken og ikke i Blodet*” [Andersen 1849, 215] ‘Все мы – одно целое, все созданы из таких же комков земли; один появился завернутым в газету, другой – в золотой обертке, но этой позолотой комок не должен гордиться. Благородство существует в любом сословии, но оно скрыто в мысли, а не в крови’.

Становлению подобного менталитета способствовал целый ряд исторических причин. В первую очередь к ним можно отнести тесные социальные связи, сформированные географическим фактором и аграрной культурой скандинавских стран, долгое время находившихся в изоляции, на периферии Европы. В крестьянской культуре, для которой характерны солидарность и взаимовыручка, неписаные правила приобретают огромное значение, а стыд регулирует социальное поведение. Стыд основывается на страхе потери связи с социумом, являясь механизмом поддержания общественного порядка и сплоченности людей. Некоторые социологи рассматривают стыд как первичную эмоцию, которая управляет выражением других эмоций (гнев, страх, любовь и горе) [Симонова 2014, 267].

Как отмечает Р. Дженкинс, со временем крестьянский менталитет, не позволяющий никому самоутверждаться, впитал в себя социалистическую идею о равенстве. Эта идея еще больше укрепилась благодаря современному нациестроительству, которое делало акцент на предполагаемую культурную, социальную и экономическую однородность маленькой страны. Хотя идея о равенстве (”Vi er alle ens”) вступает в противоречие с реалиями XXI в., она по-прежнему играет большую роль в повседневной жизни датчан [Jenkins 2014, 32–33].

В целом мировоззрение скандинавов представляет собой своеобразное сочетание ценностей индивидуализма и коллективизма. По мнению В.Б. Студенцова,

[16] Здесь и далее полужирный наш (Е.Г.)

скандинавы являются «адептами «горизонтального индивидуализма»»: они «тяготеют к рассмотрению окружающих как себе подобных и не норовят изменить свой статус» в отличие от представителей культуры вертикального индивидуализма, которые «ориентированы на выделение себя («из толпы»), повышение своего общественного статуса всеми возможными способами» [Студенцов 2022 (1), 7].

Еще одним фактором, оказавшим влияние на все стороны жизни скандинавов, в том числе на их менталитет, является лютеранство со своей особой этикой [Anttonen 2018; Borioni 2014; Østergaard 2003; Степанова 2021; Студенцов 2022 (2)] и такими ценностями как благочестие, законопослушность, трудолюбие и скромность. Последняя добродетель, по-видимому, была особо значимой для формирования закона Янте. Как считают авторы Большой датской энциклопедии, он связан со скандинавским представлением о том, что счастьем можно заручиться при помощи определенных правил, подразумевающих осторожное и смиренное поведение: скромность позволяет избежать зависти окружающих, тогда как гордыня, как гласит датская поговорка, до добра не доведет – “hovmod står for fald” (ср. рус. «гордый покичился, да во прах скатился») [Den store danske: Janteloven, URL].

К. Левисен указывает на ошибку многих исследователей, которые не разграничивают «лингвистический закон Янте» и «литературный закон Янте», что приводит к ошибочным выводам. По мнению К. Левисена, в современном датском языке понятие janteloven имеет характер устойчивого сочетания, а литературный оригинал помогает исторически проследить процесс лексикализации данного понятия [Levisen 2012, 147]. Исследователь творчества А. Сандемосе Стин Андерсен также считает, что смысл понятия закона Янте, описанного в романе, в современном языке часто искажается: как правило, закон используется в качестве синонима неофициальной иерархии, зависти, злорадства и мелочности (например, когда косо смотрят на соседа, купившего дорогой Мерседес или когда какому-нибудь известному человеку дают понять, что он ничего из себя особенного не представляет). Во многих контекстах закон Янте воспринимается как современный вариант сказки о Гадком утенке, который, как известно, подвергался унижениям и оскорблениям из-за своей необычности. По мнению С. Андерсена, десять заповедей закона в романе выражают страх и неприязнь, которую обитатели городка, принадлежащие к рабочему классу, испытывают к человеку, выделяющемуся на общем фоне и стремящемуся освободиться от давления местного общества и всеобщей уравниловки. Речь не идет о социально обусловленной иерархии или зависти к достатку людей, стоящих на более высокой ступени социальной лестницы. Механизмы подавления действуют по отношению к членам местного общества одного социального слоя и касаются всех без исключения, что отличает Закон Янте от сказки про Гадкого утенка [Andersen 1999, 448–449].

В датском языке слово *janteloven* имеет эмоциональную и оценочную коннотации. Оно является настолько отрицательным понятием, что вербально ему могут противостоять слова-инвективы [Levisen 2012, 150]. В качестве примеров отрица-

тельного отношения датчан к понятию janteloven К. Левисен приводит новогоднюю речь королевы Маргрете II 1987 года, в которой она призвала датчан перевернуть закон Янте с ног на голову, сказав: «Du skal ikke tro, du er ingenting!» [H.M. Dronning Margrethe II's nytårstale, 1987] 'Не думай, что ты ничто!'; эпатажное поведение датского тренера по гандболу и бывшей чемпионки мира Ани Андерсен, регулярно надевавшую футболку с надписью «Fuck janteloven!», а также новый педагогический подход, который основывается на перефразировании заповедей закона Янте в положительные правила в целях повышения самооценки и предотвращения буллинга в школах [Levisen 2012, 149-151].

Многие авторы датских интернет-публикаций отмечают, что выражение *janteloven* используется как языковое клише, а также как синоним зависти или общественного мнения для оправдания неудач и отсутствия успехов. Оно становится удобной манипуляцией со стороны представителей культурной, экономической, политической и спортивной элиты для объяснения провалов и фиаско (см, например [Lykkeberg 2007, 2016, URL; Börneblogger, URL]).

Однако в последнее время закон Янте, по-видимому, переживает трансформацию в сознании датчан. В современной культуре все с большей отчетливостью прослеживаются черты вертикального индивидуализма – в современных реалиях важно быть конкурентноспособным, не быть как все, чем-то отличаться от других [Kirkebæk 2016, 82]. Таким образом, закон Янте вступает в противоречие с так называемой культурой достижений (præstationskulturen) [Гурова 2021, 135; Rudå Herløv-Nielsen, URL], а на смену ему, как считает философ Арно Виктор Нильсен, приходит «X faktorloven» 'Закон шоу талантов' [Kofoed Poulsen, URL]. Доминирующая в соцсетях американская индивидуалистическая культура безусловно оказывает влияние на формирование новой системы ценностей у молодежи – амбициозность, самоуверенность, напористость теперь не воспринимаются как отрицательные качества.

Таким образом, закон Янте – это ключевое понятие датской культуры, в которой оскорбительное социальное поведение не одобряется. Процессы, обусловленные глобализацией и американизацией датской культуры, способствуют изменению отношения к таким качествам как инициативность, амбициозность, самоуверенность и напористость, что свидетельствует о трансформации датского менталитета в связи с переменами, происходящими в обществе. Порицание закона Янте транслируется через СМИ, что содействует формированию новых ценностей и созданию положительного образа Дании на мировой арене.

Все указанные ценности, связанные с особенностями исторического развития, влияют на образ жизни и коммуникативное поведение носителей датского языка, что будет продемонстрировано в исследовательской части.

V.3. ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ВЕЖЛИВОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

V.3.1. Обращение

Общение на «ты» и на «Вы» до середины 20 в.

Свойственная датской языковой культуре неформальность в общении – достаточно новое явление. Повсеместный переход на «ты» в конце 60-х годов XX века стал одним из важнейших событий в языковой и культурной истории Дании и других скандинавских стран (*du eller De-krigen* в Дании, *du-reformen* в Швеции). По мнению некоторых исследователей, перестройка системы местоимений и формирование так называемой «ты-культуры» (*du-kulturen*) имели крайне негативные последствия, в конечном итоге изменившие датский национальный характер [Andersen 2014, 407]. Со сменой формы обращения в Дании начала меняться манера поведения и стиль жизни в целом, а также стиль официального общения.

В древние времена в Европе существовала только форма общения на «ты». «Ты» говорили и Богу, и королю, и рабу. Считается, что обращение «Вы» впервые стало использоваться по отношению к римским императорам, в связи с совмещением нескольких различных титулов [Формановская 2010, 106].

В Дании вежливое обращение во 2 лице множественного числа (I) возникает в XIV веке, однако, общеупотребительным оно становится только к концу эпохи Средневековья. Поначалу местоимение *I* используется по немецкому образцу среди высших слоев городского населения, но затем начинает употребляться повсеместно в качестве вежливого обращения к незнакомым людям, при обращении супругов друг к другу, а также детей к родителям. В XVII веке из немецкого языка заимствуется новая вежливая форма общения в 3 лице единственного числа (*han/hun*). В XVIII веке опять же из немецкого приходит новая вежливая форма De (нем. Sie), которая к началу XIX века практически полностью вытесняет формы *I* и *han/hun*. Вежливое вы (*I*) продолжает использоваться в некоторых диалектах, а почтительное обращение в 3 лице становится снисходительным и используется при обращении к лицам низших социальных слоев. Таким образом, обращение *De* ‘Вы’ к началу XIX века становится единственной вежливой формой обращения в датской литературной норме [Kisbye 1985, 25–26].

В XIX веке выбор форм *du* ‘ты’ и *De* ‘Вы’ в значительной степени зависел от социальной принадлежности собеседников. Представители высших слоев общества общались между собой, используя *De*. Среди низших слоев (крестьян, рабочих, солдат) было принято обращение *du*. В случае неравенства собеседников вышестоящие обращались к нижестоящим на «ты», а нижестоящие к вышестоящим на «Вы». В армии обращение на «Вы» к рядовым солдатам было введено приказом 1863 г., а к заключенным в тюрьмах распоряжением 1907 г. [Galberg Jacobsen 1973, 3].

Противопоставленность форм обращения *du* и *De* сохраняется вплоть до 60-х годов XX века. Э. Хансен выделяет следующие правила использования того или иного местоимения при обращении, характерные для первой половины XX века [Hansen 1998, 19–20]:

1. Дети и молодые люди обращались друг к другу на «ты»; примерно в 25 лет переходили на «Вы»;
2. Взрослые обращались на «ты» к детям и молодым людям примерно до 18–20 лет;
3. Дети обращались ко взрослым на «Вы», взрослые были также на «Вы» друг с другом. Исключения из данного правила в свою очередь подчинялись определенным принципам:

а) Члены семьи были друг с другом на «ты»;

б) Если знакомство становилось более тесным и дружеским, по взаимному согласию можно было перейти на «ты»;

в) В некоторых учреждениях, организациях, союзах могла существовать традиция обращения на «ты» среди их членов, сотрудников и работников.

4. При общении взрослых людей использование того или иного местоимения было абсолютно симметрично: собеседники были либо оба на «Вы», либо на «ты».
5. Переход на «ты» мог быть инициирован либо старшим по возрасту, либо по положению. В случае если эти два критерия вступали в противоречие, решающую роль играл социальный статус.
6. При установившемся общении на «ты» перейти на «Вы» было невозможно.

Интересно, что до 1940-х годов в некоторых семьях дети обращались к родителям в 3 лице:

Vil Far have mere kage? ‘Хочет ли Папа еще пирожное?’ [Цит. по: Andersen 2014, 58]

Vil Mor med ud at gå en tur? ‘Хочет ли Мама выйти прогуляться?’ [Цит. по: Andersen 2014, 46].

Характерная для первой половины XX века четкая социальная иерархия находила отражение в языке. Обращение к собеседнику по имени или по фамилии предполагало общение на «ты», а использование обращений *her(re)* ‘господин’, *fru(e)* ‘фру’, *frøken* ‘фрёкен’ или титулов перед фамилией означало общение на «Вы»: *frk. Jensen* ‘фрёкен Йенсен’, *bankdirektør Hans Christian Varnæs* ‘директор банка Ханс Кристиан Варнэс’, *manufakturhandler Arnesen* ‘владелец мануфактурного магазина Арнесен’.

В семьях рабочих и мелких служащих жена и дети часто называли отца семейства по фамилии, что свидетельствовало не о фамильярности, а об особом роде почтительности, которой не хватало вне семьи:

Jensen er desværre ikke kommet hjem endnu. ’К сожалению, Йенсен еще не пришел домой’.

Møller! Den varme mad står på bordet og venter. 'Мёллер! Еда стынет на столе' [Цит. по: Andersen 2014, 46].

Женщину только по фамилии назвать было нельзя. Можно было обратиться к собеседнице *fru/frk Pia Petersen* или *Pia Petersen*. После перехода на повсеместное «ты» в конце 1960-х обращение сократилось просто до имени – *Pia*. В первой половине XX века верхом невежливости было сказать "*du*" незнакомой женщине, которая была старше и выше по социальному положению [Andersen 2014, 46–47].

В сельской местности традиционно говорили друг другу *du*. *De* использовали, обращаясь к помещику или владельцу крупной фермы. В провинциальных городах на «Вы» были с городскими чиновниками, начальником железнодорожной станции, почтмейстером, зубным врачом, учителем и священником [Andersen 2014, 63–64].

Формирование «ты-культуры»: предпосылки и причины

60-ые годы XX века ознаменовались значительными изменениями в социально-политической и культурной жизни датчан. Именно в данный период начинается ломка старой системы обращений. По мнению исследователей, причинами ее разрушения явились процессы демократизации общества, формирование общества всеобщего благоденствия, а также молодежный бунт 1968 года, участники которого выступали против социального расслоения и закоснелых моральных норм, за свободу и равенство. Один из пунктов программы бунтующих активистов состоял в отмене обращения *De*. Многие считали, что выказывают солидарность с рабочим классом, копируя принятое в рабочей среде обращение *du*. Однако большинство рабочих отнеслось к изменениям весьма негативно, так как восприняли данные новшества, как нечто неестественное и спущенное сверху [Andersen 2014, 101–102].

Еще в 1956 году социал-демократ, преподаватель из города Хадерслев Вилли Бук, познакомившись с формами общения американцев в США, основал союз с целью расширить использование обращения *du* и начал активную кампанию в прессе. На протяжении 60-х годов в средствах массовой информации велись жаркие дебаты об обращениях *du* и *De*. Датчане разделились на два противоборствующих лагеря. Начало 1970-х ознаменовалось настоящей «du-лихорадкой». Многие известные личности стремились быть в тренде и использовали исключительно *du* независимо от ситуации общения. Бургомистры социал-демократы способствовали тому, чтобы в подчиненных им городах все перешли на «ты». Руководители государственных учреждений издавали распоряжения об обращении к гражданам на «ты». Йенс Отто Краг был первым премьер-министром, обратившимся на пресс-конференции к журналистам на «ты», а пришедший ему на смену Анкер Йоргенсен первым премьер-министром, сказавшим *du* собеседнику с экранов телевизоров [Andersen 2014, 102–103].

Поскольку местоимение является одной из самых стабильных частей речи, изменения в отношении обращений *du* и *De* не могли произойти в одночасье по при-

казу сверху. Среди предпосылок, которые подготовили почву для произошедших изменений, исследователи выделяют следующие [Andersen 2014, 35–43]:

1. Утрата Норвегии в 1814 году и поражение в Датско-Прусской войне 1864 года;
2. Идеи Стена Стенсена Бликера, который во время народных собраний на Химмельбьергет в 1839–1844 годах призывал отменить обращение *De*;
3. Культурно-радикальное движение 1930-х годов во главе с видным деятелем культуры, архитектором Поулем Хеннингсеном, который, однако, сам никогда не выступал за повсеместное использование *du*;
4. Народное единение во время фашистской оккупации, сформировавшее негативное отношение к немцам и подсознательную антипатию к использованию *De* по немецкому образцу;
5. Социал-демократические идеи.

Хотя в XXI веке *De* не вышло из употребления, сфера его использования значительно сузилась. В настоящее время существует, по-видимому, категория датчан, которые вообще никогда не употребляют данное местоимение. По данным Б. Андерсена в 1993 году указанная категория составляла 25%, а в 2009 году – 55% [Andersen 2014, 139].

В последние годы молодые люди, родившиеся и выросшие уже во времена доминирования *du*, все чаще начинают употреблять местоимение *De*, обращаясь к людям старше по возрасту. По мнению Э. Хансена, использование *De* среди молодых людей, относящихся к высшим социальным слоям столицы, является показателем социального статуса [Hansen 1998, 22]. Исследование, проведенное Б. Андерсеном, свидетельствует о том, что использование *De* среди молодежи по отношению к старшим не является данью моде, проявлением снобизма, расчета или преклонением перед авторитетами – это просто признак вежливости [Andersen 2014, 147]. Примечательно, что разрушение старой системы обращений на «ты» и на «Вы» не повлекло за собой устранение коммуникативных ситуаций, предполагающих вежливое обращение к собеседнику. И хотя оппозиция *du* / *De* присутствует в речи имплицитно, многие датчане вынуждены прибегать к различного рода *безличным конструкциям*, избегая прямого обращения *du* или *De* [Hansen 1998, 19; Andersen 2014, 142].

Э. Хансен считает, что возвращения старой системы правил использования *du* и *De* ждать в будущем вряд ли стоит, так как этому препятствует установившаяся традиция обращаться к собеседнику по имени, предполагающая общение на «ты». Полный выход из употребления *De* также малореален, так как предполагает разрушение имплицитной оппозиции: интимное *du* – сдержанное *De* [Hansen 1998, 22]. По мнению Б. Андерсена, в настоящее время можно говорить о возникновении так называемого «нового» *De*, которое используется в ситуациях, не предполагающих интимно-доверительных отношений между коммуникантами – в государственных учреждениях, сфере обслуживания, рекламе и официальной корреспонденции [Andersen 2014, 144–145].

Новейшие тенеденции в использовании обращений *du* и *De*

Для выявления новейших тенденций употребления местоимений *du* и *De* были проанализированы реплики из популярных датских сериалов ”Borgen” («Правительство»), ”Forbrydelsen” («Убийство»), ”Nikolaj og Julie” («Николай и Юлия»). Анализ материала продемонстрировал значительное преобладание местоимения *du* в качестве обращения, лишь в единичных случаях присутствовало обращение *De* или обращение в 3 лице.

Степень знакомства коммуникантов не играет большой роли при выборе обращения. *Du* употребляется по отношению к знакомым, малознакомым и незнакомым людям. Например, сотрудник отдела по расследованию убийств, посланный начальством просить помощи у Сары Лунд, представляется следующим образом:

Hej, jeg hedder Ulrik Strange. Jeg har lagt besked hos ***dig*** *et par gange, men jeg tror ikke,* ***din*** *svarer virker.* (Forbrydelsen, сез. 2, сер. 2, 5:11) ‘Привет, меня зовут Ульрик Странге. Я оставлял тебе несколько раз сообщения, но, похоже, твой автоответчик не работает’.

Официальность/неофициальность обстановки также практически не влияет на выбор местоимения. *Du* употребляется по отношению к клиентам рекламного бюро, юридической конторы, государственных учреждений. Интересны случаи, когда при использовании обращения *du* подразумевается вежливое *De* или происходит переход с *De* на *du*:

Julie til kunderne: *Vi skal nok finde en løsning og jeg vil gøre alt, hvad jeg kan, så* ***I*** *ikke kommer til at flytte.* (Nikolaj og Julie, сер.1, 8:32) Юлия клиентам: ‘Мы обязательно найдем решение, я приложу все усилия, чтобы вам не пришлось переезжать’.

Юлия, адвокат юридической конторы, произносит эту фразу, провожая пожилую пару к выходу. Хотя, обращаясь к клиентам, она использует местоимение *I,* предполагающее общение на ”*du*” к одному лицу, ее тон и жесты свидетельствует о крайней почтительности, подразумевающей обращение *De*.

Следующий диалог представляет начало телефонного разговора между диспетчером службы спасения и звонящим мужчиной, который находится в состоянии нервного напряжения:

Alarmoperatøren: *Godaften, det er alarmcentralen. Hvad kan jeg hjælpe med*?

En mand: *Jeg tror, der er sket noget.*

Alarmoperatøren: *Hvad er* ***dit*** *navn?* (Forbrydelsen, сез. 2, сер. 1, 0:10)

‘Диспетчер: Добрый вечер, служба спасения. Чем могу помочь?

Мужчина: Мне кажется, что-то случилось.

Диспетчер: Как тебя зовут?’

Следуя этикетным правилам, диспетчер начинает разговор предельно вежливо с учтивого приветствия, однако не использует никакого обращения. По голосу звонящего ясно, что он находится в смятении. В следующей фразе диспетчер об-

ращается к клиенту на «ты», ведь иное обращение, бесспорно, противоречило бы ситуативной уместности.

Следующий диалог происходит в офисе рекламного бюро. Николай, Филип и Франк впервые встречаются с потенциальным клиентом, главой рыболовной компании из Ютландии:

Kunden: *Jeg er kun her, fordi jeg har haft den plageånd der i røret i fem uger i træk.*

Philip: *Ja*, *det er klart og* ***De*** *kender os jo heller ikke.*

Kunden: *Nej, det gør jeg nemlig ikke, for sagen er den at jeg har bureau i forvejen og jeg kan ikke se nogen fordel ved at skifte det ud med en flok københavnere, som ikke har en skid forstand på fisk. …*

Philip: *Men* ***du*** *sælger jo fiskene herovre.* (Nikolaj og Julie, cep. 2, 4:05)

‘Клиент: Я здесь потому, что мне на протяжении целых пяти недель названивал вон этот вот мучитель. (смеется)

Филип: Да, мы всё понимаем, но Вы ведь нас и не знаете.

Клиент: Да уж, не знаю. Но дело все в том, что я давно работаю с другим рекламным бюро, и совсем не вижу смысла менять его на каких-то там копенгагенцев, которые ни черта не понимают в рыбе. <...>

Филип: Но ты же продаешь рыбу здесь, в Копенгагене.’

Клиент начинает разговор в фамильярной тональности. Он старше по возрасту, и этикетные правила требуют обращения *De*. Однако продолжение разговора в том же ключе исключают возможность обращения на «Вы» в дальнейших репликах.

Неравенство статусно-ролевых позиций коммуникантов лишь в некоторых случаях приводит к обращению в 3 лице. В подавляющем большинстве случаев сохраняется обращение *du*:

Филип священнику: *Vi stod lige og beundrede* ***din*** *smukke kirke.* (Nikolje og Julie, cep. 8, 8:40) ‘Мы тут стояли и восхищались твоей прекрасной церковью’.

En studerende til lektoren: *Kan* ***du*** *fortælle os noget om Friedman?*

Lektoren*: Nu holder* ***du*** *fri.* ***Du*** *drikker noget kaffe og finder* ***dig*** *en kæreste.* (Borgen I, cep. 2, 14:44)

‘Студентка преподавателю: Ты можешь рассказать нам что-нибудь о Фридмане?

Преподаватель: Сейчас ты отправишься на перерыв. Выпьешь кофе и найдешь себе какого-нибудь парня’.

Обращение *De* фиксируется лишь в нескольких эпизодах. В первом случае решающем фактором оказывается возраст собеседника. Инспектор криминальной полиции Сара Лунд с напарником разыскивают знакомую подозреваемого и звонят в дверь соседке по лестничной площадке. Дверь открывает пожилая женщина:

Лунд: *God aften. Vi er fra Kriminalpolitiet. Jeg hedder Sarah Lund. Vi skal egentlig tale med* ***Deres*** *nabo. Geertsen. Ved* ***De****, hvor hun er?* (Forbrydelsen I,

сер. 2, 1:04:50) ‘Добрый вечер. Мы из криминальной полиции. Меня зовут Сара Лунд. Мы хотели бы поговорить с Вашей соседкой. Вы не знаете, где она?’

В последующих фразах Лунд, обращаясь к женщине, называет ее фру Хайберг.

Следующий эпизод иллюстрирует выбор местоимения *De*, обусловленный ситуативной уместностью. Каспер Юль, политтехнолог премьер-министра, обращается к прохожему на улице:

Kasper Juul: *Har **De** noget ild?*

En forbipasserende: *Desværre.* (Borgen I, сер. 5, 23:19)

‘Каспер Юль: У Вас не найдется прикурить?

Прохожий: К сожалению, нет’.

Интересно, что в следующей сцене Каспер обращается с таким же вопросом к проходящему Свену Оге, председателю партии «Свободы», но использует местомение *du*: ”*Har **du** ikke noget ild?*” В первом диалоге выбор обращения обусловлен самой ситуацией – Каспер одет в строгий костюм, стоит у стен здания правительства и парламента, где действуют особые этикетные правила, он на работе. В другой обстановке он, несомненно, предпочел бы местоимение *du*. В разговоре со Свеном Оге, несмотря на разницу в возрасте и неравенство статусно-ролевых позиций, перевешивает степень знакомства коммуникантов.

Использование *De* может так же быть характеристикой того или иного персонажа. Так прототипом образа Йоакима Кроне в сериале ”Borgen” явился Мерск Маккинни Мёллер, датский предприниматель, долгие годы возглавлявший крупнейший датский концерн «Мерск». По данным Б. Андерсена, именно он наряду с королевой Маргрете ассоциируется у респондентов с людьми, к которым обращаются на «Вы» и которые сами говорят «Вы» собеседнику [Andersen 2014, 140]. Поэтому обращение *De* на протяжении всего общения с премьер-министром Биргиттой Нюборг звучит естественно:

Crohne: *Nå, **fru** statsminister. Har **De** et svar til mig? <...>*

Birgitte: ***De** driver landets største virksomhed.* (Borgen, сер. 5, 47:48)

‘Кроне: Ну что, госпожа премьер-министр. У Вас есть для меня ответ? <...>

Биргитте: Вы возглавляете самую большую компанию страны’.

Особыми сферами коммуникативного поведения датчан является датский парламент Фолькетинг, правительство, министерства и армия, в которых действуют свои этикетные правила. Так, в зале заседания парламента нельзя обращаться напрямую к коллеге. Необходимо обращаться в 3 лице без использования титулов, например, *hr. Erik Christensen* или *fr. Mette Frederiksen* [Регламент Фолькетинга § 26, URL]. Вне зала заседания члены парламента говорят друг другу *du* [Hagemann 1988, 145]. Анализ отобранных реплик показал, что обычно в 3 лице обращаются к премьер-министру и другим министрам. Интересно, что почтительное обращение в 3 лице используется при первой встрече или в официальной обстановке, далее происходит незаметный переход на «ты»:

Soldaten i Afghanistan: *Undskyld, kan jeg få taget et billede med* ***statsministeren****?*
Statsministeren: *Jo, selvfølgelig.*
Soldaten: *Vi skal på patrulje om lidt. Så jeg når ikke at se* ***din*** *tale*. (Borgen, сез. 2, сер. 1, 3:13)
'Солдат в Афганистане: Извините, можно мне сделать фото вместе с премьер-министром?
Премьер-министр: Да, конечно.
Солдат: Мы скоро уедем в патруль. Поэтому я не успею послушать твою речь'.

В армии также действует свой воинский этикет. Например, в Королевской Гвардии все военнослужащие по вопросам службы обращались друг к другу на «Вы» до 1 октября 2004 г., когда это правило было отменено соответствующим приказом [Andersen 2014, 232]. Анализ реплик показал, что к старшему по чину до сих пор может быть использовано почтительное обращение в 3 лице:

Overkonstablen: *Undskyld jeg forstyrrer, men major Søgaard sagde, at* ***obersten*** *ville have en melding om PMV´erne.*
Obersten: *Ja tak, Bilal. Det bliver senere.* (Forsbrydelsen, сез. 2, сер.1, 23:37)
'Старший констебль: Извините, что беспокою, но майор Сёгор сказал, что полковнику нужно доложить о БТР-ах.
Полковник: Да, спасибо, Билал. Чуть позже'.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Во 2 половине XX века в датском языке произошли значительные изменения в системе обращений. Катализатором данных изменений явились демократические идеи, молодежный бунт конца 1960-х и формирование общества всеобщего благоденствия.
2. В начале XXI века обращение *du* доминирует во всех коммуникативных сферах. *De* употребляется крайне редко по отношению к пожилым людям, представителям власти в официальной обстановке, клиентам в сфере обслуживания, королеве и королю.
3. Несмотря на то, что старая система, в которой *du* и *De* были четко противопоставлены, разрушена, имплицитная оппозиция сохраняется и выражается другими вербальными и невербальными средствами.
4. Помимо обращений *du* и *De* в датском языке до сих пор сохраняется почтительное обращение в 3 лице, которое достаточно редко используется в нескольких коммуникативных сферах.

V.3.2. Приветствие и прощание

В любой коммуникативной ситуации важную роль играет завязывание контакта и его прекращение. За последние 60 лет в датской языковой культуре произошли значительные изменения в отношении форм приветствия и прощания, обусловленные рядом исторических причин. Всеобщий переход на «ты» в конце

1960-х оказал огромное влияние на датский речевой этикет и в конечном итоге привел к характерной для сегодняшнего дня неформальности общения.

Формы приветствия

В соответствии с нормой установление контакта и его разрыв предполагают использование особого типа стандартизированных выражений, формул общения, свидетельствующих о доброжелательном отношении друг к другу участников коммуникативного акта» [Формановская 2007, 401; Шемарова 2004, 8]. Любое приветствие означает «Я вижу тебя и признаю твое существование» [Lund 2015, 18]. В датской, как и в других культурах, существуют негласные правила в отношении уместности приветствия. Среди жителей мегаполиса не принято здороваться с незнакомыми людьми в таких общественных местах, как зал ожидания, автобус, театр, торговый центр. Однако в провинции (особенно в северной и западной Ютландии, а также на маленьких островах, где существует понятие ***hilsepligt*** ‘обязанность здороваться’) ситуация совсем иная: приветствие по отношению к незнакомцам оказывается уместным и на безлюдном пляже, и в магазине при бензозаправке [Lund 2014, 37; Ronnøe 2015, 22]. Небольшое пространство и время совместного времяпрепровождения также влияют на установление вербального/невербального контакта: датчане, как правило, здороваются в лифтах, поездах дальнего следования, самолетах, приемной врача [Hansen 1994, 7].

Перемены в жизни общества, безусловно, находят отражение в языковой культуре. 60-ые годы XX века ознаменовались значительными изменениями в социально-политической и культурной жизни датчан. Именно в данный период начинается ломка старой системы обращений вследствие демократизации общества и молодежного бунта 1968 года, участники которого выступали против социального расслоения, закоснелых моральных норм, за свободу и равенство. Один из пунктов программы бунтующих активистов состоял в отмене обращения *De* [Гурова 2016, 141].

Всеобщий переход на «ты» не мог не отразиться на формах приветствия и прощания. Преобладающей нейтральной формой приветствия стало слово **hej**, а прощания – **hej** или **hej-hej**, которые стерли границы между официальным/неофициальным общением, а также нивелировали возрастные и социальные различия между коммуникантами.

Анализ языкового материала, который представлен выборкой из 4 детективных романов, серии подростковых книг, а также рядом телесериалов, показал, что форма ***hej*** обладает универсальным характером и может использоваться в любых ситуациях общения. Как иронично замечает Й. Лунд, вполне возможно, что новый, радикальный вариант «Отче наш» будет начинаться словами ”*Hej, far*!” ‘Привет, пап!’ [Lund 2015, 16].

Более высокой степенью интимной доверительности обладают приветствие *hej* с обращениями в постпозиции (именем, фамилией, ласковым обращением

или местоимением *du*). Как правило, это происходит при неформальном общении в случае знакомства:

***Hej Jørgen**, har du Bodil hjemme?* (GP, s. 231) ‘Привет, Йорген, а Бодиль дома?’

***Hej, søde**. Længe siden, sagde Trine og slog sit webcam til.* (P, s. 68) ‘Привет, дорогая! Сколько лет, сколько зим! – сказала Трина, включая веб-камеру’.

Универсальным характером обладает также диалектная форма приветствия/прощания **mojn**, принятая в Южной Ютландии [Lund, 2005, s. 43]. В этом регионе ее используют как говорящие на диалекте, так и на литературной норме.

Goddag является самым старым и самым формальным вариантом приветствия [Hansen 1994, 8]. В современном языке эта форма используется все реже – как правило, в официальной обстановке или при общении незнакомых/малознакомых людей:

***Goddag.** Mit navn er Nora Sand. Jeg er journalist for det danske magasin Globalt.* (P, s. 48) ‘Здравствуйте. Меня зовут Нора Санд. Я журналист, работаю в датском еженедельнике «Глобальт»’.

У формы *goddag* есть целый ряд синонимичных вариантов, отличающихся степенью фамильярной окраски. В нижеприведённом ряду она увеличивается слева направо: **Goddag → goddaw → dav/daw → daws /goddaws**.

Кроме этого, редуплицированная форма **goddag, goddag** воспринимается как менее формальная. Так же имеет значение долгота ударного гласного. Более долгий гласный в *goddag* свидетельствует о сердечности приветствия, а *goddag*, произнесенное с кратким гласным может восприниматься как невежливое [Den store danske. Hilseformer, URL].

Интересно использование в качестве приветствия выражения **pænt goddag** ‘подобающее здравствуйте’:

Pænt goddag til alle sammen ☺ [min-mave.dk, URL] ‘Всем доброго дня ☺.

Данное сочетание является сокращением выражения *at sige pænt goddag* ’поздороваться подобающим образом, как диктуют приличия’. В качестве приветствия оно стало использоваться в 1970-ые гг. в детской программе «Kaj og Andrea», в которой попугай Андреа здоровалась так со зрителями в начале каждой программы. Специалисты и носители языка расходятся во мнении о статусе и причинах популярности данного выражения. Г. Хёрнинг считает его модным социолектным оборотом, который использует не очень образованная часть населения [Hørning 2015, 70]. Писатель Я. Скюггебьерг считает определение *pænt* функционально близким смайлику в социальных сетях, а, по мнению журналиста Г. Лаугесена, данное выражение подчеркивает дистанцию при рукопожатии, которое некоторыми молодыми людьми воспринимается слишком церемонным приветствием [Hørning 2015, 70–71].

В целом форма вербального приветствия зависит от степени знакомства коммуникантов, частоты общения и времени суток. К темпоральным приветствиям относятся формы **godmorgen** и **godaften**.

Приветствие **godmorgen** – достаточно частотно и стилистически нейтрально. Как правило, оно используется в неофициальной обстановке при (регулярной) встрече людей в утренние часы (для датчан это период с 6 до 9 утра):

Godmorgen, *Clara. Kahla, det er min niece Clara*. (IP, s. 52) ‘Доброе утро, Клара. Кахла, это моя племянница Клара’.

Вежливое приветствие **godaften** носит более формальный характер, близкий по стилистическому значению к форме goddag, но гораздо менее частотно:

Godaften. *Dejligt at se så mange. Vi skal snart i gang med auktionen*. (Arvingerne, сез. 3, сер. 3, 29:56) ‘Добрый вечер! Приятно видеть такую многочисленную аудиторию. Скоро мы начнем аукцион’.

Кроме этого, в телевизионных передачах можно услышать данную форму в качестве прощания [Hansen 1994, 10]: *Det var TV-Avisen*. ***Godaften***! ’Это были новости. Приятного всем вечера!’

Формы **godformiddag**, **godmiddag**, **godeftermiddag** не зафиксированы толковыми словарями и в базе KorpusDK. Однако Э. Хансен отмечает, что они могут быть употреблены с шутливой коннотацией и иногда встречаются в речи телеведущих [Hansen 1994, 10].

К фамильярным формам приветствия можно отнести слова **hejsa**, **hejsan**, **halløj**, **halløjsa**, **hyggehejsa**.

Emil til Frederik og Villads: ***Hejsan***. (Arvingerne, сез. 3, сер. 8, 14:58) ‘Эмиль Фредерику (брату) и Вилладсу (племяннику): Салют!’

Интересно, что форма **hyggehejsa**, как слова **hej** и **mojn**, может быть употреблена не только в качестве приветствия, но и прощания:

Hvis du er et barn, (alder og køn lige meget), der læser dette, vil jeg gerne skrive sammen med dig, bare du skriver dansk eller engelsk. ***Hyggehejsa!*** (DDO) ‘Если ты ребенок (возраст и пол не имеет значения) и читаешь это, я бы хотела с тобой переписываться – по-датски или по-английски. Покедова!’

Для молодежного сленга характерно приветствие **Hva’ så?** / **Hvad så der?** (рус. ‘Здорова!/’Как оно? /Как сама (сама)?’, которое постепенно утрачивает свою популярность [Lund 2011, 72].

Формы прощания

Нейтральными формами прощания, которые используются в любых ситуациях общения, являются **hej** и **hej-hej**:

Hallgrim: *Vi ses*.

Journalisten: ***Hej***. (Ørnen, сез. 3, сер. 7, 34:27)

‘Халлгрим: Увидимся.

Журналист: Пока’.

Как и в случае с *goddag* вежливая форма прощания **farvel** утрачивает прежнюю частотность. Если в статье 1990 г. П. Ярвад пишет о том, что *farvel* является нейтральной формой прощания, которая используется в формальных и неформальных ситуациях общения, в разговоре людей разной социальной принадлеж-

ности, в любое время суток [Jarvad 1990, 2-4], то позднее Й. Лунд указывает на то, что *farvel* употребляется в современном языке, если речь идет о долгом расставании или прощании навсегда [Lund 2008, 51; Lund 2015, 16]. Это подтверждается материалом исследования:

Michael: ***Farvel***.

Tea: *Pas godt på dig selv*. (Ørnen, сез. 3, сер. 7, 13:08)

'Микаэль (после увольнения всем коллегам): До свидания.

Tea: Береги себя'.

Более неформальными вариантами farvel являются формы **farvel igen, farvel og tak, farvel med dig (jer), farvel-farvel,** а фамильярной, даже вульгарной – **farveller** [Jarvad 1990, 2–4].

Судя по собранному материалу, в современном языке достаточно частотны формы прощания: **Vi ses (+ обстоятельство времени/места); Vi tales (ved); Vi snakkes. Vi ringes (ved). Vi mailer.** Нередко после них следует hej:

Vi ses i morgen, – sagde han og nikkede kort til hende. (GP, 59) '«Увидимся завтра», – сказал он, коротко кивнув'.

Jeg kigger på det. V***i ses på lørdag***. (P, 66) 'Хорошо, посмотрю. Увидимся в субботу'.

Vi ***mailer. Hej***. (Ørnen, сез. 3, сез. 4, 33:13) 'Спишемся. Пока'.

Так как разговорному языку свойственна компрессия, часто слова *hej/farvel* опускаются, а в качестве нейтрального прощания может быть использовано любое пожелание, благодарность или комплимент:

God tur 'Хорошей поездки'; ***God ferie*** 'Хорошего отпуска'; ***God bedring*** 'Поправляйся'; ***God fest*** 'Хорошо повеселиться'; ***God træning*** 'Хорошей тренировки'; ***God weekend*** 'Хороших выходных'; ***God arbejdslyst*** 'Плодотворной работы'; ***Du må have det / Kan du have det (godt)*** 'Всего хорошего'; ***Tak for nu*** 'Спасибо за компанию'; ***Tak for dansen*** 'Спасибо за танец'; ***Det var godt at se dig*** 'Было приятно повидаться'; ***Det var hyggeligt*** 'Было приятно'.

К сленговым выражениям относятся фразы ***Hold dig munter!*** (досл. 'оставайся веселым') и ***Kan du hygge dig!*** (досл. 'пусть тебе будет уютно')

Многие специалисты отмечают употребление иностранных форм прощания, которые становятся модными на какой-то период, а затем выходят из употребления. Так, в XIX в. было популярно прощание **adjø (adjøs, djøs)** [Lund 2015, 16; Jarvad 1990, 5], воспринимаемое сейчас как устаревшее. В 1960-ые вошла в моду форма **ciao (chou)**. В современном языке используются английские формы **see you** и **so long**.

Среди темпоральных форм используется прощание **godnat (og sov godt)** в случае, если один из собеседников собирается ложиться спать. Также в качестве прощания могут быть использованы формы **god dag (fortsat god dag, hav en god dag)** и **god morgen** в разговоре с людьми, с которыми регулярно встречаешься и расстаешься на короткое время.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. В целом переход на «ты» привел к ситуации, когда правила употребления вербальных и невербальных форм приветствий становятся размытыми. Оппозиция «ты – Вы» присутствует в языке имплицитно, поэтому носителям языка необходимо обладать тонким чутьем в отношении того, какую из форм следует употребить.
2. Одновременно формами приветствия и прощания являются нейтральное *hej*, сленговое *hyggehejsa* и диалектное *mojn*.
3. Вежливые формы приветствия *goddag, godaften* и прощания *farvel*, утратив былую частотность, окончательно не выходят из употребления.
4. *Hej / hej-hej*, став стилистически нейтральными, приобрели универсальный характер, а при формальном и неформальном общении используются другие лексические средства.

V.3.3. Побудительные речевые акты

Доминирующий в современной лингвистике антропоцентрический подход обусловил интерес исследователей к вопросам языковых особенностей межличностного общения. В рамках теории речевых актов не ослабевает внимание к директивам, то есть высказываниям, имеющим целью побудить собеседника к какому-либо действию. Подобные высказывания рассматриваются также в рамках теории речевых жанров, но уже не как элементы ситуации общения, а шире – с учетом таких важнейших параметров, как «сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации» [Дементьев 2010, 7].

Группа директивов неоднородна и включает в себя такие речевые акты, как приказ, просьба, инструкция, мольба, приглашение, совет и др. Анализируя различия между разными типами директивных речевых актов, Е.И. Беляева предлагает использовать три прагматических признака: 1) облигаторность выполнения действия для адресата; 2) бенефактивность действия для одного из коммуникантов; 3) приоритетность положения говорящего или адресата [Беляева 1992, 15]. На основании указанных признаков Е.И. Беляева выделяет три основных типа директивов: 1) прескриптивных, т. е. предписывающих действия адресата; 2) реквестивных, т. е. побуждающих к действию, совершаемому в интересах говорящего, и 3) суггестивных, т. е. выражающих совет [Беляева 1992, 15].

Прескриптивы (приказ, распоряжение, разрешение, запрещение, инструкция, предписание, заказ) характеризуются облигаторностью выполнения действия для адресата и приоритетностью позиции говорящего. Реквестивы (просьба, мольба, приглашение) – приоритетностью адресата, необлигаторностью действия и бенефактивностью для говорящего. Суггестивы (совет) – приоритетностью говорящего, необлигаторностью и бенефактивностью действия для адресата [Беляева 1992, 16–19].

Императивные высказывания

В датском языке существуют разные способы для выражения побуждения к действию. Для оформления директивов часто используются императивные предложения с глаголами повелительного наклонения. Как во многих других языках [Berkov 1993, 111], форма императива в датском может выражать такие речевые акты, как приказ, просьба, требование, разрешение, совет и пожелание. Интерпретация конкретного употребления императива зависит от интонации, контекста и прагматических факторов. По мнению В.С. Храковского, в каждом конкретном языке «есть столько семантических интерпретаций повелительных предложений, сколько в этом языке представлено несинонимичных глаголов речевой каузации» [Храковский 1990, 204].

При обучении иностранцев датскому языку в учебниках приводятся следующие речевые формулы для выражения волеизъявлений (приказ/просьба/требование «Закрой дверь»):

Luk **lige** døren
Luk døren
Luk **nu** døren
Luk **så** døren
Tag nu og luk døren
Luk **dog** døren
Så luk **dog den** dør
Tag så og luk **den** dør
Kan du **så se at** få lukket **den** dør!
Nu skal du **fandeme** lukke **den** dør!

Данные примеры являются иллюстрацией прямого коммуникативного воздействия на собеседника, при чем они расположены таким образом, что это воздействие возрастает сверху вниз. За исключением двух последних примеров во всех остальных высказываниях волеизъявление выражено формой императива. Маркерами усиливающими волеизъявление являются частицы *nu, så, dog*, двойной императив и указательное местоимение *den*. (О пейоративно-дистанцирующей функции указательных местоимений дальнего дейксиса см. стр. 50 I.1.2).

Необходимо отметить, что роль модальных частиц в датском языке очень велика, так как они используются для выражения разных прагматических оттенков в различных коммуникативных ситуациях [Durst-Andersen 1995, 2011; Holberg 2014; Rykov Ibsen 2016; Крылова 2004, 2009, 2012, 2015; Nikulicheva 2016; Heinemann, Steensig 2017]. Комбинацию формы императива с модальной частицей Д.Б. Никуличева называет *императивными комплексами,* образование которых, по ее мнению, свидетельствует об аналитической тенденции в развитии датского языка [Никуличева 2012]. Как справедливо отмечает Т.К. Кристенсен, модальные частицы нюансируют коммуникативные оттенки побудительной семантики им-

ператива, императив в свою очередь накладывает ограничения на сочетаемость, а контекст помогает выявить тип директивного речевого акта [Christensen 2009, 66]. По мнению Э. Хансена и Л. Хельтофта, модальные частицы **så** и **nu** в комбинации с императивом используются в речевом акте **приказа**. В случае с конструкцией 'Imperativ + *nu*' говорящий хочет, чтобы слушающий выполнил соответствующее действие, однако предполагает отсутствие желания с его стороны, а в случае с конструкцией 'Imperativ + *så*' говорящий хочет, чтобы слушающий выполнил соответствующее действие, однако выполнение этого действия не является само собой разумеющимся [Hansen, Heltoft 2011, 1047]. П. Дурст-Андерсен соотносит частицу *nu* с алетической (онтологической) необходимостью, а частицу *så* с деонтическим обязательством [Durst-Andersen 1995, 641].

Единственным весьма *относительным* маркером вежливости среди указанных примеров является частица **lige**, которая уменьшает угрозу со стороны говорящего через акцентирование незначительности услуги. Не являясь полноценным маркером вежливости, частица *lige* представляет собой частотную, культурно-специфичную лексему, которой нет аналога в близкородственных скандинавских языках. *Lige* не воспринимается датчанами как волшебное слово типа английского "please" или русского «пожалуйста», однако детей с самого раннего возраста приучают к использованию *lige*, формируя соответствующее мышление [Levisen, Waters 2015, 248]. В лингвистических исследованиях *lige* обычно рассматривается в качестве модификатора императива или части императивного комплекса. П. Дурст-Андерсен относит частицу *lige* к небольшой закрытой группе единиц, так называемых описательных модализаторов (descriptive modalizers), которые косвенно указывают на тип модальности (алетическая возможность) [Durst-Andersen 1995, 641]. Частица *lige* при императиве обычно употребляется в таких контекстах, когда, во-первых, говорящий предполагает, что выполнение его волеизъявления *не вызовет возражений* со стороны адресата, во-вторых, когда предполагаемое действие *не является обременительным* для адресата [Hansen, Heltoft 2011, 1072; Levisen, Waters 2015, 260; Никуличева 2012] и, в третьих, когда данное действие является для говорящего и слушающего частью *совместной деятельности* [Heinemann, Steensig 2017, 139; Samtalegrammatik, URL]. Таким образом, частица *lige*, используемая в директивах, сигнализирует о незначительности услуги, оказываемой слушающим, однако несмотря на уменьшение угрозы со стороны говорящего, его волеизъявление оказывается **навязанным**, так как, используя частицу *lige*, говорящий сам решает за слушающего, насколько незначительна его просьба.

В учебной литературе изучающим датский язык советуют использовать форму изолированного императива с осторожностью, так как она может восприниматься невежливо. Правда отмечается, что большое значение имеет интонация и невербальные составляющие акта коммуникации. Однако корпус отобранных примеров свидетельствует о том, что в ситуациях бытового общения и неформального общения среди коллег или знакомых форма изолированного императива используется чаще всего:

Девочка-подросток другу: *Theo,* ***hjælp*** *mig.* (Theo, сер. 4, 13:28) ‘Тео, помоги мне’.

Жена мужу: ***Ring*** *til politiet.* (Theo, сер. 20, 20:33) ‘Позвони в полицию’.

Знакомый банковскому консультанту: ***Drop*** *den her pæne bankdame-stil, du har kørende.* (Bedrag, сез. 3, сер. 3, 11:15) ’Хватит корчить из себя приличную банковскую служащую’.

При асимметричных статусных отношениях «сверху-вниз» в ситуациях неформального общения, а также в официальной обстановке использование формы изолированного императива также вполне допустимо:

Полицейский-руководитель коллеге: ***Få fat*** *i låsesmeden*. (Bedrag, сез. 3, сер. 5, 34:16). ‘Свяжись со слесарем’.

Судья обвинителю на заседании: ***Få*** *din efterforsker* ***i snor****.* (Bedrag, сез. 3, сер. 5, 13:36). ‘*Приструни своего следователя’.*

Анализ отобранного материала позволил сделать вывод о том, что в форме изолированного императива для выражения речевого акта приказа/просьбы используются акциональные глаголы (движения, речевого и ментального действия), среди которых самыми частотными оказались глаголы *give* ‘давать’, *komme* ‘приходить’, *vente* ‘ждать’, *tage* ‘брать’, *ringe* ‘звонить’ и *fortælle* ‘рассказывать’.

В форме изолированного императива, как правило, употребляются устойчивые выражения, передающие приказ, просьбу, совет и пожелание (1), а также некоторые этикетные формулы (2):

(1) *Hold kæft!* ’Заткнись!’

Se dig for! ’Смотри, куда идешь!’

Tal ordentligt. ‘Повежливее! (досл. Говори прилично)’

Lad mig være! ‘Отстань!’

Tag det roligt. ’Успокойся.’

Slap af. ’Расслабься / Успокойся.’

Pas på dig selv. ’Береги себя.’

(2) *Sid ned. / Sæt dig (jer) ned.* ’Присаживайся (присаживайтесь).’

Kom ind / indenfor. ‘Входи(те).’

Таким образом, при симметричных статусных отношениях и асимметричных отношениях «сверху-вниз» прямое коммуникативное воздействие без употребления маркеров вежливости вполне приемлемо. К единичным маркерам вежливости, употребляемым с формами императива, можно отнести оборот **vær sød at gøre noget** и ласковое обращение **skat** при общении с близкими людьми:

Ники больной жене: *Hvad er der sket, Lina?* ***Vær sød at fortælle*** *mig lidt.* (Bedrag, сез. 3, сер. 2, 15:32). ‘Что произошло, Лина? Расскажи мне, пожалуйста’.

Мама дочке: ***Tag*** *hans hånd,* ***skat****. Du skal ikke være bange.* (Theo, сер. 23, 2:15) ‘Возьми его за руку, милая. Не бойся’.

Императивные формы глаголов *huske, skynde sig*, а также двойной императив чаще всего используется для передачи речевого акта **совета**, который

предполагает действие слушающего с собственных интересах. Среди отобранных примеров подобные сочетания, как правило, употреблялись без каких-либо маркеров вежливости:

Преступник случайному знакомому: ***Husk**, du skylder mig en tjeneste, Finn.* (Rejseholdet, сер. 26, 22:39). ‘Не забудь (досл. помни), что у тебя есть должок, Финн’.

Сказочное существо подросткам: ***Skynd jer**, inden jeg skifter mening og tilkalder Thana selv.* (Theo, сер. 16, 14:17) ‘Поторопитесь, пока я не передумал и не вызвал саму Тану’.

Мама сыну: *Tobias, **gåop** og **sov**.* (Rejseholdet, сер. 23, 53:56). ’Тобиас, иди поспи’.

Коллега (старший по возрасту) коллеге-начальнице: ***Tag hjem** og **sov**, Ingrid.* (Rejseholdet, сер. 23, 49:39) ‘Езжай, Ингрид, домой и поспи’.

Обобранный материал позволил выделить в отдельную группу модель **prøv at gøre noget** ‘попробуй что-то сделать’, которая также используется для передачи речевого акта совета. В отличие от других форм изолированного императива императив глагола *prøve* ‘пробовать’ смягчает побудительность высказывания и подчеркивает необлигаторность действия для адресата:

Коллега-коллеге: ***Prøv at ringe** til hende.* (Bedrag, сез. 3, сер. 7, 27:00) ‘Попробуй позвонить ей’.

Медбрат дочери пациента: ***Prøv at trække** vejret.* (Theo, сер. 4, 4:37) ‘Попробуйте делать вдох-выдох’.

Выражение *prøv at gøre noget* довольно часто сочетается с частицей *lige* и глаголами чувственного восприятия *se* ‘видеть’ и *høre* ‘слышать’, причем если императив глагола зрительного восприятия *se* чаще каузирует совершение указанного действия (1), то императивная форма глагола слухового восприятия *høre* чаще употребляется в качестве прагматического маркера привлечения внимания (2). Подобные императивные формы не являются необходимыми для каузации, с целью которой говорящий производит данное речевое действие, а выполняют структурирующую функцию при выстраивании диалога [Гусева 2016, 180].

(1) Судмедэксперт начальнице спецподразделения полиции, указывая на порезы на коже умершей девушки: *Prøv lige at se her*. (Rejseholdet, сер. 27, 17:16) ‘Вот посмотри’.

(2) Полицейский коллеге, которого он уговаривает начать поиски пропавшей племянницы: *Prøv lige at høre. Jeg har en virkelig dårlig fornemmelse.* (Rejseholdet, сер. 27, 4:33) ‘Ну, послушай. У меня действительно скверное предчувствие’.

Императивные комплексы с частицами **lige**, **nu**, **så**, нюансирующими различные прагматические смыслы в речевых актах приказа/просьбы, также составляют довольно большую группу примеров. Они частотны как при симметричных отношениях, так и отношениях «сверху-вниз». Кроме этого, было зафиксировано большое количество примеров с частицей **bare**, как в препозиции, так и в постпозиции к смысловому глаголу:

Politibetjent: *Så går vi med herned?*
Hans chef: *Ja,* ***kom bare*** *med.* (Bedrag, сез. 3, сер. 1, 36:00)
'Полицейский: Так мы туда идем вместе с вами? Начальник: Да, давайте.'
Партнер по преступному бизнесу Ники: ***Bare sæt*** *dig ned. Og slap af.* (Bedrag сез. 3, сер. 4, 35:10) 'Давай садись и расслабься'.

Как справедливо отмечает Э.Б. Крылова, конструкция из формы императива с частицей *bare* в постпозиции формирует в структуре диалога речевой акт разрешения [Крылова 2012, 78]. «При использовании данной конструкции говорящий делает умозаключение о бенефактивности каузируемого действия для адресата и, учитывая его нерешительность, как бы убирает с его пути мыслимые преграды и делает этот путь открытым» [Крылова 2012, 78]. Препозиция *bare* к императивной форме сигнализирует слушающему, что для достижения желаемого результата ему необходимо предпринять простое минимальное действие, каузируемое глаголом [Крылова 2012, 79].

Т. Хайнеманн и Я. Стинсиг считают частицу *bare* в препозиции к императиву характерным маркером речевого акта совета (advice) в датском языке, при этом говорящий обладает определенным авторитетом, основанным на компетентности, опыте или знаниях, а предлагаемое действие необлигаторно и бенефактивно для слушающего [Heinemann, Steensig 2017, 169]. По мнению исследователей, данная модель также используется для указания на то, что проблема адресата преувеличена и легко решаема. Т.е. в этой модели заложена некая оценочность, поскольку она используется для косвенного выражения неодобрения по поводу изложения проблемы слушающим [Heinemann, Steensig 2017, 169]. По-видимому, выделенное прагматическое значение присутствует только в определенных коммуникативных ситуациях, так как в нашем материале случаев неодобрения со стороны говорящего выявлено не было:

Theo: *Skal jeg ikke gå over til morfar og hjælpe lidt til?*
Hans far: *Nej, det behøver du ikke for der kommer en sygeplejerske, men* ***bare tag derover*** *efter skole.* (Theo, сер. 2, 12:47).
'Тео: Может, мне сходить к дедушке и помочь?
Папа: Нет, не нужно, придет медбрат, ты просто загляни к нему после школы'.

Побудительные высказывания неимперативной структуры

К другим способам выражения прямого волеизъявления относятся декларативные высказывания с **перформативными глаголами**, используемые при асимметричных отношениях «сверху-вниз», в формальных ситуациях (1) или ситуациях настойчивой просьбы (2,3):

(1) Начальник полицейскому: *Jeg* ***giver dig direkte ordre*** *ikke at vise dig ved det vekselbureau igen. Er det forstået?* (Bedrag, сез 3, сер. 4, 12:04) 'Я тебе приказываю (досл. даю тебе прямой приказ) не показываться возле этого обменника. Понятно?'

(2) Мама Тео медбрату: *Jeg **vil godt bede dig** gøre det ordentligt.* (Theo, сер. 4, 4:05)
'Я хотела бы попросить вас делать это тщательно' (помыть ее отца, который лежит дома в коме).

(3) Сотрудница банка партнеру по преступному бизнесу: *Der er noget, **jeg har brug for, du gør** for mig.* (Bedrag, сез. 3, сер. 5, 28:03) 'Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделал'.

В отличие от английского языка, где норма, запрещающая использование перформативной формы глагола *to ask* 'просить' даже сильнее, чем норма, накладывающая запрет на использование императива [Вежбицкая 2007, 138], в датском языке сочетание модальных глаголов и глагола *at bede* 'просить' вполне допустимо в ситуациях формального общения и воспринимается как формула вежливости, особенно в сочетании с модальной частицей **godt**.

Форма презенса также может быть использована для передачи волеизъявления, как правило, в инструкциях (1) или требованиях (2). Часто говорящий не предполагает немедленного исполнения действия слушателем, то есть волеизъявление ориентировано на будущее:

(1) Подросток друзьям: *Jens, du filmer.* (Theo, сер. 13, 6:39) 'Йенс, ты снимаешь'.

(2) Муж жене: *Det der, det lukker du ned! (hvidvaskning)* (Bedrag, сез. 3, сер. 5, 7:47) 'Ты это немедленно прекратишь! (отмывание денег)'

Форма презенса также может сочетаться с модальными частицами *lige* и *bare*, которые нюансируют волеизъявление, однако не оставляют слушающему выбора, осуществлять действие или нет, и не могут быть отнесены к маркерам вежливости.

Более экспрессивной функцией, чем императив, обладает модель «**nu + презенс**», где темпоральное наречие *nu* в препозиции выступает в функции обстоятельства. Как правило, подобные волеизъявления эмоционально окрашены, а на письме передаются восклицательными предложениями:

Классный руководитель ученикам: ***Nu sætter** I **jer ned**, alle sammen!* (Pl., s. 221)
'А теперь все сели!'

Начальник полицейскому: ***Nu får** du fandeme noget **fart på**, Jæwer! Kom nu.* (Bedrag, сез. 3, сер. 3, 15:46) 'Давай, черт тебя Йеуер дери, беги! Ну давай же!'

Письменный речевой этикет оказывает влияние на устную разговорную речь, о чем свидетельствует вежливый оборот «**må gerne + инфинитив**» (досл. '(ты) можешь охотно'), как правило, использующийся в письменных просьбах, но семантически связанный с речевым актом разрешения:

Сотрудник спецотдела полиции надиктовывает просьбу на автоответчик:
*Helene, du **må meget gerne ringe**, når du hører det her. Tak.* (Rejseholdet, сер. 27, 40:16) 'Хелена, перезвони мне, пожалуйста, когда это услышишь. Спасибо'.

К лексическим средствам, выступающим в качестве маркеров вежливости, относится ***venligst*,** суперлатив прилагательного *venlig* ‘приветливый, дружелюбный’, который также, как правило, используется в письменной речи – в деловой корреспонденции, объявлениях и вывесках, однако иногда встречается и в разговорной речи. Подобные высказывания эмоционально окрашены, а *venligst* выделяется интонационно – говорящий сдерживает раздражение, выражаясь подчеркнуто вежливо:

Учительница ученикам: *Er der nogen der **venligst** kan fortælle mig hvorfor i alverden Guled lige nu er nede hos sundhedsplejersken med en flækket læbe?* (Pl., s. 221) ‘Кто-нибудь может мне объяснить [пожалуйста], почему Гулед в данный момент находится в медкабинете с рассеченной губой?’

Конвенциональные просьбы в форме вопросов

Как отмечает Т.В. Ларина, в английской коммуникации даже при отсутствии прагматической опции высказывание может оформляться при помощи вопроса, то есть модели, содержащей семантическую опцию. «Таким образом создается иллюзия опции, которая якобы предлагается адресату, в результате чего уменьшается степень воздействия на него и высказывание приобретает более вежливое звучание» [Ларина 2009, 210]. В датском языке использование конвенциональных косвенных просьб в форме вопросов также является распространенной стратегией.

Главной мотивировкой использования косвенных просьб обычно считается вежливость [Searle 1975], однако косвенность и вежливость не обязательно сопутствуют друг другу, а кроме того в разных культурах отношения между ними интерпретируются по-разному [Ogiermann 2009]. Как указывает А. Вежбицкая, не только разные культуры требуют разного использования косвенных средств, но сами понятия «прямота» и «непрямота» не являются универсальными, в связи с чем исследовательница предлагает отказаться от различения «прямых» и «непрямых» речевых актов в целом – по крайней мере, до тех пор, пока не будет дано четкого определения данных терминов [Wierzbicka 2003, 88]. В данной работе вслед за В.В. Дементьевым под косвенным речевым актом мы понимаем такой акт коммуникации, который осложнен по сравнению с соответствующим прямым актом на один интерпретативный шаг, необходимый адресату, чтобы понять интенциональное состояние говорящего [Дементьев 2006, 64].

Склонность выражаться прямо или косвенно, как правило, также зависит от особенностей языковой личности. В связи с использованием прямых или косвенных средств К.Ф. Седов выделяет три типа языковых личностей: инвективная, куртуазная и рационально-эвристическая. Инвективные языковые личности в основном не используют косвенные речевые средства, речь куртуазных языковых личностей характеризуется повышенной этикетизацией, а рационально-эвристических – иронией [Седов 1997, 191–192]. Тяготение к прямым или косвенным речевым средствам в какой-то степени определяется и полом говорящего. Во

многих исследованиях по гендерной лингвистике отмечается склонность женщин к уклончивости и к эвфемистическим заменам [Дементьев 2006, 135]. Кроме этого, использование или неиспользование непрямых средств коммуникации осуществляется адресантом с учетом особенностей адресата.

В датском языке к конвенциональным просьбам в форме вопросов относятся вопросы с модальными глаголами **kan/kunne, vil/ville**, глаголом **gide,** глаголами в настоящем времени и оборотом **være du sød at gøre noget**.

Просьбы с глаголом **gide** в разговорном языке очень частотны. По мнению М. Мосегор Хансен, они используются в том случае, когда социальная и статусная дистанции между собеседниками незначительны, в отличие от вопросов с глаголом *vil(le*), предполагающих более обширную дистанцию [Mosegaard Hansen 1998, 26]. Также употребление просьб с *gide* может быть обусловлено возрастным фактором. Э. Хансен отмечает, что молодое поколение предпочитает использовать *gide*, тогда как старшее поколение – *vil* [Mål&Mæle 1997, 4]. То же самое касается использования после глагола gide инфинитива с частицей *at*: датчане до 50 лет не воспринимают подобное использование как ошибку [Nyt fra Sprognævn 2015, 14–15].

Сам статус глагола gide на протяжении развития датского языка был неоднозначен. В современном датском языке gide не принадлежит к модальным глаголам и в разговорном языке чаще сочетается с инфинитивом с частицей *at* [Hansen, Heltoft 2011, 765, 778]. Этимологически глагол gide связан с древнеисландским geta, готским bigitan и образован от корня со значением *gribe* ‘ловить’. Первоначально использовался как вспомогательный глагол со значением *få* ‘получать’, *kunne* ‘мочь’, позже *have lyst til* ‘желать, хотеть’. Начиная с XVII в. глагол начинает сочетаться с инфинитивами без частицы at и только в XX в. фиксируются употребления инфинитива с at [Hansen, Heltoft 2011, 1426-1427].

Среди устойчивых выражений в DDO указываются вопросы **Gider du ikke nok (at) / Gider du lige (at)** прибл. рус. ‘Тебе не трудно?’, которые используются в разговорной речи для смягчения побуждения. В качестве синонимичного выражения указывается оборот *vær så venlig at* досл. ‘будь таким дружелюбным’ (DDO). В нашем материале комбинации *gide* + *ikke* + *nok* зафиксировано не было. Однако сочетания с другими модальными частицами очень частотны. Как указывалось выше, обычно модальные частицы рассматриваются в комбинации с императивами и считаются характерной чертой датского стиля коммуникации. Анализ отобранного материала подтверждает данное представление и показывает, что модальные частицы, которые используются для выражения разных прагматических оттенков волеизъявления говорящего, характерны не только для директивов, но и для речевого акта просьбы в целом. Исторически модальные частицы (dialogiske partikler) – довольно новое явление: этот класс слов формируется только в XIX в. [Dansk Sproghistorie, Bind 3, 225] и охватывает целый ряд лексем, нюансирующих прагматические смыслы высказывания.

В современном датском языке **gide** используется в основном в отрицательных и вопросительных предложениях [Jensen 1997, 160]. В конвенциональных прось-

бах **gide** может употребляться без модальных частиц (1), с отрицанием **ikke** (2), (4), (6) и модальными частицами **lige** (3), (4), **godt** (5), (6), реже с **bare** (7), при чем эти просьбы предполагают некоторые физические или умственные усилия со стороны адресата, т.е. являются просьбами о действии, а не о предмете или разрешении:

(1) Художшица своей помощнице: *Rene, **gider** du lave en kop (te) til Signe?* (Arvingerne, сез. 1, сер. 1, 10:19) ‘Рене, не сложно тебе сделать чашку чая для Сигне?’

(2) Полицейский коллеге*: **Gider** du **ikke** at skrive til dem (svensk politi) igen?* (Bedrag, сез. 3, сер. 7, 9:30) ‘Тебе не сложно снова им (шведской полиции) написать?’

(3) Подросток подруге: *Så er det rakettid*. ***Gider** du **lige** tænde?* (Julestjerner, сер. 3, 10:27) ‘Ну а теперь время фейерверка. Можешь зажечь?’ (вставляет свечу в торт)

(4) Дедушка внуку: ***Gider** du **ikke lige** give mig den mappe, der ligger i den øverste skuffe derovre?* (Theo, сер. 2, 15:53) ‘Тебе не сложно дать мне папку, которая лежит вон в том верхнем ящике?’

(5) Полицейский умственно отсталому мужчине, который агрессивен по отношению к другому: ***Gider** du **godt** gå derover? Gå nu derover!* (Rejseholdet, 3 сез., 7 сер., 39:28) ’Отойди-ка вон туда! Отойди, я сказал!’

(6) Konen: *Har du ikke lyst til at tage ned og leje en film?*
Manden: *Nej, lad os hellere høre den smukke musik.*
Konen: ***Gider** du **ikke godt,** Mandfred? Jeg har lyst til at se en rigtig god film.* (Rejseholdet, сез. 3, сер. 3, 41:05)
‘Жена: Может, поедешь и возьмешь напрокат какой-нибудь фильм?
Муж: Нет, давай лучше послушаем красивую музыку.
Жена: Ну, пожалуйста, Манфред. Мне хочется посмотреть какой-нибудь хороший фильм’.

(7) Девушка полицейскому: ***Gider** I **ikke bare** gå med? Han har det pissedårligt. Lad mig gå!* (Når støvet har lagt sig, сез. 1, сер. 3, 42:05). ‘Вы не можете просто пойти со мной? Ем*у* (другу) очень плохо. Отпустите меня!’

Отрицание ***ikke*** является характерной чертой косвенных просьб в датском языке. По данным К. Фаерх и Г.Каспер датчане, говоря на немецком, гораздо чаще используют отрицание в просьбах, чем сами немцы, так как копируют структуру родного языка [Faerch, Kasper 1989, 227]. Формулируя просьбу с ikke, говорящий как бы заранее предвидит возможность неблагоприятного для себя результата в качестве наиболее вероятного, в связи с чем угроза лицу слушающего уменьшается. Однако исследование Т. Хайнеманн, осуществленное на материале разговоров между социальными работниками и их подопечными, свидетельствует о том, что вопросительная просьба с негацией предполагает определенное право говорящего на то, чтобы ее высказать, а предполагаемое действие воспринимается адресатом как нечто, что должно быть осуществлено в порядке вещей – в отличие

от вопроса без отрицания, который не предполагает подобного права говорящего [Heinemann, 2006]. Например, в (2) полицейский, обращаясь к своему подчиненному, просит для ускорения расследования повторить запрос в шведскую полицию, что является обычном делом в конкретной ситуации в отношениях начальник-подчиненный.

Как указывалось выше, частица ***lige*** при императиве обычно употребляется в таких контекстах, когда говорящий предполагает, что выполнение его волеизъявления не вызовет возражений со стороны адресата, когда предполагаемое действие не является обременительным для адресата и когда данное действие является для говорящего и слушающего частью совместной деятельности. Анализ отобранного материала свидетельствует о том, что данное утверждение можно отнести не только к директивам, но также и к конвенциональным просьбам. Так в (3) подросток Боб обслуживает в качестве официанта семейное торжество и просит подругу помочь ему зажечь свечу в торте. Вопрос, сформулированный с gide, смягчает волеизъявление, предоставляя адресату иллюзию прагматической опции, однако маркер lige сигнализирует о незначительности услуги, тем самым говорящий сам решает за слушающего, насколько незначительна его просьба. Способность lige соединяться с императивами, модальными глаголами и глаголами в настоящем времени в конвенциональных просьбах (см. ниже) свидетельствует о том, что данная частица является характерной чертой речевого акта просьбы в целом.

Частица **godt** используется с глаголом *gide*, модальными глаголами *ville, kunne, turde, måtte,* ментальными глаголами и глаголами чувственного восприятия и выражает аффирмативное значение, противоположное отрицанию *ikke* (значение «отрицания отрицания») [Jensen 1997, 156; Крылова 2016, 189]. Так в предложении *Jeg vil godt lave mad i morgen* говорящий сообщает о желании произвести действие обратное отрицательному, т.е. что он не-не хочет приготовить еду завтра = согласен приготовить [Jensen 1997, 163]. Так как глагол *gide* ассоциируется с отрицательными предложениями, частица godt в косвенных просьбах является усилением положительного смысла высказывания. Например, в (5) полицейский пытается предотвратить драку и настойчиво просит умственно отсталого мужчину отойти от Отто, а затем, когда тот не слушает, использует директивную форму императива. В (6) жена, подозревая мужа в преступлении, упрашивает его уйти из дома, якобы для того, чтобы взять напрокат интересный фильм. Таким образом, частица *godt* используется с глаголом *gide* в настойчивых просьбах, имея функциональное сходство с частицей *nok*.

Частица **bare** также встречается в комбинации с *gide*, сигнализируя слушающему, что для достижения желаемого результата ему необходимо предпринять простое минимальное действие, каузируемое глаголом [см. о схожем значении bare + императив Крылова, 2012; Heinemann, Steensig, 2017; Samtalegrammatik, URL]. В (7) бездомная Джинджер пытается уговорить полицейских помочь ее другу, который лежит недалеко без сознания, когда те проверяют украденную машину, т.е. совершить простое действие для спасения человека, а не осматривать машину.

К. Левисен и С. Уотерс выделяют в отдельную группу конструкцию "**gider-du-lige**", которая выражает разочарование по поводу нарушения норм и используется для предотвращения социально неприемлемого поведения, и приводят ряд примеров с фазовыми глаголами конца типа *lade være med, stoppe* 'перестать, остановиться': *Gider du lige at lade være med at larme?* 'Может, хватит шуметь?'; *Gider du lige stoppe at generalisere?* 'Может, хватит обобщать?' [Levisen, Waters 2015, 256]. Материал нашего исследования свидетельствует о том, что частица *lige* действительно входит в состав устойчивого выражения *Gider du lige?* с прохибитивным значением, передающим усталость или неудовольствие говорящего от слов или действий партнера по коммуникации (8):

(8) Mor: *Vi mødtes d.1.december. Kan du huske det, John*?
Far: *Ja, du skulle have nyt køkken.*
Mor: *Og du skulle installere*.
Far: *Og der blev installeret*.
(Den højgravide mor griner).
Deres datter: ***Gider I lige****?* Может, хватит? (Julestjerner, сер. 1, 04:33)
'Мама: Мы встретились 1 декабря. Помнишь, Джон?
Папа: Да, тебе нужна была новая кухня.
Мама: А ты ее устанавливал.
Папа: И всё тебе установил, как следует.
(Мама, находящаяся на последних сроках беременности, смеется).
Их дочь: ***Gider I lige****?* Может, хватит?'

В данном диалоге девочке-подростку неприятно слышать шутки папы с сексуальным подтекстом, поэтому, используя выражение *Gider du lige?*, она выражает свое неудовольствие.

Анализ нашего материала позволяет сделать вывод о том, что глагол gide часто используется в сочетании с прохибитивами и необязательно в комбинации с частицей lige:

(9) Полицейский коллеге: ***Gider*** *du* ***holde op med*** *det* (rygning) *herinde* (inde i bilen)? (Rejseholdet, сез. 4, сер. 1, 33:15) 'Может, хватит здесь (в машине) курить?'

(10) Мама Тома полицейскому: ***Gider*** *du* ***ikke slukke*** *for det horn* (politisirene)? (Julestjerne, сер. 11, 09:59) 'Может, выключите эту сирену?'

(11) Лотте подруге: *Og* ***gider*** *du* ***godt lade være*** *med at flirte med min nabo, Sigrid!* (Mens vi presse citronen, сер. 3, 20:54). 'И хватит уже флиртовать с моим соседом, Сигрид!'

В отличие от вопросов с *gide* просьбы с **vil / ville** могут употребляться в официальной обстановке и корреспонденции, являясь самыми вежливыми из всех конвенциональных вопросов. Они апеллируют к **желанию** адресата осуществить действие и направлены в большей мере на сохранение негативного лица собеседника, чем вопросы с kan/kunne. Однако, с другой стороны, на подобные вопросы сложнее ответить нет, так как имплицитной причиной отказа будет

отсутствие желания слушающего, а не внешние факторы [Mosegaard Hansen 1998, 25–26].

Так же как в вопросах с gide, **vil** может употребляться без модальных частиц (12), с отрицанием **ikke** (13), (14), (16), (17) и модальными частицами **lige** (14), **godt** (15), (16), и **nok** (17).

(12) Читательница писателю, подписывающему свои книги: ***Vil*** *du skrive her?* (Fred til lands, сер. 1, 23:07) ‘Подпишите здесь, пожалуйста. (Вы не подпишите здесь?)’

(13) Полицейский сотрудникам банка: ***Vil*** *I* ***ikke*** *fortælle om Nicky Rasmussens generelle økonomiske forhold?* (Bedrag, сез. 3, сер. 7, 6:55) ‘Расскажите, пожалуйста, в целом о финансах Ники Расмуссена’.

(14) Сигне сводному брату в цветочном магазине, где она работает и который должна закрыть в конце рабочего дня:
Vil *du* ***ikke lige*** *vende dig om så jeg kan gemme dem her* (pengene)*? Undskyld. Bare så du ikke ser …* (Arvingerne, сез. 1, сер. 4, 23:20) ‘Отвернись, пожалуйста, мне нужно их (деньги) спрятать. Извини. Просто, чтобы ты не видел, где они’.

(15) Сотрудница полиции говорит на автоответчик своему другу: Hej, det er mig. ***Vil*** *du* ***godt*** *ringe med det samme?* (Rejseholdet, сез. 3, сер. 12, 25:24) ‘Привет, это я. Позвони, пожалуйста, сразу, как услышишь’.

(16) Девочка-подросток одноклассникам, собирая подписи о прекращении издевательств над животными: ***Vil*** *I* ***ikke godt*** *skrive under? Kom nu.* ***Please?*** (Klassen, сез. 1, сер. 3, 3:25). ‘Подпишите, пожалуйста! Ну давайте. Пожалуйста!’

(17) Женщина, потерявшая семью, в больничной палате начальнице спецотдела полиции: ***Vil*** *du* ***ikke nok*** *gå?* (Rejseholdet, сез. 3, сер. 9, 25:07) ‘Уйдите, пожалуйста’.

Указанные частицы передают такие же прагматические смыслы, как в комбинации с *gide*. В отличие от частицы **godt**, которая в косвенных просьбах является усилением положительного смысла высказывания, частица **nok** передает значение сомнения говорящего в возможности или желании слушающего выполнить действие, в связи с чем вопрос (17) превращается в настойчивую просьбу [Togeby 1979, 20; Krylova 2004, 98].

Vil может также употребляться с фазовыми глаголами конца в прохибитивной функции:

(18) Мама раздраженно младшей дочке, которая балуется со свечками:
Alma, ***vil*** *du* ***godt lade være*** *med det der?* (Theo, сер. 20, 3:40) ‘Альма, прекрати, пожалуйста’.

(19) Andreas: *Hey, hold op! Du kan ikke stå og råde i hendes papirer.*
Hans kæreste: *Jeg skal have den kontrakt.*
Andreas: ***Vil*** *du* ***ikke godt stoppe****?* (Arvingerne, сез. 1, сер. 6, 7:25)
‘Андреас: Эй, прекрати. Нельзя рыться в ее бумагах.

Его девушка: Мне нужен этот контракт.

Андреас: Перестань, пожалуйста'.

Вопросы с **kan/kunne** апеллируют к **возможности** адресата осуществить действие и относятся в датском языке к вежливым просьбам. Однако, по мнению М. Мосегор Хансен, они не являются такими же вежливыми, как аналогичные вопросы во французском и английском [Mosegaard Hansen 1998, 25]. **Kan** в вопросах может употребляться без модальных частиц (20), с отрицанием **ikke** (21), (24) и модальными частицами **lige** (22), (23), **bare** (24)**, måske** (25), а также сопровождаться дополнительными маркерами вежливости (22), (23).

(20) Медбрат подростку, чей дедушка лежит дома в коме:
Jeg er bare lige ved at vende ham. ***Kan*** *du række mig puden?* (Theo, сер. 12, 15:49) 'Я его просто сейчас переворачиваю. Ты можешь дать мне подушку?'

(21) Полицейский коллеге: ***Kan*** *du* ***ikke*** *få en kendelse?* (Bedrag, сез. 3, сер. 3, 5:16) 'Ты можешь получить постановление суда?'

(22) Ники маленькому сыну: ***Kan*** *du* ***lige*** *blive og lege,* ***skat****?* (Bedrag, сез. 3, сер. 7, 14:38) 'Зайка, поиграй здесь сам, ладно?'

(23) Дедушка внуку: *Theo,* ***kan*** *du* ***lige*** *række mig den skitse der?* ***Så er du sød****.* (Theo, сер. 1, 12:52) 'Тео, можешь дать мне вот тот набросок? Пожалуйста'.

(24) Подросток родителям: ***Kan*** *I* ***ikke bare*** *lade mig være i fred?* (Theo, сер. 14, 17:18) 'Можете просто оставить меня в покое?'

(25) Фавн девочке: *Så* ***kan*** *du* ***måske*** *fortælle mig, hvad man siger om mig her på Jorden?* (Theo, сер. 20, 6:58) 'Может, ты расскажешь мне, что говорят обо мне здесь на Земле?'

Сочетания с модальной частицей **godt** возможны, но в собранном материале зафиксированы не были. В настойчивых просьбах в разговорной речи иногда используется английское заимствование **please**, заполняющее лексическую лакуну в датском языке. Оно, как правило, имеет более узкую прагматическую функцию, являясь «please of begging» («попрошайническим» пожалуйста), которое произносится с долгим гласным с особой интонацией [Levisen, Waters 2015, 250]. Собранный материал действительно свидетельствует об использовании данной лексемы в настойчивых просьбах:

(26) Подросток фантастическому существу: *Undskyld, men* ***kan*** *du* ***ikke please*** *hjælpe os op herfra?* (Theo, сер. 6, 7:15) Извините, вы не можете (пожалуйста) помочь нам выбраться? (из ямы)

Вопросы с kan могут быть также субъектно-ориентировны и передавать не только просьбу о действии, но и о разрешении (27) или являться предложением (28):

(27) Дедушка Тео лечащему врачу в больнице: ***Kan*** *jeg så* ***ikke*** *tage hjem? Jeg vil faktisk være hjemme hos mig selv.* (Theo, сер. 2, 3:44) 'Так могу я пойти домой? Вообще-то я хотел бы оказаться у себя дома'.

(28) Полицейский своей любовнице: ***Kan*** *vi* ***ikke*** *snakke om noget andet end arbejde?* (Bedrag, сез. 3, сер. 7, 35:01) ‘А не можем мы поговорить о чем-то еще, кроме работы?’

Вопросы с **kunne**, которые отличаются большей долей сомнения, считаются более вежливыми:

(29) Полицейский коллегам на брифинге, пытаясь уладить конфликтную ситуацию:
Kunne *vi* ***lige*** *prøve at tale ordentligt?* (Bedrag, сез. 3, сер. 2, 40:07) ‘Давайте попробуем соблюдать приличия’.

При значительной дистанции власти подобные высказывания могут сопровождаться дополнительными маркерами вежливости:

(30) Учительница ученице, которая не хочет брать одноклассницу в свой проект:
Sara, ***kunne*** *du* ***ikke godt være sød*** *at give Tilde lidt plads. Husk nu, at to er bedre end en.* (Klassen, сез. 1, сер. 3, 3:42) ‘Сара, будь добра, возьми с собой Тильде. Не забывай, что двое лучше, чем один’.

Вопросы с глаголом в форме настоящего времени относятся также к самым распространенным стратегиям, так как они соответствует как принципу вежливости, так и принципу эффективности [Talbro, 2000, p.15]. Часто сама ситуация предполагает возникновение подобной просьбы, так как коммуниканты вовлечены в общую деятельность, при чем результат от предполагаемого действия часто находится в общих интересах, а не только в интересах говорящего. При этом на оформленную таким образом просьбу, особенно в сочетании с *lige*, слушающему практически невозможно сказать «нет» [Levisen, Waters 2015, 254]. Подобные вопросы могут употребляться без модальных частиц (31), с отрицанием **ikke** (32), (34) и модальной частицей **lige** (33), (34). Поскольку просьба часто предполагает незамедлительное выполнение действия и не подразумевает настойчивости, комбинации с частицами godt и nok не встречаются.

(31) Жена мужу, открывая багажник машины: ***Tager*** *du poserne?* (Arvingerne, сез. 1, сер. 4, 9:02) ‘Возьмешь пакеты?’

(32) Девочка другу: ***Giver*** *du* ***ikke*** *et nummer på din cello?* (Julestjerner, сер. 7, 15:29) ‘Сыграешь что-нибудь на виолончели?’

(33) Владелец ресторана повару: ***Tænder*** *du* ***lige*** *ovnen?* (Når støvet har lagt sig, сез. 1, сер. 4, 07:32) ’Включишь плиту?’

(34) Дочь отцу: *Thomas,* ***hjælper*** *du* ***ikke lige****?* (Arvingerne, сез. 1, сер. 3, 41:04) ‘Томас, поможешь?’ (накрыть на стол)

Оформленные подобным образом вопросы могут также восприниматься как приглашения:

(35) Начальница спецподразделения полиции коллеге: ***Går*** *du* ***ikke*** *med op til et glas vin?* (Rejseholdet, сез. 3, сер. 10, 31:54) ‘Зайдешь на бокал вина?’

Оборот **er du sød at** (досл. «ты будешь милым») имеет более вежливый вариант **vil du være sød at** и более фамильярный в форме императива **vær (lige) sød at.**

Кроме этого, в качестве дополнительного маркера вежливости используется оборот **så er du sød** в постпозиции к основной просьбе, как в (23) или в качестве части предиката **(kunne) være sød**, как в (30). В нашем материале были зафиксированы в основном формы настоящего времени, при этом во всех примерах наблюдалась значительная дистанция власти, при которой вышестоящие вынуждены прибегать к данному вежливому обороту для того, чтобы смягчить свое волеизъявление. Среди частиц, сочетающихся с этим оборотом, были зафиксированы *ikke*, *lige* и единичный пример с *bare*:

(36) Врач дочери пациентки: ***Er du sød*** *at vente her?* (Arvingerne, сез. 1, сер. 1, 36:44)
'Подождите здесь, пожалуйста'.

(37) Учительница ученице: ***Er du ikke sød*** *at sætte Theo ind i juleopgaven?* (Theo, сер. 5, 2:29) 'Объясни, пожалуйста, Тео, в чем суть рождественского проекта'.

(38) Начальник полицейскому: *Alf,* ***er du sød lige*** *at komme ind på mit kontor? Og sluk lige den cigaret, ikke?* (Bedrag, сез. 3, сер.. 9, 42:56) 'Альф, зайди, пожалуйста, ко мне в кабинет. И сигарету потуши, ладно?'

(39) Полицейский бездомной: ***Er du sød lige*** *at træde ud en gang?* (Når støvet har lagt sig, сез. 1, сер. 3, 41:31). 'Выйдите, пожалуйста, из машины'.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Отсутствие маркера вежливости типа «пожалуйста», выход из употребления многих вежливых оборотов, переход на «ты» формально характеризуют датское коммуникативное поведение как стиль с низким уровнем вежливости. На самом деле датский язык обладает достаточно большим разнообразием средств выражения вежливости, но они часто не выражены эксплицитно, а обусловлены интонацией и в целом датским стилем коммуникации, где ценится прямолинейность, естественность и демократичность;
2. Использование формы **изолированного императива** в датском языке вполне допустимо как в ситуациях неформального общения в кругу семьи, среди коллег или знакомых, так и при асимметричных статусных отношениях «сверху-вниз» в официальной обстановке.
3. Среди побудительных высказываний **неимперативной структуры** выделяются декларативные высказывания с перформативными глаголами, используемые при асимметричных отношениях «сверху-вниз» в формальных ситуациях или ситуациях настойчивой просьбы; форма презенса, которая употребляется, как правило, в инструкциях или требованиях, а также модель «nu + презенс» с экспрессивной функцией.
4. Среди **маркеров вежливости** были зафикированы: выражение *vær sød at* (в форме настоящего времени, императива или с модальным *vil*), которое употребляется при неформальном общении с близкими людьми, а также в ситуациях со значительной дистанцией власти, когда существует необходимость

смягчить волеизъявление; ласковое обращение *skat*, используемое при общении в близком кругу; модель *prøv at gøre*, смягчающая побуждение в речевом акте совета; конструкция *måtte gerne* и маркер *venligst,* которые употребляются преимущественно в письменной коммуникации. Относительным маркером вежливости является частица *lige*, которая уменьшает угрозу со стороны говорящего через акцентирование незначительности услуги.

5. Большую роль играют **модальные частицы**, нюансирующие прямое волеизъявление в форме императива. Они частотны как при симметричном отношениях, так и отношениях «сверху-вниз». Для речевого акта просьбы характерно использование модальных частиц, прежде всего *ikke* и *lige*. Частица lige сигнализирует о незначительности услуги, оказываемой слушающим, однако несмотря на уменьшение угрозы со стороны говорящего, его волеизъявление оказывается навязанным, так как говорящий сам решает за слушающего, насколько незначительна его просьба. Формулируя просьбу с ikke, говорящий как бы заранее предвидит возможность неблагоприятного для себя результата в качестве наиболее вероятного, в связи с чем угроза лицу слушающего уменьшается. Частицы *godt* и *nok* используются в настойчивых просьбах – *godt* является усилением положительного смысла высказывания, а *nok* передает значение сомнения говорящего в возможности или желании слушающего выполнить действие. Заимствованное *please* имеет схожую с частицей godt функцию в косвенных просьбах при упрашивании. Частица *bare* является маркером речевого акта разрешения или совета, при этом подразумевают оптимальное действие для решения имеющейся проблемы.
6. Конвенциональные просьбы с *gide, vil, kan*, глаголами в настоящем времени и оборотом *er du sød at* относятся в датском языке к распространенным стратегиям. Наиболее вежливыми являются вопросы *c vil/ville*, *er du sød at, kan/kunne*. Вопросы с *gide* используются, когда социальная и статусная дистанции между собеседниками незначительны. На выбор между gide и vil может влиять возрастной фактор, однако это не подтверждается результатами нашего исследования, что может быть связано с молодым возрастом сценаристов анализируемых сериалов. Сочетания gide и vil с фазовыми глаголами конца позволяют говорить о наличии у данных конструкций прохибитивной функции. В случае с вопросами в форме настоящего времени коммуниканты, как правило, вовлечены в общую деятельность, при чем результат от предполагаемого действия часто находится в общих интересах, а не только в интересах говорящего.

V.3.4. Благодарность

Специфика речевого акта благодарности в датском языке

Речевой акт благодарности традиционно связывают с понятием позитивной вежливости или вежливости сближения, которая направлена на сокращение дистанции между коммуникантами, на сотрудничество и взаимопонимание, на устра-

нение интерперсональных границ [Ларина 2009, 308]. «Считается, что быть вежливым – это придавать партнеру ту социальную роль, на которую он претендует (или несколько выше); быть невежливым – это придавать партнеру роль ниже той, на которую он претендует» [Формановская 2007, 98].

Благодарность имеет большое значение в поддержании вежливых, гармоничных отношений между собеседниками и, несмотря на универсальный характер, имеет в датском языке свою специфику. Если для британцев «волшебным словом» является *please*, а для русских *пожалуйста*, то для датчан таким словом бесспорно является слово *tak* ‘спасибо’, в котором совмещаются функции «спасибо» и «пожалуйста». В качестве примера можно привести диалог двух школьных друзей из романа М. Папе, один из которых хочет вовлечь другого в финансовую пирамиду, и поэтому проявляет радушие на рабочем месте:

Andrew: *Kaffe, Red Bull, Cola?*

Morten: *Kaffe er fint,* ***tak*** (Pape 2015, 524);

‘Эндрю: Кофе, Red Bull, колу?

Мортен: Кофе, пожалуйста’.

Чуть позже происходит следующий диалог, причем вежливость в ответной реплике Мортена проявляется в том, что герой неискренен (кофе на вкус ужасен), однако в целях соблюдения вежливости прибегает к стратегии, основанной на максиме одобрения Дж. Лича (уменьшайте осуждение слушающего, больше хвалите) [Leech 1983, 67]:

Andrew: *Hvordan smager kaffen?*

Morten: *Glimrende,* ***tak*** (Pape 2015, 525);

‘Эндрю: Ну как кофе?

Мортен: Отличный, *спасибо*’.

О значимости слова *tak* для датской культуры говорит тот факт, что известный британский антрополог Р. Дженкинс, автор книги «Быть датчанином: парадоксы национальной идентичности в повседневной жизни» посвящает ему целую подглаву, рассматривая как важную составляющую датской идентичности [Jenkins 2014, 28]. Лингвист-типолог П. Дурст-Андерсен также отмечает, что датчане часто благодарят за то, за что, как правило, не принято благодарить в других культурах [Durst-Andersen 2011, 16]. И действительно, список устойчивых формул благодарности в датском языке достаточно обширен[17]:

- благодарность в ситуациях, связанных с торжествами или обычным приемом гостей:

Tak for invitationen	‘Спасибо за приглашение’;
Tak, fordi jeg måtte komme ‘	‘Спасибо за приглашение (за то, что мне разрешено прийти)’;
Tak for mad	‘Спасибо за угощение’;

[17] Список составлен мной (Е.Г.)

Tak for kaffe/te	‘Спасибо за кофе/чай’;
Tak for i aften	‘Спасибо за вечер’;
Tak for en dejlig (hyggelig) aften	‘Спасибо за прекрасный (приятный) вечер’;
Tak for godt selskab / godt samvær	‘Спасибо за приятную компанию / приятное общение’;
Tak for sidst	‘Спасибо за прошлую встречу’;
Tak for gaven	‘Спасибо за подарок’;
Tak for besøget	‘Спасибо, что пришли’;

- благодарность в ситуациях, связанных с работой:

Tak for din tid	‘Спасибо за потраченное время’;
Tak for din mail	‘Спасибо за письмо’;
Tak for dit svar	‘Спасибо за ответ’;
Tak for et godt møde	‘Спасибо за плодотворную работу/встречу’;
Tak for en god samtale	‘Спасибо за конструктивную беседу’;
Tak for opmærksomheden	‘Спасибо за внимание’;
Tak for oplysningen	‘Спасибо за информацию’;
Tak for forslaget/tilbuddet	‘Спасибо за предложение’;
Tak for nu	‘Спасибо (за сейчас);
Tak for i dag	‘Спасибо (за сегодня)’;
Tak for denne gang	‘Спасибо (за этот раз)’;
Tak, fordi I ville tage imod mig	‘Спасибо за то, что согласились со мной встретиться’;

- благодарность в других ситуациях:

Tak for hjælpen	‘Спасибо за помощь’;
Tak for lån	‘Спасибо (за то, что одолжили)’;
Tak for en god betjening	‘Спасибо за хорошее обслуживание’;
Tak fordi du ville være med	‘Спасибо (за то, что пришли/поучаствовали/присоединились)’

Конечно, приведенный список не является исчерпывающим, однако все указанные фразы являются этикетными формулами. Нужно сказать, что именно формулы благодарности во время пребывания в гостях и на семейных торжествах в Дании носят облигаторный этикетный характер. Как указывает Д. Нёрмарк, в Дании складывается парадоксальная ситуация: датчане более естественно и рас-

слабленно ведут себя на работе (это проявляется в отсутствии дресс-кода, общении на равных с начальством, что шокирует иностранцев), а проведение семейных торжеств оказывается максимально ритуализировано и формализовано (наличие дресс-кода, строгая рассадка гостей, последовательность речей и поток благодарностей в адрес принимающей стороны) [Steno 2015, 45]. В других европейских культурах, как правило, наблюдаются противоположные тенденции.

Я. Педерсен указывает на схожие тенденции в шведской культуре, связывая подобное чрезмерное выражение благодарности с понятиями «нежелание быть в долгу у кого-либо» (швед. tacksamhetsskuld, дат. taknemmelighedsgæld) и «необходимость платить услугой за услугу» (швед. tjänster och gentjänster, дат. tjenester og gentjenester) [Pedersen 2010, 1259]. По мнению исследователя, привычка благодарить собеседника настолько укоренилась в шведской культуре, что обычно люди благодарят автоматически, не задумываясь, однако отсутствие «спасибо» в нужной ситуации может быть воспринято негативно [Pedersen 2010, 1260–1261]. В рамках теории единого семантического метаязыка А. Вежбицкой Я. Педерсен составляет следующий культурный скрипт для слова *tack*, который релевантен и для датского языка:

[Everyone knows:]
If somebody does something for me
If I want somebody to do something for me
I have to say something good (tack) to this person
It is good if I do this
It is good if this person says the same to me
If I don't do this
People will think something bad about me
[Pedersen 2010, 1261].

Как и в датском языке, слова благодарности в шведском часто носят устойчивый характер и иногда даже заменяют фразы прощания [Линевич 2016, 208]. Интересно, что в отличие от современного русского языка, где чрезмерная вежливость может быть воспринята негативно [Кронгауз 2013, 242; Северская 2018, 250], в шведском и датском языке «лучше лишний раз поблагодарить, чем не поблагодарить» [Ahlburg 2001, 11].

Речевые формулы благодарности

О значимости слова *tak* в датском языке и культуре пишут многие исследователи. По мнению, К. Альбург, *tak* для датчан является своеобразным признанием личности и ее поступков [Ahlburg 2001, 11]. Р. Дженкинс считает, что в Дании существует вежливость другого типа – «вежливость среди равных», а *tak* – своего рода квинтэссенция повседневной социал-демократии [Jenkins 2014, 33]. Поэтому неудивительно, что датских детей с малых лет приучают говорить *tak for mad* 'спасибо, очень вкусно' после каждого приема пищи и *ja tak* 'да, спасибо', *nej tak* 'нет, спасибо' и *ellers tak* 'спасибо, но нет' в ответ на какое-либо предложение,

причем отсутствие *tak* в подобных ситуациях воспринимается как антивежливость [Vinther 1989, 24–25]. Также весьма характерно, что самой распространенной надгробной надписью в Дании является *Tak for alt* ‘спасибо за всё’ [Jenkins 2014, 29].

Синтаксически речевой акт благодарности (далее РА) оформляется отдельным словом *tak* ‘спасибо’, интенсификаторами *tak skal du have* ‘спасибо тебе’, *mange tak* ‘большое спасибо’, *tusinde tak* ‘огромное спасибо’, дополнением *tak for* ‘спасибо за’ и придаточным причины *tak, fordi* ‘спасибо за то, что (досл. ‘потому что’)’. В формальной обстановке используются глагол *takke* ‘благодарить’ или оборот *at være taknemmelig for* ‘быть благодарным за’. Ответными репликами могут служить *selv tak* ‘и вам/тебе спасибо/не за что’, *i lige måde* ‘и вам/тебе спасибо’, *det var så lidt* ‘не за что’, *det er mig, der siger tak/der takker* ‘это я должен поблагодарить’, *velbekomme* ‘пожалуйста/на здоровье’.

Опираясь на классификацию, предложенную С.С. Краевой [Краева 2013, 106], мы выделили следующие группы коммуникативных актов благодарности в датском языке:

1. РА благодарности как реакция на предложение. Прагматические интенции говорящего состоят в том, чтобы показать, что предложение принимается/не принимается, и указать на значимость предлагающего или предложенного, проявив вежливость:

Chefen: *Ses vi på fredag?*

Hans kollega: *Ja.* ***Tak for indbydelsen*** (Rejseholdet, сез. 4, сер. 1, 15:08);

‘Начальник: В пятницу увидимся?

Его коллега: Да. Спасибо за приглашение’.

2. РА благодарности как реакция на внимание. Проявление внимания может быть ожидаемым или неожиданным, от этого зависят прагматические характеристики благодарности и интенция говорящего – показать, что внимание приятно, и указать на значимость подарка, дарителя, проявленного сочувствия, поздравления или комплимента. В проанализированном материале различные интенсификаторы были зафикированы в ситуациях с получением подарка, в других ситуациях ответы были односложными:

- вручение подарка:

  Андреас вручает букет цветов хозяйке.

  Хозяйка: ***Tak***. ***Nej, hvor er den fin!*** (Arvingerne, сез. 1, сер. 1, 42:15). ‘Спасибо. Ой, какой он красивый!’;

  Kollegerne: *Tillykke med den lille pige*. (Kram.) *Vi har en gave*.

  La Cour: *Nej,* ***tusinde tak. Det er alt for meget*** (Rejseholdet, сез. 4, сер. 4, 30:28);

  ‘Коллеги: Поздравляем с новорожденной! (Все по очереди обнимают Ла Кура.). У нас есть подарок.

  Ла Кур: Огромное спасибо! Ну что вы, это слишком’;

- поздравление:
  Rejseholdet efterforsker: *Tillykke* (med det kommende bryllup).
  Rejseholdets chauffør: ***Tak.*** (Rejseholdet, сез. 4, сер. 1, 31:16)
  ‘Сотрудник спецотдела полиции: Поздравляю (с предстоящей свадьбой).
  Шофер мобильного офиса: Спасибо’;
- радость от встречи:
  Rejseholdet drabschef: *Jeg er glad for, du er tilbage.*
  Hendes kollega: ***Tak.*** (Rejseholdet, сез. 4, сер. 1, 22:39)
  ‘Начальница спецотдела полиции: Я рада, что ты вернулся.
  Ее коллега: Спасибо’;
- сочувствие:
  Kim (den afdøde mors ven) *Må jeg kondolere?*
  Frederik: *Selvfølgelig.* ***Tak.***
  Kim: *Kim Halland. Jeg er formanden i Jakobsen-fondet.* (Arvingerne, сез. I, сер. 2, 41:51)
  ‘Ким (друг умершей матери): Позвольте принести соболезнования.
  Фредерик: Да, спасибо
  Ким: Ким Халланд. Председатель фонда Якобсена’;
- комплимент/похвала:
  Teenagepigen: *Jeg synes altså, du er ret god* (til matematik).
  Hendes klassekammerat: ***Tak.*** (Klassen, сез. 1, сер. 2, 1:09);
  ‘Девочка-подросток: А у тебя хорошо получается (решать примеры).
  Ее одноклассник: Спасибо’.

  Rejseholdets efterforsker: *Flot klaret.*
  Hans kollega: ***Tak.*** (Rejseholdet, сез. 4, сер. 2, 22:57)
  ‘Сотрудник спецотдела полиции: Отличная работа! (проведенный допрос)
  Его коллега: Спасибо’.

  Bror: *Det smager skidegodt.*
  Hans søster: ***Tak.*** (Arvingerne, сез. 1, сер. 3, 43:00).
  ‘Брат: Ну просто очень вкусно!
  Его сестра: Спасибо’.

3. РА благодарности как реакция на услугу. Прагматическая интенция состоит в том, чтобы показать, что услуга принимается и что высоко ценятся оказавший ее и сделанное им по отношению к говорящему. Данная группа отличается разнообразием интенсификаторов, подчеркивающих ценность оказанной услуги. Синтаксически РА благодарности оформляется, как правило, дополнением или придаточным:

Гость администратору гостиницы*: Vi er* ***taknemmelig for*** *at det overhovedet kunne lade sig gøre med så kort varsel,* ***tak*** (Rejseholdet, сез. 3, сер. 7, 01:10). ‘Мы очень благодарны за то, что вы смогли забронировать номер в такие сжатые сроки, спасибо’;

Жена брата просит отвезти племянника на футбол:
Solveig: *Emil, er det okay?*
Emil: *Ja, ja.*
Solveig: ***Tak. Du er en helt.*** (Arvingerne, сез. 1, сер. 5, 4:16);
'Солвейг: Эмиль, сможешь?
Эмиль: Да, конечно.
Солвейг: Спасибо. Ты просто герой!';

Адвокат о договоре передачи имущества:
Advokaten: *Det er ærligt og redeligt advokatarbejde.*
Signe: *Godt, Ole.* ***Tak for hjælpen***. (Arvingerne, сез. 1, сер. 4, 6:42);
'Адвокат: Юристы потрудились на славу.
Сигне: Отлично, Оле. Спасибо за помощь';

Advokaten: *Jeg er virkelig ked af, at jeg ikke kan hjælpe dig.*
Kunden: ***Tak, fordi du prøvede****. Hej.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 3, 30:02)
'Адвокат: Мне очень жаль, что не могу тебе помочь.
Клиентка: Все равно спасибо. Пока';

4. Этикетные формулы благодарности, которые характеризуются десемантизацией, превращаясь в формальный маркер вежливости, составляют особую группу. Как правило, они используются в формальной обстановке вместе со словами приветствия или в формальных и бытовых ситуациях в качестве знака завершения контакта:

- знак приветствия:
  Chefen for det lokale politi: *Goddag, velkommen*. (Håndtryk). *Velkommen*. (Håndtryk.)
  Rejseholdets efterforskere: ***Tak.***
  Chefen for det lokale politi: *Sid ned. Tak, fordi I kunne komme og havde tid og alt det der.* (Rejseholdet, сез. 4 , сер. 4, 08:05);
  'Начальник отдела полиции: Здравствуйте! Добро пожаловать! (Рукопожатие.) Добро пожаловать! (Рукопожатие.)
  Сотрудники спецотдела полиции: Спасибо.
  Начальник отдела полиции: Садитесь. Спасибо, что смогли приехать, что у вас нашлось время и все такое прочее';

  Хозяйка гостям, собравшимся, чтобы проститься с ее умершей матерью: ***Tak, fordi I alle sammen er kommet.*** *Det er vi utrolig glade for. Jeg vil starte med at give ordet til Thomas*. (Arvingerne, сез. 1, сер. 2, 26:41) 'Спасибо за то, что пришли. Мы очень рады. Сначала я хотела бы передать слово Томасу'.
- знак завершения контакта:
  Начальница спецотдела полиции в телефонном разговоре знакомой: ***Tak, fordi du ringede.*** *Hej, Mette.* (Rejseholdet, сез. 4, сер. 3, 43:44) 'Спасибо за звонок. Пока, Метте'.

Signe til kunderne i blomsterbutikken: *Så må I have en rigtig god dag.*
Kunderne: ***Tak, i lige måde.*** (Arvingerne, сез. 1, сер. 3, 37:09);
‘Сигне покупателям в цветочном магазине: Хорошего дня!
Покупатели: Спасибо, вам тоже’.

Подобные этикетные формулы благодарности могут вызвать затруднения в переводе на русский язык, так как они не носят в нем такого устойчивого, десемантизированного характера, как в датском, и поэтому оказываются неуместными в российском контексте. Например, интересна ситуация, описываемая в романе М. Папе «План», когда главный герой заходит с другом перекусить в кебабную и, уходя, благодарит за купленную еду (нужно добавить, что он рос в семье и окружении, где не придавали большое значение манерам):

Vi vasker vores hænder i den lille håndvask til venstre for kasseapparatet og ***siger tak for mad*** *til kurderen bag disken*. (Pape 2015, 383). ‘Мы моем руки в небольшой раковине налево от кассы и говорим спасибо стоящему за прилавком курду’.

Несмотря на то, что русский речевой этикет стремительно меняется и за последние годы произошел сдвиг в сторону европейского этикета, особенно в сфере обслуживания [Кронгауз 2013, 240; Северская 2018, 247], все еще довольно трудно представить в российском контексте, что продавца в забегаловке благодарят за съеденный кебаб или шаверму в качестве прощания.

5. Формулы благодарности в настойчивых просьбах, стоящие в конце предложения, составляют еще одну группу. В императивных высказываниях подобная благодарность «авансом» не оставляет собеседнику права выбора – совершать или не совершать указанное действие, – таким образом просьба превращается в приказ или требование.

Ситуация в супермаркете: *Videre i køen, eller åbn en ny kasse, tak!» råber en skinger stemme længere bagud* (Pape 2015, 499). ‘«Давайте шевелитесь там или откройте еще одну кассу, спасибо!» – раздается пронзительный голос где-то в конце очереди’.

В других случаях, когда волеизъявление сформулировано с использованием более вежливых конструкций, благодарность «авансом» придает более настойчивый характер просьбе:

Сотрудник спецотдела полиции надиктовывает просьбу на автоответчик: *Helene, du må meget gerne ringe, når du hører det her. Tak*. (Rejseholdet, сез. 4, сер. 3, 40:16). ’Хелена, перезвони мне, пожалуйста, когда это услышишь. Спасибо’.

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Речевой акт благодарности играет большую роль в датской лингвокультуре, в связи с чем датчане благодарят чаще, чем русские. Одним из основных мар-

керов вежливости в датском языке является слово *tak* ‘спасибо’, в котором совмещаются функции «спасибо» и «пожалуйста».

2. Благодарность может быть реакцией на предложение, внимание или услугу. Основным языковым средством для выражения благодарности является ясло-во *tak*, которое в различных ситуациях употребляется в сочетании с разного рода интенсификаторами. Особенным разнообразием отличаются интенсификаторы в случае, когда благодарность является реакцией на услугу, таким образом говорящий показывает, что высоко ценит сделанное для него слушающим. В формальной обстановке используются глагол *takke* ‘благодарить’ или оборот at *være taknemmelig for* ‘быть благодарным за’.
3. В некоторых коммуникативных ситуациях речевые формулы благодарности десемантизированы и являются формальным маркером вежливости или знаком завершения контакта.
4. Для датского языка характерен целый ряд устойчивых формул благодарности, которые активно используются в повседневной жизни в определенных коммуникативных ситуациях и не находят аналога в других языках.

V.3.5. Извинение

Извинение занимает важное место в культуре разных народов, являясь способом сгладить неловкую ситуацию и предотвратить возможный конфликт. Феномен извинения давно находится в фокусе внимания исследователей, которые рассматривают его с разных теоретических позиций. В теории речевых актов (РА) извинения рассматривают в группе бехабитивов (реакции на поведение других людей) [Austin 1975, 83] или экспрессивов [Серль 1986, 183]. В работах по лингвистической прагматике данный класс слов и выражений также, как правило, рассматривается среди экспрессивов, основная функция которых заключается в восстановлении гармонии между участниками общения [Leech 1983, 125]. Однако Р. Ратмайр относит извинения к перформативным РА, «перлокуция которых в случае их успеха состоит в предоставлении прощения; при этом в отличие от исполнения приказа, выбор перлокуции остается за адресатом» [Ратмайр 2003, 63]. Как указывает Т.В. Ларина, главное прагматическое значение РА извинения – заверить адресата в том, что с ним хотят поддерживать бесконфликтные отношения, поэтому данный РА также необходимо рассматривать в связи со стратегиями вежливости сближения, несмотря на то, что он связан с соблюдением дистанции, то есть со стратегиями дистанцирования [Ларина 2009, 347].

Целый ряд кросскультурных исследований свидетельствует о том, что феномен извинения имеет множество культурно-специфических особенностей [Плетнева 2007; Ратмайр 2003; Blum-Kulka, Olshtain 1984; Ogiermann 2009; Shardakova 2005]. При этом сравнительные исследования языков, принадлежащих к разным языковым семьям, обнаруживают заметные отличия в коммуникативном взаимодействии представителей разных культур, а также возможную несостоятельность самого термина РА. Так анализируя РА извинения в английском и японском язы-

ках, Е.А. Плетнева обращает внимание на ситуации, в которых формула извинения в японском одновременно используется для реализации РА извинения и благодарности. Исследователь приходит к выводу о том, что речь идет об отдельном типе РА, который не может быть проанализирован с точки зрения европейских систем координат, и ставит под сомнение вопрос об универсальности существующих классификаций РА [Плетнева 2007, 23].

Работы, посвященные феномену извинения в скандинавских языках, достаточно малочисленны [Awedyk 2011; Trosborg 1987] и, как правило, выполнены в русле социопрагматики с применением методики письменного завершения дискурса (Discourse Completion Test). Поскольку на реализацию РА извинений может влиять целый ряд прагматических факторов (сама ситуация общения, интонация, невербальные составляющие, возрастные, ролевые и статусные характеристики говорящих, характер их отношений, предшествующих общению, их психологический настрой и физиологическое состояние), в качестве материала для данного исследования, посвященного анализу извинений в датском языке, были использованы диалоги из современных датских сериалов, двух романов, содержащих большое количество диалогов, корпус датского языка (KorpusDK) и ряд интернет-источников.

Формулы извинения

Ситуация извинения предполагает некое предшествующее событие − совершенный проступок, который нанес ущерб собеседнику, в связи с чем говорящий испытывает вину и просит ее с него снять с помощью произнесения той или иной формулы извинения. Набор подобных формул вежливости обусловлен культурными особенностями общества, а также принятыми в нем нормами и правилами коммуникативного взаимодействия.

Многие специалисты отмечают, что в связи с всеобщим переходом на «ты» в конце 1960-х и выходом из употребления многих вежливых оборотов, изменился стиль поведения датчан, а хорошие манеры молодого поколения оставляют желать лучшего. Например, известная журналистка, писательница и сценаристка Л. Нёргор указывает на то, что вместо вежливого *undskyld* ‘извините’ из уст молодых людей нередко можно услышать просто *hov!* ‘ой!’ [Andersen 2014, 60]. Кроме этого, речевое поведение современных людей в целом характеризуется высоким уровнем агрессии, которая часто проявляется в социальных сетях и среди участников уличного движения. Это связано с рядом экстралингвистических процессов: с ускорением времени, многозадачностью, ростом объема получаемой информации, а также с тем, что целое поколение датчан выросло во времена, когда нормы поведения стали менее строгими, а традиционные христианские ценности утратили былое значение.

Несмотря на указанные тенденции, ситуации извинения по-прежнему играют большую роль в коммуникативном взаимодействии членов общества. В датском языке существует целый ряд форм для передачи РА извинения: *undskyld, jeg vil*

sige undskyld, det må du undskylde, det er jeg ked af, beklager, det er beklageligt, sorry, du må meget pardon, om forladelse, godt ord igen, bebe, klebager.

Основной формулой извинения в датском языке является слово **undskyld** ‘извини(те)/прости(те)’.

Датский толковый словарь (Den Danske Ordbog) выделяет следующие значения данного междометья:

1. используется как вежливая форма просьбы о прощении за какой-либо проступок;
   1.a. используется для исправления собственной оговорки;
2. используется как существительное среднего рода в выражениях извинения;
3. используется в качестве вежливого обращения (DDO).

Словарь разговорного датского языка (Ordbog over Dansk Talesprog) выделяет несколько другие значения, основываясь на функциональном подходе и рассматривая *undskyld* в качестве эмотивной леммы:

1. Используется в качестве извинения за прерывание собеседника (afbrydelse), связанное с физическим или вербальным вмешательством;
   1.1. Используется в качестве извинения за прерывание собеседника, связанное с непроизвольными физическими реакциями (кашель, чихание);
   1.2. Используется при переспрашивании для смягчения вопроса, часто, когда слушающий не расслышал или не понял сказанное говорящим;
2. Используется в качестве просьбы простить (tilgivelse) за слова или поступок, которые могут обидеть собеседника;
   2.1. Используется для смягчения высказывания (formildner), которое может вызвать дистанцирование слушающих;
3. Используется в качестве вежливого исправления оговорок (korrektion).
   3.1. Используется для извинения за неправильное понимание сказанного говорящим (misforståelse) (ODT).

Указанные значения *undskyld* свидетельствуют о том, что данная лексема может употребляться в качестве метакоммуникативных извинений, конвенциональных извинений и извинений по существу, т. е. носит универсальный характер.

Под метакоммуникативными извинениями Р. Ратмайр понимает такие высказывания, которые относятся не к экстралингвистическому поведению говорящего, а к самому высказыванию, то есть к нарушениям норм ведения разговора [Ратмайр 2003, 138]. Как правило, это вставные конструкции, включенные в более сложное высказывание, которые не требуют никакой реакции адресата. Данная категория извинений может быть связана с нарушением постулата согласия (критика, возражение, отказ), нарушением постулата качества (оговорки, неточности), нарушением постулата количества (повторы), нарушением постулата способа (сбивчиво, громко, грубо), нарушением организации диалога и дискурсного этикета (требование не перебивать говорящего, отвечать на вопросы). Среди отобранного материала были выявлены метакоммуникативные извинения, связанные с нарушением постулата такта (вербальное вторжение в личную сферу) (1) и с обращением к незнакомым людям, вводящее в ситуацию просьбы (2):

(1) Гро сводной сестре*:* ***Undskyld*** *jeg blander mig, men har Emil bedt om at låne penge?* (Arvingerne, сез. 1, сер. 9, 47:14) ‘Извини, что вмешиваюсь, но Эмиль что − попросил у тебя в долг деньги?’;

(2) ***Undskyld,*** *unge mand. Jeg har så få varer. Må jeg ikke nok få en forlomme i køen?* (P., s. 498) ‘Извините, молодой человек. У меня совсем мало покупок. Можно я встану в очередь перед вами?’.

Конвенциональные извинения употребляются в связи с незначительными нарушениями этикета и могут состоять из одной минимальной формулы извинения или дополняться расширениями [Ратмайр 2003, 159]. Эта категория извинений свидетельствует о нарушении социальных норм и этикета, принятых в данной культуре, поэтому ситуации извинений наглядно показывают, какие именно действия расцениваются как неприличное поведение. В датской культуре неприлично опаздывать (3), беспокоить людей, особенно в неподходящее время (4, 5), заставлять людей ждать (6) или прерывать запланированную встречу (7), а также не выключать звук мобильного телефона во время встречи, заседания и т. д. (8).

(3) Андреас своей девушке: *Hej*. ***Undskyld****, jeg kommer lidt sent*. (Arvingerne, сез. 1, сер. 5, 40:49) ‘Привет. Извини, что немного задержался’

(4) Адвокат, звоня коллеге: *Hej, det er mig.* ***Undskyld*** *jeg ringer så sent*. (Arvingerne, сез. 1, сер. 6, 30:17) ‘Привет, это я. Извини, что так поздно’.

(5) Полицейский, стуча в дверь обсерватории: ***Undskyld*** *forstyrrelsen. Jeg kommer angående en anmeldelse*. (Julestjerner, сер. 15, 14:36) ‘Извините за беспокойство. Я по поводу одного заявления’.

(6) Полицейский коллегам: ***Undskyld,*** *jeg måtte lade jer vente.* (Rejseholdet, сер. 25, 11:58) ‘Простите, что заставил вас ждать’.

(7) Хозяйка собравшимся: ***Undskyld mig*** *lige et øjeblik*. (Arvingerne, сез. 1, сер. 5, 25:37) ‘Простите, я на минутку (отлучусь)’.

(8) Эмиль в зале суда (его мобильный телефон звонит во время заседания): *Fuck.* ***Undskyld, undskyld. Sorry****.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 7, 43:13) ‘Черт, простите, извините. Сорри’.

Кроме этого, у датчан не принято бурно выражать эмоции (9) и проявлять недостаточное внимание к слушающему. Например, извинения требуют ситуации, когда говорящий не узнает собеседника (10, 11).

(9) Сотрудница спецотдела полиции по телефону начальнице: *Han (morderen) boede på værelset lige ved siden af mig. (begynder at græde)* ***Undskyld.*** (Rejseholdet, сер. 30, 10:43) ‘Он (убийца) жил прямо в соседнем номере. (плачет) Извини’.

(10) Начальница спецотдела полиции звонит домой и не узнает по голосу сына: ***Undskyld****, hvem taler jeg med?* (Rejseholdet, сер. 30, 09:05) ‘Извините, с кем я говорю?’

(11) Signe: ***Undskyld****, er det dig, der er Thomas?*
Thomas: *Kom lige ind og luk døren*.

Signe: *Veronika er kommet på hospitalet.*
Thomas: *Hvad? Hvad er der sket?*
Signe: *Hun er faldet om.*
'Thomas: ***Undskyld,*** *hvem er du?* (Arvingerne, сез. 1, сер. 1, 35:46)
Сигне: Извините, это вы Томас?
Томас: Заходи и закрой дверь.
Сигне: Веронику отвезли в больницу.
Томас: Что? Что случилось?
Сигне: Ей стало плохо.
Томас: Извини, а ты кто?'

Иногда подобные извинения сопровождаются объяснениями, которые частично снимают вину с говорящего, когда речь идет о непредвиденных обстоятельствах (12).

(12) Полицейский коллегам: ***Undskyld,*** *jeg havde et møde med en journalist*. (Rejseholdet, сер. 27, 16:48) 'Извините (за опоздание), у меня была встреча с журналистом'.

Кроме *undskyld*, конвенциональные извинения могут быть выражены формулой **du må undskylde** (13, 14), придающую им бóльшую настойчивость, или оборотом **at have nogen undskyldt**, который часто используется для завершения коммуникативной ситуации, предваряя прощание (15), (16).

(13) Гро коллеге: *Jeg havde et møde, der trak ud.* ***Det må du undskylde****.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 4, 42:04) 'У меня одна встреча затянулась. Извини, пожалуйста (за опоздание)';

(14) Сигне своему адвокату: ***Du må undskylde,*** *at vi er her lidt tidligt*. (Arvingerne, сез. 1, сер. 6, 02:13) 'Мы чуть-чуть пораньше пришли, извините, пожалуйста'.

(15) Профессор подросткам: *Der er stadig gang i meteorstormen, så* ***hvis I vil have os undskyldt****. Tak for besøget. I er altid velkomne en anden gang.* (Julestjerner, сер. 17, 05:56) 'Метеорный поток все еще активен, так что прошу нас простить. Спасибо, что заглянули. Будем рады видеть в другой раз'.

(16) Отец Боба знакомой: *Nu* ***må du have mig undskyldt****, Vera. Jeg har travlt. Jeg skal beskæftige mig med det du kalder "humbug". Farvel.* (Julestjerner, сер. 16, 09:11) 'А теперь прошу меня извинить, Вера. Я занят. Занимаюсь тем, что вы называете «шарлатанством». До свидания'.

Извинения по существу предполагают ситуацию, когда собеседник обижен или рассержен, или у говорящего есть повод этого опасаться в связи с совершенным поступком [Ратмайр 2003, 179]. Вербальная реакция слушающего может быть разнообразной, а само извинение в определенных ситуациях – отклонено. Причиной подобных извинений могут быть телесные повреждения (17), оскорбления, грубости, неуместные слова (18), нарушение договоренности (19) или нанесение материального ущерба собеседнику (20):

(17) Андреас сильно попадает гандбольным мячом в ногу своей девушки, стоящей на воротах: ***Undskyld!*** *Nej, nej.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 3, 01:44) ‘Прости! О нет, нет’.

(18) Politikommissær: *Jeg forstår, at Torben Riis har begået selvmord.*
Politiinspektør: *Ja.*
Politikommissær: *Det er jo glimrende.*
Rejseholdets drabschef: *Hvad for noget?*
Politikommissær: ***Undskyld.*** *Det var et uheldigt ordvalg.*(Rejseholdet, сез. 4, сер. 2, 01:12:10)
‘Комиссар полиции: Как я понимаю, Торбен Риис совершил самоубийство.
Инспектор полиции: Да.
Комиссар полиции: Но это ведь отлично.
Начальница спецотдела полиции: Что?
Комиссар полиции: Извините. Неудачная формулировка’.

(19) Robert: *Kan du huske, hvad du sagde til mig i går?*
Gro: *Nej, jeg var fuld og træt.*
Rovert*: Du sagde, du elskede mig.*
Gro: *Ja,* ***undskyld.*** *Det ved jeg godt.* ***Undskyld.*** *Du har Claudia. Vi har en aftale. Det er fint.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 4, 51:35)
‘Роберт, любовник Гро: Помнишь, что вчера мне сказала?
Гро: Нет, я устала и была пьяна.
Роберт*:* Ты сказала, что любишь меня.
Гро: Да, извини. Я знаю. Извини. У тебя есть Клаудиа. У нас договоренность. Все нормально’.

(20) Hannah til sin farbror, som har taget hendes T-shirt på: *Du udvider den megameget.*
Эмиль: ***Undskyld.*** *Jeg tager den af om lidt. Den er bare så fed.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 5, 04:22)
‘Ханна своему дяде, который надел ее футболку: Ты ее ужасно растянешь.
Эмиль: Прости. Сейчас сниму. Просто она такая суперская’.

Интенсивность извинения зависит от тяжести вины, степени знакомства и близости собеседников, желания говорящего сохранить хорошие отношения, а также в целом от особенностей языковой личности. Извинения по существу могут быть осложнены повтором (19, 21), объяснением или оправданием (22, 23), обещанием исправить нанесенный ущерб (20), признанием своего проступка (21, 24) или сопровождаться обращением по имени (22), которое придает разговору более интимный характер.

(21) Эмиль брату: *Jeg ved ikke, hvad han kan finde på, hvis jeg ikke betaler ham tilbage snart.* ***Undskyld,*** *mand.* ***Undskyld****. Jeg ved godt, jeg er et kæmpe kvaj, mand.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 7, 36:54) ‘Я не знаю, что он

предпримет, если в ближайшее время не заплачу ему. Ну извини меня. Прости. Я ужасный идиот, знаю-знаю' (хлопает себя по лбу)

(22) Emil til sin halvsøster Signe: *Gider du ikke lige give en hånd med ude i haven?*
Signe: *Er det ikke muligt lige at få fred to minutter i det her hus? Det er utroligt*.
Emil: *Jo, selvfølgelig*.
Signe: ***Undskyld, Emil,*** *det var ikke sådan ment.* ***Jeg har brug for at tænke lidt***. (Arvingerne, сез. 3, сер. 9, 16:41)
'Эмиль сводной сестре: Не поможешь нам в саду?
Сигне: А нельзя ли в этом доме на пару минут остаться одной? Просто невероятно.
Эмиль: Да, конечно.
Сигне: Извини, Эмиль, я не это имела в виду. Просто мне нужно немножко подумать'.

(23) Rejseholdets efterforsker: *Støvsuger du her hver dag?*
Rengøringskonen: *Jo, det ved Gud i himlen jeg gør.*
Rejseholdets efterforsker: *Ja,* ***undskyld*** *jeg spørger,* ***det er ikke fordi man kan se det****.* (Rejseholdet, сер. 25, 16:21)
'Rejseholdets efterforsker: Вы здесь каждый день пылесосите?
Rengøringskonen: Да, Бог видит каждый день.
Rejseholdets efterforsker: Извините, что спрашиваю, это не потому, что уборки не видно'.

(24) Gro til sin bror Emil: *Du har fået 4 millioner kroner allerede og du har ikke sagt en skid.*
Emil: *Nej, og det skulle jeg have gjort.* ***Undskyld****.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 9, 22:34)
'Гро брату: Ты уже получил 4 миллиона крон, и ни фига об этом не сказал.
Эмиль: Да, нужно было сказать. Прости'.

Настойчивость извинению придает выражение с модальным глаголом ***må*** (н. в. от måtte 'мочь'), которое часто сочетается с интенсификатором *virkelig* 'действительно' (25, 26).

(25) Амалия однокласснику: *Jeg bliver nødt til at aflyse vores aftale i dag. Jeg havde fuldstændig glemt jeg havde en aftale med min kæreste.* ***Det må du virkelig undskylde****.* (Kl. сез. 1, сер. 2, 7:49) 'С нашей встречей сегодня ничего не получится. Я совсем забыла, что договорилась со своим парнем. Извини меня, пожалуйста'.

(26) Секретарь входит в конференц-зал, где начальство смотрит новый рекламный ролик компании.
Chefen: *Hvad er det, Eva?*
Sekretæren: ***Det må du virkelig undskylde****. Hvis jeg havde vidst at I var midt i, så havde jeg ventet.* (Lykke, сез. 1, сер. 1, 09:47)

‘Начальница: Что такое Ева?

Секретарь: Извините, пожалуйста. Если бы я знала, что вы как раз сейчас смотрите, я бы подождала’

В том случае, если поступок и извинение отдалены друг от друга во времени, часто используется формула **jeg vil gerne sige undskyld** (27, 28).

(27) Сигне приходит на ферму к соседу: ***Jeg vil gerne sige undskyld****. Skal vi ikke lade være med at modarbejde hinanden?* (Arvingerne, сез. 3, сер. 8, 06:42) ‘Я хотела бы извиниться. Может нам перестать друг другу палки в колеса вставлять?’;

(28) Фредерик встречает жену после работы: ***Jeg vil bare sige undskyld til dig****.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 10, 51:50) ‘Я хочу просто извиниться перед тобой’.

Формулы извинения с однокоренным глаголом ***jeg undskylder*** ’я прошу прощения’, ***jeg vil undskylde*** ‘я хочу попросить прощения’**,** ***jeg vil gerne undskylde*** ‘я хотел бы попросить прощения’ употребляются, как правило, в письменном дискурсе или публичных извинениях, не предполагающих непосредственной реакции адресата. Подобных примеров на материале сериалов зафиксировано не было, однако обращает на себя внимание аналитическое утяжеление показателей извинений в письменном коммуникации, когда собеседники разделены пространством и временем, а также более обширной горизонтальной дистанцией, требующей использования более нюансированных формул вежливости.

Оборот **jeg er ked af** ‘мне жаль’ часто встречается в разговорной речи, публичных выступлениях и письменной коммуникации и сочетается с интенсификаторами *meget* ‘очень’, *virkelig* ‘действительно’*, rigtig* ‘по-настоящему’ и *simpelthen så* ‘просто очень’. Он используется для выражения сочувствия (29), извинения за другого человека (30), признания собственной вины (31) или попытки дистанцироваться от ситуации, снимая с себя ответственность (32).

(29) Профессор подростку, узнав о его пропавшей матери: ***Det er jeg meget ked af at høre****, Bob.* (Julestjerner сер. 17, 05:44) ‘Мне очень жаль, Боб’.

(30) Фредерик сводной сестре после драки у нее в гостях: ***Jeg er ked af min søsters opførsel****. Du har gjort det så fint. Jeg vil gerne betale skaderne.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 4, 39:52) ‘Мне жаль, что сестра повела себя подобным образом. Ты так все прекрасно устроила. Я хочу заплатить за причиненный ущерб’;

(31) Сигне сводному брату: ***Jeg er virkelig ked af,*** *jeg kom til at sige det med jeres far i retten. Jeg blev så hidsig.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 8, 14:49) ‘Мне очень жаль, что я сказала так о вашем отце в суде. Я ужасно распсиховалась’.

(32) Гро собравшимся коллегам: *Museet kan ikke blive til noget. Der er kommet nye oplysninger frem, som betyder, at det ikke kan lade sig gøre.* ***Jeg er virkelig ked af det****.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 5, 28:26) ‘Проект с музеем не может быть реализован. Появились новые данные, которые свидетельствуют о невозможности осуществить проект. Мне очень жаль’.

Схожей функцией дистанцирования от сложившейся неприятной ситуации обладают формулы **jeg beklager** (33) и **det er beklageligt** (34). В подобных случаях говорящий не сожалеет о своем поступке, а проявляет понимание того, что совершенное действие может причинить ущерб другим людям. Среди интенсификаторов, которые сочетаются с данными формулами, фиксируются наречия *virkelig*‘действительно’ и *dybt* ‘глубоко’.

(33) Ким спонсору после того, как Гро объявила о том, что проект музея не может быть реализован: *Jeg **beklager virkelig. Det gør jeg**. Jeg troede, Gro var seriøs.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 5, 29:26) ‘Мне очень жаль, действительно. Я думал, у Гро серьезные намерения’.

(34) Ответ железнодорожной компании на письмо клиента: *Jeg er enig med Dem i, at informationen til vores kunder er vigtig, og især ved uregelmæssigheder. **Det er derfor beklageligt,** at De og vores øvrige passagerer ikke fik den information, som vores kunder naturligt kunne forvente*. (KorpusDK) ‘Мы согласны с Вами в том, что важно информировать наших клиентов, особенно в отношении изменений в расписании. Поэтому очень жаль, что Вы и другие пассажиры не получили той информации, на которую наши клиенты в праве рассчитывать’.

Кроме этого, подобные формулы в большей степени характерны для письменной коммуникации (34) и общения в официальной обстановке (35, 36).

(35) Полицейский коллеге из другого отдела о внутреннем расследовании: ***Jeg beklager ulejligheden***. (Rejseholdet, сер. 27, 34:56) ‘Прошу прощения за неудобство’.

(36) Полицейские родителям пропавшей девочки: *Mange tak. Vi har hørt det, vi skulle. **Beklager forstyrrelsen***. «Большое спасибо. Мы выяснили, что необходимо. Простите за вторжение»[18]. (KM, s. 79)

Среди заимствованных лексем самой распространенной является **sorry**. Как отмечает Й. Лунд, если кто-то нечаянно задел прохожего, можно извиниться, сказав *sorry*, но, если этот человек упал, уже не обойтись без *undskyld* [Lund 2016, 148]. *Sorry* может быть использовано в качестве обращения, в конвенциональных извинениях за незначительные нарушения этикета и в качестве аналога *jeg beklager* (37).

(37) Охранник перед дискотекой группе подростков: «*I kommer ikke ind, drenge. **Sorry**,” siger det store brød af en securityvagt <…> Det er ikke en fest for jer. **Jeg beklager**. Godt nytår* (Pl., s. 495) ‘Вам сюда нельзя, парни. Сорри», – говорит громила-охранник <…> Эта вечеринка не для вас. Сожалею. С новым годом’.

Остальные выражения извинения не зафиксированы в собранном материале, но занесены в толковый словарь (DDO) и встречаются в KorpusDK (KorpusDK), хотя и в довольно малочисленном количестве. Среди них устаревшее *om forladelse*

[18] Пер. А.Н. Чеканского. Свейструп, С. (2019) *Каштановый человечек*. М.: Эксмо, 480 с.

‘прошу прощения’, характерное для детской речи *bebe* (от глагола bede ‘просить’), устойчивое выражение *godt ord igen* (рус. ‘ну что – мир?’) и шутливо-ироничные *du må meget pardon* (рус. ‘вы уж меня пардоньте’) и *klebager* (вместо *beklager*).

Публичные извинения

В датском публичном пространстве все чаще звучат извинения со стороны политиков и других известных личностей, а в 2013 г. *undskyld* стало в связи с этим словом года. Насколько публичные извинения можно считать искренними, вопрос довольно спорный, ведь у них есть свои мотивы и политические цели. В этой связи любопытна критика бывшего премьер-министра Л. Лёкке Расмуссена, который неоднократно извинялся в 2013 г. за слишком дорогие авиаперелеты. Критика основывалась на использовании Расмуссеном формул *jeg er ked af, jeg beklager*, которые были восприняты как формальные извинения, не предполагающие признания своей вины. Как выразилась специалист по риторике из Копенгагенского университета: «Расмуссен сожалел 45 раз, но ни разу не сказал «извините» [Nielsen 2013, URL]. Со времен другого премьер-министра П. Нюрупа Расмуссена публичные извинения стали использоваться политиками как стратегия для завершения неприятной дискуссии во избежание появления новых нелицеприятных подробностей, которые могут обнаружить журналисты.

Особый феномен представляют официальные извинения государства – в новейшей истории Дании их было три [Brandt, Eller 2019, URL]:

1. В 1999 г. П. Нюруп Расмуссен в совместном заявлении с премьер-министром Гренландии Й. Мотцфелдтом принес извинения за насильственное переселение жителей г. Туле в Гренландии из-за строительства американской военной базы:
   I Rigsfællesskabets ånd og med respekt for Grønland og Thules befolkning, ***vil*** *regeringen på den danske stats vegne* ***overbringe en undskyldning*** *– utoqqatserpugut – til Inughuit, Thules befolkning og til hele Grønland for den måde, hvorpå beslutningen om flytningen blev truffet og gennemført i 1953.*
   ‘В соответствии с принципами Соединенного Королевства и из уважения к населению Гренландии и Туле правительство от имени датского государства приносит извинения – *utoqqatserpugut* – инуитам, населению Туле и всей Гренландии за то, как было принято и реализовано решение о переселении в 1953 г.’;
2. В 2005 г. премьер-министр А. Фог Расмуссен извинялся за отказ принимать немецких беженцев во время оккупации 1940-1945 гг.
   Jeg ***vil*** *derfor* ***gerne*** *<…> på regeringens og dermed den danske stats vegne* ***beklage og undskylde*** *disse handlinger*. ’Поэтому я хотел бы <…> от имени правительства и датского государства выразить сожаление и извиниться за эти действия’;
3. В 2019 г. премьер-министр М. Фредериксен извинялась перед воспитанниками детского дома «Годхавн», которые в 1960-ые гг. подвергались унижениям и насилию.

*På vegne af vores fortid, vores nutid og vores fælles fremtid – **vil** jeg se jer i øjnene, hver og en, og **sige** jer **undskyld** for den uret, der er gjort imod jer og jeres kære. For dem, der er her, for dem, der var, og for dem, der også følger efter. På vegne af Danmark, **undskyld**.* ‘От имени нашего прошлого, настоящего и общего будущего − я хочу взглянуть вам всем в глаза и попросить прощение за ту несправедливость, которая была совершена по отношению к вам и вашим близким. [Простите] те, кто здесь, кто ушел и кто придет. От имени Дании – простите’.

В указанных примерах выбор формул извинения зависит от цели и жанра публичного извинения. В первом случае оно носит характер сатисфакции, сформулировано в письменном виде с использованием формального выражения *overbringe en undskyldning* и преследует целью поставить точку в судебном процессе, начатом жертвами насильственного переселения против датского государства. Во втором случае извинения произнесены в устной форме на церемонии в Мемориальном парке в Копенгагене, где не присутствовал никто из беженцев или их родственников. Таким образом, само извинение предназначалось не столько указанной группе людей, сколько всему датскому населению. В контексте участия Дании в иракской войне данное заявление было использовано Фогом Расмуссеном в качестве стратегии убеждения в необходимости морального выбора [Schirrer, Jensen, Segal, Jønsson 2019, 10]. Само извинение сформулировано с использованием глаголов *beklage* и *undskylde* и носит формальный характер. В третьем случае М. Фредериксен произносила прочувствованную речь в своей резиденции Мариенборг в присутствии людей, кому эта речь предназначалась. За счет использования *undskyld* и *sige undskyld*, а также риторического приема градации данное извинение выглядит наиболее искренним.

В последнее время в датском публичном пространстве было произнесено множество других извинений. В 2019 г. Датский банк (Danske Bank) извинялся перед клиентами за обнаруженное отмывание денег:

*Vi forstår spørgsmålstegnet ved vores troværdighed. Vi forstår vreden, og vi forstår, at vi bliver nødt til at forklare os og **sige undskyld rigtigt højt** til den almene befolkning* (Singh Kailay, Olsen 2019, URL). ‘Мы понимаем, что доверие к нам теперь под вопросом. Мы понимаем гнев, и отдаем себе отчет в том, что необходимо дать разъяснения и во всеуслышание извиниться перед гражданами’.

В 2020 г. Данию накрыла вторая волна движения #Me Too, многие политики приносили извинения оскорбленным женщинам, а некоторые вынуждены были уйти с занимаемых постов.

Например, министр иностранных дел Й. Кофод извинялся за сексуальную связь в 2008 г. с несовершеннолетней:

*Det er en sag, jeg **har fortrudt** så mange gange. Jeg **fortrød** den dengang og **tog det fulde ansvar.** Jeg ved godt, det **ikke er nok at undskylde**. Jeg ville ønske, at jeg kunne lave det om. Det eneste, jeg kan gøre, er **at angre*** (Ritzau 17.09.2020,

URL). ‘Я сожалел о случившемся много раз. Сожалел тогда и взял на себя всю ответственность. Я знаю, что извинений недостаточно. Я хотел бы иметь возможность все исправить. Единственно, что могу сделать сейчас − это раскаяться’.

Глава Социал-либеральной партии (Det Radikale Venstre) М. Эстергор также приносил извинения на своей странице в Facebook за сексуальные домогательства во время вечеринок:

*Jeg **undskylder** til de pågældende, hvilket jeg aldrig har haft lejlighed til. Jeg beder om, at man respekterer deres ret til privatliv og fortrolighed. Jeg **undskylder** overfor mine kolleger og mit parti <…> Og **jeg beklager dybt,** at jeg har svigtet tilliden hos mange mennesker* (Ritzau 09.10.2020, URL). ‘Я приношу извинения тем, перед кем не имел возможности извиниться. Я прошу уважать их право на частную жизнь и конфиденциальность. Я приношу извинения своим коллегам и своей партии. <…> И мне очень жаль, что я не оправдал доверие многих людей’.

Мэр Копенгагена Ф. Йенсен также приносил извинения в Facebook по схожему поводу:

*Jeg skriver til jer for at sige, at **jeg er forfærdelig ked af,** at der har været episoder, hvor kvinder har følt sig krænket af min opførsel. Det vil jeg først og fremmest **sige undskyld for*** (Ritzau 16.10.2020, URL). ’Я пишу вам, чтобы сказать, насколько мне жаль, что были случаи, когда мое поведение наносило оскорбление женщинам. В первую очередь я хочу за это извиниться’.

В указанных письменных публичных извинениях, в которых используются такие риторические приемы как анафора и повторы, присутствует тот же набор формул, что и в собранном материале. В отличие от извинений от имени государства указанные извинения в большей мере нацелены на убеждение в своей искренности для восстановления утраченного доверия и репутации. В языковом плане интересно использование М. Эстергором глагола *undskylde* в значении не «извинять, прощать», а «извиняться», что является довольно новой тенденцией в датском языке [Lund 2008, 2–3].

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Извинения обусловлены культурно-специфическими особенностями и играют большую роль в коммуникативном взаимодействии людей любой общности. Для датчан, ценящих естественность, равенство и прямолинейность, самым искренним словом для признания своей вины и принятия ответственности за проступок является слово *undskyld* или выражения с однокоренным глаголом;
2. Характерное для датского менталитета избегание конфликтов и стремление к консенсусу приводит к тому, что датчане в основном не скупятся на извинения. Самой распространенной формулой является *undskyld,* которая используется в метаязыковых извинениях, конвенциональных извинениях и в извине-

ниях по существу. Конвенциональные извинения свидетельствуют о принятых в обществе этикетных нормах поведения. Извинения по существу могут сопровождаться объяснениями и оправданиями, которые способствуют снятию вины с говорящего. Основное прагматическое значение подобных извинений состоит в поддержании безконфликтных, гармоничных отношений с собеседником, т.е. употребление данной речевой формулы извинения является одним из способов реализации вежливости сближения.

3. Выражения *jeg er ked af, jeg beklager, det er beklageligt* часто используются в официальной обстановке, письменной коммуникации и публичных извинениях в качестве стратегии дистанцирования, когда говорящий снимает с себя ответственность за совершенное действие. Если употребление речевой формулы *undskyld* – это искреннее раскаяние и желание изменить свое поведение, то формулы сожаления – это скорее выражение сочувствия и вежливое поведение, направленные на восстановления социального равновесия.
4. В публичных извинениях от имени государства важную роль играет тип общения (массовое, публичное, групповое) и политические цели, которые обуславливают коммуникативные стратегии. Публичные извинения со стороны известных личностей и организаций в большей мере нацелены на убеждение в их искренности для восстановления утраченного доверия и репутации. Они построены с использованием особых риторических приемов, а также формул извинения, которые характерны для разговорной речи.
5. В ракурсе антропоцентрической проблематики нашего исследования обращает на себя внимание аналитическое утяжеление показателей извинений в письменной коммуникации и публичных извинениях. Нанизывание модальных показателей, используемых в общении собеседников, которые разделены обширной горизонтальной дистанцией, прослеживается в таких примерах, как: *undskyld*, *jeg undskylder, jeg* ***vil*** *undskylde, jeg* ***vil gerne*** *undskylde, jeg* ***vil gerne sige*** *undskyld, det* ***må*** *du* ***virkelig undskylde***.

V.3.6. Комплимент, похвала и лесть

Комплимент, похвала и лесть в датской культуре

В связи с возросшим интересом к межличностной и межкультурной коммуникации похвала, комплимент и лесть все чаще находятся в фокусе внимания лингвистов и психологов [Леонтьев 1999, Мудрова 2007, Галимова 2009, Горобец 2010, Лукьянченко 2016, Высоцкая 2018, Hellesøe Nielsen 2018]. С точки зрения антропоцентрической лингвистики, феномены похвалы, лести и комплимента обычно рассматриваются как эмоциональные концепты [Леонтьев 1999, 7], а в теории РА их относят к экспрессивным речевым актам [Серль, Вандервекен 1986, 255], в которых говорящий выражает свои чувства и отношение к происходящему. Т.В. Ларина указывает, что подобные высказывания связаны с вежливостью сближения, направленной на сокращение дистанции между собеседниками, на сотруд-

ничество, взаимопонимание и удовлетворение желания каждого быть замеченным, понятым и услышанным [Ларина 2009, 308, 323]. Вежливость сближения (позитивная вежливость) играет большую роль в человеческом общении, ведь потребность в теплоте, взаимном участии, эмоциональной поддержке относится к базовым инстинктам, которые управляют нашим поведением. Однако в разных культурах данные речевые акты обладают особенностями и отражают определенные культурные ценности.

Психологи и социологи отмечают, что датчане в целом скупы на комплименты, что, по их мнению, объясняется влиянием идей Н.Ф.С. Грундтвига, значимостью такой ценности как равенство, а также негласным законом Янте, предписывающим не выделяться на общем фоне [www.alt.dk, URL]. (см. стр. 316 V.2.2)

Безусловно, умение говорить и принимать комплименты/похвалу в целом связано со стилем общения, принятым в том или ином обществе. Как указывалось выше, переход на «ты» в конце 1960-х гг. оказал влияние на манеру поведения датчан и привел к той неформальности в общении, которая многим иностранцам кажется слишком прямолинейной. Датский стиль коммуникации, характеризующийся естественностью и прямолинейностью, прежде всего обусловлен такой культурной ценностью как равенство. Кроме этого, свойственная датчанам социальная сплоченность, которая основывается на ощущении того, что все одна семья, где все друг другу доверяют, и поэтому чувствуют себя защищенными, по-видимому, не способствует развитию искусства комплимента. В этом отношении борьба за равноправие полов, начавшаяся с конца XX в., также не прошла бесследно и привела к утрате галантности со стороны датских мужчин [Steno 2011, 63]. Мужчины все реже и реже делают комплименты, а движение #MeToo еще в большей степени сдерживает проявления знаков внимания по отношению к женщинам. По мнению бывшего министра иммиграции и интеграции Ингер Стойберг, обычные комплименты в адрес женщины теперь могут быть восприняты как проявление сексизма, что, конечно, не способствует возрождению былой галантности: Det er simpelthen for langt ude, når vi ser eksempler på, at selv helt uskyldige komplimenter om en kvindes udseende kan blive udlagt som sexisme. Der har i medierne været eksempler på politikere, der har følt sig krænket over at få at vide, at de er pæne. Altså hvad der efter min mening bør opfattes som et godt gammeldags kompliment (Ritzau 21.09.2020, URL) ‘Это ни в какие ворота не лезет, когда мы видим примеры тому, что совершенно невинные комплименты о внешности женщин выставляют как проявление сексизма. В СМИ некоторые политики заявляли о том, что чувствуют себя оскорбленными, когда им говорят, что они хорошо выглядят. По-моему, это просто хороший, старомодный комплимент’.

Проблема разграничения комплимента, похвалы и лести

В данном исследовании на примере современных датских телесериалов делается попытка выявить социокультурные и лексико-грамматические особенности

высказываний похвалы, комплемента и лести. В датском толковом словаре (DDO) указываются следующие дефиниции:

Ros – positiv og anerkendende bemærkning eller omtale ‘положительное и одобрительное замечание или отзыв’;

Kompliment (fra fransk *compliment*) **–** rosende eller smigrende bemærkning rettet til en person, evt. i form af en høflighedsfrase; udtryk for anerkendelse ‘похвала или лестное замечание по отношению к кому-либо, иногда в форме этикетной фразы; выражение одобрения’;

Smiger – smigrende bemærkninger, typisk sagt fordi man vil indynde sig eller opnå noget ‘лестные замечания, как правило, сказанные с целью снискать чьего-либо расположения или чего-то добиться’.

Следует отметить, что граница между данными понятиями проводится не всегда очень чётко. При разграничении комплимента, похвалы и лести важную роль играет коммуникативная цель адресанта. Основная цель похвалы – дать положительную оценку личных качеств, достижений и умений адресата, поэтому чтобы получить похвалу, нужно совершить некий поступок, проявив себя с положительной стороны:

Начальник подчиненной: *Det er en **flot** artikel du har lavet*. (Lykke, сез. 1, сер. 5, 46:58) ‘Ты написала прекрасный материал’.

Санитар мальчику-подростку: *Det er **rigtig godt,** at du taler til din morfar*. (Theo, сер. 4, 7:33) ‘Здорово, что ты разговариваешь с дедушкой’ (который лежит в коме)

Комплимент также связан с выражением положительной оценки адресата, однако в отличие от похвалы целью комплимента является демонстрация симпатии к адресату с расчётом на ответное расположение [Горобец 2010, 77]:

Дочь отцу: *Nej, hvor er det en **fin** skjorte*. (Arvingerne, сез. 1, сер. 5, 16:20) ‘Какая у тебя красивая рубашка’.

Пасынок отчиму: *Du ser **godt** ud*. (Arvingerne, сез. 1, сер. 2, 17:39) ‘Хорошо выглядишь’.

Как отмечает О.Б. Горобец, комплимент может быть успешно реализован только в ситуации прямого межличностного контакта, тогда как похвала может быть выражена как в присутствии, так и в отсутствии адресата, при этом ценность похвалы не умаляется, так как подразумевается, что в похвале, в отличие от комплимента, выражается объективная оценка какого-либо факта [Горобец 2010, 76]. Например, секретарь, искренне восхищаясь бывшей начальницей, говорит коллегам:

*Ved I hvem jeg lige har set? Charlotte. Jeg kunne næsten ikke kende hende. **Hun lignede bare en million. Simpelthen så elegant.*** (Lykke, сез. 1, сер. 6, 17:10) ‘Знаете, кого я только что видела? Шарлотту. Роскошно выглядит. Такая элегантная!’

В отличие от высказываний похвалы, в высказываниях лести адресант всегда неискренен и, имея корыстные цели, преувеличивает заслуги адресата. Например,

подчиненная произносит следующий тост в честь начальника, добиваясь повышения, хотя прекрасно понимает, что сама гораздо талантливее него:

Jeg vil gerne skåle for Flemming. Jeg vil gerne takke Flemming for alt det han har lært mig. Din måde at styre afdelingen på, den er ***forbilledlig.*** (Lykke, сез. 1, сер. 2, 37:50) 'Я бы хотела поднять тост за Флемминга. Я хотела бы его поблагодарить за все, чему он меня научил. Он руководит отделением просто образцово!'

В высказываниях похвалы, комплимента и лести в датском языке чаще всего используются прилагательные с положительной оценочной коннотацией, усиливающие эмоциональность высказываний: *fascinerende, fantastisk, imponerende, guddommelig, fin, god, flot, skøn, pæn, køn, yndig, charmerende, lækker, pragtfuld*.

Анализ отобранного материала показал, что высказывания комплимента в основном касаются внешности адресата:

Знакомый подруге: *Hej, Maja. Hvor var det en* ***god*** *ide. Hvordan går det? Nej! Se på dig. Du ser* ***guddommelig*** *ud.* (Lykke, сез. 1, сер. 6, 54:04) 'Привет, Мая. Какая хорошая идея (вместе поужинать в ресторане). Как дела? Нет, вы только на нее посмотрите! Выглядишь просто божественно!'

Соседка соседу: *Håret. Det* ***klæder dig.*** (Lykke, сез. 2, сер. 1, 42:00) 'Новая прическа. Тебе идет!'

По мнению О.Б. Горобец, в отличие от комплимента для похвалы неприемлемо преувеличение достоинств адресата и повышенная эмоциональность, так как от похвалы ждут объективной оценки, признания реальных заслуг и достижений [Горобец 2010, 76]. Однако наш материал свидетельствует о том, что в высказываниях похвалы также может присутствовать повышенная эмоциональность за счет использования оценочных прилагательных и усилительных элементов. Представляется, что эмоциональность высказывания зависит от психологических свойств языковой личности и сопутствующих прагматических целей. Например, с помощью похвалы можно подбодрить коллегу или поднять командный дух в коллективе:

Полицейский коллеге: ***Flot*** *klaret.* (Rejseholdet, сез. 4, сер. 2, 22:57) 'Отличная работа!' (о проведенном допросе)

Полицейский коллегам: *Okay, alle sammen.* ***Pissegodt*** *arbejde.* ***Stærkt*** *teamwork.* ***Fedt*** *at se, hvor hurtige vi faktisk var.* (Bedrag, сез. 3, сер. 1, 16:55) 'Ну ладно. Все отлично поработали. Прекрасная работа в команде. Здорово наблюдать, как быстро мы можем реагировать'.

Социокультурные и лексико-грамматические особенности высказываний похвалы, комплемента и лести

На первый взгляд похвала и комплимент самые факультативные речевые акты – говорящий может обойтись без них, не нарушая принципы кооперативного общения. Однако в датской культуре существуют ситуации, когда от собеседника ожидается оценочный комментарий. По мнению социолога Э. Нёррегор-Нильсен, если вас пригласили на ужин или на новоселье, отсутствие похвалы/комплимента

по поводу еды или нового жилища будет воспринята как антивежливость. Особенно это касается друзей и близких, от которых в такой же степени ожидается правдивый негативный комментарий, в случае если собеседник неважно выглядит или совершил проступок [Aller Media, URL].

Анализ собранного материала свидетельствует о том, что датчане действительно чаще дают всего хвалят приготовленные блюда, так как еда является важной составляющей датской культуры, а также домашний интерьер:

Друг семьи хозяйке: *Hold kæft, hvor skindet* ***sprødt.*** (Theo, сер. 24, 9:43) ‘Обалдеть, какая хрустящая корочка!’

Брат сестре: *Det smager* ***skidegodt***. (Arvingerne, сез. 1, сер. 3, 43:00) ‘Ну просто очень вкусно!’

Сосед соседке: *Hvor har du fået det* ***hyggeligt***. (Lykke, сез. 1, сер. 5, 03:25) ‘Как у тебя стало уютно!’

Доставщик главе фармацевтической компании: *Okay! Det er en* ***fed*** *hytte.* (Lykke, сез. 1, сер. 6, 23:06) ’Ничего себе! Крутая хата!’ (о роскошной вилле)

Сосед соседке: *Når jer er her, bliver jeg slået over, hvor* ***hyggeligt*** *du har det. Det må være en evne du har.* (Lykke, сез. 2, сер. 4, 48:52) ‘Когда я прихожу к тебе, то поражаюсь, насколько у тебя уютно. Наверное, у тебя какой-то талант’.

Довольно часто в подобного рода высказываниях встречаются усилительные элементы, свидетельствующие об эмотивности высказывания:

Сестра сводной сестре: *Det er en* ***rigtig fin*** *skitse.* (Arvingerne, сез. 1, сер. 4, 37:19) ‘Прекрасный набросок!’

Врач начальнику PR-отдела: *De er* ***knaldgode****, Flemming!* (Lykke, сез. 2, сер. 5, 48:00) ‘Они бесподобны, Флемминг!’ (рекламные объявления)

Начальник бывшей подчиненной: *Du ser* ***så fandens dejlig*** *ud, Charlotte.* (Lykke, сез. 2, сер. 1, 23:17) ‘Ты чертовски хорошо выглядишь, Шарлотта!’

Интересны случаи, когда собеседника настолько переполняют радостные эмоции, что он сам напрашивается на похвалу:

Andreas til sin kærestes veninde: *Er det ikke flot?*

Veninden: *Jo, det er* ***da helt vildt***. (Arvingerne, сез. 1, сер. 9, 07:43)

‘Андреас подруге своей девушки: Скажи, красивый?’ (о полученном по наследству доме)

Подруга: Не то слово’.

В любой коммуникативной ситуации большое значение имеют невербальные составляющие – мимика и паузы. Например, паузы могут свидетельствовать о неискренности ожидаемой похвалы. В следующем диалоге молодая сотрудница сообщает старшей коллеге, которая сама рассчитывала на повышение, о том, что ей досталась должность начальницы филиала банка. Та произносит ожидаемые этикетные фразы, но паузы перед поздравлением и похвалой, а также натянутая улыбка свидетельствуют о том, что новость для нее стала неприятным сюрпризом и все сказанное неискренне:

Kollegaen: *Det er lidt skørt det her, men … Jeg er blevet filialdirektør.*
Anna: *Okay!*
Kollegaen: *Er det ikke vildt? Jeg havde ikke regnet med det.*
Anna: *Nej. Jamen* ***… Tillykke. Hvor er det flot****.*
Kollegaen: *Jeg ville lige sige det til dig. Du har lært mig alt, jeg ved, så det vil jeg gerne sige tak for.*
Anna: *Selvfølgelig.*
Kollegaen: *Nej, virkelig. Tak.*
Anna: *Ja. Tillykke med jobbet. Det er* ***… meget fortjent****.* (Bedrag, сез. 3, сер. 2, 33:28)
‘Коллега: Просто не верится, но …я буду директором филиала!
Анна: Ничего себе!
Коллега: Правда, невероятно? Я и не рассчитывала.
Анна: Да. Ну … Поздравляю! Здорово.
Коллега: Я хотела рассказать Вам. Вы всему меня научили, поэтому я хотела бы поблагодарить.
Анна: Конечно.
Коллега: Нет, совершенно искренне. Спасибо!
Анна: Конечно, поздравляю с новой должностью. Ты ее … заслужила’.

Высказывание комплимента, похвалы и лести имеют ряд синтаксических особенностей. В основном используются полные повествовательные предложения, эллиптические конструкции, а также восклицательные предложения с эмоционально окрашенным оборотом, вводимым *hvor*:

Сосед соседке: *Du har meget smukke øjne*. (Lykke, сез. 2, сер. 4, 53:41) ‘У тебя очень красивые глаза’.
Девочка-подростоксестредруга:*Fedhat*.(Theo,сер.21,14:19)’Крутаяшляпа!’
Начальник PR-отдела врачу: *Nej, hvor er her dog lækkert! Det er dog helt fantastisk!* (Lykke, сез. 2, сер. 5, 37:29) ’Как у вас здесь шикарно! Просто невероятно!’ (о новой клинике пластической хирургии)
Молодой человек сестре своей девушки: *Nej, hvor er den fin*. (Arvingerne, сез. 1, сер. 4, 34:24) ‘Какая красивая!’ (о книге)

Огромную роль в реализации высказываний комплимента, похвалы, лести играют индивидуально-психологические особенности адресанта и адресата. Некоторые люди умеют говорить комплименты, способны видеть достоинства окружающих и знают, как об этом красиво сказать. Другие умело используют комплименты в качестве манипуляции, в этом случае они превращаются в лесть и имеют больше шансов быть отвергнутыми из-за своей неправдоподобности:

Chefen til sin tidligere medarbejder: *Hej. Hvor ser du dejlig ud.*
Charlotte: *Jeg ved, hvordan jeg ser ud. Du kan godt spare dig.* (Lykke, сез. 1, сер. 5, 21:10)
‘Начальник бывшей подчиненной: Привет! Как ты прекрасно выглядишь!»
Шарлотта: Я в курсе, как выгляжу. Можешь не стараться’.

Причиной неприятия комплиментов или похвалы могут быть такие качества, как скромность и неуверенность в себе, нежелание быть в центре внимания, а также неумение ответить на комплимент [Высоцкая 2018: 60]. Кроме этого, имеют значение культурные особенности в форме закона Янте, негласные заповеди которого затрудняют принятие комплиментов [Aniston, URL].

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. При разграничении комплимента, похвалы и лести важна коммуникативная цель адресанта, которую адресат должен разгадать, приняв или не приняв соответствующее высказывание.
2. Речевые акты похвалы, комплимента и лести характеризуются в датском языке лексическими и синтаксическими особенностями, свидетельствующими об их эмотивности.
3. Потребность в подобных высказываниях в разных культурах различна. Как правило, датчане не часто делают комплименты и не умеют их принимать, что объясняется культурными особенностями, связанными с негласным законом Янте, который, однако, переживает трансформацию.

V.4. ЭТИКЕТ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

V.4.1. Особенности русского и датского стиля коммуникации

При переводе художественного текста важно учитывать национально-культурные особенности поведения представителей той или иной языковой общности, обусловленные типом культуры, системой ценностей и социокультурной организацией общества. При сравнении датского и русского стиля коммуникации обнаруживается много точек соприкосновения: в обеих культурах в иерархии ценностей высокое положение занимают прямолинейность и естественность. Однако если манера общения датчан многим европейцам кажется слишком прямолинейной и неформальной, то русский язык датчане воспринимают как еще более прямолинейный и категоричный.

Эти различия связаны с исторически сложившимся типом социальных отношений – вертикальной и горизонтальной дистанцией. Для российской культуры характерна значительная дистанция власти, при которой большие коммуникативные права у тех, кто обладает более высоким статусом [Ларина 2009, 147], а в датской культуре он предельно низкий, так как в системе ценностей огромную роль играет равенство и равноправие, о чем свидетельствует общение на «ты» не только с хорошо знакомыми людьми, но и с незнакомцами, учителями, начальниками и людьми старшими по возрасту.

В отношении горизонтальной (социальной) дистанции также наблюдаются различия. Русские коммуниканты исторически не разделены большой социаль-

ной дистанцией. «В процессе общения русский человек ощущает себя частью коллектива, он уверен в том, что его интересы, проблемы, желания, советы и мнения интересуют собеседников и найдут в них отклик» [Ларина 2009, 426]. Для датского общества также характерна общинность и коллективизм, но несколько другого рода. Как указывалось выше (см. стр. 17 2.1), некоторые исследователи определяют датскую социальную общность как трайбализм. Для него характерна забота о членах своей группы, которая сопровождается одержимостью делать все «по-датски» и сложностью внедрения в группу, что превращает ее для неучастников в эксклюзивное сообщество (с этим связана проблема интеграции мигрантов). К. Левисен и С. Уотерс несколько переосмысляют понятие «трайбализм» по отношению к датской лингвокультуре, указывая, что для датской лингвистической картины мира характерно поведение, сглаживающее неравенство между коммуникантами и одновременно отдающее предпочтение обезличенному стилю общения при коммуникации с незнакомыми людьми, которые принадлежат к одной (воображаемой) социальной группе [Levisen, Waters 2015, 258]. Кроме этого датский коллективизм в определенной мере связан с негласным Законом Янте, о котором речь шла выше (см. стр. 318 V.2.2).

V.4.2. Переводческие стратегии при переводе формул вежливости с датского языка на русский

Языковое воплощение указанных социально-культурных параметров имеет ряд важных специфических проявлений, в том числе в области речевого этикета, которые необходимо учитывать при переводе с одного языка на другой. Анализ переводов помогает выявить общие и культурно-специфичные элементы коммуникативного поведения датчан и русских и тем самым охарактеризовать датский и русский стили коммуникации соответственно.

В качестве материала исследования был использован детективный роман С. Свейструпа «Каштановый человечек» (S. Svejstrup «Kastanjemanden») и его перевод на русский язык, выполненный А.Н. Чеканским. Выбор романа обусловлен его новизной (сам роман вышел в 2018 г., а перевод в 2019 г.) и обилием диалогов, иллюстрирующих разные коммуникативные ситуации (КС), а также разные уровни общения – социально-ролевой (кратковременное общение), деловой и интимно-личностный. Большинство КС относились к бытовому общению при симметричных отношениях (супруг-супруга, коллега-коллега) и к деловому общению при отношениях «сверху-вниз» и «снизу-вверх» (родитель ↔ ребенок, начальник ↔ подчиненный, полицейский ↔ свидетели/подозреваемые).

Разный уровень дистанции власти в датском и русском языках определяет выбор средств для обращения, выражения вежливости в побудительных речевых актах, при приветствии/прощании и благодарности. При переводе художественного текста с датского языка на русский переводчику приходится учитывать все нюансы КС, чтобы сохранить естественность в общении героев произведения и не нарушить стилистическое единство русского текста. В связи с этим нередко

приходится изменять обращение с «ты» на «Вы» (1) или прибегать к приему лексических добавлений (2):

(1) Полицейский сожителю убитой: ***Fortæl,*** *hvor længe I har kendt hinanden* (КМ, 51). '**Расскажите**, как долго вы знакомы с нею?' (КЧ, 42)

(2) Домоуправ жильцу: ***Lad døren stå****, når* ***du*** *går, så der kommer luft ind* (КМ, 89). '**Будьте добры**, когда **уйдете, не закрывайте** дверь (досл. позволь двери стоять), чтобы поступало больше воздуха' (КЧ, 79).

В датском языке в обоих случаях просьба выражена императивами. Несмотря на то, что в рамках русской лингвокультуры волеизъявления также часто выражены формой императива, который не соотносится с негативными коннотациями, отношения «сверху-вниз» в рамках делового общения не позволяют обратиться в (1) и (2) по-русски на «ты». Для датчан, стремящихся при общении к равенству, обе просьбы в данных контекстах являются прогнозируемыми, а требуемое действие осуществляется в общих интересах, поэтому использование формы изолированного императива допустимо.

В других КС, предполагающих просьбу, в датском тексте используется сочетания императива с модальными частицами, так называемыми императивными комплексами, которые являются отличительной чертой датского языка и используются для выражения разных прагматических оттенков (см. стр. 335 V.3.3). При переводе эти частицы либо опускаются (3), (4), (5), либо заменяются на другие лексические средства, близкие по функции (6), (7), (8).

(3) Деловой партнер партнеру: ***Bare sig til*** *kunden, at jeg præciserer senest om et par dage. Vi har brug for at lande den ordre.* (КМ, 55) '**Скажи** заказчику, что я представлю уточненный вариант через пару дней. Нам необходимо заключить этот контракт' (КЧ, 46).

(4) Муж жене: *Det er fint.* ***Tag I bare af sted*** (КМ, 135). 'Отлично. **Езжайте**' (КЧ, 119).

(5) Мама дочке: ***Luk lige op*** *for morfar* (КМ, 256). '**Открой** деду' (КЧ, 225).

(6) Полицейский подозреваемому: ***Kom nu****, skynd dig!* (КМ, 275) '**Пошевеливайтесь**! Быстрее!' (КЧ, 242).

(7) Полицейский коллеге: ***Kom nu****, det er vigtigt!* (КМ, 411) '**Давай-давай**, это важно!' (КЧ, 379)

(8) Преступник жертве: ***Kom nu****, Rosa. Lad os få det overstået* (КМ, 461). '**Входи же**, Роза. Давай покончим с этим'. (КЧ, 426)

Частица **bare** в препозиции к императиву (3) сигнализирует слушающему, что для достижения желаемого результата ему необходимо предпринять простое минимальное действие, каузируемое глаголом [Крылова, 2012; Heinemann, Steensig, 2017; Samtalegrammatik, URL]. Несмотря на то, что в русском есть относительный эквивалент данной частицы – «просто», ее употребление в русском переводе излишне, так как передаваемый ею смысл выводим из широкого контекста: этой фразе предшествует совет партнера не взваливать все на себя, а делегировать задание другим, но герой не соглашается и настаивает на своем.

Использование частицы **bare** в постпозиции к императиву (4) формирует в структуре диалога речевой акт разрешения. В русском переводе оно также излишне, так как значение разрешения выводимо из широкого контекста.

Частица ***lige*** (5) представляет собой частотную, культурно-специфичную лексему, которой нет аналога в близкородственных скандинавских языках (см. стр. 335 V.3.3). В русском языке эквивалента данной частицы также нет, и поскольку употребление формы изолированного императива в общении родитель-ребенок воспринимается как естественное, то при переводе она опускается.

В случае с конструкцией ‘императив + **nu**’ говорящий хочет, чтобы слушающий выполнил соответствующее действие, однако предполагает отсутствие желания с его стороны [Hansen, Heltoft 2011, 1047]. В переводе на русский, как правило, используется функциональный перевод (6), (7), (8).

Несмотря на то, что после перехода на повсеместное «ты» ряд вежливых этикетных фраз вышел из активного употребления и для выражения побуждения часто используются прямые стратегии, в датском языке есть большое количество средств выражения просьбы – прежде всего это использование конвенциональных косвенных просьб в форме вопросов или условных предложений. К ним относятся предложения с модальными глаголами **kan/kunne, vil/ville**, глаголом **gide,** глаголами в настоящем времени и оборотом **vær sød/venlig at gøre noget** (подробнее см. стр. 335 V.3.3). При переводе подобные предложения часто переводятся с помощью добавления вежливого маркера «пожалуйста», которому нет прямого эквивалента в датском языке (9), (10), (11).

(9) Полицейский коллеге: *Hvis du **gider** tage fat i den ene ende* (KM, 110). ‘Помоги, **пожалуйста**’ (досл. ‘Если ты хочешь ухватиться с одной стороны’) (КЧ, 94).

(10) Секретарь министру: *Rosa, **vil** du **ikke godt fortælle** mig, hvad det handler om?* (KM, 421). ‘Роза, **расскажи, пожалуйста**, в чем дело’ (КЧ, 389).

(11) Бортпроводник полицейскому: *Al elektronik skal slukkes nu, tak ....Så er det nu. **Vær venlig at slukke**, tak!* (KM, 394). ‘Выключите все электронные приборы. Спасибо!... Так, все. **Пожалуйста, отключите**! Благодарю! ’ (КЧ, 363)

(12) Полицейский чиновнику: *Jeg vil gerne se mailen. **Kan** du **sende** mig en kopi af den*? (KM, 193). ‘Мне хотелось бы посмотреть заявление. Ты **не мог бы переслать** мне копию?’ (КЧ, 169)

При переводе просьбы (12) переводчик сохраняет обращение на «ты», видимо пытаясь сохранить манеру общения полицейского, о которой упоминается чуть ранее: «говорит он безапелляционным тоном и больше в повелительном наклонении» (КЧ, 168), однако саму просьбу переводит не в настоящем времени, как в оригинале, а в сослагательном наклонении для смягчения волеизъявления.

Как в датском, так и в русском форма императива (13) может выражать речевой акт совета. Однако если в датском языке побуждение часто смягчается за счет использования выражения *prøv at gøre noget* ‘попробуй что-то сделать’ (14) или

модальных глаголов (15), то в русском самой распространенной формулой является императив, ведь «в русской культуре совет традиционно воспринимается не как вторжение в личную жизнь, а как помощь» [Ларина 2009, 254].

(13) Деловой партнер партнеру: ***Læg*** *mere* ***over*** *på de andre. Det er sgu derfor, vi har ansat dem* (КМ, 55). '**Загрузи** других. Мы же, черт побери, для этого их и нанимали' (КЧ, 46).

(14) Forælderen: *Jeg leder efter 3. A?*
Læreren: ***Prøv*** *i klassen. Bare følg larmen.* (КМ, 403)
'Родитель: Где третий «А»?
Учитель: **Посмотрите** в классе (досл. Попробуй (посмотреть) в классе). Там, где шумно' (КЧ, 374).

(15) Полицейский напарнику: *Du* ***skal ikke tage dig af*** *Jansen*, hører hun pludselig sig selv sige (КМ, 268). 'А насчет шуточек Янсена **не парься**, – неожиданно для себя самой говорит Найя' (КЧ, 237).

В отношении прохибитивов также наблюдается разница в употреблении моделей: если в русском используется форма императива с частицей ***не***, то в датском запрет выражается с помощью модального глагола (16), (17). Таким образом, употребление формы императива в русском языке имеет более широкое применение, чем в датском, поэтому не случайно датчане воспринимают русский язык как более категоричный и прямолинейный, чем родной.

(16) Сын отцу: *Du* ***skal ikke hente*** *mig mere* (КМ, 72). 'Ты больше **не забирай** меня, **ладно**?' (КЧ, 60).

(17) Полицейский главврачу: *Du* ***skal ikke gå****. Vi er her af en grund, som du muligvis allerede kender* (КМ, 189). '**Никуда** вы **не пойдете**. Вам, возможно, уже известна причина нашего появления здесь' (КЧ, 164).

Всеобщий переход на «ты» не мог не отразиться на формах приветствия и прощания. Преобладающей нейтральной формой приветствия стало слово *hej*, а прощания – *hej* или *hej-hej*, которые стерли границы между официальным/неофициальным общением, а также нивелировали возрастные и социальные различия между коммуникантами [Гурова 2017, 207]. Перед переводчиком часто встает дилемма – сохранять ли в переводе культурно-специфические особенности коммуникативного поведения персонажей или пытаться их русифицировать. В анализируемом романе переводчик часто выбирает первую стратегию. Так при общении учителя с родителем (18) и подруги дочери с родителем (19) сохраняется обращение на «ты» и соответствующие приветствие, характерное для датского языка:

(18) Учитель родителю: ***Hej Steen****. Kan jeg hjælpe med noget?* (КМ, 140)
'**Привет, Стиин**. Я могу чем-нибудь помочь? ' (КЧ, 123)

(19) Девочка-подросток отцу подруги: ***Hej ...****"Leder* ***du*** *efter Gustav?* (КМ, 140) '**Привет!** ... **Ты** Густава ищешь?' (КЧ, 123)

Кроме вышеназванных форм прощания, в современном языке достаточно частотна формула *vi ses* 'до встречи' (20). При прощании в формальной обстановке,

в сфере обслуживания, при деловых встречах употребляют форму *farvel* ‘до свидания’ (21). Как правило, при переводе используются прямые соответствия.

(20) Полицейский коллеге: *Fint**, vi ses*** (КМ, 200). ‘Отлично. **До встречи**!’ (КЧ, 175)

(21) Полицейский сотруднице муниципалитета: *Okay, tak.* ***Farvel igen*** (КМ, 434).‘Окей, спасибо. **До свидания**!’ (КЧ, 402).

Разница в стиле коммуникации проявляется также и в отношении выражения благодарности. Если для русских основным маркером вежливости является «пожалуйста», то для датчан таким словом является слово *tak* «спасибо», в котором совмещаются функции «спасибо» и «пожалуйста». В некоторых коммуникативных ситуациях речевые формулы благодарности десемантизированы и являются формальным маркером вежливости или знаком завершения контакта, в связи с чем при переводе иногда опускаются (22).

(22) Sekretæren: *Desværre, han er på vej til budgetmøde. Han vil i øvrigt gerne vide, hvad jeres snak skal handle om*?
Efterforskeren: *Det er bare småting.* ***Tak*** (КМ, 24).
‘Секретарь: К сожалению, Нюландер на совещании по бюджету отдела на будущий год. И, кстати, он просил узнать, о чем ты собираешься с ним говорить’.
Полицейский: Да так, по мелочам’ (КЧ, 18).

В отличие от современного русского языка, где чрезмерная вежливость может быть воспринята негативно [Кронгауз 2013, 242; Северская 2018, 250], в датском языке «лучше лишний раз поблагодарить, чем не поблагодарить» [Ahlburg 2001, 11]. В связи с этим интересен эпизод, когда полицейский опрашивает свидетеля/возможного подозреваемого и благодарит за то, что он тратит на разговор свое время, используя по-датски две формулы вежливости, последняя из которых в переводе опускается, так как не соответствует русским этикетным правилам, обусловленным более значительной дистанцией власти (23).

(23) Overlægen: *Jeg er desværre midt i en stuegang, men hvis vi kan gøre det hurtigt, vil jeg selvfølgelig gerne hjælpe jer.*
Efterforskeren: ***Det er virkelig pænt af dig. Tusind tak,*** *svarer Thulin*. (КМ, 186)
‘Завотделением больницы: У меня, к сожалению, сейчас обход, но если это не займет много времени, я, разумеется, готов помочь вам’.
Полицейский: **Весьма любезно с вашей стороны. (Огромное спасибо)**, – отвечает Тулин’ (КЧ, 161).

Кроме устойчивых формул благодарности (24), в датском языке есть целый ряд других этикетных формул, которые активно используются в повседневной жизни в определенных коммуникативных ситуациях (25), (26). Они не являются в той же степени устойчивыми в русском, но сохранены в переводе в виде близких по функции выражений.

(24) Муж жене и полицейским: *De går nu. Jeg har sagt til dem, at vi ikke ved noget.* ***Tak for i dag*** (КМ, 78) 'Они сейчас уйдут. Я сказал им, что нам ничего неизвестно. **Благодарю за визит**' (досл. 'спасибо за сегодня') (КЧ, 66).

(25) Главная героиня-полицейский родственникам своего любовника: ***Skål på dét****, siger hun og tømmer glasset, før de andre kan nå at følge trop (КМ,* 93). '**Выпьем** за это! – предложила Тулин и осушила бокал, прежде чем все остальные последовали ее примеру'(КЧ, 81).

(26) Замминистра полицейским: ***God arbejdslyst*** (КМ, 301) '**Счастливо поработать**' (КЧ, 266).

Как и в случае с обращениями, переводчик часто сохраняет культурно-специфические особенности коммуникативного поведения персонажей, связанные с этикетными формулами вежливости. Например, в русском контексте довольно сложно представить, что медбрат спецотделения принудительного лечения психиатрической больницы, открывая дверь полицейским, искренне желает им «Добро пожаловать» (27). Однако сохранение данной формулы в переводе переносит читателя в другую лингвокультуру и знакомит с другими правилами этикета:

(27) ***Velkommen til****. I følger bare med mig* (КМ, 317). '**Добро пожаловать**! Следуйте за мной! ' (КЧ, 283).

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

1. Как показывают рассмотренные примеры, культурно-специфичные элементы коммуникативного поведения датчан влияют на выбор эквивалента при переводе на русский язык. Различия в стиле коммуникации, обусловленные вертикальной и горизонтальной дистанцией, особенно заметны при выборе формы обращения и приветствия, при переводе которых переводчик часто прибегает к приему лексических замен.
2. В отношении побудительных речевых актов также нередко используются замены, так как в русском языке употребление формы императива имеет более широкое применение, чем в датском, и может передавать значение просьбы, приказа, совета и прохибитива. Свойственные для датского языка модальные частицы, входящие в императивные комплексы, при переводе часто опускаются, поскольку передаваемое ими значение для русского читателя часто выводимо из широкого контекста.
3. Речевой акт благодарности играет большую роль в датской лингвокультуре, в связи с чем датчане благодарят чаще, чем русские. При переводе некоторые этикетные формулы благодарности не передаются, потому что чрезмерная вежливость в некоторых случаях воспринимается по-русски негативно.
4. В анализируемом переводе переводчик часто сохраняет культурно-специфические особенности поведения персонажей, связанные с этикетными формулами вежливости, знакомя читателей с другой лигвокультурой и правилами этикета.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ V

1. Ценности, связанные с особенностями исторического развития, влияют на образ жизни и коммуникативное поведение носителей датского языка. Равенство, доверие, социальная сплоченность обуславливают низкую статусную дистанцию. На языковом уровне это проявляется в неформальности общения, в общении на «ты» не только с хорошо знакомыми людьми, но и с незнакомцами, начальниками и людьми старшими по возрасту, а также допустимости использования изолированного императива в директивах. Речевой акт благодарности играет большую роль в датской лингвокультуре, для которой характерен особый тип вежливости среди равных. Негласный закон Янте, по-прежнему характеризующий датскую культуру, не способствует развитию искусства комплимента, а стремление к консенсусу важно для понимания прагматических смыслов извинения. В целом датский стиль коммуникации можно охарактеризовать как личностно-ориентированный, дистантный, естественный и ориентированный на содержание, а не на форму.
2. Стратегии негативной вежливости реализуются с целью демонстрации уважения личной автономии адресата и связаны с побудительными речевыми актами, в которых говорящий оказывает коммуникативное воздействие на слушающего. Низкий уровень дистанции власти в датском языке позволяет использовать изолированный императив даже в невежливых директивах (приказ, требование, просьба, совет), в которых андресант в разной степени вторгается в сферу существования адресата. Среди лексических маркеров вежливости, снижающих категоричность волеизъявления, используется оборот *vær sød at*, ласковое обращение *skat*, употребляемые в основном в письменной коммуникации конструкция *måtte gerne* и маркер *venligst*. Однако основными средствами выражения вежливости для директивов являются разнообразные аналитические средства (модальные глаголы и частицы), которые нюансируют горзонтальные отношения между коммуникантами и предполагают ту или иную реакцию адресата, что свидетельствует о тенденции к аналитизации грамматической системы датского языка.
3. Стратегии позитивной вежливости направлены на сближение адресанта и адресата, проявление внимания и интереса к собеседнику, демонстрацию взаимных симпатий (приветствие, благодарность, комплимент). Основным маркером вежливости при выражении благодарности является слово *tak*, а также целый ряд устойчивых этикетных формул с данным элементом. Частое выражение благодарности в датской коммуникации обусловлено нежеланием быть в долгу перед собеседником и стремлением достичь коммуникативного равновесия. Восстановление коммуникативного равновесия является значимым и для речевого акта комплимента: датчане, как правило, скупы на комплименты и не умеют их принимать, что объясняется культурными особенностями, в том числе негласным законом Янте.

4. Речевой акт извинения связан как со стратегией дистанцирования (демонстрация уважения личной автономии собеседника), так и со стратегией сближения (желание поддерживать бесконфликтные отношения). Речевые формулы извинений в датском языке различаются по степени искренности и принятия ответственности за свой проступок. Самой искренней и употребляемой формулой для признания своей вины является слово *undskyld.* Выражения *jeg er ked af, jeg beklager, det er beklageligt* часто используются в официальной обстановке, письменной коммуникации и публичных извинениях в качестве стратегии дистанцирования, когда говорящий снимает с себя ответственность за совершенное действие и выражает сочувствие для восстановления коммуникативного равновесия.
5. Различия в стиле коммуникации в датской и русской культуре, обусловленные разной вертикальной и горизонтальной дистанцией, представляют одну из главных переводческих проблем при переводе художественных текстов. Знание культурных особенностей и стратегий вежливости помогает переводчику воссоздать текст оригинала на родном языке, сохраняя культурно-специфические особенности поведения персонажей, связанные с этикетными формулами вежливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель «Антропоцентрической грамматики датского языка» состояла в том, чтобы дать целостное представление о системе грамматических и прагматических категорий датского языка, отражающих ориентацию человека в реальности и в коммуникативной ситуации. В ходе подготовки данной книги был разработан антропоцентрированный подход к исследованию грамматической семантики конкретного языка как к отражению перцепции и категоризации мира его носителями, а также их коммуникативного взаимодействия между собой.

Во Введении Д.Б. Никуличевой было показано, что датский язык представляет собой благодатную почву для антропоцентрированных исследований в силу сочетания ряда экстралингвистических и внутриструктурных факторов. Таковыми являются, с одной стороны, компактность и монолингвальность датского языкового коллектива, высокая плотность социальных связей и гомогенность, характеризующая датское общество. С другой стороны, среди всех скандинавских языков датский язык проявляет наиболее сильную и последовательную тенденцию к аналитизму. Грамматика датского языка все более превращается в грамматику служебных слов и словопорядка, благодаря чему в современном датском языке развивается широкий дополнительный инструментарий формальных средств для детализации антропоцентрированных смыслов, приобретающих особую значимость для такого малого сообщества с плотной сетью социального взаимодействия, каковым, является современное датское общество.

Теория К. Бюлера о том, что в основе любой коммуникации лежит точка ORIGO – точка «здесь» и «теперь» говорящего субъекта стала отправным пунктом нашего исследования, в котором представление грамматической системы датского языка выстроено как последовательная проекция ориентации человека в мире средствами языка.

Новизна предлагаемого в «Антропоцентрической грамматике» подхода состоит в том, что перцепция, категоризация и коммуникация рассматриваются как взаимосвязанные ментальные процессы, получающие системное языковое выражение. Изучено взаимное влияние этих процессов и проанализировано, как соотносятся между собой разноуровневые антропоцентрирующие языковые средства, организующие денотативную и коммуникативную реальность говорящего.

Антропоцентрированный подход к исследованию датских средств пространственной ориентации, выполненному Д.Б. Никуличевой (Глава I) позволил установить, что в датском языке происходит последовательное усиление пространственной ориентации коммуникативной ситуации относительно фигуры говорящего – как посредством формального утяжеления дейктических местоимений, так и за счет нюансированной системы пространственных наречий. Было установлено, что дейктические биномы *dette her, det her, dette der, det der* образуют микропарадигму, нюансирующую пространственный дейксис по двум параметрам: 1) расстояние до объекта: расположение в пределах

досягаемости (her) / расположение вне прямой досягаемости (der) и 2) включенность (dette) /невключенность (det) объекта в субъективное пространство говорящего. В результате было отмечено формирование парадигмы дейктических биномов, противопоставляющей три «пространственных пояса»: личное пространство говорящего; совместное пространство коммуникации, разделяемое с адресатом; внешнее «чужое» пространство, в которое говорящий субъективно отстраняет порицаемые или отчуждаемые объекты дейксиса.

Сопоставление с параллельных текстов позволило установить, что в датском языке происходит усиление субъектно-ориентационного компонента смысла за счет использования наречно-предложных сочетаний, маркирующих ориентацию относительно субъективного пространства говорящего или субъективного пространства персонажа. Тем самым грамматическими средствами датского языка создается коммуникативный эффект, который мы предложили называть пространственной эмпатией, противоположный эффекту темпорального дистанцирования, характерному для таксисных категорий датского глагола.

Описанию проявлений антропоцентризма в грамматической системе датского глагола (Глава II) предшествовал разработанный и выполненный Д.Б. Никуличевой перцептивный эксперимент, позволивший выявить особенности невербального представления времени носителями датского языка по сравнению с носителями английского и русского языков. В результате эксперимента была выявлена характерная для носителей датского языка асимметрия в визуализации событий прошлого и будущего, бóльшая перцептивная обозримость событий пережитой реальности по сравнению с конструируемыми событиям, а также разнонаправленное дистанцирование событий как интуитивный показатель удаления от «точки присутствия» испытуемого.

В ходе экспериментального исследования представлений о биографическом времени носителей датской языковой культуры было также установлено, что метонимическое проецирование темпоральных событий производится ими не на априорно заданную прямую линию, а на определенным образом ориентированные относительно субъекта области ментального пространства, которые, как было установлено, соответствуют системе глагольных категорий датского языка.

Введение гиперкатегории дистанцирования позволило объяснить закономерность омонимии времени и наклонения в датском языке, а использование понятия изменение перспективы перцептора-повествователя дало возможность систематизировать случаи формального рассогласования времен в художественных и новостных текстах.

Был выявлен пространственный изоморфизм организации темпоральных категорий датского глагола и представления времени посредством системы датских временны*х* предлогов.

В целом проведенное исследование показало, что базовым противопоставлением для датской грамматической системы является противопоставление пережитой реальности всем типам ментального конструирования. Пережитая реальность основана на непосредственном перцептивном опыте говорящего, тогда как ментальное конструирование представляет собой более сложный когнитивный процесс, основанный на отстранении от конкретного события.

Результатом такого отстранения оказывается и выявленное в ходе исследования Д. Б. Никуличевой (Глава III) системное противопоставление союзов, отсылающих к конкретному событию, союзам, указывающим на ментальное конструирование пропозиции говорящим. В этом плане датский причинный союз *fordi* оказывается противопоставленным союзу *for* и остальным союзам каузации точно так же, как темпоральный союз *da* союзу *når*, а определительный союз *der* союзу *som*.

Также было прослежено обратное влияние (импликации) антропопроцентрированных категорий на носителей датского языка в плане их предпочтений в выборе: 1) тех или иных художественных сюжетов, 2) лингвоспецифических художественных метафор, представляющих сложности для перевода на язык другой культуры, 3) лингвоспецифических паремий времени, 4) исторической динамики маркеров каузации в сторону усиления фактора говорящего.

В Главе IV выполненной Э.Б. Крыловой особое внимание было уделено роли модальных частиц в процессе коммуникации. В связи с существующей в датской лингвистике проблемой отнесения языковых единиц к классу модальных частиц, была реализована задача конкретизации и применения критериев отграничения модальных частиц от других классов слов, решение которой позволило ответить на ряд вопросов, мешавших отнесению некоторых единиц к модальным частицам.

Выявленное отличие модальных частиц от других эпистемических показателей позволило конкретизировать их роль в формировании коммуникативных стратегий говорящего. Было установлено, что частицы выполняют важнейшую функцию в интерактивном взаимодействии всех участников коммуникации и являются самым субъективно окрашенным средством датского языка: за каждой частицей, в отличие от модальных слов или других эпистемических операторов, всегда стоит сам говорящий, который или полностью берет на себя эпистемическое ручательство за достоверность своего высказывания, или делит его с третьим лицом, включенным в коммуникативную ситуацию, или предлагает слушающему разделить с ним эту ответственность.

Результаты анализа особенностей функциональной семантики эпистемических показателей разных языковых уровней и морфо-синтаксической структуры позволили утверждать, что в основе их парадигматических отношений лежат схожие дифференциальные признаки. Это сделало возможным проведение контрастивного функционально-самантического описания различных эпистемических

средств в датском языке с целью выявления их прагмасемантических инвариантов и создания парадигматической гиперсистемы эпистемических показателей. Основными параметрами такой системы стала функциональная направленность на одного из участников коммуникативного треугольника, а также мера эпистемического ручательства каждого из них за достоверность высказывания.

Анализ сочетаемостных возможностей всех проанализированных частиц и выявленный при этом порядок их следования позволили прийти к важному выводу об определенной коммуникативной стратегии говорящего, основной целью которой является воздействие на слушающего.

В ходе исследования было также доказано, что частицы являются единственным средством датского языка, участвующим в формировании или модификации косвенных речевых актов, например, речевых актов приказа, совета, разрешения, инструкции, призыва, предостережения, конвенциональных косвенных речевых актов вежливости и др.

Анализ императивных речевых актов, формируемых конструкциями императива с модальными частицами, позволил прийти к выводу, что говорящий использует при этом, прежде всего, аффирмативы, или модальные частицы, функционально направленные на слушающего.

Сопоставление средств выражения значений пересказывательности позволило выявить разницу в выражаемой ими мере эпистемического ручательства говорящего за пересказываемое, выстроить парадигму и разграничить сферы употребления данных ксенопоказателей.

Объектом специального исследования были разноуровневые средства передачи чужой речи в датском языке в сравнении с аналогичными средствами в русском языке Важным выводом сравнения стало выявление особой роли датских частиц для создания коммуникативно эквивалентного перевода.

В Главе V, написанной Е.А. Гуровой, были проанализированы речевые формулы вежливости датского языка, связанные с различными речевыми актами, предполагающими экспликацию социального взаимоотношения между коммуникантами (приветствие, прощание, извинение, благодарность, императивные и декларативные побудительные акты и пр.). Были выявлены характерные черты датского стиля коммуникации и установлены формулы семантической (абсолютной) и прагматической (относительной) вежливости. Анализ отобранного материала показал, что, несмотря на отсутствие эквивалента русскому маркеру вежливости «пожалуйста», на обращение ко всем на «ты» и, в целом, на нерегламентированный стиль коммуникации, в датском языке представлен обширный арсенал языковых средств, нюансирующих выражение уважительного отношения к собеседнику.

На примере диалогов, отобранных из современных датских сериалов, была установлена связь между системой ценностей, принятых в датском обществе, и стилем коммуникации, в котором само понятие вежливости не играет такой

важной роли, как понятия *hygge* (хюгге), *lighed* (равенство), *tryghed* (защищенность), *fællesskab* (общность, социальная сплоченность). Повсеместный переход на «ты» в конце 1960-х гг. привел к перестройке системы местоимений и выходу из употребления целого ряда вежливых оборотов, что с формальной точки зрения свидетельствует о низкой степени вежливости, характерной для датского языка. Однако наше исследование показало, что в датском языке присутствует целый арсенал языковых средств для выражения уважительного отношения к собеседнику.

В частности, было установлено, что большую роль в датской лингвокультуре, для которой характерен особый тип вежливости среди равных, играет речевой акт благодарности. Частое выражение благодарности в датской коммуникации обусловлено нежеланием быть в долгу перед собеседником и стремлением достичь коммуникативного равновесия.

Было показано, что речевой акт извинения связан как со стратегией дистанцирования (демонстрация уважения личной автономии собеседника), так и со стратегией сближения (желание поддерживать бесконфликтные отношения). Речевые формулы извинений в датском языке различаются по степени искренности и принятия ответственности за свой проступок.

Тот факт, что датчане скупы на комплименты и не умеют их принимать, был объяснен социально-культурными особенностями, в том числе, негласным «законом Янте».

Стратегии негативной вежливости реализуются с целью демонстрации уважения личной автономии адресата и связаны с побудительными речевыми актами, в которых говорящий оказывает коммуникативное воздействие на слушающего. Было установлено, что, помимо лексических маркеров вежливости, снижающих категоричность волеизъявления, основными средствами выражения вежливости для директивов являются разнообразные аналитические средства (модальные глаголы и частицы), которые нюансируют горизонтальные отношения между коммуникантами и предполагают ту или иную реакцию адресата, что свидетельствует о тенденции к аналитизации грамматической системы датского языка.

Различия в стиле коммуникации в датской и русской культуре, обусловленные разной вертикальной и горизонтальной дистанцией, представляют одну из главных переводческих проблем при переводе художественных текстов. Знание культурных особенностей и прагматических стратегий исходного языка помогает переводчику воссоздать текст оригинала на родном языке, сохраняя культурно-специфические особенности речевого поведения персонажей.

Анализ антропоцентрированных языковых смыслов, представленный в нынешней коллективной монографии, призван послужить основой для дальнейших исследований. Многообещающие результаты может дать изучение того, как фактор говорящего проявляется в выражении номинативных категорий датского языка. Так, сфера исследований может быть расширена за счет обращения к ка-

тегории определенности/неопределенности в датском языке, в частности, исследованию рассогласованных употреблений местоименных и адъективных лексем с существительными, что отражает представление говорящего о ситуации. Перспективным продолжением исследования также могло бы стать выявление фактора говорящего в сверхпродуктивной композитной номинации датского языка.

«Антропоцентрическая грамматика датского языка» может также послужить теоретической основой для создания инновационного учебника по практической грамматике датского языка, основанного на принципах антропоцентризма, что позволит студентам, изучающим этот язык, встать на позицию носителя датского языка и тем самым интериоризировать систему грамматических представлений и прагматических установок его носителей.

ЛИТЕРАТУРА

Авакова Ю.М. Национальная модель «мягкой силы» Дании и казус Кристиана Эриксена на Евро-2020 // Гуманитарный полилог. Сб. статей к юбилею Е.М. Чекалиной. / Отв. ред. И.В. Матыцина. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 27–39.

Азарова Л. Понятие языковой личности в лингвистике // Annales Universitatis Mairae Curie-Skłodowska Lublin-Polonia, vol. XXXV, sectio FF 1, 2017. С. 169–181.

Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку. // Вопросы языкознания. М., 1993. № 3. С. 15–26.

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды: В 2 т. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629–650.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Арутюнова Н.Д. Слово о диалоге // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. Логический анализ языка. М.: Индрик, 2010. С.5–9.

Бабушкина Е.В. О категории футурума в датском языке // Вестник Моск. ун-та. сер. 9. филология. 1, 1980. С. 47–56.

Бабушкина Е.В. Грамматические средства выражения действия в будущем и их статус в системе датского глагола. Автореф. Дисс. … канд. филол. наук, М.: МГУ, 1982.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка, пер с фр. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во МГУ, 2002.

Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992.

Бенвенист Э. Общая лингвистика /пер. с фр. / Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.

Берков В.П. Согласование времен в норвежском языке // Скандинавская филология. Scandinavica, Вып.3. Л.: ЛГУ, 1978. С. 42–57.

Беседина Н.А. Когнитивные основания морфологических категорий // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 206–211.

Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Тамбов, 2005. С. 16–39.

Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка, 2013. Вып. XV. С. 12–22.

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка, 2017. Вып. XXVIII: Антропоцентрический характер языка: коллективная монография. С. 20–81.

Болдырев Н.Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования языка, 2018. Вып. XXXII. С. 26–35.

Болдырев Н.Н., Безукладова И.Ю. Антропоцентризм как принцип категоризации эгоцентрических пространств в языке // Верхневолжский филологический вестник, 2018. № 1. С. 72–77.

Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности. // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.

Бондарко А.В. Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 503–504.

Бородицки Л. Как языки конструируют время // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 199–212.

Бронникова О.В. Человеческий фактор при концептуализации времени // Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. 2016. Вып. XXVII. С.127–134.

Бугорская Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики, 2004. №2. С. 18–25.

Булыгина Т.В., *Шмелев А.Д.* Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992.

Бут М. Почти идеальные люди. М.: Издательство «Э», 2017.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993.

Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Изд. центр Наука, 2007. Вып.5. Жанры и культура. С.131–159.

Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: 1982.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. (Лингвистическое наследие XX века).

Высоцкая В.В. Комплимент: интенция и реакция // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23-24 октября 2018 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 53–61.

Гак В.Г. Аналитизм. // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 31.

Гак В.Г. Пространство времени. // Логический анализ языка: Язык и время РАН. Ин-т языкознания / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 123–130.

Галимова З.Ф. Тактики комплимента и похвалы в конструировании «положительного образа» женщины-собеседницы. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / З. Ф. Галимова. Ижевск, 2009.

Горобец О.Б. Похвала и комплимент: межжанровые границы // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, № 11-2(2), 2010. С. 75–80.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.

Гурова Е.А. Формы общения на «ты» и на «Вы» в датском языке // Синхрония; Диахрония; Текстология: Сборник науч. стат. и перев. К юбилею Е.М. Чекалиной / ред. Э.Б. Крылова. М.: МАКС-пресс, 2016. С. 139–147.

Гурова Е.А. «Вербальные и невербальные формы приветствия / прощания в современном датском языке» // Скандинавская филология Т.15 Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 204–222.

Гурова Е.А. Способы выражения вежливости в побудительных речевых актах датского языка // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 5 (834), 2020. С. 69–83.

Гурова Е.А. Выставка «Твоя вещь – наша история» как отражение тенденций современного датского общества // Концепт: философия, религия, культура. 2021, 5(1). С. 132–145. https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-132-145

Гурова Е.А. Похвала, комплимент и лесть в датском языке и культуре Гуманитарный полилог: сб. статей к юбилею Е.М.Чекалиной. / Отв. ред. И.В.Матыцина. – М.: МАКС Пресс, 2021. С. 78–88.

Гусева Н.К. Императивные глагольные формы как прагматические маркеры (на материале русского и итальянского языков) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание, 2016. Т.15. №4. С. 179–189.

Гухман М.М. Аналитические конструкции как особый тип частичного и полного слова // Сб. «Вопросы грамматического строя» М., Изд. Академии наук, 1955. С. 321–361.

Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М.: Наука, 1964.

Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука 1981.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.

Демьянков В.З. Когниция воображаемого и изображаемого: О понятиях (и концептах) в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. 12. Проблемы интегрирования частных теорий в общую теорию репрезентаций мыслительных структур в языке. Сб. научных трудов. Отв. ред. вып. В.З. Демьянков М.: 2012. С. 17–33.

Дружинин А.С. Формулирование семантического инварианта грамматических конструкций “Present Simple” и “Present Progressive” // Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. 2016. С. 666–673.

Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. С. 137–156.

Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М.: Наука, 1977. С. 212-290.

Есперсен О. Философия грамматики = The philosophy of grammar / О. Есперсен; пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой; под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. Изд. 3-е. М.: URSS, 2006.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Золотова Г.А. Онипенко Н.К. Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, МГУ, 2004.

Зубкова Л.Г. Антропологический подход к языку: истоки, принципы, эволюция // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып 6. М.: Барнаул, 2003.

Иконникова О.Н. Категории пространства и времени в сэлишских языках в контексте мифологического сознания // Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. 2016. С. 171-178.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – М.: Эдиториаль УРСС, 2000.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: УРСС, 2012.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания, 1994. № 3. С. 92–104.

Козинцева Н.А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: Косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб. Наука, 2000. С. 226–240.

Козинцева Н.А. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / Ин-т лингв. исслед. РАН; отв. ред В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 2007. С.85–103.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990.

Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший принцип современной лингвистики // Вестник Кемеровского ГУ №2 (58) Т1, 2014. С. 198–203.

Кравченко А.В. Вопросы теории указательности. Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992.

Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия РАН. Сер. «Литература и язык». 1993. Т. 52. № 3. С. 45–55.

Кравченко А.В. Глагольный вид и картина мира // Известия РАН. Сер. «Литература и язык». 1995. Т. 54. № 1. С. 49–64.

Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН. Сер. «Литература и язык». 1996. Т. 55. № 3. С. 3–24.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. 2-е изд., испр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2004.

Краева С. С. Когнитивный и прагматический аспекты исследования высказываний с семантикой благодарности. // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. № 24 (315), С. 104–109.

Краснова Е.В. Концепт hygge как фрагмент датской языковой картины мира // Скандинавские чтения 2014 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб., 2016. С. 541–548.

Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов. // Логический анализ языка: Язык и время РАН. Ин-т языкознания; Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 139–151.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель; Corpus, 2013.

Крылова Э.Б. Коммуникативная семантика датских вопросительных предложений // Скандинавская филология. Scandinavica: Выпуск 7. СПб. Изд-во СПбУ, 2004. С. 62–76.

Крылова Э.Б. Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц NOK, VEL, VIST в датском языке. Дисс … канд филол. наук. М.: МГУ, 2004.

Крылова Э.Б. Несколько слов в защиту датского будущего // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика. (Ко дню рождения О.А. Смирницкой) М.: МАКС Пресс, 2008. С.104–123.

Крылова Э.Б. Модальная частица nu в датском языке: функционально-семантическая эволюция от наречия к частице // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология, 2008. № 3. С. 15–30.

Крылова Э.Б. Функциональная семантика грамматизованных устойчивых сочетаний с модальными глаголами kunne, måtte и skulle в сопоставлении с модальными частицами nok, vel и vist в датском языке // Вестник военного университета. М.: 2009. № 2. С. 102–107.

Крылова Э.Б. Статус модальных частиц датского языка и порядок их следования в предложении // Скандинавская филология = Scaninavica. Вып. X. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 112–121.

Крылова Э. Б. Роль модальных частиц в формировании семантики императивов в датском языке // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология, 2009. № 2. С. 34–50.

Крылова Э.Б. Будущность или модальность: есть ли будущее у датского языка // Логиче-

ский анализ языка: Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее, Москва, Индрик, 2011. С. 192–202

Крылова Э.Б. Функциональная семантика модальных частиц bare, blot и kun в датском языке // Скандинавская филология – Scandinavica, 2012. № XII. С. 75–85.

Крылова Э.Б. Датские частицы как индикаторы коммуникативных стратегий говорящего // Скандинавская филология. Вып. XIII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 94–103.

Крылова Э.Б. Средства эпистемической модальности датского языка как парадигматическая гиперсистема // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология, 2016. № 6. С. 26–47.

Крылова Э. Б. Средства эпистемической модальности датского языка как парадигматическая гиперсистема // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. Изд-во Моск. ун-та, 2016. №6. С. 26–47.

Крылова Э.Б. Модальные операторы желательности в датском языке. Синхрония; Диахрония; Текстология: Сборн. науч. стат. и перев.: К юбилею Е.М. Чекалиной. М.: МАКС-пресс, 2016. С. 186–194.

Крылова Э.Б. Об одном значении двойного перфекта в современном датском языке // скрытые смыслы или грамматика нереального-2. Материалы круглого стола. М. Макспресс, 2018. С. 33–37.

Крылова Э. Б. Вера в достоверность: Частица *nok* в датском языке // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: 2019. С. 164–175.

Крылова Э.Б. Как теперь «думать» по-датски? О новых тенденциях в использовании глаголов tro и tænke в датском языке // Mi trade unde dade. Сборник научных статей к юбилею Екатерины Ричардовны Сквайрс. М., 2020. С. 127–135.

Крылова Э.Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М., МАКС-пресс, 2021.

Крылова Э.Б. Прагматический потенциал формы двойного перфекта в датском языке // Эмпирические исследования германских языков. Сборник статей по материалам VII Чтений памяти В.Н. Ярцевой. Выпуск 7. / Отв. ред. Д.Б. Никуличева. М.: Языкознание, 2024. С. 207–218.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144–238.

Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке вопроса) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 56. 1997. № 3. С. 22–31.

Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 58. 1999. № 5–6. С. 3–12.

Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–92.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа: На материале германских языков. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Издательство ЛКИ, 2008а.

Кузнецов С.Н. Семантическая и лексико-комбинаторная характеристика поствербов в датском языке // Вестник МГУ, Сер. Филология. 1972, №2. С. 74–81.

Кузнецов С.Н. Теоретическая грамматика датского языка. Синтаксис. М.: Наука, 1984.

Кузнецов С.Н. Теоретическая грамматика датского языка. Морфология. М.: Наука, 1989.

Кузьмина Е.А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности: на материале немецкого языка. Дисс. канд. филологических наук 2002, Тамбов.

Курпатов А.В. Четвертая мировая война. Будущее уже рядом! СПб: ООО «Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2020.

Латышев Л. К. Курс перевода: эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения, 1981.

Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2008.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английский и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

Ларина Т.В. Вежливость, невежливость и грубость в межкультурном аспекте // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ 23-24 октября 2018 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 133–144.

Левонтина И.Б. Частицы переспроса и припоминания // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 268–279.

Леонтьев В.В. «Похвала», «Лесть», «Комплимент» в структуре английской языковой личности: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / В. В. Леонтьев. – Волгоград, 1999.

Ливанова А. Н. Особенности функционирования пространственных выражений в норвежском языке // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. СПбГУ, 1998. С 44–47.

Ливанова А. Н. О некоторых вторичных функциях терминов пространственной локализации по вертикали. // Скандинавская филология. Scandinavica, СПб., 1999. Вып.6. С. 80–82.

Ливанова А. Н. О семантике наречий-частиц *bort* и *borte* в норвежском языке // Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность». СПбГУ, 2008. Т.7. С. 88–95.

Ливанова А.Н. «Кус» и «хюгге»: ключевые слова норвежской культуры // Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных трудов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, СПб., 2019. С. 222–224.

Линевич Н. Ю. Сравнительный анализ средств реализации принципа вежливости в шведском и английском языках. // Синхрония, диахрония, текстология: сб. науч. статей и переводов: к юбилею Е. М. Чекалиной. М.: Макс Пресс, 2016, С. 208–213.

Локштанова Л.М. Система форм индикатива в датском языке.// Скандинавские языки. Актуальные проблемы грамматической теории. М.: Институт языкознания, 1984. С. 59–99.

Локштанова Л.М. О категориальных значениях форм индикатива в датском языке // Вопросы языкознания. 1986. №1. С. 111–121.

Локштанова Л.М. Датский глагол. Категориальные значения и употребление финитных форм. – Дисс … доктора филол наук. – М. МГУ, 1986.

Лорентцен Е. Дизъюнкция однородных членов предложения в русском и датском языках // Scando-Slavica, 2012. С.195–230.

Лукьянченко Н.В. Новая жизнь комплимента: практикум по формированию позитивных констатаций о коммуникативном партнёре Сибирский государственный технологический университет, 2 (47), Новосибирск, 2016. С. 27–36.

Лунд К.Х. Датские причинные союзы в тексте // Скандинавская филология. Scandinavica. СПбГУ, 2007, Т. IX. С. 162–175.

Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. 4-е изд., расш. – М.: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009.

Михайлова Т.А. (ред.). Скрытые смыслы или Грамматика нереального 2. Материалы круглого стола. М.: МАКС Пресс, 2018.

Мудрова Е.В. Комплимент как первичный речевой жанр: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Е. В. Мудрова. Таганрог, 2007.

Напольнова Е.М. Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого зыка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, М.: ИЯз РАН, 2021.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) Отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Едиториал УРСС, 2005.

Никуличева Д.Б. Глагольная группа в датском языке. // Скандинавские языки. Актуальные проблемы грамматической теории. М.: ИЯз АН СССР, 1984. С. 144–164.

Никуличева Д.Б. Структура и функциональные особенности глагольной группы в датском языке. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М.: ИЯз. АН СССР, 1986.

Никуличева Д.Б. Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. М.– СПб., 2000.

Никуличева Д.Б. Проявление тенденций к аналитической номинации в композитном словообразовании датского языка // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах. Колл. мон. Новосибирск, 2005. С. 113–130.

Никуличева Д.Б. Традиция исследования аналитизма в отечественном языкознании» // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. К 100-летию со дня рождения. Выпуск II.– М. Ияз РАН: Эйдос, 2006. С. 3–18.

Никуличева Д.Б. О функциональном и структурном понимании аналитического строя и о синтагматике дискретности как о структурной доминанте аналитизма. // Вестник Новосибирского Государственного Университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 4, Выпуск 2, Новосибирск, 2006[1]. С. 39–47

Никуличева Д.Б. О перцептивных основах категоризации видо-временных значений в английском и датском языках // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика. Сборник статей к юбилею О.А. Смирницкой. – М.: Издательский центр МГУ, 2008. С. 76–103.

Никуличева Д.Б. Метафора времени в художественном тексте как отражение грамматической категоризации времени в языке // Контрастивные исследования языков мира: Материалы Третьих лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. М.–Калуга: Издательство «Эйдос», 2009. С. 54–63.

Никуличева Д.Б. Динамика императива в современном датском языке: усиление аналитических тенденций // Динамические процессы в германских языках. Материалы Четвертых лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. / Отв. редактор Д.Б. Никуличева. – М.– Калуга. Издательство «Эйдос», 2012. С. 61–73.

Никуличева Д.Б. Вербализация времени в английском языке и экспериментальное исследование интероцепции биографического времени англоязычными информантами // Вопросы психолингвистики. Вып. 1 (27). М., 2016. С. 165–179.

Никуличева Д.Б. Датские пространственные предлоги как отражение вербальной ориентации говорящего во времени. // Грамматические категории германских языков в антро-

поцентрической перспективе. Коллективная монография /Отв. ред. Д.Б. Никуличева. М., Изд-во «Канцлер», 2017. С. 26–39.

Никуличева Д.Б. О некоторых парадоксах датских темпоральных предлогов и их перцептивном объяснении // Скандинавская филология. Scandinavica. Т. XV, Вып. 1. / Под ред. Е.В. Красновой и И.М. Михайловой – Санкт-Петербург: Изд. СПбГУ, 2017а. С. 54–68.

Никуличева Д.Б. Полисемия датского пространственного предлога *ОМ* в антропоцентрическом рассмотрении. // «Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе». Коллективная монография в честь О.Н. Селиверстовой. М.: Флинта, 2018. С. 270–280.

Никуличева Д.Б. Датские темпоральные предлоги в когнитивной перспективе // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. (Вып. 57). / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Москва: МАКС Пресс, 2017. С. 228–237.

Никуличева Д.Б. Когнитивные сюжеты, задаваемые грамматикой, и сложности их перевода. // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVI: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В.З. Демьянкова/ отв. ред. вып. М.Л.Ковшова. 2019. С. 231–239.

Никуличева Д. Б. К разработке проекта антропоцентрической грамматики датского языка. Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 1 (817), 2019а. С. 254–268.

Никуличева Д.Б. От теоцентризма к антропоцентризму: языковая динамика датских переводов Библии // Германские и романские языки в высшей школе России. Сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию доктора филологических наук, профессора А.Л. Зеленецкого. Калуга, Изд-во «Эйдос», 2021. С. 73–81.

Нойберт А. Прагматические аспекты перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике Сб. статей. / Под ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Междунар. отношения, 1978. С.185–201.

Осорина М. В. Ментальные пространства как психическая реальность // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика, 2017. Т. 7. Вып. 1. С.6–24.

Павич М. Звездная мантия. СПб.: Азбука, 2001,

Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413–424.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М.: 1996.

Падучева Е.В. Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов). // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 238–254.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность. Труды международной конференции «Диалог-2008», 2008. С. 412–418.

Плетнева Е. А. Извинение как социокультурно обусловленный коммуникативный феномен. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 2-2, 2007. С. 19–25.

Плоткин В.Я. О принципе бинарности в строении английской видовременной системы // Филологические науки. 1965. №2. С. 69–75.

Плоткин В.Я. Типологическая эволюция германских языков.// Лингвистические единицы, конструкции и текст. – Новосибирск: Наука 1989. С.3–13.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. Учебное пособие. М.: Едиториал. УРСС, 2000.

Плунгян В.А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // B. Wiemer & V. A. Plungjan (Hrsg.). Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72.) München: Sagner, 2008, С. 285–311.

Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.

Попова Н.С. Время сквозь призму антропоцентризма // Когнитивные исследования языка: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Вып. XXVII. / Отв. ред. В.З. Демьянков. М.: Ин-т Языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 266–272.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., Наука, 1988. С. 8–69.

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Регламент Фолькетинга § 26 URL: https://www.ft.dk/da/dokumenter/bestil-publikationer/publikationer/forretningsorden/forretningsorden-for-folketinget/kapitel-xi

Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1960.

Северская О. И. От «диких извинений» до «можнопожалуйста»: о границах между вежливостью и антивежливостью // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Междунар. науч. конф., состоявшейся в РГГУ 23–24 октября 2018 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 246–253.

Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость». // Жанры речи. Саратов, 1997. С.188–195.

Селиверстова О.Н. Понятия ‘множество’ и ‘пространство’ в семантике синтаксиса // Изв. АН СССР, Сер. литературы и языка, 1983. Т.42. №2. С.142–150.

Селиверстова О.Н. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия // Селиверстова О.Н. Труды по семантике**.** М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 719–941.

Серебрякова Р.В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук, Воронеж, 2002.

Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 18: Логический анализ языка. М.: Прогресс, 1986. С. 242–263.

Серль, Дж., Классификация иллокутивных актов. *Новое взарубежной лингвистике*, № 17, 1986. С. 170–194.

Симонова О. А. Современная социология эмоций: Взаимовлияние обыденного и научного знания // Вторые Давыдовские чтения. Сборник научных докладов симпозиума, 09–10 октября 2014 г. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 254–278.

Сичинава Д.В. Синонимия глагольных форм и аналитизм. // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. К 100-летию В.Н. Ярцевой. М.: Ияз РАН, 2006. С. 48–55.

Смирницкая О.А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М.: Наука,1977. С. 5–127.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М. Издательство литературы на иностранных языках, 1959.

Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М.: Наука, 1985.

Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и аналитизм. // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., Наука, 1965, С.80–88.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М.: 1981.
Степанова Е.А. Секулярность в социально-культурном контексте: пример Дании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология, 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 209–221. https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.117
Студенцов В. Б. (1) Три источника «скандинавского социализма». Часть I. Крестьянский уравнительный менталитет. Свободная мысль, 2022. № 1. С. 5–16.
Студенцов В. Б. (2) Три источника «скандинавского социализма». Часть II. Лютеранство как предтеча. Свободная мысль, 2022. № 2. С. 181–190.
Суджашвили Н.А. Датский язык. Справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2009.
Суник О.П. О понятиях «аналитическая конструкция» и «аналитический строй речи». // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л.: Наука, 1965. С.70–79.
Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
Телия В.Н. От редактора //Фразеология в контексте культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.
Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М.: Высшая школа, 1979.
Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку.// Зарубежная лингвистика. Ч.1. Новое в лингвистике. Избранное. М.: Прогресс, 1999. С. 58–91.
Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Издательство ИКАР, 2007.
Формановская Н.И. Культура общения и речевого поведения. М.: 2010.
Храковский В.С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. С. 185–238.
Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / Ин-т лингв. исслед. РАН; отв. Ред. В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 2007. С.600–632.
Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. М.: Едиториал УРСС, 2002.
Циммерлинг А.В. История одной полемики // Язык и речевая деятельность. Т. 1. СПб. Изд-во СпбУ, 1998. С.63–87.
Циммерлинг А.В. Семантика в тексте и вне его: к универсальному определению частиц // Текст, структура и семантика. М.: 2009. С.140–154.
Циммерлинг А.В. Эпистемические предикаты и ментальные состояния // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 45–70.
Чекалина Е.М. Прагматические аспекты функционирования близких по значению аналитических и синтетических глагольных единиц в современных скандинавских языках. // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. К 100-летию В.Н. Ярцевой. М.: Ияз РАН, 2006. С 56–67.
Чекалина Е.М. Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. – М.: МАКС Пресс, 2017.
Шапошникова И.В. Становление аналитизма как диахроническая типологическая константа в английском языке. // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах. Новосибирск, Ияз РАН, Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 7–26.
Шведова Н.Д. Очерки по синтаксису русской разговорной речи РАН Институт русского языка. Отв. ред. В.В. Виноградов – М.: 2003 (1960).
Шемарова В.А. Концептосфера «встреча/приветствие» – «прощание/расставание» в русском языке. Уфа, 2004.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998.
Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М: Прогресс, 1985. С. 319–330.
Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994.
Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – Языки славянской культуры. – Studia philologica. М.: 2011.
Ярцева В.Н. Проблема аналитического строя и формы анализа.// Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.-Л. Изд. Наука, 1965. С.58–69.

Ahlburg K. Tak skal du ha'. Viborg: Special-pædagogisk forlag, 2001.
Allan R.; Holms Ph.; Lundskær-Nielsen T. Danish. A Comprehensive Grammar. – London: Routledge, 1998.
Aller Media. Derfor har danskerne svært ved at give komplimenter URL: https://www.avisen.dk/derfor-har-danskerne-svaert-ved-at-give komplimenter_366098.aspx
Alt.dk Derfor skal vi blive bedre til at give (og modtage komplimenter) – og 6 tips til, hvordan det lykkes. Alt.dk 2015. URL: https://www.alt.dk/artikler/bliv-bedre-til-at-give-og-modtage-komplimenter
Andersen B. Høflighed uden grænser – om du & De og den måde vi behandler hinanden på. Forlaget LIVA, 2014.
Andersen H.C. De to Baronesser, 1849. URL.: https://tekster.kb.dk/text/adl-texts-andersen02val-root
Andersen J.E. Adverbier – sprogvidenskabens stedbørn. // Selskab for Nordisk Filologi. København. Årsberetning. 1985 – 1986. S. 45–54.
Andersen S. Det personlige kosmos – Sammenhænge i Aksel Sandemoses forfatterskab. Steen Andersen og Sandemoseprojektet, Morsø Folkebibliotek, 1999 URL: https://www.yumpu.com/da/document/read/18354565/det-personlige-kosmos-aksel-sandemose-selskabet
Andersen T. Modalpartikler og deres funktion i dansk. // Danske Studier. København. Akademisk Forlag, 1982. S. 86–95.*Bjervig N.* Tempus og aspekt. Traduttore, traditore, Kbh.:1975.
Aniston. Klummen janteloven gør danskerne middelmådige URL: https://aniston.dk/klummen-janteloven-goer-danskerne-middelmaadige.52111.html
Anttonen V. The impact of the Reformation on the formation of mentality and the moral landscape in the Nordic countries // Temenos – Nordic Journal of Comparative Religion. 2018. Vol. 54. No. 1. pp. 29–45.
AP L. Fucking flink. Hvordan bliver verdens lykkeligste folk også verdens flinkeste? Køban havn, 2010.
Austin, J.L. How to do things with words. Cambridge: Harvard University Press, 1975.
Avakova Yu. The dark side of Danish hygge: Neologisms hyggeracisme и hyggesexisme, their meaning and translation options. // Scandinavian Philology, 2020, vol. 18, issue 1, pp. 5–20. https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2020.101
Awedyk, W. On apologizing in Norwegian. // Folia Scandinavica Posnaniensia, vol. 13, 2011. pp. 50–62.
Berkov V. Avdempning av oppfordringer i norsk. // Maal og Minne, Nr. 1-2, 1993. S. 109–121.
Bjerrum M. Om brugen af du i stedet for man. // Mål og Mæle 3, november 1995, S. 12–15.
Blok H. P. Localism and deixis in Bantu linguistics // Lingua. 1955/56. Vol. 5. No. 4. – P. 382–419.

Blum-Kulka, S., Olshtain, E. Requests and apologies: A cross-cultural study of speech act realization patterns. // Applied Linguistics, vol. 5, no. 3, 1984. P. 196–213. https://doi.org/10.1093/applin/5.3.196

Borioni P. Danish Welfare Reform and Lutheran Background in the Mid-Twentieth Century // Journal of Church and State, 2014. Vol. 56. № 1.

Bostrup L. Aktivt dansk. Viborg, Akademisk forlag, 2003.

Börneblogger. Med janteloven som værktøj. 14.10.2009. URL.: https://borneblogger.blogspot.com/2009/10/med-janteloven-som-vrktj.html

Boye K. Evidence for Evidentiality in Danish // Müller, Henrik Høeg Reflections on Modality. Copenhagen Studies in Language 26. 2001. S. 81–127. 2011; 2007.

Boye K., Harder P. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization. Language, 88(1). Pp. 1–44.

Brandes G. Hvad er dansk Folkekarakter? // Danske Essays. Copenhagen: Nordisk Forlag, 1965. S. 64–68.

Brandt F., Eller E. OVERBLIK Her er de officielle danske undskyldninger – og dem, der ikke blev givet. Dr.dk, 13.08.2019. URL: https://www.dr.dk/nyheder/indland/overblik-her-er-de-officielle-danske-undskyldninger-og-dem-der-ikke-blev-givet

Brøcker K. "At have haft ringet" // Skrifter om samtalegrammatik, 2015. № 2/7. S. 2–29.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Bull W.E. Time, Tense and the Verb. A Study in Theoretical and Applied Linguistics, with Particular Attention to Spanish. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960.

Bybee J., Morphology: A Study of the relation between Meaning and Form. – Amsterdam: Benjamins, 1985.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, University of Chicago Press, 1994.

Bybee J., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies of language 13-1, 1989. S.51–103.

Chafe W., Nichols J. (eds.) Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood: Ablex, 1986.

Christensen M. Blærerøvens guide til moderne etiquette. København, 1999.

Christensen T.K. Hyperparadigmer – en undersøgelse af paradigmatiske samspil i danske modussystemer. Institut for kultur og identitet. Roskilde universitetscenter, 2007.

Christensen T. K. Sætningstyper, modalpartikler og markerethed // Inger Schoonderbeek Hansen & Peter Widell (udg.): 12. Møde om Udforskningen af Dansk Sprog. Århus, 2008. S. 133–142.

Christensen T.K. Tænk bare! Det er ikke så ligetil med den imperativ // Mål og mæle 1, 2008. S. 23–27.

Christensen T.K. Tag nu bare økomælken: Om imperative og modalpartikler i dansk // Dramatikken i grammatikken: Festskrift til Lars Heltoft. Roskilde: Roskilde University, 2009. S. 51–67.

Dahl Ö. The Growth and Maintenance of Linguistic complexity. Amsterdam: Benjamins, 2004.

Danmarkskanonen. URL: https://www.danmarkskanon.dk/

Dansk Sproghistorie, Bind 3, Bøjning og bygning. Det Danske Sprog– og Litteraturselskab, Aarhus Universitetsforlag, 2019.

Davidsen-Nielsen N. Det er sgu da nu vist en misforståelse. Om nogle svære små ord på dansk // Nyt fra Sprognævnet, 1993. №3. S. 1–9.

Davidsen-Nielsen N. Discourse particles in Danish // Content, expression and structure. Studies in danish funktional grammar. Elisabeth Engberg-Pedersen et al. (red.): Amsterdam/ Filadelphia, 1996. S. 283–314.

Den store danske. *Hilseformer* URL: http://denstoredanske.dk/Sprog,_religion_og_filosofi/Sprog/Sprogvidenskab,_overbegreber/hilseformer

Den store danske. *Janteloven* URL: https://denstoredanske.lex.dk/Janteloven

Diderichsen P. Elementær dansk grammatik. Kbh.: Gyldendal, 1946. 3.ed. 1976.

Diewald G. Discourse particles and modal particles as grammatical elements. // Approaches to Discourse Particles. K. Fischer (red.). Amsterdam: Brill, 2006. S. 403–425.

Durst-Andersen P. Sproglige supertyper // Sprint №2, 1993. S. 25-29, Sprint №1, 1994. S. 6-18.

Durst-Andersen P. Imperative frames and modality // Linguistics and Philosophy 18. Kluwer Academic Publishers, 1995. S. 611–653.

Durst-Andersen, P. Towards a theory of linguistic supertypes: Speaker-based, hearer-based and reality-based languages. // Proceedings of LP'96, B. Palek (ed.) Prague: Charles University Press, 1997. S. 125-152.

Durst-Andersen P. En kognitiv analyse af perfektum og imperfektum i dansk // Nydanske studier og almen kommunikationsteori. Bd. 26-27. København, 2000. S. 131-164.

Durst-Andersen P. De danske sprogs mange stemmer. // Sproglig polyfoni. Tekster om Bachtin og ScaPoLine. Rita Therkelsen et al. (red). Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 2007. S. 163–180.

Durst-Andersen P. Når den danske ytring bøjes i første-, anden– og tredjeperson. // MUDS 13. Århus: Århus Universitet, 2010. S. 137–153.

Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011.

Durst-Andersen P. Linguistic Supertypes. A Cognitive-semiotic Theory of Human Communication. Berlin: de Gruyter Mouton, 2011[a].

Durst-Andersen P. Når den danske ytring bøjes i første-, anden– og tredjeperson. // MUDS 13. Århus: Århus Universitet, 2011. S. 137–153.

Engerer, V. Tid i sprog. Aktionsartteoriernes fire grundpiller. // Tidsskrift for Sprogforskning, 2003, 1(1), S. 21–45.

Faerch C., Kasper G. Internal and external modification in interlanguage request realization // Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Norwood, NJ: Ablex, 1989. P. 221–247.

Fauconnier G. Mental spaces: roles and strategies. Cambridge: Mass, 1985.

Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2008.

Fredsted E. Politeness in Denmark: Getting to the Point // Politeness in Europe. Nova Scotia, Canada 2005. P. 159–173.

Galberg Jacobsen H. Takt, tone og tiltale // Nyt fra Sprognævnet, Nr.11, Oktober 1973. S. 1–3.

Gewehr W. Man wird ja doch wohl noch fragen dürfen ...: Sind die „flavoring particles" im Unterricht der Zielsprache Deutsch eigentlich tabu?" // Knapp, G. P. und W. A. von Schmidt unter Mitarbeit von H. F. Rahde (eds.): Sprache und Literatur. Festschrift für Arval L. Streadbeck zum 65. Geburtstag. Bern, Frankfurt am Main, Las Vegas: Peter Lang, 1981. S. 15–23.

Glismann O. Om tid og tempus. // NYS 16/17, Akademisk Forlag, København, 1986. S. 237–257.

Glismann, O. Jeg har haft gjort det // Mål & Mæle. 1989. № 12/4. S. 6–8.

Gregersen S. Årsagssætninger med fordi i (formelt) dansk talesprog. // NyS, 2019, 57. S. 81–112.

Grice P. Logic and Conversation. // Syntax and Semantics, V.3: Speech Acts. N.Y.: Academic Press, 1975. P. 41–58.

Gundelach P., Raun Iversen H., Warburg M. I Hjertet af Danmark: Institutioner og mentaliteter. Copenhagen: Hans Reitzel, 2008.

Hagemann H. Hej, du dér – Brugen af du og De gennem 30 år i personlig belysning // Sproget her og nu. Dansk Sprognævn, 1988. S. 136–145.

Hansen Aa. Moderne dansk. Bd.3. Kbh., Grafisk forlag, 1967.
Hansen E. Imperativ // *Mål og mæle*, 3, 1974. S. 7–13.
Hansen E., Lund J. Sæt tryk på. Syntaktisk tryk i dansk. – København: Lærerforeningens materialeudvalg, 1983.
Hansen E. Ping og pampersprog. Kbh.: Reitzel,1993.
Hansen E. Hilsener // Mål og mæle, nr. 1, maj, 1994. S. 7–10.
Hansen E. Skulle vi ikke vare Des? // Mål og Mæle, nr. 1, maj 1998, S. 19–20.
Hansen E. Ta' og hils det hele fra mig – imperativisk ekspansion el. serie-imperativ. // Mål og mæle, nr. 2, 2002. S. 19–22.
Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det danske sprog. Bd. 1 – 3., Det Danske Sprog– og Litteraturselskab. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2011.
Hansen J.F. We are a Little Land: Cultural assumptions in Danish everyday life. New York: Arno Press, 1980.
Harder P. Om førtid og førførtid// Mål & Mæle, 1989. № 12/4. S. 11–13.
Harder et al., 1996, 164.
Heinemann, T. 'Will You or Can't You?': Displaying Entitlement in Interrogative
Requests. Journal of Pragmatics 38, 2006. pp. 1081–1104. DOI:10.1016/j.pragma.2005.09.013
Heinemann T., Steensig J. Three imperative action formats in Danish talk-in-interaction. // Imperative Turns at Talk. Sorjonen, M-L., Raevaara, L. & Couper-Kuhlen, E. (eds). John Benjamins Publishing Company, 2017. S. 139–173.
Helbig G., *Kötz W*. Die Partikeln. Veb Verlag Enziklopädie Leipzig, 1981.
Hellesøe Nielsen E. Haha du er skør … og sød. En undersøgelse af komplimenter og flirten i sms'er. // Journal of Language Works, 3(1), 2018. S. 43–61.
Heltoft L. Hvorfor findes der ikke noget nutids-r på dansk? Og andre provokationer i den kommende grammatik over det danske sprog. // Danske sprogdage. Moskva 18.04.1998. – S.1–12.
H.M. Dronning Margrethe II's nytårstale 1987 URL: https://dansketaler.dk/tale/dronningens-nytaarstale-1987
Hørning G. Moderne hilsekultur – et område uden konsensus. // Hilseformer og høflighed. Modersmål-Selskabet, 2015. S. 65–82.
Jacobsen H. G. Vist og nok. Om et par formodningsord i dansk. Mål & Mæle. 2/15. 1992. S. 13–20.
Jakobsen B. Semantisk aktionalitet i dansk // NyS 20. København Dansklærerforeningen, 1995. S. 61–76.
Jarvad P. Hej, Jørgen // Nyt fra Sprognævnet, 1990/4 december, S. 1–5.
Jenkins R. At være dansk: Identitet i hverdagslivet. Museum Tusculanums Forlag, 2014.
Jensen E.S. Godt og gerne – modalitet og polaritet // 6. Møde om udformning af Dansk Sprog til minde om Peter Skautrup 1896-1996. Århus, 1997. S. 154–164.
Jensen E.S. Danske sætningsadverbialer og topologi i diakron belysning. Ph.d.-afhandling i dansk grammatik ved Institut for Nordisk Filologi, KU. København, 2000.
Jensen E.S. Om subjektivitet som motivation for sproglig forandring. // Sproglige Åbninger E som Erik, H som 70 Festskrift til Erik Hansen 18. September 2001. Hans Reitzels Forlag A/S, København, 2001. S. 194–204.
Jensen E.S. Hvordan bliver et sætningsadverbial til et sætningsadverbial? // Studier i Nordisk 2000 – 2001. Selskab for Nordisk Filologi. Foredrag og årsberetning, red. af Kjeld Kristensen, København, 2002. S. 31–50.
Jensen A. Relativsætninger i dansk talesprog. Foredrag på Grammatikseminar på Musholm, 28. oktober 05, 2004.

Jensen A. Om for og fordi //: Ny forskning i dansk grammatik, 2006, 13, Institut for Sprog og Kommunikation, Odense. S. 81–96.

Jespersen O. The Philosophy of Grammar, University of Chicago Press. (1924/1992).

Kierkegaard S. Journalen JJ: 1846. Søren Kierkegaards Skrifter, Bd. 18, udg. af Niels Jørgen Cappelørn; Joakim Garff; Jette Knudsen; Johnny Kondrup; Alastair McKinnon, Søren Kierkegaard Forskningscenteret 2000. URL.: https://tekster.kb.dk/text?editorial=no&f%5Bsubcollection_ssi%5D%5B%5D=sks&match=one&q=Jeg+er+netop+blev+%5Ben%5D+til+Noget+&match=one&search_field=Alt&editorial=no

Kirkebæk M.J. Din dansker – nye sider af dansk kultur. Gyldendal, 2016.

Kisbye T. DU og DE i nogle europæiske sprog – tiltaleformer i kulturhistorisk belysning // Mål og Mæle, nr. 3, 10. årgang, 1985. S. 22–31.

Knudsen A. Her går det godt, send flere penge. Copenhagen: Gyldendal Forlag, 1998.

Kofoed Poulsen T. Ind med janteloven igen. DR.dk. 25.03.2008. URL.: https://www.dr.dk/nyheder/kultur/ind-med-janteloven-igen

Kornø-Rasmussen H. Den danske stamme. En befolkningshistorie. Kbh.: Politikens Forlag, 2008.

Kuryłowicz J. The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg: Carl Winter, Universitatsverlag, 1964.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. The University of Chicago Press, 1980.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to western thought. New-York: Basic Books, 1999.

Lakoff R. The logic of politeness, or, minding your p´s and q´s. // Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago, 1973. P. 292–305.

Langacker R.W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford University Press, 2008.

Leech G.N. Meaning and the English verb. London: Longman, 1971.

Leech G.N. Principles of pragmatics. L.; N.Y.: Longman, 1983.

Leiss, E. Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. // Studia lingüistica Germanica. 31. – Berlin; New York: de Gruyter, 1992.

Levisen C. Cultural Semantics and Social Cognition: A Case Study on the Danish Universe of Meaning. Berlin: De Gruyter Mouton. 2012.

Levisen C., Waters S. Lige, a Danish "magic word"? An ethnopragmatic analysis. // International Journal of Language and Culture 2:2. 2015. P. 244–268.

Litteraturhåndbogen. Red. Af I.Fisher Hansen, J.A. Jørgensen, K. Mikkelsen, J. Sørensen, L.Tonnesen. København: Gyldendal, 4.udg., 8 oplag. 1995.

Lokshtanova L. Forbindelser med 'ville' og 'skulle' i det danske verbums paradigme. // RASK, Bd.1., Oktober 1994. S. 95–116.

Loman B. Om relationen mellan ordföljd och betydelse hos hjälpeverb.// Arkiv för nordisk filologi. Lund, 1958. Bd.73, H.1-2. S. 33–50.

Lund J. Adieu // Helt vildt fedt. Gads Forlag, 2008. S. 51–53.

Lund J. Det devaluerede kram // *Sprog til salg*. Gads Forlag, 2005. S. 41–43.

Lund J. Hilsener, knus og afklapsninger // Dansk i skred. 52 sproglige opstrammere. Gads Forlag, 2014. S. 37–40.

Lund J. Hvor går gransen? 55 statusopdateringer om det danske sprogs rummelighed. Copenhagen: Gads Forlag, 2016.

Lund J. Var så dær? // Dansk i nullerne. 50 sproglige diagnoser. Gads Forlag, 2011. S. 72–74.

Lund J. Vi snakkes // Hilseformer og høflighed. Modersmål-Selskabet, 2015. S. 13–19.

Lund J. Sprogligheder // Mål og mæle, nr. 31 (2), 2008. S. 2–3.

Lykkeberg R. Hvem er jantelovens ofre. Information. 21.04.2007. URL.: https://www.information.dk/2007/04/hvem-jantelovens-ofre

Lykkeberg R. Overklassen som ofre for janteloven. Information. 31.012.2016. URL.: https://www.information.dk/debat/2016/12/overklassen-ofre-janteloven?lst_tag

Lykkeland? Dokumentarfilm, 2019. URL: https://www.dr.dk/drtv/program/lykkeland_182187

Min-mave.dk URL: https://min-mave.dk/topic/paent-goddag-sammen

Mosegaard Hansen M.B. Sproglig høflighed // RIDS, Nr. 143. Romansk Institut, Københavns Universitet, 1998.

Mål&Mæle, nr. l, 20. årgang, maj 1997. S. 3–4.

Mikkelsen K. M. Dansk sproglære med sproghistoriske tillæg. Haandbog for lærere og viderekomne. København Lehmann & Stage, 1894.

Mithun M. On the nature of noun incorporation // Language, 1986, V.62,N.1. P. 32–37.

Mithun M. «Shaping Grammar: The Emergence of Grammatical Distinctions» // приглашенный доклад в Институте языкознания РАН (19 сентября 2019 г).

Müller M. Bibeloversættelser – Oversættelser til dansk // Den Store Danske, Gyldendal. Hentet 29.03.2020 http://denstoredanske.dk/index.php?sideId=46736

Narayanan S. Embodiment in language understanding: Sensory-Motor Representations for metaphoric reasoning about event descriptions. Ph.d. Dissertation, Department of Computer science, University of California. Berkeley, 1997.

Nielsen N. Forsker**:** Løkke beklagede 45 gange, men sagde aldrig undskyld. *Dr.dk*, 21.10.2013. URL: https://www.dr.dk/nyheder/politik/forsker-loekke-beklagede-45-gange-men-sagde-aldrig-undskyld

Nikolaisen A., Lind B., Andersen K.A. Sider af dansk kultur. København: Gylgendal, 1998.

Nikulicheva D. Ordre eller opfordring? Direktive sproghandlinger i dansk-russiske filmoversættelser. // Globe: A Journal of Language, Culture and Communication. Aalborg University, 2016, special issue 1. S. 96–106.

Nikulicheva D. Quasi-synonymy of Danish temporal conjunctions from the anthropocentric point of view. // Скандинавская филология. Scandinavica. Т. 17, Вып.2. 2019 Санкт-Петербург: Изд. СПбГУ, 2019. С. 213–233.

Nølke H. Polyfoni. En sprogteoretisk indføring. ARK. 48. København, 1989.

Nyt fra Sprognævn, nr. 4, december 2015, S. 14–15.

Øckenholdt M. Dansk er lidt svært. Øvelser i dansk 2. – København, Nordisk Forlag, 1999.

Øckenholdt M. Dansk er svært. Øvelser i dansk 3. – København, Nordisk Forlag, 2001.

Ogiermann E. Politeness and in-directness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests // *Journal of Politeness Research*, 5, 2009. P. 189–216.

Ogiermann E. On apologising in negative and positive politeness cultures. Amsterdam: John Benjamins Publ., 2009.

Olesen P. Høflighed – hvad blev der af den? København, 2009.

Østergaard U. Lutheranismen, danskheden og velfærdsstaten (Lutheranism, Danish nationality and the welfare state) // 13 historier om den danske velfærdsstat / K. Petersen, ed. Odense, 2003. S. 27–46.

Palmer F.R. Mood and Modality. Cambridge University Press, 1986.

Palmgren U.G. Diskret som en dansker // Håndbog i høflighed – kulturelle koder i 11 EU-lande. København, 2008. S. 9–12.

Pedersen J. The different Swedish tack: An ethnopragmatic investigation of Swedish thanking and related concepts // *Journal of Pragmatics*, 2010, no. 42, P. 1258–1265.

Rehling E. Det danske sprog. København: Schultz, 1951.

Ritzau. Jeppe Kofod: UNDSKYLD. Avisen.dk. 17.09.2020. URL: https://www.avisen.dk/jeppe kofod-undskylder-for-sexsag-fra-2008_615329.aspx

Ritzau. Inger Støjberg: Sexismesnak er ved at gå over gevind. BT.dk. 21.09.2020 https://www.bt.dk/politik/inger-stoejberg-sexismesnak-er-ved-at-gaa-over-gevind

Ritzau. Læs hele Morten Østergaards opslag om krænkelser her, avisendanmark.dk, 09.10.2020. URL: https://avisendanmark.dk/danmark/laes-hele-morten-oestergaards-opslag-om-kraenkelser-her

Ritzau. Frank Jensen undskylder krænkelser: Jeg var del af usund kultur. stiften.dk. 16.10.2020. URL: https://stiften.dk/danmark/frank-jensen-undskylder-kraenkelser-var-del-af-usund-kultur

Ronnøe L. "Hvor er det dejligt at se dig" – hilsners betydning for arbejdsglæde // Hilseformer og høflighed. Modersmål-Selskabet, 2015. S. 21–31.

Rudå Herløv-Nielsen F. Derfor oplever vi danskere en splittelse, når vi skal præstere og selvpromovere. Information, 27.10.2023. URL: https://www.information.dk/debat/2023/10/derfor-oplever-danskere-splittelse-nar-praestere-selvpromovere?lst_tag

Rudolph E. Partikeln in der Texstorganisation // Schprechen mit Partikeln. Weydt H. (ed.) Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1989. S. 499–523.

Rykov Ibsen O. An empirical cross-linguistic study of directives. Doctoral dissertation in Intercultural Business Communication. Copenhagen Business School, May 2016. *Samtalegrammatik.* URL: https://samtalegrammatik.dk/opslag/artikel/imperativ-lige/

Schirrer, A. K., Jensen, S. G., Segal, L. B., Jønsson, A. B. R. Undskyld // Tidsskriftet Antropologi, vol. 80, 2019. P. 3–24.

Searle J. Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics. New York, 1975. P. 69–82.

Shardakova M. Intercultural pragmatics in the speech of American L2 learners of Russian: Apologies offered by Americans in Russian // Pragmatics, vol. 2, 2005. P. 423–451. http://dx.doi.org/10.1515/iprg.2005.2.4.423

Singh Kailay S., Olsen S.M. Danske Bank siger undskyld for hvidvasksagen – men bankforretningen er ikke ramt. Berlingske, 01.02.2019. URL: https://www.berlingske.dk/virksomheder/danske-bank-siger-undskyld-for-hvidvasksagen-men-bankforretningen-er

Sørensen H. Chr. Strukturen i russisk. Bd. 1-2. København, 1973.

Special EUROBAROMETER 225 "Social values, Science & Technology" c.9. [Электронный ресурс].: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf

Sperber Dan, Wilson Deidre Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Blackwell, 1986.

Sproglig polyfoni. Arbejdspapirer 1, udg. af Nina Møller Andersen & Rita Therkelsen. Roskilde: Roskilde Universitetscenter: Skrifter fra dansk og public relations, 2004.

Sproglig polyfoni. Arbejdspapirer 2, udg. af Nina Møller Andersen & Rita Therkelsen. Roskilde: Roskilde Universitetscenters trykkeri, 2005.

Sproglig polyfoni. Tekster om Bachtin og ScaPoLine. Rita Therkelsen et al. (red). Aarhus: Aarhus Universitetsforlag, 2007.

Steno T. Længsel efter faste former – en temperatur på dansk høflighed og vores omgang med hinanden. København: Multivers, 2011.

Tal ordentligt. URL: www.callme.dk/tal-ordentligt

Talbro B.A.C. Ku´ du ikke lige? – om at bede om hjælp på en høflig måde // Mål og mæle, nr. 4, 2000. S. 14–23.

Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik b.4: Satser och meningar. Stockholm, 1999.

Therkelsen R. Om klassifikation af ledsætninger. In: Ny Forskning i Grammatik, 2000. №7, S. 269–285.

Therkelsen R. The functions of Danish causal conjunctions // Nordlyd. 31.2. Tromso, 2003. [Электронный ресурс] https://septentrio.uit.no/index.php/nordlyd/article/view/14/13

Therkelsen R. Polyfoni som sproglig begrebsramme og som redskab i tekstanalysen. *Sproglig polyfoni*. Arbejdspapirer I. Roskilde: RUC, 2004. S. 79–108.

*Therkelsen R.*Epistemiske sætningsadverbier i interrogativer // Ny Forskning i Grammatik, 15, 2008, S. 177–192.
Togeby O. Nok. Mål & Mæle. 3/6 årgang, 1979. S. 18–23.
Togeby O. Fungerer denne sætning? Funktionel dansk sproglære. Academica, 2007.
Trosborg A. Apology strategies in natives/non-natives. // Journal of Pragmatics, vol.11, 1987. P. 147–167.
Truelsen M-L. Interesse fremmer forståelsen 25.11.2006 URL: https://udvandrerne.dk/frankrig/mellemmenneskeligt/interesse-fremmer-forstaaelsen virkeligheden-franskmaend/
Vinther T. Tak – et fattigt ord? // Mål og mæle, no. 1, 13. årgang, 1989, S. 24–25.
Westergaard L. Grammatikalisering af *nu*. Fra tidslig kontrast til polyfoni // Ny forskning i grammatik. Vol.28 (2021). S. 175–194.
Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. Amsterdam, 1988.
Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Vol. 2nd ed, De Gruyter Mouton, 2003.
Willet T. A. Gross-Linguistic Survey of the Grammaticalization of Evidentiality. // Studies in Language 12.1, 1988, P. 51–97.
Wiwel H.G. Synspunkter for dansk sproglære. – Kbh., Det nordiske forlag, 1901.

Словари

DDO – Den Danske Ordbog. Moderne Dansk Sprog. URL: http://ordnet.dk/ddo (accessed January-March 2021).
DRO – Dansk Russisk Ordbog. Red. Jørgen Harrit, Elena Krasnova. – København, Gyldendal, 2005.
DSB – Dansk Sprogbrug. En stil– og konstruktionsordbog. Red. Erik Bruun. – København, Gyldendal, 1995.
ETYM – Dansk Etymologisk Ordbog. Ordens Historie. af Niels Åge Nielsen. Haslev, Nordisk forlag A/S, 4.udg., 1989. 522 p.
NDO – Politikens Nudansk Ordbog. Bd 1-2. – København, Politikens Forlag A/S, 15 udg.,1996.
ODTS – Ordbog over Dansk Talesprog, Københavns Universitet URL: https://odt.hum.ku.dk/form/undskyld/
ODS – Ordbog over det danske Sprog. Historisk ordbog 1700-1950 [Электронный ресурс] Ordbog over det danske Sprog – ordnet.dk https://ordnet.dk/ods/ordbog
OED – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] http://www.etymonline.com/index.php?term
POSL – Politikens Ordsprogs Leksikon. Red. C. Bregenhøj og S. Pått København, Politikens forlag, 1994. 512 p.
Словарь терминов НЛП – История психологии (psychistory.ru) [Электронный ресурс]
https://psychistory.ru/nlp/mind-tuning/association-and-dissociation [Электронный ресурс]
Этимологический онлайн-словарь русского языка https://lexicography.online/etymology[Электронный ресурс]
Языкознание. Большой энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н.Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
Словарь по этике /Под ред. А.С.Кона. М.: Политиздат, 1981.

Источники примеров

Библия. Русский Синоидальный перевод https://bible.by/syn/21/3/
Бликсен, Карен. Из Африки. М.: AST Publishers, 2018. (пер. с датского А.Ю. Кабалкина).

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Л.: Художественная литература. 1976.
Екклесиаст, 3 глава. Библия. Синодальный перевод. [Электронный ресурс]. https://bible.by/syn/21/3/
Йессен, Ида. Азбучная история. Пер. Н.Федоровой. М.: Текст, 2009.
Маллинг, Каролине Сесилие. За забором. Пер. Олег Рождественский. [Электронный ресурс]. http://www.livelib.ru/work/1002544285-za-zaborom-karoline-sesilie-malling
Свейструп С. Каштановый человечек. Пер. с дат. А.Н. Чеканского. М.: Эксмо, 2019.
Хольберг, Людвиг. Пелле с горы, или Превращенный крестьянин // Лудвиг Хольберг. Комедии. Л.-М. Искусство, 1957. С. 99–140. (Пер. с датского А.А. Гозенпуда).
Чехов А. П. Именины // Избранные сочинения в 2-х томах. М.: Художественная литература. 1979. Т.1. С. 334–361.
Theils L. Pigerne fra Englandsbåden. Lindhardt og Ringhof, 2015.
Svejstrup S. Kastanjemanden. Politikens Forlag, 2018.

Bibelen 1550 Christian d. 3.s Bibel oversat af Christian Pedersen, 1550. [Электронный ресурс]. режим доступа : https://tekstnet.dk/christian-3-bibel.xml
Bibelen 1931 https://da.bibelsite.com/dan/
Bibelen 1992 Bibel. Overs. af Bibelselskabet, 1992. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bibelselskabet.dk/brugbibelen/bibelenonline/
Blixen, Karen. Babettes gestebud. Kbh.: Gyldendals tranebøger, 1995. 83 s.
Blixen. Karen. Den afrikanske farm. Kbh.: Gyldendal,1976, 329 s.
Blædel S. De glemte piger. People's Press, 2011.
Blædel S. Dødesporet. People's Press, 2013.
Dansk Bibel. [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://www.biblen.info/Ressourcer/Dansk.htm
Dostojevskij, Fjodor M. Rodion Raskolnikov, oversat fra russisk af Ejnar Thomassen. København. People's Press, 2006.
Hesselhold, Christina. Camilla – og resten af selskabet. Kbh.: Rosinante, 2010. 141 s.
Holberg, Ludvig. Jeppe paa Bjerget eller Den Forvandlede Bonde. // Holberg. Komedier 1. (Moderne dansk retskrivning). Aarhus Universitetsforlag, 2016. S. 273–334.
Holst K. Mord i Skagen. Viborg, 1998.
Jessen, Ida. ABC. Kbh.: Gyldendal, 2005. S. 205.
Kaaberbøl L. Vildheks 1: Ildprøven. Alvilda, 2010.
Karkov, R. EM 84, EM 92, EM 2020 – det danske kollektiv sprudler ofte uden den bedste spiller. 29 juni 2021 URL. https://www.berlingske.dk/samfund/em-84-em-92-em-2020-det-danske-kollektiv-sprudler-ofte-uden-den-bedste (дата обращения 15 мая 2022) .
King James Bible https://biblehub.com/multi/ecclesiastes/3-11.htm New Living Translation https://biblehub.com/multi/ecclesiastes/3-11.htm English Standard Version https://biblehub.com/multi/ecclesiastes/3-11.htm
KorpusDK – Dansk korpus 2007. URL: http://ordnet.dk/korpusdk
KorpusDK – URL: http://ordnet.dk/korpusdk/(дата обращения: 28.09.2019)
Krarup R. Kvindelist og kongelast. Aalborg, Sesam, 1998.
Madsen, Svend Oge. Udenfor // Mellem himmel og jord. Noveller. Kbh. Gyldendal, 1990. S. 214.
Malling, Caroline Cecilie. Bag hegnet. Katapult, 2010. http://ebookparadise.online/pdf?title=Bag+hegnet&geo=dk&i=OTc4ODc3ODY1OTg2Ng%3D%3D&src=google-sites
Pape M. Planen. København: Politikens Forlag, 2015.
Panduro, Leif. De uanstændige. Kbh., Gyldendals tranebøger. 2. udg. 1972. 1.udg. – 1960.

Prædikernes Bog. Bibel. Overs. af Bibelselskabet, 1992. https://www.bibelselskabet.dk/brugbibelen/bibelenonline/Pred/3
Prædikernes Bog. Det Gamle Testamente. Overs. af Ulrik Sandborg-Petersen, 1931.https://da.bibelsite.com/dan/ecclesiastes/3.htm
Salomon Predickere. Christian d. 3.s Bibel oversat af Christian Pedersen, 1550 https://tekstnet.dk/christian-3-bibel.xml/1/21?q=Pr%C3%A6dikerens%20Bog%203
Svejstrup S. Kastanjemanden. Politikens Forlag, 2018.
Tjekhov, Anton Navnedagen // Udvalgte noveller. Oversat fra russisk af Ivan Malinovski. København. Det danske forlag, 1958. S. 69–110.
Theils L. Pigerne fra Englandsbåden. Lindhardt og Ringhof, 2015.

Телесериалы:

Arvingerne, телесериал, 3 сезона, 2014–2017 (рус. «Наследие»)
Bedrag, телесериал, 3 сезона, 2016, 2019 (рус. «Обман»)
Borgen, телесериал, 4 сезона, 2010–2022 (рус.«Правительство»)
Forbrydelsen, телесериал, 3 сезона, 2007–2012 (рус.«Убийство»)
Fred til lands, телесериал, 1 сезон, 2019 (рус. «Возмездие»)
Julestjerner, рождественский сериал, 1–24 декабря 2012
Klassen, телесериал, 17 сезонов, 2016–2024.
Lykke, телесериал, 2 сезона, 2011–2012 (рус. «Люкке»)
Mens vi presser citronen, телесериал, 2015
Når støvet har lagt sig, телесериал, 1 сезон, 2020 (рус. Когда пыль осела»)
Nikolaj og Julie, телесериал, 3 сезона, 2002–20023 (рус. «Николай и Юлия»)
Rejseholdet, телесериал, 4 сезона, 2000–2003 (рус. «Спецподразделение»)
Theo & Den Magiske Talisman, рождественский сериал, 1–24 декабря 2018
Ørnen, телесериал, 3 сезона, 2004–2006 (рус. «Орёл: Криминальная одиссея»)

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аналитизм 21, 23, 24, 26, 32, 385
аналитические конструкции 21–23
морфологические 22
лексические 22, 23
синтаксические 22
грамматизованные устойчивые конструкции 298
принципы аналитической синтагматики 23, 24
синтагматическая стратегия 23
синтагматическая дискретности 23–24, 33
синтагматическая слитности 33
конкатенация 24
автокомбинаторика служебных глаголов 24
автокомбинаторика модальных частиц 26
Анафорическая отсылка 249
Аффирматив 30, 51, 55, 242, 251–254, 262, 264–272, 306, 344, 388
Бенефактивная норма 249, 276–277, 283
Гипотетическое умозаключение 250, 254, 262, 269, 274, 302
Интенсификатор 246, 354–355, 358, 364
Инференция 243
Испрашивание разрешения 251
Квазисинонимия 121, 199, 212–213, 219, 239, 294
предложная 121
квазисинонимические предлоги 108, 121
союзная 199, 202, 212, 213, 215, 217, 219–220, 239
квазисинонимические союзы 215
функциональная асимметрия квазисинонимических маркеров 239, 110, 112, 116, 117, 199, 207, 234
Квазипассивные конструкции 244
Коммуникативная дистанция
вертикальная (статусная, власти) 384
горизонтальная (социальная) 384
Коммуникативная стратегия 261
дистанцирования 389
сближения 389
Коммуникативные типы вопросов
вопрос-привесок, контактоустанавливающий, разделительный 288–292, 294
вопросы-реакции, реактивные 284–285, 287
Конклюзив
гипотетический 257–260, 262–263
инференциальный 301
комментирующий 252, 269
Ксенопоказатель 303
Лингвокультура 309
Лингвокультурные импликации 172, 234
Когнитивные (лингвоспецифические) метафоры 179, 198
Когнитивные (лингвоспецифические) сюжеты 192, 198
Маркеры вежливости 322
Ментальное конструирование 212, 240, 347
vs. пережитая реальность 171, 217
(см. темпоральные когнитивные планы) 212, 240, 347
Местоименный дейксис 11, 45–46
ближнего / дальнего дейксиса 48
Модальность
адмиративная 244, 270–271
аксиологическая 11, 259, 263
аффирмативная 242, 251, 253, 262, 264, 271
комментирующая 242, 252, 262, 269
проблематическая 272, 294–295, 302
фактическая 242
эпистемическая 24–25, 236, 241–244, 250, 253–254, 260, 301, 305, 307
Модус 28, 41, 221–223, 227, 229–230, 271, 298
допущения
Перспективизация 11, 40, 107–108, 114, 119, 121, 152–153, 155, 160, 163, 172, 180, 181, 183, 186, 188, 191, 193, 198, 210
дистанцирование
аксиологическое 57
дейктическое 47

эпистемическое 167
перспектива наблюдателя 109, 136, 207
внутренняя / *внешняя* 109
множественная 163, 164
Переводческие стратегии 377
Перлокутивный эффект
Перцепция 40, 199, 207, 385
перцептор, наблюдатель 40, 107, 113, 115, 117–118, 158, 183, 200
позиция говорящего 40
позиция наблюдателя, точка присутствия 109, 136
Прагмасемантический инвариант 258, 276
Предикат 23, 25, 52, 67–68, 73, 87–89, 113, 119, 155, 160, 164–166, 169, 170–171, 182–183, 186, 189, 191, 193, 196, 204, 206, 208, 210–211, 215, 220–221, 227, 229–230, 239, 242, 246–247, 254, 258, 260, 278, 280–283, 349
ментальный 210
перформативный
путативный 208, 210–211
Пропозиция
пропозициональная установка 16, 248, 272
Пространственные наречия 23, 45, 63–66, 86, 94, 99
динамические / стативные 64
предельные / непредельные 64
Пространственная эмпатия 47, 60, 68, 72
Раппóрт 274
Речевые акты 273, 278–281, 284, 334–335, 371, 373, 376
декларатив, декларативный 349, 388
директивный, директив 334, 336, 344
побудительные 279, 281, 284, 306–307, 309, 334, 377, 382–383, 388
императивный 253, 257, 272–273, 279–282, 284, 306
императивные высказывания 280, 335, 357
императивные комплексы 335, 336, 378, 382
косвенный 251, 257, 259, 273, 306, 341, 388
конвенциональная косвенная просьба 259, 341–342, 344, 350, 379, 388
вежливости (коммуникативная стратегия сближения) 261, 272
благодарность 354, 358
извинение / *публичные извинения* 358–369, 388
комплимент 355, 370–376
лесть 370–376
похвала 355, 370–376
приветствие 330–332
просьба 273–274, 279, 284, 311–313, 334–336, 343–350, 378
прощание 332–333, 362
совет 274–275, 279–280, 283–284, 334, 337, 378, 380
Речевой этикет 309–311, 330
этикетные формулы 310–311, 337, 357
речевые формулы благодарности 353–358, 381–382
речевые формулы извинения 358–370
Ситуатив 186, 249, 251–254, 268–271, 276–277, 282, 284, 301–303
аффирмативный 268, 271
проблематический 251
комментирующий 252
Темпоральная ориентация 109
перспективизация темпорального события 181, 188
внутренняя / внешняя 107, 109, 114
фронтальная / латеральная 107, 109, 111, 119
циклическая 120
согласовательная норма 163
ретроспективная 167
проспективная 165
таксисная перспективизация 160, 161,192
телескопическая 160
двойной перфект 156
темпоральные когнитивные планы 149, 154
пережитой реальности
непережитой реальности
прогностичности

ирреальности
темпоральные эффекты
двухфокусности повествования 168
когортативности 53
кумулятивный эффект дистанцирования 194, 198
непосредственного наблюдения события в момент речи 77, 204
разобщенности повествования с коммуникативной ситуацией 189, 190
совместности восприятия 54, 183
субъективного приближения ситуации 183
темпорального дистанцирования 72, 156, 160
темпоральной эмпатии 178
укрупнения плана повествования 169, 170, 172
Ты-культура 322, 324–326
Общение на «Вы» / общение на «ты» 322–329
Участники коммуникации
1 лицо
автор высказывания, автор нарратива, адресант, говорящий, первичный субъект, продуцент речевого произведения
2 лицо
адресат, слушающий, реципиент
3 лицо
персонаж повествования, референциальный субъект, субъект диктума / референциальная ситуация, денотативная реальность
взаимодействие субъектных сфер 40, 41
Ценности датской культуры 313–321
доверие 18, 313–314
закон Янте 318–321
консенсус 316, 369, 383
общество всеобщего благоденствия 314
равенство перед законом 314
равноправие между полами 314
свобода 314–315
система объединений и добровольчества 314
социальная сплоченность 17, 316, 383, 389
толерантность 314–315
христианское культурное наследие 314–315
хюгге 310, 313–314, 317
Эвиденциальность 6, 243, 253–254, 259, 296, 394, 400, 413
эвиденциал 6, 56, 150, 171, 224, 243, 254–260, 263, 266, 294, 296, 300–307, 394, 400
косвенный 256
пересказывательный 307
Экспликатив 254–255, 264–271, 299–301
аффирмативный 252, 265–266
гипотетический 268, 299
комментирующий 252, 270
Эпистемическое ручательство 387

THE BRIEF TABLE OF CONTENTS

Preface 9

INTRODUCTION 13
1. The anthropocentric approach to language phenomena 13
2. The Danish language as an object of anthropocentric analysis 17
2.1. Small community with a dense network of social interaction 17
2.2. The analytical tendencies within the Danish Linguapragmatics 21
2.3. Positioning as a tool of Danish linguapragmatics 24
3. Danish language and Per Durst-Andersen's communicative typology of languages . 33
4. The anthropocentric cognitive world structure and interaction of subjective spheres 40

PART I. HUMAN ORIENTATION IN SPACE AND TIME

Chapter I. ORIENTATION IN PHYSICAL SPACE BY GRAMMATICAL MEANS OF THE DANISH LANGUAGE 42

I.1. ANTHROPOCENTRISM OF PRONOMINAL DEIXIS 45
I.1.1. Paradigms of Danish demonstrative pronouns 45
I.1.2. A Corpus study of Danish deictic binomials 50
I.1.3. The deictic organization of space in the Danish phraseology 58
I.2. DANISH SPATIAL ADVERBS AS "SPACE BUILDERS" 63
I.2.1. Anthropocentrism of adverbial-prepositional orientation 65
I.2.2. Corpus study of the separate and merged spelling of adverb-preposition binomials 86

Chapter II. ORIENTATION IN TIME IN THE GRAMMAR OF THE DANISH LANGUAGE 102

II.1. ANTHROPOCENTRISM OF TIME ORIENTATION 102
II.1.1. Temporal orientation mediated by the human sensory system 103
II.2. ORIENTATION IN TIME IN THE PREPOSITIONAL SYSTEM OF THE DANISH LANGUAGE 107
II.2.1. Perceptual dichotomies relevant to the semantics of temporal prepositions 108
II.2.2. Perceptual-semantic analysis of quasi-synonymy of Danish temporal prepositions 109
II.3. ORIENTATION IN TIME IN TEMPORAL CATEGORIES OF THE DANISH VERB 122
II.3.1. Spatial organization of temporal categories within the framework of the structural approach 122
II.3.2. The evolution of the temporal system of Germanic languages as a complexification of its spatial organization 125
II.3.3. An experiment to elicit the perceptual bases of grammatical categorization of time in Danish in comparison to English 133
II.3.4. Explanatory potential of the experimentally revealed "Cognitive Model of the Danish Tense System" 149

II.4. GRAMMATICAL MEANS OF EVENT PERSPECTIVIZATION IN THE DANISH LANGUAGE 152
II.4.1. The category of «distancing» 153
II.4.2. Perspectivization by the Double Perfect 155
II.4.3. Taxis perspective 160
II.5. VIOLATION OF THE "SEQUENCE OF TENSES" IN DANISH FROM THE ANTHROPOCENTRIC POINT OF VIEW 162
II.5.1. Agreement norm: Future in the Past and Pluperfect in narrative texts . . 163
II.5.2. Violations of the prospective agreement norm 165
II.5.3. Violation of the retrospective "sequence of tenses" rule 167
II.5.4. Mismatch of predicates in syntactic constructions 170
II.6. LINGUACULTURAL IMPLICATIONS OF GRAMMATICAL CATEGORIZATION OF TIME IN DANISH 172
II.6.1. Impact on time metaphors in fiction 172
II.6.2. Peculiarities of grammatical orientation in Danish-Russian translation . 179
II.6.3. Cognitive scenario of a detached observer 194
II.6.4. Perspectivization of time in Danish proverbs 194

Chapter III. ORIENTATION IN THE SPACE OF THOUGHT: THE SYSTEM OF DANISH SUBORDINATE CONJUNCTIONS 199

III.1. Quasi-synonymy of Danish temporary conjunctions from the anthropocentric viewpoint 199
III.2. Quasi-synonymy of Danish attributive conjunctions from the anthropocentric viewpoint 213
III.3. Quasi-synonymy of Danish causal conjunctions from the anthropocentric viewpoint 219
III.3.1. The system of causal conjunctions in the Danish language 220
III.3.2. Linguacultural implications: dynamics of causal conjunctions thi, for and fordi in Danish translations of the Bible 234

PART II. ORIENTATION IN THE SPACE OF COMMUNICATION

Chapter IV. EPISTEMIC MODALITY AS AN ANTHROPOCENTERED PARADIGMATICAL SYSTEM 241

IV.1. MODAL PARTICLES AND THEIR ELICITATION CRITERIA 244
IV.1.1. Modal particles as a means of epistemic modality 250
IV.1.2. Modal particles as indicators of the speaker's communicative strategies 261
IV.1.2.1. Functional principle of the sequence of particles in a statement 261
IV.1.2.2. Role of modal particles in imperative speech acts, their meanings and translation problems 272
IV.1.2.3. Communicative functions of questions 284
IV.2. Quasi-synon\ymy of epistemic operators 294
IV.2.1. Comparative analysis of modal particles and grammar constructions with modal verbs 301
IV.2.2. Indirect Evidence Operators 303

Chapter V. POLITENESS AS AN ANTHROPOCENTRIC CATEGORY 308

V.1. Politeness as an anthropocentric and nationally specific category 308
V.2. Danish cultural values as prerequisites for Danish speech etiquette 313
V.2.1. Values officially declared by the Cultural Canon 313
V.2.2. Value concepts of Danish culture 316
V.3. Linguistic markers of politeness in various speech acts 322
V.3.1. Forms of address 322
V.3.2. Greetings and farewells 329
V.3.3. Imperative speech acts 334
V.3.4. Gratitude 350
V.3.5. Apology 358
V.3.6. Compliments, praise and flattery 370
V.4. Etiquette in Translation 376
V.4.1. Russian and Danish communication styles 376
V.4.2. Translation strategies for politeness formulas from Danish into Russian 377

General conclusions 385

References 391

Subject index 411

Научное издание

НИКУЛИЧЕВА Дина Борисовна, КРЫЛОВА Эльвира Борисовна, ГУРОВА Елена Александровна

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ДАТСКОГО ЯЗЫКА

Монография

Издательство «МАКС Пресс». Главный редактор: *Е.М. Бугачева*
Компьютерная верстка: *М.А. Комарова.* Дизайн обложки: *А.В. Кононова*
Подписано в печать 12.11.2024 г. Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 33,8. Тираж 500(1–100) экз. Заказ 191.

Издательство ООО "МАКС Пресс". Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

«Все структурные новации, происходящие внутри небольшого датско-говорящего сообщества, с необычайной быстротой охватывают это сообщество в целом и равномерно распределяются между его частями. <…> Поэтому динамика развития датского языка позволяет ему вырываться вперед, развивая в себе такие структурные свойства, которые по скорости развития опережают крупные языки.<…> Разработанная модель представления грамматического материала может стать основой для создания антропоцентрированных грамматик других языков». (С.Н. Кузнецов)

«Данная монография представляет собой глубокое, серьезное, научно и методологически обоснованное исследование, выполненное на базе скрупулезного лингвистического описания значимых участков грамматики датского языка в антропоцентрическом ракурсе.<…>Ее создание – это значительный шаг вперед в сфере скандинавистики, типологии и когнитологии». (Т.В. Топорова)

«По прочтении книги создается стойкое убеждение, что избранный в ней подход к выбору рассмотренных аспектов функционирования языка, к его интерпретации и осмыслению является важным вкладом авторов в развитие грамматической теории». (А.Н. Ливанова)

Dina Nikulicheva,
Institute
of Linguistics RAS

Elvira Krylova,
Moscow
State University

Elena Gurova
Saint Petersburg
State University

Книга является результатом коллективного проекта, задача которого состоит в представлении межкатегориальной соотнесенности антропоцентрированных грамматических смыслов и средств их выражения в рамках системы конкретного языка. Исследование выполнено на материале современного датского языка, где в силу сочетания ряда структурно-языковых и социально-культурных факторов (с одной стороны, сверхактивные тенденции к аналитизации строя языка и, с другой стороны, малочисленность, компактность и моноэтничность языкового коллектива) сложилась благоприятная ситуация для детализации субъективных смыслов. Книга дает целостное представление о системе грамматических и прагматических категорий датского языка, отражающих ориентацию человека в реальности и в коммуникативной ситуации, и описывает систему грамматических средств датского языка, служащую для ориентации человека в пространстве, во времени, и в коммуникации. Также прослеживается обратное влияние языковой системы на носителей датского языка в плане их предпочтений в выборе тех или иных художественных сюжетов и тех или иных лингвоспецифических метафор.

МАКС ПРЕСС